1965-1970

Политический дневник

II

АМСТЕРДАМ 1975
ФОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА

II

Политический дневник

The Alexander Herzen Foundation has been legally established on May 19th, 1969, in Amsterdam. Its aim is to publish manuscripts written in the USSR which cannot be published there because of censorship.

The Foundation publishes manuscripts and collections of documents, which are of literary or documentary value, irrespective of their political, philosophical or religious tendency.

The officers of the Foundation are Jan Willem Bezemer, Professor of Russian history at the University of Amsterdam (President), Karel van het Reve, Professor of Russian literature at the University of Leyden and Peter Brian Reddaway, Senior Lecturer in Russian history at the London School of Economics.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

POLITICAL DIARY

1965-1970

(№ 7, 28, 31, 48, 50, 54, 64, 75)

1975

AMSTERDAM

THE ALEXANDER HERZEN FOUNDATION

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

1965-1970

(№ 7, 28, 31, 48. 50, 54, 64, 75)

1975

АМСТЕРДАМ

ФОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА

© World copyright 1975 (except in the USSR) by
The Alexander Herzen Foundation,
Amstel 268, Amsterdam, The Netherlands.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Журнал «Политический дневник» существовал с октября 1964 г. до мая 1971 г. как информационный бюллетень для сравнительно небольшой группы людей. Октябрь 1964 г. не был случайной датой выхода журнала, именно смещение Н. С. Хрущева, за которым последовало изменение политического курса в руководстве страной, послужило одной из главных причин основания этого бюллетеня. Авторы статей и редакторы были активными участниками борьбы с так называемым «культом личности» Сталина и беспокойство о том, что смена руководства в стране может привести к попыткам реабилитации Сталина, было основой, на которой зародился журнал, целью которого было изучение всех аспектов развития СССР после октября 1964 г. и борьба с попытками «неосталинистов» приобрести сколь либо существенное влияние. Главным редактором «Политического дневника» был Рой А. Медведев.

Журнал прекратил свое существование в мае 1971 г. после того, как было решено опубликовать избранную серию номеров за границей. Отбор выпусков журнала для первой публикации («Политический дневник», Издательство Фонд имени Герцена, 1972) проводился по ряду критериев, главным из которых было желание редакции не предавать гласности имена некоторых авторов, чтобы не принести им никакого вреда. Эти же соображения были положены в основу настоящей публикации новых 8 номеров, выходивших в разные годы. В период существования журнала я выполнял функции помощника главного редактора. Издание первого тома выпусков «Политического дневника» за границей в 1972 г. было проведено по моей инициативе. Настоящее издание второго тома также проводится с моего согласия и редактор журнала предоставил мне право представлять его за границей.

Жорес А. Медведев
Помощник Редактора журнала
«Политический дневник»

22.10.1974
Лондон

№ 7

Апрель 1965

О некоторых событиях месяца: Семинар пропагандистов МК КПСС — Выступление П. Демичева и В. Снастина на совещании редакторов — Семинар преподавателей вузов. Выступление зам. министра высшего образования СССР Никишева — Вновь поднимается вопрос о Сталине. О некоторых статьях, письмах и рукописях: Об одной статье Артура Шлезингера — Заметка М. Шагинян «Страницы прошлого» — Из воспоминаний Д. Витковского — Из фельетона М. Салтыкова-Щедрина «Легковесные» (1868 г.). О статье писателя Е. Замятина «Цель». Из истории: Смерть Л. Мартова — Убийство Игнатия Рейса — О трагической судьбе Г. И. Мясникова и его семьи — Эсеры после революции — Христиан Раковский — Оппозиция в 1927 году — А. Эйнштейн о последствиях автократии — История одного из стихотворений О. Мандельштама — XX-й съезд КПСС.

О НЕКОТОРЫХ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЯХ

1. Семинар пропагандистов МК КПСС

6 апреля состоялся семинар пропагандистов и лекторов МК КПСС. После слабого и маловразумительного доклада главного редактора журнала «Коммунист» В. Степанова «О 95-й годовщине со дня рождения Ленина» в президиум семинара поступило много вопросов. Отвечал на большинство вопросов второй секретарь МК *Н. А. Кузнецов.*

Вот некоторые из этих вопросов и ответов (по записи Е.П.)

Вопрос: Следует ли говорить в докладах о раскольнической деятельности китайской компартии?

Ответ: — Открытой полемики в печати вести не надо, но, учитывая их антисоветскую пропаганду, следует разъяснять их разнузданную тактику.

Вопрос: — Почему ЦК допускал субъективистские и волюнтаристские ошибки и произвол Хрущева и во-время их не исправил?

Ответ Кузнецова: — Хрущев представлял внешне аргументированные обоснованные материалы, на деле же они были оторваны от жизни.

Вопрос: — С какого времени начинаются у Хрущева субъективистские ошибки?

Ответ: — С 1959 года.

Вопрос: — Будут ли сохранены отраслевые парткомы — торговли, транспорта, строительства?

Ответ: — Эти парткомы себя оправдали. Пока вопрос не пересматривается.

Вопрос: — Остается ли в силе формула Ленина — «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация» или надо применять эту формулу с добавлением Хрущева — «плюс химизация»?

Ответ: — В определении коммунизма надо исходить из учения Ленина без добавления слова «химизация».

Вопрос: — Будут ли опубликованы ответы Ленина на 3-м съезде Комсомола?

Ответ: — Не знаю.

Вопрос: — За что освобожден Ильичев?

Ответ: — Перемещать работников — это право ЦК. (В аудитории поднялся шум, недовольство ответом, требования сказать правду).

Ответ Кузнецова: — Ильичев перемещен по запросу Министерства Иностранных дел.

(Вновь загудела аудитория, недовольная ответом. Шум... Крики...).

Кузнецов заявил: — Не следует вдаваться в подробности этого вопроса. Теперь вместо Ильичева идеологией будет ведать Демичев.

(Шум усилился...)

— Что вы хотите, чтобы были перечислены обвинения против Ильичева? — сказал Кузнецов.

С места подали реплику: — Не обвинения, а мотивы его освобождения!

Кузнецов пытался разъяснить, что «должности не являются в вечном владении работников».

(Такое объяснение не удовлетворило аудиторию.)

Кузнецов, чувствуя себя припертым к стене, наконец, сказал:

— У Ильичева были идеологические ошибки. (Какие ошибки — не пояснил). Ильичев, — добавил он, — был главным консультантом Хрущева по идеологическим вопросам.

Вопрос: — Будут ли опубликованы выступления членов ЦК на Мартовском Пленуме и все материалы, как это делалось всегда?

Ответ Кузнецова: — Не всегда целесообразно все публиковать.

Вопрос: — Как рассматривать с точки зрения правдивости Пленумы ЦК 1953 года и последующие?

Ответ: — Сентябрьский Пленум ЦК 1953 года и Мартовский Пленум 1965 года — наиболее правдивы, остальные с печатью субъективистского подхода к вопросам.

2. Выступления П. Н. Демичева и В. И. Снастина на совещании редакторов

7 апреля на совещании редакторов выступил новый секретарь ЦК по вопросам идеологии *П. Н. Демичев.* Его выступление было посвящено в основном вопросам, связанным с мартовским Пленумом ЦК КПСС. Однако были затронуты и некоторые другие проблемы.

В недавнем прошлом, — сказал Демичев, — у нас было много бахвальства и субъективизма в том числе и при оценке соотношения показателей сельскохозяйственного производства с США. Фактическое положение таково: В США 4,6 млн. тракторов, у нас — 1,5 млн, то же по комбайнам и другим с. х. машинам; земли же у них в 2 раза

меньше, чем у нас; грузовых машин в с/х-ве США 3 млн., а у нас 0,9 млн, несравненно больше применяют удобрений. В сельском хозяйстве Швеции занято 10 % населения, у нас — 37 %.

Мы допустили крупную ошибку, ликвидировав МТС и продав колхозам технику. Это нанесло нам огромный урон. Произвольно были увеличены цены на запчасти и горючее, вследствие чего в один год было изъято у колхозов 4 млрд рублей. Это урезало оплату труда, т. е. заработки колхозников. Мы материально подорвали колхозы и веру колхозников в нашу политику.

Сейчас положение исправляем: увеличиваем капиталовложения в сельское хозяйство, повышаем закупочные цены, поднимаем цену на зерно, продаваемое сверх плана, вводим стабильность планов, выравниваем цены для города и деревни, списываем с колхозников задолженность. Исправляем ошибки, допущенные с приусадебным хозяйством и скотом колхозников.

Раньше было административное вмешательство в сельскохозяйственную науку, зажим настоящих ученых. Выправляем положение и здесь.

Мартовский Пленум был необычный. До сих пор на Пленумы привлекалось 5 - 7 тысяч человек. На Мартовском Пленуме были только члены и кандидаты в члены ЦК. Пленум был откровенный. выступали на нем и те, которые никогда не пользовались этой трибуной.

В деревне настроение плохое: много рвачества, воровства, молодежь старается уйти в города. Это создает большие трудности. Например, в Молдавии 1 миллион человек не полностью обеспечен работой. Много молодежи, закончившей среднее образование, не могут устроиться на работу.

Расширенное воспроизводство замедлено. В сфере обслуживания у нас по сравнению с капиталистическими странами соотношение занятых таково: 1 к 4.

Главные направления в идеологической работе (печать, радио, телевидение, кино, театр): давать правдивую кар-

тину, восстановить доверие у тружеников сельского хозяйства, воспитывать чувство хозяина, хозяйское отношение к технике, к удобрениям, лучше организовать труд, укреплять трудовую дисциплину, бороться с пьянством, самогоноварением, воровством.

В статьях много общих рекомендаций, например в статье президента ВАСХНИЛ Лобанова, или в статье о парах — все перепутано.

Надо учить людей технике, применению химии. У нас много руководителей дилетантов. Специалисты сельского хозяйства идут работать в магазины. Надо поднять роль специалиста, всерьез заниматься вопросами устройства быта, вопросами культуры. Колхозники сами должны строить домики, сейчас у них развалюхи, хуже, чем при Радищеве. Одной зарплатой удержать молодежь в деревне невозможно.

Мы мало стали писать о воспитании человека. Сейчас все больше распространяется скептицизм, неверие, нигилизм. Портили дело тем, что выступали громогласно с разными широковещательными программами: что мол за три года обгоним США, заткнем за пояс и т. д. После разоблачения культа Сталина снята узда, — это хорошо. Но мы мало уделяем внимания вопросам воспитания человека, не учим правильно понимать трудности, критически оценивать свою деятельность. Это надо делать всеми средствами — и в литературе, в кино и т. д. Печать односторонне освещает вопросы, например, тема о пьяницах, бюрократах, подхалимах — все это относят к руководящим кадрам. Руководящие кадры — лучшие люди. Это не значит, что их не надо критиковать, но нельзя подходить односторонне. У нас сейчас увлечены лагерной тематикой, она стала модой. А чего мы достигаем этим? Возьмите Солженицына «Один день Ивана Денисовича» — ведь это патология. Нужна мера, во всем мера. Мы навязчиво говорим о культе Сталина. Решение XX съезда было правильное. Но нельзя сваливать все на мертвого Сталина (голоса: правильно, правильно!)

Мы часто утверждаем, что у нас с каждым годом всего становится больше, что жизнь у нас все лучше и лучше делается. Вот этими «больше» и «лучше» мы только портим

дела. Ведь это часто оказывается враньем. В идеологической работе нужна правдивость. Мы боимся отвечать на острые вопросы в печати, уходим от них. Надо, чтобы нам народ верил, а как же он будет верить, если мы будем врать.

В идеологии не может быть мирного сосуществования. Мы мало пишем о том, как развиваются страны народной демократии. Надо больше туда ездить и больше приглашать оттуда. Часто в статьях о странах народной демократии берем совсем не тот тон, который нужен. Вот статьи Алексеева и Иванова, опубликованные в «Международной жизни». Ну, зачем они взялись за прогнозы по странам народной демократии? Ведь это только на руку врагам, буржуазной пропаганде.

Воспитание молодежи — особая, очень важная тема. Иногда доходит дело до глупостей. Вот в «Советской России» занялись дискуссией: «Нужно ли изучать историю КПСС?». Ненужная, вредная затея. Пришлось поправить их.

Мы сбивали с толку людей. В связи с поездкой Хрущева в США и во Францию, мы хвалили руководителей этих стран. А ведь мы не поднимали на щит руководителей США даже и тогда, когда вместе воевали с Гитлером. Что же теперь произошло? Почему стало надо их поднимать.

В МГУ недавно проводили дискуссию на тему «Цинизм и общественные идеалы». Была устроена самая настоящая провокация. Кто-то пришел с улицы, произнес антисоветскую речь, а профессора отмолчались.

Не надо в статьях заигрывать. Нужно быть требовательным, принципиальным. Нельзя, чтобы наши идеологические службы раздавали директивы от имени ЦК, тем более, что часто эти директивы не согласуются с ЦК. Нужно пересмотреть программу телестудии. Би-Би-Си нас опережает и подает материал в искаженном виде. Нужно быть смелее, брать на себя ответственность, не обязательно все согласовывать.

12 апреля на совещании редакторов выступил *В. Н. Снастин.* Вот некоторые из его высказываний:

Преступность среди несовершеннолетних, подростков и малолетних выросла в 1964 на 24 % (ограбления, изнасилования, кражи). Много групповых преступлений преимущественно из числа работающих и учащихся. Требуется усилить внимание к вопросам преступности, вести активную борьбу.

Надо покончить с субъективизмом и предвзятостью в освещении вопросов войны и победы над Германией. В воспоминаниях Чуйкова есть ложка дегтя: неправильно взваливается вина на Ставку, все военные против такой трактовки.

В Англии вышла книга генерала Горбатова — его мемуары, опубликованные в журнале «Новый мир». Эти мемуары однако там сократили и исказили. Получилась антисоветская публикация.

В мемуарной военной литературе много местоимений (я, я, я). Мало показываются рядовые воины.

Некоторые авторы чрезмерно увлеклись темой героизма людей, находившихся в плену. В герои попали некоторые предатели. Много безответственности и извращений в этой литературе.

С. С. Смирнов много сделал для прославления неизвестных героев. Но получается, что вроде он один только защитник героев, выпрашивает им ордена, потерял чувство меры, нет уравновешенности.

В связи с 95-й годовщиной со дня рождения В. И. Ленина выходит много литературы, посвященной образу вождя и пропаганде ленинского наследства. Надо повысить требовательность к воспоминаниям о Ленине. Стали, например, некоторые авторы копаться в бабушках и дедушках Ленина — зачем это делается? Ленина изображают нередко этаким добрячком и либералом, а он до мозга костей революционер. (Рассказывают, что М. Шагинян, работая над своей книгой о семье Ульяновых, нашла свидетельство о том, что бабушка Ленина по матери была еврейкой из Германии (до сих пор считалось, что она была немка). Видимо это обстоятельство и имеет ввиду Снастин, призывая не копаться в ленинской родословной).

3. Семинар преподавателей ВУЗов. Выступление заместителя министра высшего образования СССР т. Никишева

12 апреля 1965 года состоялся семинар преподавателей ВУЗов, на котором выступил зам. министра Никишев. Он заявил в частности следующее:

— За последнее время среди студентов наблюдаются нездоровые настроения. Так, например, в МГУ на физико-математическом факультете состоялся недавно многолюдный диспут на тему «Цинизм и общественные идеалы». На диспуте присутствовало много посторонних, что свидетельствует о планомерном сборище.

Выступавшие на диспуте не называли своих настоящих фамилий. По словам Никишева, выступления были клеветнические, против КПСС и руководящих деятелей.

Вскрывая причины цинизма и циников, некоторые из ораторов утверждали, что партия и ее руководители сами виноваты, что среди молодежи царит неверие, скептицизм и отрицание авторитетов. Открыто заявлялось, что молодежи никто не говорит правду, в том числе и газета под названием «Правда», которую якобы нужно переименовать в «Ложь».

Приводили примеры со снятием Хрущева. В печати было одно, а в действительности другое. Они говорили, что вся написанная история партии это — обман, и что ответственность за уничтожение соратников Ленина несут не только Сталин, но и Микоян, Суслов, Шверник и другие.

Никто не говорит правды о снятии Ильичева, ни в печати, ни в докладах. Никогда не приводятся правдивые цифры о состоянии нашего хозяйства.

Также и на мартовском Пленуме: все свалили на Хрущева, а сами остались в стороне.

Руководители периода Сталина и его наследники ничем не отличались от гитлеровцев, а один из выступавших — художник заявил, что всех их надо из автоматов перестрелять.

На истфаке в МГУ был кружок, на котором разбиралось прошлое, выявлялись виновные за дела сталинского периода и возлагалась ответственность за прошлое и на современных руководителей, на которых возлагалась также ответственность и за теперешнее положение в стране.

После указанного выше диспута десять преподавателей МГУ были вызваны к секретарю МГК Егорычеву, в том числе и профессор кафедры философии *Г. Платонов*. Всем им был поставлен вопрос:

«Как они могли допустить такие антисоветские выступления в МГУ и не дать отпора?» «Что у вас ученых степеней что ли не хватает, знаний, книг, материалов, чтобы разоблачить выступающих? Разве можно предоставлять трибуну советского вуза для антисоветских выступлений?»

Ректор Петровский признал, что диспут был безобразен и недопустим. Один из преподавателей заявил: «Я астроном и мой взор направлен к звездам. Поэтому я не придавал значения всем выступлениям студентов, считая, что это простой обмен мнениями, горячий спор.»

(Мне рассказали, что главным оратором на диспуте в МГУ был некто Кузнецов — внештатный художник из Агентства печати «Новости». Он говорил полтора часа о преступлениях сталинских времен. Попытавшиеся выступить против него преподаватели были фактически согнаны с трибуны, так как по условиям диспута аудитория сама своими криками определяла регламент выступавших.)

4. Вновь поднимается вопрос о Сталине

В связи с предстоящим празднованием 20-й годовщины победы над фашистской Германией предпринимаются настойчивые попытки частичной реабилитации Сталина. В ряде инструктивных выступлений П. Демичева и особенно нового заведующего отделом науки, школ и вузов С. П. Трапезникова говорится о том, что Хрущев якобы неправильно и односторонне отрицательно освещал роль Сталина в истории нашей партии, и что пришло время «исправить» и в этом отношении субъективизм Хрущева. Эти

указания охотно подхватываются некоторыми пропагандистами и историками.

Так, например, 14 апреля 1965 года на семинаре лекторов в московском горкоме партии полковник *Рыбников* из ПУРа сделал доклад о 20-й годовщине победы над Германией. «Неудачи первых месяцев войны, — заявил докладчик, — в нашей недавней историографии объясняли просчетами Сталина... Есть ли смысл все сваливать на Сталина? Ведь мы не проиграли войну, а выиграли. Зачем очернять великий подвиг советского народа. Зачем замалчивать то, что признано всем миром... Вступив в войну, Сталин завершил ее победой. И надо было иметь величие и государственную мудрость Сталина и нашей партии, чтобы обеспечить победу.»

Примерно то же самое говорили на республиканском семинаре историков в Ленинграде профессор Тимофеевский и генерал-лейтенант Болтин. В советской историографии, — заявил, например, Болтин, — чрезмерно выпячивались просчеты Сталина. Хрущев неправильно представлял Сталина как профана в военном деле. Между тем в руководстве войной Сталин играл не меньшую роль чем Рузвельт и Черчилль. Доклады Сталина об Отечественной войне представляют определенную ценность и их можно использовать в качестве справочной литературы.

Говоря об учебнике по истории КПСС (краткий курс, 3-е издание) Тимофеевский заявил, что этот учебник должен быть правдивым, объективным и партийным. Во втором издании учебника выпячивались заслуги Хрущева и недооценивались заслуги Сталина. Наша история должна отвергнуть необоснованную и огульную критику деятельности Сталина со стороны Хрущева и вскрыть противоречивость позиции Хрущева в отношении Сталина, которого Хрущев то возвеличивал как выдающегося марксиста, то сводил его к роли злодея и преступника. Произведениями Сталина можно пользоваться как справочной литературой с критическим подходом в отношении его отдельных положений. Обвинение Хрущевым Сталина в преждевременной коллективизации будет показано в учебнике как необоснованное, вместе с тем будут показаны и искривления в колхозном строительстве.

Весьма характерно в этом же отношении выступление 13 апреля 1965 года на партийном собрании в журнале «Коммунист» главного редактора этого журнала и кандидата в члены ЦК КПСС В. И. Степанова. В своем докладе (о мартовском Пленуме ЦК) Степанов коснулся также и вопроса о Сталине. Он заявил, в частности, следующее: — В освещении деятельности Сталина мы не всегда и не во всем были последовательны, проявляли односторонний подход, игнорируя его заслуги. Мы отступали даже от того, что сами писали в прошлом в нашем журнале, не задумывались над тем, чтобы правильно расположить свет и тени. Между тем журнал «Коммунист», — по словам Степанова, — давал раньше совершенно правильную установку о том, как надо освещать деятельность Сталина. И он процитировал начало статьи «И. В. СТАЛИН (К 80-летию со дня рождения)», опубликованной за 1959 год:

«21 декабря 1959 года исполняется 80 лет со дня рождения Иосифа Виссарионовича Сталина, одного из виднейших и активнейших деятелей нашей Коммунистической партии и международного коммунистического движения.

С юных лет И. В. Сталин связал свою жизнь с великим делом борьбы за освобождение рабочего класса от капиталистического рабства, за построение нового, социалистического общества. И. В. Сталин был выдающимся марксистским теоретиком, организатором, стойким борцом за коммунизм, верным марксизму-ленинизму и преданным интересам трудящихся. Он выполнял высокие поручения партии, свыше трех десятков лет занимал пост генерального секретаря Центрального Комитета. Он имеет большие заслуги перед партией, Советской Родиной и народом, перед международным коммунистическим и рабочим движением» («Коммунист» № 18 - 1959 г., с. 47). И дальше, — заявил Степанов, — в статье было сказано и об ошибках и недостатках Сталина. Это был правильный, научный подход к оценке Сталина.

На вопрос — кто является автором статьи, — Степанов не без удовольствия ответил, что это он и написал данную статью.

17 апреля 1965 года «Литературная газета» опубликовала статью маршала И. Баграмяна «Трудное лето», в которой автор пытается преуменьшить ошибки Сталина. Это ему однако удается очень плохо, так как приведенные в статье факты обличают в первую очередь именно Сталина, как плохого и недальновидного стратега и полководца. 16 апреля в газете «Советская Россия» появилась статья Трояновского с прямыми восхвалениями в адрес Сталина. Ничего не говорилось об ошибках Сталина и в воспоминаниях маршала И. Конева «На Берлин», опубликованных в газете «Правда». Маршал Конев приводит в своих воспоминаниях только один факт, когда Сталин видвинул в 1945 году проект переброски через созданный на 1-м Украинском фронте прорыв на Шпрее подвижных войск 1-го Белорусского фронта. Но выслушав аргументы командования фронта против такого проекта, Сталин снял свой проект. Таким образом приведенный Коневым факт действует не против, а в пользу Сталина.

Немалое количество различных статей с прямым или замаскированным признанием больших заслуг Сталина как полководца Великой Отечественной войны было опубликовано в апреле 1965 года почти во всех газетах. Это отметило вечером 21 апреля и Би-Би-Си. Комментируя, в частности, статьи маршалов И. Конева и И. Баграмяна, английское радио отметило эти статьи как свидетельство признания заслуг Сталина в руководстве советскими вооруженными силами в войне против гитлеровской Германии. Причем этот поворот в оценке деятельности Сталина связывался Би-Би-Си с приходом нового идеологического руководителя П. Демичева.

Стало известно также, что в конце апреля на рассмотрение в ЦК КПСС были внесены также и специальные тезисы к 20-летию победы над фашизмом, подготовленные в Институте марксизма-ленинизма под руководством известного догматика и сталиниста Поспелова. В этих тезисах содержались положения, которые можно было оценивать как косвенную реабилитацию Сталина.

Неизвестно, как протекало в Президиуме ЦК обсуждение этих документов, явно ревизующих решения XX и XXII съездов партии. Во всяком случае, если судить по

результатам, то при обсуждении вопроса о Сталине в Президиуме ЦК возобладала умеренная точка зрения. Тезисы Поспелова не были приняты и в печати вообще не появилось никаких официальных тезисов к дню Победы.

О НЕКОТОРЫХ СТАТЬЯХ, ПИСЬМАХ И РУКОПИСЯХ

1. Об одной статье Артура Шлезингера

Н. сделал перевод статьи Артура Шлезингера-младшего «Разные обличья коммунизма». Эта статья была опубликована в журнале «Харперс» еще в январе 1960 года. Однако статья интересна и для сегодняшнего читателя. Артур Шлезингер был, как будто, одним из виднейших политических советников Джона Кеннеди. Он антикоммунист, однако это здравомыслящий антикоммунист, и его замечания в наш адрес не лишены некоторой доли истины, во всяком случае, Шлезингер весьма наблюдателен и умен, и его критикой нельзя пренебрегать. Мы приводим ниже статью Шлезингера с небольшими купюрами:

«Я только что вернулся, — пишет А. Шлезингер, — из четырехнедельной поездки по Советскому Союзу, Польше и Югославии.

...Одно впечатление оказалось для путешественника наиважнейшим. Американцы склонны предполагать, что коммунизм — наиболее отчетливая и распространенная идеология нашего времени — все народы, оказавшиеся под его влиянием, подстрижет под одну гребенку. Само выражение «коммунистический мир» вызывает представление о единообразии по самой своей сути. Но случайного наблюдателя — или, по крайней мере, того наблюдателя, о котором идет речь, поражает как раз ясно видимое разнообразие в коммунистической практике. Это явление, на мой взгляд, стоит исследовать, ибо похоже, что именно в нем заключена самая верная, если не единственная надежда на возможность мира во всем мире.

Коммунизм — не монолит, это — спектр. На одном краю спектра расположен Китай — мессианский, аскетический;

странно преданный своей идеологии, глубоко фанатичный и недоступный американскому наблюдателю (хотя государственный департамент в наши дни уже смягчился, Пекин ведет себя по-прежнему, и дело теперь не за получением американского паспорта, а за визой из Китая). На другом краю спектра — Польша и Югославия — страны, вобравшие в себя наиболее распространенные течения западной мысли последнего десятилетия, страны, являющие собой разновидность коммунизма. А посередине — Советский Союз, самая мощная из всех коммунистических стран, своеобразная смесь крайней самонадеянности и крайней неуверенности..., поразительной деловитости и раздражающей расхлябанности, смелого новаторства и косной идеологии.

Мощь, повидимому, сосредоточена на китайско-русском краю спектра. Вес Польши и Югославии, как таковых, в международном балансе сил весьма незначителен. Однако, если предположить, что опыт Польши и Югославии, это — направление, в котором может развиваться коммунизм, тогда трудно переоценить то значение, какое приобретает все что происходит в этих, более слабых, странах. Будет не слишком смело предположить, что будущее, возможно, зависит от того, останется ли Советский Союз верным своей идеологии или незаметно начнет двигаться к более искренней и прагматической форме коммунизма.

Один вывод безусловен — Советский Союз находится на подъеме. Перемены, которые начались со смертью Сталина, все еще являются там источником удивления и радости.

Советские граждане охотно говорят о «плохих временах», имея в виду годы, примерно, с 1948 по 1953. Когда спрашиваешь, что же это было за время, они отвечают, что никто не смел тогда говорить, что думает, никто никому не доверял, никто не был застрахован от произвола и террора.

...Возмущение «культом личности» и могуществом тайной полиции глубоко и искренне. Снова и снова люди убежденно и с жаром повторяют: «У нас никогда ничего подобного больше не повторится». (Когда спрашиваешь,

почему они так уверены, что культ личности не возродится, и произведены ли в системе управления государством преобразования, которые предупредили бы появление нового тирана, они говорят только: «Мы уже один раз это пережили и не допустим повторения» — что звучит куда убедительней для говорящего, чем для слушающего).

Когда говорят о «плохих временах», подразумевается, что в нынешние времена много лучше. С этим спорить не приходится. Несравненно возросла личная безопасность граждан, теперь почти неслышно о внезапных арестах среди ночи. Тайная полиция резко сокращена. На улицах Москвы встречаешь множество людей, которые постепенно возвращаются из ссылки, с каторжных работ в Сибири. Самый тип концлагерей, видимо, коренным образом изменился.

...Никогда еще со времени революции советские граждане не чувствовали себя такими свободными и зажиточными. Совершенно естественно, что они чувствуют себя в высшей степени обязанными человеку, благодаря которому все это стало возможным. Но пока еще почти нет признаков культа личности. Совсем немного портретов Хрущева, нет статуй, и не ощущаешь постоянно присутствие «Большого брата», как это было до войны в Германии, Италии и в Советской России. Хрущев не похож на большинство диктаторов: он хочет, чтобы его любили. Он прислушивается к настроениям масс, наслаждается привязанностью толпы и разъезжает по всей стране, словно проводя какую-то нескончаемую предвыборную кампанию.

Глядя на все это, некоторые наблюдатели выражают надежду, что сочетание личной безопасности, расширение производства товаров широкого потребления и наличие диктатора, который хочет быть популярным, приведет к смягчению характера советского общества, построенного на строго идеологической основе. Давно уже и вполне разумно доказывалось, что политический догматизм не устоит перед растущей свободой мнений, и что многообразие экономики, ставящей во главу угла интересы потребителя, сводит на нет централизацию власти. Все это, может быть, и верно, однако, в современной России ничего подобного пока не наблюдается.

Почти все перемены, происходившие после смерти Сталина, западный либерал должен признать правильными и разумными. Но, несмотря на это, Советский Союз остается религиозной общиной. Хрущев не сделал режим либеральным. Он только начал делать его нормальным. Это обстоятельство немаловажное: советский гражданин впервые почувствовал, что представляет собой нормальный порядок вещей — что является его «правом» как в отношении личной безопасности, так и в отношении материального благосостояния, и едва ли он добровольно откажется от этих прав, разве только в случае военной угрозы его стране. Однако это еще вовсе не значит, что советское общество стало более либеральным — менее догматическим и централизованным, более близким к жизни и более терпимым.

Основа основ советского догматизма заключается в том, что вождь, партия и историческая концепция считаются непогрешимыми. Все, что достигнуто при Хрущеве, отнюдь не ослабляет этот принцип, вполне возможно, даже укрепляет его. Таким образом, личная безопасность и материальное благосостояние, удовлетворяя самые насущные потребности средних слоев населения, могут, в сущности, ограничить тягу к умственной и политической свободе и усилить политическую пассивность. В последнее время при Сталине советские люди поставили под сомнение (в глубине души) идею о непогрешимости своего руководства. Но теперь, при новом руководстве, когда люди начинают ощущать разнообразные и приятные результаты его деятельности (от лучшего фасона дамских тюфель до запуска ракеты на Луну), эти результаты лишь подтверждают непогрешимость как вождя, так и стоящей за ним идеологии.

По крайней мере, трудно найти иное объяснение состоянию умов верхушки советского общества — поразительной смеси самоуверенности, невежества, тупости и равнодушия Больше всего поражает почти полное отсутствие любознательности (интересуются только новыми методами производства, новой техникой). Каждый представитель верхнего слоя советского общества абсолютно уверен, что он знает об Англии куда больше, чем мистер Макмиллан и мистер Гейтсткелл, куда больше о Франции, чем генерал де Голль, куда больше о США, чем президент Эйзенхауэр или гу-

бернатор Стивенсон. Эта уверенность и сопутствующее ей невежество крайне обеспокоили Хью Гейтскелла и Эньюрина Бэвена во время их последнего визита в Москву. Об этом говорит сопровождавший их журналист К. С. Кэрол. «Один из руководителей государства даже не подозревал о существовании такой организации, как Британская Национальная служба здоровья. Другой, сопровождавший нас на антиколониальный балет в Большой театр, не поверил, что в США можно поставить пьесу, направленную против расовой дискриминации, и что в Великобритании не запрещена законом антиколониальная пропаганда... В Советском Союзе воображают, что в Париже и Лондоне безработные ходят толпами... Наш гид в Ленинграде не поверил, что я могу пригласить гостей из Советского Союза в свой дом в Париже, что лучшие писатели Запада — не коммунисты, что абстрактная живопись — не американское изобретение и не признак разложения капитализма...».

Факты, которые могут убедить человека Запада, советский человек признает лишь в том случае, если они совпадают с официальной точкой зрения. Если вы скажете что-либо совпадающее с официально утвержденным шаблоном, ваш советский друг расплывается в торжествующей улыбке; все, что не соответствует этому установленному шаблону, отвергается со снисходительной и жалостливой улыбкой.

Когда же дело доходит до зарубежных комментариев об условиях жизни в Советском Союзе, то все, кроме безоговорочных похвал, вызывает возмущение и воспринимается как враждебный выпад. Один из моих спутников, драматург Пэдди Чаевский заметил: «Советский Союз напоминает супружескую чету, которая беспрестанно повторяет каждому встречному и поперечному, как они счастливы».

Остается только добавить, что в советских высших кругах склонны держаться напыщенного и хвастливого тона, и спорить с ними безнадежно. Мне довелось слышать, как Юрий Жуков, глава Советского Комитета культурных связей с заграницей, заявил, что русский исследовательский центр в Гарварде изображает советскую действительность тенденциозно и искаженно — тенденциозно и иска-

женно, повидимому, потому, что официальные советские документы не воспринимаются там, как бесспорные истины.

... Особый интерес в этой поездке у нас вызывала советская литературная жизнь. Эдвард Уикс, Альфред Кэйзин, Пэдди Чаевский и я представляли первую американскую писательскую делегацию, которая посетит Советский Союз по новому соглашению о культурном обмене. Общение с писателями вряд ли раскрывает принцип структуры власти в стране, но зато дает довольно ясное представление об интеллектуальной атмосфере. Довольно ясное, но не исчерпывающее. Встреча с делегацией неизбежно происходит в атмосфере некоторой искусственности. Откровенный и доверительный обмен мнениями почти невозможен, особенно если при сем присутствуют один или два литературных бюрократа. После смерти Сталина положение со свободой высказываний несомненно улучшилось, но она все еще предназначается для разговоров в более интимном кругу. В большинстве случаев советские писатели, за исключением одного или двух человек, — в одном случае фигуры, достаточно признанной, чтобы позволить себе известную свободу высказываний, в другом — человека наделенного достаточной храбростью или цинизмом, чтобы плевать на все — как правило, предлагают вниманию иностранца набор нудных официальных ответов. Всегда ли эти люди верят в то, что говорят? Вполне вероятно, что лица, кажущиеся косными и непроницаемыми, когда иностранцы начинают высказывать им свои сомнения, в неофициальной обстановке выражают те же самые сомнения. Делегациям не представляется больших возможностей проникнуть за поверхность советской культуры; но создается впечатление, что за этой поверхностью царит изрядное волнение. И все же настоящий момент характеризует официальная атмосфера, внушительную дозу которой довелось вкусить делегации.

Вполне очевидно, что государство воспринимает писателей, а в большинстве случаев они и сами себя так воспринимают — в роли инструментов, осуществляющих общую задачу духовного воспитания советского общества. Частично это выражает естественное патриотическое стремление принять участие в огромном национальном порыве; частично — является государственной мерой для того, что-

бы держать в рамках дисциплины определенную часть общества, потенциально наделенную весьма разрушительной силой.

... Одержимость политической целью и достигнутыми результатами порождает культ масс. Один из наиболее изощренных советских писателей сообщил нам, что из тысячи читательских безыскусных писем, присланных ему, он почерпнул о своих книгах больше, чем из наиболее серьезных литературно-критических статей. Один поэт сказал, что об одном единственном стихотворении он получил «сорок тысяч писем». Соответствует ли истине подобное заявление? Если бы этот поэт (а он претендует на такое звание) взял на себя труд прочесть все эти письма, это заняло бы у него (допустим, он тратил бы на чтение каждого письма две минуты при восьмичасовом рабочем дне) пять с половиной месяцев. Откуда бы он находил время для того, чтобы писать стихи? И все же подобное требование наводит на мысль о том, до какой степени этот культ масс поощряет подход к литературе с чисто количественными критериями. Писатели выполняют норму, словно заводские рабочие. Советская литературная печать изобилует сообщениями подобного рода: «Между третьим и четвертым съездами Союза украинских писателей (1954-1959 гг.) украинские писатели опубликовали 65 новых романов, 118 рассказов, 193 сборника очерков и статей, 295 сборников стихов и 268 книг для детей. Было издано около 70 новых пьес... Только в одном минувшем году на Украине было опубликовано более тысячи отдельных названий произведений художественной литературы, общим тиражом более сорока миллионов».

Сознание своей политической миссии влечет за собой крайний литературный догматизм. «Для рядового советского писателя» «социалистический реализм» все еще является основным руководящим принципом. На состоявшейся недавно конференции по проблемам социалистического реализма, организованной Союзом советских писателей и Институтом мировой литературы им. Горького, докладчик несколько странно подчеркнул, что «несмотря на разрушительные попытки зарубежных ревизионистов, метод социалистического реализма не только существует (?!!), но и неуклонно развивается и обогащается».

... Советское восприятие писателя, как артиллериста, как инженера душ, как воспитателя масс, — всего чего угодно, только не писателя — может быть осмысленно, если нам надо понять, что подразумевает Советский Союз под обменом в области культуры. Советский Союз не предполагает возможности свободной торговли идеями. Он предпочитает скорее систему взаимных торговых соглашений, при которой приемлемые идеи одной страны обмениваются на приемлемые идеи другой.

Редактор «Октября» разъяснил нам, что распространенное представление, будто бы в Советском Союзе равнодушны к идеям Запада, в корне ошибочно. «Мы готовы принять все конструктивное и хорошее, что вы можете предложить нам», и стал перечислять: земледелие, металлургия, техника, как области, в которых у Запада есть кое-что достойное внимания. Подтекст, заключенный в заявлении, адресованном американской писательской делегации, достаточно прост: Советскому Союзу нечего почерпнуть у литературных критиков, редакторов или историков. Таким образом, приезжего ученого или инженера встречают с распростертыми объятиями и слушают с интересом. Даже приезжего экономиста ждет аудитория, заинтересованная в дискуссии по поводу проблемы техники или экономики. Но советские верхи общества не проявляют большого интереса к приезжему представителю гуманитарных наук, который не располагает технической информацией и которому нечего терять, кроме своих идей.

Сложность заключается в том, что меньше всего Советский Союз заинтересован в свободном обмене идеями. Ничто так не озадачивает, к примеру говоря, ничто более ярко не свидетельствует о явной [не]самоуверенности советского режима, как опаска, даже страх, с которым советские граждане относятся к одной только мысли о возможности продажи в СССР зарубежных книг, журналов и газет.

Находящийся в Москве иностранец, постепенно теряя рассудок, пытаясь уяснить, что происходит в мире, на основании сообщений английской газеты «Дейли уоркер» или «Юманите», вскоре начинает выяснять, почему он не может купить английскую газету «Таймс» или американскую газету «Геральд трибюн». Посольство, правительственные

учреждения и некоторые библиотеки получают иностранные журналы и газеты, но рядовой иностранец, приехавший в Советский Союз, или советский гражданин не имеют доступа к не-коммунистическим изданиям. Почему?

Мы неоднократно говорили советским писателям, что были бы рады привести их в книжные магазины Вашингтона, Нью-Йорка и Лондона, где они могли бы купить «Правду», «Известия» и другие советские газеты, журналы и книги. Почему — спрашивали мы — они не могут указать нам аналогичные места в Москве? Они воспринимали этот вопрос с исключительной невозмутимостью. Существующий односторонний доступ, повидимому, представляется большинству из них положением вполне нормальным и естественным.

«Наши люди не хотят пользоваться дурной пищей, которая отравлена ядом буржуазных идей, — сказал на-днях Хрущев. — Мы будем покупать у вас то, что нам подходит, а вы берите у нас то, что подходит вам. Будем брать друг у друга только лучшее, обмениваться только лучшим, а свои товары с гнильцой кушайте сами».

До тех пор, пока Советский Союз будет оставаться религиозной общиной, основанной на принципе непогрешимости, он не допустит проникновения западного скептицизма и ереси и будет попрежнему гордиться своей политикой запретов.

Подобные умонастроения являются психологическим выражением того, что наиболее ярко ощущается в Советском Союзе — безграничного и высокомерного ощущения своего могущества. Устрашает сила энергии, которую может породить великая нация, распределяя свои таланты и возможности в соответствии с разумной системой управления главных сил нации не одним только насильственно вызванным к жизни безжалостным понуждением (как при Сталине), но и безжалостным энтузиазмом.

В этой связи приезжий иностранец должен не упускать из виду главного. Американский турист неправильно оценивает ситуацию, когда он приходит к заключению: «Эти люди не способны даже достать мне билет в Одессу. Как же можно допустить, что они окажутся способными за-

пустить ракету на Луну? Этот человек наивно полагает, что обслуживание потребителей является основным критерием умения. Хрущев думает иначе. Он считает важным посылку ракеты на Луну и не придает значения снабжению туристов билетами до Одессы; таким образом русские распределяют свои таланты и возможности в соответствии с этим. Способные люди трудятся над созданием ракет, бездари достают билеты. И нет сомнений в том, что если они когда-либо сочли бы вопрос распределения билетов до Одессы достойным внимания, перераспределение талантов и возможностей могло бы превратить Интурист в лучшее туристическое агентство в мире.

Наша отчизна слепо следует противоположной теории: мы допускаем, чтобы рынок диктовал, на что должны быть направлены главные силы нации — и это ведет к концентрации основной силы наших талантов и возможностей на обслуживании потребителя; слишком часто мы оставляем область производства ракет в руках людей, которым лучше было бы заниматься продажей билетов. Если бы три четверти наших национальных сил, расходуемых в настоящее время на создание и удовлетворение нужд потребителя, были бы вместо этого обращены на создание национального могущества, нам не пришлось бы опасаться советской кампании, направленной на то, чтобы «догнать и перегнать».

Всего лишь четыре года назад Джон Фостер Даллес заверил Государственный комитет финансовых ассигнований, что Советский Союз находится «на грани гибели». Сегодня Советский Союз уже одержал победу, достигнув Луны; Хрущев завершил триумфальную поездку по Соединенным Штатам; и американский секретарь безопасности признает преимущества Советского Союза, далеко опередившего США и создавшего к началу 1960 года оружие будущего — межконтинентальную баллистическую ракету.

Любая область национальных сил в Советском Союзе отмечена целью, прогрессом и успехом; именно поэтому столь пышным цветом расцвело советское самопочитание. Неудивительно, что русские ощущают себя на высоте положения: опыт, кажется, повседневно подтверждает их веру в то, что их идеология облачила их единственной в своем роде властью над движущими силами истории.

В 1930 году Сталин опубликовал в «Правде» свою знаменитую статью. У людей, опьяненных успехами, — сказал он, — «начинает кружиться голова от успехов, теряется чувство меры, теряется способность понимания действительности». Россия Хрущева опьянена успехом, о котором Сталинская Россия могла лишь мечтать.

2. Заметка М. Шагинян «Страницы прошлого»

В одном из московских молодежных журналов год или два назад была опубликована заметка М. Шагинян «Страницы прошлого». Сейчас эта заметка распространяется в машинописных копиях.

«Один очень самоуверенный молодой человек, — пишет М. Шагинян, — сказал как-то своим старикам со всем высокомерием молодости: «Ну, а почему вы молчали? Не заступились? Не написали куда следует?» Речь шла о погибшем в тридцатых годах писателе, и разговор происходил в писательской семье. Нелишне вспомнить, — хотя бы для того, чтобы дети и внуки питали больше уважения к старикам, — одну страничку из прошлого, которая только сейчас, в наши дни, дописывается до конца.

Был в Ленинграде, на Моховой улице, типичный ленинградский жилой дом. Он и сейчас стоит: мрачноватый, солидный, с чем-то «академическим» во внешнем облике. И в такой же типичной, мрачноватой ленинградской квартире жил в этом доме человек, впервые открывший для советского читателя еще в первые годы Октябрьской революции чудесную поэзию Кубы. Это был с виду скромнейший и милейший человек, не любить и не уважать которого было просто невозможно. Очень бледный, худенький, маленького роста, с добрыми и по-детски ясными глазами под необыкновенно, не по возрасту, разросшимися над ними и почти осенившими их бровями. В квартире некуда было повернуться от книг, они громоздились до потолка, устилали полы. А ему все было мало. Бывало ждешь его часами, а он возвращается к себе по Литейному, где в ту пору в изобилии имелись, по обе стороны проспекта, заманчивые лавки букинистов, с трудом таща связку новых книг. И они

жадно развязывались, раскрывались, прочитывались, когда дома подчас нечего было есть. Этот чудесный ленинградец-книголюб был известным в то время испанистом, знавшим много иностранных языков. Звали его Давид Исаакович Выгодский, и это имя широко было известно за океаном. До сих пор в адрес его ленинградской квартиры приходят из стран Южной Америки книги с трогательными надписями . . .

Во второй половине 30-х годов ночной стук в квартиру был страшным событием. За ним следовало несчастье и разлука. У Давида Выгодского была жена и маленький сын. Ночью к нему постучались. Он простился с женой и сыном, веря, что скоро увидит их, зная, что за ним нет вины перед Родиной. И с этой ночи ни жена, ни сын никогда больше не увидели его добрых, ласковых глаз из-под нависших над ними дремучих бровей, не услышали его негромкого голоса с неизменными нотками юмора в нем, не встретили его в дверях в обычной старенькой курточке со связкой новых книг под мышкой. За Давидом Выгодским замкнулась стена молчания. Его увели, когда он был уже болен. Через несколько лет в заключении он скончался от этой болезни. История, подобная многим тогдашним историям. Но в ней была одна черта. Когда молодежь бросает упрек старикам — почему не заступились, не поручились? — она забывает главное: для поручительства нужно знать человека, знать не поверхностно, по-приятельски, а так, как получается, если бы ты с ним пуд соли съел. Темна вода, — говорит русская поговорка о сомнении в чем-нибудь. Темен человек; даже близкий может открыть перед вами дверь в такую темную комнату своей души, о которой вы и не подозревали. Но весь Давид Выгодский, все бытие его были прозрачно светлы. Неоспоримо светлы. И все мы, друзья его, знали так, как можно абсолютно знать лишь свою собственную совесть, что этот преданнейший Советской Родине человек и писатель ни в чем виноватым перед нею быть не может. И это абсолютное знание и было той особой чертой, о которой я упомянула выше.

Я жила с начала двадцатых годов в Ленинграде рядом с ним, и мы были близкими друзьями, но с конца двадца-

тых перебралась в Москву, а в роковые годы второй половины тридцатых сама была жестоко «проработана» в «Правде» вслед за Шостаковичем и вторично — в тридцать восьмом, когда убита была на двадцать лет моя книга «Семья Ульяновых». Имя мое в те годы было настолько опорочено «проработкой» в «Правде», что жена Выгодского сочла бессмысленным обратиться ко мне за поручительством — оно могло скорее дискредитировать, чем обелить того, за кого я поручилась бы. Но остальные друзья, крупнейшие ленинградские писатели, сохранившие в те годы весь свой общественный и политический авторитет, могли это сделать и сделали. Архив опять дает нам чудесную справку. Он дает свидетельство большого гражданского мужества целого ряда выдающихся ленинградских писателей второй половины 30-х годов. Рискуя своим положением и судьбою своих книг, в самое страшное время подозрений и «проработок» насмерть, они подали «куда следует» свои смелые и честные поручительства, по которым так легко сейчас восстановить и наличие подлинной, исполненной личного достоинства, общественной роли советского писателя в прошлом, и личность погибшего товарища Давида Выгодского. Прилагая к поручительствам номера своих паспортов, вот что они писали:

ЮРИЙ ТЫНЯНОВ: Давид Выгодский «всегда был глубоко честным советским писателем и человеком, а его работа в Союзе советских писателей вызывала общее уважение».

БОРИС ЛАВРЕНЕВ: «Выгодский пользовался в ССП настолько большой популярностью и уважением, что, как мне известно, парторганизация ССП предлагала ему вступить в партию, и на партсобрании ему даны были лучшие отзывы»

КОНСТАНТИН ФЕДИН: «Он специализировался в романских литературах главным образом как испанист и, накопив в этой области громадный опыт, стал признанным в среде переводчиков работником... В честности, прямодушии, нравственной чистоте его у меня никогда не было повода усомниться».

М. СЛОНИМСКИЙ и М. ЗОЩЕНКО: «Мы знали Выгод-

ского с 22-го года... За все эти годы нам ни разу не пришлось столкнуться с таким фактом из деятельности Д. И. Выгодского, который мог бы нарушить наше представление о нем как о честном советском гражданине».

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ: «У Выгодского в комнате замерзли чернила, но он работал хорошо и весело. Он перевел на испанский язык Владимира Маяковского. Этот перевод хорошо известен в Испании и Латинской Америке. Новый ритм перевода оказал решающее влияние на революционную испанскую поэзию и открыл народам испанской культуры новую страну социализма с ее новой культурой».

Мужественный гражданский акт целой группы ленинградских писателей оказался бесполезным. Д. Выгодский долго страдал и умер в заключении. За полтора года до своей смерти он написал стихотворение, которое позднее, после полной реабилитации погибшего, было доставлено его семье.

К Родине

Что день газетные листы
Тревожат пленные мечты,
Людская жизнь проходит мимо,
Давно я не участник в ней.
Так явственно, почти что зримо,
Уходят из груди моей
Последние остатки жизни,
Ненужные моей отчизне.

Как сладко было б умирать,
Когда бы Родина, как мать,
С туманными от слез глазами
Склонилась тихо надо мной,
Своими мягкими руками
Лоб охладила б жаркий мой
И приняла бы в час прощанья
Мое последнее дыханье!

Но страшно уходить во тьму
Покинутому, одному
И знать, что та, кто всех дороже,
Как ни моли, как ни зови,
Не взглянет пристально на ложе
Глазами светлыми любви,
Что лишь презрение и злоба
Твои попутчики до гроба.

О Родина! в последний час,
Пока рассудок не угас,
Клянусь последним взлетом мысли,
Что я от разрушенья спас,
Клянусь слезами, что нависли
На уголках потухших глаз,
Я верен был своей отчизне
И верным ухожу из жизни.

Нет, незаслуженно изгнанье
Тобой дано мне в наказанье.
В изгнанье поседевшей головой
Клянусь, о Родина, я твой, я твой!

Есть произведения, написанные кровью сердца. Они остаются в родной литературе навсегда. Стихотворение «К Родине» навсегда останется в памяти советских поколений как урок преданности родной земле и родной культуре, преданности до последнего дыхания. Но разве мы не должники перед его наследством, уже много лет лежащим без всякого движения? Вспомним: ведь именно переводам Выгодского обязан советский читатель знакомством своим с передовыми писателями Венесуэлы, Уругвая, Мексики, Боливии, Филиппин, Эквадора, Бразилии. Ведь это он первый перевел поэтов Кубы, он переводил Бласко Ибаньеса, Ардериуса, Хосе Рисаля и многих других испанцев, переводил с испанского и португальского не только с оригиналов, но с одобрения авторов (многие его переводы авторизованы). Это он с немецкого перевел Иоганнеса Бехера, с французского — Вайяна Кутюрье и Андре Мальро, с итальянского — Джерманетто («В гостях у Ленина»), с английского — Р. Браунинга и Теннисона. Многие из нас с увлечением читали в его переводах такие романы, как «Сибирский эк-

спресс» Геллера и «Голем» Мейринка, ставшие библиографической редкостью; а многочисленные статьи, рассеянные по журналам и газетам, о современных литературах Испании и стран Латинской Америки были для нас в те годы едва ли не единственным источником по этим литературам. Почему бы не собрать их сейчас в книгу, не переиздать его переводы? Почему не заинтересоваться оставшимися в его портфеле ненапечатанными переводами Кальдерона «Чудодейственный маг», Овидия «Наука любви» (с латинского) и другими материалами? Это было бы выполнением нашего долга и перед погибшим замечательным литературным работником и перед массовым советским читателем.»

3. Из воспоминаний Д. Витковского

Инженер-химик Д. Витковский написал небольшую, всего немногим более 100 страниц повесть «Полжизни». Это повесть о страданиях самого автора (в повести он — В. П. Верховский), почти полжизни проведшего в тюрьмах, лагерях и ссылке.

«В первый раз, — пишет Витковский, — меня «проверяли» в 1926 году. Я только что окончил институт и мечтал всерьез заняться наукой, как вдруг, в результате облыжного доноса, попал в тюрьму.

...В то время люди были еще живыми людьми, даже в ГПУ. Еще не вывелись традиции человечности и не привились новые методы вынужденных показаний, так расцветшие в последующие годы.

Следователь мой не кричал, ничем не грозил. Начал следствие по всем правилам, объяснил, что заключенный имеет право не отвечать на вопросы. Казалось даже — может быть, это был только прием, — что он симпатизирует мне. Передачу разрешили сразу. Иногда только, уставив мне в глаза пустой, и как ему, вероятно, казалось, пронзительный взгляд, он неожиданно деревянным голосом произносил: — Какие вы знаете коды? — Где вы познакомились с Блюменфельдом?

Но отдав таким образом необходимую дань детективной романтике и натолкнувшись на мое откровенное и, очевидно, ясно выраженное недоумение, вопроса не повторял и переключался на обычный тон. Следствие закончилось скоро и, как я узнал впоследствии, хотели меня освободить, но начальство не согласилось.

При последнем разговоре следователь говорил:

— Мы знаем, что вы не виновны и ничего не сделали плохого. Но вы немного неустойчивы, вам лучше пожить вне Москвы, например, в Енисейске. Вы молоды, здоровы, вам везде будет хорошо.

Так утверждался новый принцип наказания за еще не совершенные преступления — авансом. Но главная вина была в другом — в клейме, которое налагалось таким решением. Я выйду из тюрьмы, и никто не будет знать — виновен я в действительности, или нет. А клеймо есть и останется. И будет оказывать влияние на всю мою жизнь.»

Д. Витковский три года провел в ссылке в Енисейске и на золотых приисках, работая лаборантом. Затем нанялся рабочим в лесотехническую экспедицию.

Вернувшись из ссылки, поехал работать на химический завод в Среднюю Азию, затем вернулся в Москву на научную работу.

Однако недолго был Витковский-Верховский на свободе. «В январе 1931 года, — пишет он, — очередная волна арестов вторично бросила меня в тюрьму. Тюрьмы были забиты до отказа. Меня поместили в камеру, очевидно, наспех приспособленную из небольшого подвального помещения, выходившего единственной маленькой отдушиной на Малую Лубянку... Камера была полна. Заключенные тесно лежали на двухэтажных нарах. Говорили вполголоса, атмосфера царила угнетающая.

Объяснения начались быстро и энергично, как в детективном романе. Оказывается я был деятелем разветвленного антисоветского заговора... изобретал яды для уничтожения членов правительства... в заговоре участвовали

военные... за ними по пятам скользили невидимые шники... теперь все уже выяснено и нехватает только нашего признания.

Увы! я ничем не мог помочь следствию, и только утверждал, что никакого заговора не знаю и с заговорщиками не общался.

Много позже — через 30 лет — из постановления Верховного Суда я узнал, что заговорщиков было 33, дело по их числу называлось «делом тридцати трех» и что заговора вообще не было. ...Допросы велись только по ночам. Многие всю ночь. На измор. Но — сидя.

Через месяц меня, как отработанного, перевели в Бутырку...

Часть заключенных спало прямо на цементном полу, некоторые без всяких подстилок. В камере при мне было от 60 до 80 человек; среди них несколько профессоров, преимущественно технических специальностей, не меньше пятидесяти инженеров и немного военных, писателей, артистов. Недаром тюрьмы в то время именовались остряками «домами отдыха инженеров и техников».

...Почти все заключенные того времени быстро сдавались на следствии и подписывали фантастические обвинения. По существу никакого следствия и не было. Была система вынуждения ложных показаний угрозами расстрела и ареста членов семьи, или обещания смягчения участи. От партийных часто требовали того же «в порядке партийной дисциплины».

И был ли смысл бороться? Все очень хорошо усвоили уроки Шахтинского и Рамзинского процессов; уцелеть можно только оговорив себя и других. Кто пытается сохранить свое достоинство — погибает. Никто не обманывался насчет истинной цены этих признаний. Некоторые переживали свое падение трагически; большинство махнуло рукой на этическую сторону вопроса: против рожна не попрешь!

...Я не захотел стать на проторенную дорожку и был наказан: получил расстрел с заменой десятью годами и «центральный запрет».

Значение этого термина выяснилось только впоследствии» (В.П. Верховский — инженер-химик. В лагерях провел полжизни. Реабилитирован после XX-то съезда КПСС.)

В.П. Верховский работал на Соловках, затем его перевели прорабом на Беломорканал. Летом работа шла хорошо.

«Но кончилось лето, — вспоминает Верховский, — ...и пришла зима, суровая, вьюжная, морозная. Земля, лишенная толстого мехового покрова, сразу промерзла и превратилась в схватившуюся, как бетон, смесь супеси, гальки и валунов. Хоть бей ломом, хоть грызи зубами, больше сотни в день не прогрызешь. А норма два кубометра в день. И к тому же дует пронизывающий морозный ветер, а обутки прохудились, и ноги кажут наружу пальцы. И бушлатики жидковаты. И в ослабевающих мускулах совсем нет никакого греющего запаса.

Ребята сразу приуныли. Выполнившим меньше 50 % нормы полагалось 300 грамм хлеба и почти никакого приварка, а тут и 10 % не выполнишь.

С каждым днем все увеличивалось количество невыходов на работу по слабости. А кто раз не вышел, тому уже трудно, почти невозможно встать завтра. Оставалось лежать, пока какой-нибудь лагерный придурок не увидит и не гаркнет: — Чего лежишь? На работу!

А там, на трассе, холод и пронизывающий ветер сразу уносят остаток сил. И все равно ничего не сделаешь, нечего зря рыпаться. Так хорошо сесть в глубине котлована, в затишке, прислонившись к забою, или спиной друг к другу. или полуспрятавшись под опрокинутой тачкой...

А ночью, во тьме, когда все уйдут, и не останется больше живых на трассе, приедут широкие сани, запряженные лошадьми и увезут навалом всех, кто не смог уйти.

...Сколько их было всего на всем канале? Десять тысяч? Двадцать? Сорок? Кто-нибудь знает?

Именно в это время с Украины прибыл этап раскулаченных. Еще не получив обмундирования, не привыкшие к холоду, они вышли на канал, видимо, сразу поняли все и не пытались бороться...

Потом даже не искали виновных...

В это же время на канале за каждую погибшую лошадь виновных отдавали под суд.»

После Беломорканала Верховский работал еще на одной стройке на севере, затем его освободили. Но он пробыл на воле недолго, всего два года, работал химиком в Средней Азии и во Владимире. В 1938 году его вновь арестовали и обвинили в шпионаже и вредительстве. Больше двух лет он провел во Владимирской тюрьме, отказываясь, несмотря на пытки, признать лживые обвинения. В 1940 году его освободили «за отсутствием состава преступления». Верховский уехал из Владимира и с трудом устроился на работу сменным инженером на заводе эфирных масел на Северном Кавказе. Во время войны Верховского призвали в армию-солдатом в зенитный артиллерийский полк.

Демобилизовавшись, Верховский вернулся в Москву и стал научным сотрудником одного из институтов АМН СССР. Женился, у него родился сын. Однако через шесть лет начинаются новые вызовы в МГБ по клеветническим доносам. Верховского высылают из Москвы с запрещением жить и работать в крупных городах. Он устраивается на завод эфирных масл в Прилуках Черниговской области, а через два года переходит на опытную станцию лекарственных растений в селе Березоточе у Лубен. Потом работа в Малоярославце и снова вызовы в МГБ.

«Но все-таки ведь все проходит! — пишет Верховский в последней главе своих воспоминаний... — Опять я в Москве, опять я сижу в кабинете, и любезный, улыбающийся майор спрашивает: — Почему вы не требуете реабилитации, товарищ Верховский?

— Реабилитации? Нет, не нужно, увольте! Куда-то писать, опять сидеть в этих кабинетах, ждать, волноваться... Нет, ради бога, не надо!

— Хм! Я могу понять ваши чувства, но... сейчас реабилитация не изменит вашей жизни, а в будущем?.. Кто знает свое будущее? И, может быть, реабилитация все-же будет нужна вам или вашей семье. Впрочем, мы вас больше вызывать не будем и реабилитируем сами. Только подпишите вот это. И ...скажите откровенно, товарищ Верховский, это ничего не изменит. ...Я ко всему привык, но вот передо мной ваше дело... В нем же ничего нет!! За что вас приговорили к расстрелу?

И, наконец, я держу в руках бумажку... нет, не бумажку, постановление Верховного Суда СССР, где сказано, что я вовсе не преступник и никогда им не был!

Внимательный полковник настойчиво, почти ласково втолковывает мне, как ребенку — он, кажется, не вполне уверен в моих умственных способностях, — что я могу и должен получить денежную компенсацию (целую месячную зарплату) и могу вернуть отобранную жилплощадь. Он подробно несколько раз объясняет, как поступить и что сделать.

— Смотрите же, ничего не забудьте, товарищ Верховский.

— Хорошо, я все сделаю.

Когда я выхожу, у меня немного кружится голова... Сколько усилий, сколько времени и трудов различных солдат, конвоиров, следователей, начальников, прокуроров, майоров. полковников, членов коллегий, членов правительства, сколько бесплодных усилий затрачено впустую и развеялось, как пыль. Сколько унижений, страданий, горя пришлось пережить, чтобы доказать простую истину, справедливость которой утверждалась мною с самого начала! И в результате!... Что в результате? Только одна изломанная человеческая жизнь! Или еще что-нибудь?..»

(1962)

4. Из фельетона М. Е. Салтыкова-Щедрина «Легковесные» (1868 год, «Отечественные записки»)

«...Во всем мы успели, во всем отрезвились. Чем дальше мы идем, тем более и более убеждения наши теряют

свою призрачность и, взамен того, приобретают драгоценные качества осязательности и плотности. Гром гремит, собака лает, медные лбы торжествуют — вот те простые истины, до которых мы додумались и на которых зиждется наше будущее благополучие. Мы признаем за истину только ту истину, которая бьет нас по лбу и механически поражает наши чувственные органы: мы заносим в наши летописи только тот факт, который имеет за собой привилегию факта совершившегося. Все прочее приурочивается нами к области мечтаний, а так как мечтания бесплодны (аксиома), то мы и относимся к этому «прочему» ежели не с ненавистью, то с ироническим сожалением. Откуда пришли к нам наши непреложные истины, что производит гром, почему лает собака, почему торжествуют лбы медные, а не простые истины, — мы над этим не задумываемся и не желаем себе объяснить; мы просто принимаем это как факт глухой и неотразимый. Заслышав гром, мы говорим: вот гром; заслышав лающую собаку, мы говорим: вот лающая собака.

Цель всех наших стремлений и забот заключается в том, чтобы навсегда освободиться от каких бы то ни было сомнений и создать для себя положение счастливой уверенности, в котором можно бы было жить, не задумываясь и не размышляя. Каждый из нас облюбовывает известные рамки, прилаживается к ним и затем уже заботится только о том, как бы не преступить границы и не очутиться невзначай в области неизвестного. Впереди — мотается *кусок*, на который устремлены все взоры и который служит путеводною звездою в нашем странствии... Нельзя, однако ж, сказать, чтоб эти прилаживания доставались нам без усилий, — совсем напротив! Нет ничего более хрупкого, как те рамки, к которым мы так старательно прилаживаемся, и нет ничего более цепкого, чем то *неизвестное*, от которого мы так упорно отворачиваемся. Поэтому, чтобы удержаться в рамках и защитить их от наплыва неизвестного, от нас требуется довольно подвигов и даже немало насилий. Но положим, что мы не постоим за подвигами; положим, что наши понятия о нравственном содержании поступков, о чести и правде настолько упростились, чтобы не допустить нас споткнуться в нашем рьяном стремлении к *куску*, — какой же собственно получится результат этих подвигов и

насилий? — А вот какой: в ту минуту, когда мы достигнем куска, когда мы осязаем руками цель наших вожделений — оказывается, что питательность его более нежели сомнительна, что он и сам уже подвергся некоторым органическим изменениям, вследствии напора того же неизвестного, с которым мы вели такую неутомимую борьбу! Таким образом, преследуя мечтателей, мы сами оказываемся мечтателями сугубыми и к тому же мечтателями недальновидными, грубыми и нелепыми! Спрашивается: для чего мы трудились, подвижничали и насильствовали?

...Легковесные люди — вот действительные, несомненные герои современного общества. Чем легковеснее человек, тем более он может претендовать на успех, тем более может дерзать, а ежели он весом менее золотника, то это такой завидный удел, при котором никаких препон в жизни для человека существовать не может. Законы физики торжествуют, легкие тела поднимаются вверх, тела плотные и веские остаются в низменностях. Золотники стоят триумфаторами по всей линии и во всех профессиях; они цепляются друг за друга, подталкивают и выводят друг друга и в конце концов образуют такую плотную массу, сквозь которую нельзя пробиться даже при помощи осадных орудий.

Еще недавно мы видели этих бесконечно малых, еще недавно мы думали, что они не больше как жужжащие комары, которые потому только и обращали на себя внимание, что от них надо было отмахиваться... Увы! теперь это не просто комары, а целая масса комаров, претендующая затмить собой солнечный свет. Их жужжание — не просто жужжание, а совокупность миллионов жужжаний, имеющая все признаки трубного гласа. И — ужас! — за этими золотниками уже виднеются десятые и сотые доли золотников, которые тоже цепляются в гору, и, конечно, не заставят себя долго ждать, дабы своим бесконечнейшим ничтожеством победить бесконечное ничтожество золотников.

Было время, когда властителем моих дум был знаменитый вития и философ Феденька Кротиков. Назойливый болтун, бездонный носитель либеральной галиматьи — он,

по-видимому, соединял в себе все данные, чтобы сделаться героем и львом своего времени. Признаюсь, я думал, что нельзя изобрести героя более легковесного; я даже упрекал себя в преувеличении. И что же? — ничуть не бывало! Феденька оказался слишком увесист, слишком глубокомыслен и дальновиден. Он подавил золотников основательностью, бойкостью и прозорливостью своих суждений; он возбудил в них опасения шириною и солидностью своих взглядов — и вот бесконечно малые скучились, составили комплот, сговорились и свергнули-таки Феденьку с пьедестала! Феденька приуныл и поник головою. По-прежнему в нем совершается беспрепятственно процесс болтания, но он уже сознает, что болтовня не к месту, когда все в природе вещает о подтягиваниях, подбираниях и энергических поступаниях; по-прежнему он смотрит фофаном, но увы! фофаном не торжествующим, а грустным и словно приниженным.

— Ты видишь! — сказал мне этот проштрафившийся гигант, встретившись на днях со мною на улице и указывая на рой бесконечно малых, суетившихся тут же у наших ног. — Ты видишь ли малых сих? Но подожди! то ли еще будет! Эти неизмеримомалые великаны в сравнении с теми неизмеримомалейшими, которые придут на их место!

Затем Феденька с головою окунулся в бездну умеренного либерализма и более уже не вылезал оттуда. Он рассказывал мне о своих подвигах на поприще постепенного преуспеяния, о том, сколько требовалось осторожности, осмотрительности и даже самоотвержения, чтобы не погубить молодые, нежные всходы общественной самодеятельности, и проч. и проч. Внимая речам его, я очень мало понял, но в то же время в первый раз в жизни, удивился их мудрости. Меня как-то непривычно поразили звуки человеческого голоса. Я сравнивал эту ровную, гладкую, словно канитель тянущуюся речь с утробным стенанием золотников и вздыхал... почти плакал! И если б у меня под руками нашелся лавровый венок, я непременно возложил бы его на чело этого пустопорожнего мудреца.

Все проходит, все изменяется. Были идеи — они переродились в слова; были слова — они сменились бессвязным любострастным стенанием. Увы! нам уж не до идей! Те-

перь мы с сожалением вспоминаем даже о словах, даже о тех скудно наделенных внутренним содержанием речах, которыми отягощали нам слух пустопорожние мудрецы! Мы жалеем о них, потому что в них все-таки слышались знакомые человеческие звуки. Представители бездонного красноречия становятся в наших глазах любезными, даже великими, ибо если они не обладали идеями в действительном значении этого слова, то несомненно, что у них существовали обрывки идей. Цепляясь за эти обрывки, можно было докопаться до исходного пункта, можно было хотя на время установить бродячую мысль оратора.

Увы! драгоценные обрывки мысли исчезают бесследно, исчезают на виду у всех! Бессвязный гул, который издает толпа «легковесных», не только не имеет ничего общего с мыслью, но даже находится в явно враждебных к ней отношениях. Коли хотите, анализируя этот гул пристальнее, вы, конечно, рискуете отыскать в нем нечто похожее на внутреннее содержание, но это внутреннее содержание тем только и отличается от наглой бессмыслицы, что в основе его лежит доходящая до остервенения ненависть к мысли. И тут уже нечего ждать ни суда, ни разбирательства: всякая мысль, каково бы ни было ее содержание, одинаково противна золотнику уже по тому одному, что она мысль, а не похоть, не вожделение. Убеждения самые разнообразные, самые противоречивые уравниваются перед безграничной злобой похотливой легковесности; все они подлежат преследованию и казни потому только, что напоминают о существовании ненавистной мысли. ... Трудно себе представить человека, который был бы вполне свободен от мысли, который мог бы чувствовать только голод, сгорать от любострастных желаний и ощущать только физическую боль: однако такой человек существует. Это «легковесный» — герой современности. Он изгнал мысль из домашнего употребления, он свергнул с себя ее тягостное иго и на этой победе основал свое величие. Посмотрите, как он волнуется, как он ловко по временам скользит, лавирует, а по временам и перескакивает через препятствия; как он подставляет ножку другим, подобно ему бесконечно малым, как он стремится, изгибается, цепляется... Взгляните вперед и вы увидите, наверное, что там, где-то вдали, мотается *кусок*... Вот единственный повод, который заста-

вил вспыхнуть пожаром вожделение в этом легковесном ничтожестве, вот единственная приманка, которая могла пробудить инстинкты его бесконечно-малого существа! Не подходите к нему в это время: он в охоте, он жирует и может укусить.

Я встретился недавно с одним товарищем по школе. Ребенком он был так себе: не слишком фискалил, подсказывал довольно удовлетворительно и даже по временам курил в печку, хотя никогда не попадался. Идя разными дорогами, мы давно потеряли друг друга из виду, как вдруг я узрел его во всеоружии! Оказывается, что он уже имеет прочное общественное положение, что он заказывает платье у лучших портных, что кокотки в его присутствии пламенеют и что в будущем его, несомненно, ожидает блестящая перспектива. Взгляд у моего друга детства был смелый, светлый, но ничего не выражающий, кроме пронзительности; тон голоса твердый и уверенный.

— Какие же, однако, твои цели, мой друг? — спросил я его.

— А ближайшая моя цель — съесть вот этот кусок ростбифа (дело было в ресторане), — сказал он мне и от предложения тотчас же перешел к исполнению.

...Да, но не вся же жизнь тут... Вероятно, есть цели, есть убеждения...

Он опять взглянул на меня, но на этот раз уже не с изумлением, а с строгостью.

— Убеждения, любезный друг? — сказал он мне, — ты говоришь об убеждениях? Так я отвечу тебе на это, что убеждения могут иметь только люди беспокойные и недовольные. Мы — люди спокойные и довольные, мы не страдаем так называемыми убеждениями, а видим и признаем только долг... ты понимаешь долг! Мы стремимся и достигаем!

...Был у меня и другой товарищ, по фамилии Швахкопф, по ремеслу барон. Специальность его состояла в том, что он ни на одном языке не имел таланта выражаться по человечески и всем и каждому жаловался, что у него нет в голосе никакой «мизль» (мысль). Встречаю на днях и его — тоже чуть не сплошь изукрашен алмазами обществен-

ного доверия; тоже взгляд светлый, смелый, ничего не выражающий, кроме пронзительности; тоже голос властный, уверенный, способный выражать твердость и непреклонность.

— Ну, что, как ваша «мизль»? — спрашиваю я его, — по старой, закоренелой привычке.

— Мой «мизль» — нет «мизль»! — ответил он мне с таким уморительным глубокомыслием, что я не вытерпел и бросился его целовать.

...«Моя мысль — нет мысли»! Сквозь какое горнило сугубых гнусностей должен был пройти этот простодушный субъект, чтобы прийти к такому отчаянному афоризму! Бесстыдство как замена руководящей мысли; сноровка и ловкость как замена убеждений; успех как оправдание пошлости и ничтожества стремлений — вот тайна века сего, вот девиз современного триумфатора!

...«Легковесный» ленив, несмотря на свою юркость; неспособен, несмотря на то, что за все берется; невежественен, несмотря на то, что никогда не краснеет. И за всем тем он успевает. Он нагл и угодлив в одно и то же время и своею открытой враждой к мысли зарекомендовывает себя с наилучшей стороны. С этим скудным запасом он забирает все вверх и вверх, ничего не видя, ничего не понимая, не имея даже никаких целей, кроме самого процесса забирания вверх. «Ты взялся за дело, — говорите вы ему, но ведь ты понятия о нем не имеешь, ты даже в первый раз о нем услышал в ту минуту, как взялся за него!» Но он не удостоит вас даже ответом на такую речь; он просто посмотрит на вас с своим простодушным бесстыдством, как бы говоря: «Чудак! да разве нужно понимать дело, чтобы браться за него. Единственное ремесло, по части которого «легковесный» искусен, — это ремесло подтягивания, подбирания вожжей и изготовления ежовых рукавиц. Это ремесло простое, не требующее особой расточительности умственных богатств, но потому-то оно и оказывается по плечу «легковесному». «Подтягивай!», «поддавай!», «держи наготове рукавицы!» — словно волнами несется из легковесного лагеря, и делается вчуже страшно за эту безграничную пустыню, которая так легко передает из края в край всякие бессмысленные звуки!

— Мой дорогой! — говорил мне на днях один из самых решительных подтягивателей, — все это так расползлось, распустилось, что подтянуть следует непременно.

В этой речи нет ни одного слова, которое не было бы праздно, которое имело бы определенный смысл, а между тем вы слышите ее на каждом шагу. Она говорится одними, подхватывается другими, и вот в воздухе образуется густой столб подтягивательного смрада, смысла которого вы не можете объяснить, но который потому-то и страшен, что к нему нельзя подойти ни с какой стороны. «Ужели Россия — это и есть та самая скотина, которую следует подтянуть?» — с изумлением спрашиваете вы себя.

Но это-то именно и несносно в «легковесных». Очень уж они невразумительны. Говорят все какие-то заштатные, упраздненные слова, а объясниться по поводу их не могут. Не столько обидно самое предполагаемое подтягивание, сколько неопределенность угроз и посулов. Неизвестно оружие, неизвестно требование, неизвестно ни время, ни место — все это опутывает каким-то мраком, все поселяет безотчетное опасение. Пронесет или не пронесет? . .

Само собой разумеется, что подобное положение не может быть названо ни особенно блестящим, ни особенно твердым, ни особенно радостным. Трудно себе представить что-нибудь более уродливое, нежели жизнь составленную из одних подтягиваний! Трудно выдумать нигилизм более бессодержательный, нежели этот диковинный подтягивательный нигилизм! Неужто не все уже достаточно подтянуто? Ужели подтягивательная практика не завершила своего цикла?

Нет зрелища более уморительного и в то же время более жалкого, как зрелище «легковесных», когда они примутся рассуждать о принципах. Да, и у них есть принципы и даже «великие принципы»! Что это за «принципы»? — Вот все толкование, которого вы добьетесь в ответ на ваши запросы . . .

— Господа! принципы прежде всего! — вопиет один «легковесный».

— Господа! надо спасти принципы! — вторит ему другой «легковесный».

— Господа! надо ясно поставить принципы! — приглашает третий. «Принцип, принципа, в принципе, о принципе», — так и сыплется со всех сторон и изо всех уст. О тайна российского празднословия! Кто разгадает тебя!

...Одна из самых замечательных способностей «легковесного» — это способность проникновения. Он не изобретателен, не глубокомыслен, не обладает познаниями, и, при всем том, нет профессии, в которую не забрался бы этот духовный недоросль и в которой не оставил бы он легкой погадки... Существуют легковесные публицисты, легковесные романисты, легковесные администраторы, легковесные экономисты, моралисты, финансисты и т. д. Сколь разнообразны вольные художества в Российской империи, столь же разнообразны и профессии легковесных. ...Призовите «легковесного» и велите ему написать курс астрономии, ...он и это исполнит в точности. Он докажет, что существует на свете даже астрономия легковесная, в силу которой солнце восходит и заходит по усмотрению околоточных надзирателей, и когда принесет свое сочинение, то вы, не читав его, почувствуете, что от него пахнет будкою... Нет для него недоступного, нет той трудной задачи, которую бы он не растлил легковесностью. Это качество считается у нас драгоценным; на него указывают как на вернейший залог того, что русская земля не оскудеет деятелями. Без сведений, без приготовления, с одною развязностью, мы бросаемся в пучину деятельности, тут тяпнем, там ляпнем... И вот, при помощи этого бесценного свойства, в целой природе нет места, в котором мы чего-нибудь не натяпали!

...И после всего этого выискиваются огорченные субъекты, которые позволяют себе уверять, что у нас недостаток в деятелях! Помилуйте! да у нас их такое обилие, что если всех спустить с цепи, то они в одну минуту готовы загадить все наше будущее!

Пройдите во всякое время на Невский проспект — как они шаркают, как гремят, как пронзительно испытуют пространство, как гордо несут свои головы! Кто это «они»? Это они, это строители нашего будущего!

...Прислушайтесь к жужжанию наших литературных захолустьев — как они клевещут, как развязно формулируют всевозможные обвинения! Кто это «они»? Это они, это строители нашего будущего!

...Родник, который источает нам «легковесных», так богат ключами и бьет такой сильной струей, что нет ни малейшего повода ожидать, чтоб он когда-нибудь истощился. Это правда, что легковесные плотоядны и в этом своем качестве охотно поедают друг друга, но, с другой стороны, их наготовлено так много, чадами они так легко зарождаются, что возлагать какие-либо упования на их плотоядность было бы величайшей опрометчивостью. Нет никакого сомнения, что один порядочный мороз может разом погубить бесчисленное множество комаров. Но ...увы, достаточно одного пасмурного влажного дня, чтоб комариное воинство восстановилось во всем своем составе, и даже более полном и сильном, чем когда-либо... Так точно и «легковесные». Они могут временно пропасть, но изгибнуть не могут. В ту самую минуту, когда вы считаете воздух навсегда очищенным от них, они уже где-то зарождаются, где-то взыграли, где-то роятся. Еще мгновение — и они уже носятся по полям и оврагам, они брыкаются и кусают, и победоносно гремят неизменную песнь о подтягивании, которую повторяет за ними тысячеустое эхо...»

5. О *статье писателя Е. Замятина «ЦЕЛЬ»*

Еще на шестом съезде партии, возражая Преображенскому Сталин бросил фразу, которую потом десятки лет повторяли в сотнях и тысячах статей. «Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего» — сказал Сталин. Мы знаем, однако, что при Сталине преобладал именно догматический марксизм вместе со столь же догматически толкуемым ленинизмом. В основном этот же догматический марксизм сохранился в сфере официальной идеологии и в настоящее время. Разочарование в таком именно марксизме среди интеллигенции имеет одним из своих результатов заметное повышение интереса к мыслителям 20-30-х годов, которые выступали (хотя и с разных позиций) против догматического

марксизма, против упрощенчества и вульгаризаторства, против фанатизма и ортодоксии. Заметно возрос, например, интерес к творчеству писателя-мыслителя Е. Замятина. Перепечатывается и читается его роман «МЫ». Широкое распространение получила среди художественной интеллигенции статья Е. Замятина «ЦЕЛЬ», которая чем-то созвучна настроениям значительной части современных писателей (статья Замятина написана в 1920-м году). «У нас пока вся литература еще заражена ядами войны, — пишет в своей статье Е. Замятин. — Она строится на классовой ненависти, ее сложных соединяющих, ее суррогатах. На отрицательных чувствах нельзя строить. Только тогда когда мы вместо ненависти к человеку поставим любовь к человеку — придет настоящая литература. Век наш жесток, железен — да; это век войн и восстаний — да. Но тем нужнее отдых от ненависти (она разрушительно действует на человеческую психику). Не время механического равенства, но время огромного подъема высочайших человеческих эмоций, время любви.

Впрочем, каково будет это грядущее зависит от нас. Пока ни о каком воспитании высоких эмоций, свойственных эпохе осуществления коллективизма, — мы не думаем. Постановления, резолюции, параграфы, деревья, а за деревьями нет леса. Что может увлечь в политграмоте? — ничто.

«Искусство всегда служило командующим классам»... Этим может восхищаться фашист, империалист, но не революционер, *не диалектик*. Все отличие командующего сейчас класса в том, что он командует *временно*, что он командует для того, чтобы как можно скорее перестать командовать — чтобы сбросить с человечества иго всякого государства и всякой команды; отличие в том, что командующий сейчас класс знает (верим, должен знать) все это и вот об этом то забывают.

Зародыш будущего всего в настоящем.

Это правда: художники — всех родов оружия в большинстве всегда скептически развращены, беспринципны в большинстве — они всегда были ландскнехтами, продавали себя тем, кто больше платит. Но этот закон купли-продажи

таланта — закон капиталистического общества; обществу, думающему строить жизнь на иных, новых, более высоких началах, принимать этот позорный закон так же неуместно, как принимать без всякой борьбы торговлю собою женщин. С моей (еретической) точки зрения, несдающийся упрямый враг гораздо более достоин уважения, чем внезапный коммунист — вроде, скажем, Сергея Городецкого.

Служба господствующего класса, построенная на том, что эта служба выгодна — революционера отнюдь не должна приводить в телячий восторг; от такой «службы», естественно переходящей в прислуживание, — революционера должно тошнить; услаждаться этим могут только такие типичные продукты переходной эпохи, совершенно лишенные обоняния, — как Горбачев или Лелевич, да пожалуй и такие как Авербах, от них не далеко.

У этих молодых людей в руках не перо и чернила, а хлыст и кусочек жареного. В основном, критика их сводится к окрику «Служи». Писатель для них только собачка, которую нужно выучить стоять на задних лапках, тогда ей дают кусочек жареного и тогда все обстоит благополучно.

Нет, дрожайшие товарищи, не благополучно.

Собачки, которые «служат» в расчете на кусочек жареного или из боязни хлыста — революции не нужны, не нужны и дрессировщики таких собачек. Нужны писатели, которые ничего не боятся, также ничего не боится революция; нужны писатели, которые не ищут сегодняшней выгоды, так же как не ищет этого революция (недаром же она учит нас жертвовать всем, даже жизнью — ради счастья будущих поколений — в этом ее этика); нужны писатели, в которых революция родит настоящее органическое эхо. Пусть это эхо в каждом писателе будет индивидуально. Пусть писатели в работе не сообразуются с какими то параграфами таких то конференций; важно чтобы это было искренно, важно, чтобы это их беспокоило, а не успокаивало.

Куда же вперед? Как далеко — вперед? В ответ на этот вопрос — основная ошибка большей части нынешней кри-

тики и большей части писателей, покорно идущей на поводу этой, не умеющей диалектически мыслить, критики.

Мы уверены, что правильным ответом на заданный вопрос должно быть: чем дальше вперед — тем лучше, ценнее. Снижение цен, санитарное благополучие городов, тракторизация деревни очень хорошо, это движение вперед, конечно. Я представляю себе отличный газетный фельетон на эти темы (который завтра будет забыт). Но я с трудом могу вообразить Л. Н. Толстого или Р. Роллана, построенных на санитарном благополучии. Я с трудом вижу читателей, по-настоящему взволнованных таким санитарно-благополучным Л. Толстым.

Пора же, наконец, уразуметь, что упорное ограничение писателя областью «малых дел» создает только филистерскую, служебную литературу и ничего больше. Пора понять, что в литературе также, как и в науке, есть деление на большую и малую литературу, у каждой из которых свои задачи. Есть деление хирургии на «большую» и «малую». «Большая» двигает науку вперед, «малая» выполняет ежедневную, очередную работу, «большая» производит опыты Карреля и Воронова, «малая» бинтует вывихнутую руку. Есть деление астрономии на большую и малую: большая занимается определением курса, по какому движется солнечная система, малая рекомендует способы определения курса корабля в море. Если мы заставим Карреля бинтовать вывихи, мы получим лишнего фельдшера; это, конечно, полезно, но глупо, потому что человечество, приобретая фельдшера, потеряет гениального ученого.

Критика толкает сейчас русскую литературу к фелдшеризму: фельдшеризм — вот имя той болезни, которой больна русская литература. Недаром же М. Шагинян (писательница от всех Горбачевых недавно получившая формальное звание «левого попутчика») не выдержала и закричала в своей книге «Быт и искусство» об отсутствии всяких «проекций будущего». Она ошиблась только одним: это — не одна из причин, это единственная причина, к этому в широком смысле сводятся все остальные.

Цель искусства и литературы в том числе не отражать жизнь, а организовать ее, строить ее. Для отражения жизни

есть малое искусство: «фотография». Что значит для художественной литературы «организовывать жизнь»? Авербах понимает это так: «молочная кооперация будет темой художественных произведений новых писателей, потому что она является делом социальной практики новой эпохи». Это звучит, как злой анекдот, но этот злой анекдот на память потомству Авербах сочинил сам о себе.

Молочная кооперация, когда ею занимается не Авербах а специалист — дело очень почетное: это пусть маленький, пусть сантиметровый шаг к определенной цели, это одно из миллиона средств для достижения цели. Дело специалиста говорить о средствах, о сантиметрах; дело художника — говорить о цели, о километрах, о тысячах километров. Организующая роль искусства в том, чтобы заразить, взволновать читателя пафосом или иронией, это катод и анод в литературе. Но сантиметровая ирония жалка, а сантиметровый молочно-кооперативный пафос смешон. Увлечь это не может никого. Чтобы взволновать, художник должен говорить не о средствах, а о цели — о великой цели, к которой идет человечество.»

ИЗ ИСТОРИИ

1. Смерть Л. Мартова (Юлия Осиповича Цедербаума)

В 1923 году на чужбине умер Л. Мартов — один из виднейших вождей русского меньшевизма. Мартов был не только меньшевиком, он был одним из основателей русской социал-демократической партии, виднейшим партийным публицистом, вместе с Лениным Мартову принадлежала заслуга организации «Искры». Весьма показательно поэтому для характеристики политической атмосферы 1923 года — как откликнулись большевистские органы печати на смерть Мартова.

В 1923 году, когда был еще жив Ленин, в нашей партии не было или, вернее сказать, было еще немного тех элементов политического сектантства, которые возобладали в последующие годы. Поэтому большевистская печать откликнулась на смерть Мартова в первую очередь как на смерть

бывшего друга, а не как на смерть политического противника. Весьма характерным с этой точки зрения был некролог, который был помещен в журнале «Под знаменем марксизма» (№ 4-5 за 1923 год) за подписью виднейшего большевика и историка партии В. Невского.

«Умер Л. Мартов, — писал В. Невский, — а вместе с ним умерло и то лучшее, что еще оставалось в меньшевизме, как течении, вышедшем из одного корня, из которого вышло и революционное левое течение русской социал-демократии, коммунистическая партия большевиков.

Умер Мартов, а вместе с ним умерли и последние связи, какие еще оставались у меньшевистского направления с истинно революционным течением социалистического рабочего движения в России.

Мы все знаем, как далеко отошел Мартов от этого революционного течения, как много вреда он принес своей соглашательской тактикой и в особенности тем, что своим авторитетом покрывал социал-шовинистическую и предательскую тактику Данов и прочих социал-патриотов от социал-демократии, и за всем тем теперь, когда над его прахом уже насыпан могильный холм, возможно оценить все то, что дал этот талантливейший и несомненно честный и искренне думавший социал-демократ о том пути, какой он намечал для рабочего класса в его борьбе.

Вместо истерических криков не лучше ли беспристрастно понять и оценить эту незаурядную фигуру в нашем рабочем движении?»

В. Невский подробно говорит далее о большой работе, проделанной Мартовым вместе с В. И. Лениным по созданию русской социал-демократической партии.

«...Трудно, говоря о Мартове, — продолжает В. Невский, — не говорить о его блестящих публицистических дарованиях. Еще в 1898 году группой «Освобождение труда» была напечатана его блестящая брошюра «Современная Россия». Начиная с конца 90-х годов Мартов развивает такую интенсивную литературную деятельность, что, в особенности в эпоху «Искры», нет почти ни одного номера

газеты, где бы не встречались статьи Мартова. В 1900 году появляется «Красное знамя в России» с предисловием П. Аксельрода. С декабря 1900 г. Мартов принимает участие в редакции «Искры» и включительно до разрыва на втором съезде и образования двух групп меньшевиков и большевиков он, поистине, был одним из самых блестящих представителей искризма, одним из самых неутомимых борцов с экономистами и прочими оппортунистическими течениями в русской социал-демократии.

Можно с уверенностью сказать, что в пятидесяти номерах «Искры», какие вышли до раскола, едва ли в пяти или шести из них не встречается статей Мартова.

Публицистом Мартов был, действительно, блестящим. Удивительно красивый стиль, доступный пониманию самых широких масс, и вместе с тем в высшей степени точный и изящный, этот стиль дышал очень часто истинно революционным пафосом и в то же время поражал своей художественной образностью и, стало быть, красотой.

Но этим не ограничивалась литературная деятельность Мартова, его перу принадлежат статьи в искровском журнале «Заря» («Гимн новейшего русского социалиста» в № 1, «Всегда в меньшинстве» в № 2-3, «Внутреннее обозрение» в № 4), он издает отдельные работы (напр. «Рабочее дело в России». 2-е изд.) и т. д.

В этот период своей деятельности Мартов достиг, по нашему мнению, кульминационного пункта: он занимал, действительно, революционные позиции в нашем движении, он наносил сокрушительные удары противникам ортодоксального крыла русской социал-демократии, он вместе с Плехановым и Лениным был руководителем рабочего движения в России, он принимал участие в подготовке второго съезда партии, он отстаивал программу нашей партии на этом съезде, он боролся с оппортунистическими стремлениями «Бунда» и Акимовщины, он, словом, по праву должен считаться в этот период одним из самых ярких учителей той многочисленной рати работников социал-демократов, которые составили стальной хребет нашей партии. Все это бесспорно.»

В. Невский пишет, конечно, и об активной работе Мартова как организатора меньшевистской партии. Он пишет, что Мартов выступал в 1905 году против лозунга вооруженного восстания.

...«Это он, Мартов, своим нерешительным поведением в эпоху реакции после первой революции одобрял тактику ликвидаторов, упразднявших революционную партию пролетариата и возводивших в перл создания гнусный, с позволения сказать, «конституционный», Столыпинский режим. Это он, Мартов, в эпоху февральской революции одобрял капитуляцию меньшевиков и эс-эров перед буржуазией и освящал своим авторитетом коалиционное правительство. Это он, Мартов, наконец, оказался по ту сторону баррикады за рубежом вместе с Каутским и другими вождями второго Интернационала.

Мартов не был создан вождем, но он был хорошим социалдемократическим публицистом и вообще писателем. Обладая огромной памятью, он носил в своей голове целый запас фактов, имен, сведений, воспоминаний, — вот почему его исторические работы, не отличаясь объективностью, блистали поразительно точной передачей событий и явлений. Но, без сомнения, эти произведения его гения не являются лучшими листьями в его лавровом венке революционера. Отличаясь указанными качествами, эти сочинения страдают удивительно ярко проявленным меньшевизмом. Быть может, лучшим его произведением является один томик его воспоминаний «Записок социал-демократа».

Здесь весь Мартов, — весь его стиль, изящный и художественный, какой-то мягкий и незлобный, ибо только изредка прорывается здесь пристрастное мнение меньшевика-фанатика; вся та прелесть воспоминаний большого человека, уходящего со сцены с полным сознанием, что, как бы ни были велики его ошибки, он уже вписал свою страницу в историю, весь тот колорит пред-исторической эпохи нашей истории, вся та живость и жизненность, вся та простота и вместе с тем яркость, какую способен дать только большой талант, и вся та скромность, какой отличаются люди, сами делавшие историю, — все это есть в этом небольшом томике его «Записок».

Мартов — трагическая фигура нашей революции, ибо трагическое в его судьбе есть неизбежный результат тех глубоких подпочвенных процессов, выразителем одной стороны которых в сущности и был Мартов, — мелко-буржуазной струи нашего рабочего движения...

...«Все вперед! Такой лозунг нашего движения»... Так говорил Мартов в конце своей прекрасной книги «Красное знамя в России». Это говорилось в 1900 году, когда сам Мартов шел все вперед и вперед, а теперь разве можно написать эти слова на его могиле?

Нет. Но пускай так, пускай мы знаем, кто был Мартов после 1903 года и что защищал он особенно после октября 1917 года, [...] скажем: Уже за то, что до 1903 года Мартов был наш, боролся с нами и учил бороться нас, он достоин занять почетное место в Пантеоне русского рабочего движения...»

2. Убийство Игнатия Рейса

В 1937 году один из крупных советских разведчиков Игнатий Рейс, работавший тогда во Франции, получил приказ — вернуться в СССР. Хорошо понимая, что в СССР он будет немедленно арестован (Рейс был тесно связан с другими уже уничтоженными работниками НКВД), Игнатий Рейс решил остаться за границей. 17 июля 1937 года он передал в посольство письмо в ЦК ВКП(б). Копию этого письма Рейс очевидно дал также Вальтеру Кривицкому — другому советскому разведчику, оставшемуся за границей. В 1939 году в Нью-Йорке Кривицкий опубликовал письмо Рейса вместе с некоторыми другими документами. В письме И. Рейса говорилось: «Письмо, которое я вам посылаю, в сущности, я должен был послать вам давно, когда 16 (процесс Зиновьева) были убиты в подвалах Лубянки по приказу «отца народов».

Я не поднимал голоса протеста против последовавших убийств и за это несу тяжелую ответственность. Велика вина моя, но я постараюсь ее исправить и облегчить свою совесть. До сих пор я шел с вами, отныне ни шага дальше.

Наши пути разошлись. Тот, кто молчит теперь, становится соучастником Сталина и изменником рабочему классу и социализму. 20 лет я боролся за социализм. Я не хочу теперь накануне моего пятого десятка жить милостями Ежова. Позади 16 лет подпольной работы — не шутка, но я еще достаточно крепок начать снова, сначала. Реклама и шумиха, поднятая вокруг полярных летчиков, вами создана, чтобы заглушить крики жертв, которых мучили в подвалах Лубянки, в Минске, Киеве, Ленинграде и Тифлисе. Но этого вы не добились. Слово правды более мощно и теперь, чем шум мотора, обладающего максимумом лошадиных сил. Правда, что рекордистам летчикам легче завоевать симпатии американок и сходящей с ума от спорта молодежи обеих континентов, чем при обработке общественного мнения и призыва мира к совести. Но не надо обманываться — день расплаты все ближе и ближе, чем это думают господа из Кремля. Нет, я не могу больше продолжать. Я возвращаюсь к свободе. Назад к Ленину, его учению, его делу.

П.С. В 1928 г. я был награжден орденом Красного Знамени за мою службу пролетарской революции, при сем его возвращаю. Носить его вместе с палачами лучших представителей русских рабочих — ниже моего достоинства.

ИГНАЦ РЕЙС»

Одновременно Рейс сообщил через посольство в НКВД, что им помещены в безопасное место бумаги и документы, разоблачающие Сталина и НКВД и что если с ним что-нибудь случится, то все это будет опубликовано. Тем не менее руководство НКВД приняло решение убить Рейса, для чего во Францию выехала бригада чекистов. Один из членов этой группы — Агабеков, который сам вскоре стал невозвращенцем, сделал попытку предупредить Рейса. Опасаясь, что телефонные разговоры с Рейсом прослушиваются советской разведкой даже во Франции (наша разведывательная сеть в этой стране была очень сильной), Агабеков три раза позвонил Рейсу, но, не начиная разговора, опускал трубку. Это был условный знак опасности, и Рейс понял его. Он немедленно выехал в Швейцарию.

Для того, чтобы выследить и уничтожить Рейса, были привлечены члены так называемого Союза возвращения на Родину. Этот Союз был создан среди участников белого движения по странному совпадению как раз в разгар репрессий в СССР. Органы НКВД самым широким образом использовали членов этого Союза в своих целях. Им говорили, что если они хотят вернуться на Родину, то это нужно заслужить. Именно из членов этого союза вербовались многие наемные убийцы, которые охотились за Троцким и Седовым, за Раскольниковым, за разведчиками-невозвращенцами. Так, например, в охоте за Рейсом принял участие Эфрон — муж Марины Цветаевой, в прошлом белогвардеец, затем участник гражданской войны в Испании (на стороне республиканцев). Эфрон был оргсекретарем Союза возвращения на Родину.

При активном участии Эфрона, супругов Клепниных и некоторых других Игнац Рейс был выслежен в Швейцарии и убит 4 сентября 1937 года около Лозанны. При вскрытии у него было обнаружено 5 пуль в голове и 7 в груди. Некоторые из участников убийства были арестованы швейцарскими властями и над ними состоялся суд. Однако Эфрон и Клепнины были своевременно вывезены в СССР. В течение года они жили под Москвой на даче «Огонька», потом и Эфрон и Клепнины были арестованы и расстреляны. Записные книжки Рейса были позднее опубликованы за границей. Они содержали материал о некоторых тайных операциях НКВД (убийство Блюмкина, аресты среди троцкистов в СССР и др.) (Свидетельство Г-ва).

3. О трагической судьбе Г. И. Мясникова и его семьи

Мне рассказали недавно о трагической участи Гаврилы Ильича Мясникова — одного из участников «рабочей оппозиции». Мясников еще в 1921 году обратился с «Докладной запиской» в ЦК партии, в которой, перечисляя многочисленные недостатки в партийных организациях, объяснял их главным образом отсутствием у нас в стране свободы печати. В этой же записке Мясников предложил осуществить в Советской России полную свободу печати для всех

политических направлений «от монархистов до анархистов». Ленин ответил тогда Мясникову большим письмом, в котором выступил против «чистой демократии» и против свободы печати. «Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами всего мира, — писал Ленин, — есть свобода политической организации буржуазии и ее вернейших слуг — меньшевиков и эсеров... (...ибо печать есть центр и основа политической организации) ....Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем. Мы ясно видим факт: «свобода печати» означает на деле неминуемую покупку международной буржуазией сотни и тысячи кадетских, эс-эровских, меньшевистских писателей и организацию их пропаганды, их борьбы против нас. Это факт. Они богаче нас и купят силу вдесятеро большую против нашей наличной силы. Нет, мы этого не сделаем, мы всемирной буржуазии помогать не будем.» Ленин советывал Мясникову критиковать все недостатки и пороки партийных организаций (а бедствий, болезней и ошибок, — признавал Ленин, — у нас много) через партийную прессу, через «Правду».

Для условий 1921 года позиция Ленина была, конечно, правильной. Однако Мясников не согласился с Лениным, в июле 1921 года он написал статью «Больные вопросы», в которой настаивал на требованиях, изложенных в «Докладной записке». Постановлением Оргбюро ЦК тезисы Мясникова были признаны несовместимыми с интересами партии, а сам Мясников исключен из партии. В 1923 году Мясников стал лидером особой политической группировки «Рабочая группа».

В 1928 году Мясников неожиданно эмигрировал за границу, оставив в Москве жену Даю Григорьевну и трех сыновей. Мясников бежал из СССР через южную границу и затем обосновался во Франции. Хороший слесарь, Мясников стал работать на одном из заводов (кажется, «Рено»). Семью Мясникова хотели выслать, но за нее вступился Ярославский, который и позднее опекал родных Мясникова. По свидетельству Е. Таратуты, Дая Григорьевна имела время от времени определенные известия от мужа. Она посвятила себя воспитанию сыновей. Во время Великой Отечественной войны все три сына Мясникова были призваны в армию и один за другим погибли на фронтах. Пер-

вый из сыновей погиб в ополчении под Москвой, последний из трех был убит уже в 1944 году за границей. От горя Дая Григорьевна потеряла рассудок и была помещена в психиатрическую клинику. Через год она вышла из клиники, но разум все же полностью к ней не вернулся, она все время что-то шила и покупала для сыновей. В 1946 году Дая Григорьевна неожиданно получила официальное уведомление из Бутырской тюрьмы, в котором говорилось, что в этой тюрьме содержится ее муж Г. И. Мясников и что ему разрешено свидание с женой. Ее просили придти в тюрьму. Дая Григорьевна была потрясена этим известием и долго не шла в тюрьму, советывалась с друзьями и знакомыми. Только через неделю она пошла в тюрьму, однако в бюро пропусков ей сказали, что она пришла слишком поздно и что ее муж расстрелян. После этого разум несчастной женщины снова помутился и она опять надолго попала в больницу. Сейчас она умерла.

А. Б-р рассказал мне, что Мясникова после войны Сталин велел выманить из Франции. К Мясникову пришел представитель СССР и стал убеждать его вернуться на Родину. Мясников отказывался, заявляя, что его сразу же арестуют. Но Гаврилу Ильича заверили, что прошлое забыто и что имеется «высочайшее» разрешение на его возвращение в Москву. Желание вернуться на Родину, увидеть родных (знал ли он о судьбе сыновей?) оказалось сильнее всех других чувств, и Мясников решил вылететь в СССР. Однако сразу же на аэродроме он был арестован и отправлен в Бутырскую тюрьму.

4. Эсеры после революции

В. Розенберг, в прошлом видный деятель эсеровской партии, после революции несколько раз арестовывался. Уже после гражданской войны после очередного ареста жена Розенберга, хорошо знавшая Н. Скрыпника еще по годам эмиграции, пришла к нему и просила освободить ее мужа, который, по ее словам, давно оставил всякую политическую деятельность и живет теперь только как отец своих детей. «Когда все это кончится?», — воскликнула она. «Для вас это никогда не кончится, — ответил Скрыпник, —

большевики не могут позволить себе роскошь оставить на свободе эсеров. Мы должны будем скоро создать специальные лагеря, чтобы изолировать всех эсеров» (свидетельство сына В. Розенберга).

5. *Христиан Раковский*

Христиан Раковский был видным деятелем международного рабочего движения. Активно участвовал до Октября в рабочем движении Румынии, Болгарии, Франции, Швейцарии, Германии. В 1917 году Раковский был освобожден русскими солдатами из Ясской тюрьмы. После этого Раковский принял самое активное участие в гражданской войне, он был председателем Верховной коллегии по борьбе с контрреволюцией на Украине, а с 1919 по 1923 годы — председателем Совнаркома Украины. С 1923 года Раковский перешел на дипломатическую работу, он едет послом СССР в Англию, а затем во Францию (до 1927 года). Раковский был, как известно, одним из участников троцкистской оппозиции. Он шел за Троцким даже тогда, когда большинство троцкистов оставили своего бывшего вождя. Вместе с Троцким (тогда уже высланным за пределы СССР) Раковский выступил против поспешной сплошной коллективизации. Конечно, Раковский был не во всем прав, однако некоторые из его высказываний 1929-1930 гг. звучат как пророчества. «За фикцией собственников-колхозников, — писал в 1930 году Х. Раковский, — за фикцией выборного управления создаются отношения, оставляющие далеко позади то, что мы видим теперь в совхозах. Дело в том, что колхозники не будут работать сами на себя. Единственное, что будет беспрерывно цвести, расти и развиваться в колхозах — это будет новая колхозная бюрократия. Она будет всех видов и родов. Детище бюрократической фантазии... колхозы, объединяющие под одной крышей все слои крестьянства, исключая явных кулаков, будут опоясаны во всех направлениях стальными обручами бюрократического аппарата. Колхозы будут во всем терпеть нужду, но эта нужда будет широко компенсирована чиновниками и охранителями явными и тайными. Это подтверждает еще раз, что чиновничий социализм в свою очередь рождает чиновников и то, что социалистическое общество, к которому по

уверениям официальных писак, мы подошли уже вплотную, будет царством чиновников.»

Оказавшись в тяжелом положении, бедняки и батраки, — как писал далее Раковский, — станут уходить массами в город, оставляя деревню без рабочих рук. «Неужели, — восклицал он, — может случиться, чтобы наша пролетарская власть издала закон, прикрепляющий крестьянина-бедняка и середняка к его колхозу, а нашу красную милицию обязывающий ловить на улицах беглецов и водворять их на место жительства?» («Большевик» 1930, № 7, стр. 18-19).

Только после XVII-го съезда ВКП(б) в 1934 году Раковский признал свои «ошибки» и покаялся. Он был восстановлен в партии. С этого времени Раковский активно выступает против троцкизма и Троцкого. Когда в августе 1936 года начался первый «открытый» судебный процесс над Каменевым, Зиновьевым и другими, Раковский опубликовал в «Правде» (21 августа) письмо под названием: «Не должно быть никакой пощады!»

«Чувство безграничной и горячей симпатии к любимому вождю и учителю трудящихся масс, товарищу Сталину и его ближайшим сотрудникам... и вместе с тем чувство глубокого возмущения против гнусных и презренных убийц — вот что испытал каждый из нас, прочитав сообщение Прокуратуры СССР от 15 августа. К этому всеобщему чувству у меня возникло чувство стыда, жгучего стыда за прошлую принадлежность к оппозиции, вожди которой превратились в контрреволюционеров, преступников и убийц... Для троцкистско-зиновьевских убийц, для организаторов покушения на жизнь любимого нашего вождя, товарища Сталина, для троцкистов-агентов германского Гестапо, не должно быть никакой пощады — их надо расстрелять!

Х. Раковский»

Это письмо не спасло, однако, Раковского. Он вскоре был сам арестован и в январе 1937 года оказался на скамье подсудимых на таком же «открытом» процессе. Воля Раковского была сломлена еще раньше и он показал все, что от

него хотели услышать Сталин и Вышинский. Приговоренный, как и Радек, к длительному тюремному заключению, Раковский был, повидимому, расстрелян в 1942 году.

6. Оппозиция в 1927 году

Еще в 1927 году в самый разгар борьбы с оппозицией ее лидеры имели определенную возможность излагать свои взгляды в печати. В порядке предсъездовской дискуссии в газетах помещались статьи деятелей оппозиции и рядом шли статьи представителей большинства. Продолжало выходить Полное собрание сочинений Л. Троцкого. И хотя каждый почти том этого собрания подвергался критическому разбору в партийной печати, ГИЗ не приостанавливал издание, и никто этого не требовал.

7. А. Эйнштейн о последствиях автократии

Величайший физик XX-го века Альберт Эйнштейн писал еще до того, как фашизм захлестнул Германию: «Я убежден, что вырождение следует за каждой автократической системой насилия, так как насилие неизбежно привлекает морально неполноценных» (см. «Неделя», № 38, 1964, стр. 11).

8. История одного из стихотворений О. Мандельштама

В 1933 году О. Мандельштам, один из самых талантливых русских поэтов, сочинил стихотворение о Сталине. Это стихотворение не было написано на бумаге, Мандельштам прочитал его вслух нескольким из своих друзей. При этом первый вариант стихотворения немного отличался от окончательного. Вот это стихотворение:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи на десять шагов не слышны.
А коль хватит на пол-разговорца,
Так припомнят кавказского горца.

Его толстые пальцы, как черви жирны.
И слова, как пудовые гири верны.

Тараканьи смеются усищи,
И сияют его голенищи.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей.
Он играет услугами полулюдей
Кто смеется, кто плачет, кто хнычет,
Он один лишь бобачит и тычит.

Как подковы кует за указом указ
Кому в бровь, кому в пах, кому в лоб, кому в глаз.
Что ни казнь для него, то малина.
И широкая грудь осетина.

В конце 1933 года или в начале 1934 года О. Мандельштам был неожиданно арестован. Было известно, что незадолго до этого Мандельштам во время одной из встреч с писателем Алексеем Толстым дал ему пощечину. Рассказывали, что когда Толстой был у Горького, тот очень возмущался выходкой Мандельштама и говорил с гневом: «Мы ему не позволим бить русских писателей». Друзья и родственники Мандельштама думали поэтому, что его арест связан был со злополучной пощечиной. Обратились к главному редактору «Известий» Н. И. Бухарину, который долгое время покровительствовал Мандельштаму. Бухарин действительно пытался кое в чем помочь, но когда он пришел насчет Мандельштама к Ягоде, тот прочитал наизусть стихотворение Мандельштама о Сталине. Бухарин прекратил после этого свои хлопоты и отказался принять в своем кабинете жену Мандельштама. Сам поэт уже знал за что он арестован, он только хотел прочесть записанное в НКВД стихотворение, чтобы попробовать догадаться по вариантам этого стихотворения — кто из друзей его выдал.

Приговор Мандельштаму был, однако, довольно мягким — он подлежал высылке в один из маленьких городков Воронежской области, года через два ему разрешили вместе с семьей поселиться в Воронеже.

Сталин не забывал однако о Мандельштаме. В начале 1937 года Сталин неожиданно позвонил известному поэту и другу Мандельштама Пастернаку (в семье у Пастернака в те годы боготворили Сталина, представляя своих детей гостям, жена Пастернака говорила, что они больше всего

любят Сталина, а затем родителей). Сталин спросил Пастернака, как обстоят дела у Мандельштама, и отчего Пастернак за него не хлопочет. Пастернак сказал, что он обращался в самые различные инстанции, но бесполезно. «А почему вы ко мне не обратились? — спросил Сталин, — если бы мой друг был в таком положении, то я на стену бы лез, чтобы ему помочь. Но ничего, сейчас все будет в порядке.» Пастернак, — пораженный звонком Сталина, сказал, что он вообще хотел бы встретиться и поговорить с ним. «О чем?» — спросил Сталин. «О жизни и смерти», — ответил Пастернак. Ответа не последовало. Пастернак позвонил в Кремль и начал говорить, что кто-то прервал его разговор со Сталиным. Однако секретарь ответил ему, что Сталин сам положил трубку.

И действительно, в начале 1937 года в самый разгар репрессий среди всех слоев населения Мандельштам был освобожден и появился в Москве. Ему даже, как будто, вернули квартиру, и он (конечно, не без совета свыше) начал писать ...хвалебную оду Сталину. Мандельштам долго настраивал себя на нужный лад и сочинил эту оду за полгода. Его жена Н. Я. Мандельштам, дожившая до наших дней, писала по этому поводу в своих воспоминаниях: «Люди, обладавшие голосом, подвергались самой гнусной из всех пыток: у них вырывали язык, а обрубком приказывали славить властелина. Инстинкт жизни необорим, и он толкал людей на эту форму самоуничтожения, лишь бы продлить физическое существование.»

Хвалебная ода Сталину не спасла однако Мандельштама. 1 мая 1938 года он был вторично арестован и после короткого следствия с общим этапом отправлен на Колыму. Он умер в Транзитном лагере в Магадане вскоре после прибытия в этот город. Рассказывают, что Мандельштам был в это время уже не в своем уме. Он боялся, что его хотят отравить и не ел свою пайку. Он умер поэтому от голода.

Сейчас этот крупнейший русский поэт реабилитирован, его стихи печатаются в журналах, о нем пишут воспоминания. Правда, печатаются далеко не все стихотворения этого поэта и далеко не все воспоминания о нем.

9. *XX-й съезд КПСС*

Закрытый доклад Н. С. Хрущева на XX-м съезде КПСС был полной неожиданностью для делегатов этого съезда. Ничего подобного в повестке дня не стояло. Съезд уже фактически закончился, был избран новый состав ЦК КПСС (причем личные позиции Хрущева в новом составе ЦК очень усилились). На первом же заседании пленума нового ЦК и было принято по предложению Хрущева решение о проведении еще одного закрытого заседания XX-го съезда. Делегатов, уже собиравшихся к отъезду, пригласили в Кремль, где Хрущев в течение нескольких часов читал им свой знаменитый доклад.

Уже на следующий день краткое изложение этого доклада было опубликовано в английской буржуазной прессе. А еще через один-два дня был опубликован и полный текст доклада. Вскоре Государственный департамент США распространил по всем странам текст доклада Хрущева, который не был опровергнут Москвой. Очень многие компартии были в смятении и растерянности. Коммунисты были возмущены преступлениями Сталина, и в 1956 году во многих странах наблюдался массовый выход рабочих, служащих и в особенности интеллигентов из коммунистических партий. Разоблачения Хрущева были широко использованы также и в антисоветской пропаганде. Резко критиковали не только Сталина, но и Хрущева социалисты, в том числе и левые социалисты. Как писал лидер итальянских левых социалистов Ненни «... печальным и разочаровывающим фактом является то, что на съезде критический анализ развития революции был подменен разоблачением так называемого мифа о Сталине, причем ради посмертного суда над вчерашним кумиром было принесено в жертву изучение объективных и принципальных причин, приведших от демократического централизма к бюрократическому централизму, от коллективного руководства к единоличному руководству, от возвеличивания созидающей силы революции и народных масс к культе личности — ко всему тому, что возникло не без участников московского съезда КПСС ... Ниспровержение культа личности происходило без необходимого исторического обоснования и в ущерб роли, присущей политическому съезду, которая должна

заключаться в разработке проблем, связанных с движением вперед, но совсем не в том, чтобы «молоть впустую», как это делается, когда ограничиваются воздвижением памятников или же их разрушением.»

Разоблачения, сделанные на XX-м съезде, привели к резкому ослаблению правящих групп в некоторых социалистических странах (группа Ракоши в Венгрии и группа Берута в Польше, группа Червенкова в Болгарии). В определенной степени именно XX-й съезд, облегчивший на время антикоммунистическую пропаганду, облегчил прорыв нашего фронта в Венгрии, что привело в свою очередь к необходимости вооруженного вмешательства.

Вооруженную силу пришлось применять и в Грузии. Здесь еще в самые последние дни февраля распространились слухи о докладе Хрущева. Поклонение Сталину в Грузии после его смерти не уменьшилось, а в определенных кругах даже возросло. Было решено поэтому особенно торжественно отметить 3-хлетнюю годовщину со дня смерти Сталина. 5 марта 1956 года у памятника Сталину собрался огромный митинг. Он был однако разогнан одной из русских воинских частей, введенных в город. Затем в городе состоялась массовая демонстрация и митинг на площади Ленина. Возбужденные толпы молодежи попытались захватить здание Центрального телеграфа и горкома партии. Как утверждают, было сделано несколько выстрелов по охране телеграфа. Войска открыли огонь по толпе демонстрантов, в город были введены танки. Число убитых исчисляется 200-300 человек, число раненых неизвестно, так как население их укрывало. Конечно же, расстрел демонстрации в нашей стране не может быть оправдан, даже если речь идет о националистической и консервативной демонстрации. Имеется немало других возможностей для разгона демонстрации, если уж без этого нельзя обойтись (даже применение слезоточивых газов являлось бы в данном случае куда более гуманным средством). Но наша милиция не имеет никакого опыта и никаких «промежуточных» средств для ликвидации массовых беспорядков.

Ссылаясь на всякого рода издержки для мирового коммунистического движения, на неглубокий анализ и т. д., некоторые товарищи и сейчас высказывают мнение, что

доклад Хрущева на XX-м съезде был преждевременным, что нужно было вначале более основательно проанализировать причины и условия, породившие культ личности Сталина и его беззакония, что нужно было вначале укрепить наиболее слабые звенья нашего коммунистического фронта и т. д. При этом, однако, не учитываются ни обстановка в ЦК, ни условия 1956 года. Сколько-нибудь серьезная и длительная подготовка подобного доклада, тщательное взвешивание всех за и против в то время были вообще невозможны. И если бы тогдашний состав ЦК мог бы предвидеть все последствия инициативы Хрущева, то он возможно и не поддержал бы эту инициативу. Здесь именно и нужна была неожиданность, пусть не слишком подготовленный с теоретической точки зрения, но быстрый удар. Промедление позволило бы объединиться всем противникам разоблачения Сталина и тогда XX-й съезд вообще бы стал невозможным. Какие бы цели не ставил Н. С. Хрущев, выступая со своим докладом, этот доклад останется в памяти потомков как самая большая заслуга Хрущева, причем заслуга бесспорно принадлежащая ему лично. И в сочетании с выступлениями на XXII-м съезде, закрепившими курс XX-го съезда, эта заслуга Хрущева на весах истории, мы уверены. перевесит его серьезные ошибки, а в ряде случаев и преступления.

№ 28

Январь 1967

О некоторых текущих событиях: Постановление о праздновании 50-летия Октября — Манифестация на площади Пушкина в Москве и аресты среди молодежи — Об отношении к лидерам оппозиции 20-х годов — «Женьминьжибао» об обсуждении III тома «Истории КПСС» — О мировом коммунистическом движении — Китайская официальная печать о XX съезде КПСС и о Сталине — Советология — Целина в 1965-1966 гг. — Из литературной жизни: О руководстве литературой. А. В. Луначарский — Газета «Правда» о журналах «Новый мир» и «Октябрь». О некоторых письмах, статьях и рукописях: Статья Н. Бердяева «О фанатизме, ортодоксии и истине» — Дела церковные (Письмо Эшлимана и Якунина) — О некоторых стихотворениях — О Томасе Джефферсоне. О проблеме ответственности за политические преступления прошлого: Из статьи Д. Мельникова «Западнее Эльбы» — Из статьи Э. Генри «Чума на экране» — Из статьи Д. Мельникова «Теория всепрощения» — О позиции журнала «Октябрь». Из повести М. Ланского — Журналист К. Буковский из «Октября» полемизирует с Залыгиным и Эренбургом — Несколько замечаний о проблеме ответственности — О А. Фадееве. Из истории: Вопрос о красном терроре в 1918 году — Вопрос о терроре в 1922 году. Из памфлета В. Гюго «Наполеон Малый» — К вопросу о заложниках — Из книги К. Типпельскирха «История второй мировой войны» —

О Ежове — О народном ополчении 1941 года — Н. К. Крупская в 1938 году. Заметки на разные темы: К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин о якобинском терроре.

О НЕКОТОРЫХ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЯХ

1. Постановление о праздновании 50-летия Октября

Институту марксизма-ленинизма поручено подготовить развернутые тезисы к 50-летию Советской власти. Пока готовятся эти тезисы в газетах, опубликовано специальное постановление ЦК КПСС о подготовке и проведении празднования 50-летней годовщины Октябрьской революции. В этом постановлении кратко говорится о том славном и трудном пути, который прошла за 50 лет Советская страна. Подводятся итоги важнейших социальных завоеваний Советской власти. Однако в постановлении ни разу не упоминается имени Сталина. Вместе с тем ничего не говорится и о преступлениях периода культа личности, хотя преодоление этих преступлений представляет очень важное достижение нашей партии. Правда, в данном документе упоминается о XX и XXII съездах партии, но это сделано как-то мимоходом, авторы документа не акцентируют внимания на решениях XX и XXII сзездов партии. Перечисляя победы партии в борьбе с троцкизмом, с «правым» уклоном и т. д., авторы документа ничего не говорят о сталинизме, который представлял собой наиболее опасное по своим последствиям отклонение от марксизма-ленинизма. Чувствуется, что авторы документа не хотят раздражать ни сталинистов, ни активных противников сталинизма, которых в нашей стране становится все больше, особенно среди интеллигенции и молодежи. Вероятно, некоторые из руководителей нашей партии, придерживающиеся умеренной позиции, надеются прожить юбилейный год без каких-либо резких идеологических столкновений между теми различными течениями, которые (и это нужно открыто признать) уже возникли и развиваются и в партии, и в общественной жизни нашей страны в более широком смысле.

Удастся ли такое идейное перемирие — покажет будущее. Думается, однако, что это не удастся, развитие об-

щественного сознания происходит, как правило, независимо от юбилеев и праздников.

2. Манифестация на площади Пушкина в Москве и некоторые аресты среди молодежи

Еще в конце 1966 года Александр Гинзбург собрал множество материалов, связанных с процессом Синявского и Даниэля, расположил их в определенном порядке и направил эту «Белую книгу» в ЦК КПСС, в Президиум Верховного Совета СССР, в Прокуратуру СССР. Ответа, как и следовало ожидать, А. Гинзбург не получил, однако его «Белая книга» вскоре была издана за границей. В декабре 1966 года или в январе 1967 года Гинзбург был арестован. Это его второй арест. Еще будучи студентом университета, А. Гинзбург организовал выпуск полуподпольного студенческого журнала «Синтаксис», в котором помещались некоторые стихи и литературные произведения, главным образом из тех, что ходят по рукам в списках. За Гинзбургом начали следить, и вскоре при попытке сдать экзамен за своего товарища он был задержан и привлечен к судебной ответственности. А. Гинзбург был осужден на 2 года заключения за подделку зачетной книжки. После выхода из заключения Гинзбург не «исправился», он продолжал собирать у себя всякую не только «самоиздатовскую», но и просто западную литературу, переписывался с иностранцами и т. д. У него провели обыск, нашли немало всякой западной литературы, в том числе и такой, которая входит в списки запрещенной. А. Гинзбург написал большое покаянное письмо в «Вечерней Москве». Оно написано в форме открытого письма одному из своих канадских «доброжелателей». Вероятно друзья Гинзбурга осудили этот, по их мнению, трусливый поступок, и теперь он решил вновь встать на путь борьбы за демократию.

Одновременно с Гинзбургом был арестован и *Ю. Галансков* (а также и еще 1-2 человека) Рассказывают, что Галансков собрал в один сборник несколько машинописных произведений из так называемого «Самоиздата» (краткую запись обсуждения III тома Истории КПСС и обсуждения книги А Некрича, письмо Э. Генри Илье Эренбургу, стихи

различных поэтов и т. д.) Этот сборник с предисловием Галанскова под названием «Феникс» был переправлен за границу в ФРГ и там опубликован в конце прошлого года. Это, видимо, и было причиной для ареста.

22 или 21 января на Пушкинской площади в Москве состоялась новая манифестация молодежи (человек 100-150) в знак протеста против ареста Гинзбурга и Галанскова. Манифестация была разогнана дружинниками, привезенными на площадь, разумеется, специально для этой цели. При разгоне демонстрации, некоторые из ее участников оказали сопротивление (когда у них отнимали лозунги и плакаты). Это привело к аресту еще нескольких человек (Габай, Хаустов, Буковский и др.)

3. Об отношении к лидерам оппозиции 20-х годов

В последние месяцы в нашей печати довольно часто упоминаются имена бывших лидеров различных внутрипартийных оппозиций 20-х годов: Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина. Как известно, никто из этих в прошлом видных деятелей партии в настоящее время не реабилитирован в партийном отношении. Это создает большие затруднения при освещении различных исторических событий. При этом разные авторы по разному стараются преодолеть подобные затруднения.

В некоторых научных работах последнего времени мы встречаем имена Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина в общем перечислении участников того или иного события или партийного органа. Упоминается, например, что «по поручению партии на совещании выступил Троцкий» или «бюро Московского комитета партии направило на это совещание Муралова и Бухарина». Подобного рода фраз немало в макете III-го тома Истории КПСС и в верстках готовящихся к печати книг об истории вооруженного восстания в Москве и Петрограде.

В «Литературной газете» от 23 декабря 1966 г. рассказывается о недавно раскрывшейся подоплеке знаменитой фальшивки — так называемого «письма Зиновьева». Весьма характерно, что «Правда» также поместила в этот же день

заметку: «История одной фальсификации». Однако сфабрикованная английскими консерваторами в 1924 году фальшивка, известная всем как «Письмо Зиновьева», именуется почему то в «Правде» «Письмом Коминтерна». Вероятно, из-за такого же нежелания вообще упоминать в любом контексте имена Троцкого, Зиновьева, Каменева и других было решено отказаться от издания биохроники Ленина, над составлением которой работали сотрудники ИМЛ и музея Ленина. Слишком уж часто, по данным этой биохроники, Ленин встречался с перечисленными политическими деятелями.

В большинстве исторических сочинений, посвященных 20-м годам, вопрос о борьбе с оппозицией излагается по старым сталинским схемам начала 30-х годов. Говорится много об антиленинской сущности оппозиций, отходе от генеральной линии партии. При этом, перечисляя враждебные партии и народу уклоны и течения, никто из авторов вышедших за последние годы книг и статей не упоминает сталинизм, хотя именно этот «уклон» был, конечно, наиболее опасным и длительным отступлением от основных принципов ленинизма.

Говоря о бывших лидерах оппозиций, никто почти из авторов не называет этих деятелей врагами народа, шпионами и предателями. Речь идет в основном лишь об их антипартийной деятельности. Примерно в таком духе ответил и А. Н. Косыгин, давая интервью в Англии, на вопрос журналиста Р. Эли Маисси — «заслуживает ли Троцкий реабилитации и снятия обвинений, выдвинутых против него в сталинскую эпоху». Если автор этой записки, — сказал Косыгин, — очень интересуется тем, что такое троцкизм и какой вред он нанес коммунистическому движению, то по этому вопросу можно было бы организовать специальную лекцию. Наша партия, которая провела успешную борьбу против троцкизма, осуждала и осуждает троцкизм. Так обстояло дело в прошлом, так обстоит и сейчас» (см. «Правду» от 5 декабря 1966 г.).

Нельзя не отметить однако, что в одном из номеров «Недели» за прошлый год (№ 33, 1966) был помещен очерк о разведчиках в серии «Солдаты невидимого фронта». Под

названием «Коллекция пана Кобецкого» некто А. Вербицкий рассказывает совершенно невероятную историю о деятельности советских разведчиков в Испании в 1937-1938 гг. Согласно этому рассказу, в Мадрид прибыл из гитлеровской Германии резидент фашистской разведки Отто Кирхнер. К нему наша разведка подсылает своего человека под видом продавца ценных произведений живописи. Немецкий разведчик не только приобретает по фотографиям несколько картин, но и просит нашего разведчика, о котором он по существу ничего не знает, доставить несколько картин в Аргентину. Одновременно он дает нашему разведчику пакет со всякого рода шпионскими материалами, из которых якобы становится ясным, что троцкистская организация ПОУМ, принимавшая участие, как известно, в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев, является шпионской организацией и финансируется Гитлером. Этот пакет Отто Кирхнер просит нашего разведчика доставить в Аргентину. Однако пакет попадает в руки советской разведки. Затем другой советский разведчик проникает в штаб ПОУМ, где его принимают за своего и дают поручение перейти линию фронта и передать шпионские материалы самому генералу Франко. Однако и эти материалы попадают не к Франко, а в Особый отдел по борьбе со шпионажем, что и позволило якобы полностью изобличить испанских троцкистов в связях с Гитлером и Франко и разгромить всю их организацию. Очерк А. Вербицкого составлен до крайности примитивно и не вызывает никакого доверия.

4. «Женьминь жибао» об обсуждении III тома «Истории КПСС»

В записях за прошлый год мы приводили некоторые сведения о выступлениях старых большевиков на обсуждении в ИМЛ III тома «Истории КПСС». Все почти выступали с требованием усилить в томе осуждение Сталина. Только один оратор, некто Шагаев, выступил с речью в защиту Сталина, вызвавшей общее возмущение аудитории.

Рассказывают, что речь Шагаева опубликована с соответствующим комментарием в китайской газете «Женьминь

жибао». Разумеется, китайская газета не привела никаких цитат из других речей.

5. О *мировом коммунистическом движении*

В «Правде» за 20 января 1967 года опубликована статья Ф. Бурлацкого о мировом коммунистическом движении. Хотя эта статья и написана в обычном оптимистическом тоне, некоторые из приведенных в ней данных заставляют серьезно задуматься. Как пишет Бурлацкий, в Западной Европе в последние 10 лет общее число членов компартий остается стабильным: и в 1957, и в 1961, и в 1966 гг. оно равнялось 2,5 млн человек. Однако в начале 1956 года число коммунистов в Европе исчислялось гораздо большей цифрой. Многие люди вышли из компартий после Венгерских событий, падение численности компартий остановилось возле цифры 2,5 млн. Для Европы эта цифра не слишком велика, к тому же она уже десять лет не увеличивается, несмотря на полную легальность коммунистических партий в большинстве стран.

В несоциалистических странах Азии число коммунистов увеличилось с 1,7 млн в 1957 году до 3,8 млн в 1966 году. Однако не менее 2,5 млн коммунистов было в 1966 году в одной Индонезии. Сколько их сейчас уцелело, мы не знаем. Если учесть колоссальные масштабы Азии, то приходится признать, что позиции коммунистов здесь еще крайне слабы. Еще слабее они в Северной и Южной Америке. На всем американском континенте имелось в 1966 году всего 343 тысячи коммунистов (должно быть не менее трети из них приходится на одну Кубу). И уж совсем слабыми являются позиции коммунистов в Африке, где имеется всего несколько десятков тысяч коммунистов.

6. *Китайская официальная печать* о *XX-м съезде и Сталине*

В апреле 1956 года «Женьминь жибао» в статье «Об историческом опыте диктатуры пролетариата» писала: «Вопрос о борьбе против культа личности занимал важ-

ное место в работе XX съезда КПСС. Съезд со всей прямотой вскрыл факт распространения культа личности, длительное существование которого в жизни советского общества привело ко многим ошибкам в работе, вызвало нежелательные последствия. Проведенная Коммунистической партией Советского Союза смелая критика своих ошибок свидетельствует о высокой партийной принципиальности и великой жизненности марксизма-ленинизма.»

Через десять лет в предисловии к 5-му тому сочинений Хрущева (это издание было предпринято в Китае с целью «разоблачения величайшего ревизиониста», оно было продолжено даже и после смещения Хрущева) о XX-м съезде говорится следующее: «Бешено ополчившись против великого марксиста-ленинца Сталина, съезд по существу опорочил пролетарскую партию и ее вождя, опорочил диктатуру пролетариата и социалистическое строительство, выступил против марксизма-ленинизма, против Советского Союза, против коммунизма и народа. XX съезд — антимарксистский, антиленинский, провозгласивший рождение ревизионизма. XX съезд изменил марксистской пролетарской революции, оказал услугу империализму и реакционерам различных стран. XX съезд внес раскол в международное коммунистическое движение и подорвал сплочение революционных народов всего мира, опорочил основанную Лениным КПСС и положил начало ее превращению из партии пролетариата в буржуазную партию. XX съезд очернил великую страну советов и положил начало ее перерождению из государства диктатуры пролетариата в государство диктатуры буржуазии.»

В нашей контрпропаганде против китайских догматиков (эта контрпропаганда идет очень вяло) используется много всяких бредовых высказываний из китайской прессы. Однако до сих пор нигде не опубликовано приведенное выше высказывание о XX съезде.

7. *Советология*

В капиталистических странах очень основательно изучается Советский Союз, проблемы коммунистического дви-

жения в целом, современные проблемы марксизма. В США существует больше 130 научных центров и институтов по «советологии», в ФРГ более 30. Довольно основательно изучают нас и в Китае. В отделе по «изучению» советского опыта при ЦК КПК еще в 1960 году работало более тысячи человек. В то же время в СССР довольно плохо изучаются многие крупнейшие страны земного шара. Мы очень мало изучали Китай, небольшой институт китаеведения был в свое время ликвидирован, сейчас созданы группы по изучению китайских дел, однако они явно не справляются с огромным объемом работы. Только сейчас ведется подготовка к созданию института США. До сих пор изучением США занимались сравнительно малочисленные группы в других институтах. Таким образом можно сделать вывод, что многие наши дела лучше знают в Америке, чем мы знаем соответственно многие американские дела.

8. Целина в 1965-1966 гг.

Мы писали в наших заметках за январь 1965 г. о целине. Как известно, в 1965 году на целине был опять очень тяжелый год. Урожай был очень низким и хотя в большинстве областей Северного Казахстана удалось заготовить семена, запастись фуражом и выдать натуральные премии механизаторам, однако государству было продано по 5 областям Северного Казахстана всего 74 млн пудов зерна. Между тем предполагалось продать государству едва ли не 1 млрд пудов. Наибольший урожай был получен с паровых участков.

Трудное положение сложилось и на Алтае. Средний урожай здесь непрерывно падает. Если за 1956-1960 гг. средний урожай был на Алтае на уровне 11,8 центнера с гектара, то в 1961-1965 гг. он упал до 7 центнеров. Значительно сократилось на Алтае поголовье свиней, овец и коз. Основные средства совхозов в расчете на 100 гектаров возросли за последние 5 лет более чем на 40 %, а валовая продукция снизилась.

В 1966 году на целине был хороший урожай. Только Казахстан дал стране более миллиарда пудов ярового хле-

ба. Перевыполнил план продажи зерна и Алтай. Однако положение дел на целине остается еще довольно тревожным.

Во многих областях на целине продолжается эрозия почвы. Очень больших размеров достигает засоренность многих полей, здесь было немало случаев, когда поля засеянные пшеницей приходилось из-за засоренности скашивать на сено, даже на парах проводили сенокос. До сих пор на целине еще очень незначителен паровой клин. Все это создает опасность для будущих урожаев.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

1. О руководстве литературой. А. В. Луначарский

В журнале «Новый мир» (№ 12, 1966) опубликована статья А. Дементьева и И. Саца «А. В. Луначарский и советская литература». Ниже мы приводим некоторые выписки из этой статьи (сейчас очень многие обращаются к Луначарскому, чтобы подчеркнуть как надо и как не надо руководить литературой).

«Когда речь шла о пропаганде контрреволюционных тенденций в литературе, Луначарский, разумеется, считал естественной мерой отказ издательств от выпуска такого рода сочинений или цензурный запрет. Однако, когда представители «пролетарской» группы «На посту» объявили лозунг классовой борьбы с «Серапионовыми братьями» или с Б. Пильняком и А. Н. Толстым, он возражал: «...вести классовую борьбу против десяти-пятнадцати формально перешедших на нашу сторону из белого стана даровитых писателей — несколько смешно. Вместо классовой борьбы получается, помимо, конечно, воли самих представителей направления «На посту», распря двух литературных групп. Борьба против неверных уклонов выше указанных попутчиков, как и других писателей (а ведь и у пролетарских писателей может оказаться вредный уклон), должна вестись правильно поставленной марксистской критикой... Но можно в высокой степени усомниться, чтобы влияние этих нереволюционных традиций вышеуказанных писателей могло быть реально вредным и для кого-то увлека-

тельным. Наоборот, материал, который они давали в более или менее талантливой обработке, служит чудесным объектом для нашей марксистской критики. Даже отрицательная польза, приносимая, например, Борисом Пильняком, достаточна для того, чтобы оправдать его существование и печатание его произведений. Мне кажется, что партия в целом стоит именно на этой точке зрения. .»

Луначарский приветствовал резолюцию ЦК РКП(б) 1925 года «О политике партии в области художественной литературы», в частности, потому, что она «берет примиряющую ноту»: «Некоторым товарищам все еще хочется брать какие-то Перекопы в культуре, захватывать и здесь чуть не в военном смысле понимаемые командные вершины, а между тем в этой области такие действия означают только озлобление и отводят пролетарское культурное творчество от его прямой задачи на неправильный путь подчас мелочной и неприятной борьбы за культурно не оправданное первенство.» «Таким образом, общий политический лозунг — не отбрасывать от себя сразу инакомыслящих, не действовать военно-коммунистическим путем приказов, силою власти, а согласовывать свои действия со всем целым нашей общественности, но согласовывать так, чтобы руководство оставалось в руках пролетариата».

...В соответствии с духом ленинской политики Луначарский как представитель советской власти в области культуры лишь в редких случаях признавал применимым запрет или близкую к этому уничтожающую критику. Основным же способом влияния на развитие искусства в нужном народу социалистическом направлении он считал метод принципиальной партийной критики, дискуссии, убеждения, товарищеского воздействия. Партийность искусства он отстаивал партийными методами. Это, конечно, дело трудное, требующее знаний, понимания искусства, твердости в основных принципах и гибкой тактики. Луначарскому приходилось почти непрерывно слышать и читать, как его обвиняют одни в либерализме, другие в административной жестокости и т. д. Защититься от этих нападок иногда бывало нелегко. (Еще теперь можно иногда встретить отзвуки этих старых обвинений, но происхождение их забыто. Забыто, что «пассеизмом» называли сохранение

Третьяковской галереи, Эрмитажа, Большого, Малого и Художественного театров, а «футуризмом» — поддержку, оказанную Луначарским Маяковскому, Мейерхольду, Коненкову.)

Разумеется, дело не обходилось без отдельных ошибок; однако общее направление работы Луначарского было правильным, оно диктовалось проведением общих директив партии.

... Луначарский считал, что массовому зрителю должны быть доступны все значительные или интересные своей характерностью произведения. В нашей стране коммунистическая партия и государственная власть, писал Луначарский, имеют достаточно средств, чтобы благоприятствовать наиболее близкому искусству, не исключая все другое административным способом, и партийная марксистская критика способна разъяснить преимущества передовых художественных явлений.

Основой этого подхода Луначарского к художественному воспитанию была непоколебимая вера в то, что «ветер истории дует в паруса коммунизма» и что освобожденный социалистической революцией народ, как только он получит возможность использовать преимущества, открываемые бесклассовым обществом, исполнит свою историческую культурную миссию.

Следуя заветам Ленина, Луначарский не раз предостерегал работников культурного фронта от двух опасностей: от идейного капитулянтства и сектантства. В статье «Один из культурных заветов Ленина» (1929) он вспоминал слова Ленина: «Если вы позволите произойти процессу рассасывания наших коммунистических начал, если вы растворитесь в беспартийной среде, это будет величайшее преступление. Но если вы замкнетесь в сектантскую группку, в какую-то касту завоевателей, возбудите к себе недоверие, антипатию среди больших масс, а потом будете ссылаться на то, что они-де мещане, что они чуждый элемент, классовые враги, то придется спросить с вас со всей строгостью революционного закона» («В. И. Ленин о литературе и искусстве». Гослитиздат. М. 1960, стр. 676-677).

2. Газета «Правда» о журналах «Новый мир» и «Октябрь»

В конце января газета «Правда» опубликовала большую статью, посвященную в основном журналам «Новый мир» и «Октябрь». Эта статья готовилась давно, и ее первоначальный вариант был гораздо более резким. Причем речь шла только о работе «Нового мира». Сейчас статья стала более спокойной, хотя ей и далеко до настоящей объективности.

«Новый мир», — как пишет «Правда», — опубликовал ряд высокохудожественных произведений. В первую очередь следует назвать проникнутую мужественной правдой повесть Ч. А. Айтматова «Прощай, Гульсары!», пьесу В. Пановой «Сколько лет, сколько зим!», поэтические произведения А. Твардовского, Г. Леонидзе, К. Кулиева и других.

Вместе с тем следует сказать, что при всем многообразии произведений, напечатанных «Новым миром», при всем различии выведенных типов и характеров, в них очень трудно увидеть главное — именно тот новый мир, который вступил в пятидесятый год своего существования, действительно нового человека, идейно убежденного, интенсивно думающего и действующего человека, в котором пробуждена энергия борца и созидателя.

К сожалению, из нашей многообразной действительности внимание «Нового мира» привлекают не факты и явления, показывающие, что из всех испытаний наша партия и народ выходили еще более закаленными и сильными, с непоколебимым революционным оптимизмом, а в большинстве случаев лишь явления одного ряда, связанные с теневыми сторонами, с разного рода ненормальностями, с болезнями бурного роста.

Как показывает практика, журнал «Новый мир» готов видеть свою активную роль преимущественно в том, чтобы привлекать внимание общества, главным образом, к явлениям отрицательным. Само по себе критическое отношение к тем или иным явлениям действительности вполне отвечает сути социалистического реализма, ибо художественный метод советской литературы, наряду с раскрытием нового, предполагает бичевание недостатков, расчистку пути от

препятствий. Но, понятно, при этом нам вовсе не безразлично, с каким чувством закрывает читатель прочитанную книгу или очередной номер журнала. Вызывают ли в нем произведения, с которыми он познакомился, прилив сил, стремление быть лучше и чище, бороться против изображенных в них отрицательных явлений или же они способны создать ощущение безысходности, неверное впечатление об окружающей действительности, о месте и значении в ней каждого человека как участника общенародного дела.

Редакция «Нового мира» проходит мимо героики и романтики. Более того, журнал не упускает возможности едко поиронизировать, а то и поиздеваться над произведениями, опубликованными в других органах печати, если там делается попытка — пусть и не всегда удачная —утвердить героическую тему, показать героический характер. Сотрудничающие в «Новом мире» литературные критики нередко поднимают на пьедестал произведения, однобоко изображающие тяжелые ситуации в нашем прошлом, разного рода «узкие места», а то и «задний двор». Взамен революционера и борца такие критики на первый план выдвигают персонажей, обиженных судьбой, людей с ущербной психологией и моралью, общественно пассивных, этаких откровенных «антигероев». Защите этих позиций посвятил многие страницы в журнале критик В. Лакшин. Во многом не отвечает высоким требованиям времени и публицистика журнала.»

А вот что говорится в «Правде» о журнале «Октябрь»:

«...«Октябрь» (хотя и в иных проявлениях, нежели «Новый мир») также страдает поверхностным подходом к жизненным явлениям.

Если «Новый мир» грешит недооценкой огромного исторического опыта, движущих сил советского общества и народных достижений, завоеванных под руководством партии на всем пути, пройденном нашей страной, то в «Октябре» обнаруживается недооценка плодотворных сдвигов, которые отчетливо видны сейчас в развитии советского общества и представляют собою результат восстановления ленинских принципов и норм во всех сферах жизни. Многие из этих сдвигов «Октябрь» показывает, не проникая в суть

новых общественных явлений, и допускает искажения в их отображении.

Слов нет, проблематика журнала «Октябрь» теснее связана с нынешним днем. Здесь нередко печатаются и произведения о героическом прошлом нашего народа. За последнее время наибольшее внимание читателей привлекли проза И. Сельвинского, В. Матушкина, С. Ананьина, стихи В. Федорова, очерк А. Коптяевой «Края родные» и произведения некоторых других авторов.

Однако в целом положение, сложившееся в журнале «Октябрь», вызывает озабоченность.

Общественность беспокоят зыбкость идейных позиций, преувеличенное подчеркивание в «Новом мире» теневых сторон жизни. Но нельзя согласиться и с проявлениями упрощенчества, характерными для журнала «Октябрь» в его подходе к серьезным проблемам. Нельзя прежде всего потому, что опыт социалистического строительства в нашей стране показал, насколько грандиозным и поистине творческим делом является революционное переустройство общества, с каким сложными проблемами и задачами, историческими поворотами оно встречается в своем развитии.

Журнал нередко бывает неразборчивым при определении подлинной ценности произведений, не предъявляет строгих требований к их идейному содержанию, и в особенности к художественным достоинствам.

...Почти не затрагивая вопросов художественного мастерства, литературная критика «Октября» в основном ограничивается задачами публицистическими, настолько специфически понимаемыми ею, что журнал нередко пользуется заушательскими приемами, навешивает на своих оппонентов различные ярлыки.

Критике на страницах этого журнала присущи директивность суждений, неоправданная запальчивость. При всем этом «Октябрю» недостает теоретической основательности и объективности в оценке современного литературного процесса, глубины постижения природы художественного творчества, уважительного отношения к таланту. Такой характеристики заслуживают, в частности, многие высту-

пления П. Строкова, которые нередко грешат упрощенчеством, субъективизмом.»

О НЕКОТОРЫХ СТАТЬЯХ, ПИСЬМАХ И РУКОПИСЯХ

1. Статья Н. Бердяева «О фанатизме, ортодоксии и истине»

Во многих кругах интеллигенции с интересом читают сегодня книги и статьи Н. А. Бердяева, известного в прошлом философа и публициста.

Еще в конце XIX-го века Бердяев примкнул к марксизму, но уже перед первой русской революцией отошел от марксизма. Идеология Бердяева стала приобретать все более идеалистический и даже мистический характер. Бердяев снова вернулся в лоно религии и церкви и вступил в кадетскую партию. В 1922 году под давлением советских властей Бердяев эмигрировал из СССР. Бердяев очень много писал и за границей на разные темы, и среди марксистов возникло даже понятие «бердяевщина». Справедливо выступая против фанатизма, религиозного и политического, против фашизма, Н. А. Бердяев и коммунизм причислял к разновидностям фанатического и иррационального учения. Бердяев, конечно, не мог ни в 20-ые, ни в 30-ые годы провести грань между настоящим социализмом и лже-социализмом. Однако если в отношении подлинного марксизма нападки Бердяева проходили, как правило, мимо цели, то этого нельзя сказать о лже-марксизме и сталинизме. Именно этим, по-видимому, и следует объяснять большую популярность на Западе многих работ Бердяева в 30-40-е годы.

В последнее время довольно широкое распространение в списках получила сравнительно небольшая статья Н. Бердяева «О фанатизме, ортодоксии и истине», которая была опубликована за границей еще в 1937 году. Мы приводим ниже эту статью с небольшими купюрами:

«Тема о фанатизме, связанная с приверженностью к ортодоксальным учениям очень актуальна, — пишет в своей статье Бердяев. — История ритмична, в ней огромную роль играет смена психических реакций. И мы вступаем в ритм,

когда преобладает направленность к принудительному единству, к обязательной для всех ортодоксии, к порядку, подавляющему свободу. Это есть реакция против XIX века, против его свободолюбия и человечности. Вырабатывается массовая психология нетерпимости и фанатизма. При этом нарушается равновесие, и человек допускает себя до маниакальной одержимости. Индивидуальный человек делается жертвой коллективных психозов. Происходит страшное сужение сознания, подавление и вытеснение многих человеческих черт, всей сложности эмоциональной и интеллектуальной жизни человека. Единство достигается не через полноту, а через все большую и большую ущербленность. Нетерпимость имеет родство с ревностью. Ревность есть психоз, при котором теряется чувство реальности. Душевная жизнь опрокидывается и фиксируется на одной точке, но та точка, на которой происходит фиксация, совсем не реально воспринимается. Человек, в котором нетерпимость дошла до каления фанатизма, подобно ревнивцу, всюду видит лишь одно, лишь измену, лишь предательство, лишь нарушение верности единому, он подозрителен и мнителен, всюду открывает заговоры против излюбленной идеи, против предмета своей веры и любви. Человека, фанатически нетерпимого, как и ревнивца, очень трудно вернуть к реальности. Фанатик, одержимый манией преследования, видит вокруг козни дьявола, но он всегда сам преследует, пытает и казнит. Человек, одержимый манией преследования, который чувствует себя окруженным врагами, очень опасное существо, он всегда делается гонителем, он-то и преследует, а не его преследуют. Фанатики, совершающие величайшие злодеяния насилия и жестокости, всегда чувствуют себя окруженными опасностями, всегда испытывают страх. Человек всегда совершает насилие из страха. Аффект страха глубоко связан с фанатизмом и нетерпимостью. Излечение от страха и было бы излечением от фанатизма и нетерпимости. Фанатику дьявол всегда кажется страшным и силным, он верит в него более, чем в Бога. Фанатизм имеет религиозные истоки, но он легко переходит на сферу национальную и политическую. Национальный или политический фанатик также верит в дьявола и его козни, хотя бы религиозная категория дьявола всегда была ему совершенно чужда. Против сил дьявола всегда создается инквизиция или комитет общест-

венного спасения, всесильная тайная полиция, ЧК. Эти страшные учреждения всегда создавались страхом дьявола. Но дьявол всегда оказывался сильнее, он проникал в эти учреждения и руководил ими. Нет ничего страшнее страха. Духовное излечение от страха нужнее всего человеку. Нетерпимый фанатик совершает насилия, отлучает, сажает в тюрьмы и казнит, но он, в сущности, слабый, а не сильный, он подавлен страхом и сознание его страшно сужено, он меньше верит в Бога, чем терпимый. В известном смысле можно было бы сказать, что фанатическая вера есть слабость веры, безверие. Это вера отрицательная. Архимандрит Фотий эпохи Александра I верил, главным образом, в дьявола и антихриста. Сила Бога представлялась ему ничтожной по сравнению с силой дьявола. Инквизиция также мало верит в силу христианской истины, как ГПУ мало верит в силу коммунистической истины.

Фанатическая нетерпимость есть всегда глубокое неверие в человека, в образ Божий в человеке, неверие в силу истины, т. е. в конце концов неверие в Бога. Человек, допустивший себя до одержимости идеей мировой опасности и мирового заговора масонов, евреев, иезуитов, большевиков или оккультного общества убийц перестает верить в Божью силу, силу истины и полагается лишь на собственные насилия, жестокости и убийства. Такой человек есть, в сущности, предмет психопатологии и психоанализа. Маниакальная идея, внушенная страхом, и есть самая большая опасность. Сейчас фанатизм, пафос обще-обязательной ортодоксальной истины обнаруживает себя в фашизме, в коммунизме, в крайних формах религиозного догматизма и традиционализма.

...Фанатическая нетерпимость всегда ставит перед ложным выбором и производит ложное деление. Но интересно, что пафос фанатической нетерпимости в наше время есть результат не страстной веры и убежденности, а искусственного взвинчивания, часто стилизации, есть порождение коллективных внушений и демагогии. Есть, конечно, отдельные коммунисты и фашисты, верующие и убежденные до фанатизма, особенно среди русских коммунистов и немецких наци, менее среди итальянских фашистов, более скептических и подчиненных расчетливой политике. Но у коммунистической и фашистской массы никаких твердых

и продуманных верований и убеждений нет. Эта масса стилизуется под фанатизм вследствие внушения и подражания, а часто и интереса. Современный пафос нетерпимости очень отличается от средневекового; тогда действительно была глубокая вера. Средний человек нашего времени идей не имеет, он имеет инстинкты и аффекты. Нетерпимость его вызвана условиями войны и жаждой порядка. Он знает лишь истину, полезную для организации. Двучленное деление мира, вызванное требованиями войны, имеет свои неотвратимые последствия. Наша эпоха не знает критики и идейного спора и не знает борьбы идей. Она знает лишь обличения, отлучения и кары. Инакомыслящий рассматривается как преступник. С преступлением не спорят. В сущности, нет больше идейных врагов, есть лишь враги военные, принадлежащие к враждебным державам. Спор есть терпимость. Самый свирепый спорщик — терпимый человек, он допускает сосуществование иных идей, чем его идеи, он думает, что от столкновения может лучше раскрыться истина. Но сейчас в мире никакой идейной борьбы не происходит, происходит борьба интересов и кулаков. Коммунисты, фашисты, фанатики «ортодоксального» православия, католичества или протестантизма ни с какими идеями не спорят, они отбрасывают противника в противоположный лагерь, на который наставляются пулеметы. Пафос ортодоксальной доктрины, которая оказывается полезной для борьбы и для организации, ведет к полной потере интереса к мысли и к идеям, к познанию, к интеллектуальной культуре, и сравнение со средневековьем очень неблагоприятно для нашего времени.

Никакого идейного творчества при этом не обнаруживается. В этом отношении наша нетерпимая эпоха поразительно бездарна и убога, в ней творческая мысль замирает, она паразитарно питается предшествующими эпохами. Мыслители, наиболее влиятельные в современной Европе, как Маркс, Ницше, Кьеркегор принадлежат тому XIX веку, против которого сейчас происходит реакция. Единственная область, в которой обнаруживается головокружительное творчество, есть область технических открытий. Мы живем под знаком социальности, и в этой области происходит много положительного, но никаких социальных идей, социальных теорий сейчас не создается, все они принадлежат XIX

веку. Марксизм, Прудонизм, синдикализм, даже расизм — все порождение мысли XIX века. Главное преимущество нынешнего века в том, что он более обращен к реальностям, разоблачает реальности. Но, разоблачая старые идолы, новый век создает новые идолы.

Для фанатика не существует многообразного мира. Это человек, одержимый одним. У него беспощадное и злое отношение ко всему и всем кроме одного. Психологически фанатизм связан с идеей спасения или гибели. Именно эта идея фанатизирует душу. Есть единое, которое спасает, все остальное губит. Поэтому нужно целиком отдаться этому единому и беспощадно истреблять все остальное, весь множественный мир, грозящий погибелью. С гибелью, связанной с множественным миром, связан и аффект страха, который всегда есть в подпочве фанатизма. Инквизиторы бывали совершенно убеждены, что совершаемые ими жестокости, пытки, сжигания на кострах и пр. есть проявление человеколюбия. Они боролись против гибели за спасение, охраняли души от соблазна ересей, грозивших гибелью. Лучше причинить краткие страдания в земной жизни, чем гибель для многих в вечности... Торквемада был бескорыстный отрешенный человек, он ничего не желал для себя, он весь отдавался своей идее, своей вере; истязая людей, он служил своему Богу, он все делал исключительно во славу Божью, в нем была даже мягкость, он ни к кому не испытывал злобы и вражды, он был в своем роде «хороший» человек. Я убежден, что таким же «хорошим» человеком, убежденным, верующим, бескорыстным, был и Дзержинский, который ведь в молодости был страстно верующим католиком и хотел стать монахом.... Патологическая ненависть к ереси есть одержимость «идеей», которая поставлена выше человека. Но все ортодоксальные доктрины мира есть ничто по сравнению с последним из людей и его судьбой Человек есть образ и подобие Божье. Всякая же система идей есть порождение человеческой мысли или бессмыслия. Человек не спасается и не гибнет от того, что придерживается какой-либо системы идей. Единственная настоящая ересь есть ересь жизни. Обличители и гонители ересей и как раз и бывали еретиками жизни, еретиками в отношении к живому человеку, к милосердию, к любви. Все инквизиторы были еретиками жиз-

ни, они были изменниками жизненному догмату о человеке. Кирилл Александрийский был более еретиком жизни, чем обличаемые им еретики. За обличениями еретиков всегда скрыта греховная похоть власти, воля к могуществу.

Патологическая одержимость идеей спасения и гибели, от которой следовало бы лечиться, может быть перенесена и на социальную сферу. Тогда эта паническая идея порождает революционный фанатизм и создает политические инквизиционные учреждения. Нетерпимость и инквизиция оправдываются грозящей социальной гибелью. Так московские процессы коммунистов очень напоминают процессы ведьм. И здесь и там обвиняемые сознаются в преступных сношениях с дьяволом. Человеческая психика мало меняется. В сущности, фанатизм всегда носит социальный характер. ...Фанатик всегда нуждается во враге, всегда должен кого-то казнить. Ортодоксальные догматические формулы образованы не по отношению к Богу, а по отношению к другим людям, или образовались потому, что возникли еретические мнения. Фанатизм всегда означает социальное принуждение. Или он может принимать формы самосжигания, как например, в крайних течениях русского раскола, но и в этом случае он тоже означает социальное принуждение с обратным знаком. Фанатизм крайней ортодоксии в религии носит сектантский характер. Чувство удовлетворения от принадлежности к кругу избранных есть сектантское чувство. Фанатизм очень накаляет волю и организовывает для борьбы, для причинения мучений и для перенесения мучений. У самого мягкого, кроткого фанатика, осознающего себя человеколюбцем, заботящимся о спасении душ и обществ, есть элемент садизма. Фанатизм всегда связан с явлением мучительства. Идеологически фанатизм всегда есть исступление ортодоксии.

Категория ортодоксии, противополагаемой ереси, применяется сейчас к типам мышления, ничего общего не имеющего с религией, напр., к марксизму, но она религиозного происхождения. Хотя она религиозного происхождения, но все есть прежде всего явление социальное и означает господство коллектива над личностью.

Люди, почитающие себя ортодоксальными по преимуществу и отлучающие еретиков, т. е. инакомыслящих, любят говорить, что они защищают истину и истину ставят

выше свободы. Это есть самое большое заблуждение и самообольщение ортодоксов. Пафос ортодоксии, питающий фанатизм, ничего общего не имеет с пафосом истины, он как раз ему противоположен. Ортодоксия образуется вокруг темы спасения и гибели, ортодоксы сами испуганы и пугают других. Истина же не знает страха. Именно хранители ортодоксии более всего искажали истину и боялись ее. Хранители религиозной ортодоксии искажали историю. Хранители марксистской или расистской ортодоксии также искажают историю. Эти люди всегда создают злостные легенды о враждебной им силе. Истина подменяется пользой, интересами организованного порядка. Человек, фанатизированный какой-либо идеей, как единоспасающей, не может искать истины. Искание истины предполагает свободу. Истины нет вне свободы, истина дается лишь свободе. Вне свободы есть лишь польза, а не истина, лишь интересы власти. Фанатик какой-либо ортодоксии ищет власти, а не истины. Истина не дана готовой и не воспринимается пассивно человеком, она есть бесконечное задание.

... Фанатик — эгоцентрик. Вера фанатика, его беззаветная и бескорыстная преданность идее нисколько не помогает ему преодолевать эгоцентризм. Аскета-фанатика, а фанатики часто бывают аскетами, нисколько не побеждает поглощенность собой, нисколько не обращает его к реальностям. Фанатик какой-либо ортодоксии отождествляет свою идею, свою истину с собой. Он и есть эта идея, эта истина. Ортодоксия — это он. В конце концов это всегда оказывается единственным критерием ортодоксии. Фанатик ортодоксии может быть крайним приверженцем принципа авторитета. Но он всегда незаметно отождествляет авторитет с собою и никакому несогласному с ним авторитету никогда не подчиняется. Склонность к авторитету в нашу эпоху носит именно такой характер. Авторитарно настроенная молодежь никаких авторитетов над собой не признает, она себя сознает носительницей авторитета. Ультраправославно настроенная молодежь, которая не любит свободы и обличает ереси, себя почитает носительницей православия. Это есть пример того, насколько идея авторитета противоречива и несостоятельна. Авторитет на практике никогда не стесняет его фанатических приверженцев, он оттесняет других, их противников, и насилует их.

В сущности никто никогда не подчинялся авторитету, если считал его несогласным с его пониманием истины. Исповедание какой-либо крайней ортодоксии, какой-либо тоталитарной системы всегда означает желание принадлежать кругу избранных, носителей истинного учения. Это льстит гордости и самомнению людей. По сравнению с этим свободолюбие означает скромность. Очень приятно и лестно почитать себя единственно знающим, что такое истинное православие или истинный марксизм-ленинизм (психология та же). Робеспьер беззаветно любил республиканскую добродетель, он был самый добродетельный человек в республиканской Франции и даже единственный добродетельный. Он отождествлял себя с республиканской добродетелью, с идеей революции. Это был законченный тип эгоцентрика. Вот это помешательство на добродетели, это отождествление себя с ней и было в нем самое отвратительное. Порочный Дантон был в тысячу раз лучше и человечнее. Эгоцентризм фанатика какой-либо идеи, какого-либо учения выражается в том, что он не видит человеческой личности, невнимателен к личному человеческому пути, он не может установить никакого отношения к миру личностей, к живому, конкретному человеческому миру Фанатик знает лишь идею, но не знает человека, не знает человека и тогда, когда борется за идею человека. Но он не воспринимает и мира идей иных, чем его собственные, не способен войти в общение идей. Он обыкновенно ничего не понимает и не может понять, именно эгоцентризм лишает его способности понимания. Он совсем не хочет убедить в истинности чего-либо, он совсем не интересуется истиной. Интерес к истине выводит из замкнутого круга эгоцентризма. Эгоцентризм совсем не то же самое, что эгоизм. Эгоист в житейском смысле слова все же может выйти из себя, обратить внимание на других людей, заинтересоваться миром чужих идей. Но фанатик-эгоцентрик, бескорыстный. аскетический, беззаветно преданный какой-либо идее, совсем не может, идея центрирует его на самом себе.

Для нашей смутной эпохи характерны не только вспышки фанатизма, но и стилизация фанатизма. Современные люди совсем не так фанатичны и совсем не так привержены ортодоксальным учениям, как это может казаться.

Они хотят казаться фанатиками, имитируют фанатизм, произносят слова фанатиков, делают насилующие жесты фанатиков. Но слишком часто это лишь прикрывает внутреннюю пустоту. Имитация и стилизация фанатизма есть лишь один из способов заполнения пустоты. Это означает также творческое бессилие, неспособность на мысли. Претендующие на знание ортодоксальной истины находятся в состоянии безмыслия. Любовь к мысли, к познанию есть также любовь к критике, к диалогическому развитию, любовь к чужой мысли, а не только к своей. Фанатической нетерпимости противополагают терпимость. Но терпимость есть сложный феномен. Терпимость может быть результатом безразличия, равнодущия к истине, неразличение добра и зла. Это есть теплопрохладная либеральная терпимость и не ее нужно противополагать фанатизму. Возможна страстная любовь к свободе и к истине, пламенная приверженность идее, но при огромном внимании к человеку, к человеческому пути, к человеческому исканию истины. И не все человек должен терпеть. К современной нетерпимости, фанатизму, к современной ортодоксомании совсем не нужно относиться терпимо, наоборот, нужно относиться нетерпимо. И врагам свободы совсем не нужно давать безграничной свободы. В известном смысле нам нужна диктатура реальной свободы. Современные же диктатуры во всех их формах покоятся на душевном фундаменте, который обнаруживает такое тяжкое душевное заболевание. Нужен курс духовного лечения.»

2. Дела церковные

Среди верующих и неверующих распространяется в последние месяцы письмо, написанное еще в 1965 году двумя священниками: Николаем Эшлиманом из храма Покрова в Лышковом пер. г. Москвы и Глебом Якуниным из храма Казанской иконы в г. Димитрове. Письмо было направлено в адрес Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия.

В письме Эшлимана и Якунина говорится о недопустимом вмешательстве государства в дела Церкви, о субъективизме и произволе Хрущева и в этой области. Особенно резкой

критике подвергнуты в этом письме Совет по делам русской православной церкви при Правительстве СССР и Церковное управление самой Патриархии. «Сугубая вина Церковного Управления, — говорится в письме, — состоит в том, что оно пошло по пути подчинения неофициальным устным распоряжениям, которые, в нарушение гласного советского законодательства, Совет по делам Р.П.Ц. избрал средством систематического и разрушительного вмешательства в жизнь Церкви. Телефонные распоряжения, устный инструктаж, нигде не зафиксированные неофициальные соглашения — вот та атмосфера нездоровой таинственности, которая густым туманом окутала отношения Московской Патриархии и Совета по делам Р.П.Ц.»

В частности речь идет о следующих незаконных, по мнению авторов письма, мероприятиях:

1) *Незаконная регистрация* крестин и прочих треб.

2) *Массовое закрытие храмов*, монастырей и церковных школ. «За последние 40 лет, — пишут авторы, — Русская Церковь пережила два периода массового закрытия храмов. В первый раз это было во времена становления культа личности Сталина, второй раз во времена управления Хрущева. За краткий период с 1961-1964 гг. были закрыты тысячи православных храмов. Закрыты вопреки желанию верующих, в нарушение гласного законодательства, без соблюдения предусмотренной законом процедуры.»

Но епископы русской православной церкви не нашли в своем большинстве встать на защиту своей паствы.

3) *Фактическое прекращение треб* на дому и панихид на кладбищах.

Это является нарушением действующего законодательства, попранием свободы совести и вмешательством в личную жизнь граждан.

4) *Принудительное удаление детей* от Церкви.

Запрещение детских церковных хоров.

Запрещение подросткам до 18 лет участия в богослужении.

А церковная власть безропотно повинуется беззаконию.

5) *Вмешательство «мирских начальников»* в постановления духовенства.

При назначении священников нужно фактически получить санкцию Совета.

«Отводя кандидатов достойных, Совет по делам Р.П.Ц. способствует проникновению в ряды пастырей и дальнейшему продвижению по службе лиц нравственно неустойчивых, маловерных, а иногда и вовсе беспринципных, — способных служить злому делу — разложению Св. Церкви, а в подходящий момент и вовсе отречься от Христа.»

В 1961 году, как утверждают авторы письма, был проведен ненужный и опасный пересмотр Соборных постановлений. Священник лишен сейчас административно-хозяйственного управления приходом, он наемник, на договорных началах совершающий богослужения и находящийся в прямой зависимости от исполнительного органа. Совет мирян получает возможность не только оказывать материальное давление на священника, но и приобретает немыслимое в Церкви Христовой право по своему произволу увольнять своего духовного отца.

«Всякое стремление ограничить иерархическую власть в Церкви, передать ее функции в руки пасомых — действие антицерковное.»

Единство «стада» сейчас нарушено, исполнительный орган превратился в проводника нецерковных, а подчас и антицерковных влияний, стремясь подчинить своему влиянию алтарь, беспрепятственно сея искушения и соблазн, порождая распри.

Епископы не распоряжаются сейчас церковными средствами, органы гражданской власти присвоили себе право контроля за движением церковных сумм.

Церковь, заключают священики, — постепенно превращается в служебный придаток безрелигиозного государства. «Да не будет!»

Как все это стало возможным?, — спрашивают Эшлиман и Якунин. — Дело в том, что в настоящее время в Русской Церкви есть ряд епископов, которые сознательно служат

беззаконию, стремятся превратить церковное управление в своего рода «министерство по делам православного вероисповедания», уполномоченное сдерживать и регулировать религиозные эмоции верующих граждан.

«Эта активная и все возрастающая группа «недобрых пастырей» является сейчас главной опасностью для Русской Церкви.»

Другие же епископы, хотя и недовольны сложившимся положением, но молчат и своим «тяжким молчанием способствуют ухудшению.» Одни молчат из страха, другие «из высших побуждений». Молчат и рядовые священники, «надо молчать, говорят они, а то снимут с регистрации.»

Двадцатый век, — продолжают авторы письма, — век великих открытий и не менее великих заблуждений, ... поставил Святую Церковь перед духовной необходимостью нового творческого преобразования Христианского Учительства.

Далее идет речь о заслугах церкви перед народом русским
— в годы татарщины
— церковь выпестовала Московское государство
— монашеская колонизация русского Севера
— обличение бесноватого царя Ивана IV

и т. д.

Ломоносов утверждал родственные отношения между наукой и верой. Пушкин, пройдя путь от языческого легкомыслия к высотам христианства, писал «Велению Божию, о муза, будь послушна.»

И далее перечисление писателей и ученых, испытавших якобы благодатное воздействие Православия.

Петр I нечестиво отменил патриаршество и навязал русской церкви «Духовный регламент», подчиняющий церковное управление царской власти.

Патриаршество восстановлено было в 1917 году в августе.

Патриарх Тихон — до 1925 года, его святость.

Однако, начиная с местоблюстительства митрополита Сергия высшее церковное управление, по мнению Эшлимана и Якунина, попрало патриарший завет и пошло по пути ликвидации церковной свободы.

По этому пути идут и нынешние руководители церкви.

На ту же тему, но с другими выражениями написано теми же священниками Заявление Подгорному Н. В., Косыгину А. Н. и Руденко Р. А.

В поддержку петиции двух священников А. Краснов написал статью «Час суда Божия».

«За тысячу лет своего существования, — пишет Краснов, — Русская Церковь знала всяких Святителей — реакционных и прогрессивных, хороших и плохих, грешных и святых, — но никогда еще не было у нее епископов столь мало заботящихся о Церкви, столь холодных и безучастных к ее скорби, столь безразличных к ее судьбам. Смотришь на этих епископов, озабоченных перемещениями епископских кафедр, обнаруживающих беспокойство только при имени Куроедова, Макарцева, Трушина и других чиновников-атеистов, смотришь на этих епископов — самодовольных, упитанных, занятых мирскими делами — и спрашиваешь — уж боятся ли они Бога?»

Кто вы — преемники апостолов или просто служители культа, безгласные евнухи, служители воинствующих атеистов. Не все вы таковы. Но правят церковью именно такие епископы.

Ровно десять лет плачет Церковь кровавыми слезами, ровно десять лет атеисты душат Церковь... но молчание нарушено, настал час суда Божия.

Петиция двух священников — историческое событие и т. д.

А. Краснов сообщает, что эта петиция передана Патриарху и разослана всем Архиереям русской Церкви, в правительственные инстанции и в редакции многих газет и журналов.

Митрополит якобы вызвал двух священников и запуги-

вал их: «Что вы, лбом стену хотите пробить?» «Что вы. верите в чудеса?»

Имеется и приложение к письму двух священников о том, что большинство Епископов вслед за закрытием храмов, лишали бедствующие приходы и пастырей, переводя их в другие храмы или увольняя за штат.

Против незаконных решений Архиерейского Собора подали протест 8 Епископов во главе с Архиепископом Калужским Ермогеном. Ермогена вызвали после этого в Святейший Синод и заставляли отказаться от поданного заявления. Ермоген просил переместить его на другую епархию. В ответ на это Ермоген был уволен за штат с назначением ему пребывания в монастыре в Жировицах.

Стало известно, что в настоящее время (1967 г.) и Николай Эшлиман и Глеб Якунин уже смещены высшими церковными властями со своих постов.

3. О некоторых стихотворениях

В Москве в списках распространяется множество стихотворений. Большинство этих стихотворений принадлежит перу известных поэтов. Стихи эти притом отличаются большими художественными достоинствами. Они не публикуются, однако, в наших журналах и газетах потому, что речь идет в них о критике культа Сталина и тяжелых последствий этого культа. Ниже мы приводим несколько лучших стихотворений этого цикла:

Б. Чичибабин (Харьков)

Клянусь на знамени веселом

Однако радоваться рано
И пусть орет иной оракул,
Что не болеть зажившим ранам,
Что не воскреснуть злым оранам,
Что труп врага уже не знамя,
Что я рискую быть отсталым.
Пусть он орет. А я то знаю:
Не умер Сталин.

Как будто дело все в убитых,
В безвестно канувших на север?
А разве веку не в убыток
То зло, что он в сердцах посеял?
Пока есть бедность и богатство
Пока мы лгать не перестанем,
И не отучимся бояться.
Не умер Сталин.

Пока у нас неукротимы
Сидят холеные, как ханы
Антисемитские кретины
И государственные хамы,
Покуда взяточник заносчив
И волокитчик беспечален,
Пока добычи ждет доносчик —
Не умер Сталин.

И не по старой ли привычке
Навеки стали наготове
Навешивать любые лычки
На свежее и молодое.
И славы путь не одинаков
Пока на радость сытым стаям
Подонки травят Пастернаков
Не умер Сталин.

А в нас самих труслив и хищен,
Не дух ли сталинский таится,
Когда мы истины не ищем,
А только нового боимся?
Я на неправду чертом ринусь,
Не уступлю в бою со старым,
Но как тут быть, когда внутри нас
Не умер Сталин?

Клянусь на знамени веселом
Сражаться праведно и честно,
Что будет путь мой крут и солон,
Пока исчадье не исчезло,
Что не сверну и не покаюсь,
И не скажусь в бою усталым,
Пока дышу я и покамест
Не умер Сталин.

Рыбак

(стихотворение неизвестного автора)

В рыбацком поселке у плеса,
Где чаек разносится крик,
С понятливым псом остроносым
Живет молчаливый старик.

Раскинув нехитрые снасти,
Он зорьку сидит напролет,
А в стужу колотит на счастье
Над рыбными тропами лед.

И трудно добытую прибыль:
Лещей, судаков и плотву,
Кадушку с мороженой рыбой
Везет он на рынок в Москву.

И дамы с осанкой монаршей
С печатью московской красы,
Его называют папашей,
Украдкой косясь на весы.

Откуда им знать, что когда-то
В порядке предписанных мер
В глухом переулке Арбата
Был схвачен седой инженер.

Что был без суда измордован
В безсонном подземном плену,
Что к горьким соломенным вдовам
Еще приписали одну.

В забое, в торфянике зыбком
Шел месяц за месяцем вслед...
И вот объявили ошибкой
Семнадцать украденных лет.

Он вышел нелепый, безвестный,
Свое получивши сполна.
Узнал он, что в царстве небесном
Свой срок отбывает жена.

Что в этом расчетливом мире
Холодных лакейских сердец,
Он нужен, как нужен в квартире
Давно позабытый жилец.

И снова сановное барство
Его не пускает вперед.
И снова мое государство
Вины на себя не берет.

Пусть угол рыбацкого сруба,
Пусть гордого кормит река...
Товарищ, сжимаются зубы
Как вспомню того старика!

И всех, кого тайно и долго
Гноили в бетонных гробах!.
Штормит, поднимается Волга
На парусе вышел рыбак.

Он стар и не может иначе,
Он шапку ломать не привык.
Улова тебе и удачи,
Попутного ветра, старик!

Тимофеевский

Примета времени — молчанье

Примета времени — молчанье,
Глубоких рек земли мелькание,
Ночей кромешных пустота
И дел сердечных простота.
Как обесценены слова:
Когда-то громкие звучанья
Не выдержали развенчанья.
Примета времени — молчанье.

Примета времени молчанье.
Предпраздничная кутерьма,
Ноябрьский ветер, злой и хлесткий,
Бесчинствует на перекрестке,
Стоят такси, оцепенев,
И не мигают светофоры.

По главным улицам страны
Проходят бронетранспортеры.
Проходят танки по Москве,
И только стекол дребезжанье...
Прохожий ежится в тоске.
Примета времени — молчанье.

Мысль бьется рыбою об лед,
И впрямь, и вкось,
В обход, в облет,
И что-ж — живой воды журчанье
Сковало льдом повсюду сплошь.
Мысль изреченная есть ложь.
Примета времени — молчанье.

Е. Евтушенко

Особая душа

Нас на шхуне двадцать восемь душ.
Мы на двадцать восемь делим куш.
И добычи нету — держим шик.
И на двадцать восемь делим шиш.
Только между нами, кореша,
Есть одна особая душа.
Рассказал нам знающий еврей.
Парень был в охране лагерей.
Среди нас — ни бога, ни судьи...
Он теперь матрос второй статьи.
Так же, как мы все, белугу бьет.
Так же, как мы все, бывает, пьет.
Как мы все, имеет сундучок,
Где носки, бельишко, табачок.
Только там лежит на самом дне.
Даровая форма МВД.
Разве парень в чем-то виноват?
Просто дали в руки автомат
Вот он с ним на вышке и стоял,
И, быть может, даже не стрелял.

А быть может, он исподтишка
Хлеб совал упавшему зека
Не пуская в дело свой приклад...
И такие были, говорят.
Мы сидели раз навеселе,
Ну, а он — стаканом на столе
Вдруг накрыл беднягу — прусака,
Усмехнувшись криво: «Стой, Зека»
Приподнял он над столом стакан, —
Побежал счастливый таракан,
А стакан был цепкий — не зевал:
Он то выпускал, то накрывал.
Парень тем стаканом хлоп да плоп!
Так, что вдруг пошел по всем озноб,
И прервав нечистый странный смех,
Вырвал у него стакан стармех.
Парень заюлил и зашустрил.
«Что вы братцы... Я же так... Шутил...»
Но молчали хмуро кореша.
Что сказать — особая душа.

(Нас на шхуне двадцать восемь душ
Мы на двадцать восемь делим куш.
А добычи нету — держим шик:
И на двадцать восемь делим шиш
Хорошо нам было бы совсем,
Если бы нас было двадцать семь...)

А. Вознесенский

Довольно околичностей
Не надо чушь молоть.
Мы — дети культа личности
Мы — кровь его и плоть.

Мы выросли в тумане
Двусмысленном весьма
Среди гигантоманий
И скудости ума.

Мы помеси, метисы
Несовместимых свойств —
Дерзаний с догматизмом,
С новаторством притворств.

Мы — сверстники примера,
Который грозовел,
Наичестнейшей верой
И грязью изуверств.

Мы не подозревали
Какая шла игра
Деревни вымирали
Чернели города.

И огненной подковой
Горели на заре
Венки колючих проволок
Над лбами лагерей.

Отцам — за Иссык-Кули,
За шахты, за пески —
Не орденами, пулями
Сверлили пиджаки.

И серые медали
Довесочки свинца,
Как пломбы подвисали
На душах, на сердцах . . .

Мы люди на распутьи
Ведомые гуськом
Продутые, как прутья
Сентябрьским сквозняком.

Мы — сброшенные листья
Мы — музыка оков,
Мы — мужество амнистий
И сорванных замков.

Распахнутые двери,
Сметенные посты
И ярость новой ереси
И яркость правоты.

Ольга Берггольц

Нет, не из книжек наших скудных

Нет, не из книжек наших скудных,
Подобья нищенской сумы,
Узнаете о том, как трудно,
Как невозможно жили мы,
Как мы любили горько, грубо,
Как обманулись мы любя,
И на допросах, стиснув зубы,
Мы отрекались от себя.

Как находили оправданье,
Жестокой матери своей, —
На бесполезное страданье
Пославшей лучших сыновей.

И в тишине бессонных камер,
Все дни и ночи напролет
Без слез, разбитыми глубами
Шептали: «Родина... Народ...»

О, дни позора и печали!
О, неужели даже мы
Людской тоски не исчерпали
В безвестных копях Колымы.

А те, что вырвались случайно —
Осуждены еще страшней
На малодушное молчанье,
На недоверие друзей.

И ежедневно, ежечасно
Трудясь, страшились мы тюрьмы.
И не было людей бесстрашней
И терпеливее, чем мы.

За образ призрачный, любимый,
За обманувшую на век,
Пески Монголии прошли мы
И падали на финский снег.

Но наши цепи и вериги
Она воспеть нам не дала
И равнодушны наши книги,
И трижды лжива их хвала.

Но если скрюченный от боли
Вот этот стих найдете вдруг,
Как от костра в пустынном поле
Обугленный и мертвый круг,

И если жгучего страданья
Дойдет до вас холодный дым, —
Ну что ж, почтите нас молчаньем,
Как мы, встречая вас, молчим.

4. О Томасе Джефферсоне — одном из первых Президентов США, авторе Декларации Независимости США. (Из статьи Сола К. Падовера «Титан демократии»)

«Мир уже давно привык видеть в нем (Джефферсоне) воплощение американского демократического идеализма. Личность Джефферсона кажется нам сложной и противоречивой. По широте ума далеко опередивший своих современников, он был борцом за демократические права. Состоятельный землевладелец, он вел за собой простых людей. Самый популярный политический деятель своего поколения, он никогда не выступал с политическими речами. Искусный, не знавший себе равных политический лидер, он почти не имел личного контакта со своими многочисленными последователями. Он совмещал в себе тонкого политического теоретика и хитрого политика-практика, философа и стратега. Мягкий в обращении, он был непреклонен, когда речь шла о принципах. Под внешним добродушием и спокойствием ученого скрывалась железная воля и безошибочная проницательность вождя.»

«...Прозрения Джефферсона возвышают его над другими героями новейшей истории. Его жизнь была посвящена идеалу свободы. Его работы изобилуют аргументами в за-

щиту самоуправления, свободы, человеческого достоинства, они проникнуты ненавистью к любого вида тирании. История не знает другого человека, который дал бы обществу столько идей, составляющих в своей совокупности философию демократии. . . . Из теории естественных прав вытекает идея человеческого равенства.

Так как все люди созданы равными в том смысле, что они наделены врожденными естественными правами и инстинктами, то это означает, что аристократические или кастовые системы противоречат природе вещей и, следовательно, должны быть отвергнуты. Но кто же должен править обществом? Джефферсон принял идею Аристотеля о существовании «естественной аристократии» среди людей, заключающейся не в унаследованных титулах, а в более высоких природных способностях. Природа, говорил он, разбрасывает таланты между всеми типами людей — между богатыми и бедными. Этот источник дарований, не имеющих ничего общего с доходами или социальным положением, должен быть использован с целью обогатить общество и дать ему надлежащее руководство. В этом Джефферсон видел сущность истинной демократии.» Отсюда Джефферсон выводит необходимость всеобщего образования. «Призывайте, мой дорогой сэр, — писал Джефферсон Джорджу Уайту, — к крестовому походу против невежества; вводите и улучшайте законы для обучения простых людей . . . Финансовое бремя, которое придется нести для этой цели, составит не больше одной тысячной того, что будет заплачено королям, священникам и знати, которые непременно возникнут среди нас, если народ останется невежественным.»

«Основным социальным фактором во времена Джефферсона была проблема управления государством. Источник почти любого общественного зла приходилось искать, в конечном счете, в природе и особенностях государственной власти. И почти не было предела тем жестокостям и унижениям, которые дурное правительство могло причинить своим подданным, лишенным в те времена политических прав и потому беззащитным. Джефферсон считал аксиомой, что там, где граждане не имеют права контролировать правительство, общество превращается в стадо овец, управляемое волками. Даже самое плохое народоправство он

предпочитал самому блестящему абсолютизму. Лучшим правительством является такое, при котором граждане пользуются наибольшей свободой — даже если это может сделать правительство почти бессильным. Джефферсон не питал иллюзий относительно природы правительств. Как трезвый знаток истории, он относился к правительству с подозрительностью. Его точку зрения разделяли многие современники американцы, особенно те, кто принимал активное участие в создании Конституции. Джефферсон опасался правительственной власти, как потенциальной угрозы, но принимал ее как необходимое зло. Он понимал, что общество нуждается в некотором регулировании, а личность — в некоторой доле свободы. Так как эти требования как будто исключают друг друга, конфликт между порядком и свободой представляется непримиримым. Джефферсон признавался, что если бы ему пришлось выбирать между деспотизмом и анархией, то он предпочел бы анархию. «Овцы счастливее, когда их предоставляют самим себе, чем под опекой волков.» Так как каждое правительство имеет тенденцию выродиться в тиранию, то перед поколением Джефферсона возникал вопрос: как не дать правительству — полезному и необходимому слуге общества — превратиться в чудовище? Другими словами, как помешать правительству в его покушениях на свободу? «Есть права, — писал Джефферсон в 1789 году, — которые и в коем случае не следует уступать правительству, но на которые оно всегда пыталось посягать. Это право свободно мыслить и оглашать свои мысли в устной или письменной форме, право на свободную торговлю и право личной свободы».

«...Ключ к решению проблемы лежал, по мнению Джефферсона, в самоуправлении. Людям надо гарантировать право выбирать и проверять должностных лиц общества не по соображениям целесообразности или из милости, а потому, что это право данное человеку природой.»

«...Джефферсон верил в человека и здравый смысл человечества. Люди, сами управляющие своими делами, могут совершать ошибки, но у них есть возможность их исправлять. «Если люди хорошо осведомлены, — говорил Джефферсон, — им можно доверить правление: если дела пойдут столь плохо, что это привлечет их внимание, можно не сомневаться в том, что все будет исправлено.» »

«...По тем же основаниям Джефферсон выступал за прессу, свободную от всяких ограничений. Если демократии нужны граждане, умеющие читать, то, следовательно, они должны быть свободны в выборе того, что читать. Цензура любого рода уничтожит самый дух демократии, заменив деспотическую власть над телом человека тиранией над его разумом. Более того, если сущностью демократии является право меньшинства выражать свое мнение, то цензура даст оружие тирании в руки большинства. «Наша свобода, — утверждал Джефферсон, — зависит от свободы печати, а ограничить свободу печати, значит ее потерять.» И хотя он сам был жертвой необузданных нападок со стороны газет — продажных в своем большинстве, — он считал необходимым отставать во что бы то ни стало свободу печати. Избранный на пост Президента США, Джефферсон говорил, имея ввиду «бешеные» газеты: «Я буду защищать их право на ложь и клевету.» Также подходил Джефферсон и к книгам. Если приведенные в книге факты ложны, говорил он, это нужно доказать, если рассуждения ошибочны, их нужно опровергнуть. «Но, ради бога, давайте возможность свободно выслушивать обе стороны.» Нужно прислушиваться к непопулярным идеям и поощрять критику. Без свободной критики общественных деятелей и общественной жизни демократия скоро выродится. «Требовать наказаний для критиков общественных явлений — значит повторять требование волков в басне, где в залог мира и взаимного доверия овцы должны были отдать им своих собак.»»

«...Исходя из своей гуманистической философии, Джефферсон считал веротерпимость первоочередной необходимостью не только во имя ее самой, но и во имя сохранения демократического общества. Он знал, какие жестокости таит в себе фанатизм и как ужасна тирания государства, заключившего союз с господствующей церковью. Отвратительный союз церкви и государства, как отзывался о нем Джефферсон, в прошлом нанес обществу страшный вред, и нельзя допустить, чтобы он сделал то же в Америке.»

«...В своей политике Джефферсон не только старался быть в стороне от европейских «львов и тигров», но и дер-

жать их подальше от той дороги, по которой шла Америка. Он надеялся, что можно будет каким-нибудь способом провести демаракационную линию через океан и навсегда разъединить оба полушария.» В 1816 году Джефферсон писал: «Некоторые люди смотрят на Конституции с ханжеским почтением как на некие «скрижали завета», слишком священные, чтобы к ним прикасаться. Они приписывают своим предкам мудрость выше человеческой, а их деяния считают не подлежащими исправлениям. Я, конечно, не ратую за частые и не проверенные жизнью изменения в законах и конституциях. Но я знаю также, что законы и конституции должны идти рука об руку с прогрессом человеческого ума. По мере того как делаются новые открытия, открываются новые истины, изменяются нравы и мнения вместе с изменением обстановки, — учреждения тоже должны прогрессировать, а не отставать от времени. ...Каждое поколение имеет право выбирать такую форму правления, которая по его мнению, может наиболее эффективно способствовать его счастью.»

О ПРОБЛЕМЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОШЛОГО

Вопрос об ответственности тех или иных людей за совершенные в прошлом политические преступления продолжает волновать нашу общественность. Нередко для обсуждения этой проблемы используются в качестве «модели» Германия или Италия. При этом высказываются многие мысли и положения, вполне применимые и к нашей стране. Ниже мы приведем на этот счет несколько цитат из появившихся только за последние несколько месяцев статей из газет и журналов.

1. Из статьи Д. Мельникова «Западнее Эльбы» («Новый мир», 1966, № 3)

«...Отношение к историческому прошлому — немаловажный показатель уровня политического мышления, распространения демократических убеждений, степени влияния реакции в тех или иных слоях народа. Мещанин не

хочет ничего знать о темных страницах в прошлом своей страны, он ищет в истории «сильных личностей», смакует успехи завоевателей и тиранов и их преступления. Для него размер преступлений — лишь мерило «масштабности» политического деятеля. ...Перестроившиеся нацисты — самый активный элемент в боннской общественной жизни, причем гораздо более опасный, чем откровенные приверженцы фюрера. Они, разумеется, охотно прощают друг другу прежние грехи, веру в Гитлера считают общенациональным гипнозом, выполнение варварских приказов фюрера объясняют принуждением или верностью присяге, проповедь расизма и антисемитизма — заблуждением молодости. Сейчас тысячи тех, кто душой и телом был предан Гитлеру, но не выступал ранее по разным причинам на первых ролях, шествуют во главе «прогресса».»

2. Из статьи Э. Генри «Чума на экране». О фильме американского режиссера Крамера «Нюренбергский процесс»
(«Юность», 1966, № 6)

«...Крамер фактически призывает к ответу три группы обвиняемых. Прежде всего тех образованных, «культурных» немецких юристов, которые служили палачам. Как могут они оправдать себя перед своей совестью, и что такое представляет собой их совесть?

Во-вторых, Крамер судит немецких бюргеров, обывателей, почти на глазах которых совершались фашистские сверхзверства. Когда таких бюргеров в ФРГ спрашивают теперь, где они были в то время и что они делали, их ответ обычно таков: «Мы ничего не знали. Мы ничего сделать не могли. Мы не виноваты. Оставьте нас в покое». Где их совесть?

И, наконец, под судом у Крамера сами судьи над нацистами: американцы, решавшие после войны судьбу уличенных нацистских преступников. Некоторые из них — не все, но наиболее влиятельные — оказывали снисхождение извергам, миловали их, выпускали на свободу. Почему? Режиссер хочет докопаться и до их психологических глубин...

...Крамер спрашивает: могут ли те немцы, которые когда-то поддерживали Гитлера, а теперь заявляют, что «Гитлер делал не только плохое», могут ли они снимать с себя ответственность за фашистские преступления, говоря: «Мы ничего не знали»?

Крамер отвечает: нет, не могут. Они знали. Если не все, то достаточно.

«Как это мы не знали? — восклицает в картине сидящий на скамье обвиняемых бывший немецкий судья Яннинг, раскаявшийся в последний момент. — Где мы были? Где мы были, когда из соседних домов вытаскивали невинных людей и отправляли в Дахау? Где мы были, когда почти в каждой немецкой деревне стояли вагоны для перевозки скота, битком набитые детьми, которых отправляли в лагеря для уничтожения? Где мы были, когда они плакали и звали нас в ночи? Мы были глухи? Немы? Слепы?»

Ответственность лежит на всех, кто способствовал преступлениям хотя бы своим молчанием и симуляцией слепоты, на всех, кто по сей день хочет скрыть правду. Так говорит Крамер.

Мы согласны.

Крамер спрашивает: могут ли помощники убийц, подчиненные истязателей-судьи, прокуроры, следователи, охранники в тюрьмах и лагерях — отговариваться тем, что к выполнению злодейских приказов их вынуждала дисциплина или же побуждали некие «высшие» государственные интересы?

Ответ Крамера: нет, не могут. Такие люди — прямые соучастники убийц. Никакая дисциплина не обязывает к совершению преступлений против невинных людей. Подчиненные отвечают за совершенные ими злодеяния.

Мы согласны.

Вопрос Крамера: правда ли, что ответственность за преступления такого рода — «понятие относительное», что никакого «объективного правосудия» быть не может, что надо поднимать и прощать «ошибавшихся»? Правда ли, что вина

лежит только на фюрере и окружавшей его низкопробной «кучке экстремистов»?

Неправда, говорит Крамер голосом Хейвуда. «Этот процесс доказал, что во время национального кризиса даже самые способные и незаурядные люди могут дать себя втянуть в столь мерзкие преступления, совершаемые в таких гигантских масштабах, что никто из присутствующих на этом процессе не сможет их забыть». Нельзя сваливать ответственность только на одно лицо.

Мы тоже так думаем.»

3. Из статьи Д. Мельникова «Теория всепрощения». О книге западногерманского философа К. Ясперса «Теория вины»

(«Литературная газета», 24 мая 1966 г.)

...По Ясперсу, следует различать четыре разновидности вины: уголовную, политическую, моральную и метафизическую. Первая состоит в конкретных действиях, нарушающих сформулированные в уголовных колексах демократических стран законы; вторая заключается в поступках, за которые определенное лицо несет ответственность как гражданин государства, совершившего те или иные преступления (то есть фашистского государства); третья возникает в силу того, что каждый человек как индивидуум несет ответственность за свое поведение перед собственной совестью; четвертая проистекает из ответственности не только за собственные поступки, но и за поступки других.

В соответствии с такой градацией автор устанавливает четыре различные «инстанции», которые правомочны вершить суд и определять меру наказания за совершенные проступки. К компетенции суда относится лишь первая разновидность вины. Вторая входит в компетенцию победителей — они устанавливают, какое наказание должно понести государство, совершившее преступление (опять-таки имеется в виду фашистское государство), и это наказание в равной степени затрагивает всех граждан. Высшей и единственной инстанцией, полномочной выносить суд в третьем случае, является собственная совесть, а что ка-

сается четвертого случая, то такой высшей инстанцией является... бог. А вот определение тех последствий, которые, по мнению автора, должны повлечь за собой четыре различного вида вины: наказание (за уголовную вину), расплата (за политическую), раскаяние (за моральную) и «изменение человеческого самознания перед богом» (за метафизическую).

Мы привели эту классификацию столь подробно потому, что за ней скрывается глубокий политический смысл. Элементарный принцип справедливости гласит: за разные преступления — разные наказания. Конечно, не все, кто служил фашизму, были одинаково виноваты... С этой точки зрения «классификация» вины может иметь определенный смысл. Но в данном случае она предпринимается не для того, чтобы найти правильную меру наказания. Цель ее — объявить вообще не подлежащими суду всех тех функционеров нацистского государства, которые не убивали непосредственно сами, а подготовляли, делали возможными, санкционировали эти убийства — одним словом совершали, по Ясперсу, «политические» и «моральные» преступления.

Нельзя, конечно, оттождествлять моральные и уголовные преступления. В этом мы согласны с западногерманским философом. Но — это хотелось бы в данном случае особо подчеркнуть — нельзя их также смешивать. Главная же тенденция метода «дробления вины» состоит в том, чтобы подменить одну вину другой — уголовные преступления (которые были осуждены, в частности, Нюрнбергским военным трибуналом) отнести к категории моральных, моральные — к трудноуловимой категории метафизических. Такое смешение весьма выгодно тем, кто хочет выгородить старых нацистов.

В самом деле, при классификации, предложенной Ясперсом, изымаются из компетенции судов, то есть объявляются ненаказуемыми, все преступления, связанные с политикой фашистской Германии. Так, например, суд не имел бы права привлечь к ответственности (как это сделал Нюрнбергский военный трибунал) политиков, занимавшихся подготовкой агрессии гитлеровских вооруженных сил против многих стран Европы. Амнистия была бы объявлена

большой группе фашистских дипломатов, генералов и т. д. Не подлежали бы суду и все те нацистские руководящие деятели, которые были заняты подготовкой законов, нарушавших все нормы морали — нюрнбергских расовых законов, законов об умерщвлении психически больных, о расстреле «большевистских комиссаров» и т. д.

Далее, от критики и общественного презрения ограждаются все, кто, по словам Ясперса, «морально» поддерживал фашизм, кто способствовал распространению фашистского мировоззрения, извлекал выгоды из «арийизации» науки и литературы, насаждал расовую теорию, воспевал Гитлера и его кровавый режим, возвеличивал террор и агрессию и на них наживался. Все они подлежат общественному осуждению, поскольку несут лишь «моральную вину» и единственным судьей над ними может быть собственная совесть. «В моральном отношении, — пишет Ясперс, — можно обвинять лишь самого себя, но никогда другого... Никто не вправе морально судить другого»...

Это правило Ясперс в дальнейшем распространяет и на определенные группы людей, организации и учреждения рейха. Это означает, что такие организации, как нацистская партия, отряды СС, гестапо, генеральный штаб и т. д., нельзя объявить преступными организациями, как это было сделано на Нюрнбергском процессе. «Моральную оценку можно дать только каждому человеку в отдельности, но не коллективу людей», — пишет Ясперс.

И, наконец, амнистия даже от угрызений совести дается тем, кто знал о совершаемых преступлениях, кто своим капитулянтством и молчанием содействовал созданию атмосферы безнаказанности для фашистских палачей. Все они несут только «метафизическую вину» и ответственны лишь перед богом.

...И тут мы подходим к главному тезису всего философского трактата Ясперса — к теории бессилия. Бессилие, говорит он, оправдывает. «Жертвовать жизнью, точно зная, что ничего не достигнешь, не является требованием морали». Нацистская партия, аргументирует далее Ясперс, стала тождественна государству. Ее существование казалось вечным. «Немец, который не хотел полностью отгоро-

диться от жизни и лишиться профессии, вынужден (!) был повиноваться». Бездействие и соучастие, по существу, вообще перестают быть виной. К ним неприменимы моральные критерии.

По Ясперсу, с точки зрения морали, нельзя требовать от человека, чтобы он жертвовал своим благополучием или даже жизнью. Есть границы риска, которых не может переступать «средний немец». Поэтому при фашизме вообще нет возможности бороться против режима. «Германия под господством нацизма была тюрьмой, — рассуждает Ясперс. — Конечно, мы виноваты в том, что оказались в этой тюрьме, это наша политическая вина. Но когда двери тюрьмы закрываются, то уже нет больше возможности взломать их «изнутри». И далее следует положение, которое можно назвать квинтэссенцией труда Ясперса: «Делать заключенных ответственными за дела надзирателей явно несправедливо... Требовать от граждан, чтобы они восставали против режима террора — значит требовать от них невозможного».

По сути дела, западногерманский философ, начав с того, что он объявил моральную и политическую амнистию широкому слою попутчиков нацизма, кончил провозглашением амнистии всем, кто служил этому режиму. Ведь к категории надзирателей, то есть людей, осуществляющих непосредственно террористические функции в гитлеровском рейхе, убивавших, арестовывавших и выполнявших обязанности охранников, можно отнести лишь сравнительно узкий круг фашистских функционеров. Во всяком случае, ни идеологи, ни промышленники, ни военные, ни чиновники к этому кругу явно не принадлежат. Ведь они были всего лишь «служаками», такими же подневольными людьми, как все. Так и стерлись грани между виновными и невиновными, палачами и их жертвами. А эти грани в фашистской Германии существовали.

Большинство нацистов избегло возмездия и сейчас греется в лучах боннского «экономического чуда» и боннского неонацизма. Это стало возможно не только потому, что боннская правящая верхушка не предпринимает должных мер для наказания фашистских преступников, но и потому еще, что защита бывших столпов фашистского общества

ведется весьма целеустремленно и ловко и приняла широчайшие размеры. В значительной мере тон этой пропаганде задает Карл Ясперс».

4. О позиции журнала «Октябрь». Из повести М. Ланского «Происшествие»

В № 8 журнала «Октябрь» опубликована повесть М. Ланского «Происшествие». В этой повести также поднимается вопрос об ответственности за преступления прошлого. В беседе с молодым следователем Колесниковым старый судья Даев, осудивший в 30-40-е годы десятки невинных людей, а теперь вышедший на пенсию, согласен признать свою вину за соучастие в преступлениях времен культа личности. Однако вполне по Ясперсу, Даев считает эту вину лишь моральной, он не видит здесь уголовного преступления, за которое нужно и отвечать по всей строгости закона. Даев отвечает лишь перед своей совестью, последствием его преступлений является лишь раскаяние. Приведем в подтверждение этого отрывок из повести:

«— Вы ничего не понимаете, — не дал ему досказать Даев, — и оправдываться перед вами, молодой человек, я не собираюсь. Я виноват, во многом виноват. И никто с меня этой вины не снимает. Но я никогда не был Чубасовым, не был провокатором и палачом!

Даев выпрямился и смотрел в глаза Колесникову. Он говорил тем же ровным глуховатым голосом, не запинаясь, как будто читал лекцию, не единожды прочитанную самому себе.

— Были среди нас и такие. Не о них речь. Я виноват в другом. Вы говорите: «Те годы». А что вы о них знаете? Страничку из учебника. Если не считать войн, не было в истории нашего народа более героических лет. Все наше могущество в те годы складывалось. Фактически ведь с нуля начинали, голодные, разутые. На стройку Нижегородского автозавода я в лаптях пришел. И когда механосборочный цех под крышу подводили, все еще в лаптях ходил. Талоны на вторую кашу, которая ударникам полагалась, я вместе с комсомольским билетом у сердца носил . . .

Даев замолчал и внимательно вгляделся в Колесникова. Ему показалось, что его собеседник заскучал, как случалось это с его слушателями на семинарах, которых Даев много провел за свою жизнь. Сегодня ему особенно хотелось, чтобы этот молодой следователь проникся его мыслями не как единомышленник.

— Все это бесспорно, — откликнулся Колесников. — Но согласитесь, Петр Савельич, что если бы не было трагедии беззакония, те же усилия народа, о которых вы говорите, был еще плодотворнее, — и фашистов мы победили бы с меньшей кровью, и коммунизм был бы ближе. Разве такое забудешь?

— А разве я напоминаю о славе прошлых лет, чтобы вы забыли то, чего забывать нельзя? Забывчивость — худой помощник, но помнить нужно все. Половина правды — кривде ровня. Вы как думаете? Пока я в лаптях ходил — был большевиком, а как за стол сел — оборотнем стал? Я революции служил всегда и всегда был готов отдать за нее жизнь. Беда моя в другом. И беда и вина. В том, что служил я слепо, невежественно. А идеи революции, как никакие другие, требуют открытых глаз, полного знания, честности и бесстрашия. Я же предоставлял другим все знать, думать и обеспечивать мою честность. Я не хочу сказать, что слепота мешала мне догадываться о недостатках моей юридической практики. Были трусливые формулы самоуспокоения: «Так надо», «Нам не все известно», «Перегибы неизбежны».

— Ну ладно — слепота . . . А при чем тут невежество? — оробевшим голосом спросил Колесников.

Даев посмотрел на него, как будто не понял вопроса.

— А в нем все: и подлость равнодушия и позор трусости. Я ведь не о формальной образованности говорю, не о дипломах и степенях. Рядом со мной за судейским столом сидели образованнейшие юристы. Один из них по сей день в университете преподает, вас, наверно, учил. А как был дикарем, таким и остался — дальше своего носа не видит, каждый день готов молиться новому богу. Вся эта дипломная образованность, которую приобретают для прочного

положения в жизни, — полдела, не больше. Вот когда знания освещают вам все поступки человеческие, когда каждый ваш шаг опирается на идейную убежденность и никакие уговоры или угрозы не заставят вас пойти на сделку со своей совестью, — вот тогда, значит, вы окончательно вышли из того состояния, которое я называю невежеством.

— У вас пока нет оснований упрекать меня в таком невежестве, — напомнил Колесников.

— Экий вы обидчивый. Разве о вас речь? Хочу, чтобы вы поняли одно: не считайте себя носителем гарантированной мудрости и честности только потому, что родились на двадцать лет позже меня. Не гордитесь своей непричастностью к нашим ошибкам. Это вам ничего не стоило. Хочу, чтобы вы не повторили наших ошибок.

— Не беспокойтесь, Петр Савельевич! — бодро откликнулся Колесников. — И воевать, если придется, будем не хуже отцов, и ошибок ваших повторять не будем.

— Иногда легче умереть на войне, чем отстоять свою точку зрения перед начальством. А вот насчет ошибок... Еще один французский философ сказал, что гражданское мужество встречается реже, чем воинское. Нынешняя молодежь, конечно, и образованней и дела у нее космического размаха. Чего говорить! А был я недавно в области, заглянул к одному в кабинет — совсем еще зеленый сидит за столом, а вельможности и зазнайства на трех старых бюрократов хватило бы. Поговорил с ним — признаюсь, страшновато стало. И не то, чтобы я его командного тона испугался. За такой вельможностью лакейство прячется, «чего изволите», то самое невежество — вот что страшно. Или взять нашего председателя колхоза. Тоже из молодых, с дипломом. А сеял по телефонным командам, — что приказали и что сроду здесь не родилось. А ведь ему говорили, убеждали. И тюрьма ему не грозила. Все равно трясся, перед телефонной трубкой навытяжку стоял. А если бы его в тридцать седьмой год пересадить? Чего бы такой по команде не наделал?.. Пора спать! — неожиданно заключил Даев.»

5. *Журналист К. Буковский из «Октября» полемизирует с Эренбургом и Залыгиным*

Вопрос об ответственности за прошлое продолжает волновать наше общественное мнение. В своих мемуарах «Люди, годы, жизнь» И. Эренбург писал, что многие и в том числе он сам сомневались в справедливости тех или иных репрессий, но должны были молчать. Иную позицию на этот счет занимает журналист Буковский из «Октября». «...мы в эти годы, — пишет он, — ни в чем не сомневались и еще менее что-либо видели. Мы видели только то, что нам виделось, и, был ли это «гипноз» или попросту наше романтическое (основанное на вере и на нашем убеждении) представление об окружающем, я не знаю, но скорее это все-таки было наше собственное представление. Представление твердое и убежденное, никаких сомнений у нас не было, и выдумывать их задним числом, на лестнице, — это по меньшей мере практично и, как бы это сказать еще более мягко, очень, что ли, обдуманно. Настолько обдуманно, что это уже как бы и не исповедь и не самолюбование даже, а просто желание выставить себя если не святым, безгрешным, то хотя бы и в образе просто сомневающегося и тем набить себе цену.

А цена, мне кажется, состоит как раз в том, что мы тогда-то ни в чем и не сомневались. Какие бы мы ни были — слепые или «загипнотизированные» — и из чего бы ни исходил этот «гипноз» — из нашего ли профессионального благополучия или из нашего идейного убеждения, основанного не только на вере, но и на наших знаниях, пусть только тех, которым мы себя посвятили, — но мы тогда, в те годы, не только не лгали, но и ни в чем не сомневались. И ныне представить себя сомневавшимся — это значит набивать себе цену, лгать — и лгать, я бы сказал, не на пользу себе. И себе и времени. Какое бы оно ни было, то время, но оно было чище, чем мы его хотим сейчас представить, и оно было чище даже для тех, кто хочет сказать что он тогда уже сомневался.»

Вполне возможно, конечно, что К. Буковский в 30-е годы ни в чем не сомневался. Однако разве не могли быть уже тогда у многих людей, менее зараженных «гипнозом», чем Буковский, различного рода сомнения? А некоторые

выступали и против злоупотреблений и преступлений Сталина или Лысенко (которого упоминает Буковский) и при этом вовсе не с каких-либо вражеских позиций, а с позиций защиты и укрепления завоеваний социализма.

Решительное возражение вызывает у Буковского и книга С. Залыгина, горячо встреченная нашей читающей публикой. «Не могу избавиться, — заявляет К. Буковский, — от ... дурного чувства, когда скрепя сердце называю сейчас книгу Сергея Залыгина «На Иртыше».

Я понимаю все. Понимаю эмоциональное значение этой книги для людей, не знавших деревни того времени, не могущих представить себе той драмы, которую она пережила, желающих представить себе эту драму, вникнуть в нее, разобраться в ее истоках и последствиях, понять, что было тогда разумного и неизбежного, а что лишь вызванного предыдущими ошибками и обстоятельствами. Но я вижу и все дурное, что она, эта книга, за собой несет. Дурное для литературы, желающей ответить задним числом, с лестницы, причем так, как будто отвечающий находится не на лестнице уже, а еще там, в гостях.

Я, бывший там в то время, в гостях, и даже не в гостях, а среди тех, кто выкачивал из деревни хлеб, кто сбивал замки и обыскивал амбары и закрома, не могу поверить ни в современные выражения и реплики крестьян — героев этой книги, ни в современный строй их мыслей, схожих с тогдашними их мыслями и настроениями, но все-таки выраженных тогда иначе, и я не могу поверить во все это тем более, что выражено это не тогдашним и не современным крестьянским языком, а языком стилизованным.

... Так литература не делается. Это хитрость, а хитростью можно обмануть только поколение, которое способно ощутить время лишь эмоционально, не зная ни самого того времени, ни его настроений, ни его языка, ни всего, что за этим стояло, ни даже таких конкретных вещей, как, скажем, могли ли спихивать чью-нибудь избу под яр крестьяне, а если и могли, то из каких, собственно, побуждений? Не литературное ли это в данном случае спихивание?

...Нет пророка в отечестве своем, и нет ему судии. Сам ты в такой же степени был продуктом своего времени, каким было оно само. Критическую мысль, если она у тебя возникает, высказывай тут же и не носи ее с собой сорок или больше лет.

И опять, не родилась бы на свет эта статья, не появись в «Сибирских огнях» еще один кающийся интеллигент, еще один стыдливый мемуарист, еще один литератор, «сомневавшийся» уже в то время, но только теперь нашедший возможность вынуть из своего стола эти свои сомнения, — омский очеркист, талантливый литератор Петр Ребрин с его «Тюкалинскими страницами».

В чем он, оказывается, сомневался (в 1947 году)? В том, кто был положительным героем времени: простой ли работящий крестянин-колхозник или крестьянин, который разуверившись, что ему будут платить за труд, начал торговать брусникой и грибами. Еще в том, был ли тогда Лысенко с его рекомендациями сельскому хозяйству великим ученым или, наоборот, просто «мурой». Еще в том, был ли он, сам автор, выступавший за посевы по стерне и за лысенковские «чудо-удобрения», честным и убежденным журналистом или — наоборот.

Хочу успокоить журналиста и литератора Петра Николаевича Ребрина. Никто из нас не был тогда чем-то «наоборот». И, что самое лучшее, никто из нас не сомневался даже в посевах по стерне и в лысенковских «чудо-удобрениях». Мы были лучше и тверже тогда. Мы просто ни в чем не сомневались, и именно потому мы это и пропагандировали.

Я думаю, что даже и сам академик Лысенко в этом не сомневался. И избави бог, если он выступит когда-нибудь со своими «Тюкалинскими страницами» и начнет бить себя в грудь, будто он тогда уже записывал все свои сомнения и тогда уже не верил в свою собственную ученую бескорыстность.

Есть такая скверная черта в русском литераторе-интеллигенте — оговаривать себя, каяться в том, чего не было,

и таким образом спасаться и попадать в рай. Для этого он даже собственные дневники сочиняет на лестнице. Не просто потому, что он не нашелся в свое время, что и как ответить обидчику, а потому, что будто бы сомневался тогда, как ответить, и даже будто бы тогда уже находил ответ, но только не решался его высказать.

Дурное это качество в нашей литературе! Не надо плодить подобного рода литературу. Лучше собирать по каплям то, что было действительно вовремя и со знанием дела сказано, и по этим каплям создавать представление и о времени, и о людях, и о самом себе («Октябрь» № 9, стр. 199-201).

Никак нельзя согласиться с позицией К. Буковского. Конечно, важно знать как люди в 30-м году смотрели на коллективизацию. Но это вовсе не означает, что сегодня мы не должны переосмыслить многие наши представления того времени. И при этом нередко встать на точку зрения меньшинства (а оно было), а не большинства. Да, большинство практических работников в 1947 году возможно и верило в лысенковские рекомендации насчет удобрений и посевов по стерне. Однако является ложью утверждение К. Буковского, что в 1947 году «никто из нас» не сомневался в правоте академика Лысенко. Нет, многие сомневались и даже имели смелость бороться против этих невежественных рекомендаций. Но этих людей не выслушали, в их сомнениях не пожелали разобраться, их просто отбросили, а кое-кого и уничтожили как «врагов народа» такие именно тупые и ни в чем не сомневающиеся люди как Буковский. И сейчас, когда надо отвечать за извращения и преступления прошлого, Буковский пытается отрицать, что кто-то сомневался, возражал, пытался спорить и искать другое решение. Свою вину и вину себе подобных Буковский пытается переложить на всех и таким образом уменьшить ответственность за ошибки и преступления прошлого. По его мнению, не было будто бы никакой этой воли одних, приспособленчества других, трусливой подлости третьих. И те, кто приказывал творить злое дело, и те, кто выполнял этот приказ, — все они якобы верили, что творят добро, все они находились под «гипнозом», а что можно спрашивать с человека, который действует под гипнозом.

6. *Несколько замечаний о проблеме ответственности*

После того, как оставшиеся в живых писатели и критики, репрессированные в 30-40-е годы, стали возвращаться домой, наша писательская общественность узнала, что один из видных литературоведов — Эльсберг долгие годы был осведомителем и доносчиком. На его совести — много загубленных жизней. Эльсберг, однако, не покончил жизнь самоубийством, как Фадеев, он даже ходил встречать некоторых реабилитированных писателей с цветами в руках. Возмущение против этого «литератора» было вначале настолько велико, что он был в 1956 году на время исключен из Союза писателей. Однако затем его восстановили в членах Союза и он благополучно работает в настоящее время, много печатается.

Врач К. рассказал мне, что после XX-го съезда КПСС в психиатрические больницы Москвы стало поступать много работников НКВД, помешавшихся от страха перед ответственностью за свои преступления. Эти люди с ужасом ждали немедленного возмездия и это нередко сводило их с ума. Так, например, один из полковников МГБ неожиданно «узнал» в случайном прохожем одного лично расстрелянного им человека. Повалившись перед ним на колени полковник стал молить его о прощении. Разумеется, этого полковника тут же увезли в психбольницу. Впрочем, большинство не сошедших с ума работников НКВД скоро успокоились. Уже в середине 1956 года стало ясно, что никакого настоящего возмездия не будет. Были репрессированы лишь несколько десятков, самое большее несколько сотен человек. Остальные были устроены если и не в органах КГБ, то по разного рода отделам кадров, спецотделам и т. д.

Вопрос об ответственности за преступления прошлого нельзя решать изолированно от вопроса: «А что было делать?». И это, конечно, не простой вопрос. Его решение должно быть различным в зависимости от обстоятельств. Солдат, который расстреливает приговоренного к смерти человека, не может и не имеет права спрашивать причину приговора. Иное дело солдат, которому приказали стрелять в толпу женщин, в народ, как это было в Новочеркасске. Или когда в 1955 году в Казахстане в одном из лагерей

танками стали давить объявивших забастовку политических заключенных. Оказавшись в такой ситуации, советский солдат должен отказаться подчиниться приказу, чего бы ему лично не стоил такой отказ. Евреи, поднявшие в 1944 году восстание в Тремблинке, были работниками многочисленных рабочих групп этого лагеря уничтожения, т. е. они сами принимали участие в уничтожении своих соотечественников. И у них не было тогда иного выхода. Но помогая своим палачам, они одновременно готовились к восстанию, чтобы не только уничтожить лагерь и его администрацию, но и рассказать обо всем пережитом после войны. И это восстание было искуплением их вины. В своей книге «Портреты» Н. Зоркая пишет: «... несопоставимы были бы при единой системе отсчета антифашистская деятельность Т. Манна, эмигрировавшего после гитлеровского переворота, и, скажем, те скромные услуги, которые оказывали бухенвальдскому антифашистскому подполью люди из охраны лагеря, хотя бы не замечая действительного подполья. Но в тех обстоятельствах, внутри того мира, который покинул Томас Манн, возникают уже совсем новая система отсчета и новые нравственные критерии, где даже лояльность заслуживает уважения. И лишь потом выясняется, что и борьба Т. Манна и поступок охранника, передавшего записку из камеры в камеру, — дальние звенья одной и той же исторической цепи ...» (стр. 120).

7. О А. Фадееве

Вернувшись в Москву после реабилитации, старый член партии Н. И-в возобновил свои дружеские отношения с А. А. Фадеевым, с которым в молодости воевал вместе на Дальнем Востоке. И-в был тогда командиром партизанского отряда, а Фадеев — комиссаром. Накануне самоубийства Фадеева И-в в течение 36 часов гостил в особняке у Фадеева, и они помногу беседовали о прошлом. Во время одной из этих бесед Фадеев спросил своего товарища — мог ли он жить, если бы узнал, что при его помощи и участии было уничтожено множество честных людей. И-в ответил, что, наверное, не мог бы жить. Тогда Фадеев рассказал И-ву, что еще в 1937 году Политбюро приняло решение о том, чтобы аресты работников тех или иных ведомств санк-

ционировались бы руководителями этих ведомств. Поэтому Фадеев, как руководитель Союза Советских писателей, неоднократно давал санкции на арест писателей.

Фадеев рассказывал также о некоторых из своих бесед со Сталиным. Именно Сталин предложил Фадееву написать роман «Черная металлургия». Это было во время обеда у Сталина в Кремле. Сталин рассказал Фадееву о раскрытии в черной металлургии вредительского заговора и просил его написать об этом роман. Материал о заговоре, — как сказал Сталин, — Фадеев может получить у Тевосяна. И Фадеев действительно получил нужный ему материал у Тевосяна и начал писать роман «Черная металлургия». Написано было уже немало, однако вскоре после смерти Сталина Фадеев узнал, что все дело о вредительстве в черной металлургии было обычной для того времени провокацией НКВД. Арестованные как «вредители» и в большинстве своем погибшие металлурги были реабилитированы. Фадеев понял, что Сталин использовал его для своих грязных дел. Были после смерти Сталина реабилитированы и почти все арестованные с санкции Фадеева советские писатели.

И-в считает, что Сталин фактически купил Фадеева, как он покупал и других, окружая этих людей материальным богатством, почестями. Фадеев говорил И-ву, что Сталин держался с ним как любящий отец, давал много разных советов. Фадеев говорил также, что ему не нужно так много денег, сколько ему платят.

Фадеев застрелился через несколько часов после последней беседы с И-вым. Утром Фадеев долго не появлялся к завтраку, и его сестра послала сына Фадеева узнать — почему отец не идет к чаю. Сын, поднявшись на второй этаж особняка к отцу, обнаружил его в крови. Фадеев застрелился через подушку, поэтому не было слышно выстрела. Сестра Фадеева немедленно позвонила в ЦК КПСС. Под подушкой лежало письмо на 60 стр., содержание этого письма никто не знает, оно было передано в ЦК. Жена Фадеева — артистка Художественного театра была в это время на гастролях в Югославии. И-в утверждает, что Фадеев в последние дни перед смертью не пил, он терзался угрызениями совести, и это было единственной причиной

самоубийства, а вовсе не алкоголизм, о котором говорилось в официальном извещении о смерти Фадеева.

Уже после смерти Фадеева Корнелий Зелинский рассказал И-ву о другой беседе Сталина с Фадеевым, незадолго до смерти Сталина. Во время этой беседы Сталин неожиданно сказал: «Народ вы, писатели, хороший, но плохо помогаете ЦК. Вот у тебя, рядом с тобой, под носом работают английские шпионы Эренбург, Алексей Толстой и твой друг Павленко, а вы их не разоблачаете». После этого разговора со Сталиным потрясенный Фадеев несколько дней бродил по подмосковным лесам. Не заходя домой, он после своих странствий пришел в Переделкино к Зелинскому, исхудавший, оборванный, выпил стакан водки и беспробудно спал целые сутки.

ИЗ ИСТОРИИ

1. Вопрос о красном терроре в 1918 году

В некоторых исторических и литературных произведениях говорится, что красный террор начался в РСФСР только после 31 августа 1918 года, т. е. после покушения на В. И. Ленина и что этот вопрос решался без участия Ленина. В действительности красный террор принял довольно широкие размеры уже в конце весны 1918 года, когда продовольственное положение резко ухудшилось, а затем начался чехословацкий мятеж. Руководство партии хорошо знало точку зрения Ленина по этому вопросу.

Еще 26 июня 1918 года Ленин направил в Петроград телеграмму: «Петроград. Г. Зиновьеву. Также Лашевичу и другим членам ЦК. Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услыхали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что Вы (не Вы лично, а питерске цекисты или пекисты) удержали.

Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, особенно в Питере, пример коего решает.

Привет! Ленин»

(В. И. Ленин. Сочинения. изд. 4. том 35, стр. 275, 1950)

Данная телеграмма Ленина Зиновьеву была впервые опубликована в 1931 году, когда вопрос о терроре, хотя и совсем с иным содержанием снова встал в повестку дня. Сталин хотел здесь опереться на авторитет Ленина.

2. Вопрос о терроре в 1922 году

Обращение к террору в 1918 году было понятным, тем более, что речь шла в первую очередь о том, чтобы ответить на террор, уже начатый многими группами эсеров против вождей большевистской партии. Менее понятным является то обстоятельство, что уже в 1922 году, когда Советская власть упрочилась и когда начали закладываться основы нового советского законодательства, Ленин продолжал настаивать на проведении террора, поправляя при этом некоторых законодателей-большевиков. Так, например, в связи с разработкой в мае 1922 года Уголовного кодекса Нарком юстиции Д. И. Курский послал В. И Ленину на отзыв проект «Вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР.» Ознакомившись с этим документом, Ленин написал на полях проекта записку следующего содержания:

«т. Курский! По моему надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу). См. с. 1 внизу ко всем видам деятельности меньшевиков, с.-р. и т. п.; найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т. п.) Прошу спешно вернуть с Вашим отзывом. 15 мая. Ленин.»

Пункт 5 «Вводного закона» (проекта) был сформулирован следующим образом: «. . . 5. Впредь до установления условий, гарантирующих Советскую власть от контрреволюционных посягательств на нее, революционным трибуналам предоставляется право применения как высшей

меры наказания — расстрела по преступлениям, предусмотренным статьями 58, 59, 60, 61, 62, 63 Уголовного кодекса.»

Ленин к этому пункту сделал следующее замечание:

а) Добавить и статьи 64 и 65 и 66 и 67 и 68 и 69.
б) Добавить право замены расстрела высылкой за границу, по решению ВЦИКа (на срок или бессрочно).
в) Добавить: расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы.»

Показательно, что эта записка Ленина была впервые опубликована только весной 1937 года в журнале «Большевик» № 2.

16 мая состоялась личная беседа В. И. Ленина с Д. И. Курским. Речь шла, в частности, о проекте статьи, определяющей понятие контрреволюционное действие. Правильная формулировка данного понятия с точки зрения социалистической законности представляла исключительное значение. Ленин сам предложил набросать проект данной статьи и на следующий день отправил Д. И. Курскому еще одно письмо:

«т. Курский! В дополнение к нашей беседе посылаю Вам набросок дополнительного параграфа Уголовного кодекса. Набросок черновой, который, конечно, нуждается во всяческой отделке и переделке. Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черняка: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы. Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого. С коммунистическим приветом. Ленин.

Вариант 1:

Пропаганда, или агитация, или участие в организации, или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной

буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т. п. средствами,

карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу.

Вариант 2:

а) Пропаганда или агитация, объективно содействующие той части международной буржуазии, которая и т. д. до конца.

б) Такому же наказанию подвергаются виновные в участии в организациях или в содействии организациям или лицам, ведущим деятельность, имеющую вышеуказанный характер (деятельность коих имеет вышеуказанный характер).

Вариант 2 б:

содействующие или способные содействовать...»

Письмо В. И. Ленина Д. Курскому от 17 мая 1922 года впервые было опубликовано в 1924 году в книге о пятом съезде деятелей советской юстиции. Это письмо довольно широко использовалось затем в антибольшевистской пропаганде. Нельзя не отметить, что ленинские формулировки из Варианта 2 и Варианта 2 б не вошли в окончательно сформулированный Уголовный кодекс. По-видимому, эти формулировки вызвали возражения среди других руководителей партии, и Ленин не стал настаивать на своих чрезмерно широких формулировках, открывающих большой простор для злоупотреблений властью.

В окончательном варианте Уголовного кодекса статья 57, определяющая понятие контрреволюционного действия, выглядела следующим образом: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских советов и существующего на основании конституции РСФСР рабоче-крестьянского правительства, а также действия в направлении помощи той части международной

буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализму коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции, блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. средствами.»

(Переписка В. И. Ленина и Д. И. Курского впервые опубликована полностью в Полном собрании сочинений В.И. Ленина, т. 45, стр. 189-191).

3. Из памфлета В. Гюго «Наполеон Малый»

Описывая государственный переворот во Франции в декабре 1851 года, как одно из величайших преступлений в истории человечества, Виктор Гюго, эмигрировавший в Бельгию, писал в своем памфлете «Наполеон Малый»: «Это преступление соединяет в себе все преступления сразу: предательство — в замысле, нарушение присяги — в исполнении, злодеяние и убийство — в ходе борьбы; хищение, мошенничество и грабеж — после победы. Это преступление влечет за собой как неотъемлемую часть самого себя упразднение законов, нарушение конституционной неприкосновенности, незаконное лишение свободы, конфискацию имущества, массовые ночные убийства, тайные расстрелы, произвол смешанных комиссий, заменивших собою суд, десять тысяч сосланных, сорок тысяч изгнанных, шестьдесят тысяч разрушенных и ввергнутых в отчаяние семей» (Собр, соч. 1954, т. 5, стр. 14-15). «За главным злодеянием, — пишет далее Гюго, — смутно выступает множество других... Одно преступление влечет за собой другое. У злодеяния своя логика. Остановиться уже нельзя, как нельзя сделать узел на середине. Только начни — сперва это, потом то, потом еще и еще, — и так оно идет без конца. Закон — как завеса храма: когда она разрывается, то уж сверху донизу» (стр. 102-101).

4. К вопросу о заложниках

Известно, что многие великие люди прошлого решительно осуждали метод заложничества (арест и даже расстрел за-

ложников) в качестве средства революционной борьбы. Когда в начале апреля 1871 года Парижская Коммуна в ответ на расстрел версальцами пленных коммунаров издала декрет о заложниках, то Виктор Гюго выступил с решительным протестом против подобных действий. В письме к П. Мерису и Огюсту Вакери В. Гюго писал из Брюсселя 28 апреля 1871 года: «. . .Этот декрет рикошетом ударит по Республике. Меня охватывает дрожь при мысли о всем том, к чему он может привести. Коммуна, в которой, что бы ни говорили, есть прямые и честные сердца, скорее стерпела этот декрет, чем проголосовала за него. Это дело четырех или пяти деспотов, но это гнусно. Заключать в тюрьму невинных и возложить на них ответственность за преступления других — значит придать разбою государственный характер. Эта политика преступна. Как было бы печально или позорно, если бы в какой-то ужасный момент негодяи, издавшие этот декрет, нашли бандитов, готовых его осуществить! Какое противодействие это вызвало бы! Вот тогда бы вы увидели репрессии! Я не хочу предсказывать, но я себе представляю белый террор в ответ на красный террор . . . Поймем друг друга. Я — революционер. Я был им всегда, даже не сознавая этого. Следовательно, я принимаю великую неизбежность во всех ее видах, но при одном условии: она должна подтверждать принципы, а не расшатывать их. Все мои мысли колеблются между двумя полюсами. Цивилизация. Революция. Когда свободе угрожает опасность, я говорю Цивилизация, но и Революция, когда же опасность угрожает порядку, я говорю: Революция, но и Цивилизация» (т. 15, стр. 538-539). В комментариях к данному письму В. Гюго редакторы тома сообщают, что в Париже было арестовано 260 заложников и что первые заложники были расстреляны Коммуной лишь во время кровавой «майской недели», когда гибли десятки тысяч коммунаров.

Вопрос о заложниках возникал и во время гражданской войны в нашей стране. Так осенью 1918 года в ответ на убийство Урицкого в Петрограде и покушение на В. И. Ленина в Москве по всей Советской России был объявлен красный террор. Этот террор включал не только расстрел активных контрреволюционеров, бандитов и спекулянтов, но также и арест заложников из буржуазных слоев насе-

ления. В сентябре 1918 года Нарком внутренних дел Г. Петровский разослал всем Советам следующий телеграфный приказ: «Убийство Володарского, убийство Урицкого, покушение на убийство и ранение председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ленина, массовые десятками тысяч расстрелы наших товарищей в Финляндии, на Украине и, наконец, на Дону и в Чехословакии, постоянно открываемые заговоры в тылу наших армий, открытое признание правых эсеров и прочей контрреволюционной сволочи в этих заговорах, и в то же время чрезвычайно ничтожное количество серьезных репрессий и массовых расстрелов белогвардейцев и буржуазии со стороны Советов, показывает, что, несмотря на постоянные слова о массовом терроре против эсеров, белогвардейцев и буржуазии, этого террора на деле нет. С таким положением должно быть решительно покончено. Расхлябанности и миндальничанью должен быть немедленно положен конец. Все известные местным Советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников. При малейшей попытке сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен приниматься безоговорочно массовый расстрел. Местные Губисполкомы должны проявлять в этом отношении особую инициативу. ... Все означенные меры должны быть проведены немедленно. О всяких нерешительных в этом направлении действиях тех или иных органов местных Советов Завотуправ обязаны немедленно донести Народному Комиссариату Внутренних Дел. ... Получение означенной телеграммы подтвердите. Передать уездным Советам. Наркомвнудел Петровский.» («Еженедельник Чрезвычайных Комиссий», № 1, Москва, 1918, стр. 11).

В следующих номерах «Еженедельника ВЧК» в разделе «Красный террор» стали систематически публиковаться сообщения о расстрелах. Так, например, в № 5 «Еженедельника» сообщается, что по постановлению Пошехонской Уездной Чрезвычайной Комиссии расстреляны более 30 человек (за агитацию против Советской власти, за злоупотребления по службе, за контрреволюционную деятельность, за тайную агитацию против Советов и т. д.) Здесь же сообщается, что по постановлению Пензенской ЧК расстреляно

восемь явных контрреволюционеров, а Черненская Уездная ЧК расстреляла трех советских работников, в том числе военного комиссара, председателя Комитета бедноты и секретаря Совета за растрату народных денег. Козельская ЧК расстреляла бывшего исправника за укрывательство оружия, Тамбовская Губернская ЧК расстреляла комиссара продовольствия за спекуляцию, мародерство и вымогательство, Балаковская Уездная ЧК расстреляла восемь белогвардейцев. И здесь же сообщается, что по постановлению Петроградской Чрезвычайной Комиссии расстреляно 500 человек заложников, имена которых не публикуются. Вряд ли такая жестокая мера, как массовый расстрел заложников была оправдана даже и в 1918 году. Во многих случаях было правильным временно изолировать в специальных концлагерях людей, потенциально опасных, настроенных против Советской власти, бывших капиталистов, помещиков, офицеров и т. п. Однако расстрел следовало применять только в отношении активных врагов Советской власти и участников контрреволюционных заговоров.

5. *Из книги К. Типпельскирха «История второй мировой войны» Бонн, 1954*

Книга бывшего немецкого кадрового генерала К. Типпельскирха вышла в 1954 году в ФРГ вторым изданием. Автор, как он говорит в предисловии, считал необходимым изложить ход военных действий на всех театрах войны *с немецкой точки зрения*. В 1956 году наше издательство иностранной литературы издало эту книгу в переводе на русский язык с предисловием генерал-лейтенанта В. Ф. Воробьева.

Мы приводим ниже лишь несколько кратких выписок из этой книги:

Прорыв на Минск: «...Линия границы, выгибавшаяся дугой в сторону Варшавы, создавала для немецких войск особенно благоприятные условия. Перед ними были поставлены широке задачи. Ударами сильных группировок своих обоих крыльев эта группа армий должна была разбить противника в Белоруссии, выйти подвижными соединениями южнее и севернее Минска и как можно быстрее

захватить ими Смоленск. ... Группе армий «Центр» противостояла приблизительно равная по силам группировка противника под командованием маршала Тимошенко. Она состояла из 36 стрелковых, 8 кавалерийских, двух танковых дивизий и девяти мотомеханизированных бригад, из которых две трети были выдвинуты в пограничный район Белостока, и около трети эшелонированы до района Минска. Группа армий «Центр», используя начертание границы, расположила на крыльях по одной полевой армии, каждая из которых взаимодействовала с одной танковой группой.

... Наступление группы армий началось довольно многообещающе. Противник был захвачен врасплох и совершенно ошеломлен. На южном фланге все переправы через Буг остались неразрушенными и попали в руки немцев. Обе танковые группы после успешных прорывов приграничной обороны безостановочно продвигались на восток. 24 июня 2-я танковая группа достигла района Слонима. 3-я танковая группа — района Вильнюса. За ними следовали 4-я и 9-я армии. Войска противника, находившиеся в районе Белостока, пытались отойти на восток и вырваться из постепенно образующегося котла. Наступавшим танковым группам при поддержке крупных воздушных сил все же удалось задержать отход противника до тех пор, пока 29 июня в районе восточнее Белостока не была установлена связь между 4-й и 9-й армиями. Русские еще в течение двух дней предпринимали отчаянные попытки прорваться на восток и юго-восток и разорвать суживающееся кольцо окружения. Затем их силы иссякли. Окружение было завершено, и 1 июля бои в этом районе прекратились. Между тем обе танковые группы продвигались дальше на восток, чтобы вновь осуществить окружение тех сил русских, которые отошли на восток и избежали котла в районе Белостока. 2-я танковая группа 27 июня достигла южной окраины Минска и встретилась там с 3-й танковой группой, которая еще накануне, продвинувшись через Вильнюс, достигла северной окраины города. Танковые группы образовали теперь новый котел, который постепенно создавался вокруг русских войск, оставшихся западнее Минска и в районе Новогрудок. Армейские корпуса окончательно завершили с запада окружение русской группировки. К 9 июля котел был очищен. В сводке германского верховного

командования от 11 июля сообщалось, что в результате первого большого двойного сражения за Белосток и Минск было взято в плен 328 898 человек, в том числе несколько крупных генералов, захвачено 3332 танка, 1809 орудий и другие многочисленные военные трофеи» (стр. 178-177).

Русское наступление в январе-марте 1942 г.: «Одной непоколебимой стойкости немецких войск, которая в эту зиму превзошла всякие ожидания, конечно, было недостаточно, чтобы сорвать планы русских. Точно также, как Гитлер, при нападении на Советский Союз, теперь русское командование переоценило свои силы и недооценило силу сопротивления войск противника. Смелый план уничтожить две немецкие группы армий превышал возможности ослабевших русских армий и привел к дроблению сил. Упрямое и негибкое преследование поставленных перед собой целей посредством все новых и новых атак в одних и тех же местах во всех отношениях существенно облегчило немецкому командованию задачу сломить натиск противника. Русские не упустили случая извлечь правильные уроки из своих относительных неудач. Уже зимой 1942/1943 г. их прорывы стали более опасными и успешными» (стр. 206).

Типпельскирх показывает все время — насколько ограниченным, недальновидным, упрямым до глупости полководцем был Гитлер. Русские же, плохо решавшие крупные тактические и оперативные задачи в период до осени 1942 года, затем стали воевать умело и совершенство их военного планирования и управления непрерывно возрастало.

К январю 1945 года перед наступлением на Висле Германский генеральный штаб сухопутных сил оценивал превосходство русских в пехоте соотношением 11 : 1, в танках — 7 : 1, в артиллерии — 20 : 1. Превосходство русских в авиации также было достаточно велико, чтобы обеспечить себе господство в воздухе. В целом соотношение сил было таково, что успех немецкой обороны почти исключался, даже если предположить крайнее упорство войск и искусное управление ими (стр. 507).

6. О Ежове

Главный палач 1937-1938 годов Николай Иванович Ежов вышел из рабочей среды. До революции еще мальчиком

Ежов жил некоторое время в доме у Шляпникова, помогал по хозяйству. Через Шляпникова Ежов, по-видимому, примкнул к Коммунистической партии. Когда Шляпников был арестован в 1937 г., и от него не поступало никаких известий, его жена Александра Гавриловна пошла на прием к Ежову. Тот принял Александру Гавриловну, даже встал из-за стола и пошел к ней навстречу. «Я могу вам помочь в любом деле, — сказал Ежов, — в получении квартиры, в прописке, вот мой телефон. Обращайтесь ко мне. Но я ничем не могу помочь в деле вашего мужа.» Александра Гавриловна ушла от Ежова, а через неделю она была сама арестована. (Г-в)

У Ежова был брат. Однажды в гостях (у Боярских) Н.И. Ежов появился вместе с братом. Когда выпили, то между братьями вспыхнула ссора. «Ты кровопийца, — кричал Н. И. Ежову его брат, — ты залил всю страну кровью!» Хозяин квартиры был в ужасе. Через несколько дней брат Н. И. Ежова был арестован и исчез. (Г-в)

Жена Н. И. Ежова — Женя была, по рассказам, честной и вполне порядочной женщиной, тяжело переживавшей события 1937 года. Она покончила жизнь самоубийством, хотя в газетах сообщалось, что она умерла от гриппа.

Еще раньше того, как Ежов стал наркомом внутренних дел, у него был личный помощник Володя Синько. Синько приходилось оказывать Ежову немало и чисто личных услуг, особенно после попоек, в которых Ежов принимал участие. Сильный и крепкий Синько вносил иногда маленького по весу и росту Ежова на руках в дом. Впрочем и сам Синько позднее стал алкоголиком и его отправили в Челябинск начальником цеха. Когда начались массовые репрессии, Синько потерял работу и поехал в Москву к Ежову просить о помощи. Он позвонил Ежову по «вертушке» из квартиры директора Гос. Банка СССР Марьясина. «Хочу с Вами повидаться», — сказал Синько. «Ну, чтож, повидайся, повидайся», — ответил Ежов и повесил трубку. Синько пошел в НКВД к Ежову и уже не вернулся оттуда. Его дальнейшая судьба неизвестна, хотя о ней нетрудно догадаться.

7. О народном ополчении 1941 года

Как известно, во многих городах в 1941 году было сформировано так называемое народное ополчение. Формировалось оно из гражданского населения: рабочих, служащих, студентов, ученых, артистов и др. Ополченцы проходили довольно краткую военную подготовку, получали оружие, но они не считались мобилизованными и не всегда получали военную форму. Предполагалось, по-видимому, что после окончания боев за данный город ополченцы вернутся на свои рабочие места.

Сама по себе мысль об участии гражданского населения в обороне родного города была, конечно, правильной. Формирование народного ополчения опиралось на старые русские традиции. Однако в условиях современной войны ополчению, в том виде, в каком оно было сформировано, трудно было выполнить сколько-нибудь серьезные боевые задачи. Еще в 1946 году в Ленинграде, при подготовке материалов к истории ЛГУ я узнал о том, что полк народного ополчения, сформированный из студентов и преподавателей Ленинградского Университета в 1941 году, почти полностью был уничтожен в первом же бою на Пулковских высотах. Студенты и преподаватели Университета не имели должной боевой подготовки, чтобы противостоять опытным воякам из немецкой армии. Мне рассказали, что, узнав о судьбе университетского полка, Сталин сделал выговор Жданову. Сталин считал, что студентов и преподавателей правильнее было бы распределить по ротам и батальонам регулярной армии.

В одной из дивизий народного ополчения в Ленинграде был взвод, целиком сформированный из писателей. Вряд ли это было целесообразно. Кстати подавляющее большинство ополченцев, оставшихся в живых после боев под Москвой и Ленинградом, не вернулись к своей работе, а влились в кадровую армию. На основе дивизий народного ополчения позднее было сформировано несколько обычных дивизий.

В альманахе «Литературное наследство» (№ 78, 1966) ленинградец Николай Новоселов вспоминает о том, в каких условиях приходилось порой вступать в бой ополченцам:

«По дороге, — пишет Новоселов — тянутся колонны ополченцев. Потемневшие от пота гимнастерки, скатки через плечо, синие диагоналевые брюки, неумело накрученные обмотки. Брезентовые поясные ремни, отягощенные подсумками, саперными лопатками, котелками, флягами. И такие же новенькие брезентовые ремни у видавших виды винтовок и карабинов, с которых еще не стерта цейхгаузная смазка, — оружие выдали ополченцам перед самой посадкой в эшелоны. В последний раз из этих винтовок стреляли, наверное, в дни обороны Питера от Юденича или при кронштадтском штурме... Многие винтовки без штыков, а некоторые и без ремней, — бойцы несут их в руках... Большинство же ополченцев никогда не воевало, многие даже не служили на действительной — в лучшем случае проходили краткосрочные лагерные сборы. Боевая подготовка дивизии перед отправкой на фронт не продолжалась и недели».

8. Н. К. Крупская в 1938 году

В недавно изданных воспоминаниях о Крупской ее помощница В. С. Дридзо с восторгом пишет о том, как много работала Н. К. в последние годы своей жизни. За один только год Крупская написала 112 статей, сделала 172 выступления в различных аудиториях, участвовала в 120 заседаниях и написала 2500 писем. (см. «Воспоминания о Н. К. Крупской». 1966., стр. 176). Перед такой энергией можно было бы преклоняться, если бы речь не шла о 1938 годе, т. е. о годе, когда было арестовано и расстреляно большинство членов ЦК ВКП(б), не говоря о бесчисленном количестве видных деятелей культуры и просвещения, хорошо знакомых Н. К. Крупской.

ЗАМЕТКИ НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин о якобинском терроре

Для любого революционера естественно обращаться и критически переосмысливать опыт революционеров предшествующих поколений. В этом отношении интересны выс-

казывания Маркса, Энгельса и Ленина о якобинской диктатуре и более узко о якобинском терроре.

Как известно, к середине 1793 года революционная Франция оказалась в крайне трудном положении. Против Французской республики поднялась почти вся монархическая Европа, несколько армий стояли уже на границах Франции, а кое-где вторглись в ее пределы. Больше половины департаментов и значительная часть крупных городов страны была в руках роялистов и контрреволюционеров. В Париже роялисты и подкупленные Англией агенты готовились к свержению республиканского правительства. Стоявшие во главе Конвента жирондисты, представлявшие интересы наиболее зажиточной части французской буржуазии, проявляли нерешительность и противились дальнейшему продвижению вперед буржуазно-демократической революции. Между тем спасти революцию и республику могли только чрезвычайные революционные мероприятия, способные воодушевить и поднять на защиту революции народные низы. В результате все более возрастающего давления народа власть жирондистов в Конвенте была свергнута. Во главе Французской республики встала наиболее революционная партия того времени — партия якобинцев.

Якобинская диктатура провела не только наиболее революционные социально-экономические преобразования и тем самым продвинула буржуазную революцию значительно дальше, чем все предыдущие партии. Якобинцы сумели поднять и вооружить народные массы, организовать многочисленные армии, выдвинуть новых генералов и нанести поражение войскам европейских монархов. Решительными революционными мерами были подавлены контрреволюционные восстания внутри Франции. Для укрепления народной власти и пресечения всяких заговоров якобинцы объявили в стране революционный террор, враги революции должны были предстать перед созданными в стране революционными трибуналами, и их наказанием должна была стать немедленная смерть на гильотине.

Этот террор был суровой необходимостью в то грозное для Франции и Французской революции время, он помог укреплению и упрочению революционных завоеваний, без такого террора революция не смогла бы одолеть своих многочисленных врагов.

Однако хорошо известно сегодня, что якобинский террор не только укрепил, но и подорвал силы французской революции, он не только позволил якобинцам одержать важные победы над своими внешними и внутренними врагами, но в конечном счете этот террор привел к крушению якобинцев, лишив их поддержки значительной части французского народа.

Ибо якобинский террор обрушился не только на головы роялистов и контрреволюционеров, не только на головы заговорщиков и вождей контрреволюционных восстаний.

Сопутствующее всякому террору упрощенное судопроизводство открывало широкие возможности для злоупотребления властью и этим стремились воспользоваться всякие нечестные люди, временно примкнувшие к революции. По обвинению в преступлениях против республики стали арестовываться и подвергаться казни и многие люди, совершившие самые незначительные проступки, а также и полностью невиновные люди. Система террора, постоянно расширяясь охватывала все больше и больше людей. Законность все более уступала место произволу. Именно вождю якобинской диктатуры М. Робеспьеру принадлежат слова, что «подозрительность обвиняемого есть достаточное доказательство его вины» и что «не следует отличать заблуждение от преступления». Именно по настоянию Робеспьера Национальный Конвент принял осенью 1793 года пресловутый «Закон о подозрительных», при расширительном толковании которого едва ли не большинство французских граждан могло быть подвергнуто аресту. Тюрьмы Франции были вскоре переполнены «подозрительными», что вызывало не только страх, но и недовольство французов.

Очень скоро якобинский террор стал обрушиваться не на головы роялистов, а на головы республиканцев и революционеров, которые принадлежали к более умеренным или, напротив, к более радикальным течениям, чем Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон. По настоянию Робеспьера был схвачен и казнен вождь «бешеных» Жак Ру, были обезглавлены также вожди Парижской Коммуны Эбер и Шометт. Вместе с ними погибла под ножом гильотины и значительная часть их сторонников, немало сделавших для укрепления революции и для защиты парижских проле-

тариев. При этом при организации судебных инсценировок над руководителями «бешеных» или эбертистов сторонники Робеспьера не гнушались фабрикаций заведомо ложных обвинений, призванных за отсутствием улик оправдать казнь своих недавних сподвижников.

Очень скоро Робеспьер и его ближайшее окружение санкционировало арест и казнь таких выдающихся деятелей Французской революции как Дантон, Камилл Демулен, Геро де-Сешель, Филиппо и др. Они были слишком умеренными, слишком «правыми» для фракции Робеспьера.

Однако казни и аресты на этом не прекратились.

Реорганизованный Революционный трибунал вскоре еще более упростил судопроизводство, институт защитников и даже предварительный допрос обвиняемых отменялись. Ежедневно во Франции совершались сотни казней, причем жертвами этих расправ все более становилась рабочая и деревенская беднота, простые обыватели, молодые девушки и старухи. Именно этот все более возрастающий и все более неразборчивый террор и подорвал в конечном счете влияние и силу якобинской партии.

Эту двойственность якобинского террора, который обрушивался и на виноватых и на невиновных, и на аристократов и на трудящихся, и на жирондистов, и на дантонистов, и эбертистов, и на богатых и на бедных, и который в конце концов вызвал всеобщее отвращение, хорошо понимали К. Маркс и Ф. Энгельс. Уже в одной из своих ранних работ К. Маркс писал, что «Конвент представлял собой максимум политической энергии, политического могущества и политического рассудка.» Однако здесь же Маркс замечает, что Конвент не сумел найти адекватные средства исцеления общественных недугов, он видел причины их в контрреволюционном, подозрительном образе мыслей врагов республики и главное средство для устранения этих недугов видел в рубке голов (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 439). В конце 1848 года К. Маркс писал в «Новой рейнской газете»: «Пролетариат и не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельно развитых классов или частей класса. Поэтому там, где они выс-

тупали против буржуазии, например, в 1793 и 1794 годах во Франции, они боролись только за осуществление интересов буржуазии, хотя и небуржуазным способом. *Весь французский терроризм* был не чем иным, как *плебейским способом* разделяться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством» (Подчеркнуто Марксом. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 6, стр. 114).

Несколько иначе высказывались Маркс и Энгельс о якобинском терроре через 20 лет. Так, например, в своем письме К. Марксу от 4 сентября 1870 г. Ф. Энгельс писал: «Наблюдая, как французы вечно впадают в подобного рода паническое состояние из-за боязни таких ситуаций, когда приходится смотреть правде в глаза, — получаешь гораздо лучшее представление о периоде господства террора. Мы понимаем под последним господство людей, внушающих ужас; в действительности же, наоборот, — это господство людей, которые сами напуганы. Террор — это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх. Я убежден, что вина за господство террора в 1793 г. падает почти исключительно на перепуганных, выставляющих себя патриотами буржуа, на мелких мещан, напустивших в штаны от страха, и на шайку прохвостов, обделывавших свои делишки при терроре» (Там же, т. 33, стр. 45. Это письмо Энгельса было опубликовано полностью только в 1931 году).

В 1889 году в письме к К. Каутскому Ф. Энгельс изложил свое мнение о якобинском терроре наиболее точно. «Что касается террора, — писал Энгельс, — то он был по существу военной мерой до тех пор, пока вообще имел смысл. Класс или фракция класса, которая одна только могла обеспечить победу революции, путем террора не только удерживала власть (после подавления восстаний это было нетрудно), но и обеспечивала себе свободу действий, простор, возможность сосредоточить силы в решающем пункте, на границе. К концу 1793 года границы были уже почти обеспечены, 1794 год начался благоприятно, французские армии почти повсюду действовали успешно. Коммуна с ее крайним направлением стала излишней; ее пропаганда революции сделалась помехой для Робеспьера, как и для Дантона, которые оба — каждый по своему — хотели мира.

В этом конфликте трех направлений победил Робеспьер, но *с тех пор террор сделался для него средством самосохранения* и тем самым стал абсурдом; 26 июня при Флёрюсе Журдан положил к ногам Республики всю Бельгию. Таким образом террор потерял под собой почву; 27 июля Робеспьер пал, и началась буржуазная оргия» (Подчеркнуто Энгельсом, Сочинения, т. 37, стр. 127. На русском языке это письмо впервые опубликовано в 1933 году).

В. И. Ленин также неоднократно высказывался по поводу якобинцев и якобинской диктатуры. Вообще те или иные параллели между событиями в России и во Франции периода Великой Французской революции были очень распространены в партийной публицистике в 1903-1907 и в 1917-1918 годах. Еще в № 2 «Искры» Плеханов сравнивал социал-демократов с Горой, т. е. с якобинцами, а оппортунистов с Жирондой. Когда социал-демократия раскололась на большевиков и меньшевиков, Ленин не раз сравнивал большевиков с якобинцами, а меньшевиков с жирондистами. Так, например, полемизируя в 1905 году с меньшевиком А. Мартыновым, Ленин писал: «Были ли жирондисты изменниками делу великой французской революции? Нет. Но они были непоследовательными, нерешительными, оппортунистическими защитниками этого дела. Поэтому с ними боролись якобинцы, которые также последовательно отстаивали интересы передового класса 18-го века, как революционные социал-демократы последовательно отстаивают интересы передового класса 20-го века. ... Являются ли новоискровцы (т. е. меньшевики) изменниками делу пролетариата? Нет. Но они являются непоследовательными, нерешительными, оппортунистическими защитниками этого дела (и принципов организации и тактики, освещающих это дело). Поэтому с их позицией борются революционные социал-демократы...» (В. И. Ленин. ПСС, т. 9, стр. 308).

Противники Ленина среди социал-демократов, впрочем, и сами бросали ему упреки в «якобинизме», имея ввиду, вероятно, крайности якобинской диктатуры. Но Ленин на это отвечал: «Пугать якобинством в момент революции — величайшая пошлость. Демократическая диктатура, как я уже указывал, есть не организация «порядка», а организация войны.» Напомнив своим оппонентам слова К. Маркса о якобинском терроризме как «плебейском способе раз-

делаться с врагами буржуазии», Ленин заявлял: «Мы тоже предпочитаем разделываться с русским самодержавием «плебейским» способом и предоставляем «Искре» способы жирондистские» (В. И. Ленин, ПСС, т. 10, стр. 137-138).

В книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В. И. Ленин писал:

«Якобинцы современной социал-демократии, — большевики, впередовцы, съездовцы или пролетарцы, не знаю уж, как сказать, — хотят поднять своими лозунгами революционную и республиканскую мелкую буржуазию и особенно крестьянство до уровня последовательного демократизма пролетариата, сохраняющего свою полную классовую особность. Они хотят, чтобы народ, т. е. пролетариат и крестьянство, разделался с монархией и аристократией «по-плебейски», беспощадно уничтожая врагов свободы, подавляя силой их сопротивление, не делая никаких уступок проклятому наследию крепостничества, азиатчины, надругательства над человеком.

Это не значит, конечно, чтобы мы хотели обязательно подражать якобинцам 1793 года, перенимать их взгляды, программу, лозунги, способы действия. Ничего подобного... У нас будут, коли доживем мы до настоящей победы революции, и новые способы действия, соответствующие характеру и целям стремящейся к полному социалистическому перевороту партии рабочего класса. Мы хотим только пояснить своим сравнением, что представители передового класса XX века, пролетариата, т. е. социал-демократы, разделяются на такие же два крыла (оппортунистическое и революционное), на какие разделялись и представители передового класса XVIII века, буржуазии, т. е. жирондисты и якобинцы» (ПСС, т. 11, стр. 47-48).

В 1908 году в одной из своих статей Ленин писал о «настоящем, всенародном, действительно обновляющем страну терроре, которым прославила себя Великая Французская революция» (ПСС, т. 16, стр. 441).

В июне 1917 года В. И. Ленин заявлял: «Мы не противники революционного насилия в интересах большинства народа... От подражания якобинцам 1793 года... ни одна

партия зарекаться не должна. ... Великие якобинцы 1793 года не боялись объявить врагами народа именно представителей реакционного эксплуататорского *меньшинства* народа своего времени. Именно представителей реакционных *классов* своего времени» (ПСС, т. 32, стр. 216-217).

«Историки буржуазии, — пояснял Ленин в июне 1917 года, — видят в якобинстве падение («скатиться вниз»). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики. Полной победы не суждено было завоевать якобинцам, главным образом потому, что Франция XVIII века была окружена на континенте слишком отсталыми странами и что в самой Франции не было материальных основ для социализма, не было банков, синдикатов капиталистов, машинной индустрии, железных дорог. «Якобинство» в Европе или на границе Европы и Азии в XX веке было бы господством революционного класса, пролетариата, который поддержанный беднейшим крестьянством и опираясь на наличность материальных основ для движения к социализму, мог бы не только дать все то великое, неискоренимое, незабываемое, что дали якобинцы XVIII века, но и привести, во всемирном масштабе, к прочной победе трудящихся. Буржуазии свойственно ненавидеть якобинство. Мелкой буржуазии свойственно бояться его. Сознательные рабочие и трудящиеся верят в переход власти к революционному угнетенному классу, ибо в этом суть якобинизма, единственный выход из кризиса, избавление от разрухи и от войны» (ПСС, т. 32, стр. 374-375). Сравнение Ленина в данном случае не совсем точно, ибо якобинцы не ставили своей целью достижение социализма, а для победы буржуазно-демократической революции материальных основ было тогда вполне достаточно.

Мы видим, таким образом, что В. И. Ленин берет под защиту якобинский террор против контрреволюционного меньшинства, против монархистов и реакционеров. Ленин ничего не пишет о якобинском терроре, направленном против самих же революционеров, против революционных групп, еще более близких трудящимся, чем сами якобинцы. Ленин ничего не пишет и о терроре якобинцев, направлен-

ном против отдельных слоев и групп парижского пролетариата.

Впрочем, защищая якобинский террор, заявляя, что ни одна партия не должна в революционное время зарекаться от подражания якобинцам, Ленин полагал все же в 1917 году, что в случае прихода к власти пролетариата, он не должен будет проводить террор в таких масштабах, как это вынуждены были сделать якобинцы. Ленин писал:

«Якобинцы 1793 года были представителями самого революционного класса XVIII века, городской и деревенской бедноты. Против этого класса, расправившегося уже на деле (а не на словах) со своим монархом, со своими помещиками, со своими умеренными буржуа посредством самых революционных мер, вплоть до гильотины, против этого истинно революционного класса шли войной объединенные монархи Европы... Пример якобинцев поучителен...

Если бы власть перешла к «якобинцам» XX века, пролетариям и полупролетариям, они объявили бы врагами народа капиталистов, наживающих миллиарды на империалистической войне, то есть войне из-за дележа добычи и прибыли капиталистов. «Якобинцы» XX века не стали бы гильотинировать капиталистов — подражание хорошему образцу не есть копирование. Достаточно было бы арестовать 50-100 магнатов и тузов банковского капитала, главных рыцарей казнокрадства и банковского грабительства; достаточно было бы арестовать их на несколько недель, чтобы раскрыть их проделки, чтобы показать всем эксплуатируемым, «кому нижна война». Раскрыв проделки банковских королей, их можно бы выпустить, поставив под контроль рабочих и банки, и синдикаты капиталистов, и всех подрядчиков, «работающих» на войну» (ПСС, т. 32. стр. 306-307).

Только в одной из своих работ В. И. Ленин довольно резко критикует якобинизм. Выступая весной 1918 года против фракции «левых коммунистов», Ленин высмеивает их требования «добивания» буржуазии, «окончательной ломки саботажа», «самого решительного обобществления» и т. п. Ленин ясно говорит, что против разгула мелкобуржуазной стихии невозможно и бессмысленно бороться методами террора, что здесь нужно бороться экономическими методами

в том числе и при посредстве государственного капитализма. «Мелкая буржуазия, — писал Ленин, — сопротивляется против всякого государственного вмешательства, учета и контроля как государственно-капиталистического, так и государственно-социалистического. Это совершенно непререкаемый факт действительности, в непонимании которого и лежит корень экономической ошибки «левых коммунистов.» Спекулянт, мародер торговли, срыватель монополии — вот наш главный «внутренний» враг, враг экономических мероприятий Советской власти. Если 125 лет тому назад французским мелким буржуа, самым ярым и искренним революционерам, было еще извинительно стремление победить спекулянта казнями отдельных, немногих «избранных» и громами декламации, то теперь чисто фразерское отношение к вопросу у каких-нибудь левых эсеров возбуждает в каждом сознательном революционере только отвращение и брезгливость. Мы прекрасно знаем, что экономическая основа спекуляции есть мелкособственнический, необычайно широкий на Руси, слой и частнохозяйственный капитализм, который в каждом мелком буржуа имеет своего агента. Мы знаем, что миллионы щупальцев этой мелкобуржуазной гидры охватывают то здесь, то там отдельные прослойки рабочих, что спекуляция вместо государственной монополии врывается во все поры нашей общественно-экономической жизни. Кто не видит этого, тот как раз своей слепотой и обнаруживает свою пленненность мелкобуржуазными предрассудками. Именно таковы наши «левые коммунисты», которые на словах (и в своем искреннейшем убеждении, конечно) беспощадные враги мелкой буржуазии, а на деле ей только и помогают, ей только и служат, ее только точку зрения и выражают, воюя — в апреле 1918 года!! — против . . . «государственного капитализма»! Попали пальцем в небо!» (ПСС, т. 36, стр. 296-297).

Эту выдержку из своей работы 1918 года В. И. Ленин приводит в брошюре «О продовольственном налоге», изданной в апреле 1921 года, поясняя задачи НЭПа. Однако между весной 1918 г. и весной 1921 г. лежит период «военного коммунизма», когда не только «левые», но и многие другие коммунисты пытались нередко бороться против спекуляции именно террористическими методами, хотя и не слишком в этом преуспели.

№ 31

Апрель 1967

О некоторых текущих событиях: Конференция коммунистических партий в Карловых Варах — Гибель советского космонавта — Интерес к народничеству среди молодежи — О некоторых мифах — Газеты «Правда» и «Известия» в столице и в провинции — О некоторых молодежных организациях — А. Твардовский в Италии — О книге Е. Гинзбург «Крутой маршрут» — Суд над В. А. Хаустовым — О статьях, посвященных памяти жертв сталинского террора — Пресс-конференция С. Аллилуевой — Новая валютная политика. Из литературной жизни: Новый рассказ А. И. Солженицына — Статья о Солженицыне в словацкой газете. О некоторых статьях, письмах и рукописях: Г. Померанц «О псевдореволюционных движениях и об интеллигенции» — Из книги М. Фрейкланда о Н. С. Хрущеве — Из книги Р. Миллса «Властвующая элита» — Из сборника статей польского марксиста А. Ставара — Из рецензии А. Тодорского на пьесу Н. Погодина «Верность». Об А. М. Горьком. Некоторые документы и материалы: А. М. Горький и процесс правых эсеров — О брошюре А. М. Горького «В. И. Ленин» — Горький и Сталин — Статья Троцкого с критикой Горького. Из истории: К вопросу о бюрократизме — Смерть Ленина и Троцкий — Сталин и социализм — Ленин и ЦК в октябре 1917 года — Еще о бюрократизме — О лозунге самокритики в 1928 году.

О НЕКОТОРЫХ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЯХ

1. Конференция европейских коммунистических партий в Карловых Варах

В Карловых Варах состоялась конференция европейских компартий, на которой обсуждались вопросы европейской безопасности. На конференции, однако, не было делегаций компартий Югославии, Румынии, Исландии, Норвегии, Голландии и Албании. Шведская компартия прислала только своего наблюдателя. Причины, по которым ряд европейских компартий отказались прислать свои делегации, различны. Так, например, югославская компартия протестовала против способов созыва конференции и учета замечаний по тексту предварительного проекта общей декларации. КПЮ заявила, что она не была приглашена на заседание Редакционной коллегии и не имела своевременно предварительного проекта.

2. Гибель советского космонавта

Во время полета нового советского космического корабля погиб советский космонавт Комаров. Космический корабль вышел на орбиту, но начал кувыркаться, и вскоре космонавт потерял сознание. При попытке посадить корабль на землю стропы парашютов запутались и парашюты не раскрылись. Космический корабль на большой скорости врезался в землю. Такие трагедии возможны при покорении космоса и, вероятно, даже неизбежны. Однако в данном случае, по-видимому, имела место поспешность с запуском. Осведомленные люди рассказывают, что ряд конструкторов нового корабля протестовали против этого запуска, считая, что имеется ряд недоделок. Странным является и то, что хотя Комаров потерял сознание уже при первом или втором витке, по радио и в экстренном выпуске газет от его имени передавались различные телеграммы и приветствия. В первых коммюнике не было сообщений о неполадках. В газетах сообщается, что сам Комаров попытался посадить корабль на землю, а между тем в институте космической медицины сообщили, что посадка проводилась при помощи автоматических систем, так как Комаров уже был без сознания или даже мертв к концу третьего витка. Поспешность

свою власть. Ортодоксальный коммунизм, с его партийной иерархией, тайной полицией, стал для нашего нынешнего мышления логически невыносим, он стал преступным. Бессмысленно было бы отрицать успехи, достигнутые русским коммунизмом. Но эти успехи достигнуты ценой чудовищных жертв. Русский народ стал образованным народом. Но также бессмысленно замалчивать, что благодаря воцарению святой партии, проявляющей себя только культово и инквизиторски, русский народ стал аполитичным, мелкобуржуазным народом, не управляющим, но позволяющим собой управлять, о котором заботятся и за который думают, который укладывают и кормят, чью интеллигенцию угнетают, потому что окостенелая партия боится любых перемен. Коммунизм нашего времени может выжить, только если он откажется от мифа о непогрешимой партии, если он будет мыслить дальше и станет демократическим. Если ему это не удастся, он оттолкнет человечество на столетия назад, отвлечет его от подлинных проблем, запутает его снова в национализме, приведет к бессмысленным культурным битвам и религиозным войнам.

Судьба коммунизма — это наша собственная судьба. Только если мы сами останемся реакционерами, можно будет сказать, что советские и ГДРовские реакционеры победили в Чехословакии. Мы сами должны дальше думать о демократии, потому что демократия, практикуемая нами, несет на себе тоже во многом мифологические черты и, как советский коммунизм, во многом тоже является культовой. Подумаем о комедии партийных конгрессов в США, о беззастенчивости, с которой некоторые партии именуют себя христианскими, об иллюзиях, которые поддерживаются, чтобы нажить политический капитал, о поддержке диктаторов, об экономическом вымогательстве под предлогом спасения какой-нибудь страны от коммунизма, а также и о том, что и мы презираем человека, поскольку мы им манипулируем.

Конрад Фарнер видит в христианстве необходимое сопоставление. Таким сопоставлением является и коммунизм. Человек несовершенен. Действительность, которую он творит, всегда под угрозой самого человека. Так человек создает фикции, в которые верит, пока не осознает, что это фикции, и разрушает их, чтобы создать новые, чтобы когда-

СССР еще велик, но уже нет прежней восторженности, нередко чувствуется даже раздражение. Однако людям трудно, видимо, жить без мифов. Поэтому, как это ни странно, но среди части западного рабочего класса (особенно среди неквалифицированных и малооплачиваемых рабочих), а также среди части молодежи находит сейчас определенный отклик китайская пропаганда. Уродства «культурной революции» и культа Мао относятся, вероятно, за счет восточной специфики и не вызывают того возмущения, которое мы видим по поводу китайских дел в нашем советском обществе во всех его слоях, включая и молодежь.

И у нас в стране среди части молодежи и интеллигенции нарождаются некоторые новые мифы. В частности создается миф о западной демократии, которая противопоставляется недемократическим советским порядкам. Согласно этому мифу Западная Европа и США представляются свободными странами, в которых каждый может говорить что угодно, в которых существует полная свобода печати, свобода передвижения. Конечно же, согласно этому мифу рабочие и служащие западных стран, не говоря уже об интеллигенции, получают гораздо большую зарплату, чем советские работники. Почти все там имеют легковую машину, хорошую квартиру и т. д. Естественно, что этот миф усиленно поддерживается западной пропагандой, «Голосом Америки», «Би-би-си». Немалую лепту вносят здесь и туристы, которые видят западную жизнь по большей части лишь с ее рекламной стороны. Но дело, конечно, не только в пропаганде. Многое объясняется простым желанием людей верить, что есть все-таки где-то земля обетованная. Разочарование и неверие в прежние идеалы, которое среди части советских людей было неизбежным результатом двойного разоблачения наших вождей, которых мы прежде возносили до небес, — все это также способствовало возникновению и укреплению мифа о процветающей западной демократии.

Разумеется, мы вовсе не хотим здесь сказать, что разоблачения культа или культов личности было ошибочным, через это обязательно надо было пройти. Мы также вовсе не хотим отрицать здесь многих реальных достижений западной демократии, полученных кстати лишь в результате десятилетий народной борьбы, начавшейся еще с кон-

ца 18-го века. В каждом мифе имеется определенная доля истины. Подлинному марксизму нужны однако не мифы, а реальное знание действительных проблем и действительных трудностей и противоречий как западного, так и современного советского общества.

5. *Газеты «Правда» и «Известия»*

Московский вечерний выпуск газеты «Известия» по многим своим материалам отличается от тех «Известий», которые продаются утром следующего дня в других городах. Это сейчас известно многим. Гораздо менее известно, что и «Правда», которая продается в Москве, заметно отличается от той «Правды», которая продается в других городах. Отчасти это связано с тем, что матрицы для других городов отправляются ночью, еще до того, как начинается выход газеты для Москвы. Поэтому в московский выпуск удается поместить нередко более свежие известия. Однако есть и другие различия, которые связаны, по-видимому, с желанием поместить в газету больше материалов различных сотрудников. Один пишет для московского выпуска, другой для провинции. Такая система позволяет, однако, некоторые важные материалы помещать только в московском выпуске. Кое-что приходится печатать из дипломатических или политических соображений, но это делается только для Москвы.

6. *О некоторых молодежных организациях*

Среди студентов, школьников, и молодых научных работников в последнее время то и дело возникают небольшие организации и группы самого различного толка. Рассказывают, что только в МГУ среди студентов имеется до 20 таких организаций («смоги», т. е. «самые молодые гении», «изумисты» и другие.) В ЦК ВЛКСМ считают, что общее число всяких внекомсомольских организаций и групп в стране достигает 400. При этом кое-где возникают даже организации и группы антисемитско-фашистского толка (советское отделение всемирного молодежного фашистского союза). Возникают и подчеркнуто антисталинистские организации. Недавно на заседании бюро Московского горкома

КПСС обсуждался доклад заведующего гороно о воспитательной работе среди учащихся средней школы. Перечисляя недостатки, докладчик или кто-то из выступавших заявил, что в школе № 16 г. Москвы ученики старших классов создали нелегальную организацию, действовавшую вне комсомола. Участники этой организации расклеивали по ночам листовки в защиту Синявского и Даниэля. Сейчас члены этой организации рассортированы по разным школам. Директор школы — заслуженная учительница РСФСР Т. Панфилова, известный в Москве педагог, освобождена от руководства школой, снята также с работы с запрещением вести преподавательскую работу учительница старших классов Бараль. Этой учительнице вменяется также в вину, что она организовала два вечера — один памяти Тухачевского, другой — памяти Якира. Это были подчеркнуто траурные вечера, о погибших полководцах говорили в первую очередь как жертвах культа личности Сталина, на вечерах исполнялись похоронные марши и т. д.

Академик П. Капица получил недавно письмо с листовкой, в которой содержался протест против репрессий (А. Гинзбурга, Галанскова и других). Листовка призывала интеллигенцию поднять свой голос против этих репрессий. «Интеллигент — дело твоей свободы в твоих собственных руках». Рассказывают, что за изготовление этой листовки арестованы два научных сотрудника одного из подмосковных научно-технических институтов. Эти молодые люди прочитали в библиотеке им. Ленина инструкцию по изготовлению ротопринта и у себя на даче изготовили ротопринт. Они выпустили две листовки, которые были подписаны «Движение сопротивления Свободной России». Молодые люди действовали без помощников, но они не удержались, чтобы не рассказать о своей «подпольной типографии» товарищам. Дело стало известным КГБ. Будет суд. За такие дела по Уголовному кодексу дается обычно 5-7 лет заключения.

7. *А. Твардовский в Италии*

«Литературная газета» сообщает об участии А. Твардовского в сессии исполкома Европейского сообщества писа-

телей. (А. Твардовский является вице-президентом этого сообщества).

Во время пребывания в Италии А. Твардовского один из итальянских еженедельников — «Эспрессо» провел встречу «за круглым столом», на которой для беседы с Твардовским собрались писатели Альберто Моравиа, Анджело Мариа Рипеллино, Паоло Милано, и др. По свидетельству «Литгазеты», Твардовский, в частности, сказал своим собеседникам: «Не верьте тем, кто говорит об оппозиционном духе нашего журнала. Вам должно быть достаточно одного этого заверения, потому что вы слышите его непосредственно от главного редактора, который коммунист не только по партийному билету, но и всем складом своей духовной жизни и всем содержанием своей литературной работы.

Отмечая значение Европейского сообщества, газета «Унита» приводит слова А. Твардовского «Сегодня европейское сообщество писателей может играть важную роль, поскольку в современном мире любая международная организация, даже неполитического характера, независимо от того, кто в нее входит (к какой бы расе, национальности, идеологии ни принадлежали ее члены), может выполнять прогрессивную роль, если только видит свою задачу в сохранении мира во всем мире, в защите человеческих ценностей, в сохранении всего того, что является общими ценностями всего человечества».

8. О книге Е. Гинзбург «Крутой маршрут»

В Италии буржуазным издателем Мондадори издана книга Гинзбург «Крутой маршрут», которая вот уже почти три года ходит по рукам в тысячах экземпляров. Книга издана сразу на итальянском и русском языках и в рекламной листовке издатель сообщает о том, что готовится издание этой книги также в ФРГ, в Англии, во Франции и в Испании. Первые рецензии положительные, многие выдержаны в самых восторженных тонах. Об издании книги Е. С. узнала одной из первых от московского корреспондента «Унита», который хотел взять у нее интервью. В ЦК не знали об этом издании, пока сама Е. С. не сообщила о нем помощнику Демичева и не попросила совета.

9. Суд над участником январской демонстрации на пл. Пушкина В. А. Хаустовым

Еще в феврале 1967 года в Московском городском суде было заслушано дело В. А. Хаустова, одного из участников демонстрации на пл. Пушкина 22 января 1967 года. Сейчас по рукам стала распространяться довольно подробная запись этого судебного процесса, составленная, как говорится в начале этой записи, по рассказам людей, присутствовавших на процессе.

К суду были привлечены В. А. Хаустов и И. Я. Габай. Однако по ходатайству прокурора дело Габая было выделено в отдельное производство. Разбиралось лишь дело Хаустова.

В самом начале процесса адвокат Хаустова потребовал судебно-психиатрической экспертизы, ссылаясь на то, что еще в 1964 году Хаустову был поставлен диагноз-шизофрения. Однако сам Хаустов отклонил требование своего адвоката и заявил, что считает себя здоровым. На этом основании ходатайство отклонил и суд.

В чем обвинялся Хаустов? В зачитанном на суде обвинительном заключении говорилось, что Хаустов, будучи знаком с Добровольским, Галансковым и другими лицами, арестованными по ст. 70 УК РСФСР, с целью их освобождения и в нарушение установленного порядка обращения в соответствующие органы, встал на путь незаконного выражения этих требований, организовал групповые действия, грубо нарушившие общественный порядок в 18 часов на пл. Пушкина 22 января 1967 г. Совместно с Кушевым, Делоне, Буковским (они также были арестованы, но еще не предстали перед судом). Хаустов и Габай оповещали своих знакомых и приглашали их на демонстрацию. На площади были развернуты 3 лозунга следующего содержания: «Свободу Добровольскому, Лашковой, Галанскову, Радзиевскому!» и «Требуем пересмотра антиконституционного указа и ст. 70 УК РСФСР.»

Далее в обвинительном заключении говорилось, что Хаустов не подчинился предложению членов комсомольского оперативного отряда, отказался отдать лозунг, оказал

физическое сопротивление комсомольцам, ударил некоторых из них и выражался нецензурными словами.

Хаустов признал себя виновным частично — только в сопротивлении задержавшим его лицам и нанесении им ударов. Организацию демонстрации считает делом законным.

Далее суд допросил свидетелей. При этом выяснилось, что большинство дружинников не имело опознавательных повязок. Не было повязки и у дружинника Клейменова, который принял самое активное участие в задержании Хаустова и которого тот ударил несколько раз.

Свидетель *Клейменов* заявил также, что не слышал, чтобы Хаустов ругался нецензурными словами. Однако другой свидетель — *Весна* сказал, что слышал, как Хаустов один раз негромко выругался.

После допроса свидетелей состоялся допрос Хаустова. Он подробно рассказал об организации им вместе с некоторыми друзьями демонстрации. Вначале предполагалось провести ее у здания Президиума Верховного Совета, затем решили сделать это на площади Пушкина. Думали, что придет человек 200, но пришло меньше. Плакаты развернули только на несколько минут, их сразу стали отнимать, не предъявляя никаких документов. Сопротивляясь, он, возможно, кого-нибудь ненамеренно ударил, за что приносит извинения.

Хаустов заявил далее суду, что идеалом государства он считает английскую парламентарную систему. (Хаустов — рабочий, он пытался поступить на философский факультет, но не прошел по конкурсу). Он критиковал некоторые положения нашего Уголовного кодекса, как противоречащие конституционным положениям насчет свободы собраний и демонстраций.

После допроса Хаустова выступил прокурор Старосветов. Он назвал Хаустова человеком общественно опасным, нераскаявшимся и потребовал лишения его свободы на 3 года. Затем выступила с пространной речью защитник Хаустова Каллистратова. Она отрицала в действиях своего подзащитного элементы хулиганства. Защитница согласилась

с тем, что Хаустов совершил некоторые «противоправные» действия, однако эти действия не являются хулиганством и должны быть квалифицированы по другим положениям УК. Молодежь на площади Пушкина не бесчинствовала, а вела себя тихо. Поэтому адвокат попросила суд назначить Хаустову наказание, не связанное с лишением свободы.

Однако суд нашел, что действия Хаустова являются общественно-опасным преступлением и приговорил его к 3-м годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

Процесс Хаустова и приговор ему довольно оживленно комментируется среди определенной части молодежи и интеллигенции. Кое-кто осуждает Хаустова. Однако большинство считает, что спокойная по началу манифестация на площади Пушкина не может считаться незаконной, эта манифестация ни в какой мере не создавала угрозы общественному порядку. С точки зрения строгого соблюдения Конституции СССР противозаконными были именно действия дружинников из оперативного отряда МК ВЛКСМ, так как эти действия были направлены против свободы собраний и демонстраций, декларированной в нашей Конституции.

10. О статьях, посвященных памяти жертв сталинского террора

После печально известного выступления С. Трапезникова насчет «поминальников» в наших газетах число статей и материалов, посвященных памяти жертв сталинского террора, резко сократилось. При этом в большинстве этих статей не содержится никаких указаний на причины смерти того или иного деятеля. Каждая редакция старается придумать как можно более туманное окончание подобного рода статей.

«После первомайских торжеств прошло всего несколько дней, как пришел непостижимо нелепый конец этой прекрасной жизни». Так, например, заканчивается брошюра А. Юсупова о известном татарском большевике С. Гафурове. В статье из «Правды» о Рудзутаке вообще не гово-

рится о том, что он погиб. «Я. Э. Рудзутак, — говорится в конце этой статьи, — был чутким и внимательным к людям человеком. Яркая жизнь стойкого ленинца служит примером беззаветной борьбы за коммунизм.» И все... Статья в «Уральском рабочем» о И. Д. Кабакове заканчивается сообщением о том, что в 1935 году ЦИК СССР наградил Кабакова орденом Ленина и что уральцы гордятся, что «вместе с Кабаковым превращали Каменный пояс в опорный край советской державы». Статья в «Советской Кубани» о Полуяне заканчивается такой же туманной фразой: «Большую славную жизнь прожил Ян Васильевич Полуян. Много сделал он для победы Великого Октября на Кубани. В сердцах людей, в памяти народа он будет жить вечно.» Так же пишет газета «Горьковская правда» о А. И. Муралове и «Правда Украины» о Л. Р. Милхе, ничего не пишет вообще о гибели Л. И. Картвелишвили газета «Вечерний Тбилиси» в статье к 75-летию этого виднейшего большевика.

Имеются, правда, и немногие исключения. Так, например, статья из «Тюменской правды» о Б. Шумяцком заканчивается словами: «Погиб Б. Шумяцкий в расцвете творческих сил в 1943 году». Еще более определенно заканчивается статья о председателе ЦИК Абхазии А. С. Агрба, опубликованная 3 марта 1967 года в газете «Советская Абхазия». «А. С. Агрба, — говорится в статье, — погиб в расцвете сил в начале 1938 года, став жертвой произвола и беззакония. Память о верном сыне Коммунистической партии — Алексее Сергеевиче Агрба навсегда сохранится в народе.» Но эти очень немногие исключения лишь подтверждают правило.

11. Пресс-конференция С. Аллилуевой

Американское правительство приняло решение о предоставлении С. Аллилуевой политического убежища в США, и С. Аллилуева переехала через океан. В конце апреля в Нью-Йорке состоялась давно ожидавшаяся пресс-конференция Светланы Аллилуевой, на которой присутствовало несколько сот корреспондентов и которая транслировалась главными телевизионными станциями США. Запись этой

пресс-конференции несколько раз передавалась и по «Голосу Америки».

12. Новая валютная политика

За последние два года политика нашего правительства в отношении валюты сильно изменилась. По всей стране открылись специальные магазины, где можно купить за валюту любые продовольственные и лучшего качества промышленные товары. Цены на все товары установлены при этом на таком уровне, что даже советские граждане, побывавшие за границей, стараются не тратить там валюту, а привезти ее в СССР. Сняты ограничения и на провоз валюты иностранными туристами, приезжающими в СССР. Они теперь не обменивают свои деньги на советские деньги по невыгодному для них принудительному курсу, а могут прямо на свои деньги покупать нужные им советские товары. Заинтересованные в притоке валюты в СССР финансовые органы сняли многие ограничения связанные с получением нашими писателями зарубежных гонораров. Каждый писатель может открыть на свое имя специальный валютный счет во Внешторгбанке и получать на этот счет гонорары непосредственно от зарубежных издателей его книг.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

1. Новый рассказ А. И. Солженицына

По рукам ходит рассказ А. И. Солженицына под названием «Пасхальный крестный ход». Этот рассказ интересен и с литературной точки зрения и для понимания весьма сложного мировоззрения самого Солженицына. «Учат нас знатоки, — говорится в рассказе, — что маслом не надо писать все, как оно точно есть. Что на то цветная фотография. Что надо линиями искривленными и сочетаниями треугольников и квадратов передавать мысль вещи вместо самой вещи.

А я не доразумеваю, какая цветная фотография отберет нам со смыслом нужные лица и вместит в один кадр пас-

хальный крестный ход патриаршей переделкинской церкви через полвека после революции. Один только этот пасхальный сегодняшний ход разъяснил бы многое нам, изобрази его самыми старыми ухватками, даже без треугольников.

За полчаса до благовеста выглядит приградье патриаршей церкви Преображенья Господня, как топталовка при танцплошадке далекого лихого рабочего поселка. Девки в цветных платочках и спортивных брюках (ну, и в юбках есть), голосистые, ходят по-трое, по-пятеро, то толкнутся в церковь, но густота в притворе, с вечера раннего старухи место занимали, девки с ними перетянутся и наружу; то кружат по церковному двору, выкрикивают развязно, кличутся издали и разглядывают зеленые, розовые и белые огоньки, зажженные у внешних настенных икон и у могил архиереев и протопресвитеров. А парни — и здоровые, и плюгавые — все с победительным выражением (кого они победили за свои пятнадцать-двадцать лет? — разве что шайбами в ворота . . .), все почти в кепках, шапках (кто с головой непокрытой, так не тут снял, а так ходит), каждый четвертый выпимши, каждый десятый пьян, каждый второй курит, да противно как курит, прислюшивши папиросу к нижней губе. И еще до ладана, вместо ладана, сизые клубы табачного дыма возносятся в электрическом свете от церковного двора к пасхальному небу в бурых неподвижных тучах. Плюют на асфальт, в забаву толкают друг друга, громко свистят, есть и матюкаются, несколько с транзисторными приемниками наяривают танцевалку, кто своих марух обнимает на самом проходе, и друг от друга этих девок тянут, и петушисто посматривают, жди как бы не выхватили ножи: сперва друг на друга ножи, а там и на православных. Потому что на православных смотрит вся эта молодость не как младшие на старших, не как гости на хозяев, а как хозяева на мух.

Все ж до ножей не доходит — три-четыре милиционера для прилики прохаживаются там и здесь. И мат — не воплями через весь двор, а просто в голос, в сердечном русском разговоре. Поэтому и милиция нарушений не видит, дружелюбно улыбается подрастающей смене. Не будет же милиция папиросы вырывать из зубов, не будет же

она шапки с голов охлобучивать: ведь это на улице, и право не верить в Бога ограждено конституцией. Милиция честно видит, что вмешиваться ей не во что, уголовного дела нет.

Растесненные к ограде кладбища и к церковным стенам, верующие не то, чтоб там возражать, а озираются, как бы их еще не пырнули, как бы с рук не потребовали часы, по которым сверяются последние минуты до Воскресения Христа. Здесь, вне храма, их, православных, и меньше гораздо, чем зубоскалящей ворашащейся вольницы. Они напуганы и утеснены хуже, чем при татарах.

Татары наверное не наседали так на светлую Заутреню.

Уголовный рубеж не перейден, а разбой бескровный, а обида душевная в этих губах изогнутых по-блатному, в разговорах наглых, в хохоте, ухаживаниях, выщупываниях, курении, плевоте, в двух шагах от страстей Христовых. В этом победительно-презрительном виде, с которым сопляки пришли смотреть, как их деды повторяют обряды пращуров.

Между верующими мелькают одно-два мягких еврейских лица. Может крещеные, может сторонние. Осторожно посматривая, ждут крестного хода тоже.

Евреев мы все ругаем, евреи нам бесперечь мешают, а оглянуться б добре: каких мы русских тем временем вырастили? Оглянешься — остолбенеешь.

И ведь кажется не штурмовики 30-х годов, не те, что пасхи освященные вырывали из рук и улюлюкали под чертей, — нет! Это как бы любознательные: хоккейный сезон по телевидению кончился, футбольный не начинался, тоска, — вот и лезут к свечному окошечку, растолкав христиан как мешки с соломой, и, ругая «церковный бизнес», покупают зачем-то свечки.

Одно только странно, все приезжие — а все друг друга знают, и по именам. Как это у них так дружно получилось? Да не с одного ль они завода? Да не комсорг ли их тут ходит тоже? Да может эти часы им как за дружину записываются?

Ударяет колокол над головой крупными ударами — но подменный: жестяные какие-то удары вместо полнозвучных глубоких — колокол звонит, объявлен крестный ход.

И тут-то повалили! — не верующие, нет, опять эта ревущая молодость. Теперь их вдвое и втрое навалило во двор, они спешат сами не зная, что ищут, какую сторону захватывать, откуда будет ход. Зажигают красные пасхальные свечечки, а от свечек — от свечек они прикуривают, вот что! Толпятся, как бы ожидая начать фокстрот. Еще не хватает здесь пивного ларька, чтобы эти чубатые вытянувшиеся ребята — порода наша не мельчает! — сдували бы белую пену на могилы.

А с паперти уже сошла голова Хода и вот заворачивает сюда под мелкий благовест. Впереди идут два деловых человека и просят товарищей молодых сколько-нибудь расступиться. Через три шага идет лысенький пожилой мужичок вроде церковного ктитора и несет на шесте тяжеловатый граненый остекленный фонарь со свечой. Он опасливо смотрит вверх на фонарь, чтоб нести его ровно, и в стороны так же опасливо. И вот отсюда начинается картина, которую так хотелось бы написать, если бы я мог: ктитор не того ли боится, что строители нового общества сейчас сомнут их, бросятся бить?.. Жуть передается и зрителю.

Девки в брюках со свечками и парни с папиросами в зубах, в кепках и в расстегнутых плащах (лица неразвитые, вздорные, самоуверенные на рубль, когда не понимают на пятак; и простогубые есть, доверчивые; много этих лиц должно быть на картине) плотно обстали и смотрят зрелище, какого за деньги нигде не увидишь.

За фонарем движутся двое хоругвей, но не раздельно, а тоже как от испуга стесняясь.

А за ними в пять рядов по двое идут десять поющих женщин с толстыми горящими свечами. И все они должны быть на картине! Женщины пожилые, с твердыми отрешенными лицами, готовые и на смерть, если спустят на них тигров. А две из десяти — девушки, того самого возраста

девушки, что столпились вокруг с парнями, однолетки — но как очищены их лица, сколько светлости в них!

Десять женщин поют и идут сплоченным строем. Они так торжественны, будто вокруг крестятся, молятся, каются, падают в поклоны. Эти женщины не дышат папиросным дымом, их уши завешены от ругательств, их подошвы не чувствуют, что церковный двор обратился в танцплощадку.

Так начинается подлинный крестный ход. Что-то пробрало и зверят по обе стороны, притихли немного.

За женщинами следуют в светлых ризах священники и дьяконы, их человек семь. Но как непросторно они идут, как сбились, мешая друг другу, почти кадилом не размахнуться, орарий не поднять. А ведь здесь не отговорили б его, мог бы идти и служить патриарх всея Руси!..

Сжато и поспешно они проходят, а дальше — Хода нет. Никого больше нет! Никаких богомольцев в крестном ходе нет, потому что назад в храм им бы уже не забиться.

Молящихся нет, но тут-то и поперла, тут-то и поперла наша бражка! Как в проломленные ворота склада, спеша захватить добычу, спеша разорвать пайки, обтираясь о каменные вереи, закруживаясь в вихрях потока — теснятся, толкаются, пробиваются парни и девки — а зачем? Сами не знают. Поглядеть, как будут попы чудаковать. Или просто толкаться — это и есть их задание?

Крестный ход без молящихся! Крестный ход без крестящихся! Крестный ход в шапках, с папиросами, с транзисторами на груди — первые ряды этой публики, как они втискиваются в ограду, должны еще обязательно попасть на картину!

И тогда она будет завершена!

Старуха крестится в стороне и говорит другой:

— В этом году хорошо, никакого фулиганства. Милиции сколько...

Ах, вот оно! Так это еще — лучший год?..

Что же будет из этих роженых и выращенных главных наших миллионов? К чему просвещенные усилия, обна-

дежные предвидения раздумчивых голов? Чего доброго ждем мы от нашего будущего?

Воистину, обернутся когда-нибудь и растопчут нас всех!

И тех, кто натравил их сюда, — тоже растопчут.

10 апреля 1966 г.
I-й день Пасхи.»

Рассказ у Солженицына получился довольно тенденциозный и очень уязвимый для критики. Думаю, что он плохо понимает молодежь нынешнюю и изображает ее очень уж со злостью, не удерживаясь даже от слова «зверята». Напротив, у девушек — верующих «лица очищены и светлы». У меня иной взгляд на вещи, и когда я вижу в церквях много молящейся молодежи, то это меня не радует, а тревожит, так же как пустота, тупость, цинизм и аполитичность другой части молодежи. Не в религии выход из того тупика идейного, в каком мы сейчас находимся. Но верно и то, что Солженицын заставляет нас о многом задуматься. И не заткнуть ему рот, а через спор с ним мы должны пройти. И что-то безусловно мы сможем взять при этом и у Солженицына.

2. Статья о А. И. Солженицыне в словацкой газете

В Чехословакии А. И. Солженицын является сейчас одним из самых популярных писателей. В то время, как в ГДР не было издано ни одного произведения Солженицына, и даже «Один день Ивана Денисовича» был запрещен здесь к публикации, в Чехословакии, напротив, два или три раза выходили сборники всех опубликованных в СССР повестей и рассказов Солженицына.

Недавно в СССР приезжал словацкий журналист Павел Личко. Он получил разрешение на поездку в Рязань для встречи с Солженицыным и провел с писателем целый день. Вернувшись в Братиславу, П. Личко напечатал здесь большую статью, озаглавленную «Один день Александра Исаевича Солженицына (Литературное творчество и взгляды художника)» Эта статья является первой большой пу-

бликацией о Солженицыне в социалистической прессе за последние два года.

«Наши читатели, — пишет в своей статье Павел Личко, — знакомы с несколькими произведениями А. Солженицына: «Матренин двор», «Случай на станции Кречетовка» и, главное, с его романом «Один день Ивана Денисовича». Солженицын — писатель по призванию, и его «Иван Денисович» не был лишь невольным и облеченным в художественную форму криком наболевшей истерзанной души — как иногда оценивался большой успех автора.

Во время недавнего посещения А. Солженицына в Рязани, где мы были у него дома на проезде Яблочкова, мы могли убедиться в том, что этот 50-летний человек, о котором у нас известно лишь то, что он где-то преподавал математику и физику, является образованным профессиональным писателем. Как мы знаем, к этой профессии его готовила сама жизнь.

Солженицын вырос и провел школьные годы на юге России, в Ростове-на-Дону (он родился в 1918 году в лермонтовском Кисловодске). Одновременно он закончил два высших учебных заведения — физико-математический факультет МГУ и прекрасный московский институт, где он изучал историю, философию и литературу, и который, по его собственному показанию, был впоследствии закрыт. Солженицын закончил обучение за несколько дней до начала войны. «Я очень колебался, что мне делать: математика мне давалась легко, мне предлагали место в аспирантуре (я учился с отличием), однако мне никогда не хотелось посвятить всю свою жизнь математике. Больше всего меня привлекала литература, но я понимал, что математика обеспечит мне «хлеб насущный» ».

Свои первые литературные произведения он посылал для опубликования Лавреневу, Федину, но они не могли быть опубликованы. Они сохранились, однако, некоторые остались на Лубянке (известная тюрьма). Он хотел быть и актером, и чуть им не стал. По мнению режиссера Завадского, который, будучи ссыльным изгнанником, основал в Ростове актерскую школу, Солженицын был талантливым

актером. Но врачи установили, что у него неизлечимый катар горла.

И после начала войны Солженицын считал литературу своей судьбой. Он всегда хотел жить в средней России. Жизнь в Ростове мало что ему давала. Там не говорят на чистом русском языке, да и природа там, по мнению Солженицына, не воздействовала благотворно на рост писателя, т. к. она не такая красочная, как в средней полосе России.

В армии не знали, что с ним делать как с математиком и призвали его в солдаты в качестве конюха.

Он служил вместе со старыми больными казаками и ухаживал за 50 лошадьми, с которыми не умел обращаться. Он всегда мечтал об артиллерии. В начале 1942 года настали трудные времена, никому до него не было дела. Просьбы его о переводе были напрасными. Позже ему все-таки помог бывший фронтовой офицер, который служил в одной части с Солженицыным. Эпизоды из своей жизни он рассказывает со сдержанной улыбкой, взгляд его при этом остается серьезным. Иногда он подходит к пианино, на котором лежат этюды Листа.

Солженицын закончил курсы молодых офицеров, его перевели в Горький, куда он добирался две недели. «То, что я видел и наблюдал за время этого переезда, я описал в «Случае на станции Кречетовка».»

На фронт он попал благодаря математическому вопросу, который он задал начальнику офицерской школы. Он хотел высмеять начальника своим вопросом, но тот в знак признательности назначил его командиром звуковой разведки. Солженицын получил чин капитана, сражался вместе со своей батареей под Ленинградом. Участвовал в знаменитой битве на Орловско-курской дуге, от Орла через всю Белоруссию шел к Берлину.

В январе 1944 г. во время битвы за Калининград в восточной Пруссии — вспоминает Солженицын, — его вызвал командир дивизии генерал-майор Травкин (он живет сейчас, хороший друг Солженицына) и потребовал, чтобы тот показал ему свой пистолет. Генерал был сам не свой. Ка-

питан Солженицын не понимал почему. Он отдал пистолет, и тут два офицера сорвали с него погоны и знаки отличия. Он запомнил удаляющийся гром пушек с близкого фронта. Перед тем, как его увели, генерал Тразкин пожал ему руку. «Это рукопожатие, — вспоминает Солженицын, — было одним из самых смелых поступков, которые я имел возможность видеть во время войны».

«Меня посадили за мое детское представление о жизни». Я знал, что в письмах с фронта нельзя разглашать военную тайну, но я думал, что можно рассуждать. В течение всей войны я писал своему другу письма, в которых открыто высказывался о Сталине, хотя я его не называл. Я давно уже относился к нему критически. Осуждал его за то, что он теоретически слаб, что он неправильно говорит. То, что я все это писал в письмах, было юношеской опрометчивостью.

Меня заключили на Лубянку в Москве, после допросов я был без суда осужден на 8 лет на основании чрезвычайного решения (постановления). Я никогда не считал, что меня осудили незаконно, ведь я выражал недопустимые в то время взгляды. Я не выжил бы в лагере, если бы меня не спасла математика. Я не умел работать физически и не был способен к моральным компромиссам. Работал я недалеко от Москвы и в самой Москве на стройках. На Ленинском проспекте стоит большой дом с башенками, на первом этаже его находится магазин «Спартак». Я работал на строительстве этого дома. Однажды пришел какой-то тюремный администратор и роздал нам анкеты. Я написал, что я математик и физик. Меня взяли в тюремный научно-исследовательский институт, который был на таком уровне, что каждый свободный ученый считал бы за честь в нем работать. 4 года из 8 я прожил в хороших условиях и работал, как математик заключенный. И хотя на окнах камеры были решетки, ходить разрешалось несколько минут на тюремном дворе, «нам зекам» давали есть и у меня была своя работа.

Последние три года я провел в горном районе Северного Казахстана. Здесь родился «Один день Ивана Денисовича». Это был особый лагерь — с номерами. Номера у нас были на лбу, на сердце, на коленях, на спине. У меня был номер

Ш-232 (Через день после этого разговора в элегантном московском кафе «Лира» мы сдавали свои пальто в гардероб. Гардеробщик выдал нам номерки. Солженицын посмотрел на свой и с грустью улыбнулся: «Смотрите, я уже никогда от этого не избавлюсь». На номере стояла цифра — 232).

В лагере за два года я выучился на каменщика и литейщика. Я вышел на свободу спустя месяц после истечения срока наказания (в феврале 1953 г.). 5 марта 1953 г. я впервые ступил ногой (правда в изгнании) на улицу какого-то города. Приютила меня глуховатая старушка, которая разбудила меня утром и попросила пойти на улицу и послушать, о чем там говорят по радио. Сообщали о смерти Сталина. Это был первый день моей свободы

Позже меня вызвали в органы госбезопасности и потребовали, чтобы я подписал документ о моем вечном изгнании (ссылке). Именно так там и было написано: о вечном, а не пожизненном. Я отказался сделать это.

До 1956 года я жил в ссылке на краю пустыни, к юго-западу от Балхаша, в ауле Кок-Терек, Зеленый Тополь. Я был рад, что я в ссылке, т.к. в качестве свободного гражданина мне было бы труднее получить работу. Я мог преподавать математику, а в ауле не было математиков. Здесь и родился «Матренин двор». Его действие относится к 1956 г., а не к 1953, как это было напечатано в предисловии к первому изданию.

Еще в лагере его оперировали. Онкологи установили правильный диагноз, однако, он не мог о нем узнать. В 1953 г. его мучили такие боли, что он совсем обессилел. В ауле никто не умел лечить такие болезни.

«Я очень страдал. Позже мне удалось попасть в Ташкент. После длительного лечения я выздоровел. Теперь опухоль не мешает мне жить. Она переродилась» — сказал он.

Во время своего пребывания в лагере А. Солженицын серьезно занимался русским языком и даже писал стихи. В ссылке он писал прозу и драму. В 1954 г. он написал пьесу «Олень и шалашовка» (совсем вольно можно перевести: «Олень и лагерная проститутка».) Потом он написал роман «В кругу первом». Судьба романа была печальной.

Все обвинения, на основании которых Солженицын был осужден, вытекали из порядков, соответствующих сталинскому культу личности. После XX съезда партии ему разрешили вернуться из ссылки. Исполнилась его давнишняя мечта — жить в средней полосе России.

«Я знаю, что писателю легче всего писать о себе. Мне же всегда казалось самым важным и интересным изобразить судьбу России. Из всей драмы, которую пережила Россия, самой тяжелой была трагедия «Иванов Денисовичей». Я хотел положить конец ложным слухам о заключенных. Уже в лагере я решил написать об одном дне жизни. Толстой сказал, что темой романа может быть жизнь всей Европы за целое столетие и жизнь одного мужика за один день».

Мы внимательно слушаем его и невольно приходит на ум, что подобно тому, как в своем творчестве Солженицын использует чеканный язык, вырастающий из глубины народного языкового богатства, так и в речи у него предложения сменяют друг друга в лихорадочном, но не беспорядочном ритме. Его высказывания строго логичны по форме, как кристаллы льда, они характерны для него, как представителя математической науки. Его мышление напоминает кибернетическую машину, которая порождает мысли в строго соответствующей им форме.

Что же он еще написал, кроме изданных произведений? Роман «Раковый корпус» — около 1000 страниц (отрывок из этого романа был опубликован в «Братиславской правде»). Вторую часть этого романа Солженицын закончил в тот период, когда мы были у него. Кроме упомянутой выше пьесы, которую он ценит выше своих ранних произведений, он написал пьесу с эпиграфом из Евангелия от Луки: «Свет, который в тебе, не есть ли тьма».

«Я пробовал написать пьесу, далекую от политики, место ее — вне национальной среды. Действие ее происходит в неизвестной стране, в неизвестную эпоху, у героев международные имена. Я сделал это для стирания отличий. Я хотел заняться нравственными проблемами общества и цивилизованных стран безотносительно к тому, являются ли эти страны капиталистическими или социалистическими».

После реабилитации Солженицына первыми читателями, точнее слушателями «Ивана Денисовича» были судьи, члены военной коллегии Верховного суда. «Это были первые судьи, которых я видел. Я им прочитал текст своего романа».

После издания «Ивана Денисовича» он отдал свои рассказы в журнал «Новый мир», а в театр «Современник» — вышеуказанную пьесу из лагерной жизни.

Над романом «В кругу первом», в котором около 800 страниц, Солженицын работал 9 лет. Роман заканчивается через неполных 3 дня после 70-ой годовщины со дня рождения И. В. Сталина. Действие романа происходит в течение одного дня и неполной ночи в декабре 1949 года. Роман имеет вертикальную структуру. В нем фигурирует Сталин, дворник, представители интеллигенции, партийные деятели. Часть действия протекает в научно-исследовательском институте для «зеков».

После небольшого перерыва в разговоре он вернулся к своей пьесе о нравственных проблемах передовой части человечества. «Я думаю, что пьеса мне не удалась. Несмотря на то, что в свое время ее хотели поставить в театре Вахтангова, в театре Ленинского Комсомола.» Он написал ее в 1960 г., но пьеса не была опубликована.

Он написал около 15 рассказов в 15-20 строчек. Написал? Как и многие произведения, которые родились в лагере, он сначала сочинил, выучил их наизусть, а спустя несколько лет записал на бумаге. Эти микрорассказы стали широко читаться по всей стране. Без ведома автора их издали заграницей с подзаголовком «Рассказы, приписываемые Солженицыну». Английская литературная критика посредством анализа языка рассказов обнаружила, кто их автор. Рассказы были опубликованы в английском журнале. В 1959 г. Солженицын работал над киносценарием. Он искал новую форму для этого жанра. Остальные работы он «пока еще не решился предложить читателю». Он свободно беседовал с нами о задачах писателя.

«Благодаря художественному восприятию мира и интуиции писатель открывает многие общественные явления

раньше и с неожиданной стороны. В этом и заключается его талант. Из таланта вытекает обязанность. То, что видит писатель, и, главное, то, что он видит больного и волнующего, он должен сообщить обществу.»

«Я воспитан только на русской литературе, неожиданные повороты в моей жизни не позволили мне расширить ее изучение» (невольно мой взгляд упал на книжный шкаф в его комнате, на сочинения Анатоля Франса и других классиков, на книги на английском языке). «Русская литература всегда отличалась внимательным отношением к тем, кто страдает. У нас всегда исповедуется точка зрения, требующая, чтобы с прикрасами писали о том, что будет завтра. Но это неправильно, т. к. такая точка зрения оправдывает ложь. А такая литература не что иное, как косметика. Только ... кибернетический процесс может установить все ошибочные действия. Писатель должен управлять своей художественной памятью. Если он не будет придерживаться ее. то произведение ему не удастся. Он должен написать так, как видит. Косметика в литературе вредна.

Я не считаю себя знатоком мировой литературы, но у меня есть субъективное впечатление, что в западной литературной Европе значительная часть литературы может оказаться поверхностной, быть может из-за того, что на протяжении многих десятилетий люди там не пережили внутренних потрясений. Основой литературы является глубокое переживание общественных процессов.

Восточная Европа, к которой я отношу и Россию, пережила глубокие потрясения. Поэтому я с большой надеждой смотрю в ее литературное будущее.

На задачи писателя нужно смотреть не только с точки зрения его обязанностей по отношению к обществу, но и с точки зрения его первостепенной обязанности по отношению к каждому отдельному человеку. Жизнь личности и общества никогда не перекрываются, коллектив не обязан всегда помогать индивидууму. У отдельного человека много таких проблем, которые не способен решить коллектив. Человек является физиологическим и духовным существом раньше, чем он станет членом общества. Обязанности пи-

сателя по отношению к индивидууму не меньше, чем по отношению к обществу.

В нашу эпоху, когда техницизм захватил жизнь, когда материальное благосостояние часто является главным в жизни (тут он употребил весьма образное выражение «люди заелись», «зажрались»), когда ослабло влияние религии на людей всего мира, к писателям предъявляются повышенные требования. Они должны заполнить вакуум.

Во взаимоотношениях современности и вечности писатель должен балансировать между этими двумя категориями. Если произведение будет настолько актуальным, что его автор потеряет взгляд «с точки зрения вечности», то произведение скоро умрет. Напротив, если автор уделяет много внимания вечности, его произведение становится бесцветным, теряет силу, воздух. Писатель всегда стоит между Сциллой и Харибдой. Он не должен забывать ни об одном, ни о другом.»

Был задан вопрос, какие условия должно создать общество для писателя, чтобы он мог исполнить свое призвание. Солженицын ответил: «Оно должно предоставить ему объективную критику. И этого достаточно». На повторный вопрос, является ли это единственной обязанностью общества, он ответил лаконично: «Да».

«Я не вижу большой ошибки в том, если общество относится к писателю несправедливо. Для него это будет испытанием. Писателей не нужно слишком баловать. Есть много случаев, когда общество несправедливо относилось к своему писателю, а он, несмотря на это, исполнил свое призвание (свой долг). Писатель должен быть готов к несправедливости, в этом заключается риск его профессии. Судьба писателя никогда не будет легкой.

Какой жанр я считаю самым интересным? Полифонический роман с точными координатами в пространстве и времени. Роман без главного героя. Автор романа с главным героем невольно уделяет больше внимания и времени герою. Как я понимаю полифоничность? Каждый персонаж становится героем, когда действие коснется его. Хотя потом автор становится ответственным за судьбу 35-ти ге-

роев. Он никому не отдает предпочтения. Он должен понять каждого персонажа и обосновать его поступки. Однако, он не должен потерять почвы под ногами. Таким методом он написал две книги и готовится написать третью.

Я убежден, что богатство русского языка используется недостаточно. В XX веке языки как-то сужаются, обедняются, стандартизируются. Мы недооцениваем многих старых ценностей. В разговорном языке это просто болезнь, у меня тоже. Когда в лагере я начал серьезно изучать русский язык (даже по словарю), я обнаружил, что в неиспользуемой лексике много словесной красоты. Я пытаюсь использовать такие слова, хотя бы те, которые наиболее близки структуре русского языка. Все остальное мне даже не удается поймать. Правда, я сам много ошибаюсь, выбираю слова, которые стоят слишком далеко. Надеюсь, с возрастом я буду ошибаться меньше.»

Павел Личко. Рязань-Москва
март 1967 г.»

О НЕКОТОРЫХ СТАТЬЯХ, ПИСЬМАХ И РУКОПИСЯХ

1. О псевдореволюционных движениях и роли интеллигенции (Из письма Г. С. Померанца М. А. Лифшицу)

В ответ на большую статью М.А. Лифшица в «Литературной газете» «Осторожно, Человечество» (эта статья является ответом на критические заметки, вызванные статьей Лифшица «Почему я не модернист») философ Г. С. Померанц направил Лифшицу письмо в котором говорится, в частности, следующее:

Нельзя называть фашизмом движение хунвейбинов (продолживших традиции индонезийских комсомольцев, вплоть до мелочей). Это псевдореволюционное погромное движение, но другого сорта, другого типа, с использованием других цитат (не из Ницше или Бергсона, а из Маркса и Ленина). В связи с этим очень важно понять, что беда — не в той или иной идее, а в хамском ее понимании. И надо выкорчевывать не идеи (или художественные системы), вместе с интеллигентами-носителями этих идей и систем,

а известную структуру сознания, хамское сознание, в котором *любая* идея принимает хамский характер. Вернее, не выкорчевывать, — самый глагол, взятый из обихода 30-х годов, здесь не подходит, — а понять и постепенно хорошо налаженным воспитанием переделать.

Но М. А. Лифшиц не видит сегодняшнего дня, он живет в прошлом. Ему кажется, что китайские интеллигенты, которых бьют по морде китайские хунвейбины, должны чувствовать себя счастливыми сравнительно с немецкими интеллигентами, которых били по морде немецкие штурмовики. Потому что китайцев бьют во имя неправильно понятой правильной идеи, тогда как немцев били во имя правильно понятой неправильной идеи. И существует великое различие между неправильными и правильными идеями, даже если правильные идеи неправильно понимаются. Тот, кто этого не понимает, попадает в лапы дьявола, становится орудием зла и История навечно извергает его из своих уст.

...Что касается идей, овладевших массами, то не следует ли выяснить, в какой степени массы понимают идеи, овладевшие ими? Не объясняются ли эти идеи простым прикрытием старых-престарых моделей поведения? Отошел ли от язычества, от веры в племенного бога и в племенную правду русский мужик, убежденный, что Христос был русским? Является ли коммунистом китайский «кадр», не обучавшийся в гимназиях и не ведающий, что диктатура — римское республиканское учреждение, кратковременный деспотизм в рамках общего уважения к свободе и с тенденцией вновь раствориться в демократии, а не постоянный, вечный деспотизм по-китайски? И ежели масса понимает идеи, вдохновившие ее, до такой степени криво, очень ли важно, во имя каких идей она бьет интеллигентов по морде?

Позвольте сказать мое мнение: идеи овладевшие массами, не понимающими эти идеи, важны до тех пор, пока они означают доверие к известной группе интеллигенции, выдвинувшей эти идеи и руководящей движением. Идеи и в таком случае теряют значение, когда интеллигенция теряет контроль над массами.

Идеи важны для оценки революции (т. е. воспитания масс, руководимого интеллигенцией). Идеи совершенно не важны при оценке погрома (т. е. восстания масс, руководимого подонками). Идеи революции существенны, потому что они ведут к построению новой формы общества. Идеи погрома несущественны, вернее они существенны в той мере, в которой они прикрывают голую жажду разрушения, и таким образом позволяют погромщикам очистить свою совесть. При оценке погрома решающим является критерий практики (погромной практики). Какие именно хоругви болтаются над головами погромщиков — не важно. Нерукотворный лик Христа, священная корова и ленинская идея культурной революции, в таком понимании — совершенно равны и однозначны, так же как три величины, порознь равные нулю, равны между собой.

Когда революция вырождается, как это случилось в Китае — надо подумать, что же случилось. Возникло что-то новое, что-то вроде фашизма, но еще не имеющее имени. Революция по своей организационной структуре и погром по своей духовной сущности. Конечно, не старый мужицкий погром, неорганизованный и гаснущий само собой, а новый, высоко организованный, структуру которого социологи должны изучить с такой же научной страстью, с какой медики изучают раковые опухоли. Погром XX века, исполнители которого — выбитые из привычных условий жизни, оторванные от традиции, растерянные, охваченные страхом и чреватые истерикой массы, а организаторы-полуинтеллигентные и псевдоинтеллигентные специалисты, подонки, достаточно просвещенные, чтобы отбросить нравственные Табу, и недостаточно просвещенные, чтобы понять дух нравственности. Достаточно развитые, чтобы организовать движение и захватить власть, но недостаточно развитые, чтобы увидеть действительный выход из современных противоречий и неизбежно бросающиеся к ложному выходу, к агрессии.

При этом сложность положения в том, что китайские кадры, кормя массы ненавистью вместо риса, одновременно выполняют некоторые рациональные народнохозяйственные задачи: строят фабрики, дороги, дома. Если бы ненависти производилось не очень много, а стали побольше, то с использованием тех или иных лозунгов в качестве опиу-

ма народа можно было бы примириться. В конце концов массы всегда как-то одурманивали, чтобы они выполняли большую работу за малую плату. Так, по крайней мере, рассуждают многие практические политики. Правы они или нет — вопрос спорный. Я лично думаю, что, в конечном счете, — не правы. Но в Китае развитие приняло явно злокачественный характер, т. е. производство ненависти перекрыло производство стали и, кажется, становится предметом экспорта. Таким образом, различия между восточным и западным (фашистским) вариантами псевдореволюционных движений сходят на нет, возникает своего рода фашизм с цитатами из Ленина на устах.

Разумеется, что-то из Ленинского наследия отодвигается назад. Прежде всего интернационализм. Это идея, которую хамские головы плохо переваривают.

С течением времени Ленин вообще отодвигается назад, заменяется Мао. Но до конца китайские кадры не откажутся ни от Ленина, ни от Маркса. Это во-первых, традиция, а во-вторых, — мандат на мировое господство. С известной точки зрения, все претенденты на мировое господство — интернационалисты.

Поэтому чрезвычайно важно понять, что суть дела не в источнике цитат, а в структуре сознания, выбирающего цитаты. Можно надергать цитат из Евангелия, чтобы оправдать инквизицию. Можно надергать цитат из Ленина, чтобы оправдать антисоветскую войну.

В свете китайского опыта стоит переоценить наше собственное прошлое. Стоит понять, что беда не в идеях (с которыми мы воевали в 20-е и 30-е годы), а в вульгаризации идей (любых идей), что нет опасных мыслей, а есть опасные головы (полуразвитые головы), что в интеллигентной голове всякая идея — аспект культуры, аспект истины, а в полуразвитой голове всякая идея опасна, даже идея, вынутая прямо из святой воды, что в полуразвитых головах ленинская идея культурной революции закономерно превращается в сталинскую идею борьбы с космополитизмом или в китайскую идею борьбы с «ревизонизмом» и «экономизмом» (т. е. идею погрома культуры).

Разве вульгаризация рационализма не приводит к тем же самым результатам, что и вульгаризация иррациона-

лизма? Разве дело в идеях Бергсона или Маркса, а не в склонности полуобразованных людей доводить всякую идею до абсурда? Разве не прав Музиль, сказав: «достаточно взять всерьез одну из идей и подавить все, противоположные ей, чтобы наша цивилизация перестала быть нашей»?

Всего этого вы не видите. Перед Вами хунвейбины, а вы все еще спорите с Розенбергом. Вы трубите о мертвом Гитлере, и не видите живого Мао. Вы хотите вернуться к «Ленинским нормам» — и мешаете процессу демократизации, выступая против интеллигенции (т. е. главного носителя демократизации).

Давайте еще ближе упростим ситуацию. Допустим, что интеллигенты разделились на две группы: модернистов и антимодернистов. Они спорят друг с другом. В споре, говорят древние, рождается истина. Но тут вылезает подонок, подхватывает идею (допустим модерн), превращает ее в догму (так понятней массам) и смешивает с грязью антимодернистскую интеллигенцию. Потом он хватает уцелевших идеологов модернизма и антимодернизма, вас и меня, сажает в кутузку и заставляет признаться, что мы вступили в соглашение с дьяволом, пили кровь крещеных младенцев и замышляли извести его, вождя хунвейбинов, колдовством. Разумеется массы на массовых митингах требуют до конца выкорчевать модернистско-антимодернистских мерзавцев.

Всякая идея, пока она остается в интеллигентной голове, обладает известной истинностью. Всякая идея, попавшая в полуразвитую голову, опасна. Всякая идея, на защиту которой призывается палач, идея, которой манипулируют подонки — бичь человечества.

Мы можем и должны спорить друг с другом. Но самозащита интеллигенции от подонков, идеи от вульгаризации, высокой структуры сознания от логики катехизиса, нравственности от спинномозговых рефлексов —высшее требование современности, важнейшее условие цивилизации и прогресса.

Защита интеллигенции не означает презрения к простым людям. Когда Маркс признал промышленных рабочих

XIX века передовым классом, здесь не было презрения к крестьянам и ремесленникам. Точно так же нет презрения к современным промышленным рабочим в констатации факта, что роль передового класса перешла к слою работников умственного труда. Факты — упрямая вещь. В XIX в. интеллигентов было мало и роль их в прогрессивном блоке ограничивалась только верхними ярусами руководства. В XX веке интеллигентов стало больше и появились сплоченные группы армии интеллигентов. Можно оспаривать происшедший сдвиг на уровне социологии с какими-то другими, неизвестными мне фактами в руках, но нелепо рассматривать констатацию факта, как аморальный поступок. Возникает новое общество, в котором крестьянство — второстепенная группа, удельный вес пролетариата — падает (по крайней мере в США — см. статистику), а интеллигенция растет и растет. Если прав академик Семенов, и удельный вес людей, занятых наукой, дойдет в ближайшие десятилетия до 50% самодеятельного населения, то спор отпадет сам собой. Уже сейчас работники умственного труда в нашей стране не узкая элита, а миллионы людей (по удельному весу не меньшая величина, чем промышленные рабочие в старой России). Уже сейчас — это становой хребет общественного производства, и современный интеллигент отличается от Васисуалия Лоханкина так же, как пролетарий XIX в. от римского: он не живет за счет общества, напротив, общество, по словам Маркса, живет за его счет.

Работники умственного труда (интеллигенция в широком смысле этого слова) делятся на разные группы (и слои). Существует различие между администраторами, организаторами и производителями интеллектуальных и духовных ценностей. Существует еще большее различие между Вернером фон Брауном и Янушем Корчаком, между *специалистами*, способными конструировать все, что угодно, вплоть до газовых камер, и законченными *интеллигентами*, которых душили в этих камерах. Полуфабрикаты не всегда хорошо пахнул. Несчастье наше, может быть, в том, что мы живем в эпоху массового производства полуфабрикатов. Борьба идет вовсе не между интеллигенцией и народом, а между законченной и полуфабрикатной интеллигенцией и народом. Подонок, хам, Калибан — это не природа, а полу-

фабрикат культуры.* Выход в том, чтобы сделать каждого человека законченным интеллигентом. Это, кстати сказать, было бы воплощением слов Ленина «...нельзя стать коммунистом, не обогатив свою память знанием всех тех богатств, которые создал человеческий ум.» Всех эстетических и моральных ценностей...

Борьба идет между интеллигенцией 1-2 сортов (которую для простоты я называю «интеллигентной интеллигенцией») и интеллигенцией 4-5 сортов (подоночной интеллигенции) при нейтралитете интеллигенции 3-го сорта...

...Интеллигент в узком смысле слова — это образованный человек, решающий проблему сколько будет дважды два, не взирая на лица. Если он считает что 2 x 2 = 5, то 4 x 4 = 20. В его поведении есть внутренняя честность и внутренняя логика. «На костер пойдем, гореть будем, но не откажемся от своих убеждений» (акад. Вавилов). Примером интеллигента 1-го сорта может быть назван Джордано Бруно. Интеллигент 2-го сорта — Галилей. Он отстаивает истину «до костра» исключительно и, когда его заставляют отречься, шепчет про себя: «а все-таки она вертится». Иначе говоря, интеллигент 2-го сорта остается внутренне честным в своем отступничестве, мужественно признает свою трусость. В противном случае, подводя теоретическую базу под сделанную гадость, можно довольно быстро превратиться в подонка.

Интеллигент 3 сорта — это ваш сосед по квартире или лестничной клетке. Он плывет по течению или довольно легко позволяет уговорить себя в необходимости пороть детей, закрыть художественную выставку, посадить модерниста под арест. Но сам по себе, оставленный в покое,

---

* В этой связи уместно вспомнить старую эпиграмму:

Н. Грибачев сменил ихтиозавра.
О боже мой, что будет с нами завтра?
Печальнее всего, что наша пресса
Считает это признаком прогресса.
Конечно, Грибачев не ящер,
Но чем то мне милее пращур.

(Примечание Г. Померанца)

интеллигент 3-го сорта не творит зла. Для этого ему не хватает тщеславия.

Интеллигент 4-го сорта делает карьеру и при этом делает гадости. Но как говорил М. Светлов: С. — человек порядочный. Делая вам гадость он не испытывает от этого удовольствия.

Интеллигенты 5-го сорта — Презент, Лысенко, Суров и другие потолстевшие и облысевшие хунвэйбины. Я предоставляю им возможность самим расписаться в получении этой характеристики, не называя всех вертящихся на языке имен.

Общей чертой интеллигентов 4-5 сорта является неспособность решать вопрос, сколько будет дважды два, инвариантно, без оглядки на вождя хунвейбинов или какое-либо заменяющее его лицо. Внутреннее независимое мышление, в конце концов, полностью атрофируется и уступает место спинно-мозговому рефлексу «куда ветер дует». Попытка логики воспринимается как путаница (в студенческие годы мне неоднократно приходилось выслушивать этот упрек). Ясным для спинномозговика является только связь терминов, соответствующая установкам. В итоге складывается тип человека, очень успешно делающего карьеру, но совершенно не способного к объективному мышлению, здравому пониманию любой объективной проблемы. Тип человека, труды которого напоминают лоскутные одеяла, сшитые из тысячи и одной оглядки, а практические дела неизбежно сводятся к развалу народного хозяйства и культуры.

Между первым и пятым уровнем разница во всем, в том числе, в даровании. Даже если Презент нравственно переродится, он не станет ученым. Даже если Марков-третий станет интернационалистом, он не превратится в поэта. Но дробные деления зависят более от субъективной нравственной установки, нежели от даров, полученных (по заявлению И. Бродского на суде) от бога.

А. С. поднялся на высший уровень не абсолютностью своего художественного дарования, а абсолютностью нравственного дара, пеплом Клааса, стучащим в сердце, углем, вдвинутым в грудь: между тем с К.С., человеком очень

талантливым, никто никогда эту операцию не проделал. Предоставленный самому себе, он в сталинскую эпоху падал до 4-го сорта, а сейчас пытается пробиться во второй. Возможны и противоположные случаи, когда интеллигент, некогда дотягивавший до второго сорта, начинает угрожающе катиться к четвертому и даже пятому.

Однако, во всяком случае, ясно без сложных социально-психологических рассуждений, что более или менее законченная (1-2 сорта) интеллигенция не может существовать без свободы слова. Она поставляет идеологов не только для себя, но и всем другим достойным слоям общества. Поэтому в обществе, где интеллигенция свободна, все слои общества имеют свой голос. И наоборот: в обществе, где интеллигенция подавлена, все немы. Это «жалкая нация, нация рабов. Снизу доверху одни рабы» (Н. Г. Чернышевский). Разумное управление этим обществом невозможно, и все реформы идут прахом. Все это так, — замечает проницательный человек. Но как же обойтись *без руководящих* идей? Вы что, за анархию? Ничуть! Но диалог — не анархия. Диалог — это высокоорганизованная структура: это путь к истине и форме существования истины (которая «всегда конкретна» и каждый день меняет свое обличье). В ходе диалога общество постоянно создает, поправляет и перестраивает иерархию идей, порядок в царстве духа. Нужно только одно: чтобы евнухи в штатском перестали охранять его лоно.

«Человек присужден к свободе». Он выбирает риск — родить кривобокого ребенка, или спокойное обеспеченное бесплодие. Осторожно — еще не поступило указаний! Осторожно, идейность! Осторожно — Человечество!»

2. Из книги М. Френкланда о Н. С. Хрущеве

В Европе и в США выходит сейчас немало книг и статей посвященных деятельности и исторической роли Н. С. Хрущева. Здесь была издана книга Марка Френкланда «Хрущев». Небольшим тиражом «для служебного пользования» эта книга издана и в СССР. Ниже мы приводим выписки из этой книги:

Из главы «Падение»

«Кубинский кризис был одним из самых опасных просчетов Х. за те 10 лет, когда он определял советскую внешнюю политику. Но это был просчет, совершенный под давлением: он знал, что выправить советское отставание в ракетах обычными способами можно было только за счет недопустимой оттяжки его честолюбивых планов развития советской экономики. Он уже был в состоянии глубокого беспокойства из-за неудовлетворительного состояния экономики, которая даже без новых военных расходов казалась не в состоянии выполнить поставленные перед ней задачи. И он, вероятно, лучше всех знал, что сельское хозяйство — область его личной ответственности — нуждается в гораздо большем количестве денег, если он не хочет подвергнуть серьезной, а может быть и смертельной опасности свою собственную репутацию. И все же на мартовском пленуме его заставили признать, что лишних денег просто не существует. За непопулярным ростом цен в июле последовало (в сентябре) сообщение, что обещанное уменьшение налогов должно быть «временно отложено». Х. уже принял решение сосредоточить военные усилия Советского Союза на ракетных войсках, которые он считал кратчайшим путем к достижению военного равенства с США, позволяющим избежать необходимости содержать большие и дорогостоящие обычные вооруженные силы. Но, если бы он мог разместить на Кубе советские ракеты среднего радиуса действия, то основной недостаток Советского Союза — отставание в области межконтинентальных баллистических ракет — можно было бы считать в основном скомпенсированным. Тогда большое давление, которое на него оказывалось с тем, чтобы сконцентрировать в военной промышленности все наличные ресурсы, было бы существенно ослаблено, и он мог бы доказывать более убедительно, что военный потенциал Советского Союза достаточно велик, чтобы позволить перевести большие средства на гражданские цели.

Хотя основные соображения Х. почти без сомнения были именно таковы, на этот шаг его толкало также текущее состояние советско-американских отношений. Х. отметил приход к власти нового президента США новым

берлинским кризисом, а первая встреча этих двух деятелей создала атмосферу взаимного недоверия и недопонимания, ... хотя при более счастливых обстоятельствах, они могли бы понять, что они в состоянии работать вместе гораздо лучше, чем Х. с Эйзенхауэром ...

После венской встречи в июне 1961 г. Х. явно хотел «испытать» Кеннеди... Х. покинул Вену в убеждении, что он может позволить себе дерзкий шаг. Покорное принятие американцами берлинской стены (август 1961 г.) ... как будто соответствовало оценке, данной президенту Х. Суть состояла в том, что Х. было трудно понять Кеннеди... Одному американскому бизнесмену он сказал, что поведение американцев в кубинском кризисе было бы более «зрелым» при Эйзенхауэре.

В другом случае, в связи со смертью Даллеса, Х. сказал, что при Даллесе по крайней мере была ясна позиция Америки. Значительная часть причин такого положения заключается в усложненности самого Кеннеди.

Когда Х. и Даллес стояли лицом друг к другу, это было похоже на встречу двух громадных примитивных зверей которые рычат друг на друга и сверкают глазами из своих взаимно уважаемых берлог. Более гибкий подход Кеннеди смущал Х. Сложный образ мышления Вашингтона, касавшийся понятий «экскалации», «нарастающих ударов» и прочих академических терминов холодной войны, не мог восприниматься с такой же интеллектуальной любознательностью и бесстрастием со стороны Х. (хотя именно этот стиль мышления дал Кеннеди формулу для выхода Х. из кубинского кризиса).

Почти несомненно, что Х. разработал кубинский проект совместно с Раулем Кастро во время длительного и не отраженного в печати визита последнего в Москву в июле 1961 г.... Ракеты должны были находиться в распоряжении только советских войск и под полным контролем Москвы. Х. считал кубинцев слишком «непостоянными» людьми и никогда не предполагал подпустить их к ракетам (что бы ни говорили об этом на Западе) ...Первые советские корабли с ракетами отправились в конце июля 1961 г. В сентябре было объявлено, что Россия не нуждается в военной

базе, а помогает Кубе в строительстве рыболовецкого порта... Но это был еще один просчет, и уже 19 октября американская разведка собрала достаточные доказательства о советских стартовых позициях на Кубе, что заставило Кеннеди прервать свою избирательную кампанию...

Вскоре ошибка Х. стала явной. Он не предусмотрел смятения, вызванного обнаружением снарядов на Кубе, и дикого предположения, родившегося на Западе, что снаряды предназначены для внезапного нападения на Америку, или по меньшей мере для усиления позиции Х. в вопросе Берлина или предполагаемого им мирного договора с Восточной Германией. Самое главное состоит в том, что он просчитался в оценке реакции Кеннеди. И если правильно оценить мотивы, по которым Х. послал снаряды на Кубу, то его дальнейшее поведение представляется совершенно здравым. Хотя он был вынужден привести вооруженные силы в состояние боевой готовности 23 октября, он был достаточно осторожен, чтобы не создавать в Москве кризисной атмосферы... Уже 24 октября но отдал приказ советским кораблям с грузом последних ракет остановиться до встречи с американскими военными кораблями...

Кубинский кризис был для Х. менее ужасным происшествием, чем для Кеннеди, потому что именно недостаточное понимание мотивов действий Х. и вызвало такую тревогу в Вашингтоне...

Кубинский кризис был лишь одним из беспокойств, угрожавших политическому положению. За месяц до того, как мир узнал о советских ракетах на Кубе, Х. направил своим коллегам по президиуму письмо с предложением разделить партию на промышленную и сельскохозяйственную части с целью «повысить уровень контроля партии над экономикой страны»... 28 сентября «Правда» опубликовала ранее неизвестный ленинский документ, в котором вождь высказывал мнение, что партия должна сосредоточиться на экономических, скорее, чем на политических задачах... Имелись намеки, что Х. собирался справиться с сопротивлявшимися противниками его планов, развернув новую кампанию борьбы со «сталинистами». В начале кубинского кризиса «Правда» поместила стихотворение молодого пи-

сателя Евтушенко «Наследники Сталина»... Стихотворение ходило в литературных кругах в рукописной форме еще до этого, а решение опубликовать его именно в этот момент было политическим решением — решением самого Х. Х. продолжал эту тактику и на самом пленуме, где он благословил одно из самых сенсационных литературных творений, опубликованных после смерти Сталина — лагерный роман Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Имелись признаки того, что он поощрял волну антисталинских чувств, в надежде, что это поможет ему справиться с любой политической оппозицией.

Тактика Х. успешно действовала до ноябрьского пленума. Как и до этого, ему удалось выбрать такой момент, что первые признаки несогласия появились уже после того, как он добился своего... Неприятности начались в неповторимой советской манере — с посещения художественной выставки. Первого декабря через неделю после пленума, Х. и другие члены президиума неожиданно посетили итоговую выставку московских художников и скульпторов. На следующий день ТАСС сообщил, что Х. пришел в ужас от некоторых образцов «формалистического» искусства. Но его особый гнев вызвала коллекция полуабстрактных картин молодых художников, специально собранная для него в боковых комнатах, не имевших отношения к публичной выставке. Х. осудил их в таких выражениях, которые дали бы ему вотум доверия со стороны всех критиков современного искусства во всем мире. Что за этим скрывалось? Руководители Союза Художников, известные своими неосталинистскими взглядами на искусство, безусловно, имели к этому прямое отношение. Но немыслимо представить себе, что в этом не были замешаны и некоторые политические деятели. Кампания по борьбе с «либеральными» тенденциями во всех областях советской культуры, начавшаяся после этого посещения, должна была превратиться в скрытую атаку на Х. за то, что его увлечение экономическими вопросами привело к упадку идеологической и политической работы... Х. в свою очередь, чувствуя чем пахнет в воздухе, решил, что атака на него может быть отвлечена раздуванием широкой кампании против негодных художников и вообще против всех «либералов» в советских культурных учреждениях ...В апреле было объявлено, что

следующий пленум ЦК будет посвящен идеологическим вопросам. А перед этим Х. присутствовал на многих встречах с представителями культуры и интеллигенции, на которых он задирал их и льстил им и — что самое важное — говорил положительно о Сталине, хотя лишь 18 месяцев тому назад он извлек его тело из Мавзолея.

Идеологическая кампания была лишь одним из признаков усиливающегося давления на Х. В феврале и марте были произведены существенные изменения в государственном экономическом аппарате, противоречащие реформам Х., проведенным на ноябрьском пленуме (ВСНХ). В конце апреля на промышленной конференции... он заговорил о своем пенсионном возрасте (69 лет).

Ровно через год Х. говорил о том, что он «полон сил и энергии»...

К осени 1964 г., когда со стороны еще казалось, что сила Х. прочна как никогда, он в действительности был уже на пороге крушения.

Пленум ЦК проголосовал против Х., хотя, безусловно, он имел какую-то поддержку. В некотором смысле это был его лучший час: еще 10 лет тому назад никто бы не мог предположить, что преемник Сталина может быть устранен таким простым и мягким методом, как простое голосование.

Заключение

Правление Х. было отмечено остротой трех дилемм, которые никогда полностью не были осознаны и уж, конечно, не были разрешены, но влияли на наиболее существенные аспекты советской политики. В самом Советском Союзе существовало противоречие между стремлением партии к полновластию (что является существом советской политической системы) и растущей потребностью в свободе и проявлении инициативы, вытекающей из все большего усложнения экономической и социальной структуры. Хотя Х. иногда понимал необходимость этих изменений и даже бывал готов предоставить в этом плане большую свободу советским писателям и людям искусства, он, тем не менее,

всегда обращался к оружию партийного контроля при возникновении каких-либо осложнений и неприятностей. Трудности его положения нельзя недооценивать. Партия была создана с тем, чтобы обладать тоталитарной властью. Она была наделена правом диктовать всем все. Отказ от прав партии на контроль в малейшей части советской жизни угрожал ее правам во всем остальном. Эта ситуация частично объясняет резкую непоследовательность подхода Х. к делам культурной жизни, где любое разрешенное им послабление угрожало развиться в атаку на (авторитет) власть партии, что вынуждало его вмешиваться и восстанавливать положение. Х. понимал, что ученые и технократы, которые, как и в любой другой развитой стране, приобретают возрастающую роль творцов благосостояния, не должны подвергаться идеологическому контролю и политическому террору. И, тем не менее, он ни при каких обстоятельствах не мог пойти на то, чтобы промышленность, точно также как армия, сельское хозяйство или университеты, оказались вне сферы партийного контроля. Х. неповинен в существовании этой дилеммы. Он просто действовал в рамках политической системы, в которой он сам был воспитан и существенное изменение которой он даже не мог себе представить. Во всех своих рассуждениях о коммунистическом будущем он никогда не предполагал какое-либо уменьшение роли партии, скорее наоборот. Разрешение этой дилеммы, от которой в значительной степени зависит все будущее Советского Союза, он оставил на долю своих преемников, даже не понимая природы этого наследия.

Другой конфликт лежит в основе взаимоотношений Советского Союза с остальным коммунистическим миром. Х. был воспитан в атмосфере убежденности, что коммунизм вообще идентифицируется с Советским Союзом. Даже после других успешных коммунистических революций считалось, что единство коммунистического движения означает не более, чем признание всеми коммунистическими странами этой роли Москвы. И здесь Х. пытался что-то сделать. Он понимал, что созданная Сталиным империя непригодна для управления коммунистическим содружеством. Он иногда даже одобрял такие страны, как Польша или Венгрия, которые, как ему казалось, сочетали уважение к Москве с некоторой особой национальной политикой. Но он не мог

уловить того парадокса, что по мере распространения коммунизма влияние Советского Союза неизбежно должно падать. Он не мог понять также, что в этой ситуации политика, рассматриваемая Советским Союзом, как направленная на благо мирового коммунизма, рассматривается другими, как политика; соответствующая интересам только Советского Союза. Х. нельзя осуждать за это — он не мог найти по этому поводу никаких руководящих указаний в теории марксизма-ленинизма, так как теория не предусмотрела возможности возникновения подобной проблемы.

Третья дилемма Х. — противоречие между его политикой мирного сосуществования с Западом и его убежденностью, что в конечном счете коммунизм победит капитализм. Он искренне считал, что необходимо избежать ядерной войны. Но в то же время он полагал, что позиция Америки будет постепенно ослабевать по мере того, как нейтральные страны будут поворачиваться к коммунизму, а за ними последуют союзники Америки. Он был воспитан в убеждении, что перед лицом такой ситуации «империализм» будет сопротивляться. Х. необходимо было сохранить свою веру в неотвратимость коммунистической победы. Практически, ему было необходимо объявить о поддержке «освободительных» войн и т. п., что является необходимой частью этой победы. Таким образом, представление Х. о «статус кво», сохраняемом Западом и Востоком путем отказа от ядерного оружия как средства политики, существенно отличалось от западных представлений. Для Х. само «статус кво» все время менялось и менялось в его пользу. Он не представлял себе, как на такой основе можно выработать подлинно устойчивые взаимоотношения с Западом. Вероятно, он даже не понимал несовместимость своих целей. И в данном случае решение основной проблемы советской внешней политики было оставлено им своим преемникам.

Правление Х. это — переходный период между тем, от чего он совершенно четко хотел уйти, к тому, что он не мог себе ясно представить. Он понимал необходимость изменений, но не понимал сложности этих изменений. И тем не менее, признание необходимости изменений и понимание того, что они зависят от развития советской экономики — являются колоссальным вкладом Х.

Х. не остался единственным человеком, понимавшим эти вещи — они стали общей политикой советского руководства. Эта политика одновременно придала смысл всей жизни Х. и он, со всей своей грубостью и силой, лучше кого-либо другого был способен претворять ее в жизнь. И в начале этого пути некоторые из худших качеств Х. — его поспешность, слабая способность предвидения последствий, склонность к хвастовству — оказались совершенно незаменимыми. Они помогли ему провести атаку на твердыню сталинизма, атаку, которую никто из его коллег, хотя и готовых следовать за ним, не мог возглавить сам. То и дело Х. сталкивался с вопросами, чреватыми опасностями и объявлял о своей готовности справиться с ними. Непосредственно после смерти Сталина он раскрыл критическое состояние сельского хозяйства и взял на себя личную ответственность за него. Он нашел в себе смелость посетить Америку и заставить поверить в советскую приверженность принципам мирного сосуществования, хотя этот визит мог очень серьезно повредить ему лично.

Конечно, мотивы его поступков были смешанными; большая их часть включала тщательно рассчитанный эффект, оказываемый на его собственное политическое положение. Это особенно относится к его наиболее смелой и дерзкой победе — нападению на Сталина в его секретной речи (на 20-м съезде). Но, отвлекаясь от мотивов, скрывавшихся за этой речью, от ее полуправды и еще более худших качеств, следует сказать, что нечто подобное этой речи должно было быть сделано. И Х. был единственным советским лидером, который мог произнести такую речь. Преемники Х. доказывали, что стиль руководства Х. в последние годы стал слишком импульсивным и нетерпимым. Вероятно, они правы в том, что способности Х. все менее соответствовали задачам, вставшим перед СССР в конце 1964 г. Помимо всего, торопливость Х. подвергала опасности необходимость тщательно рассмотреть предстоящие реформы, столь необходимые советской экономике. И тем не менее, его правление достойно эпитафии, которой заслужили очень немногие политики: как в глазах своего народа, так и в глазах всего мира он оставил свою страну в лучшем состоянии, чем он ее застал.

3. Выписки из книги американского левого социолога Р. Миллса «Властвующая элита». (Книга вышла в свет в Нью-Йорке в 1957 г. В Москве — в 1959 г.)

а. Общие определения властвующей элиты

«С централизацией средств информации и политической власти некоторые лица достигли в американском обществе такого положения, которое дает им возможность взирать на обыкновенных людей, так сказать, сверху вниз и своими решениями оказывать могущественное влияние на их повседневную жизнь. ...Принимают ли они такие решения или нет — это менее важно, чем самый факт владения такими ключевыми позициями; их уклонение от известных действий и решений само по себе является действием, зачастую влекущим за собой более важные последствия, чем решения, которые они принимают. Это обусловлено тем, что они командуют важнейшими иерархическими институтами и организациями современного общества. Они руководят крупнейшими корпорациями, они управляют механизмом государственной власти и претендуют на ее прерогативы. Они направляют деятельность военного ведомства. Они занимают в социальной системе стратегические командные пункты, в которых ныне сосредоточены действенные средства, обеспечивающие власть, богатство и известность, которыми они пользуются.

Властвующая элита не состоит из людей, правящих в одиночку. Их наиболее важные идеи и решения — это зачастую идеи и решения, подсказанные советниками и консультантами, трибунами и творцами общественного мнения. Ступенькой ниже властвующей элиты располагаются на общественной лестнице профессиональные политики из средних звеньев власти, принадлежащие к кругам конгресса и другим влиятельным группам, а также к богачам старой и новой формации. С ними переплетаются в самых причудливых формах те профессиональные знаменитости, которые постоянно живут рекламой и вместе с тем всегда жаждут еще более широкой рекламы. Эти знаменитости не стоят, правда, во главе какой-либо господствующей иерархии, но они зачастую наделены способностью отвлекать внимание публики или давать выход влечению масс к захватывающим переживаниям или же более прямым путем

завоевывать расположение тех, кто стоит непосредственно у власти. Более и менее независимые в своих ролях толкователей основ общественной морали, специалистов по делам государственного управления, представителей бога на земле, людей, формирующих чувства и настроения народных масс, эти знаменитости и консультанты непосредственно причастны к той сцене, на которую элита показывает публике творимую ею историческую драму. Но творится эта драма в иерархических верхах главенствующих социальных институтов... Ключ к пониманию могущества американской элиты надо искать не только в изучении поверхностных аспектов исторических событий и не только в личных оценках, сообщенных нам людьми, от которых явно зависят политические решения. За отдельными людьми такого пошиба и за историческими событиями кроется то, что связывает их воедино: важнейшие институты современного общества. Эти иерархические институты — государство, корпорации, армия — образуют собой орудия власти; как орудия власти, они имеют сейчас такое значение, какого они никогда не имели на протяжении всей истории человечества; на вершинах этих иерархий находятся командные посты современного общества, выявление которых дает нам социологический ключ к пониманию роли американских высших кругов.

В современной Америке основная движущая сила развития страны сосредоточена в экономических, политических и военных институтах. Все другие социальные институты оказались на задворках современной истории и вынуждены в соответствующих случаях подчиняться первым трем. Нет такой семьи, которая могла бы оказывать такое же прямое влияние на государственные дела, как любая крупная корпорация; никакая церковь не в состоянии оказывать такого прямого влияния на жизнь молодых американцев, как военное ведомство; ни одно высшее учебное заведение не в состоянии столь решительно влиять на важные события, как Национальный совет безопасности. ... Семья, церковь, школа приспосабливаются к современной жизни; правительство, армия и корпорации формируют ее. И в процессе формирования современной жизни они превращают эти более слабые институты в орудия осуществления своих целей.

...Внутри каждого из трех главенствующих социальных институтов мы замечаем, что типичная для него структурная единица ныне разрослась, управление ею приобрело авторитарный характер и, если иметь в виду диапазон влияния выносимых ею решений, — стала централизованной. Эти особенности современного развития главенствующих институтов обусловлены баснословно мощной техникой, ибо они, как социальные институты, объединили эту технику и управляют ею так же, как она в свою очередь формирует их особенности и определяет темпы их развития. Сфера экономики, состоявшая когда-то из великого множества малых и самостоятельных единиц, подпала под власть 200-300 гигантских корпораций, связанных между собой как в административном, так и в политическом отношении. Они-то и держат в своих руках ключи ко всем важным решениям, связанным с экономикой.

Система государственного управления, некогда децентрализованная совокупность нескольких десятков слабо связанных между собой штатов, стала централизованным исполнительным аппаратом; она вобрала в себя множество ранее раздробленных функций и проникает ныне во все поры общественного строя.

Военное ведомство, некогда хилое учреждение, окруженное атмосферой недоверия, превратилось в крупнейший и самый дорогостоящий правительственный орган. ...В каждой из этих главенствующих областей современной жизни орудия власти, находящиеся в распоряжении правящей группы, стали неизмеримо более мощными. Ее командные позиции усилились. Внутри каждой из этих сфер была разработана и туго завинчена современная авторитарная система управления.

По мере того, как все эти три сферы расширяются и централизуются, последствия их деятельности приобретают все больший размах и их взаимные связи все возрастают. Решения горстки крупных корпораций определяют не только экономическую, но и военную и политическую обстановку во всем мире. Решения военного ведомства связаны с политической жизнью и самым чувствительным образом сказываются на ней, равно как и на самом объеме эконо-

мической деятельности. Решения, принимаемые в политической сфере, определяют экономическую деятельность и военные программы. ...Теперь существует пронизанная политикой экономика, связанная тысячью нитей с военными институтами и их решениями. Если государство вмешивается в ту область, в которой господствуют корпорации, то и последние в свою очередь вмешиваются в вопросы управления государством.

С точки зрения объективных тенденций развития именно в этом треугольнике власти лежат истоки образования блокированной системы социального господства, которая составляет важнейшую историческую особенность нашего времени.»

«Американские высшие круги... часто рассматриваются с точки зрения того, чем они владеют; а владеют они большей, чем другие люди, долей наиболее высоко расцениваемых благ и источников наслаждений. ...Но люди, составляющие элиту, — это не просто те, кто имеет больше всех; они не имели бы «больше всех», если бы они не занимали бы свои особые позиции в важнейших социальных институтах, ибо эти институты являются непременными основами власти, богатства, престижа и в то же время главным орудием осуществления власти, приобретания и сохранения богатства, реализации самых высоких притязаний на престиж.

Богатство тоже приобретается и удерживается в этих институтах и через их посредство. Пирамида богатства не может быть правильно понята, если считать, что она складывается только из огромных личных состояний; могущество семейств, обладающих огромными наследственными капиталами, усиливается в настоящее время современными корпорациями: каждое из этих семейств было тесно связано с какой-нибудь сверхбогатой корпорацией, — и эта неизменная юридическая связь с корпорацией нередко дополняется и прямым участием в управлении ею.

Главный источник богатства — это современная корпорация; но на нынешнем этапе развития капитализма государственный аппарат тоже открывает и закрывает мно-

жество путей к богатству... Высокий престиж окружает ведущие звенья социальных институтов и этот престиж все повышается. Совершенно очевидно, что престиж зависит, и часто в решающей степени, от доступа к механизму рекламы, использование которого является ныне важнейшим и нормальным признаком, присущим деятельности всех крупных институтов современной Америки. И к тому же одна из особенностей трех главнейших иерархий — властвующих в мире корпораций, в государственном аппарате, в военном ведомстве — состоит в том, что в наше время все чаще и чаще совершается переход людей из одной в другую. В результате происходит своего рода «накопление» престижа.

...Если мы возьмем сотню наиболее могущественных американцев, сотню самых богатых, сотню самых знаменитых и лишим их позиций, которые они занимают в главенствующих социальных институтах, отнимем у них людские и денежные ресурсы, которыми они распоряжаются, средства массовой рекламы, которые ныне работают преимущественно на них, то они сразу окажутся безвластными, безвестными и бедными. Власть не коренится в природе власть имущего, богатство не заложено в личности богача, известность не есть внутреннее свойство, присущее определенному лицу. Чтобы быть знаменитым, богатым, власть имущим — для этого требуется доступ к главенствующим институтам, ибо командные позиции, которые люди в них занимают, определяют в значительной мере их шансы на получение и удержание этих высоко чтимых жизненных благ» (стр. 23-24).

«...Упрощающая явления марксистская концепция гласит: действительными обладателями политической власти являются люди занимающие господствующее положение в экономике. Упрощающая явления либеральная концепция гласит: руководящая роль в системе политического господства принадлежит политическим лидерам. Есть и такие люди, которые склонны считать военных руководителей фактическими диктаторами. Каждое из этих представлений является слишком упрощенным. И именно для того, чтобы избежать их, мы употребляем термин «властвующая элита» вместо скажем термина «правящий класс» (стр. 381).

б. *Мультимиллионеры и администраторы. Богачи из мира корпораций*

«Мультимиллионеры, получившие свои состояния по наследству, и мультимиллионеры, сами накопившие свои состояния, — обе эти группы, как мы видели, не превратились в праздный с экономической точки зрения класс ленивых и изнеженных богачей. Есть, конечно, среди них и такие, но почти $^3/_4$ крупнейших богачей нашего времени остаются в той или иной мере, в той или иной форме экономически активными. Их экономическая деятельность несомненно связана с корпорациями; она сводится к участию в учреждении корпораций, оперативному управлению и общему руководству корпорациями и соучастию в их спекуляциях.

Процесс вступления богатейших семей в мир корпораций имел и другой аспект: в этом мире к ним присоединились профессиональные управляющие корпоративной собственностью, которые, как мы скоро увидим, и сами не лишены собственности и, в сущности, не образуют собой особой разновидности экономических деятелей, совершенно отличной от крупнейших богачей. Организационный центр имущих классов, безусловно, расширился, чтобы включить в себя наряду с силами, сосредоточенными в богатствах мультимиллионеров, новые силы. Система частной собственности, в которой богачи играют столь важную роль, усилилась в результате реорганизации методов управления собственностью. В этой системе появились новые, дополнительные силы, воплощенные в прослойке администраторов, подвизающихся внутри отдельных крупных корпораций и в сфере их взаимных отношений, — администраторов энергично защищающих общие интересы богачей из мира корпораций (стр. 158-159).

«Неверно, что американской экономикой управляют шестьдесят блистательных, широко разветвленных, похожих на кланы семейств. Неверно также, что мы пережили некую незаметную революцию управляющих, отнявшую у подобных семейств их привилегии и власть. Те действительные перемены, которые неправильно выражаются формулами «шестьдесят семейств» и «революция управляющих», могут быть точнее выражены формулой, гласящей, что мы

пережили реорганизацию системы управления собственностью имущих классов, в результате которой они превратились в более или менее однородный класс богачей из мира корпораций.

Мультимиллионеры, представленные отдельными лицами или целыми семействами, все еще являются в весьма значительной степени составной частью высших экономических кругов Америки. Ведущие администраторы из крупнейших корпораций также являются составной частью этих кругов. В чем сущность произошедших перемен? Она заключается, по моему, в реорганизации класса богачей и прослойки высокооплачиваемых администраторов корпораций, приведшей к образованию нового мира привилегий и прерогатив — мира современных корпораций. Существенное значение этой реорганизации системы управления собственностью имущих классов заключается в том, что благодаря ей узкие производственно-технические интересы отдельных фирм и отдельных отраслей превратились в более широкие экономические и политические интересы; они стали похожими на подлинно общеклассовые интересы. Корпоративные центри богачей являются ныне носителями всех видов власти и привилегий, внутренне присущих институтам, базирующимся на частной собственности» (стр. 201-202).

«...В эпоху господства акционерной формы собственности имущий класс превратился в класс богачей из мира корпораций — и тем самым укрепил свое могущество и призвал на свою защиту новых людей, обладающих более резко выраженной административной и политической жилкой. Классовое самосознание людей из имущего класса стало определяться миром корпораций, который ими олицетворяется. В качестве людей, обладающих высоким общественным весом, они надежно укрепили свои привилегии и прерогативы, связав их с самым прочным из всех частных институтов, существующих в Америке. Они не просто богачи, а богачи из мира корпораций, так как во всем, что касается их денег, их привилегий, ценностей, преимуществ, возможностей, они прямо и косвенно зависят от мира корпораций. Все богачи старинного склада включились ныне в той или иной степени в среду богачей из

мира корпораций, и вместе с ними здесь пребывают привилегированные люди нового склада. В Америке наших дней фактически никто не в состоянии разбогатеть или оставаться богатым, если он не причастен так или иначе к миру корпораций» (стр. 203).

в. Американский обыватель (из раздела «Инертное общество»)

«Мы наблюдаем, с одной стороны, централизацию и рост масштабов институтов, принимающих важнейшие решения, а с другой, расщепление общества на все более узкие круги. Обе эти тенденции ведут к усилению зависимости общества от регулярных средств общения, включая сюда и средства самообразования. Но политический обыватель не приобретает при помощи массовых средств общения такого представления об общественных явлениях, которое было бы глубже его собственного восприятия. Вместо этого массовые средства общения втискивают его опыт и наблюдения в рамки твердых шаблонов, так что в результате опыта и наблюдений, истолкованных подобным образом, он становится еще невежественнее. Обыватель не в состоянии отрешиться от самого себя, для того, чтобы объективно наблюдать, а тем более объективно судить о том, что попадает в сферу его жизненного опыта, не говоря уже о том, что находится вне сферы его непосредственного опыта. Его жизненному опыту сопутствует не внутренний диалог, который мы называем размышлением, а скорее своего рода бессознательный все время повторяющийся монолог. У него нет своих идей, он оперирует общепринятыми идеями. Он никогда и ни в чем не может отрешиться и стать выше самого себя, ибо он никогда не поднимается и не может подняться над уровнем повседневно окружающей его среды. Он не имеет истинного представления о сущности своего собственного повседневного опыта и о действительных критериях его оценки; он плывет по течению, следует обычаям, и все его поведение — это результат беспорядочного смешения расплывчатых норм и принятых на веру ожиданий, заимствованных у людей, которых он, в сущности, больше не знает и которым он больше не верит, если даже когда-либо знал их и доверял им.

Он все воспринимает на веру, со всем мирится; он старается заглядывать вперед на год или на два, а то и больше, если у него есть закладная на недвижимость или дети, но он никогда не задается серьезно вопросом: «Чего я хочу?» «Как мне достигнуть этого?». Он проникнут каким-то смутным оптимизмом, который поддерживает его и который лишь время от времени нарушается мелкими и вскоре забываемыми невзгодами и разочарованиями. Люди, чувствующие нечто неладное, в стандартном образе жизни и мышления, складывающемся в бешеной сутолоке центрального города (где формирование стандартной человеческой личности стало объектом деятельности крайне нагруженной отрасли промышленности), считают этого человека самодовольным обывателем. Но важно знать, какими критериями он руководствуется в своих суждениях о себе и своих усилиях. Что представляется ему действительно важным? Что является образцом для такого человека? Он перестает быть самостоятельной личностью, и, что еще важнее, он теряет желание иметь свою индивидуальность. В самом деле, он никогда не стремился стать самостоятельной личностью, живущей своим умом и придерживающейся выработанного ею самой образа жизни и мышления. Дело не в том, что ему нравится или не нравится такая жизнь, а в том, что подобный вопрос вообще не встает перед ним в ясной и отчетливой форме, так как он не терзает себя размышлениями и оценкой обстоятельств и событий этой жизни. Он стремится лишь заполучить лишь свою долю окружающих его благ, затратив на это возможно меньше усилий и получив взамен возможно больше удовольствий.

Весь распорядок и все течение его жизни полностью отвечают внешним образцам и правилам; во всех других отношениях его повседневный жизненный опыт носит смутный, хаотический характер, хотя часто он и не отдает себе в этом отчета, так как, строго говоря, он вовсе не имеет своего жизненного опыта, своих собственных наблюдений. Он не формулирует своих желаний самостоятельно: они внушены ему. В большинстве случаев он теряет свойственную человеку веру в свои силы — если он вообще когда-либо имел ее. Ибо жизнь в обществе изолированных друг от друга социально-инертных людей вселяет в человека неуверенность и способствует развитию чувства соб-

ственного бессилия; такая жизнь заставляет людей ощущать какое-то беспокойство и неясную тревогу; она уничтожает прочные коллективные нормы. Так как деятельность обывателя не посвящена высоким целям, то он постепенно начинает ощущать ее бессмысленность» (стр. 340-432).

г. Аморальность правящей элиты

«Явление аморальности в верхах наблюдается в торговых и промышленных корпорациях не в меньшей степени, чем в правительственных учреждениях. Политические деятели могут предоставлять незаконные финансовые поблажки и льготы только тогда, когда имеются хозяйственные деятели, готовые и желающие воспользоваться ими. А хозяйственные деятели могут домогаться политических услуг только тогда, когда имеются политические агенты, способные их предоставить. Нет сомнения, что прожектор общественного мнения больше нацелен на дела правительственных чиновников, чем на дела бизнесменов, — и это вполне понятно. ... Что же касается бизнесменов, то обычно считается, что их дела являются частным делом; и если они успешно скользят на грани законности, то американцы обычно ставят им в заслугу, что им удалось выйти сухими из воды. Но в цивилизации, насквозь проникнутой духом бизнеса, как это имеет место в США, правила ведения бизнеса неизбежно переносятся и в сферу правительственной деятельности, и особенно в нынешних условиях, когда в состав правительства вошло столько бизнесменов ...

Общество, в котором широко распространено убеждение, что его высшие и средние круги образуют собой сеть взаимопереплетающихся групп, занимающихся ловким жульничеством, не способно формировать людей, отличающихся чувством морального долга. Общество, не обладающее ничем другим, кроме деловой хватки, не может формировать людей, обладающих чуткой совестью. Общество, сводящее понятие «жизненного успеха» всего лишь к обладанию крупными деньгами (и с этой точки зрения осуждающее материальную неудачу как главный порок), возведшее деньги на уровень абсолютной ценности, — такое общество

неизбежно плодит продувных дельцов и темные дела. Благословенны циники, ибо только они располагают тем, что необходимо для достижения жизненного успеха» (стр. 462-464).

д. Путь наверх для молодых

«Люди, возглавляющие иерархии основных социальных институтов и их аппараты управления — заправилы корпораций, официальные руководители государства, а также политически возвысившиеся военные лидеры, — воспринимаются окружающими людьми не только как лица, достигшие успеха, но и как лица, от покровительства которых зависит их собственный успех. Это они разрабатывают и применяют критерии выдвижения людей. Те, кто стоят на ближайшей после них ступеньке иерархической лестницы, являются обычно членами их клики, их клиентелы, они принадлежат к тому же типу трезвых и здравомыслящих людей, что и их патроны. Но различные иерархии связаны друг с другом многолинейными узами, и внутри каждой клики имеются лица, преданные другим кликам. Существуют не только служебные, но личные зависимости, существуют не только объективные, но и личные критерии для выдвижения людей. Прослеживая карьеру любого человека из состава высших кругов, мы непременно сталкиваемся с историей его личных связей и зависимостей, ибо первый, важнейший момент. характеризующий высшие сферы — с точки зрения условий успешного продвижения в них, — заключается в том, что каждое власть имущее лицо (или клика) стремится здесь допускать к руководству только лично преданных людей. Вторая особенность, характеризующая преуспевающих людей, состоит в том, что они в совокупности образуют собой не монолитную структуру, а сложное сочетание по-разному связанных и нередко враждующих между собой клик. Третий момент, который нам надлежит сознательно учитывать, сводится к тому, что в каждой из таких сфер молодые люди, стремящиеся к успеху, постоянно пытаются обрести личные связи с людьми, правомочными решать вопрос об их выдвижении.

...Апологетические версии трактуют дело таким образом, что карьера людей из состава элиты обусловлена их высо-

кими достоинствами и усердным трудом, но фактически они обязаны своей карьерой кликам, которые приняли их в свои ряды — приняли зачастую по совершенно иным соображениям; и людям этим приходится постоянно убеждать других, а также самих себя, что они представляют собой нечто противоположное тому, что они собой действительно представляют.»

е. Умственный уровень американской элиты

«Было время, когда люди, правящие Соединенными Штатами, являлись вместе с тем культурно утонченными людьми; властвующая элита и цвет американской культуры были в значительной части представлены одними и теми же людьми, а там, где эти круги не совпадали, они нередко тесно переплетались между собой.

...Лица, достигшие ныне высших политических, военных и экономических сфер, принадлежат, как правило, к людям такого типа, которым сводки и докладные записки вполне заменили, повидимому, не только серьезные книги, но и газеты. ...Эти люди не достигли уровня, при котором они, быть может, немного устыдились бы своей некультурной манеры проведения досуга и скудости своей духовной пищи, и что никакие круги культурно развитой общественности не в состоянии воздействовать на них и пристыдить их.

К середине XX века американская элита превратилась в такую породу людей, которую никак нельзя считать цветом американской культуры или хотя бы культурно развитыми и духовно восприимчивыми людьми вообще. В правящих кругах не наблюдается подлинной связи между знанием и властью; а в тех случаях, когда образованные люди соприкасаются с кругами могущественных лиц, они выступают при этом не как равные партнеры, а как наемная сила. Элиты из мира власти, богатства и славы не связаны даже мимолетным знакомством с элитой из области культуры, знания, утонченных идей и чувств. Они не соприкасаются с ней, хотя, правда, наименее значительные и наиболее тщеславные люди из этих двух сфер порой смыкаются в мире профессиональных знаменитостей.

Большинство людей склонно полагать, что самые могущественные и самые богатые люди являются, как правило, и самыми сведущими или, как они склонны выражаться, «самыми башковитыми» ... Широкая распространенность подобных представлений свидетельствует о реальном факте: даже в наше время простые люди склонны объяснять и оправдывать власть и богатство наличием знаний и способностей. Но в действительности знание редко дает власть образованному человеку ... Представьте себе, что мы отобрали сотню наиболее могущественных американцев из всех нынешних сфер социального могущества в США и поставили их в ряд. Предположим, далее, что мы отобрали также сотню наиболее образованных людей из всех областей общественных знаний и тоже поставили их в ряд. Сколько людей окажется одновременно в *обоих* рядах? ..

Мы безусловно обнаружим, что лишь очень немногие люди в США наших дней окажутся одновременно в обоих рядах, а то и вовсе никто; и не подлежит сомнению, что в период основания Соединенных Штатов мы нашли бы гораздо больше таких людей, чем находим их сегодня.

... В США мало людей, совмещающих в себе и власть и знание, но зато власть имущие лица окружают себя людьми, обладающими значительными знаниями или по меньшей мере людьми, имеющими опыт в тонких делах. Человек науки не становится у нас философом на троне, Марком Аврелием, и становится нередко консультантом человека, и притом консультантом человека, в котором нет ничего царственного и ничего мудрого ... Типичный представитель нынешних высших кругов — это человек посредственного ума; иногда это добросовестный человек, но все же посредственность. Его проницательность сказывается лишь в том, что время от времени он сознает, что не способен справиться с проблемами, которые он иногда считает необходимым решать. Но такие чувства он обычно скрывает: его публичные высказывания — бессодержательные, изобилующие избитыми истинами — выдержаны в сентиментальном и благочестивом, бравом и непреклонно-призывно-бодром тоне. Он способен воспринимать лишь конспектированные и упрощенные, изжеванные и искаженные идеи. Он принадлежит к людям, вершащим дела в эпоху телефона, докладных записок и сводок» (стр. 468-474).

Вывод

«Люди из высших кругов не представляют нацию, их высокое положение не является результатом их моральных достоинств; их сказочный успех не связан прочным образом с какими-либо похвальными дарованиями. Власть имущие были отобраны и воспитаны теми, кто обладал для них орудиями власти, источниками богатства, аппаратом фабрикации знаменитостей, существующими в обществе, в котором они живут. Они не отобраны и не воспитаны таким гражданским государственным аппаратом, который был бы связан с миром знаний и творческих идей. Это не люди, воспитанные партиями, проникнутыми сознанием ответственности перед страной, открыто и четко обсуждающими проблемы, к которым наша страна столь неразумно ныне подходит. Это не люди, несущие ответственность перед контролирующим их множеством добровольных ассоциаций, связывающих политически активных граждан с верховными государственными органами. Носители такой громадной власти, какой еще не знала история человечества, они обрели эту власть только благодаря американской системе организованной безответственности» (стр. 484).

4. Польский марксист Анджей Ставар

В 1961 году во Франции скончался оригинальный польский мыслитель-марксист Анджей Ставар (Эдвард Янус). Ставар родился в 1900 году, в начале 20-х годов он вступил в Компартию Польши, в 1924 он — секретарь клуба коммунистических депутатов сейма. Вскоре однако Ставар вступил в конфликт с руководством КПП и вышел из партии. В 1934 году он основал свой орган «Про пронд» («Против течения»). Ставар выступает здесь и против Троцкого и против Сталина, он довольно трезво оценивает те социальные и экономические процессы, которые происходят в СССР, резко критикует культ личности Сталина. Под разными псевдонимами Ставар много пишет в предвоенные годы в крайне левой прессе разных стран. После войны Ставар, эмигрировавший в начале войны в Венгрию, вернулся в Польшу, но он был здесь на положении политически преследуемого и почти не печатается. Только с 1955

года и до конца 50-х годов Ставар снова стал в Польше довольно популярным публицистом и литературным критиком. Эта популярность длилась недолго. Ставара печатают все меньше и меньше, в 1961 году он выезжает во Францию и здесь умирает от рака. Ниже мы приводим некоторые из высказываний Анджей Ставара по различным вопросам (из сборника его статей).

А. Ставар о бюрократизме в СССР

«Господство бюрократии не было чем-то случайным: оно было определено невозможностью непосредственного осуществления рабочим классом политических и экономических задач, поставленных победоносным переворотом. Создание бюрократической амальгамы, ее безусловное господство, были до известной степени дополнительными издержками переворота. Распыление, уничтожение, деклассирование пролетариата, вот тот факт, который определил его слабость не только в 1924 или 1925 годах, но гораздо раньше. Значит ли это, что мы подтвердили хныканья о преждевременности, о пагубности переворота и т. д.? Ничуть. Но признание этих вещей имеет не только историческое значение. И если кто-нибудь скажет, что это значит подписываться под критикой того типа, какую выражали Мартов и другие, то это чушь, потому что тут речь идет не о «карканьи», а о том, чтобы вывести из событий перспективы для будущего.» (Обозрение «Под пронд», т. 1, 1964 год.).

В годы первой пятилетки аппарат государственных и хозяйственных органов в СССР рос, — по утверждению А. Ставара, — очень быстро и число служащих увеличилось за годы пятилетки едва ли не в еще большей пропорции, чем число промышленных рабочих.

Анджей Ставар заканчивает свою интересную статью из «Про пронд» «О советской бюрократии» критикой рассуждений на эту тему Троцкого. «В некоторых своих работах . . . (Троцкий) . . . говорит о возможности падения бюрократического режима за срок в 24 часа . . . и даже призывает к дезинфекции и очищению углов после бюрократии. Это опять-таки большое упрощение, как и связывание всего вопроса о бюрократии исключительно со сталинской системой. Таким путем упомянутый автор впадает в противо-

речие со своими собственными тезисами о том, что бюрократия есть социальный слой. Существование и исчезновение социальных слоев нельзя связывать с лицами и системами. Это демагогическое упрощение, это искажение вопроса заводят весь вопрос на неправильный путь. Вопросы преодоления и ликвидации бюрократического самовластия нельзя представлять себе подобным образом. Это вопрос значительно более сложный. Борьба советского пролетариата с бюрократией (естественно, в рамках общих интересов нового строя) проявляет себя как неизмеримо более сложная и тяжелая проблема... тут принципиально важно изменение экономической основы, уничтожение частной собственности на средства производства. Это составляет общую базу интересов как пролетариата, так и бюрократии. С этой точки зрения бюрократия заинтересована в сохранении завоеваний революции, равно как и пролетариат: ее охранительные тенденции играют в государственном масштабе революционную роль, предотвращают возможность возврата имущих классов или создания новых имущих слоев. Но если бюрократия в основном защищает принцип диктатуры пролетариата, то в то же самое время ее экономическая и социальная ненасытность наносит тяжелые удары новому обществу. Бюрократическая экспансия приобретает в известной фазе прямо-таки разрушительный характер. Полное уничтожение бюрократии на данном этапе развития можно считать невозможным — она является продуктом экономических и социальных условий данного периода. Борьба пролетариата и бюрократии возможна только в плоскости ясного определения границ взаимных интересов, полного уяснения конфликтов, она возможна лишь на почве рабочей демократии. Оживление смертвелых представительных учреждений, ослабление произвольного управления, рост массового контроля, — все это разгрузило бы одновременно общественную работу необходимых элементов бюрократического управления и облегчило бы его задачи. С этой точки зрения, между обеими прослойками не имеется принципиального расхождения».

Анджей Ставар о Сталине и сталинском «марксизме»

«Поскольку бюрократия, — пишет Ставар, — не может порвать с традицией революции, на которую опирается ее

быт, она не может отречься от марксизма. С другой стороны, однако, революционное содержание теорий Маркса составляет непрестанную угрозу для правящих слоев, разоблачает их узурпаторские устремления. Отсюда вытекает необходимость непрестанного «согласования». ...Источником теоретических концепций не могут быть какие-либо абстрактные размышления и постулаты: их самыми важными проявлениями являются в настоящее время правительственные акты, распоряжения, письма и циркуляры генерального секретаря, а также установленных им партийных и административных инстанций. В этом заключается подлинный марксизм, и под этим углом зрения надлежит рассматривать все теоретические концепции в любой области. Основой этой теории должен служить марксистский постулат о единстве теории и практики, но легко заметить, что тут устанавливается примат практики над теорией. Таким путем любая теоретическая работа имеет право на существование лишь постольку, поскольку она оправдывает правительственную практику, вместе с самыми резкими ее тактическими вольностями. Смысл этой теории сводится к запрету какой-бы то ни было критики аппарата со стороны общественности, хотя бы и даже критики крайне далекой от задач непосредственной практики. Мы наблюдаем здесь подмену марксизма своего рода административным прагматизмом, оперирующим марксистской социальной терминологией. Из критической и проникнутой научным духом доктрины, марксизм постепенно превращается в собрание окостенелых формул и догм, столь же мало научных, как и теория о папской непогрешимости. В марксизме, в обработке аппарата, на первый план выдвигается культ государства в самой грубой и неприкрытой форме. Это на свой лад «дополняет» картину переходного периода, данную в «Государстве и революции», где этот культ как раз был подвергнут блестящей критике. Государство и его возвеличение становятся просто прикрытием для бюрократии; и всякие операции с прилагательными мало меняют дело. Характер этих операций освещают утверждения, до которых договорились теоретики новой ортодоксии в связи с предсказаниями результатов новой пятилетки. Самым сенсационным пунктом должно было быть окончательное упразднение классов и установление бесклассового общества. Одновременно, однако, предвидится непрерывное дальней-

нее укрепление советского государства, а следовательно и его репрессивно-контролирующего могущества по отношению к обществу, в котором классовые противоречия исчезают или уже исчезли. Какова же, будет, однако, тогда роль государства?»

Ставар пишет также о политической тактике Сталина, который всякую свою ошибку старается свалить на каких-либо козлов отпущения:

...«Когда весной 1930 года было опубликовано письмо генсека под заглавием «Головокружение от успехов», оно явилось страшной неожиданностью в первую очередь для чиновников на местах. Письмо, за которым вскоре последовал и соответствующий указ, клеймило их образ действий, который им, фактически, был прежде предписан сверху. При этом они не были предупреждены о готовящемся повороте и продолжали нажимать на репрессии. Толпы крестьян врывались в города, размахивая листами газет с пресловутым письмом и крича: «Да здравствует наш заступник Сталин!». Таким путем генсек еще раз сумел представиться крестьянам, как их защитник от несправедливостей со стороны аппарата. Любопытно, что такая же политика применяется и к профессиональной интеллигенции. Типичный пример представляет в этом отношении история так называемых ассоциаций пролетарских писателей (ВАПП и РАПП). В период «перестройки» они проводили всю политику «генеральной линии» в применении к литературе и притом самым бюрократическим образом, согласно указаниям сверху. Эти организации, насчитывающие десятки тысяч членов, были разогнаны (трудно было бы подыскать тут другое слово) буквально на следующий день после съезда, посвященного вопросу о пролетарской поэзии, на котором были приняты чрезвычайно подробные резолюции на тему о второй пятилетке в литературе и программа дальнейшего разворота организаций. Административные работники, действовавшие точно по инструкциям, были захвачены врасплох, дезавуированы самым дискредитирующим образом перед всей массой советских писателей, которых они до того сильно допекали. И опять-таки, тайну данной операции можно было понять позже на основе потока прославлений и благословений, который хлынул по адресу ге-

нерального секретаря со стороны «освобожденных» литераторов» («Про пронд», т. 1, 1934 г.).

Анджей Ставар о выдвижении Сталина

В своей работе «Глоссы», написанной незадолго до смерти в начале 1961 года, Анджей Ставар пытается объяснить почему в 1922-1924 гг. Сталин одержал верх над таким, казалось бы, более популярным деятелем нашей партии, как Троцкий. Рассуждения Ставара во многом упрощают реальную ситуацию, но в них содержатся и любопытные догадки.

Троцкий, — пишет А. Ставар, — «в политике... был на свой лад технократом, настолько, что он охотно выдвигал на первый план вопросы политической техники. В наличных условиях это должно было отталкивать от него элемент бывших участников гражданской войны, начинавший играть доминирующую роль в партии, и в первую очередь новую прослойку партийцев из числа бывших участников гражданской войны... Бывшие партизаны, равно как и бывшие военные нижних чинов позанимали административные посты уездного и волостного масштаба... На своих новых постах они не особенно хорошо справлялись с работой... Впрочем, с самыми простыми делами, — судя по выступлениям Ленина, относящимся к данному периоду, — не справлялись и те, кто были призваны занимать наиболее высокие и ответственные посты.

Они весьма враждебно относились к концепциям Троцкого. Тем более, что их отвращала та среда новоиспеченных большевиков, на которых опирался троцкизм и при помощи которых он проник в партию. Это были, выражаясь организационным языком, «межрайонцы», социал-демократы, которые не принадлежали ни к большевикам, ни к меньшевикам, и вели довольно беспорядочное существование, не подчиняясь партийной дисциплине. Эта революционная богема, легкомысленная, интеллигентная, питающая пристрастие к принципиальным дискуссиям, в равной мере раздражала низовых большевиков и своей распущенностью в организационном отношении и своим чересчур высоким культурным уровнем.

Этим объясняется выдвижение Сталина на ведущую организационную роль и даже известная его популярность. Он был им близок как своими достоинствами, так и своими недостатками. Он любил упрощать дело, он не любил вдаваться в раввинистические дискуссии относительно партийной доктрины, как это обожали партийные публицисты. Его образ жизни сближал его с партийными унтер-офицерами, — как и они, он любил и умел выпить. Голова у него была крепкая, и в трудных обстоятельствах он часто искал вдохновения в чарке. Те свойства, в которых его позже упрекал Ленин, — свирепость и нелояльность, — отнюдь не отталкивали бывших партизан. Гражданская война не была школой деликатного обращения, а переменчивая и ненадежная ситуация, царившая во всей стране, превращала всякого руководителя маленького партийного отряда в бессознательного Маккиавелли.

Троцкий отталкивал еще и тем, что у него было хрупкое и ненадежное здоровье... Кроме того, Троцкий не был кадровым офицером — Красная Армия рано выработала в себе корпоративный дух. Если бы даже он и добился первоначального успеха, этим бы воспользовался не он: его бы отстранили при первой оказии...

Большевистские вожди прилежно читали историю французской революции. Об угрозе бонапартизма говорил и писал Ленин. Троцкий разделял эти опасения, подкрепляемые тем положением, которое заняла армия к концу гражданской войны. В таких обстоятельствах не приходится удивляться, что ему хотелось остаться на скользкой для него почве партийной легальности. В качестве претендента на руководящую роль после Ленина он имел против себя буквально всех вождей из старой гвардии, от Зиновьева до Рыкова, даже когда борьба шла на почве принципиальных партийных проблем. Ему бросали страшное обвинение, что он не большевик и никогда не был большевиком. Это аннулировало все те комплименты, какими осыпал его Ленин за его интеллигентность и блестящие способности... Даже эти способности обернулись против него, когда не стало Ленина с его здравым рассудком. У Троцкого выступили на первый план доктринерство и неслыханное политическое упорство, не считающееся с реальным положением вещей.

Его прогнозы, которые в будущем должны были осуществиться... становились пророчествами Кассандры... Сталин же стал выразителем чаяний основной массы партийных активистов, партийного унтер-офицерства, которая отвергала равно как концепцию перманентной революции (эта прослойка жаждала для себя стабилизации), так и связанные с нею квази-технократические тенденции Троцкого, выгодные для профессиональной интеллигенции...

Новые партийные кадры имели за собой семь лет войны: это был их главный политический стаж. Их партийные заслуги имели военный характер. Часто у них не было специальности, или они ее забывали, их профессией стала война. ...Они желали простых формул, как политических, так и организационных, которые не слишком утомляли их головы. Необходимость военной дисциплины в партийной жизни была для них очевидностью. Без команды сверху они вообще не сумели бы справиться с гражданскими задачами, которые перед ними ставились. Униформизм, который старая партийная гвардия принимала с насмешкой и с недоверием, для них был чем-то само собой разумеющимся...»

5. *Из рецензии А. Тодорского на пьесу Н. Погодина «Верность»*

Еще в 1962 году покойный А. И. Тодорский написал рецензию на пьесу Н. Погодина «Верность» (в этой пьесе Погодин пытался поставить, хотя и очень неумело, вопрос о репрессиях 30-х годов и об ответственности участников этих репрессий). А. И. Тодорский подверг пьесу Погодина довольно убедительной критике. В своей рецензии Тодорский затронул также и вопрос о судьбе многих активных участников репрессий 30-х годов. «Конечно, — писал А. Тодорский, — к сегодняшнему дню много людей из участников трагедии 1937-1938 годов в силу естественных законов природы умерло. Были безусловно случаи, когда умирали и работники карательных органов, морально убитые резко изменившимися политическими условиями. Почти на моих глазах умер в 1956 году один из старых членов Военного Трибунала МВО, когда к нему в генеральском госпи-

тале в Серебряном переулке пришел в палату осужденный им когда-то Николай Васильевич Лисовский (умер через несколько дней в филиале госпиталя в Болшеве и Лисовский).

Я присутствовал при встрече жертвы со своим доносчиком — генерал-майора авиации Александра Александровича Турханского с бывшим преподавателем Воздушной академии полковником Ковалевым в палате лефортовского госпиталя. При встрече Ковалев побледнел. Однако, надо прямо сказать, что много бывших лжесвидетелей, а вернее их огромное большинство, не встретят свои жертвы, от которых не осталось и пепла. Очень многие в буквальном смысле отделались только первоначальным легким испугом в 1955-56 гг., и с тех пор спокойно живут, как вообще все граждане.

Такие люди вообще угрызениями совести не страдают. Им гораздо понятнее настоящая палка или ямщицкий кнут. Бить же их или стегать никто не стал, иначе надо было бы устроить массовую порку. На них просто махнули рукой. Только на днях был у меня московский врач Исаак Иосифович Порфос. Он попал в заключение (мы с ним вместе были в лагере в Восточной Сибири) по доносу мужа сестры жены Порфоса. Вся история очень нехитрая: вечером справляли какой-то семейный праздник две супружеские пары — Порфос с женой и сестра жены с мужем, все евреи, естественно разговор зашел об ограничениях, которые были заметны в отношении евреев при приеме в вузы и т. д. Через два дня Порфос был арестован и ему предъявлена в качестве улики беседа за семейным столом. Порфос получил заключение, муж сестры его жены преуспевал на свободе. Я спросил Порфоса, как живет предавший его человек сейчас? По-прежнему преуспевает, двигается вверх по научной жизни и «в ус себе не дует». Больше того: много даже бывших подлинных палачей, применяя это определение к ежовско-бериевским следователям-мордобоям, благополучно разгуливает на свободе и живут в гораздо более лучших условиях, чем простые смертные. Правда, их много привлечено было к ответственности, расстреляно, осуждено к заключению, изгнано из партии, снято с пенсии и др. после 1956 г. Но их было так много

вообще, что, вероятно, невозможно было устраивать сплошные массовые судебные процессы и часть их, безусловно, тоже отделалась легким испугом, так что говорить символически, что крутояровы «сдохли», было бы неверно. Многие из крутояровых живут и носят за пазухой камень против политики партии в отношении борьбы с культом личности Сталина.

ОБ А. М. ГОРЬКОМ. НЕКОТОРЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИЯЛЫ

1. А. М. Горький и процесс правых эсеров

Когда летом 1922 года в Москве происходил большой политический судебный процесс над лидерами правых эсеров, то еще до окончания процесса на многих собраниях и митингах принимались резолюции с требованием о расстреле подсудимых. Горький в это время был за границей. Он выступил против процесса. Он направил письмо заместителю Председателя СНК РСФСР А. И. Рыкову, в котором предупреждал, что смертные приговоры обвиняемым вызовут «со стороны социалистической Европы моральную блокаду России». Одновременно Горький направил письмо французскому писателю Анатолю Франсу. В этом письме, которое было опубликовано в зарубежной печати, Горький охарактеризовал процесс как «приготовление к убийству людей, искренне служивших делу освобождения русского народа», и просил Франса обратиться к Советскому правительству «с указанием на недопустимость преступления». «Может быть, — писал Горький, — Ваше веское слово сохранит ценные жизни социалистов».

Ленин был летом 1922 года серьезно болен. С письмом Горького он ознакомился позднее, но никак на него не прореагировал. Когда Н. И. Бухарин запросил В. И. Ленина на этот счет, то последний отправил Бухарину следующее письмо: «т. Бухарин! Я читал (в «Социалистическом вестнике») поганое письмо Горького. Думал было обругать его в печати (об эсерах), но решил, что, пожалуй, это чересчур. Надо посоветоваться. Может быть, Вы его видаете и беседуете с ним? Напишите, пожалуйста, Ваше мнение. Я мало

видел газет (заграничных почти не видел). Значит, и «обстановку мало знаю». Черкните поподробнее Ваше мнение. От всех нас лучшие приветы Вашей жене и Вам. Ваш Ленин. P.S. Я уже почти здоров.»
(Это письмо опубликовано впервые в т. 54 ПСС, стр. 279-280).

2. О брошюре А. М. Горького «В. И. Ленин»

В 1924 году сразу же после смерти Ленина Горький написал небольшую книжку воспоминаний о Ленине, которая вышла в Москве в том же году. (Максим Горький. «Ленин» (Личные воспоминания), Москва, 1924). Позднее Горький вновь вернулся к этой книжке и в издании 1929 года многие из ее страниц изложил уже в иной редакции. Так, например, в издании 1924 года говорится: «Да-да, — я знаю! Там что-то врут о моих отношениях к нему. Врут много и, кажется, особенно много обо мне и Троцком».

Ударив рукой по столу, он сказал: — «А вот указали бы мне другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть! У нас все есть! И — чудеса будут!» (стр. 37).

В позднейших изданиях этот кусок из воспоминаний звучит уже иначе: «Я был удивлен его высокой оценкой организаторских способностей Л. Д. Троцкого. Владимир Ильич подметил мое удивление.

— Да, я знаю, о моих отношениях с ним что-то врут. Но — что есть — есть, а чего нет — нет, это я тоже знаю. Он вот сумел организовать военных специалистов.

Помолчав, он добавил потише и невесело:

— А все-таки не наш! С нами, а не наш. Честолюбив. И есть в нем что-то нехорошее, от Лассаля.»

В 1924 году Горький писал: «Должность честных вождей народа — нечеловечески трудна. Невозможен вождь, который — в той или иной степени — не был бы тираном. Вероятно, при Ленине перебито людей больше, чем при Уот Тайлере, Фоме Мюнцере, Гарибальди. Но ведь и сопротивление революции, возглавляемой Лениным, было организовано шире и мощнее» (стр. 7).

В новом издании фразы о тиране и о количестве жертв революции исключены.

Еще из издания 1924 года:

«В 1917-1921 годах мои отношения с Лениным были далеко не таковы, какими я хотел бы видеть их, но они не могли быть иными.

Он — политик. Он в совершенстве обладал тою, искусственно, но четко выработанной прямолинейностью взгляда, которая необходима рулевому столь огромного, тяжелого корабля, каким является свинцовая крестьянская Россия.

У меня же — органическое отвращение к политике, и я очень сомнительный марксист, ибо плохо верю в разум масс вообще, а в разум же крестьянской массы в особенности. Для большей ясности скажу, что основным препятствием на пути России к европеизации и культуре является факт подавляющего преобладания безграмотной деревни над городом, зоологический индивидуализм крестьянства и почти полное отсутствие в нем социальных эмоций. Диктатура политически грамотных рабочих в тесном союзе с интеллигенцией была, на мой взгляд, единственно возможным выходом из трудного положения, особенно осложненного войною, еще более анархизировавшей деревню. С коммунистами я расхожусь по вопросу об оценке роли интеллигенции в русской революции, подготовленной именно этой интеллигенцией, в число которой входят все старые «большевики», воспитавшие сотни рабочих в духе социального героизма и высокой интеллектуальности. Русская интеллигенция — научная и рабочая — была, остается и еще долго будет единственной ломовой лошадью, запряженной в тяжкий воз истории России. Несмотря на все толчки и возбуждения, испытанные им, разум народных масс все еще остается силой, требующей руководства извне... Я знаю, что за эти мысли буду еще раз высмеян политиками. Я знаю также, что наиболее умные и честные из них будут смеяться не искренно, а — по должности.»

В 1929 году все эти рассуждения изложены короче, а затем говорится: «Так думал я 13 лет тому назад и так — ошибался. Эту страницу моих воспоминаний следовало бы

вычеркнуть. Но — «написано пером — не вырубишь топором.»

Исключена из издания 1929 года и следующая фраза из рассуждений Ленина: «Умных — жалею. Умников мало у нас. Мы — народ по преимуществу талантливый, но ленивого ума. Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови» (из приведенного текста исключена последняя фраза).

Разумеется, Горький оговаривает в начале издания 1929 года изменения в своих воспоминаниях. Он пишет, в частности, что то, что было им написано о Ленине вскоре после его смерти, — написано в состоянии удрученном, поспешно и плохо. «Кое-что, — продолжает Горький, — я не мог написать по соображениям «такта», надеюсь вполне понятным.»

3. Горький и Сталин

Пока неясны взаимоотношения Горького и Сталина. Известно, что Сталин очень часто бывал у Горького, нередко вместе с Молотовым. Подолгу говорили, пили вино, читали стихи. Во время одной из таких попоек Сталин, уже порядочно захмелевший, прочитал своим никак не приспособленным для декламации голосом одно из ранних стихотворений Горького «Девушка и смерть» и написал затем, что «эта штука сильнее Фауста». Но неужели Горький при этом не видел, что за человек перед ним? Знал ли Горький, что происходит в стране? Как отнесся Горький к аресту Каменева и Зиновьева в 1935 году? Почему он не протестовал против массовых арестов среди интеллигенции в 1928-1931 году?

Известно, что в годы гражданской войны Горький немало сделал для защиты русской интеллигенции, многие из видных представителей которой попали тогда в трудное положение. В 1922 году Горький протестовал против процесса правых эсеров. Но он не поднял голоса протеста против провокационного процесса «Промпартии», против процесса «Союзного бюро». Знал ли Горький как проходила у нас коллективизация? О голоде и выселениях в

1931-1933 гг.? Да, знал. В 1933 году украинская писательница Зинаида Тулуб приехала в Москву и три дня и три ночи жила едва ли не у дома Горького, добиваясь приема. Ее не пускали, но она все же прошла к Горькому и рассказала ему о том голоде, который был тогда на юге Украины и о произволе властей. Но что сделал Горький?

Является фактом, что Горького после его возвращения в 1928 году в СССР старались всячески изолировать, ему показывали лишь положительное, скрывая от него многие недостатки. Впрочем, и сам он пребывал в первые годы после приезда в каком-то чрезмерно восторженном состоянии, он склонен был до крайности преувеличивать наши достижения и он настаивал сам на том, чтобы меньше писать о недостатках и больше о достижениях. Именно в этот период Горьким были основаны такие журналы как «СССР на стройке», «Наши достижения» и др. Но все же Горький не мог не понимать, что большая часть «вредительских» дел в конце 20-х, начале 30-х годов является выдуманной. Почему же он не вступился в эти годы за научную и техническую интеллигенцию? Почему именно в этот период он написал свою печально знаменитую статью «Если враг не сдается — его уничтожают»? Кстати и заголовок этой статьи совершенно неверен даже с точки зрения марксизма. Ибо враги бывают разные и формы борьбы с врагами тоже могут быть разными.

Позднее Горький, по-видимому, стал кое о чем думать иначе. Известно, что в конце 1931 года и в начале 1932 года Горького пытались убедить написать биографию Сталина. «Дорогой Алексей Максимович, — писал Горькому в январе 1932 года А. Б. Халатов, в то время бывший директором ОГИЗа, — ... материалы для биографии И. В. мы Вам послали, напишите мне — не нужны ли Вам какие-нибудь другие материалы, и когда Вы думаете нам ее дать ...» (М. Горький и советская печать. Архив Горького, т. X, кн. 1, стр. 260). Горький однако не написал биографию Сталина, он даже и не начал по существу этой работы, сославшись на то, что подобная работа может быть выполнена лишь коллективом и на более высоком уровне, чем это может обеспечить Горький.

В середине 30-х годов изоляция Горького возросла. Его охранял, вероятно, целый взвод НКВД. Переписка его кон-

тролировалась. Создание своеобразного культа Горького также приводило к отчуждению его от простых людей страны... «Мы остались вдвоем, — пишет один из бывших сотрудников Горького И. Шкапа в своей книге «Семь лет с Горьким», — Вдруг, наклонившись ко мне, Горький сказал: — Что же происходит, мой друг? Неужели головотяпство нельзя выкорчевать? ...Не получая ответа, он продолжал: — Устал я очень... Сколько раз хотелось побывать в деревне, даже пожить, как в былые времена... Не удается. Словно забором окружили — не перешагнуть!

Слова о деревне были ответом на мои неоднократные советы провести два-три дня среди колхозников, но я молчал, ибо знал, что в своих выездах за пределы Москвы-Горок-Крыма Горький ограничен. Ссылаясь на здоровье, врачи не позволяли ему выбирать маршруты своих поездок.

Вдруг я услышал: — Окружили, ...обложили... ни взад, ни вперед! Непривычно сие!

Мне показалось, что я ослышался: необычны были голос Горького и смысл его слов. Глаза тоже были другие, не те, которые я хорошо понимал. Сейчас в них проступали надлом и горечь» (изд. 1964 г., стр. 379).

В последние годы жизни Горький вел рукописный дневник. Сразу же после смерти Горького этот дневник исчез, стол Горького и его материалы подверглись внимательному досмотру со стороны НКВД. А все ли ясно сейчас и в обстоятельствах смерти Горького?

4. Статья Л. Троцкого по поводу горьковской характеристики Ленина

7 октября 1924 года в «Известиях» была опубликована большая статья Л. Троцкого «Вернее и фальшивее о Ленине». В этой статье Троцкий разбирал только что вышедшую брошюру А. М. Горького «В. И. Ленин». Статья Троцкого отражала общее мнение тогдашней верхушки партии. Хотя Троцкий в этот период подвергался самой ожесточенной критике, особенно со стороны Каменева и Зиновьева, однако большинство оппонентов Троцкого считала, что в отношении Горького он прав. Ниже мы приводим некоторые выписки из статьи Троцкого:

« «Писать его портрет трудно» — говорит Горький о Ленине. Это верно. То, что написано Горьким о Ленине, очень слабо. Ткань характеристики как бы составлена из самых разнообразных нитей. Нет-нет, да и мелькнет ниточка художественного проникновения. Но несравненно больше нитей банального психологизма и весьма-таки мещанского морализирования. В общем, ткань неприглядная»... «Целеустремленность Ленина — основная его черта, об этом мы говорили и это еще раз собираемся повторить, — но когда Горький тут же, рядом, причисляет Ленина к «одному из тех праведников» и пр., то это уже фальшь и безвкусица. Не подходит к Ленину, совсем и вовсе не подходит, это церковное, сектантское, постное, на конопляном масле, — слово «праведник». ...А дальше и того хуже: «Для меня Ленин — герой легенды, человек, который вырвал из груди своей горящее сердце, чтобы огнем его осветить людям путь...» Брр... Как нехорошо! Это уж совсем из старухи Изергиль. ...Это же совсем из другой оперы. Прежде всего это именно из оперы: с южными декорациями, бенгальским освещением и цыганской оркестровкой. В фигуре Ленина нет ничего от оперы и еще меньше — от цыганской романтики. Ленин — симбирский, питерский, московский, всесветный — суровый реалист, профессиональный революционер, разрушитель романтики, ложной театральности, революционной цыганщины, никак уж не приходится герою Данко сродни. Кому нужны образцы революционных цыганских романсов, тот ищи их в истории партии социалистов-революционеров» (все критикуемые Троцким фразы Горький исключил из второго издания своей брошюры).

...«Был он прост и прям, как все, что говорилось им». ...«Прост и прям», — это слишком просто и слишком прямо. Так характеризуют честного солдата-рубаку, который режет правду-матку с плеча. К Ленину это не подходит, хотя и с другой стороны. Да, он был гениально прост в решениях, выводах, методах, действиях, поскольку отметал все несущественное, шелуху, мишуру, поскольку обнажал вопрос до его основного и бесспорного стержня. Но это вовсе не значит, что он был «прост и прям», или, что он отличался «прямолинейностью взглядов», как еще хуже и совсем уж филистерски-меньшевистски выражается Горь-

кий в другом месте. Мне вспоминается такое, примерно, выражение беллетриста Бабеля: «сложная кривая ленинской прямой». Вот это определение, несмотря на внешнюю свою противоречивость и некоторую вычурность, гораздо правильнее горьковской «прямолинейности». Кто прост и прям, тот прет к цели, а Ленин шел и вел к цели, всегда к одной и той же, сложными, иногда очень обходными путями. Наконец, такое сочетание, как «прост и прям», совсем не передает несравненного ленинского лукавства, его искрометной сметки, его виртуозного пристрастия к тому, чтобы подставить недругу ножку или иначе заманить его в капкан.» ... «Детей он ласкал осторожно», — говорит Горький, — какими-то особенными, легкими и бережными прикосновениями.» Это хорошо и правдиво, это черточка мужественной нежности, уважения к физической и духовной личности ребенка, — как ленинское рукопожатие: крепкое и мягкое...

...Горький любовался в Ленине этим азартом юности, которым он насыщал все, что делал «То, что азарт был дисциплинирован, взят в стальные тиски, вел как бурный поток в гранитные берега, — Горький об этом не упоминает, не нарушает меткости определения: именно азарт юности. Азарт, обличавший в Ленине «ту исключительную бодрость духа, которая свойственна только человеку, непоколебимо верующему в свое признание». Это опять-таки верно и проницательно сказано. ... «Всевидящие глаза великого хитреца» — это не плохо, хотя и огрубленно.

...«Великое дитя окаянного мира сего, прекрасный человек, которому нужно было принести себя в жертву вражде и ненависти, ради осуществления дела любви и красоты». Уф... Пощадите, Алексей Максимович: «Дитя окаянного мира сего» — ужасно как воняет фарисейством, а поза, ведь, у Ленина была удивительно милая, иногда хитрющая, но никак не фарисейская. «Принести себя в жертву» — не верно, фальшиво, непереносно, как гвоздем по стеклу: совсем себя Ленин в жертву не приносил, а жил полной, прекрасной, ключем бьющей жизнью. ...И дело его было не «делом любви и красоты» — ужасно как это общо и высокопарно, нет, это было дело пробуждения и сплочения угнетенных во имя низвержения гнета, это было дело девяносто девяти сотых человечества.» (И эти критикуемые

Троцким выражения Горький исключил из своих воспоминаний).

«...Горький явно не понял судьбы многих своих ходатайств перед Лениным за того или другого из «пострадавших». Пострадали от революции, как известно, многие, и ходатайств Горького было также немало, в том числе и вовсе несуразных. Достаточно вспомнить аляповато-высокопарное представительство Горького за социал-революционеров во время большого московского процесса. Горький рассказывает: «Я не помню случая, когда бы Ильич отказал мне в просьбе. Если же случалось, что они не исполнялись, это было не по его вине, а, вероятно, по силе тех проклятых «недостатков механизма», которыми всегда изобиловала неуклюжая машина русской государственности. Допустимо и чье-то злое нежелание облегчить судьбу людей, спасти им жизнь». Признаемся от этих строк нас больше всего покоробило. Выходит ведь так: как вождь партии и глава государства, Ленин беспощадно преследовал врагов революции; но стоило Горькому возбудить ходатайство, и не бывало случая, чтобы Ленин отказал Горькому в его просьбе. Выходит, что судьба людей решалась для Ленина приятельскими ходатайствами. Это утверждение было бы совсем непонятно, если бы за ним не следовало ограничение: не все просьбы Горького, оказывается, выполнялись. Но вина этому была — недостатки советского механизма. Так ли? Действительно ли Ленин был бессилен преодолеть недостатки механизма в таком простом вопросе, как освобождение от ареста и кары? Сомнительно. Не проще ли допустить, что Ленин, взглянув на ходатайство и на ходатая «всевидящими глазами великого хитреца», просто не вступал с Горьким в препирательство, а затем предоставлял советскому механизму со всеми его действительными и мнимыми недостатками выполнять то, чего требовали интересы революции. Не так уж был прост и не так уж был прям Ильич, когда ему приходилось отбиваться от мещанской сентиментальности. Внимание к человеку у Ленина было гигантским, но оно было целиком подчинено вниманию к человечеству, судьба которого сливается в нашу эпоху с судьбой пролетариата.» (В данном случае Горький не согласился с Троцким и не только сохранил свой прежний текст, но и добавил, говоря о недостатках советского

государственного механизма, ставшее модным в 1929 году словечко «вредительство». «Я не помню случая, — пишет Горький и в издании 1929 года, — когда бы Ильич отказал в моей просьбе. Если же случалось, что они не исполнялись, это было не по его вине, а, вероятно, по силе тех «недостатков механизма», которыми всегда изобиловала неуклюжая машина русской государственности. Допустимо и чье-то злое нежелание облегчить судьбу ценных людей, спасти им жизнь. *Возможно и здесь «вредительство»*, враг циничен так же, как хитер. Месть и злоба часто действуют по инерции.»)

«...В результате не революционного, а обывательски-морализирующего подхода, — продолжает свой разбор Троцкий, — ленинский образ, столь исключительно цельный, оказывается у Горького расколотым. Но еще хуже обстоит дело, когда Горький переходит к политике в собственном смысле этого слова. Тут, что ни фраза, то недоразумение или жестокая фальшь. «Человек изумительно сильной воли, он был, во всем остальном, типичным русским интеллигентом.» Это Ленин-то типичный русский интеллигент! Разве это не насмешка и при том чудовишная? Ленин *типичный интеллигент!* Но Горькому этого мало. В его изображении Ленин, оказывается, «в высшей степени обладал качеством, свойственным лучшей русской интеллигенции — самоограничением, часто восходящим до самоистязания, самоуродования, до рахметовских гвоздей.» Вы видите, пошла писать губерния. Немного выше Горький распространяется на ту тему, что героизм Ленина — «это нередкое в России скромное, аскетическое подвижничество честного русского интеллигента, искренне верующего в возможность на земле справедливости» и т. д. и т. д. Физически невозможно выписывать эту цитату, до такой степени она приторно-фальшива. ...Это уже клевета, и тем более злая, что добросовестная, благорасположенная и почти восторженная. Конечно, Ленин впитал в себя традицию революционного интеллигентского радикализма, но он преодолел ее, и только с этого момента стал Лениным. «Типичный» русский интеллигент ужасающе ограничен, а Ленин есть преодоление всякой ограниченности, и, прежде всего, интеллигентской. Если верно, что Ленин воплощает вековую революционную традицию интеллигенции, то еще вернее,

что он воплощает многовековый напор крестьянской стихии; в нем живет русский мужик с его ненавистью к барству, с его расчетливостью, хозяйственностью и сметкой. . . . . В Ленине, наконец, и это крепче всего, воплощен дух молодого русского пролетариата, и не видеть его, а видеть интеллигента, значит, ничего не видеть . . .» (В новом издании Горький многое из приведенных фраз выбросил, «типичный интеллигент» заменен словами о качествах, свойственных «лучшей революционной интеллигенции», но оставлены слова о самоистязании, самоуродовании, рахметовских гвоздях).

« . . . Основную черту ленинского характера Горький довольно правильно называет воинствующим оптимизмом. И прибавляет: «Это была в нем не русская черта». Вот так-так. . . . Талант водить вошь на аркане есть, правда, бесспорно русский талант, но, благодаренне диалектике, не вечный и неизменный . . . Октябрь был бы невозможен, Алексей Максимович, если в русском человеке уже задолго до Октября не зажегся огонь нового характера . . . А партия большевиков, разрешите спросить, русское явление, или может быть голландское? . . . Большевистская партия есть отбор этой новой России, а Ленин величайший ее отборщик и воспитатель.» (В новом издании снял слова о нерусских чертах Ленина. Наоборот, он пишет, что Ленин «был русский человек . . .»)

«С коммунистами Горький расходится, как он пишет, по вопросу об оценке роли интеллигенции. Он считает, что лучшие старые большевики воспитывали сотни рабочих именно в «духе социального героизма и высокой интеллектуальности.» (?!) Если сказать проще и точнее, то Горький мирится с большевиками лишь в том периоде, когда большевизм не выходил из стадии лабораторной подготовки первых своих интеллигентских и рабочих кадров. Ему близок большевик 1903-1905 гг. Но большевик октябрьский, т. е. созревший, возмужавший, большевик, который непреклонной рукой совершает то, что лишь смутно намечалось полтора десятилетия тому назад, чужд Горькому и враждебен. Сам Горький с его постоянным стремлением к высшей культуре и интеллектуальности, как-то умудрился застрять на полдороге. Он не мирянин и не поп, а какой-то псаломщик культуры. Отсюда его высокомерие к разуму масс и заодно к марксизму, хотя марксизм, как уже было сказано,

опирается не на веру в разум масс, а на логику материального процесса, которая в последнем счете подчиняет себе разум масс. Но путь к этому не простой, и на этом пути разбивается много посуды, в том числе культурной. И вот чего Горький не выносит. По его мысли, надлежит любоваться посудой культуры, а не бить ее. ... Но и это еще не все. Горький, как мы узнаем от него, упрекал Ленина в том, что тот «упрощенно понимал драму бытия» (гм-гм), и что это упрощенное понимание «грозит гибелью культуре» (гм-гм). На переломе 1917-1918 гг. когда в Москве стреляли по Кремлю, когда матросы (случалось и на деле: а больше — в буржуазной клевете) тушили окурки о гобелены, когда солдаты делали себе крайне неудобные и непрактичные портянки из картин Рембрандта (так, несомненно, плакались Горькому представители «высокой интеллектуальности»), в этот период Горький окончательно вышел из себя и превратился в отчаявшегося псаломщика культуры. Ах-ах, ужас и варварство (Тут Троцкий начинает оправдывать действительное варварство). А Ленин отвечал ему: сколько понадобится — разобьем, а если разобьем слишком много, то вина будет на интеллигенции, которая обороняет необоронимые позиции ... (Ленин отвечал не совсем так).

«Тут мне вспоминается, — завершает свою статью Троцкий, — питерский пролетарий Воронцов, который первое время после Октября состоял при Ленине, охранял его и помогал ему. Когда мы готовились к эвакуации Петрограда, Воронцов мрачно сказал мне: «Много им в случае чего достанется: надо бы подвести под Петроград динамиту, взорвать все на воздух.» — «А не жалко вам т. Воронцов, Петрограда?» — спросил я, любуясь питерским пролетарием. «Чего жалеть, вернемся, лучший построим». Этот короткий диалог не выдуман мной и не стилизован. Именно таким он врезался в память. Вот это настоящее отношение к культуре (т. е. взорвать Петроград?). Тут псаломщиной плаксивой и не пахнет. Настоящая культура не в расписных горшках истории, а в правильной организации голов и рук (это Рембрандт что-ли расписной горшок истории?) Если на пути этой правильной организации стоят препятствия, их нужно смести. И если для этого приходится разрушать ценности прошлого, разрушим их без плаксивой сентиментальности, а затем вернемся и создадим новые, неизмеримо

лучшие. Вот как, отражая мысль и чувства миллионов, смотрел на это Ленин. Хорошо и правильно смотрел, и надо у него учиться этому революционерам всех стран.»

ИЗ ИСТОРИИ

1. К вопросу о бюрократизме

Как известно, в своих статьях и книгах, написанных после 1929 года (а частично и ранее) Троцкий утверждает, что после смерти Ленина «ведущий слой партии и государства, который проделал революцию и гражданскую войну, был оттеснен, отстранен и разгромлен. Его место занял безликий чиновник». («Что делать»). Все эти рассуждения являются тенденциозными упрощениями. Во-первых, мы видим, что нередко в 20-е годы в бюрократов и чиновников превращались вчерашние революционеры. Во-вторых, процесс бюрократизации советского государственного и партийного аппарата начался еще до смерти Ленина, причем одним из виднейших представителей этого антиленинского «бюрократического начала» был после революции сам Троцкий, что очень ясно видно из анализа дискуссии 1920 года по вопросу о профсоюзах. Ведь именно Троцкий защищал тогда тезисы насчет огосударствления профсоюзов и милитаризации труда.

Напротив, Ленин, который лучше других видел и бичевал бюрократические извращения в нашем аппарате, писал: «наше нынешнее государство таково, что весь организованный пролетариат должен против него защищаться». Ленин указывал, что профсоюзы не могут утратить в нашем обществе «такую основу, как неклассовую «экономическую борьбу» в смысле борьбы с бюрократическими извращениями советского аппарата, в смысле охраны материальных и духовных интересов массы трудящихся путями и средствами, недоступными для этого аппарата и т. д.» (Ленин, Соч. изд. 4, стр. 79, том 32).

Разумеется. если Троцкий не был тем революционером ленинского типа, за которого он себя выдавал (особенно он настаивает на своей близости к Ленину в книге «Моя жизнь», утверждая, что его отношения с Лениным развива-

лись по гегелевской формуле: тезис, антитезис, синтез), то также и блок Сталин-Каменев-Зиновьев, который противостоял Троцкому после смерти Ленина, также не был блоком настоящих пролетарских революционеров ленинского типа.

«...Из нашей партийной программы, — указывал Ленин, — видно, что государство у нас рабочее с бюрократическим извращением. И мы этот печальный, — как бы это сказать? — ярлык, что ли, должны были на него повесить. Вот вам реальность перехода». (Соч. т. 32, стр. 6).

Ленин называл чиновничий аппарат, созданный после революции, «махиной, грудой», которая сплошь и рядом ведет за собой коммунистов, потому что хотя «культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас». (Соч. изд. 4, т. 33, стр. 258-269). Сталин, конечно, так и не повернул эту бюрократическую махину на службу пролетариату и крестьянству. Но он по своему взнуздал этот аппарат и подчинил его своей воле, причем Сталин действовал не только кнутом, но и пряником (высокие оклады, пакеты, табели о рангах, ордена, форма и т. д., и т. д.). Приходится отметить, что сталинский государственный аппарат действовал не вяло, но весьма эффективно, хотя во многих случаях и в ином направлении, чем это нужно было для народа.

В крестьянской стране бюрократизм был, конечно, неизбежен. Когда М. Соколов написал Ленину, что «самодеятельность масс возможна лишь тогда, когда мы сотрем с лица земли тот нарыв, который называется бюрократическими главками и центрами», то Ленин ответил: «Это ошибка. Можно прогнать царя, — прогнать помещиков, — прогнать капиталистов. Мы это сделали. Но нельзя «прогнать» бюрократизм в крестьянской стране, нельзя «стереть его с лица земли». Можно лишь медленным упорным трудом его уменьшить». (Сочинения, изд. 4, т. 35, стр. 419).

2. Смерть Ленина и Троцкий

Писатель В. А. Сутырин, секретарь партийного бюро Московского отделения Союза писателей, рассказывает, что в

начале 1924 года он находился в Тифлисе в качестве члена Реввоенсовета. В январе 1924 года все руководители Закавказья выехали в Москву на съезд Советов. В ночь на 22 января Сутырин получил срочное сообщение из Москвы. В этом сообщении говорилось о смерти Ленина. От Сутырина требовали разыскать в Закавказье вагон Троцкого, выехавшего на Кавказ для отдыха и лечения, и передать ему известие о смерти Ленина. Троцкий должен дать ответ — приедет он в Москву на похороны или нет. Несколько часов Сутырин разыскивал вагон Троцкого. Оказалось, что этот вагон стоит в самом Тифлисе на восьмом пути. Сутырин подошел к темному вагону, около которого не было никакой охраны. Долго стучал в двери. Наконец, дверь открыл один из адъютантов Троцкого. Сутырин попросил разбудить Троцкого и сообщить ему о срочной телеграмме из Москвы от Сталина. Через несколько минут в салон вышел Троцкий. У него был сильнейший грипп и он был обвязан какими-то куртками и шарфами. Прочитав телеграмму Сталина, Троцкий был потрясен. Он сел и несколько минут молчал. Потом предложил сесть и Сутырину. Придя в себя, Троцкий сказал Сутырину, что он даст ответ в Москву немного позднее. Как известно, Троцкий не поехал в Москву. Он продиктовал по телефону статью «Ленина нет» («Правда» от 24/1-1924 года) и продолжил свою поездку к Черному морю. День похорон Ленина Троцкий провел на море далеко от Москвы. Позднее он всячески оправдывал свое решение. Он писал в своей автобиографии, что Сталин сообщил ему, что похороны Ленина состоятся в субботу 26 января, а поезд Троцкого мог вернуться в Москву по условиям того времени лишь 27 января. Троцкий писал, что Сталин сам по телефону сказал ему: «Не приезжайте, лечитесь», а потом перенес похороны на воскресенье и обвинял Троцкого в высокомерии и зазнайстве. Может быть, все это было и так, однако, не попытавшись вернуться в Москву после получения известия о смерти Ленина, Троцкий, уже и без того потерпевший поражение в дискуссии 1923 года, проиграл политически столь много, что уже не смог никогда вернуть себе даже те позиции, которые у него были в стране и в партии до 21 января 1924 года. И дело не только в моральной и политической обязанности как можно быстрее приехать в Москву, чтобы попрощаться с вождем партии. Дело в том, что в первые недели после смерти Ленина в

верхах партии были приняты весьма важные решения в том числе и по кадровым вопросам. Троцкий не принимал участия в решении этих вопросов, и это значительно ослабило во многих отношениях его группу и усилило блок Сталина-Зиновьева-Каменева.

3. Сталин и социализм

Недавно в беседе литератор Л. К.-в сказал примерно следующее: До XX-го съезда партии, в самом крайнем случае до XXII съезда можно было коммунистам выступать одновременно и за Сталина и за социализм. Все мы еще слишком мало знали о преступлениях Сталина, и потому многие из нас продолжали верить в миф о Сталине, как о строителе социализма. Однако в последние 6-7 лет этот миф полностью разрушен. Истина или во всяком случае значительная часть истины вышла наружу и стала известной партии. Поэтому сейчас уже никак нельзя одновременно выступать и за социализм и за Сталина. Делать это может сейчас либо круглый невежда, либо такой человек, который не хочет в действительности никакого настоящего социализма.

4. Ленин и ЦК в октябре 1917 г.

Как известно, еще с первых лет Советской власти идут споры по поводу позиции Ленина и тех или иных деятелей ЦК в решающие дни Октябрьской революции. В начале 20-х годов свою роль в Октябре раздувал и преувеличивал Троцкий. Затем стал выпячивать свою роль Сталин.

Просматривая старые газеты, встретил весьма любопытную статью М. И. Лациса «Накануне октябрьских дней», опубликованную 6 ноября 1918 г. в «Известиях». Вот текст этой статьи:

«Еще во время февральской революции, когда вылезла только что наша организация из подполья, *на первом общем партийном легальном собрании, на собрании членов Выборгского района была принята резолюция о захвате власти в руки рабочих и об удалении тогдашнего «комитета порядка».*

Но на эту резолюцию было наложено *«вето» Бюро ЦК*, и, только подчиняясь партийной дисциплине, ее соскребли со стен, на которых она была широко расклеена.

Это было еще 1-го марта 1917 г.

Через несколько недель после этого приехал Владимир Ильич и *в своих тезисах показал правоту рабочих Выборгского района.*

Это убедило *петербургский пролетариат* в правоте его взглядов и своего пролетарского чутья. И он *стал критически относиться ко всему, что принималось ЦК нашей партии в отсутствии Владимира Ильича.*

Владимир Ильич в то время принужден был скрываться.

Его зоркий глаз даже издали уловил, что подходит момент, когда надо решиться взять власть в свои руки.

Повсюду вспыхивали крестьянские восстания. На окраинах многие советы уже имели власть в своих руках. Временное правительство разослало карательные экспедиции и начинало нас разбивать, по частям. Допустить это дальше уже нельзя было. Нельзя было упускать момент. Петербургский пролетариат всецело был на нашей стороне. Его орган — Петербургский Совет — стал большевистским. И не только Петербургский Совет, — все Советы Северной области, включая и Финляндию и Балтийский флот, были большевистскими. Отсюда и надо было начинать.

Об этом писал Владимир Ильич ЦК. *Но тот, не разделяя его взглядов, молчал и бездействовал. Он даже не познакомил Петербургский Комитет с этим документом, боясь, что тот, как всегда, приступит к немедленному действию.*

Это было уже непростительно. На второй городской конференции было установлено, что Ц.О. не сделает ни одного шага, имеющего общегосударственное значение, без ведома ЦК, а ЦК для контакта пошлет своего представителя в ПК. А практика установила, что ЦК всегда опрашивал мнение ПК перед каждым серьезным решением. Этого сейчас сделано не было.

Это ПК чувствовал и насторожился. *Дело в том, что ПК* имел помимо ЦК прямую связь с Ильичем.

И вот, в один прекрасный день мы получаем от Ильича письмо, в котором он, уже помимо ЦК, обращается непосредственно в ПК. Получаем и копию писем, обращенных в ЦК.

Нас взорвало.

Сейчас же было созвано собрание ПК и ответственных работников.

Отсюда началось.

Решено было выделить несколько лиц для подготовительной работы. Поручили это Исполнительному Комитету ПК.

ПК выделил Феникштейна, Москвина и меня.

Мы сейчас же наметили себе работу — учет войсковых сил, их размещение, взрывчатые вещества, обследование контр-революционных гнезд, подготовка районов. Для последней цели создавали в районах узкие товарищеские группы из старых нелегальных деятелей. Эти группы обыкновенно представляли собой исполнительные комитеты районных комитетов.

Такие же группы создавались и при районных советах. Они приступили к подготовительной работе. Таким образом скоро весь Петербург был покрыт сетью конспиративной повстанческой организации.

В первое время все это делалось втайне от ЦК.

Но скоро и ЦК, после совместного совещания с ПК и представителями профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов, в присутствии Ильича, исполняя постановление этого совещания, стал действовать.

Тогда была создана общая комиссия для подготовительных работ по восстанию. В нее от ЦК входили: Бубнов, Свердлов и Сокольников, от ПК Москвин и я. От военной организации — Подвойский и Крыленко.

Но работа шла из рук вон плохо.

Военная организация считала эту работу своей монополией.

Едва-ли кто из нас представлял себе начало восстания в вооруженном захвате всех правительственных учреждений в условленный час. Для этого у нас не было под

рукой необходимой силы. Имеющиеся силы не поддавались никакому учету. Между тем как одни уверяли, что у нас ничего не имеется, рабочие пассивны, войска не наши и т. п., другие уверяли, что стоит только начать и все будут с нами.

И они оказались правы.

Начало восстания нам представлялось, как простой захват власти Петроградским Советом. Совет перестанет считаться с приказами Врем. Прав., объявит себя властью и устранит тех, кто попытается помешать ему это сделать.

Было время, когда мы все надежды возлагали на съезд Советов Северной области. Предполагалось, что он решится объявить себя властью, и что отсюда пойдет начало.

Но это не сбылось.

Тогда перенесли свою работу в Петербургский Совет, пока не подоспел Съезд Советов.

Так оно и случилось.

Петербургский Совет выделил из себя Революционный Комитет, который и был повстанческим органом и уже 24-го октября фактически захватил всю власть над городом.

Еще накануне ПК переехал в Смольный и установил постоянные дежурства.

Туда же перенес свои заседания и ЦК.

И здесь снова ПК играл немаловажную роль. Исполком его входил с правом совещательного голоса на все заседания ЦК. Это присутствие было необходимо, *т. к. ЦК продолжал колебаться.* Ильичу не раз приходилось опираться на ПК. Учтя это, мы «лезли» на заседания ЦК, хотя нас оттуда выпроваживали.

Единственный человек, который не колебался, был Владимир Ильич, и петербургские рабочие его во всем поддерживали.

Да здравствует Владимир Ильич и петербургский пролетариат».

Статья Лациса лишний раз показывает, что колебания были перед Октябрем не только у Каменева и Зиновьева, но и у других членов ЦК.

5. *Еще о бюрократизме*

На VIII съезде РКП(б) в 1919 году один из известных тогда большевиков И. Мгеладзе (Вардин) решительно высказался против бюрократизма и попытался дать ему определение. «Бюрократ, — заявил Мгеладзе, — это лицо, принадлежащее к господствующей власти, лицо, которое выдвинуто господствующим классом, но которое оторвалось от своего класса и решило, что может управлять данным делом без помощи своего класса. ... Наши партийные товарищи превратились в чиновников и отрываются от масс. Мы боимся говорить с массами открыто. Надо сознаться, что есть тенденция замалчивать острые вопросы на больших собраниях. Вопрос о бюрократизме — серьезный вопрос. Здесь есть политическая опасность, которая погубила II Интернационал. Это опасность вырождения Советской власти в бюрократическую.»

В 20-е годы вопрос о борьбе с бюрократизмом в партийных кругах всегда считался одним из важнейших вопросов партийной политики. В журнале «Большевик» 1927 года в статье «О бюрократизме» М. Брудный писал: «Бюрократизм не только во всех порах советской системы, но и у всех на губах. Борьба с бюрократизмом ведется упорная, жестокая; по крайней мере все о нем говорят.

Бюрократизм имеет много форм проявления и кроме их «внутреннюю сущность». Бюрократизм это сифилис в соединении с чесоткой.

Бюрократизм, как чесотка — это волокитство, чванство, самодурство чиновников и много других форм, которые мозолят всем глаза, «чешутся» и вызывают общее недовольство.

Бюрократизм, как сифилис, это его «внутренняя сущность», часто невидимая, но создающая прочный барьер между массами трудящихся и государством, отчуждающая их все больше от него. В этой области он часто невидим, но его разрушительная работа в организме советского государства страшнее всего для нас.

Как известно, форма проявления и сущность вещей

тесно связаны между собой. Но различать их в данном случае нам нужно вот для чего:

Чванство, волокитство и проч. имеются и в западных государствах. И буржуазия западноевропейская ведет не менее упорную, а во многих случаях и более успешную борьбу, чем мы с внешними формами проявления бюрократизма. Для того, чтобы государство успешно отстаивало и представляло интересы какого бы то ни было господствующего класса, необходимо, чтобы его аппарат был достаточно эластичен, гибок и налажен. Когда немецкий бюргер приходит в какую-нибудь канцелярию, он так же, как и наш рабочий, требует, чтобы его внимательно выслушали, чтобы его зря не задерживали, чтобы его делу был дан быстрый и правильный ход.

Проблема бюрократизма со стороны его внешних форм есть проблема культурной организации госаппарата. Чесотка бюрократизма — враг всякого культурного государства, будь оно на Западе или на Востоке. Но и в самой культурной и цивилизованной буржуазной стране внутренняя сущность бюрократизма, барьер между грудящимися и государством, бюрократизм, как сифилис, является социальной основой государства. Этот бюрократизм там не замечают, с этим бюрократизмом там не борятся» (№ 18, стр. 23-24).

6. О лозунге самокритики

В конце 1928 года, когда уже закончилась борьба с оппозицией, ЦК ВКП(б) обратился ко всем членам партии и ко всем рабочим с призывом к развитию самокритики. Обращение это было опубликовано во всех газетах и во всех партийных журналах. В этом Обращении, в частности, говорилось о необходимости решить следующие задачи:

В области партийной работы:

«1. Обеспечить свободу внутрипартийной критики, что исключает такого рода методы, когда самостоятельная мысль и всякое критическое замечание заранее отбрасываются как «уклон», «бузотерство» и т. д.

2. Обеспечить полную выборность партийных инстанций.

3. Решительно уничтожить практику смягчения ответственности коммунистов по различным административным и судебным взысканиям, проводя в жизнь старое положение Ленина о более строгих наказаниях в отношении членов партии и считая партийным преступлением замазывание вины и провинности любого члена партии, какое бы высокое место он ни занимал в системе партийных органов.

4. Усилить работу партии среди масс, обратив исключительно большое внимание на новые слои рабочих, на рабочую молодежь и на пролетарские и полупролетарские слои деревни. При этом партийные ячейки должны работать не только на фабрике и заводе, но и в рабочей казарме, в рабочих квартирах и общежитиях, в столовых и клубах.

5. Улучшить качественную работу, всемерно борясь против подмены пролетарской общественности административным командованием и мелочной опекой со стороны партийных организаций. Решительно изгнать из практики партийных и профсоюзных организаций нетоварищеские методы полемики, особенно в отношении рядовых рабочих.

6. Улучшая систематически социальный состав руководящих органов партии, требовать как максимальных связей партийного актива с массами, так и возрастающей квалификации этого актива в ряде областей, в первую очередь, в области хозяйственной работы (техника, промышленность, агрономия и т. д.).

7. Добиваться того, чтобы методы воздействия коммунистов на массу, в первую очередь, сводились к образцовой и показательной работе самих членов партии» . . .

. . . В области советского аппарата:

«1. Борьба с бюрократизмом и дальнейшее смелое упрощение аппарата.

2. Выдвижение рабочих на государственную и государственно-хозяйственную работу, причем это выдвижение должно быть проводимо в порядке неуклонной, систематической, идущей неослабно изо дня в день работы.

3. Создание кадров действительно обученных, знающих и квалифицированных работников, создание новых специалистов, безусловно преданных советской власти, создание новых красных специалистов из людей рабочего класса, создание интеллигенции рабочего класса, вовлечение уже имеющихся квалифицированных кадров пролетарской интеллигенции в советский, хозяйственный и кооперативный аппарат» . . .

№ 48

Сентябрь 1968

К событиям в Чехословакии: 5 сентября. К положению в Чехословакии — 10 сентября. К положению в Чехословакии — Речь Дюрренмата в городском театре в г. Базеле — О положении в Чехословакии на 15 сентября — О советско-чехословацких отношениях. 16-25 сентября — Письмо академика Несмеянова своим друзьям во Францию — О международном совещании компартий — Югославский журнал о событиях в Чехословакии — О фотографиях в журнале «Шпигель» — О корреспонденте «Известий» Б. Орлове — 26-30 сентября. К положению в Чехословакии. Из литературной и театральной жизни: Новый театральный сезон в Москве — Из рецензии В. Лакшина на роман «Мастер и Маргарита» М. Булгакова — О письме руководителей ССП в поддержку действий Советского правительства в Чехословакии — Из театральной жизни. «Огонек» и «Театр» — О поэме В. Фирсова «Республика Бессмертия» — «Литературная газета» об Иржи Ганзелке. О некоторых книгах, статьях и рукописях: О книге В. Бережкова «Тегеран 1943.» — Письмо в Президиум Верховного Совета — Из письма М. Марковского академику А. Д. Сахарову — Из воспоминаний Н. Г. Кузнецова «Годы войны» — О статье В. Хвостова и А. Грылева в журнале «Коммунист» — О статье Д. Н. Притта «Права человека — 1968 год» — Письмо из Эстонии академику А. Д. Сахарову — Из письма писателя Р. — Письмо

лауреата Нобелевской премии мира 1958 г. Доменика Пира академику А. Д. Сахарову. Статьи и заметки по поводу событий в Чехословакии и вокруг Чехословакии: Была ли угроза военного вмешательства НАТО в Чехословакии? — О действительных размерах и опасности внутренней контрреволюции в Чехословакии — Советская печать о событиях в Чехословакии — Советская армия в Чехословакии — Некоторые предварительные итоги — О некоторых вопросах теории — О причинах вступления войск Варшавского Договора в ЧССР — О некоторых исторических аналогиях. Из истории: События в Польше в октябре 1956 года и отклики в Москве.

К СОБЫТИЯМ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

1. 5 сентября. К положению в Чехословакии

Положение в Чехословакии продолжает постепенно нормализоваться, хотя, конечно, присутствие советских и других иностранных войск никак не способствует быстроте этого процесса. Состоялся пленум ЦК КПЧ. Этот пленум постановил отложить XIV съезд компартии Чехословакии на октябрь. В состав ЦК кооптировано 80 новых членов, по-видимому, из числа тех, кого избрал проведенный 22-23 августа съезд партии. Таким образом, между двумя составами ЦК КПЧ достигнут необходимый компромисс. Пленум ЦК КПЧ не вынес никакого решения, осуждающего проведенный в августе съезд партии. Наоборот, имеются сведения, что А. Дубчек в своем докладе положительно оценил работу съезда. Никто из участников пленума не выразил своего удовлетворения по поводу вступления в ЧССР войск Варшавского Пакта.

Доклад А. Дубчека дается в наших газетах в кратком изложении. А. Дубчек указал на необходимость выполнения и в новых условиях послеянварской политики, выраженной в программе действий КПЧ. Он отметил необходимость восстановления авторитета всех государственных, партийных и общественных органов, усиления органов

армии и безопасности и все это при условии последовательного соблюдения социалистической законности. «Мы будем и в нынешних чрезвычайно тяжелых условиях стремиться к тому, — заявил Дубчек, — чтобы эта политика нашей партии была органической, творческой составной частью идейного союза всех социалистических и передовых сил. Мы — интернационалисты и остаемся ими. Мы выступаем за сотрудничество со всеми коммунистическими и рабочими партиями, мы подтверждаем свою принадлежность к содружеству социалистических стран и нашу верность всем союзническим обязательствам.»

Президент республики Л. Свобода сделал Центральному Комитету отчет о ходе московских переговоров. Он подчеркнул, что переговоры были проведены по его инициативе и он выступил с ней как высший чехословацкий конституционный деятель.

ЦК КПЧ вывел из состава Президиума ЦК и освободил от обязанностей главного редактора «Руде право» О. Швестку. Из состава Президиума ЦК КПЧ выведены также Д. Кольдер, Э. Риго, Ф. Кригель и А. Капек. Пленум освободил от обязанностей секретаря ЦК Ч. Цисаржа.

Затем пленум ЦК КПЧ тайным голосованием избрал новых членов и кандидатов в члены Президиума ЦК КПЧ, новых членов Секретариата и секретарей ЦК КПЧ.

В Президиум ЦК КПЧ в настоящее время входят: А. Дубчек, В. Биляк, О. Черник, Э. Эрбан, Л. Грдинова, Я. Геттеш, Г. Гусак, В. Кабрна, З. Млынарж, К. Нойберт, Я. Пиллер, Й. Пинкава, Ш. Садовский, В. Славик, Й. Смрковский, Л. Свобода, В. Шимечек, Б. Шимон, Й. Шпачек, А. Тяжкий и Й. Зрак.

Кандидатами в члены Президиума ЦК КПЧ являются Ф. Барбирек, Й. Ленарт, К. Полачек.

В Секретариат ЦК КПЧ дополнительно избраны: Й. Шпачек, Л. Ковальчик, первый секретарь Североморавского обкома КПЧ, и И. Секера.

Секретарем ЦК КПЧ избран Й. Шпачек, секретарь Южноморавского областного комитета КПЧ.

Главным редактором «Руде право» избран И. Секера.

Принята отставка О. Шика с поста зам. председателя Совета Министров ЧССР.

Таким образом, мы видим, что из руководящей группы ЦК КПЧ и Правительства ЧССР выведены как некоторые деятели, которых оценивали как догматиков, так и чрезмерно решительные радикалы, призывавшие к слишком быстрому проведению реформ и недооценившие возможность вмешательства извне со стороны союзников Чехословакии по Варшавскому Пакту. Перед Чехословакией весной 1968 года встала довольно сложная задача — провести свою программу реформ между Сциллой внешней и внутренней контрреволюции и Харибдой внешнего и внутреннего догматизма и неосталинизма. При этом следовало учитывать очень многие факторы, в том числе и такой фактор, как умственные способности своих оппонентов, особенно из числа неосталинистов. Чехословацким реформаторам не удалось выполнить свой сложный маневр, и хотя главная ответственность за возникшие осложнения и даже риск братоубийственной войны должна быть возложена на неосталинистов, однако кое в чем можно упрекнуть и крайних радикалов из ЦК КПЧ, которые допустили ряд непродуманных заявлений и действий.

В «Правде» приводятся выдержки из обращения Президиума ЦК Чехословацкой социалистической партии, в котором члены этой партии призываются к выполнению решений московских переговоров.

Наша печать постепенно перестраивается, однако многие материалы все еще крайне тенденциозно описывают обстановку в ЧССР.

В «Правде» за 4 сентября опубликована большая статья *Николая Грибачева* «Пророки и уроки». Эта статья написана с позиций грубого неосталинизма. «В последние годы, — пишет Н. Грибачев, — мы, литераторы, так задурили себя отвлеченным прекраснодушием, так — при поощрительных аплодисментах западных меценатов — наигрались в общие понятия добра и зла, что головы некоторых наших товарищей вознеслись до центра Крабовидной туманности, а пятки оторвались от последней пяди земли.

Только этим, — если уж не расчетами извлечь из чехословацких событий узконационалистические выгоды, что было бы, мягко говоря, ниже уровня элементарной порядочности, — только этим можно объяснить склонность мешать хрен с медом, политику с этикой и контрреволюцию с мифическим «возрождением социализма» в ... социалистической стране».

Итак, по мнению Грибачева, политику не следует смешивать с этикой. Это заявление следует, конечно, отметить и запомнить.

«Нет, — продолжает Н. Грибачев, — от фактов не уйти. А уже известные факты — многое нам еще наверняка предстоит узнать! — неопровержимо свидетельствуют, что дело шло к буржуазному перевороту. К ликвидации социализма в Чехословакии. К тому, что кратко может быть выражено формулой — МЮНХЕН ИЗНУТРИ.

Тому свидетельств — тьма. Агентство Франс Пресс: «Чехословакия собирается ... играть более активную европейскую роль — сблизиться экономически с Западом, и в частности с Федеративной Германией». Английская «Дейли телеграф»: «Чешское восстание готозилось медленно и долго, но, выйдя на поверхность, оказалось хорошо подготовленным». Обратим внимание — МЕДЛЕННО и ДОЛГО. И не какая-то «либерализация», а «ВОССТАНИЕ» ...»

Таким образом, различного рода безответственные выступления и писания буржуазных газет Грибачев выдает за доказательство того, что в ЧССР дело шло к буржуазному перевороту. Странное дело, когда те же самые «Дейли телеграф» или Агентство «Франс Пресс» пишут и сообщают что-нибудь о планах и намерениях советского руководства, мы сразу же заявляем о злостной клевете. А в отношении Чехословакии мы используем всякого рода домыслы буржуазной прессы как подтверждение наших собственных очень далеких от действительности домыслов и страхов.

В «Известиях» за 2 сентября опубликовано «Слово к друзьям» Маршала СССР И. Конева, почетного гражданина города Праги. Это «Слово» выдержано в ином тоне, чем

статья Грибачева. Вспоминая многие эпизоды освобождения Чехословакии, И. Конев говорит о мужестве генерала Л. Свободы и других воинов Чехословацкого корпуса в СССР. «А по ту сторону Карпат в партизанских соединениях сражался молодой тогда еще парень, нынешний первый секретарь ЦК КПЧ Александр Дубчек. Судьба не свела меня с ним тогда, но ветераны говорили, что он был боевым солдатом. Одним из руководителей партизан был Густав Гусак, нынешний первый секретарь ЦК КП Словакии. Чехословацкие товарищи показали себя в этих боях настоящими воинами, которые, невзирая на потери, продолжали выполнять поставленные задачи.»

Выражая свое сожаление по поводу действий молодежи в ЧССР, И. Конев пишет: «В одной из газет я прочел, что какие-то молодчики называли союзные войска «оккупантами». Чехи, словаки, вы хорошо знаете, что такое оккупанты и оккупация. Я был в деревне Лидице, которая, как известно, была уничтожена немцами за одну ночь. Всю деревню просто стерли с лица земли вместе с жителями, как будто ее и не было. Вот так действовали оккупанты. А сколько благородных подвигов совершили наши солдаты, спасая чехословацких друзей!

И если чехословацкие молодые люди в самом деле были убеждены, что мы пришли как оккупанты, вряд ли кто бы посмел погрозить кулаком и вообще приблизиться к нашим боевым машинам. Настоящим оккупантам вы бы не посмели пригрозить. Кулак не идет против танка, это не по науке. Да, наши солдаты еще раз продемонстрировали железную выдержку, дисциплину, организованность. В этом они сейчас видят свой высокий интернациональный долг.

Но вот вопрос. Как же это вы, участники словацкого и пражского восстаний, не смогли объяснить своим сыновьям истинную цель миссии наших войск? Вам, старшему поколению, знакома история?»

Этот вопрос Конева, обращенный к его бывшим военным соратникам, повисает, однако, в воздухе. Ибо не только молодежь Чехословакии, но и большинство участников словацкого и пражского восстаний не могут объяснить себе «истинную цель миссии наших войск». Почему эти войска

пришли в Чехословакию ночью и без всякого приглашения? А какие были у наших войск инструкции на тот случай, если бы чехословацкие войска и пограничники оказали бы им сопротивление? И почему наши войска первым делом арестовали в Праге бывшего храброго партизана, а ныне первого секретаря ЦК КПЧ Александра Дубчека и председателя ЧССР О. Черника? И таких же вопросов можно было бы задавать очень много.

2. 10 сентября. К положению в Чехословакии

Советские войска освободили помещения издательств и радиотелевизионных студий. Возобновился выпуск большинства чехословацких газет и вместе с этим возобновилась полемика между советскими и чехословацкими органами печати. Наши газеты подвергают тщательному разбору все намеки и оценки в чехословацкой прессе и довольно грубо одергивают чехословацких журналистов. «Известия» прямо пишет, что нормализация не должна быть формальной, что недостаточно наладить нормальную работу заводов, школ, магазинов и что необходима «нормализация отношений». (5/IX) Иначе говоря, пока чехи и словаки не почувствуют признательности за вступление советских и других войск в их страну и не станут *искренне* благодарить нас за этот акт, советские войска не уйдут из Чехословакии?

Наша печать резко критикует позицию Югославии и Румынии, но умалчивает о позиции Итальянской коммунистической партии, которая не только продолжает выступать против вступления советских войск в ЧССР, но и вынесла на этот счет специальное решение своего пленума ЦК.

В «Правде» опубликована речь Гомулки на стадионе Десятилетия в Варшаве. Пожалуй, это первая речь политического деятеля одной из пяти стран, принявших участие в «чехословацкой акции» стран Варшавского Пакта. Ни один из членов нашего Политбюро пока еще не выступил публично с объяснением причин и задач вторжения.

Со многими утверждениями Гомулки никак нельзя согласиться. Он заявляет, например, что «у нас имелось больше, чем у кого-либо, данных на то, чтобы определить сте-

пень угрозы социализму в Чехословакии и вытекающей из этого опасности для наших государств и народов.» Разумеется, больше всего прав и данных для такого анализа имелось у чехословацкой, а не польской или советской компартий.

«Чехословакия, — заявил Гомулка, — оказалась на наклонной плоскости, ведущей к реставрации капитализма, к расторжению союза с социалистическими государствами. ...И пусть каждый, кто, выступая во имя отвлеченного суверенитета, прежде чем решиться осудить ввод войск в Чехословакию, осознает, быть может, забытый им или неизвестный ему факт, что каждый день гитлеровской оккупации в нашей стране приносил в среднем гибель трех тысяч ее жителей.» Подобные приемы граничат с демагогией.

Мне рассказали о большом ущербе, который причинен Чехословакии вступлением войск Варшавского Пакта. Очень велик прямой ущерб, например, тяжелые советские танки повредили асфальтовое покрытие на многих дорогах. Значителен также косвенный ущерб от забастовок и нарушения нормальной работы транспорта, прекращения иностранного туризма и т. д.

На переговорах в Москве мы согласились покрыть только прямые убытки, отнеся все остальное за счет «действий контрреволюции».

В советских газетах почти ничего не сообщается о выступлениях А. Дубчека или Й. Смрковского, но очень подробно излагаются речи первого секретаря ЦК Компартии Словакии Г. Гусака. Ш. говорит, что у нас все больше «присматриваются» к Гусаку. Следовало бы больше думать о том, что в Чехословакии сейчас решает дело не тот или иной политический деятель, а настроение широких народных масс. Впрочем, и Гусак и Чрезвычайный съезд компартии Словакии, состоявшийся уже после московских соглашений, ни одним словом *не одобрили* вступления войск Варшавского пакта в ЧССР. Об этом говорят лишь как о реальности, с которой приходится считаться. В своем недавнем выступлении на пленуме ЦК КПЧ Г. Гусак говорил о двух экстремистских течениях, которые существуют в партии. Первое из них считает, что ввод войск пяти стран

и московские соглашения означает возвращение доянварских отношений в КПЧ. Второе течение отвергает московские соглашения, требуя безоговорочного вывода войск пяти стран. По свидетельству Г. Гусака, в Чехословакии *ни один гражданин ЧССР не был задержан и заключен в тюрьму советскими органами. И у советских войск нет намерения это сделать.*

Г. Гусак отметил, что генеральной линией партии во внутренней политике остается процесс демократизации. Партия не откажется от выполнения своей Программы действий, но она будет исправлять ошибки и недостатки прошедших месяцев.

«В работе нашего политического руководства с января до августа, — как заявил Г. Гусак, — недооценивались две группы проблем. В нашей политической работе имели место: недооценка международных факторов, недооценка влияния и реального веса внешних факторов в нашей внутренней обстановке, отношения нашей внутриполитической обстановки и ее развития к этим международным факторам.

Из других проблем, которые недооценивались, — это определенная непоследовательность в нашей собственной внутренней политике, непоследовательность в позиции и действиях относительно действительно антисоциалистических сил, относительно разных клубов, таких, как «клуб 231», и тому подобных.

Непоследовательность проявлялась также в области печати, радио, телевидения и т. п. Мы хорошо знаем, что имели место поступки, мешавшие нам не только в решении внешнеполитических, но и внутренних вопросов. Такие выводы необходимо сделать из нашего опыта — мы хотим твердо придерживаться линии процесса демократизации, но без авантюристических и анархистских выходок и без злоупотребления свободой, которую мы хотим обеспечить для самых широких слоев населения.»

Вместе с тем «Правда» резко критикует многие статьи почти всех словацких газет. В статье «Кому они служат?» спец. корр. «Правды» А. Мурзин обрушивается на братиславские газеты «Люд», «Вечерник», «Смену», «Правду».

Особое негодование Мурзина вызывает тот факт, что эти газеты одобрительно отзываются о работе словацких средств массовой информации в период 21-27 августа. При этом сам Мурзин крайне оскорбительно отзывается о деятельности словацких журналистов в критические дни августа, называя их при этом «журналистами-подпольщиками». По отношению к кому же они были подпольщики?

С возмущением цитирует Мурзин следующие слова из резолюции областного собрания журналистов в Кошице: «Четырнадцать дней проверили твердость наших рядов. Даем слово нашим читателям, радиослушателям, телезрителям, что хотя у нас не будет возможности говорить все, из наших уст и из под нашего пера не выйдет ничего, что противоречило бы нашей совести». Особенно возмущает Мурзина, что в словацких газетах «между строк» пишется, что в стране не было никакой контрреволюции, что это все только предлог для того, чтобы вторгнуться в страну и навязать ей свой образ мыслей. «До прихода войск, — пишут словацкие газеты, — был порядок, а теперь его нет.» Мурзин называет словацких журналистов «жуликами пера». В качестве доказательства наличия контрреволюции в Словакии Мурзин приводит сведения о том, что в дни оккупации Братиславы из здания Национального Совета Словакии, а также в здании почты и телестудии было изъято советскими солдатами 55 автоматов, 8 пулеметов и 17 пистолетов. Но он ничего не говорит о том, кому принадлежало это оружие: контрреволюционным организациям или рабочей милиции и охране? Надо полагать, что и в московском Кремле и в здании ЦК КПСС в Москве можно было бы найти немало оружия.

Мне рассказали, что все почти советские журналисты, направленные 20-21 августа в Чехословакию (их было, по-видимому, не менее 20 человек), получили на месте офицерскую форму, причем на кителе у каждого журналиста была приколота медаль «За освобождение Праги». И журналисты носили эту медаль, хотя большинство из них никакого участия в освобождении Праги не принимало. А теперь А. Мурзин учит словацких журналистов тому, что такое честность и совесть!

3. Речь Фридриха Дюрренмата в городском театре г. Базеля

Один из крупнейших драматургов современности Ф. Дюрренмат произнес 8 сентября 1968 года в городском театре г. Базеля речь по поводу событий в Чехословакии. Хотя не все положения этой речи бесспорны, а некоторые явно ошибочны, в целом она представляется одним из интересных документов, выражающих позицию западной интеллигенции.

«Дамы и господа, — сказал в своей речи Дюрренмат.

— Я думаю о Чехословакии. Я думаю о Праге. Я думаю о населении, которое было полно надежд, а сейчас полно безнадежности. Я думаю о моих тамошних друзьях. Я думаю об актерах, режиссерах, художниках сцены, драматургах, переводчиках. Я думаю о писателях, и я думаю о коммунистах, определенных коммунистах. Я думаю о разговоре с австрийским коммунистом Эрнстом Фишером, и я думаю о рукописи швейцарского коммуниста Конрада Фарнера. Я ничего не знаю о судьбе многих пражских друзей. Для русских Эрнст Фишер — худший из еретиков, а Конрад Фарнер для некоторых швейцарцев — изменник Родины. Но я горжусь им. Швейцария была бы без него еще беднее, а из-за того, что она его не признает, она беднее, чем могла бы быть. Он имеет несчастье жить в стране, где самодовольство возведено в политический культ. Коммунист — это почетное имя, а не бранная кличка, и пражские коммунисты доказали это. И мы можем отдать должное их мужеству только в том случае, если мы не превратим нашу манифестацию в антикоммунистическую. Я не политический мыслитель, я драматург. Я размышляю о мире, пропуская его через сцену, и мое внимание соответственно больше привлекают парадоксы и конфликты нашего мира, чем еще возможные пути его спасения. Я диагност, а не терапевт, и я думаю — это не будет ошибкой, если я определю наше время, как время политических преступлений. Первая и вторая мировые войны, фашизм и неофашизм, сталинизм, Венгрия, Тибет, шайка Чан Кай-Ши, Мао Цзэ-дун, война США во Вьетнаме, политические убийства в США, геноцид, Израиль, Биафра и теперь — оккупация Чехословакии. Список политических преступлений, совер-

шенных политическими деятелями, этим еще не исчерпывается.

Против этого протестовали, кричали, писали, говорили, собирали деньги, многих за это преследовали, арестовывали, убивали. Но все эти протесты содержали в себе нечто культовое. Они не препятствовали преступным фактам, они были пронизаны чувством бессилия, по крайней мере в том смысле, чтобы что-нибудь сделать. А иногда случалось и противное здравому смыслу. Люди, которые раньше кричали: «Лучше мертвым, чем красным», кричат сейчас «Дубчек! Свобода!»

И если я сегодня, как писатель в театре, где я работаю, беру слово, то не для того, чтобы протестовать, а для того, чтобы анализировать.

Протест — это дело эмоциональное и, конечно, необходимое. Анализ — это то, что требует продумывания, и я не был бы писателем, если бы в тех фразах, которые я здесь произношу, я не ставил бы вопросов, требующих продумывания.

Действительно ли мы живем во времена политических преступлений. Не субъективно ли это? Не театральное ли преувеличение? Может быть, понятие преступления необъективно? Ведь для США — преступник Вьетконг, а для Вьетконга — США, для чехов — русские, а для русских — чехи, а для китайцев мы все вместе взятые. Политика всех времен вела кровавые войны, и не только политика, но и религии, общественные и хозяйственные системы всех времен политы кровью, всегда большие пожирали малых, а малые — крошечных. Орды варваров с Запада напали на Иерусалим, чтобы убивать тысячи и тысячи людей, которые были куда образованней, чем они. В Америке были выкорчеваны древнейшие культуры. Династии нападали одна на другую, как дикие звери. Но свои крестовые походы сами агрессоры рассматривали не как преступление, а как святое дело, еретиков сжигали, чтобы спасти их души, церкви нападающих друг на друга стран молили того же самого Бога, и считалось счастьем умирать за отчизну. А сегодня многое из этого кажется нам бессмысленным.

Потому что развитие человечества определяется не только суммой его войн, но также и развитием человеческого духа, развитием сознания. И потому, что существует такое развитие, мы и воспринимаем определенную политику, определенные общественные и хозяйственные структуры и определенные виды мышления как преступные. Человек, который демифилогизировал природу, если он мыслит последовательно, должен демифилогизировать и политику. Демифилогизирование природы произошло благодаря человеческим размышлениям о природе, человек постиг суть собственного мышления и научился применять его, открыл метод, с помощью которого научился описывать определенные функции природы и овладевать ими. Человек стал критичным по отношению к природе. Однако человек, который больше не стоит *в природе*, а стоит *против* природы, стоит также против политики и не стоит больше в ней. Он стал также критичен и в политике. И если я называю наше время временем политических преступлений, то это именно потому, что я не верю больше тому флеру, которым политика прикрывает свои поступки. Войну против какой-нибудь страны или оккупацию какой-нибудь страны нельзя больше рассматривать как необходимость или извинять ее любовью к отечеству, государственными соображениями, верностью определенной партии или определенной идеологии. Такие поступки предстают передо мной вовсе не как политические действия, а именно как преступления. Сартр прав, когда он рассматривает многих деятелей США и СССР как военных преступников. Для некритически мыслящего человека государство — это мифологический образ, для критически мыслящего — это осознанная фикция, создаваемая человеком, чтобы облегчить совместную жизнь людей. Государство — это установление, лишенное какой-либо мистической ценности, оно само должно функционировать для человека и потому нуждается в человеческом контроле. Духовная свобода, которой мы должны требовать от каждой политической системы, является важнейшим политическим требованием, потому что только через нее возможна критическая политика, не делающая из государства мифологического пугала, а, наоборот, рассматривающая его как человеческое установление. Только духовное освобождение может помешать государству стать тотальным и предъявить тотальные требования. Духовная свобода ставит не-

переходимую границу между человеком, как индивидуумом, и государством, как институтом. Это требование мы должны поставить и перед странами, управляемыми коммунистами, что весьма парадоксально, т. к. именно коммунизм пытается понять эпоху науки и развитой индустрии, чтобы исходя из этого познания, создать для человека возможно большую свободу и определить его необходимые обязанности. Коммунизм — это предложение разумного устройства мира, предложение изменить мир на разумной основе. Мысль и бытие не идентичны. Разумное переустройство мира не может осуществляться только через чистое мышление. Те, кто доволен этим миром, кто извлекает выгоду из его несправедливости, не хочет менять мир. Изменять его хочет лишь тот, кто познал его неразумный порядок, тот, кто надеется путем изменения мира улучшить свое положение, т. е. угнетенные и нуждающиеся. Не будем обольщаться благосостоянием многих миллионов, которое мы видим сегодня. Перспектива, наблюдаемая в сытой Швейцарии, обманчива. Планета, на которой мы живем, плохо организована, многие области перенаселены, возможности техники используются только частично, и большая часть людей голодает.

Но требование диктатуры пролетариата — тактическое предложение для изменения мира — было сделано без учета человеческой природы. Эксплоатируемые должны брать власть в союзе с мыслителями. Пролетариат — понятие массовое и как таковое является сознательной фикцией. Эта фикция «в себе» может также мало управлять, как государство «в себе». Управлять могут только люди через партию. Поэтому решающим является то, чем эта партия будет для людей. Будет ли она способна к дальнейшему развитию мысли, осмелятся ли руководители этой партии подвергнуться риску свободы духа для людей, останется ли эта партия человечной или она будет только фикцией, рабочей гипотезой политики, фикцией в которую верят, вместо того, чтобы ее познавать, которая абсолютна и мифологична, как святая церковь.

И она стала мифологической: инструментом, при помощи которого немногие господствуют над многими, отговорка для властителей, которые под предлогом изменения мира остаются у власти, арена, на которой властители борются за

свою власть. Ортодоксальный коммунизм, с его партийной иерархией, тайной полицией, стал для нашего нынешнего мышления логически невыносим, он стал преступным. Бессмысленно было бы отрицать успехи, достигнутые русским коммунизмом. Но эти успехи достигнуты ценой чудовищных жертв. Русский народ стал образованным народом. Но также бессмысленно замалчивать, что благодаря воцарению святой партии, проявляющей себя только культово и инквизиторски, русский народ стал аполитичным, мелкобуржуазным народом, не управляющим, но позволяющим собой управлять, о котором заботятся и за который думают, который укладывают и кормят, чью интеллигенцию угнетают, потому что окостенелая партия боится любых перемен. Коммунизм нашего времени может выжить, только если он откажется от мифа о непогрешимой партии, если он будет мыслить дальше и станет демократическим. Если ему это не удастся, он оттолкнет человечество на столетия назад, отвлечет его от подлинных проблем, запутает его снова в национализме, приведет к бессмысленным культурным битвам и религиозным войнам.

Судьба коммунизма — это наша собственная судьба. Только если мы сами останемся реакционерами, можно будет сказать, что советские и ГДРовские реакционеры победили в Чехословакии. Мы сами должны дальше думать о демократии, потому что демократия, практикуемая нами, несет на себе тоже во многом мифологические черты и, как советский коммунизм, во многом тоже является культовой. Подумаем о комедии партийных конгрессов в США, о беззастенчивости, с которой некоторые партии именуют себя христианскими, об иллюзиях, которые поддерживаются, чтобы нажить политический капитал, о поддержке диктаторов, об экономическом вымогательстве под предлогом спасения какой-нибудь страны от коммунизма, а также и о том, что и мы презираем человека, поскольку мы им манипулируем.

Конрад Фарнер видит в христианстве необходимое сопоставление. Таким сопоставлением является и коммунизм. Человек несовершенен. Действительность, которую он творит, всегда под угрозой самого человека. Так человек создает фикции, в которые верит, пока не осознает, что это фикции, и разрушает их, чтобы создать новые, чтобы когда-

то снова их пересмотреть. Однако масштабы, в которых все это происходит, в которых он сопоставляет себя и свою действительность подчас приводят к тому, что этот мир становится бесчеловечным. В Чехословакии человеческая свобода в ее борьбе за справедливый мир проиграла битву. Битву, но не войну: война против догматиков насилия продолжается, какие бы маски коммунистов, ультракоммунистов или демократов они не носили. Как вести эту борьбу в беде, в условиях технически развитой страны, где нет выхода на отступление в джунгли, показывает нам чехословацкий народ. Чтобы все это пережить, его армия не играет в нибелунгов, но своим ненасильственным сопротивлением потрясает систему насилия, и, может быть, смертельней, чем мы в состоянии предчувствовать.»

4. О *положении в Чехословакии на 15 сентября*

Состоялся кратковременный визит Председателя правительства ЧССР О. Черника в Москву. Переговоры, согласно Коммюнике, проходили в дружественной, товарищеской обстановке. Вероятно, в результате этих переговоров советские войска выведены из Праги, Брно, Братиславы и Кошице и расположены в лесных массивах недалеко от городов.

Несколько тысяч чехословацких граждан эмигрировало из страны. Сообщается о приезде чехов и словаков в Канаду и Австралию. Руководители Чехословакии опубликовали призыв ко всем чехословацким гражданам, находящимся за границей, вернуться в страну, гарантируя их свободу и неприкосновенность.

«Известия» критикует некоторые из статей пражской газеты «Свободне слово». Эта газета является органом Чехословацкой социалистической партии. Так что от нее трудно требовать особой лойяльности. Кстати и сама газета «Известия» до сих пор печатает крайне тенденциозные и прямо лживые сообщения о положении в Чехословакии. Так, например, в номере от 11 сентября опубликована статья И. Чхиквишвили «Социализм и свобода». Рисуя самыми черными красками обстановку в Чехословакии *перед* вступлением советских войск, автор утверждает, что в

Чехословакии «страницы прессы были наглухо закрыты для тех, кто хотел выступить в защиту завоеваний социализма». Это явная ложь. В течение всего 1968 года чехословацкая пресса печатала множество статей и материалов, выступлений и документов в защиту завоеваний социализма. Достаточно просмотреть газету «Руде право». Многие из статей и материалов, которые цитируются нами как антисоциалистические, подвергались критике и в чехословацкой прессе. Чхиквишвили пишет, что на пражских улицах *еще до вступления* советских войск «...появились плакаты с нарисованной виселицей и указанием имен «предателей». Списки эти ежедневно пополнялись фамилиями неугодных контрреволюционным силам коммунистов и вообще честных людей, выступавших в защиту социализма, за дружбу и сотрудничество с Советским Союзом».

Все это явная передержка. Никаких плакатов с виселицами на улицах Праги до вступления советских войск не было. Подобные плакаты были выставлены кое-где лишь после 21 августа.

В наших газетах писали, что О. Шик решил эмигрировать из Чехословакии и даже о том, что ему предложен какой-то пост в США. Сейчас объявлено, что О. Шик назначен экономическим представителем ЧССР в Югославии.

«Правда» публикует в изложении Заявление Чехословацкого правительства, с которым О. Черник выступил 13 сентября на заседании Национального собрания ЧССР. О. Черник положительно оценил деятельность чехословацкого правительства в период с января по август 1968 г. (эта часть Заявления Правительства ЧССР «Правдой» не излагается). Вместе с тем Черник и [критикует] ряд ошибок послеянварского развития. «Основной линии послеянварской политики, принятой большинством народа, — говорится в Заявлении Правительства ЧССР, — были противопоставлены экстремистские тенденции: как догматические, ведущие к возврату назад, так и правые, которые, фальшиво обобщая ошибки нашего развития после 1948 г., приходили к отрицанию руководящей роли партии, к сомнениям или даже к открытому отрицанию социализма. Проведение в жизнь таких тенденций было политически безответственным по отношению к интересам и целям нашего общества.

В короткий отрезок времени, в течение нескольких месяцев, продолжал докладчик, наше развитие в ряде случаев приобрело характер поспешности и неуравновешенности. Мы не сумели вовремя сделать анализ тенденций, которые касались как изменений внутриполитического устройства страны, так и их последствий для нашего международного положения».

Это указание О. Черника на ошибки послеянварского развития является совершенно правильным, однако все эти ошибки никак не оправдывают вооруженного вторжения войск Варшавского Пакта в ЧССР. Такое вторжение наносит коммунистическому движению во всем мире ущерб неизмеримо больший, чем все ошибки ЦК КПЧ в 1968 году.

«Все органы государства, — заявил О. Черник, — и Национального фронта должны решительно осуществлять шаги, направленные на нормализацию жизни, на усиление влияния Национального фронта и его руководящей силы — КПЧ, на развитие социализма, шаги, ведущие к ослаблению правых и других экстремистских сил, к укреплению социалистического содружества и ослаблению влияния мирового империализма на его развитие. Мы требуем, чтобы печать, радио и телевидение как можно яснее освещали вопросы нормализации.

Мы верим, что наш народ, рабочий класс, крестьянство и интеллигенция во всей полноте поймут нынешнюю сложную обстановку и поддержат процесс консолидации. Из этого процесса социализм должен выйти еще сильнее, а наша социалистическая республика — еще прочнее».

«Правительство, — подчеркнул О. Черник, — заявляет, что чехословацкие органы в случаях, строго установленных законом, могут посягать также на личные права и свободу граждан в соответствии с чехословацкими законами и в рамках этих законов».

Докладчик указал на необходимость обеспечить надлежащую охрану интересов республики и не дать возможности использовать гражданские свободы для нанесения ущерба интересам государства и социалистического общества.

Мы должны также открыто сказать, заявил он, что для защиты социалистических завоеваний народа, в борьбе про-

тив тех сил, которые захотят организованно выступить против социалистического строя, против интересов республики и ее народа, против действующих законов нашей республики, правительство использует все средства, имеющиеся в распоряжении государства.

Остановившись на роли средств массовой информации в современном обществе, О. Черник указал на повышение требований, предъявляемых к деятельности всех средств массовой информации, и подчеркнул их большую ответственность перед социалистическим обществом. Он отметил, что неправильное понимание демократии позволило в средствах массового воздействия зазвучать и экстремистским голосам, выступающим с позиций отрицания всего, чего чехословацкий народ добился за истекшие двадцать лет.

Правительство осуществляет меры контроля за печатью, радио и телевидением и руководство ими, чтобы интересы республики не были поставлены под угрозу.

«Правительство, сказал докладчик, через свои органы будет оказывать влияние на средства массовой информации в том смысле, чтобы печать, радио и телевидение поддерживали политику правительства и уважали интересы государства. Оно принимает меры, которые обеспечат, чтобы дело не доходило до неправильного освещения политических вопросов, противоречащего интересам государства и его конституционных органов».

В нашей печати, которая в первой половине сентября занимала скорее защитно-оправдательную позицию, появились новые нотки. Так, например, в международном обзоре «Правды» за 15 сентября говорится буквально следующее: «Пройдут годы, но прогрессивное человечество никогда не забудет той стойкости и мужества, дальновидности и решимости, которые проявили народы пяти социалистических стран в этот исключительно ответственный момент, выполняя свой высший интернациональный долг.»

В этом же обзоре выдвигается концепция «упреждающего удара».

«События истекшей недели, — пишет «Правда», — с новой силой показали, сколь своевременным и неотложным

был упреждающий удар по планам контрреволюционных сил в Чехословакии, действовавших в тесном контакте с разведывательными и пропагандистскими органами ФРГ, США и других стран НАТО».

Концепция «упреждающего удара» — это весьма сомнительная и опасная концепция. Фактически это иное изложение старой концепции наиболее реакционных кругов США насчет «превентивной войны». Но ведь при помощи рассуждений об «упреждающем ударе» или «превентивной войне» можно оправдать любые действия. Ведь и сейчас наши противники не отказались от тех или иных попыток уничтожить советский строй, какие-то враждебные нашей стране планы создаются сейчас и в Китае. Что же, нужно и здесь нанести упреждающий удар? Конечно, нужно всегда бороться с врагами. Однако формы и методы борьбы должны соразмеряться с опасностью. И прежде чем наносить в Чехословакии «упреждающий удар» по контрреволюции, нужно было оценить не только силу этой контрреволюции, но и возможности чехословацких коммунистов отстоять от контрреволюции завоевания социализма.

В «Известиях» и в «Правде» продолжается резкая критика О. Шика и В. Гаека. Чехословацкие газеты берут их под защиту и «Руде право» поместило письмо группы чехословацких экономистов в защиту О. Шика и его предложений по экономическим проблемам. Гаек все еще остается министром иностранных дел. В Чехословакии вот уже больше недели находится заместитель министра иностранных дел СССР Кузнецов. Должно быть, он выполняет функции советского посла, так как Червоненко себя полностью скомпрометировал в глазах руководителей ЧССР.

В Чехословакии положение настолько нормализовалось, что стало возможным провести международную ярмарку в Брно. Снова открыт въезд в страну иностранным туристам.

Английское радио сообщило о каком-то письме 88 советских писателей своим чехословацким коллегам. Под этим письмом нет, однако, подписей, а число 88 упоминается в тексте. Вероятнее всего, это фальшивка. Или же письмо составлено одним-двумя писателями и затем «замаскировано» под коллективное письмо.

5. О *советско-чехословацких отношениях. 16-25 сентября*

В газете «Правда» опубликованы некоторые краткие выдержки из выступления А. Дубчека по радио и телевидению. Как и прежде «Правда» публикует лишь те места из речей чехословацких руководителей, которые хотя бы частично отвечают нашим концепциям. Все остальное опускается. По свидетельству «Правды» А. Дубчек заявил, что «Московские соглашения — это реальность, которая представляет возможность для дальнейшего развертывания работы в партии и в стране, а также возможность для выхода из нынешнего положения».

«Наша работа, работа коммунистов и всех других трудящихся и в дальнейшем, безусловно, будет характеризоваться тем, что для антисоциалистических сил и впредь не будет предоставлено места при осуществлении программы действий и всего того, что мы называем послеянварской политикой . . . Мы ни под каким видом не позволим никому проводить антисоциалистическую деятельность, которая находилась бы в противоречии с нашей послеянварской политикой».

«При быстром развитии по неизведанному пути, продолжал А. Дубчек, естественно, имели место и определенные неблагоприятные явления, на которые мы много раз указывали. Зачастую некоторые поступали необдуманно, появились запутанные взгляды: в нервозной атмосфере много раз имело место излишнее очернение проделанной работы и некоторых честных товарищей. Появились попытки отдельных лиц злоупотребить некоторыми клубами, восстановить социал-демократическую партию и т. п. В этих тенденциях, в попытках основать социаль-демократическую партию мы видели нежелательное политическое явление, которое серьезно нарушило бы единство марксистской коммунистической партии, единство рабочего класса.

Понятно, что и ныне антисоциалистические силы и их остатки могут нанести вред нашему развитию и выполнению Московских соглашений, сказал далее А. Дубчек. В этом им оказали бы соответствующую поддержку империалистические силы, которые никогда не относились благожелательно к процессу демократизации в нашей республике, к укреплению социализма в нашей стране».

Еще более подробно говорил об ошибках послеянварского развития в Чехословакии Г. Гусак, выступая на заседании ЦК Национального фронта Словакии. «В эти месяцы, — сказал Гусак, — у нас пришли в движение и антисоциалистические силы, те силы, классовые корни которых за двадцать лет после февраля 1948 года не отмерли и остались в сознании людей, сохранились в нашем обществе и в старой или новой форме проникали в общественную жизнь. Мы знали об этом, и мы говорили об этом много раз. Речь идет не только о том, что были попытки восстановить социал-демократическую партию в чешских областях, что были попытки восстановить некоторые другие политические движения, но и о том, что силы, потерпевшие поражение в феврале 1948 года, по сути дела вновь пытались легализовать себя.

Имели место силы, которые проявлялись в таких клубах, как КАН (клуб беспартийных активистов — Прим. ред.), в попытках сформировать политическое католическое движение и т. д. При этом все, каждый в этом государстве были за социализм. Никто публично не заявил, что он против социализма, только некоторые люди представляли его по-своему, по-своему толковали основное понятие социалистического общества, понятие политической власти трудового народа.

Что касается внешней политики, то и здесь дело обстояло подобным же образом. Правильная ориентация внешней политики — основа существования и безопасности государства. В эти месяцы при официальном подчеркивании отношений с союзниками одновременно росли тенденции, критикующие эту нашу внешнюю политику, нашу внешнюю ориентацию. Правда, эти отрицательные явления не стали определяющими фактором нашей политической жизни. Определяющим политическим фактором было здоровое ядро в послеянварском развитии, однако отрицательные тенденции тут были налицо. В нашей политической жизни появились и рассчитанные на эффект дешевые приемы, жонглирование большими словами, подлаживание под настроение и т. д. В нашу политическую жизнь попали элементы романтизма, романтического фантазерства, шли разговоры о такой свободе, демократии, каких еще свет не видел, о такой свободе слова и печати, которой еще никогда не

было и нигде нет. Этим самым мы открыли путь авантюризму и авантюристическим выпадам. И это было составной частью нашего послеянварского развития. Я напоминаю об этих отрицательных явлениях, потому что к ним мы не можем и не будем возвращаться.

В нашем послеянварском развитии, сказал далее Г. Гусак, проявился и другой опасный момент — недооценка иностранных взаимосвязей нашей политики. Каждый знает по опыту своей повседневной жизни, что хорошо живет тот, кто умеет хорошо уживаться хотя бы с соседями. Этого принципа должно придерживаться и государство и особенно последовательно — малое государство.

Мы имеем право, заявил оратор, отстаивать национальный, государственный суверенитет, его обеспечение является нашей обязанностью. Однако нашей обязанностью является также необходимость подумать о том, какие недостатки и ошибки были у нас, достаточно ли упорно мы боролись и достаточно ли последовательно проводили свою политику, на том ли уровне мы сохранили наши отношения с соседями и союзниками. Нужно это честно проанализировать». («Правда», 20 сентября).

Многое из того, о чем говорят сейчас Дубчек и Гусак, было известно и раньше. Об этом говорилось, например, на майском пленуме ЦК КПЧ. Компартия Чехословакии видела и раньше многие опасности и издержки быстрой демократизации и пыталась бороться с этими опасностями. Поэтому нынешние высказывания чехословацких руководителей никак не означают оправдания нашего вмешательства во внутренние дела КПЧ и ЧССР. Ведь и Гусак говорит, а «Правда» печатает, что определяющим политическим фактором были не отрицательные явления, а здоровое ядро в послеянварском развитии.

Во всяком случае, речи Гусака и Дубчека свидетельствуют об искреннем желании руководителей КПЧ исправить некоторые вредные наслоения послеянварского развития. Однако присутствие советских и других войск на территории ЧССР никак не способствует выполнению этого стремления. Ибо те наслоения, которые возникли после вторжения в ЧССР и в результате этого вторжения, исправить

и изжить гораздо труднее, чем то, что было до 21 августа. И чем дольше будут оставаться в ЧССР наши войска, тем труднее будет работать руководителям КПЧ.

«Известия» поместила 20 сентября крайне тенденциозную статью В. Фединина «Кривое зеркало», в которой критикуются (и во многом извращаются) предложения О. Шика насчет новых принципов хозяйствования. Можно подумать, что экономическая реформа в ЧССР была делом одного О. Шика. Правда, В. Фединин говорит несколько похвальных слов в защиту нового порядка планирования и управления экономикой ЧССР. Однако речь идет лишь о тех мероприятиях, которые были разработаны еще XIII съездом КПЧ при Новотном и которые. как показала практика, были недостаточны. В. Фединин приводит следующие данные: за первое полугодие 1968 года производительность труда возросла в ЧССР на 4,2 %, а заработная плата на 7,5 %. Конечно, зарплата не должна расти быстрее, чем производительность труда. Однако данные на этот счет всего за одно полугодие ни о чем не говорят. Бывают периоды, когда приходится быстрее повышать заработную плату, чтобы стимулировать в дальнейшем производительность труда. Кроме того, неизвестно, каким было до 1968 года соотношение в росте зарплаты и производительности труда. Во всяком случае, нужно отметить, что повышение производительности труда всего за полгода на 4,2 % — это огромное достижение новой экономической администрации.

«Правда» сообщает об отставке В. Гаека с поста министра иностранных дел. Эти обязанности возлагаются на О. Черника. Сообщается так же об эмиграции в США Ивана Свитака, которого «Правда» называет идеологом контрреволюции. «Известия» в статье «Внутренний эмигрант» критикует одного из редакторов газеты «Нова свобода» — органа Северо-Моравского обкома КПЧ И. Кубичека.

Стало известно о стремлении чехословацких руководителей приехать в Москву для переговоров Однако советская сторона откладывает встречу. Нас не устраивает якобы состав чехословацкой делегации, которая будет возглавляться на этот раз Александром Дубчеком.

«Известия» в передовой статье 25 сентября пишет о важности Братиславского заявления и вместе с тем пытается

каким-либо образом связать соглашение в Братиславе и ввод советских войск в ЧССР. Между тем одно слишком явно противоречит другому. Газета пишет, что «среди населения ЧССР заметно растет понимание необходимости ввода союзных войск в страну». Это утверждение вызывает сомнение. Просто люди принимают наличие наших войск как реальность и стараются как то приноровиться к этой реальности.

В Чехословакии объявлено о смещении руководителей радио и телевидения. Это сделано, по-видимому, по нашему требованию. Однако ЦК КПЧ отказывается проводить более основательную «чистку» среди журналистов и других работников средств массовой информации. В газете «Руде право» опубликованы материалы с резкой критикой ГДР и политики ее руководителей в отношении Чехословакии. Оказывается в ГДР продолжает работать радиостанция «Влтава», выдающая себя за чешскую радиостанцию. В ГДР продолжает печататься и фальшивая чешская газета, присвоившая себе название «Руде право». Эта псевдочешская газета начала выходить еще с 26 августа и ее издание не было до сих пор прекращено, несмотря на московские соглашения.

Во всех наших газетах отмечается медленность процесса нормализации в ЧССР в политической области. «Правда» пишет о стремлении враждебных элементов в ЧССР «любыми способами бередить нанесенные ими самими раны». Таким образом всю ответственность за ненормальное положение в стране мы возлагаем на чехословацкую сторону. При такой позиции нормализация *не будет достигнута никогда*. Непримиримость нашей позиции неизбежно будет питать и экстремизм в Чехословакии, который будет развиваться вопреки ЦК КПЧ и будет осложнять положение компартии Чехословакии. Сообщается, например, о том, что экстремисты сбросили в г. Трутнове с постамента советский танк «Т-34», участвовавший в освобождении этого города. Разрушен памятник советским воинам близ Брно.

В статье «Единство. Но на какой основе?» газета «Правда» критикует лозунг национального единства, выдвигаемый многими чехословацкими газетами. «В обращении к населению Восточно-Чешской области, — пишет «Правда», —

принятом на пленуме обкома КПЧ, звучат явно националистические нотки воспевания «силы единства», будто бы проявившегося в августовских событиях. В этом документе, в обход марксистско-ленинских положений относительно идеологических и классовых основ национального единства, выдвигается тезис о необходимости «ориентироваться не на то, что нас разделяет, а лишь на то, что нас соединяет», и утверждается, будто правильность такого подхода «продемонстрирована в чрезвычайных событиях минувших дней». «Нечего и говорить, — заявляет «Правда», — что подобные заявления далеки от марксизма, как небо от земли.» (22 сентября, статья Е. Григорьева и В. Журавского).

В данном случае именно наши действия очень далеки от марксизма. И если бы компартия Чехословакии поддержала вторжение войск Варшавского пакта, то, конечно, национальное единство было бы расколото, однако именно компартия оказалась бы в меньшинстве и потеряла бы большую часть своих членов. Марксизм вовсе не учит пренебрежению к национальным чувствам малых народов. И когда какая-либо крупная империалистическая страна угрожает национальной независимости какой-либо малой страны, то коммунисты этой малой страны в полном согласии со своей доктриной выступают за единство действий в защиту национальной независимости со всеми другими политическими группами, также выступающими против империализма. Почему коммунисты малой социалистической страны не могут действовать таким же образом, когда грубое нарушение национальной независимости и суверенитета этой страны исходит от другой социалистической страны? Конечно, марксизм-ленинизм вообще не предусматривал возможности подобного рода острого конфликта между двумя социалистическими странами. Но если в конфликте между СССР и Китаем вся ответственность лежит на китайских руководителях, то в конфликте между СССР и ЧССР главная ответственность лежит на наших руководителях.

В Чехословакии в октябре и ноябре намечалось провести несколько международных конгрессов и конференций по различным научным проблемам. Эти встречи ученых не отменены, однако чехословацкая сторона аннулировала приглашения советским ученым (и, видимо, ученым дру-

гих стран Варшавского пакта, кроме Румынии. Так, например, советские ученые, готовившиеся принять участие в международной конференции по электронике и вакуумной физике в Праге, получили следующее стандартное извещение:

«Дорогой товарищ! События последних дней августа, несомненно известные Вам, повлияли на все сферы нашей жизни. Мы полагаем, что пока в нашей стране находятся иностранные войска, участие граждан СССР в нашей конференции было бы неудобно. По упомянутой причине мы исключили из программы Ваше участие, хотя и сожалеем о потере Вашего личного научного вклада. Оргкомитет конференции.»

Между чехословацкой армией и другими армиями Варшавского пакта устанавливаются некоторые деловые контакты.

Наши корреспонденты в ЧССР продолжают, однако, придирчиво следить за всеми публикациями в чехословацкой прессе, одергивая некоторых «строптивых» чехословацких журналистов и призывая к усилению цензуры в ЧССР. «Антисоциалистические взгляды и настроения, — говорится, например, в сообщении ТАСС от 23 сентября, — все еще дают себя знать не только на местах. К сожалению, их попрежнему протаскивают и некоторые органы центральной прессы. Пражский еженедельник «Политика», который по решению ЦК КПЧ стал издаваться вместо печально известного ревизионистского журнала «Культурна творба», выступил в защиту нелегальной деятельности подпольных радиостанций, газет и журналов и их контрреволюционной платформы. Еженедельник призывает «приспособиться» к Московским соглашениям и научиться обходить их. Повторяя клеветнические измышления авторов платформы «2000 слов», журнал «Политика» утверждает, что за весь прошлый период строительства социализма в ЧССР «не было решено ни одной важной проблемы человеческих отношений». И это публикуется в Праге сейчас, после того, как Национальное собрание приняло законы, направленные на пресечение антисоциалистической пропаганды.» («Правда», 24 сентября) Конечно же, в статьях «Политики» можно найти немало неточностей. Однако их нельзя от-

нести к «антисоциалистической пропаганде». Чехословацкий народ никогда не станет испытывать чувства *признательности* к тем, кто направил ночью 21 августа войска в эту страну, не позаботившись спросить об этом мнение народа и его законно избранных руководителей. Поэтому нелепо требовать от газет и журналов ЧССР, чтобы они осудили деятельность «подпольных» радиостанций и «подпольной» печати. Ведь эта «подпольная» деятельность направлялась теми же самыми журналистами, которые выпускают и нынешние «легальные» журналы и газеты. Для чехословацкого народа речь идет именно о том, чтобы приспособиться к пребыванию иностранных войск в ЧССР. На большее мы не можем рассчитывать. И если «Политика» критикует многие аспекты социалистического строительства в ЧССР в последние 20 лет, то, видимо, не для того, чтобы призвать к восстановлению капитализма, но лишь для того, чтобы найти более правильные методы этого строительства.

6. Письмо академика А. Н. Несмеянова своим друзьям во Франции

В газете «Правда» опубликовано письмо академика А. Н. Несмеянова своим друзьям — супругам Р., проживающим во Франции. Как сообщается в «Правде», супруги Р. прислали Несмеянову письмо с осуждением вторжения в Чехословакию. И вот Несмеянов взялся разъяснить своим французским друзьям причины нашего вмешательства в чехословацкие дела.

«Временное введение войск союзных стран в Чехословакию, — пишет А. Н. Несмеянов, — предотвратило контрреволюционный переворот, инспирированный извне и поддержанный материальными средствами из-за рубежа, контрреволюционный переворот который имел бы следствием превращение Чехословакии по идее реваншистов в придаток ФРГ, сидящий, как заноза, в теле социалистических стран. Разве не ясно, что подготовка этого переворота — это и есть «новая» политика реваншистских кругов ФРГ «наведения мостов с Запада на Восток». Вот какие это мосты! И это был лишь первый из них. Вот какая это тактика: сначала «либерализация» и расшатывание единства

народа, затем, используя «свободу» печати и радио, посев вражды с друзьями и братьями по социализму, по крови и языку, затем подготовка контрреволюционного подполья, снабжение его из-за рубежа средствами дезинформации и клеветы и оружием, и наконец, контрреволюционный переворот.

Разве не ясны доказательства этого в связи с подпольной деятельностью контрреволюционеров, их подпольных радиостанций и типографий. Разве не следует утверждение нашей точки зрения из новых откликов печати ФРГ, Англии и других буржуазных стран?

Касалось ли это нас, нашей страны, или это было лишь внутренним делом чехов и словаков? Да, касалось. В равной степени это касается каждого, кто не может, не должен оставаться равнодушным к судьбам социализма, мира, прогресса, к судьбе братского народа. Видеть, что человек тонет и, бросившись ему на помощь, вытащить его из воды — разве это не долг честных людей?

Именно такая рука помощи была протянута чехословацкому народу, рабочим Чехословакии. То возбуждение толпы молодежи, которую вам показали по телевидению, — это только пена контрреволюции, которая никак не типична для настроения народа.

Мы не могли забыть и того, что на территории Чехословакии похоронено около полутораста тысяч советских воинов, отдавших жизнь за ее освобождение из гитлеровского плена, а сколько еще было искалечено? Все это — наши моральные основания. Варшавский Договор и союзные обязательства — наше юридическое основание.» («Правда» 25 сентября).

Даже по стилю данного письма нетрудно определить, что оно написано каким-либо чиновником и лишь подписано Несмеяновым. В последнее время очень многих видных советских интеллигентов пытались убедить написать какое-нибудь заявление в поддержку наших действий в Чехословакии. Из крупных ученых отозвался пока на эту просьбу только Несмеянов. Разумеется, письмо Несмеянова не переубедит супругов Р. во Франции, так как Несмеянов просто повторяет штампованные фразы из некоторых передовиц

наших газет. Смешно сравнивать, как это делает Несмеянов, Чехословакию с тонущим человеком, которого мы вытащили из воды. На самом деле Чехословакия пока еще прочно держалась на воде и не просила никого о помощи. Возбужденные толпы молодежи в Праге Несмеянов называет «пеной контрреволюции», «которая никак не типична для настроения народа». Но откуда известны Несмеянову истинные чувства и настроения чехословацкого народа? И почему они, эти «истинные настроения» не нашли выражения во время последних событий в ЧССР?

7. О *международном совещании компартий*

Международное совещание компартий, намеченное на 25 ноября 1968 года, оказалось под угрозой. Мне рассказали, что Политбюро ЦК КПСС настаивает на проведении этого совещания в ноябре. Однако большинство европейских компартий считают, что совещание нужно отложить. При этом ссылаются прежде всего на события в Чехословакии. Особенно настойчиво требуют отложить совещание коммунисты Италии. Из заявления Л. Лонго следует, что если совещание даже и состоится, то компартия Италии не примет в нем участия. Против созыва совещания в ноябре активно выступают также компартии Австрии, Великобритании. Франции, Швеции и других стран. Шведская компартия (эта компартия переживает какой-то внутренний кризис) даже предложила провести международное совещание компартий в Стокгольме и обсудить на нем советское вмешательство в Чехословакии.

Однако подготовительное совещание в Будапеште должно все же состояться в ближайшие дни, и секретарь ЦК КПСС Пономарев уже выехал или выезжает с этой целью в Венгрию.

8. *Югославский журнал о событиях в Чехословакии*

Белградский журнал «Международная политика» в № 443 от 20 сентября поместил статью директора Института международной политики и экономики Лео Матеса «Сила оружия и сферы влияния».

Анализируя особенности нынешнего кризиса в отличие от событий в Венгрии и Польше в 1956 году Лео Матес пишет: «Интервенцию в Чехословакии характеризует то, что в этой стране вообще не было никаких внутренних споров, а отношения между двумя странами формально были хорошими. Предлогом для применения силы послужили аргументы о внешней угрозе стране, которой компетентные чехословацкие органы не признают. К тому же нет никаких признаков этой угрозы, за исключением сконструированных заявлений в советской печати о мнимой «контрреволюции», которая осталась столь же невидимой, как и те, кто якобы пригласил советские войска в Чехословакию.

Не подлежит сомнению, что все происходящее в Чехословакии может послужить примером открытого применения военной силы против определенной страны и ее институтов ради навязывания собственной воли, навязывания определенных внутренних отношений, вопреки воле народа. Это значит, что внутри Варшавского Договора сложилось такое положение, когда уже не помогают никакие политические или экономические факторы, когда не помогает даже угроза военной силой. Другими словами ослабление внутренних связей и отношений пришло в такую стадию, когда остается лишь довод: массовое и открытое применение военной силы по отношению к «союзникам». Тем самым оказывается окончательно пройденным путь от нахождения предлога для размещения войск в качестве скрытого давления вплоть до открытых военных выступлений, которые не приобрели характер настоящей войны лишь потому, что подвергшаяся нападению сторона не провозгласила военное положение в момент перехода ее границ иностранными войсками, не получившими от нее предварительного согласия. Этим выступлением, очевидно, хотели добиться сохранения контроля Советского Союза над внутренним развитием Чехословакии и того, чтобы отношения между двумя странами вернуть в прежнее положение, создававшееся во времена Сталина. Однако парадокс заключается в том, что, тем не менее, прежнее состояние не восстановлено. Раньше Москве удавалось навязать свою волю без присутствия войск, тогда как теперь она наталкивается на единодушное сопротивление всего народа, несмотря на массовую военную оккупацию. Это привело к от-

крытому кризису самого Варшавского Договора, который превращается в инструмент оккупации, в инструмент, посредством которого Советский Союз суверенно распоряжается вооруженными силами своих союзников, то есть в одностороннюю доминацию одной великой державы в определенном районе. ... Огромный ущерб, который этим нанесен международным отношениям, заключается в сильном ухудшении политической позиции Советского Союза в мире. Неспособность базировать свои отношения с ближайшими союзниками на реальной политической основе сводит на нет шансы на поддержание нормальных политических отношений с любой страной. Кроме того, здесь имеет место еще одно важное явление, а именно — Советский Союз всеми имеющимися в его распоряжении средствами пытается сочетать применение грубой военной силы в своем районе мира с нормализацией отношений с другими державами. Отношения внутри блока рассматриваются Москвой, по словам советского делегата в Совете Безопасности, как ее «внутренние дела». Однако такое стремление оградить непреодолимой стеной события в Восточной Европе от событий в других районах мира является обычной иллюзией. Тем самым облегчается применение силы в других районах (Вьетнам, Ближний Восток), что вызывает общее усиление напряженности в мире, которое неминуемо должно сказаться и на отношениях между сверхвеликими державами, то есть на отношениях, которые хотят оградить от последствий интервенции в Чехословакии.

«... Военная операция в Чехословакии была политически возможна в первую очередь потому, что была неожиданной. Однако тем самым неожиданность стала фактором, постоянно присутствующим в международных отношениях, что в настоящее время, в эпоху тотального оружия, вносит в вопрос о войне и мире элемент неизвестности, который может привести к крайне опасным ситуациям ... В послевоенный период миру довелось пережить несколько опасных кризисов, однако во всех этих случаях развивались по какой-то пусть сложной, однако поддающейся предвидению логике, что позволяло предпринимать политическое вмешательство и каждый из этих кризисов урегулировать своевременно, то есть прежде, чем он мог достигнуть в своем развитии того опасного пункта, после которого уже

не может быть возврата к мирному решению. Более того, и кризисы внутри блоков, в частности, события в Восточной Европе, в том числе и в 1956 году, развивались таким же образом. В противоположность этому, отношения между Советским Союзом и Чехословакией постепенно обострялись в течение зимы и весны, что поддавалось предвидению и сопоставлению с прежними подобными случаями, когда Москва сопротивлялась прогрессивной эволюции в социалистических странах . Когда же кризис достиг своей высшей точки, состоялась решающая, — по крайней мере так казалось в то время, — встреча в Чиерне, а затем и конференция в Братиславе. Военного вмешательства можно было ожидать до этого, однако не после достижения соглашения. Между тем настоящее применение силы имело место после преодоления высшей точки напряженности, причем никакие политические шаги не предшествовали тому, что по сути дела было равнозначно началу военных действий. Тем самым были поставлены под сомнение ценность и смысл всей процедуры и всех инструментов для урегулирования международных кризисов политическим путем. Если лишенная повода военная интервенция стала возможной после переговоров и достижения соглашения, то угроза делу мира переносится и в область не поддающихся предвидению обстоятельств, а это неминуемо должно глубоко сказаться на общем поведении государств в области международных отношений. ... В наше время ... довольно часто применялась сила, однако ее применение не бывало непредвиденным в том смысле, как это имело место в Чехословакии. Здесь имел место единственный в истории случай, когда огромные вооруженные силы *были употреблены в момент развязки кризиса*, притом без соответствующей подготовки собственного общественного мнения и даже самих солдат, которые участвовали в военной операции (о чем свидетельствуют бесчисленные беседы многих граждан с солдатами на улицах чехословацких городов и сел). Прямым следствием этого выступления было ускоренное введение состояния готовности во многих странах, особенно в Европе. Это неизбежно должно было сказаться и на внутренних мерах в Североатлантическом союзе, в рамках которого были назначены специальные заседания военных экспертов сразу же после оккупации Чехословакии.

...Считали, что в международных отношениях удары грома бывают лишь после того, как небо заволокут постепенно скопляющиеся тучи. В частности, не предполагали, что они возможны в момент прояснения. От военной оккупации Чехословакии мир унаследовал внесение в международные отношения исключительно важного и опасного элемента неуверенности. Угроза делу мира и существованию человечества от этого усилилась значительно больше, чем в связи с появлением ядерного вооружения. Действия человека становятся опаснее его материальных ценностей.» (стр. 4-6)

9. О *фотографиях в журнале «Шпигель»*

Буржуазная пропаганда активно использует события в Чехословакии в своих целях. Некоторое представление об этом дает появившийся в конце августа журнал «Шпигель» (№ 35) — один из наиболее популярных западно-германских еженедельников. Уже на обложке журнала написано большими буквами: «Чехословацкая трагедия». И здесь же фотография: советский танк на главной площади Праги. И далее журнал помещает множество аналогичных фотографий: два танка у Национального музея, окруженные толпой жителей Праги; несколько молодых чехов проносят мимо советского танка убитого или раненого человека; здание Национального музея Праги со следами выстрелов на фасаде (подпись «бессмысленный акт»); жители Праги сидят перед гусеницами танков; по улице Праги идет несколько танков, сотни людей на тротуарах бросают в эти танки все, что попало; могила только что похороненного чеха с подписью на чешском языке «Он протестовал против советской оккупации»; диктор подпольного телевидения; чехословацкая молодежь облепила советский танк, на котором сидят солдаты с автоматами наизготовку; демонстрация в Праге; цепь солдат и молодежь; сбор подписей в защиту Дубчека; плакаты с изображением фашистского знака и звезды, танков, надписи на стенах «Дубчек-Свобода»; мотоциклисты и танки не могут проехать по улице Праги; опять сотни молодых людей бросают что-то в танки; обрушившийся вместе с танком мост; баррикада из разбитых автобусов; демонстрации, демонстрации; советский танк

горит, а молодежь вокруг стоит с поднятыми руками и национальным флагом и т. д.

Сотни подобных же фотографий помещены и в других западно-германских газетах и журналах. Некоторые из туристов сумели снять даже несколько фильмов о событиях в Чехословакии.

10. О корреспонденте «Известий» Б. Орлове

В Москве получила известность история с корреспондентом «Известий» Борисом Орловым, который в числе пяти корреспондентов был отправлен вечером 20 августа в Чехословакию редакцией газеты «Известия». Получив назначение в Брно, Орлов через два дня связался с редакцией и попросил отозвать его в Москву, так как он не будет ничего писать о событиях в Чехословакии. Ему не разрешили вернуться и потребовали корреспонденций в «нужном» духе. Но Орлов самовольно уехал из Чехословакии и еще через несколько дней появился в редакции. Заместитель главного редактора газеты кричал на Орлова, называя его дезертиром с «фронта боевых действий», однако главный редактор газеты решил пока не наказывать Орлова и не предавать дело большой огласке. Орлов направлен в творческую командировку в Архангельскую область. Некоторые из сотрудников «Известий» вроде некоего Федя все же требует от парткома редакции разбора «дела» о поведении Орлова.

Выступления против вступления советских войск в Чехословакию были в первые дни и в некоторых научно-исследовательских институтах. Однако пока еще никто за это не исключен из партии и не снят с работы. В ряде случаев партийные бюро ограничились только обсуждением.

11. 26-30 сентября. К положению в Чехословакии

Количество сообщений о положении в Чехословакии, публикуемых в наших газетах, значительно уменьшилось. В Чехословакии нормально работают все почти промышленные предприятия, транспорт, идет уборка урожая. Сооб-

щается, что в ряде районов советские солдаты помогают крестьянам ЧССР в сельскохозяйственных работах. ТАСС сообщает, однако, что некоторые органы массовой информации «в завуалированной форме» призывают уклоняться от выполнения Московских соглашений и «разжигают националистический угар». «Дело в том, — говорится в сообщении ТАСС, — что большинство газет, редакций радио и телевидения остается в руках тех же самых лиц, которые на протяжении длительного времени атаковали Компартию Чехословакии, основы социалистического строя, принципы интернационализма, дружбы с народами Советского Союза и других социалистических стран. Более того, за последнее время в выступлениях некоторых руководящих деятелей ЧССР содержатся, как это ни странно, восхваления в адрес тех, кто вел средства массовой информации по антинародному пути, и даже заигрывание с теми, кто должен нести прямую ответственность за идеологическую подготовку контрреволюционного переворота.»

Таким образом, ТАСС призывает провести массовую чистку в чехословацких органах информации, без чего, по мнению ТАСС, не может быть и речи о нормализации обстановки в ЧССР. Но это требование неосуществимо, а обвинения в адрес работников чехословацких средств массовой информации несправедливы. Все дело в том, что в Чехословакии сейчас нет других журналистов, которые могли бы писать иначе. И если даже заменить всех нынешних ведущих работников газет, радио и телевидения ЧССР, то новые работники не будут думать и писать иначе. Ибо в данном случае они отражают мнение народа, и они не могут в сложившихся обстоятельствах выступать против настроений и мнений своего народа. Произошел необратимый процесс, и он является такой же реальностью, как и присутствие советских войск в Чехословакии. ТАСС дезинформирует советских читателей, когда пишет, что руководящие работники печати, радио и телевидения ЧССР «на протяжении длительного времени атаковали Компартию Чехословакии». Почти все эти работники являются членами КПЧ. Вообще, в последнюю декаду августа в Чехословакии наблюдался массовый порыв населения и особенно молодежи к вступлению в Коммунистическую партию. Народ Чехословакии демонстрировал таким образом свою предан-

ность социалистическим и коммунистическим идеалам. По числу коммунистов на 100 человек населения *Чехословакия стоит на первом месте в мире!*

ТАСС сообщает об эмиграции из ЧССР писателей: Когоута, Свитака, Веселы, Винтера, Мнячко и Кундера. Эти сообщения нуждаются в проверке.

27 сентября ТАСС сообщило, что правительство ЧССР осудило факты уничтожения в некоторых местах памятников советским воинам и приняло меры, чтобы поврежденные памятники и могилы были восстановлены и приведены в порядок.

В сентябре исполняется 30 лет со дня подписания Мюнхенского соглашения, по которому Чехословакия была фактически отдана ее западными союзниками на разграбление фашистской Германии. Газеты всего мира посвящают этой годовщине многие материалы, неизменно связывая Мюнхенское соглашение, положившее начало немецкой оккупации Чехословакии, с ее нынешним трудным положением. «Правда» опубликовала 29 сентября две статьи. В одной из этих статей корреспонденты «Правды» В. Григорьев, В. Журавский и Т. Колесниченко критикуют материалы из чехословацких газет, связанные с годовщиной Мюнхена. Резко осуждается в частности статья известного чехословацкого историка Ч. Аморта «В защиту Чехословакии», опубликованная в газете «Свободно слово». «К сожалению, — пишут корреспонденты «Правды», — налет пресловутого объективизма . . . заметен в серий статей «Мюнхен и великие державы», опубликованных в последних номерах газеты «Руде право» ». Однако содержание статей из «Руде право» и «Свободне слово» не излагается. В этот же день «Правда» опубликовала большую статью академика С. Сказкина «Уроки Мюнхена». Изложив в своей статье общеизвестные факты 30-летней давности Сказкин в конце своей статьи пишет насчет агрессивности Бонна, стремящегося якобы вновь поработить Чехословакию. «Поэтому, — пишет Сказкин, — таким своевременными и необходимыми были меры предпринятые пятью социалистическими странами по защите социализма в Чехословакии».

Писатель А-в рассказывает о своеобразной кампании протеста, которая проводится по всей территории Чехосло-

вакии. Когда советский офицер, журналист или другой какой-нибудь гражданин СССР заходит в магазин и просит продать ему тот или иной товар, то продавцы отдают ему этот товар и отказываются от денег. «Вы здесь хозяева, — говорят они, — берите, пожалуйства, все, что вам нужно». Советские люди, естественно, отказываются от покупок.

В Москве ходят слухи о том, что обозреватель «Правды» Юрий Жуков был избит в столовой газеты неизвестным гражданином.

Как сообщает «Юманите», Цисарж, освобожденный от обязанностей секретаря ЦК КПЧ, остается членом ЦК и председателем Чешского Национального совета. Он продолжает заниматься активной политической деятельностью. Недавно он совершил поездку в Братиславу для переговоров с руководителями Словацкого Национального совета.

Австрийская коммунистическая газета «Фольксштимме» опубликовала заявление одного из руководителей АКП. В этом заявлении говорится, что позиция АКП в чехословацком вопросе остается неизменной и главные элементы этой позиции могут быть выражены в следующих трех пунктах: а. В Чехословакии не было контрреволюционной опасности. б. Путь Чехословакии — это и наш путь. в. Мы выступаем за абсолютный суверенитет каждой страны и каждой компартии.

С аналогичным заявлением выступил недавно и Вальдек Роше. Он сказал, что французская коммунистическая партии была и остается против интервенции вооруженных сил пяти стран в ЧССР. ФКП, однако, надеется, что заключенные соглашения приведут к быстрому возвращению к нормальному положению в Чехословакии. Роше снова высказался за социалистическую демократию и многопартийность.

Как сообщает «Юманите», Чехословакия отводит для остающихся в ЧССР советских войск (около 70 тысяч) казармы в Словакии и Моравии. Границы Чехословакии будут попрежнему охраняться чехословацкой армией. На международной ярмарке в Брно при подъеме всех нацио-

нальных флагов раздавались аплодисменты. При подъеме советского флага — полное молчание собравшейся толпы.

Состоялась встреча представителей французской конфедерации труда и профсоюзов ЧССР. В коммюнике говорится, что обе стороны пришли к единой оценке последних событий в ЧССР. Французские профсоюзные руководители выразили свою солидарность по поводу тяжелых условий, в которых чехословацким трудящимся приходится строить социализм.

В «Красной звезде» 28 сентября опубликовано Открытое письмо коллектива Малого театра советским воинам, находящимся в ЧССР. «Внутренняя контрреволюция, направляемая и поддерживаемая империалистическими силами Запада, — говорится в этом письме, — добивалась отрыва Чехословакии от стран социалистического содружества... Ваше присутствие в Чехословакии все прогрессивное человечество расценивает как акт мирной, гуманной политики братских стран социализма. Артисты, режиссеры, весь коллектив Малого театра Союза ССР от всей души приветствует вас в дни вашей трудной, почетной миссии.» Письмо подписали народные артисты СССР и РСФСР Н. А. Анненков, В. А. Владиславский, М. И. Жаров, П. А. Константинов, Н. А. Светловидов, М. И. Царев и многие другие.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

1. Новый театральный сезон в Москве

В Москве начался театральный сезон. Из репертуара театра сатиры снята пьеса А. Н. Островского «Доходное место» в новой постановке Захарова. В новом сезоне, также как и в прежнем, не будет идти в театре Сатиры «Теркин на том свете». В театре на Малой Бронной снята пьеса А. П. Чехова «Три сестры» в новой постановке Эфроса. Были попытки снять и пьесу Розова «Традиционный сбор» в театре «Современник». Однако пьеса осталась в репертуаре.

В журнале «Коммунист» (№ 13) в большой статье А. Солодовникова «Об отношении к классическому наследию» резко критикуются пьесы «Чайка» и «Три сестры», «Доход-

ное место», «Галилей», «Смерть Иоанна Грозного», «Декабристы». Вот что пишет Солодовников о пьесе «Доходное место» — одной из наиболее популярных постановок прошлого года:

«Грех вульгарной «модернизации» проявился в постановке М. Захаровым «Доходного места» Островского (Московский театр сатиры). В самом деле, куда проще выудить в пьесе более чем столетней давности те или иные фразы, придать им «публицистическую» остроту и историческое (а отнюдь не драматическое) напряжение! В этом спектакле, как, впрочем, и в «Трех сестрах», есть и более завуалированная, хотя все же достаточно прозрачная позиция постановщиков. Произведения классиков берутся «вне времени», и их «современность» подкрепляется немудреным тезисом: проходят, дескать, десятилетия, даже столетия, но... ничего не меняется. Как было, так и осталось. Вот уж поистине «кочка зрения», результат идейной незрелости режиссера, вульгарного, спекулятивного «осовременивания» классики!

Подлинно современное прочтение возникает из понимания исторически-конкретной обусловленности идей и образов, составляющих суть произведения. Вместе с тем точность и глубина режиссерского анализа и актерского мастерства, направленных на раскрытие тенденций эпохи, как они отразились в произведении, на акцентирование непреходящей ценности передовых идей и лучших человеческих качеств, способны вызвать и подлинно глубокие ассоциации, интеллектуальные и эмоциональные, с нашим временем, с сознанием и опытом строителей коммунизма. Современное, с партийных позиций прочтение классики ничего общего не имеет с модернизацией ее, с попытками оторвать писателя, драматурга от определенной исторической почвы, поставить знак равенства между веком нынешним и веком минувшим. Реалистическое искусство не может игнорировать того, что типические характеры проявляются в типических обстоятельствах, то есть в определенной исторической обстановке. На это давным-давно обратил внимание Ф. Энгельс.»

В этих замечаниях Солодовникова, по-видимому, есть свой резон. Ничего не говорится, однако, в журнале «Ком-

мунист» о причинах огромной популярности критикуемых постановок и о том, что попытки модернизировать классику объясняются прежде всего нелепыми цензурными ограничениями в отношении пьес современных авторов и на современные темы. Не от хорошей жизни приходится нашим театрам переиначивать классику.

2. Из рецензии В. Я. Лакшина на роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»

«Трусость — главная беда Понтия Пилата. Но неужели бесстрашный на поле боя воин, всадник Золотое копье — в самом деле трус? И отчего Булгаков так настаивает на этом обвинении? «Трусость, несомненно, один из самых страшных пороков», — слышит во сне Понтий Пилат слова Иешуа. «Нет философ, я тебе возражаю: это самый страшный порок!» — неожиданно вмешивается и говорит уже в полный свой голос автор книги. Почему же обычная сдержанность изменила здесь Булгакову и заставила его, нарушив условность рассказа, вынести личный приговор своему герою?

Прокуратор не хотел зла Иешуа, трусость привела его к жестокости и предательству. Иешуа не может его осудить — для него все люди добры. Но Булгаков осуждает без пощады и снисхождения, осуждает потому, что знает: не так опасны люди, поставившие своей целью зло — таких, в сущности, немного, — как те, что словно бы и готовы споспешествовать добру, но малодушны и трусливы. Страх за себя делает неплохих и лично храбрых людей слепым орудием злой воли.

Парадокс, много раз отмеченный искусством: мужественный воин, герой на поле брани бывает порой слаб и жалок в обыденной жизни — робеет, теряется, едва на него повысят голос. А дело в том, что в ратном бою он не одинок: здесь правота общего порыва, плечо товарищей по оружию. «На миру и смерть красна» — говорит пословица. А вот быть храбрым в одиночку, отстаивать свою правоту, поддерживаемую лишь собственным чувством справедливости, — на это способен только человек настоящей силы

духа и высокого самосознания. Бессознательная храбрость такого испытания не выдержит.

Трусость — крайнее выражение внутренней подчиненности, несвободы духа, и раз смирившись с ней, от нее уже трудно отделаться. Она продолжает подчинять себе человека даже на пороге смерти, когда это выглядит особенно нелепо. Ну что, казалось бы, Понтию Пилату поступить на этот раз свободно, прислушавшись к голосу совести? Ведь прокуратор тяжко болен, он с вожделением думает о яде, который прекратит его страдания, и готов окончить счеты с земной жизнью, а все же жалко трусит перед кесарем, по инерции признавая его лишь волю над собой.

Оттого-то не зло, само по себе слепое и маломощное, а трусость, которая легко покоряет человека злу, делает его безвольным орудием в чужих руках — самое тяжкое проклятие для Булгакова. Человека умного, смелого и благожелательного она способна превратить в жалкую тряпицу, обессилить и обесславить. Единственное, что может его спасти, — внутренняя стойкость, доверие к собственному разуму и голосу своей совести.

Об этом, по мысли Булгакова, и должен напомнить нам арестант, стоящий со связанными руками перед креслом могущественного прокуратора. Бродяга-философ крепок своей наивной верой в добро, которую не могут отнять у него ни страх наказания, ни зрелище вопиющей несправедливости, чьей жертвой становится он сам. В нем, в Иешуа, — воплощение чистой идеи добра, упорной и неизменной веры, существующей вне обыденной мудрости, вопреки наглядным урокам жизни».

Статья В. Я. Лакшина о романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», отрывок из которой мы привели выше, опубликована в № 6 «Нового мира». Эта статья не была пропущена цензурой, ее содержание подверглось тщательному обсуждению в отделе литературы ЦК КПСС. Однако после некоторых купюр статья Лакшина была все же разрешена к печати.

3. О письме руководителей Союза писателей СССР в поддержку действий Советского правительства в Чехословакии

В союзе писателей СССР было подготовлено письмо, адресованное Союзу писателей Чехословакии, в котором советские писатели «разъясняли» чехословацким писателям необходимость вступления в ЧССР войск пяти стран Варшавского Пакта. Это письмо должны были подписать все 42 члена Секретариата Союза писателей СССР. Однако некоторые из секретарей отказались поставить свои подписи под этим письмом. Среди отказавшихся: А. Твардовский, К. Симонов и Л. Леонов. Рассказывают также об отказе подписать данное письмо Н. Бажана. В середине сентября под письмом было 28 подписей, и оно так и не было опубликовано.

4. Из театральной жизни. «Огонек» и «театр»

Театральная цензура сейчас не менее строга и скудоумна, чем цензура литературных произведений. Поэтому мало кто из драматургов пишет в настоящее время интересные критические пьесы на современные темы. Но ведь театр должен привлекать зрителя, если зал будет пустовать, то театр погибнет. Чтобы сохранить себя в условиях конкуренции и хозрасчета театр даже в большей степени, чем кино или художественная литература должен откликаться на потребности и вкусы сегодняшнего зрителя. И нужно сказать, что значительная часть московских театров умеет привлекать зрителя. Правда, для этого многие передовые режиссеры ищут обычно не прямой, а тот или иной обходный путь. Классические пьесы «осовремениваются», прочитываются «заново». При этом действие, происходящее 70-100, а иногда и 1000 лет назад, воспринимается как происходящее сегодня или в недавнем прошлом. Нередко таким же образом и современные драматурги подают античный сюжет. Или же действие переносится в какую-либо капиталистическую страну, но воспринимается как происходящее в СССР. В драматургии получил чрезвычайное развитие эзопов язык, действие построено на аналогиях и ассоциациях, имеется множество намеков, которые однако пре-

красно чувствует зритель и на которые он бурно реагирует смехом или аплодисментами. Все это, конечно, можно и объяснить и оправдать. Издержки здесь намного меньше чем приобретения. Неудивительно, однако, что и при разборе подобного рода пьес, игры артистов, работы режиссера передовые театральные критики продолжают эту игру и потому опять-таки прибегают к эзопову языку, намеку. Таковы именно многие статьи в журнале «Театр».

Недавно как раз за это журнал «Театр» подвергся разносу на страницах руководимого А. Софроновым журнала «Огонек». Кое-что в замечаниях «Огонька» (автор статьи Н. Толченова, название статьи «На эзоповом языке») справедливо. Однако в целом эта статья крайне пристрастна и тенденциозна, она написана с демагогических и вместе с тем сектантски-консервативных позиций. Н. Толченова берет под удар не только театральных критиков из журнала «Театр», но и сами театральные постановки. Особенно большое неодобрение у «Огонька» вызывает работа драматического театра на Таганке и «Современника», т. е. двух самых популярных у московского зрителя театральных коллективов.

«Но в самом то журнале «Театр», — пишет Н. Толченова, — «места хватает» только такой драматургии, которая прочно утвердилась на «позициях» унылого, горестного — чаще всего мелодраматического по форме, но достаточно решительного по сути дела — несогласия с нынешним образом жизни.

В драматургии этой никак не заметишь ни действий Советской власти или партии коммунистов, ни народа, строящего коммунизм. Нет в ней героев. Равняться не на кого. Мрак и безлюдье... Персонажи пьес, а вслед за ними режиссеры театров и, наконец, авторы статей и рецензий, печатаемых в журнале «Театр», словно живут не среди советских людей, а существуют в стороне от них. В каком-то ином, абстрактном, условном мире... Либо это классика, «переряженная» в современную действительность («Смерть Тарелкина», «Доходное место», «Чайка», «Три сестры», «Обыкновенная история»), либо — современность под видом сказки («Тень», «Дракон», «Голый король»). Либо — неопределенный, вымышленный конгломерат жизни и фан-

тастики («Назначение», «Аттракционы», «Всегда в продаже», «Обольститель Колобашкин»). Либо — неприкрыто унылые «будни» жизни, крайне односторонне изображенные («Гусиное перо», «В день свадьбы», «Традиционный сбор» и т. п.).

Выступая с «Заметками редактора» «Год праздничный — год деловой» (№ 1, 1967 г.), редактор журнала «Театр» Ю. Рыбаков очень неопределенно высказался о «желательности жанрового разнообразия» в жизни сцены.

Конечно же, Ю. Рыбаков замечает, что на театре «режиссер стал важнее драматурга, подтекст — важнее текста». Но, видно, эта беда его не тревожит! «Режиссеры ставят свои опыты — притом превосходные, — уверенно пишет Ю. Рыбаков, — на чем угодно: подборках стихов, классике, русской и зарубежной, современных переводных пьесах, сценариях, даже телеграммах...»

Опыты... опыты... А вот к чему они сводятся, эти «опыты» (да еще «превосходные»!)?.. На что они направлены!! Об этом в статье и слова нет!

Меньше всего смущает Ю. Рыбакова то, что со сцены почти совсем исчезли пьесы, говорящие о героизме народа, о том, чем жив народ, что волнует трудовых людей огромной страны, какие огромные задачи они решают...

Путь на сцену таким пьесам практически загражден инакомыслящей критикой. Либо она их поносит, высмеивает и третирует, либо не замечает вовсе»

Здесь же Толченова с удовольствием сообщает следующее:

«Уже не первый раз высказываются серьезные критические замечания в адрес редакции журнала «Театр» со стороны коллегии Министерства культуры СССР.

Недавно состоялось совместное заседание коллегии Министерства культуры СССР и секретариата правления Союза писателей СССР, где отчет главного редактора «Театра» Ю. Рыбакова подвергся всестороннему критическому рассмотрению. Работа журнала — во всех важнейших ее аспектах — признана неудовлетворительной.

Принято постановление, которое предусматривает не только решительное укрепление руководящих кадров редакции журнала «Театр» и его авторского актива, но позволяет надеяться на коренное изменение всего стиля работы, а значит, и того разговора с читателем, который ведется со страниц «Театра» ...

Журнал должен наконец стать пропагандистом подлинно передовых, партийных, марксистских взглядов на искусство сцены, борцом за дальнейшее развитие ее революционных реалистических традиций.»

5. *О поэме В. Фирсова «Республика Бессмертия»*

В № 35 «Огонька» опубликована поэма В. Фирсова «Республика Бессмертия». В этой пространной и крайне слабой в поэтическом отношении поэме имеются и такие весьма многозначительные строки:

«Войне, казалось,
Нет просвета.
Но Сталин
волю диктовал.
Матерый враг Страны Советов,
Сам Черчилль, признаваясь в этом,
Его приветствуя, вставал.
...Пусть нет его,
Кому безмерно
Когда-то верила страна.
Безоговорочная верность
И нынче Родине нужна.
Не верь абстрактным гуманистам.
А мсти, пока в беде народ.
Иди. Ты видишь, коммунисты
Два шага сделали вперед.
Иди за ними. *Дело наше*
Превыше всякой правоты.
И пусть кто хочет после скажет,
Что был прямолинейным ты!»

Здесь, каждая строчка вызывает возражение. И призыв к *безоговорочной*, т. е. не рассуждающей верности (а не к

сознательной дисциплине), и пренебрежение к мнению тех, кто придет после нас, и даже попытка поставить наше дело «превыше всякой правды». Что же, в свете последних событий в Чехословакии этот призыв приобретает определенное звучание.

6. «Литературная газета» об Иржи Ганзелке

В № 38 от 18 сентября «Литературная газета» поместила крайне грубую и развязную статью об известном чехословацком писателе и путешественнике Иржи Ганзелке. Статья называется «Иржи Ганзелка в роли политикана». Автор этой статьи скрылся под псевдонимом «Журналист».

Вполне вероятно, что многие из статей и бесед Иржи Ганзелки заслуживают критического разбора. Однако эта критика должна вестись в спокойном тоне и, конечно же, должна быть свободна от передержек и искажений. Трудно полемизировать с «Литературной газетой», не зная точного содержания статей Ганзелки. И все же многие утверждения нашей газеты вызывают сомнения. Так, например, Ганзелка пишет в одной из своих статей, что чехословацкие легионеры в России в 1918 году помогали голодающим крестьянам сибирских деревень. В опровержение этого «Литературная газета» приводит цитату из Ленина, в которой он с гневом говорил о «бесчинствах *офицеров чехословацкой армии,* о жестокостях над населением». Но ведь здесь может и не быть никакого противоречия. Известно, что чехословацкий корпус, сформированный еще до Октябрьской революции из числа военнопленных и добровольно сдавшихся русским войскам чехов и словаков, получил разрешение от Советского правительства на проезд через Сибирь и Дальний Восток во Францию. Предполагалось, что этот корпус примет участие в войне против Германии на французско-германском фронте. Однако неожиданно этот корпус поднял мятеж и захватил власть в Сибири, отрезав ее от Советской России. Надо полагать, что все эти факты известны и И. Ганзелке. Однако во всех почти советских источниках отмечается, что чехословацкий мятеж был спровоцирован чехословацкими офицерами, и что рядовые легионеры не хотели выступать против Советской власти.

Так, например, в «Истории КПСС» (1960 г.) говорится: «Рядовая масса корпуса не хотела поднимать оружие против советского народа. Среди чехов и словаков были коммунисты. В мае 1918 года состоялся Учредительный съезд коммунистов чехов и словаков. Многие военнопленные чехи и словаки вступили в ряды Красной Армии... Командование корпуса обмануло чехословацких солдат, распространив провокационный слух, будто Советское правительство собирается выдать их Австро-Венгрии. В конце мая 1918 года чехословаки подняли мятеж...» (стр. 276).

Также и Ленин в своих выступлениях 1918 года неизменно подчеркивал, что нельзя отождествлять рядовых легионеров чехословацкого корпуса и офицеров. Так, например, выступая 21 июня 1918 года в Сокольническом клубе, Ленин говорил: «...Контрреволюция в настоящее время... делает последние попытки для свержения Советской власти. Теперь они ухватились за чехословаков, которые надо сказать вовсе не идут против Советской власти. Против Советской власти идут не чехословаки, а их контрреволюционный офицерский состав. Империализм, при помощи этого, стремится втянуть Россию в продолжающуюся мировую бойню.» (т. XXIII. стр. 67, 3 изд.) Естественно и для чехословацких историков и писателей при оценке действий чехословацкого корпуса в Советской России стремление осудить в первую очередь поведение контрреволюционного офицерства и вместе с тем заботливо собирать все примеры гуманного отношения рядовых чехословацких легионеров и некоторых офицеров к русскому населению. Является фактом, что Коммунистическая партия Чехословакии возникла в 1918 году именно из числа бывших чехословацких легионеров, учредительный съезд этой партии происходил на территории Советской России. Поэтому нет ничего невероятного в утверждениях Ганзелки насчет того, что именно в годы гражданской войны зародилась русско-чешская дружба.

Нелепы и возражения «Литературной газеты» против некоторых заметок И. Ганзелки и М. Зикмунда об их путешествиях по СССР в 1963-64 гг. Так, например, процитировав несколько фраз из заметки Ганзелки и Зикмунда об их пребывании в Шушенском, насчет того, что сосланный в это сибирское село В. И. Ленин имел якобы «хоро-

шие условия для занятий», что он «укрепил свое здоровье», что хозяйство Ленина велось платными работницами и т. п. «Журналист» восклицает: «Ну не кощунство ли это?»

Но ведь хорошо известно, что в царской России были разные ссылки и разный режим для ссыльных. Одно дело было быть сосланным в Туруханский край, или на каторгу, другое дело в Шушенское. Является общеизвестным фактом, что условия ссылки Ленина в Шушенском не были слишком суровыми. Власти даже разрешили приехать в Шушенское Н. К. Крупской, и именно в Шушенском Н. К. Крупская стала женой Ленина. Ленин имел в Шушенском большую библиотеку и очень много работал. Здесь была в частности завершена капитальная работа Ленина «Развитие капитализма в России». Владимир Ильич вел из Шушенского большую переписку с родными и с друзьями по партии, выписывал множество журналов и газет, Ленин даже имел возможность вести адвокатскую практику. Он часто охотился, много ходил по тайге и в окрестностях реки Шушь, так что нет ничего удивительного. если здоровье В. И. Ленина не ослабло, а укрепилось. Конечно, ссылка тяготила Ленина, было немало трудностей. Однако никакого кощунства в заметках Ганзелки и Зикмунда, конечно, нет. Для сведения «Журналиста» из «Литературной газеты» мы приведем цитату о ссылке Ленина из официальной, подготовленной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «Биографии В. И. Ленина».

«Сначала они (т. е. Ленин и Крупская) продолжали жить у Зырянова, а затем перебрались в дом крестьянки П.А. Петровой. Со временем обзавелись хозяйством — маленьким огородом, во дворе посадили цветы, хмель. Хозяйство вела мать Н. К. Крупской. Дружно и счастливо зажили молодые супруги. Через тридцать лет вспоминала Надежда Константиновна об этой поре: «Так живо встает перед глазами то время первобытной цельности и радостного существования. Все какое-то первобытное — природа, щавель. охота, грибы, тесный близкий круг товарищей — ездили на праздники в Минусинск, тесный, тесный круг товарищей-друзей, совместные прогулки, пение, совместное какое-то наивное веселье...» Жизнь Ленина и Крупской в ссылке была заполнена упорным трудом. ...Свободное от работы время они проводили в лесу, на реке, в поле...

Ленин много занимался спортом . . . » И так далее. («Владимир Ильич Ленин. Биография. Москва. 1960, стр. 55-60).

Не лишены справедливости и замечания Ганзелки, когда он пишет, что в СССР в 30-е годы, т. е. в период самых жестоких репрессий, широкая инициатива развивалась только в одном направлении — в техническом. Поскольку речь идет не вообще об инициативе, а о *широкой* инициативе, то можно отметить, что и в технической области в период 30-х годов дело обстояло далеко не лучшим образом.

Мы не будем разбирать здесь изложение «Литературной газетой» чехословацких дел, ее отзывов о И. Пеликане, П. Когоуте, Ф. Кригеле, о съезде партии в ЧССР, о некоторых чехословацких газетах. Все это подается советскому читателю на уровне самой низкопробной вульгарной прессы.

О НЕКОТОРЫХ КНИГАХ, СТАТЬЯХ И РУКОПИСЯХ

1. О книге В. Бережкова «Тегеран 1943»

Вышла в свет книга В. Бережкова «Тегеран 1943» Подписана к печати в мае 1968 года. Книга написана довольно живо и содержит описание некоторых интересных эпизодов Тегеранской конференции. Вызывают, однако, решительные возражения оценки Бережкова в отношении многих политических деятелей и в первую очередь Сталина, Ворошилова, Рузвельта и др. Бережков и сейчас смотрит на этих людей теми же глазами, какими он смотрел в 1943 году. Так, например, уже во введении к своей книге Бережков пишет о Сталине следующее:

«Глава Советского правительства И. В. Сталин — сын деревенского сапожника, профессиональный революционер, один из организаторов Октябрьского переворота, открывшего новую эру в истории человечества, автор трудов по научному коммунизму, руководитель первого в мире социалистического государства . . .» И больше ничего о Сталине не сказано. А вот пишет Бережков о Рузвельте:

«Президент США Франклин Делано Рузвельт — выходец из семьи богатых дельцов, искушенный в тонкостях управления сложной машиной американской буржуазной

демократии, политик, пробившийся в ожесточенных схватках со своими беспощадными соперниками на самый высокий пост в крупнейшем капиталистическом государстве», (стр. 3-4).

Или вот как описывает Бережков одну из встреч со Сталиным:

«В это утро Сталин выглядел отлично. Бодрая походка и весь его облик говорили о том, что он полон энергии и решимости. Порой он улыбался, похлопывал Ворошилова по плечу. Поровнявшись со мной, Сталин кивнул мне, на что я скороговоркой ответил: — Доброе утро, товарищ Сталин... Сталин отрывисто бросил Ворошилову: — Желаю успеха! — И свернул в боковую аллею.

... Ворошилов одобрительно улыбнулся и сказал: — Между прочим, вы нравитесь товарищу Сталину, но он считает, что вы очень уж застенчивы. Советую вам быть понапористей, иначе далеко не пойдете. Сталин это любит, и сейчас в вашей судьбе многое зависит от вас...

Я пробормотал что-то невнятное, видимо лишний раз подтвердив тем самым безнадежное отсутствие у меня «напористости» (стр. 56-57).

2. Письмо в Президиум Верховного Совета

В Москве возникла небольшая инициативная группа, которая организует ряд коллективных писем в Президиум Верховного Совета СССР. От этой именно группы исходила инициатива по составлению Проекта № 2 Конституции СССР. В конце прошлого года этой группой был организован сбор подписей под предложением насчет разработки специального Закона о печати и информации. Недавно в этой группе было составлено новое письмо, под которым стоит несколько десятков подписей. В этом письме говорится:

«Мы, нижеподписавшиеся, убедительно просим вынести на рассмотрение Верховного Совета СССР следующие предложения:

1. Ратифицировать на ближайшей сессии Верховного Совета Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный Пакт о гражданских и политических правах (включая Факультативный Протокол к нему), которые были единогласно приняты Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г.

(Принятие Пактов явилось величайшей победой сил разума и прогресса. Вот что писала газета «Известия» от 10 января 1967 г.: «Пакты о Правах человека призваны сыграть важную роль в борьбе народов за свободу и демократические права ... Принятие Пактов Генеральной Ассамблеей можно расценить как вклад ООН в дело поддержания всеобщего мира и защиты прав человека». И далее там же: «...принятие Генеральной Ассамблеей ООН Пактов о Правах человека — большое дело. Эти документы направлены против империалистической политики агрессии и колониализма, расизма и бесправия... Пакты о правах человека приняты. Народы настоятельно требуют их соблюдения.» Еженедельник «Новое время» (№ 9, 1967 г., стр. 9) указывает, что «принятие Пактов безусловно дело прогресса и демократии, серьезное достижение Организации Объединенных Наций... Социалистические страны при поддержке других миролюбивых государств сумели... на XXI сессии Генеральной Ассамблеи заставить отступить агрессивные и реакционные силы».

Уже сейчас Пакты становятся мощным оружием борьбы с реакцией. Например, Пакты наряду с Всеобщей Декларацией Прав человека использовались в качестве международной правовой основы для осуждения греческих военных властей: «Советские юристы, как и весь советский народ, вместе со всей общественностью мира... требуют, чтобы в Греции уважались международные нормы, обязывающие эту страну соблюдать основные права и свободы человека, зафиксированные во Всеобщей Декларации прав человека 1948 г., в Уставе ООН, а также в Пактах о политических, экономических, социальных и культурных правах человека 1966 г.» («Правда» от 28 января 1968 г.).

Однако юридически Пакты до сих пор не введены в действие, так как они вступают в силу только после того, как их ратифицируют не менее 35 стран (Факультативный

Протокол — не менее 10 стран). К ноябрю 1967 г. Пакт об экономических, социальных и культурных правах подписали 19 стран, Пакт о гражданских и политических правах — 18 (8 из них подписали также Факультативный Протокол), причем ни одна страна не ратифицировала эти документы).

2. Принять на ближайшей сессии Верховного Совета обращение ко всем странам мира, призывающее ратифицировать Пакты и Факультативный Протокол в течение 1968 г., который объявлен Генеральной Ассамблеей ООН Международным годом прав человека.

Осуществление предлагаемых мероприятий значительно ускорит ратификацию Пактов и Факультативного Протокола другими странами, сделает возможным введение Пактов и Протокола в действие в течение 1968 г. и тем самым послужит неоценимым вкладом в разрешение важнейшей задачи, стоящей сегодня перед народами всего мира, и в успешное проведение международного года прав человека, который может стать поворотной вехой на пути к ликвидации всех видов бесправия на нашей планете».

3. Из письма Ф. Марковского академику А. Д. Сахарову

Академик А. Д. Сахаров получил из Львова от М. Марковского письмо, в котором говорится, в частности, следующее:

«Уважаемый тов. Сахаров! Я прослушал Ваши «Размышления». Воспринимать их на слух, да еще в нечеткой передаче — трудно. В них есть отдельные верные наблюдения, которые надо учитывать. Но, я думаю, они всего более нуждаются в тщательном критическом разборе. Для этого надо располагать всей той информацией, которой Вы пользуетесь. Поэтому, отказываясь от развернутого спора, я хочу все же возражать Вам по двум пунктам.

...Должен Вам сказать, что я не верю в возможность и целесообразность интеллектуальной свободы без определенных рамок, хотя и понимаю, что найти такие разумные рамки нелегко. Что может означать неограниченная ин-

теллектуальная свобода? Равенство всех идей? Капитуляцию перед идейным хаосом? Мещанскую беспартийность, прекраснодушную и бесхребетную интеллигентскую всеядность? Отсутствие убежденности? Позицию «над схваткой»? Отказ от определенной устремленности, направленности в развитии общества? Отказ от признания того, что истина все-таки всегда одна (Хотя, разумеется, это раньше надо установить, надо, не отставая от жизни, совершенствовать истины, искать новые истины).

Думаю, что не стоит привлекать молодежь миражем такой неограниченной свободы.

Но что действительно необходимо — это более своевременная и широкая информация, без дурацкой «фигуры умолчания» по поводу тех или иных критических обстоятельств; необходимо по-ленински всестороннее обсуждение всех тех новых фактов и явлений, которые постоянно выдвигает жизнь — с ориентацией вперед, к тем целям эпохиального значения, которые уже выбраны и выверены. И, конечно, необходимо, чтобы дело пропаганды и воспитания, а также идейных поисков находилось в руках не бездарных чиновников, а людей талантливых, убежденных, воинствующих, но не ограниченных и не косных.

Есть разные претенденты на истину, истину надо защищать, ее надо находить и тут никуда не уйдешь от борьбы, а борьба — это утверждение одних идей и разгром других: — тут в конечном счете сосуществования быть не может. И в этой борьбе у каждого настоящего интеллигента должна быть своя определенная позиция, которая, конечно, не должна быть неподвижной. Согласуется ли это с полной интеллектуальной свободой? По-моему нет.

Никак нельзя забывать о трудностях и опасностях внутренней идейной жизни в нашем лагере. Тут еще надо найти такой взаимодействующий механизм, который «выравнивал бы» на пути к истине и благу (нашей истине и нашему благу) и руководство обществом и массы этого общества. Ни мошенническая буржуазная демократия, ни система культа таким механизмом, конечно, не являются. Думаю, что таким механизмом не может быть и полная интеллектуальная свобода, это было бы отсутствием вся-

кого механизма. Поиски надо вести на путях новой социалистической демократии (я очень сомневаюсь, чтобы лжеглубокомысленные и развязные упражнения некоторых чешских интеллигентов можно было бы рассматривать как проявление такой демократии).

Перехожу ко второму возражению. Я решительно против того, чтобы фашизм и сталинизм ставить на одну доску, только лишь на основании определенного внешнего сходства.

...Суть культа личности Сталина не только в непомерном преувеличении заслуг Сталина и в беспредельном злоупотреблении с его стороны своим авторитетом и властью. Суть его в том, что постепенно сложилась и при этом не осознавалась порочная система (система в системе), основным вдохновителем и центром которой был Сталин. При этой системе социалистическая демократия не получила своего необходимого развития, была отброшена. Обсуждения, критика, контроль со стороны социалистического общества исключались. ...Все истины, решения и гарантии революции Сталин и его приспешники видели в самых себе. Ошибка организаторской и идеологической верхушки партии заключается в том, что она не сумела своевременно разобраться в этой роковой тенденции; более того, она сама стала способствовать ее расширению и укреплению.

Что же породило эту систему, называемую, не совсем полно и точно, культом личности Сталина?

1) Прежде всего надо вспомнить, что Октябрьская революция в какой-то мере была «неожиданной». Только гений Ленина увидел ее возможность и привел ее к победе. Только большевики были организующей и руководящей силой революции. Им пришлось вести борьбу не только с буржуазией, но и со всеми социалистическими партиями (которые с этого момента объективно перестали быть социалистическими). Это было необходимым, но это привело к заметным политико-психологическим наслоениям, которые позднее способствовали антидемократическому крену.

2) Революция развивалась в огромной стране, в условиях сильной мелкобуржуазной стихии, при бешеном сопроти-

влении контрреволюции и вооруженном вмешательстве мирового империализма. Потребовались безграничная революционная решимость, революционная диктатура, опирающаяся на народ, революционное насилие, — без этого невозможно было победить. Это был беспримерный подвиг (о котором все партии 2-го Интернационала боялись и помышлять). Но ореол этого подвига в какой-то мере заслонил другие методы революции и их последующую нарастающую необходимость, повлиял на определенную абсолютизацию методов насилия и диктатуры.

3) То обстоятельство, что силы внутренней и внешней «демократической» контрреволюции в своей непрерывной борьбе с Советской властью сделали своим знаменем фальшивое знамя «чистой» демократии, также несомненно оказывало некоторое дезориентирующее влияние в вопросе о роли демократических начал в революции.

4) Уже в мирные годы трудности социалистического строительства, сопротивление оппозиции, напряженность социалистических планов, вызванных политической необходимостью быстрых темпов (по-видимому порой и преувеличенных), закономерно потребовали «сильного» руководства. Оно безусловно было необходимо, чтобы поднять и организовать все силы народа, преодолевая при этом усталость народных масс, преодолевая проявления эгоизма и ограниченности, боязни новых жертв во имя будущего.

Народ поборол трудности и совершил свой второй, на этот раз трудовой подвиг. Но этот подвиг вызвал, однако, некоторое головокружение, переоценку роли руководителей, недооценку важности демократического контакта с массами. Так постепенно возник тот стиль работы, который характеризовался в своей психологической подоснове все более сильным креном в сторону своеобразного *бюрократического идеализма и бюрократического максимализма.* Этот антимарксистский по своей сути стиль был одновременно и одним из условий и следствий культа руководства, культа Сталина.

5) Так постепенно после смерти Ленина партийное руководство, несмотря на свой весьма высокий теоретический уровень, оказалось на ошибочных позициях: оно явно за-

гляделось на одну сторону революции, на методы принуждения, забывая о том, что на каждом этапе революции марксизм-ленинизм поворачивается своей новой стороной, что после победы революции стало необходимым переходить к методам социалистической демократии. Без этого в общественной жизни Советского Союза «количество перешло в качество», медаль повернулась обратной стороной. Организаторское начало перешло в администрирование, преодоление волюнтаристических шатаний — в волюнтаризм, бдительность в подозрительность и утрату «чувства локтя», идейная чистота в догматическую косность, авторитет руководства в культ руководства, которым в полной мере воспользовался Сталин.

Так сложился культ личности Сталина. Возникнув в недрах социалистического общества, вскормленный концентрацией ядовитых отходов, возникших в ходе становления этого общества, «культ» стал опасной, смертельно опасной опухолью, потребовавшей решительного революционно-хирургического вмешательства. Были, однако, еще обстоятельства, способствующие этому явлению, Скажем о них.

6) Трагические неудачи многих других революций, часто в силу допущенного «прекраснодушия», слабость мировых коммунистических сил и предательство филистерской социал-демократии, т. е. революционное одиночество и опасность реставрации, огромная сверхчеловеческая ответственность за дело социализма не могли не оказывать постоянного, неотступного психологического воздействия на Сталина, на советское руководство. Но вместо того, чтобы организовать идейно-политическую оборону и наступление на базе все более расширяющейся направляемой социалистической демократии, что подрывало бы позиции антикоммунизма и укрепляло бы силы социалистической революции, это руководство все более склонялось к «профилактическому» ограничению социалистической демократии, якобы в интересах революционного дела.

7) Роковое влияние на этот процесс имели несомненно и рост фашистской угрозы, победа фашизма в Германии. Не случайно совпали во времени начало подготовки фашистской агрессии и массовые акты сталинского террора в Советском Союзе. При этом накопившиеся извращения были весьма усилены и личными качествами Сталина.

8) Есть еще одно важное обстоятельство, о котором нужно сказать. Октябрьская революция и предшествовавшая ей пропаганда нескольких поколений русских революционеров вызвали у передовой части советского народа волну революционного энтузиазма, постоянную готовность к борьбе, готовность идти на жертвы, пренебрежение к духу социального эгоизма и оппортунизма, столь характерного для западно-европейского мещанства, веру в свое революционное руководство. Этот социалистический идеализм и доверие Сталин использовал во зло, возглавив ту систему, которую мы сегодня называем культом личности Сталина. Диалектика истории такова, что высокий дух народа способствовал возникновению антинародной, антисоциалистической системы в рамках нашего социалистического общества. (И потому приведенные Вами, т. Сахаров, слова Чехова о «рабах» звучат *дико*. Они перекликаются с «объяснениями» западных мещан, которые я слышал не раз: «ах, эти русские, они не могут без икон и без царя.» Кто и о ком это говорит!).

9) Нам остается еще ответить на вопрос, насколько культ личности Сталина был свойственен советскому народу. Сталин несомненно пользовался авторитетом в народе и это само по себе вполне естественно, для этого в первоначальной деятельности Сталина было достаточно оснований. Нельзя перечеркивать и участие Сталина в Отечественной войне, в дипломатической борьбе последующих лет. Однако доверие к Сталину было заметно подорвано событиями 1933 и 1937 гг., а также неудачами 1941 г. Что касается крайне неумеренных проявлений культа, то здравому смыслу народа они были чужды. Они были всего лишь *аппаратным ритуалом* и обязательным мотивом официальной пропаганды.

10) Нельзя не ответить на вопрос, почему в стране не было сколько-нибудь значительного и организованного сопротивления всем уродствам периода культа личности Сталина.

Объяснять это только террором, дъявольской системой взаимного недоверия, конечно, нельзя. Ведь царского террора, жандармов не боялись. Сколько революционного мужества и стойкости было у нас в прошлом! Все дело в том,

что в своей революционной энергии советский народ был повернут лицом к внешней контрреволюции. К своим внутренним недостаткам и противоречиям он привык относиться с учетом того, что у порога Советской страны стоит грозный и коварный враг, который сейчас же использует в своих интересах любой разлад в стране. Кстати и эту черту Сталин постоянно эксплуатировал. Имела, конечно, значение и практика секретности в проведении репрессий. (И даже эта секретность воспринималась нередко, как продолжение старой революционной конспирации). А главное — коммунисты, весь советский народ, оказавшись перед лицом невероятного *смещения понятий* и ролей, были глубоко дезориентированы. Увидеть в глубинах революции, которой они были беззаветно преданы, нечто столь чуждое, подлое, враждебное, было нелегко. Потребовался такой идейно-психологический перелом, который для многих долго оказывался непосильным. И лишь смерть Сталина открыла путь к переосмысливанию всего, что было.

...Я думаю, также, исходя из вышесказанного, что ставить едва ли не знак равенства между сталинизмом и фашизмом совершенно недопустимо. Я вижу в этом эмоционально-интеллигентское верхоглядство и безответственность. Увы, товарищи интеллигенты (с Вашего позволения, я не исключаю себя из их числа) в наши дни время от времени довольно шумно демонстрируют такую безответственность.

К сожалению, на этом я должен закончить свои возражения. Пытаясь вспомнить Ваши «Размышления» и оценить их в целом, я думаю, что в них многое от утопии, от неприемлемой позиции «над схваткой» и от недостаточной защищенности перед натиском буржуазной идеологии (видимо, Ваша «колокольня» с одной стороны шире, а с другой уже по кругозору). Я не вижу никаких оснований, чтобы «открыть кредит» для тех более чем сомнительных буржуазных, якобы и всеобщих и вечных «истин» (имею ввиду свободу вообще, гуманизм вообще и т. п.), которые нам навязывают «оттуда». Цену им мы ведь знаем давно...

29 июля. С уважением, М. Марковский»

Что можно сказать о письме М. Марковского? Это письмо интересно, и оно содержит ряд правильных и критических и позитивных положений. Однако многие высказывания Марковсково страдают односторонностью. Марковский пишет, например, что слова Чехова о «рабах», приведенные Сахаровым, звучат дико. Советские люди, по мнению Марковского, были обмануты, но они не были рабами Сталина, они служили ему искренне, полагая, что они выполняют свой революционный долг. Да, это было именно так, но лишь у одной части советских людей. Но что можно сказать о тех партийных работниках, которые санкционировали аресты и казни своих друзей и соратников, хорошо зная, что те не являются шпионами и «врагами народа»? Что можно сказать о тех следователях и судьях, которые сознательно фальсифицировали показания арестованных коммунистов и беспартийных? Что можно сказать о тех писателях и журналистах, которые сознательно и цинично искажали действительность? А председатели колхозов, которые выпоняли множество распоряжений, бессмысленность и вредность которых была для них очевидна? И такие примеры именно рабского поведения, продиктованного не сознанием революционного долга, а в первую очередь трусостью можно было бы продолжить. Нередко по-рабски вели себя не только чиновники из партийного и государственного аппарата, но и ученые, военные деятели, дипломаты и др. И от этого страха, от привычек именно рабских мы на самом деле только начинаем еще освобождаться. Я думаю, что большинство ителлигенции или не одобряет наше вторжение в Чехословакию, или же относится к этому акту с явным неодобрением. Но кто нашел в себе мужество заявить об этом публично?

Неправ Марковский, когда он пишет, что не только напряженность социалистических планов, но и сопротивление оппозиции «закономерно» потребовали «сильного» руководства. Вопрос об оппозиции гораздо сложнее. Ошибочно полагать, что одна из причин, толкнувшая Сталина на установление тоталитарного режима и на чудовищные репрессии — это «огромная сверхчелозеческая ответственность за дело социализма».

Перечисляя тоталитарные режимы, А. Д. Сахаров действительно пишет о фашизме, сталинизме, маоизме. Это од-

нако вовсе не означает, что автор «Размышлений» отождествляет эти режимы. В «Размышлениях» кратко говорится о различиях между сталинизмом и фашизмом. Более подробное рассмотрение сущности как фашизма, так и сталинизма или маоизма не входило в задачу Сахарова.

Требование интеллектуальной свободы вовсе не означает призыва к идейному хаосу или отказа от борьбы идей. В «Размышлениях» А. Д. Сахарова нет призыва к «неограниченной» интеллектуальной свободе. Наоборот, А. Д. Сахаров пишет о невозможности сосуществования с различного рода экстремистскими идеологиями. Никакое даже самое демократическое общество не может позволить своим членам делать все, что угодно или говорить и печатать все, что угодно. Всегда будут какие-то разумные ограничения, охраняющие общество от распада и разложения. Однако сейчас, когда наше общество задыхается в тисках самых различных нелепых и вредных ограничений, важно сосредоточить внимание не на вопросе о тех или иных рамках для интеллектуальной свободы, а на том, какие ограничения должны быть отброшены.

4. Из воспоминаний Н. Г. Кузнецова «Годы войны»

В журнале «Октябрь» (№ 8, 1968) начала печаться вторая книга воспоминаний бывшего министра Военно-Морского Флота Н. Г. Кузнецова «Годы войны». (Первая книга «Накануне» была опубликована 2-3 года назад). Воспоминания Кузнецова интересны и полезны для военного историка. Вызывает, однако, протест и несогласие нарисованный Кузнецовым образ Сталина, который не только очень сильно отличается от действительности, но и от того Сталина, о котором Кузнецов писал в своей первой книге. Как бы полемизируя с Н. С. Хрущевым, с Майским и некоторыми другими авторами, Кузнецов пытается доказать, что Сталин не только не растерялся, но энергично работал с первых же часов войны. А вот как описывает Кузнецов речь Сталина 3 июля 1941 г. «Необычно низкий голос, тяжелое дыхание и звук наливаемой в стакан воды говорили о его волнении. Все, кто оказался в это время у приемников или громкоговорителей, с замиранием ловили каждое слово. Мне эта

взволнованная речь напомнила выступление И. В. Сталина в печальный день похорон В. И. Ленина в январе 1924 года. Казалось, я заново видел, как он взошел на трибуну тогда еще деревянного мавзолея, как, с трудом справляясь с собой, начал: «Душевное волнение не позволяет мне много говорить . . . »

Вполне возможно, что Кузнецов в 1941 году и вспомнил 1924 год. Но писать об этом без оговорок в 1968 году, как о своем сегодняшнем мнении, — это не в пользу Н. Г. Кузнецова.

«Как много значила деятельность Государственного Комитета Обороны в эти критические дни! — пишет Н. Г. Кузнецов об октябрьско-ноябрьских боях под Москвой в 1941 году. — Железная воля И. В. Сталина делала, кажется, невозможное, когда, из последних сил отражая натиск фашистских полчищ на Москву, приходилось одновременно собирать резервы для наступления.» И снова никаких оговорок. Но разве не эта же железная воля или лучше сказать железное упрямство Сталина было причиной того, что фашистские полчища оказались под Москвой, и нам приходилось биться с ними действительно «из последних сил»? Разве не Сталин был повинен в том, что нападение гитлеровцев застало нашу страну и армию врасплох? Разве не с такой же «железной волей» настаивал Сталин весной 1942 года на продолжении наступления Красной Армии на всех фронтах, хотя для такого наступления тогда еще не было сил? И эти примеры можно продолжить до бесконечности. Однако на протяжении многих страниц Кузнецов рисует Сталина только твердым и умным полководцем, суровым, но заботливым. Но ведь знает же Кузнецов, что как раз в конце 1941 года и летом 1942 года нередко по личным указаниям Сталина в лагерях были уничтожены сотни талантливых военачальников из числа тех, кто не был расстрелян в 1937-1938 гг.?

в. О статье В. Хвостова и А. Грылева в журнале «Коммунист»

В журнале «Коммунист» опубликована статья двух историков: В. Хвостова и А. Грылева. Статья называется

«Накануне Великой Отечественной войны» и посвящена главным образом всяческому обелению внешней и внутренней политики нашего правительства и в первую очередь, конечно, Сталина в предвоенные годы. Так, например, рассказав читателям о том, как много военной техники выпускала наша промышленность в 1938-1941 гг., Хвостов и Грылев лишь мимоходом, как о чем-то малозначащем и только в конце статьи пишут: «На состоянии боевой готовности нашей армии отрицательно сказались и связанные с культом личности необоснованные репрессии в отношении командных и политических кадров.»

Однако многие из цифр и данных, приведенных Хвостовым и Грылевым, наводят на размышления, противоположные логике авторов.

Так, например, в статье говорится, что в 1938 году наша промышленность произвела 12 687 орудий, 5 469 самолетов и 2 270 танков. А за следующие 2 с половиной года до июня 1941 года оборонная промышленность дала армии еще свыше 80 тысяч орудий и минометов, 7,6 тысяч танков и более 17 тысяч боевых самолетов. При этом было выпущено 3 719 самолетов новых конструкций и 2 083 танка новых типов. Если учесть, что и до 1938 года военная промышленность что-то давала армии, то даже с учетом потерь во время боев с финской и японской армиями очевидно, что наша армия располагала к началу войны с фашистской Германией не менее чем 100 тысячами ордудий и минометов, не менее чем 10 тысячами танков и не менее чем 25 тысячами боевых самолетов.

Но куда делось все это оружие, если, как свидетельствуют Хвостов и Грылев, в первые дни войны немецким войскам противостояло всего 1800 танков (речь идет о тяжелых и средних танках, среди которых было 1475 танков новых конструкций) и 34 695 орудий и минометов? Что касается самолетов, то авторы упоминают лишь о самолетах новых конструкций, которых было 1540.

Фашистское командование развернуло на советских границах 3 712 танков (в том числе 2 786 средних), 4 950 самолетов и 47 260 орудий. Это не так уж и много, если иметь ввиду арсенал СССР. Но ведь и осенью 1941 года у нас все

еще был острый недостаток в танках и самолетах. Так что трудно предположить, что большая часть советской техники была где-то в резерве. Вероятно, все-таки Хвостов и Грылев преуменьшают количество техники, которой располагали наши западные армии к началу войны. Это делается для того, чтобы преуменьшить масштабы наших потерь.

6. О статье Д. Н. Притта «Права человека — 1968 год»

Английский юрист Денис Н. Притт в конце 30-х годов всячески оправдывал сталинские репрессии. Он даже присутствовал на политических судебных процессах 1937 и 1938 гг. и затем уверял западное общественное мнение, что Сталин уничтожил с полным соблюдением закона действительных врагов народа, шпионов и изменников. Впоследствии Д. Притт оправдывал любой шаг Советского правительства и, таким образом, потерял всякое доверие английской общественности.

Недавно Денис Н. Притт опубликовал в журнале «Проблемы мира и социализма» новую статью, посвященную Всеобщей декларации прав человека. Как известно, эта декларация была принята в 1948 году. Нынешний 1968 год объявлен ООН Годом прав человека. Денис Н. Притт утверждает в своей статье, что только в социалистических странах по настоящему заботятся о соблюдении всех свобод и прав человека. Имеются, правда, некоторые ограничения свободы и в социалистических странах. Однако главную вину за эти ограничения прав человека в социалистических странах должны нести, по мнению Д. Притта, ...господствующие круги капиталистических стран. «Социалистические правительства, — пишет Д. Притт, — как бы прочно ни поддерживались они населением, должны иметь в виду, что не только враждебность главных капиталистических стран, о чем свидетельствуют «холодная война» и существование НАТО, беспрерывная подготовка в Западной Германии к вооруженному нападению на своих соседей с целью восстановления границ 1937 г., но и тщательно разработанные подрывные действия Центрального разведывательного управления внутри социалистических

стран представляют реальную угрозу для последних. Социалистическим странам поистине приходится рассматривать себя находящимися в состоянии войны, поскольку речь идет о своей защите путем принятия решительных мер против подрывных действий. Можно быть уверенным в том, что это является единственной причиной, по которой эти страны вынуждены ставить определенные рамки, внутри которых реализуются предусмотренные Всеобщей декларацией права человека — в противоположность капиталистическим странам, правительства которых приостанавливают любое право, которое затрудняет их действия в ходе классовой борьбы. Мы уверены в том, что социалистические государства стремятся осуществлять эти свободы в полном объеме.» (№ 8, 1968, стр. 91-92).

7. *Письмо из Эстонии академику А. Д. Сахарову*

Академик А. Д. Сахаров получил из Эстонии письмо под названием: «Надеяться или действовать?» Под письмом нет подписи или подписей. Указано лишь, что это письмо составлено «многочисленными представителями технической интеллигенции Эстонской ССР». Авторы письма пишут о брошюре А. Д. Сахарова и в ряде случаев полемизируют с ним. «Указанная брошюра, — заявляют эстонцы, — примечательное явление в нашей неофициальной литературе. Автор, один из творцов советской водородной бомбы и, следовательно, косвенный виновник создавшегося ядерного тупика, с большой гражданской смелостью и болью в сердце ставит ряд основных вопросов нашего времени. Это свидетельствует о том, что наши ученые начинают выходить за узко специальную область своих исследований, задумываться об их последствиях, давать нравственную оценку своей деятельности. Они начинают, наконец, сознавать свою человеческую ответственность за те смертоносные ценности, которыми они наполнили мир. Брошюра Сахарова делится на две части: «Опасности» и «Основа надежды», в которых сделан анализ прошлого, затронуты наиболее тревожные проблемы современности, намечаются благородные цели, указываются их достижения. Под основными положениями брошюры подпишутся все честные и мыслящие люди нашего общества.

В данной статье мы будем говорить не о том, в чем мы согласны с Сахаровым, а заострим внимание на наших разногласиях и сделаем свои дополнения. Принадлежность Сахарова к ученому миру налагает определенную печать на образ мышления автора. Он возлагает необосновано много надежд на научно-технические средства, экономические меры, на добрую волю руководителей общества, на здравый смысл людей, видит основные причины мирового кризиса вне границ нашего общества... И здесь автор глубоко ошибается, разделяя основной предрассудок эпохи: он видит причины и предпочитает средства внешние, материальные, пренебрегая внутренними, духовными, политическими, органическими.

В связи с этим укажем три фактора, являющихся одновременно и средством и целью:

А. — Нравственно-философский фактор

Политические потрясения, происшедшие в течение XX века в нашем обществе, привели к устранению христианства как основной идеологической силы из жизни общества, к разрушению его моральных ценностей. Новая материалистическая идеология не заменила (да и не могла заменить) этих утерянных ценностей. Создался моральный вакуум. В обществе это вызвало нравственное раздвоение человеческой личности. С одной стороны мораль показная, внешняя, притворно-коллективная, с другой стороны — мораль подспудная внутренняя, первобытно хищная, эгоистическая. Это породило общество с наружным механическим солидаризмом, на деле же построенное на личности, отчужденной от общества, испытывающей страх перед ближним, чувствующей себя ничтожной и одинокой перед огромной государственной машиной. В таком разобщенном обществе неизбежны те печальные явления, о которых оправдано сокрушается Сахаров. Более того, они ему органически присущи. Здесь необходимо подчеркнуть следующее: не слишком ли во многом мы обвиняем демоническую личность Сталина и его доверенные «кадры»? Само общество в целом несет за эти явления прямую ответственность! Разве не оно провоцировало своей инертностью, безразличием, раболепием, невежеством, наконец, просто жесто-

костью все эксцессы культа личности. Идол немыслим без идолопоклонников. Более того, если появится новый «Сталин», все может повториться с самого начала. Для этого у нас существует и морально-психологическая основа и прямая социальная база. Только повышение нравственного уровня нашего общества, его сознательной гражданской активности, пробуждение чувства личной ответственности может действенно противостоять этой кровавой вакханалии.

Для этого должны быть созданы прежде всего новые нравственные ценности. Наше общество должно либо выработать, либо заимствовать, но в любом случае писать и найти — новое нравственно-философское учение.

Его, видимо, еще нет. Но ищущие обрящут!

В этом одно из условий морального оздоровления и достойного развития нашего общества.

Б. — Общественно-политический фактор

а) Внутренний

Наше общество находится сейчас в положении неустойчивого политического равновесия. Оно зыбко и непрочно. В любой момент к власти может придти сильная личность, установить неосталинистские порядки, ввергнуть страну в почину беззакония и репрессий. И тогда названные в брошюре 10-15 млн. жертв репрессий получат свое существенное пополнение. Только политические свободы (а не только интеллектуальные) и гражданская активность являются противоядием неосталинизма. *Освобождение общества невозможно без его самодеятельных сил.* Нашему обществу сейчас, как воздух, нужна самая широкая демократизация. Право меньшинства на оппозицию должно быть узаконено. Деятельность органов власти должна быть под общественным контролем. Органы власти — не родовая вотчина правящей бюрократии. Верховный Совет должен быть деловым форумом, а не механизмом единогласия. Избирательная система должна быть построена на основе многопартийности. Передовые люди нашего общества, его наиболее благородная и мужественная часть, репрессированные за то, что осмелились быть самим собой, самостоя-

тельно творить и мыслить, высказывать свои убеждения, должны быть немедленно освобождены, начиная от писателей Даниэля и Синявского и кончая участниками демонстрации на Красной площади от 25 августа 1968 г. против оккупации Чехословакии (Павел Литвинов, Дремлюга и др.). Подлежит справедливому урегулированию национальный вопрос, обеспечено право народов на суверенное независимое государственное бытье. Необходим пересмотр концепции классового эгоизма. Все слои и сословия общества должны иметь равные права. Напрасно нас уверяют, что идеалы политических свобод чужды нашим народам, что им присущи только материальные интересы. Если это для некоторой части людей и справедливо, то задача нашей интеллигенции — не приспосабливаться к невежеству, а воспитывать народ на демократических идеалах, повышать его нравственно-политический уровень. Только демократическое общество — подлинная школа гуманизма.

Напрасно некоторые горе-теоретики и услужливые клеветники обвиняют нашу передовую интеллигенцию в «сионизме», в «контрреволюции». Не контрреволюция написана на их знамени, а контрсталинизм!

Уже 12 лет, со времени XX съезда, мы ждем и просим наше руководство об освободительных реформах; мы согласны просить и ждать еще некоторое время. Но в конце концов мы будем требовать и действовать! И тогда придется вводить танковые дивизии уже не в Прагу и Братиславу, а в Москву и Ленинград!

б) *Международный*

Мы обязаны в первую очередь самокритично оценить нашу собственную роль в мире. Ведь именно от нас исходит доктрина воинствующего, наступательного коммунизма! Сама доктрина мирного сосуществования была вызвана не столько гуманными соображениями, сколько страхом за собственную безопасность с конъюнктурными требованиями. Разве не наша страна «присоединила» к себе в период 1939-1949 годов 100,0 тыс. кв. км территории и установила военно-политический контроль только в Европе над 8 странами с территорией 1,274 млн. км^2? В то же время

территория других стран-победительниц почти не изменилась. Все это, возможно, приятно щекочет великодержавные чувства иных «квасных» патриотов, но уж никак не содействует разрядке международной напряженности и не может считаться явлением высоконравственным.

Мы должны отказаться от бессмысленного накопления территории, распространения державного могущества и наступательного курса; способствовать созданию пояса нейтральных государств у наших границ под наблюдением ООН, примириться с другими державами, перебросить основную часть государственных ресурсов со строительства военной машины на культурно-экономическое строительство. Поскольку не половину, а большую часть ответственности за напряженность в мире несем мы, то нам надлежит сделать первые и наибольшие шаги к примирению!

В. — Материально-экономический фактор

Экономическое развитие, даже самое бурное, само по себе чудесным образом не улучшит общества, не устранит общественного зла. Если стремятся переобразовать человека, то меньше всего достигнут этого только через желудок. Сытый волк никогда не станет ягненком. Если наша цель — нравственный человек, то материально-экономический фактор является дополнением 1 и 2 факторов, естественно вытекает из них. Наши экономисты должны иметь возможность широкого, свободного исследования и заимствования, чтобы найти те компромиссные, гибкие формы хозяйства, которые лучше всего обеспечивали бы нужды не столько государства, сколько всех членов общества. Ориентация людей в направлении преимущественно материальных потребностей как самоцели является глубокой политической ошибкой. Материальные потребности могут быть оправданы лишь только как средство в достижении нравственных целей, идеалов добра, чего так не достает в этом мире насилия и зла!

Исходя из вышеизложенного мы считаем нужным дополнить тезисы А. Д. Сахарова. Необходимо:

1. Не только устранение разобщенности враждующих держав, но и прямое сближение их.

2. Не только сосуществование и сотрудничество, но и прямое примирение.

3. Не только борьба с физическим голодом, но и борьба с нравственным голодом людей.

4. Не только законы о печати, но законы, гарантирующие политические свободы личности.

5. Не только ограничение и разоблачение сталинизма, но и прямая ликвидация его.

6. Не амнистия политзаключенных, а полное освобождение и гарантия непреследования за убеждения.

7. Не только куцая экономическая реформа, но и коренные экономические преобразования.

И главное — не только преодоление внешней разобщенности, но и внутренней!

В заключение мы обращаемся к ведущим умам нашего общества с призывом: не ограничивайтесь научно-технической фантастикой, приятными иллюзиями, побуждением розовых надежд! Создавайте новые нравственные ценности! Разрабатывайте новые общественные, политические и экономические идеалы! Дайте нам программу действия, если наши просьбы и надежды окажутся напрасными!

Письмо эстонцев затрагивает ряд важных вопросов и прежде всего вопрос о демократии. Однако многое в нем вызывает возражения. Даже В. Дремлюга назван в этом письме представителем наиболее передовой, мужественной и благородной части советского общества. Неверно, что после падения христианства в современном обществе создался идеологический и нравственный вакуум. Во-первых, христианство еще далеко не исчезло из жизни общества. Во-вторых, нельзя недооценивать значения революционного марксизма. Вероятно, нам нужно обновить марксизм, расширить это учение, а не искать какое-то новое нравственно-философское учение. Не совсем точны у эстонцев и оценки нашей внешней политики. Но в целом это интересный документ.

8. Из письма писателя Р.

«Я считаю, что главными вопросами, которые можно поставить в связи с Чехословакией являются:

1) Вопрос о *честности и идейности* любого коммуниста (комментатора, журналиста, генерала, члена Политбюро ЦК, редактора газеты).

Ложь — есть преступление, измена коммунистическим принципам, это антимарксизм, антиленинизм. Умолчание, затаивание истины есть ложь и лицемерие; см. практику Сталина: Конституция — и практика, убийства — и восхваления свободы и т. д. Т. е. нужно рассмотреть моральные аспекты интервенции («мы пришли на помощь», «нас пригласили», «мы обнаружили то-то и прочее»). Нельзя, чтобы благодаря буржуазной свободе печати даже бессовестные газетки остерегаются прямой, наглой лжи, так как она может быть разоблачена конкурентами. У нас честность газетчика должна быть подобна гиппократовой клятве. Юрий Жуков должен быть лишен права писать, так как он не по неведению, *злостно* действовал, как провокатор и лжец, нанеся стране и партии огромный вред.

Генерал — тупой исполнитель недостоин воинского звания. Он солдафон, а не полководец-коммунист.

Нужно поставить вопрос о том, чтобы по намим законам за клевету виновные отвечали в судебном порядке. Как быть с делом Гаека? Дубчека?

2) *Безграмотность* (самая прямая) послов, атташе, советников, самого Громыко — приводит к катастрофам. Червоненко обязан был во-время учитывать и знать настроения в Китае, характер Мао. Провалившись в Китае, он обнаружил барство, распекательство, непонимание обстановки в Чехословакии, давал упорно неверную информацию. Посол, проваливший Конго, был переведен в Ирак, где его также легко обманули. Безграмотность, барство и бюрократизм аппарата посольств приносит нам неисчислимые убытки. Невежественный и неумный Михайлов был назначен послом в Индонезии, и ему в голову не приходило, что назревает трагедия. Вернувшись из Индонезии, Михайлов и в СССР получил высокий пост.

Отсутствие политической подготовки нашей акции в Чехословакии (независимо от ее ненужности) — есть прямая вина Червоненко, который не способен был даже понять обстановку в Чехословакии. Не на высоте оказались и Гречко, Павловский и все командование Варшавского Пакта. Все они проявили отсутствие здравого смысла, политическую беспомощность и самоуверенность. Кстати 6-дневная война на Ближнем Востоке в 1967 году показала неинформированность не только наших посольств, но и военных советников.

3) Наше вмешательство спровоцировано кругами, которым наплевать на коммунистическое движение и на Чехословакию, — это провокационная акция, рассчитанная на усиление у нас реакционных элементов, стремящихся по аналогии с Польшей восстановить репрессии, мертвое молчание, власть мелких сатрапов взамен одного большого. Они должны быть разоблачены.

4) Думается, что вопросы *национализма* и *интернационализма* должны быть еще более глубоко разработаны в настоящее время. Это вопрос вопросов.

9. Письмо лауреата Нобелевской премии мира 1958 г. Доменика Пира, академику А. Д. Сахарову

Бельгийский общественный деятель, лауреат Нобелевской премии мира 1958 года Доменик Пир, основатель фонда «С открытым сердцем к миру» (с отделениями в Бельгии, Франции, Швейцарии, Англии, Дании, США, Италии и других странах) направил академику А. Д. Сахарову следующее письмо:

«Дорогой господин Сахаров!

«Нью-Йорк таймс» и бельгийская газета «Ле суар» опубликовали отрывки из плана будущего устройства мира, автором которого являетесь Вы. Все проекты, имеющие целью мир, основанный на справедливости и уважении не могут не заинтересовать множество людей, уставших поддерживать и вести войны, становящиеся все более смертоносными и все более бесполезными. Позвольте мне добавить три пункта к Вашему предложению по устройству мира.

1. В нем нет места для Китая. Мне это кажется очень большим упущением. Китай не только страна, которая одна представляет четверть всего человечества, но также прежде всего страна великой культуры, которой человечество обязано богатствами.

2. В Вашем проекте не нашлось также места и для малых стран. Создается впечатление, что эти последние не могут иметь собственного существования и имеют лишь выбор — жить под эгидой (тенью) СССР или США, которые фактически, но не по праву владеют абсолютной монополией управления миром. Я хорошо знаю страны маленькие, но прекрасные, вспомните Чехословакию на стороне СССР и Норвегию на стороне США, которые не имеют желания делать этот выбор.

3. Наконец, в Вашем плане я не вижу места для человеческой личности, абсолютного уважения к ней, к ее культуре, ее совести, ее правам и свободе.

Что мир — говоря в самой общей форме — идет к социализму, в этом я с Вами согласен. Я прилагаю текст своей речи «Конструктивная революция». Вы прочете там, что я сказал по этому поводу. Я посылаю Вам также текст моей лекции «Между Востоком и Западом» (впечатления человека доброй воли от посещения СССР). Итак, я, по совести, думаю, что *диархия* в мире (СССР-США) может привести только к новой колонизации — политической, экономической, а также культурной. Это та великая опасность, которая содержится в Вашем плане. Я осмеливаюсь привлечь к этому Ваше внимание. Я посылаю Вам с посвящением экземпляр моей книги «Строить мир», которую я задумал как небольшое руководство для добрых граждан мира, а также текст моего выступления в Женеве в рамках года прав человека, под заглавием «Чтобы больше не убивали Моцарта . . . »

Заверяю Вас в своих самых сердечных чувствах, отец Доменик Пир, лауреат Нобелевской премии мира 1958 г.»
19 августа.

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ СОБЫТИЙ В ЧЕХОСЛОВАКИИ И ВОКРУГ ЧЕХОСЛОВАКИИ

1. Была ли угроза военного вмешательства НАТО в Чехословакии?

Официальная советская версия причин военной интервенции пяти стран Варшавского Договора в ЧССР включает в себя, во-первых, тезис о реальной опасности внутренней контрреволюции, и, во-вторых, тезис о наличии якобы реальной опасности вторжения военных сил НАТО на территорию Чехословакии. «Если бы войска СССР и его союзников не вступили бы в ЧССР, то через три-пять дней здесь были бы дивизии бундесвера и НАТО», — примерно так заявляют сегодня некоторые из советских пропагандистов.

Опровержение этой версии не составляет большого труда.

В первую очередь следует отметить, что нашей общественности не было вообще представлено никаких доказательств реальной опасности военного вторжения со стороны НАТО на территорию Чехословакии. Таким образом, нам не приходится разбирать какие-то доводы или факты, но лишь голословные утверждения, рассчитанные на привычку большинства слепо доверять официальным сообщениям. Всему миру, однако, известно, что на западных границах Чехословакии не было сконцентрировано перед 21 августа никаких сил вторжения, достаточных хотя бы для того, чтобы опрокинуть чехословацкую армию. Несколько дивизий бундесвера и некоторые американские военные подразделения — вот и все, что было у НАТО близ чехословацкой границы. В ФРГ не проводилось никакой дополнительной мобилизации, напротив, намеченные ранее у границ ЧССР военные маневры были перенесены в другой район, чтобы избежать осложнений.

Чехословакия является, как известно, участником Варшавского Договора, она связана кроме того с другими социалистическими государствами договорами о дружбе и взаимной помощи. Любая западная держава или союз государств не могут поэтому планировать какое-то изолированное вторжение на территорию Чехословакии, или ГДР

или Венгрии. Каждый западный стратег знает, что в случае вторжения тех или иных западных сил в Чехословакию, эти силы будут встречены всей мощью вооруженных сил Варшавского Договора. Иными словами, начнется новая мировая война. То же самое было бы и в случае вторжения наших сил, например, на территорию ФРГ. Но ни один западный политик не пойдет сегодня на риск мировой войны по такому поводу как поддержка отдельных контрреволюционных групп в Чехословакии. Западные державы не решились на такой шаг и в 1956 году в Венгрии, где силы контрреволюции были несравненно более сильны, чем в ЧССР, и где правительство Имре Надя заявило о выходе Венгрии из Варшавского Договора и обратилось за помощью к западным странам. Была оказана только помощь в организации, вооружении и переброске на территорию Венгрии отрядов реакционных венгерских эмигрантов. Но перед 21 августа ни в ФРГ, ни в Австрии не было практически никаких эмигрантских чехословацких вооруженных подразделений.

Если бы даже и существовала какая-то опасность вооруженного вторжения с запада на территорию Чехословакии, то по согласованию с Чехословацким правительством достаточно было бы ввести войска Варшавского Договора лишь в пограничные районы ЧССР. Из стран НАТО только ФРГ имеет общую границу с Чехословакией, и наши войска могли бы в течение одного-двух часов (продвигаясь из ГДР) занять ключевые участки на этой границе. Для чего нужно было, спрашивается, выбрасывать воздушно-десантные войска на Прагу и Братиславу?

Совершенно очевидно, что американские политики, немецкие милитаристы, все руководство НАТО внимательно следили за развитием событий в ЧССР. И не только следили, но и всячески пытались помочь развитию этих событий в определенном направлении и прежде всего в сторону раскола социалистического лагеря в Европе. С этой целью наши западные противники поддерживали как могли не только явно контрреволюционные группы в ЧССР, но старались, хотя бы на словах, поддержать и те реформы, которые не выходили за границы социалистической демократии и которые в действительности не ослабляли, а укрепляли социалистическое общество в ЧССР. Решающим для

западных стратегов было то, что все эти реформы не нравились многим руководителям других социалистических стран и вызывали у них резкую критику. Точно также и мы поддерживаем различного рода движения национального капитализма, направленные против империалистов США или Западной Европы. И не только тогда, когда речь идет о слаборазвитых странах. Мы поддерживаем выступления Де-Голля против США и НАТО. Однако и для нас, и для наших противников речь идет в данном случае о политической и экономической поддержке. В ряде случаев речь идет и о военной поддержке, как, например, на Ближнем Востоке. Однако ситуация, сложившаяся в ЧССР, исключала возможность прямого военного вмешательства со стороны стран Запада. Поэтому смешно и нелепо говорить сегодня о том, что введение войск Варшавского Договора в ЧССР предотвратило новую немецкую оккупацию Чехословакии. Никто в этой стране не верит в эту примитивную версию.

22. IX - 68 г.

2. О действительных размерах и опасности внутренней контрреволюции в Чехословакии

Другой тезис нашей пропаганды состоит в том, что в Чехословакии к лету 1968 года возникла контрреволюционная ситуация и создалась реальная угроза контрреволюционного переворота. Согласно утверждениям нашей печати, антисоциалистические силы в ЧССР были очень сильны, они располагали десятками тысяч вооруженных подпольщиков, они захватили в свои руки большую часть средств массовой информации, они подчинили своему влиянию значительную часть чехословацкой молодежи и интеллигенции. Руководимые из единого центра контрреволюционеры в ЧССР тесно связаны с иностранными разведками и эмигрантскими организациями. Все эти антисоветские, антисоциалистические и контрреволюционные силы изготовились уже для захвата власти, и мы должны нанести им «упреждающий» удар, чтобы сорвать их заговор.

Правда, одних только рассуждений о силе контрреволюции было недостаточно, чтобы оправдать наше вмешательство во внутренние дела ЧССР. Отсюда родилась и вторая

версия — о слабости народной, социалистической власти в Чехословакии. Наши газеты писали, что руководство ЦК КПЧ оказалось временно в руках правых ревизионистов, которые не вели настоящей борьбы с контрреволюцией и позволяли ей захватывать одну позицию за другой. Что касается польских и берлинских газет, то они прямо писали, что КПЧ утратила власть в стране, что органы народной и социалистической власти уже не контролируют больше положение в Чехословакии. Выходило, что только вмешательство извне может спасти социализм в ЧССР, а также помешать превращению Чехословакии в плацдарм для нападения на другие социалистические страны.

Руководители КПЧ оспаривали, как известно, наши версии по поводу контрреволюции. Они заявляли, что в Чехословакии нет пока еще никакой реальной угрозы контрреволюционного переворота. Признавая усиление антисоциалистической пропаганды, они отрицали нашу версию насчет проникновения контрреволюции во все государственные и партийные организации и захвата контрреволюцией основных средств массовой пропаганды. Они заявляли, что партия, рабочая милиция, армия и органы безопасности бдительно стоят на страже социалистического строя в Чехословакии и что таким образом нет никакой необходимости прибегать к вмешательству вооруженных сил Варшавского Пакта.

События последних недель достаточно ясно показали, что мнение руководителей КПЧ было гораздо более близким к истине, тогда как наши оценки антисоциалистических сил в ЧССР были основаны не столько на реальном и трезвом марксистском анализе ситуации, сколько на сознательной дезинформации.

Имелись ли вообще контрреволюционные и антисоциалистические силы в Чехословакии? Да, имелись. Как известно, в ЧССР и после 1948 года проживало немало бывших капиталистов и помещиков. Чехословакия не участвовала подобно Венгрии или Румынии в войне против СССР, здесь не было такой жесткой подпольной и полуподпольной гражданской войны как в Польше и Югославии. Поэтому здесь не было и сколько-нибудь значительной эмиграции. В ЧССР имелось очень большое количество средних и мелких капи-

талистов и собственников: кулаков, владельцев небольших предприятий, торговых заведений, домовладельцев и т. п. Революция отняла у всех этих людей их частную собственность и их привилегии, и было бы странным ждать от них поддержки социализма и социалистических преобразований. На этой почве в ЧССР несомненно существовали полулегальные и нелегальные группы и небольшие организации, выступавшие с антисоциалистических позиций и ориентировавшиеся на западные капиталистические страны. Серьезные ошибки прежнего руководства КПЧ во главе с Антонином Новотным давали немалую пищу для антисоциалистической пропаганды и антисоциалистических настроений в Чехословакии.

Перемены в руководстве КПЧ и ЧССР и фактическая отмена цензуры в стране позволили многим антисоциалистам более открыто и откровенно высказывать свои взгляды. Многие антисоциалистические течения и группировки вышли на поверхность и даже приступили к определенному сплочению и организации своих сил. Это бесспорно. Однако вместе с тем бесспорно и то, что решительное исправление новыми руководителями КПЧ ошибок и преступлений прежних лет, провозглашение новой программы действий, честное проведение в жизнь основных принципов подлинно социалистической демократии, восстановление законности, разработка программы экономических реформ, рассчитанных на быстрое улучшение экономического положения в стране, — все это выбивало почву из-под ног антисоциалистических и контрреволюционных сил и укрепляло действительный авторитет и руководящую роль коммунистической партии Чехословакии. Было очевидно, что по мере проведения в жизнь новой программы действий КПЧ влияние антисоциалистических сил и антисоциалистической пропаганды в стране будет непрерывно уменьшаться.

Коммунистическая партия Чехословакии располагала решающими позициями в аппарате государственной власти, и было поэтому нетрудно пресечь действия и пропаганду антисоциалистических сил. Однако ЦК КПЧ предпочитало пока не вводить в дело ни органы безопасности, ни рабочую милицию, ни армию. Отпор давался политическими и идео-

логическими средствами, и это в сложившейся конкретной обстановке было совершенно правильно.

Мы не знаем, как сложилась бы в дальнейшем политическая борьба в ЧССР, однако почти все данные свидетельствовали о том, что КПЧ сумеет удержать и укрепить свое руководящее положение в стране, не прибегая к насилиям и запретам. Вмешательство вооруженных сил Варшавского Пакта изменило всю политическую атмосферу в Чехословакии, причем в некоторых отношениях позиции и авторитет КПЧ были ослаблены.

Официальная советская точка зрения по поводу опасности контрреволюции в ЧССР была основана на нескольких крайне ложных посылках. Во-первых, мы до крайности преувеличили силы контрреволюции в этой стране. В число «антисоциалистов» мы записывали не только действительных противников коммунистической партии и социализма, но также и многих видных деятелей коммунистической партии, писателей, журналистов, а также других представителей чехословацкой интеллигенции и молодежи, которые не выступали против руководящей роли коммунистической партии, ни против социалистического строя в ЧССР. Некоторые из этих людей действительно допускали в своих выступлениях и статьях отдельные политические ошибки. Нетрудно было найти в этих выступлениях и статьях элементы национализма, некоторые из критиков «эпохи Новотного» чрезмерно резко критиковали весь 20-летний период с 1948 по 1968 гг. С этими людьми можно было полемизировать (не прибегая, конечно, к тому грубому и развязному тону, которым так отличилась в последние месяцы наша печать) и нужно было полемизировать, однако было совершенно неправильным объявлять всех этих людей антисоциалистами, реакционерами, а позднее и контрреволюционерами. Это был типично сталинский прием — придавать борьбе с инакомыслящими в партии характер борьбы с «врагами народа».

Фактически мы объявили почти всех чехословацких писателей и журналистов антисоциалистами и контрреволюционерами. Но ведь в ЧССР нет других журналистов и писателей. Большая часть тех журналистов и писателей, которые выступали в 1969 году по радио и телевидению,

которые редактировали «Литерарни листы», «Млада фронта» и множество других газет и журналов — это члены партии, которые и при Новотном вели ту же работу. Эти люди стали с весны 1968 года писать и говорить иначе, чем раньше. При этом они допускали много различных ошибок, некоторых из этих людей занесло слишком «вправо» или «влево».

Однако не было никаких оснований зачислять этих людей в контрреволюционеры и требовать от руководителей КПЧ, чтобы они немедленно пресекли деятельность этих «контрреволюционеров». Типично в этом отношении дело Яна Прохазки. Еще несколько лет тому назад мы писали о нем, как о видном представителе чехословацкой коммунистической интеллигенции, руководителе Союза Писателей ЧССР и члене ЦК КПЧ. В конце 1967 года Прохазка был отстранен от руководства Союза Писателей и выведен из ЦК. В начале 1968 года он снова стал заместителем председателя Союза Писателей ЧССР. В своих статьях в 1968 году Прохазка допускал немало ошибок, и наша печать называла его «правым ревизионистом» и «националистом». (В статьях «Литературной газеты» по поводу выступлений Прохазки было еще больше ошибок и передержек.) А уже в сентябре 1968 года «Правда» и «Известия» и тем более «Литературная газета» называют Прохазку контрреволюционером, даже «закоперщиком и руководителем контрреволюции». Вообще наша печать довольно безответственно манипулировала в последние месяцы понятиями «правый ревизионист», «антисоциалист», «контрреволюционер» и т. п. При этом многие люди, занимавшие совершенно правильную марксистско-ленинскую позицию (и именно с этих позиций справедливо критиковавшие многие наши действия), объявлялись «правыми ревизионистами». С другой стороны, многие представители чехословацкой интеллигенции, которые действительно под влиянием сложившейся обстановки впали временно в «левый», «правый» или националистический уклоны, объявлялись нами «контрреволюционерами» и «антисоциалистами». Поскольку же руководители ЦК КПЧ продолжали поддерживать связь и с Прохазкой, и с Пеликаном, и с Юнгманном и тем более с О. Шиком или В. Гаеком, занимавшим видные посты в Правительстве ЧССР, то мы стали писать в своих газетах и журналах, что в ЧССР

«правые ревизионисты» вступили в связь с «контрреволюционерами» и «антисоциалистами» и таким образом в стране сложилась контрреволюционная ситуация. «Одним из важнейших средств *враждебной социализму* пропаганды в ЧССР, — писал, например, в начале сентября советский журнал «За рубежом», — стала печать. Около десятка центральных газет и журналов, радио и телевидение оказались в руках правых, *антисоциалистических сил*. Идеологи правых сил сумели проникнуть даже в орган КПЧ — «Руде право».

Подобного рода анализ обстановки в ЧССР, при котором всех неугодных нам журналистов и партийных работников мы немедленно зачисляли в разряд «правых» и «антисоциалистов», являлся грубейшей ошибкой, лишавшей нас возможности трезво оценить действительные силы контрреволюции в ЧССР и опасность социалистическим завоеваниям в этой стране. Не было никаких оснований зачислять в контрреволюционеры и известных чехословацких путешественников Ганзелку и Зикмунда, олимпийского чемпиона Затопека и десятки других популярнейших в Чехословакии людей, ее национальных героев.

Мы уже не говорим о прямой и, видимо, сознательно инспирируемой неправде, которая была выплеснута в последние недели на страницы наших газет. Всеобщее возмущение чехословацкого народа грубыми и незаконными действиями пяти стран Варшавского Договора мы объявили результатом происков контрреволюции. Когда толпы чехословацких граждан выражали свое негодование по поводу насильственного увоза из Чехословакии ее законно избранных руководителей: А. Дубчека, Й. Смрковского и других, то мы называли этих граждан «бандами контрреволюции, направляемыми специалистами западногерманского бундесвера» (см. например, статью «Куда ведут нити», «Правда», 28 августа 1968 г.). Передвижные радиостанции чехословацкой армии, которые информировали население о положении в стране и о решениях правительства и Национального Собрания ЧССР, мы называли подпольными контрреволюционными радиостанциями. В «Правде» 28 августа была опубликована заметка «Тайное становится явным», в которой утверждалось, что даже XIV-й съезд КПЧ был созван в Праге какой-то давно существовавшей в ЧССР

подпольной контрреволюционной организацией. А вот как описывает обстановку в ЧССР перед вторжением туда советских войск газета «Известия»: «Через распахнутые на Запад государственные границы в ЧССР устремился поток западногерманских эмиссаров, выступавших под видом «туристов», «экономических экспертов», «представителей» фирм и банков ФРГ, «корреспондентов» и т. п. Этим путем шла и переброска денег, оружия, радиотехнической аппаратуры, оборудования для размножения антисоциалистической литературы. «*Были сообщения* (??), что «инструкторы» из ФРГ принимали непосредственное участие в создании на территории Чехословакии подпольных баз, конспиративных квартир, в обучении контрреволюционеров методам подрывной, в том числе вооруженной борьбы. ... Боевые диверсионно-террористические группы сколачивались при активном участии западногерманской агентуры, например в районах Ческе-Будеевице, Кладно и Крумлов. Шло формирование вооруженных отрядов в Праге и других городах преимущественно из подростков и студентов.» Вся эта страшная картина подготовки контрреволюционного переворота, нарисованная К. Петровым, видимо, по данным. заимствованным из газет ГДР, является явной клеветой. И эта ложь появляется в нашей печати 21 сентября, т. е. как раз через месяц после вступления в ЧССР войск Варшавского Договора. Почему же наши войска, уже ночью 21 августа, закрывшие все границы Чехословакии, не захватили здесь ни «инструкторов» из ФРГ, ни других руководителей диверсионно-террористических групп? Почему нам пришлось пойти на уступки и вернуть к власти в Чехословакии А. Дубчека, О. Черника и других руководителей?

Логика многих наших газет и журналов была весьма примитивна. Раз советские войска были встречены в ЧССР враждебно, значит здесь поработала контрреволюция. И чем большими были масштабы протеста в том или ином городе, тем большим стало-быть было там влияние контрреволюции. «21 августа советские воинские подразделения (это писал журнал «Коммунист») вместе с воинскими подразделениями НРБ, ВНР, ГДР, ПНР вступили на территорию Чехословакии. ... Последующее развитие (??) событий показало насколько своевременной и необходимой была помощь братских стран чехословацкому народу в борьбе против

внутренних контрреволюционных сил, находившихся в сговоре с враждебными социализму внешними силами. Когда воинские части союзных социалистических стран вступили в Чехословакию, контрреволюционные силы, руководимые из единого центра, попытались во что бы то ни стало нарушить нормальную жизнь в стране, обострить обстановку, разжечь националистическую истерию, посеять вражду к Советскому Союзу... Вступление в Чехословакию войск СССР, НРБ, ВНР, ГДР и ПНР вынудило тщательно законспирированное контрреволюционное подполье раскрыть свои планы раньше намеченного срока. Ныне всему миру ясно, что реакционные силы готовились совершить контрреволюционный переворот в Чехословакии, отторгнуть ее от социалистического содружества и восстановить в ней капиталистический строй. Они имели свои тайные центры, конспиративные квартиры, радиостанции, в их тайниках хранилось огромное количество оружия» (№ 13, стр. 23).

Примерно такой же ответ на вопрос о причинах массового возмущения чехословацких граждан дает и «Правда». «Давно уже наши воины в Чехословакии заметили, — писал недавно спец. корр. «Правды» *А. Мурзин*, — что наиболее рьяные оппоненты в разговорах и спорах с ними часто задают стереотипные вопросы, оперируют одними и теми же аргументами. Ну, например: «Где вы видели у нас хоть одного контрреволюционера?» «Правые»? Но сколько их было? И так далее, в том же духе. Лозунги и листовки, которыми здесь облепили города, несмотря на свое внешнее разнообразие, по содержанию были все удивительно похожи. Заранее кем-то сформулированные, отредактированные, отпечатанные в типографиях или на машинке, они будто сходили с хорошо налаженного конвейера. Нет, тут и не пахло «стихийным возмущением масс», как это пытаются сейчас изобразить правые, контрреволюционные силы. За всем этим видна опытная организаторская рука. Враждебные элементы пытались дезорганизовать работу заводов, задерживать сырье, не разгружать вагоны и баржи, срывать таблички даже в самых глухих переулках. Смысл этого становится все яснее. Наблюдая здешние события, все больше понимаешь: скрытые враги социализма, яростные антисоветчики долго вели подкоп под социалистические устои. И когда на помощь чехословацкому народу пришли

войска братских социалистических стран, реакция выплеснула всю свою злобу и ненависть к социализму, к советско-чехословацкой дружбе. Играя на чувствах людей, бросая безответственные лозунги, отдавая заведомо вредные команды, провоцируя и клевеща, им удалось дезориентировать часть населения, учинить беспорядки». (13 сентября).

Подобная версия насчет событий в Чехословакии после вступления туда советских войск полностью ошибочна и неправильна. И действительно, быстрый ответ чехословацкого населения на вторжение непрошенных вооруженных частей, организация радиопередач и телепередач, издание и распространение газет и листовок с протестами против оккупации Чехословакии и ареста ее законных руководителей, организация съезда партии, переименование деревень и срыв табличек на улицах и переулках, — вся эта лавина народного протеста и негодования не была и не могла быть организованной в течение каких-нибудь 24 часов какой-либо контрреволюционной организацией. Все это было делом *партийных и государственных органов Чехословакии, ее армии, ее законной печати, радио и телевидения.* И во главе этого протеста стояли не контрреволюционеры, а коммунисты, комсомольцы, рабочая милиция. И если существовал в ЧССР какой-то единый центр, который направлял сопротивление граждан, то этот центр действовал не от имени заграничных разведок, а от имени и по мандату законного чехословацкого правительства, Национального Собрания. Конечно, было немало стихийных действий и стихийного возмущения масс. Какие-то действия, видимо, были предприняты и тайными контрреволюционными организациями. Вполне возможно, что многие террористические акты против советских солдат и офицеров были спровоцированы именно подпольными контрреволюционными группами, для деятельности которых именно наше грубое вмешательство во внутренние дела ЧССР и создало самые благоприятные обстоятельства. Однако основная волна протестов и негодующих манифестаций граждан, забастовок и призывов — все это происходило под контролем оформированного партийного центра.

И это вполне естественно, вполне закономерно. Коммунистическая партия Чехословакии не выполнила бы свой долг перед народом, если бы она заняла другую позицию,

если бы она призывала свой народ не к мирному сопротивлению, а к покорности перед лицом грубого насилия.

Представим себе на минуту, что однажды ночью по приказу Мао Цзэ-Дуна на Москву будет сброшен воздушный десант и китайские солдаты быстро захватят все правительственные учреждения нашей страны, арестуют и вывезут в Пекин Брежнева, Косыгина, Подгорного и других советских руководителей, объявив их правыми ревизионистами, контрреволюционерами и антисоциалистами. Как будет реагировать на это вторжение советский народ? Как будут вести себя еще оставшиеся на свободе партийные и государственные руководители? Может быть они начнут славословить «великого кормчего», о любви к которому советских людей пишут и сейчас китайские газеты? Надо полагать, что действия советских людей и всех наших организаций и органов печати будут во многом походить на действия чехов и словаков, которые, обнаружив утром 21 августа, что вся их страна занята иностранными войсками, прищедшими к ним без всякого приглашения, вовсе не бросились вместе с вторгнувшимися к ним солдатами и офицерами подавлять «свою» контрреволюцию «своих» правых ревизионистов, а обратили свое негодование на этих, конечно же, ни в чем не повинных солдат и офицеров, выполнявших приказ своего начальства. Приказ, неразумность и вредность которого стала очевидной многим из наших воинов лишь после 21 августа.

Запутавшись с вопросом о контрреволюции в Чехословакии, некоторые наши идеологи выдвинули еще одну весьма странную и очень опасную концепцию. Мы имеем в виду концепцию насчет «мирной» и «немирной» контрреволюции. Наиболее четкое выражение эта концепция нашла в большой статье С. Ковалева, опубликованной 11 сентября в «Правде». Эта статья так и называется: «О «мирной» и немирной контрреволюции». «На новом этапе исторического развития, — пишет С. Ковалев, — когда социализм превратился в мировую систему, а мощь империализма серьезно подорвана, должны были произойти и произошли серьезные изменения в тактике антисоциалистических сил. Реакция стала применять формы «тихой» или «мирной» (на первых порах) борьбы против социализма. Это подтвердилось, в частности, ходом событий в Чехословакии, где

антисоциалистические силы, маскируя свои контрреволюционные замыслы, заверяли, что они выступают, дескать, не против социализма вообще, а против «плохого» социализма, за «хороший» социализм. Но оказывается, что плохим они именуют подлинный, реальный социализм, завоеванный трудящимися, а «хороший» — правореформистский «демократический» социализм, означающий поворот к буржуазному строю. ... Тактика «мирной контрреволюции» (на начальной ее стадии) — это весьма коварная тактика, так как она рассчитана на обман масс внутри страны ссылками на необходимость «улучшать» социализм якобы в интересах народа и на введение в заблуждение легковерных людей в зарубежных странах».

Что можно сказать об этой далекой от марксизма-ленинизма и крайне коварной концепции?

Если принять за руководство концепцию С. Ковалева, то можно любую критику, действительно направленную на улучшение социалистического общества, объявить «мирной контрреволюцией». Ибо кто должен будет отделить искреннюю критику от неискренней? Не те ли бюрократы-консерваторы, которые все же имеются и в Чехословакии, и в других социалистических странах?

Во-вторых, даже если и предположить, что «мирная контрреволюция» на первых порах занимается лишь критикой «плохого» социализма и отстаиванием «хорошего» социализма, то разве в этом случае лучшим аргументом в борьбе с этой контрреволюцией могут быть танки, орудия или воздушно-десантные войска? Не означает ли применение грубой силы в подобного рода полемике, что у нас нет никаких других аргументов в защиту подлинного и реального социализма? И не играют ли действия, подобные нашим действиям в Чехословакии, наруку действительным контрреволюционерам, как «мирным», так и «немирным»? Не доказывают ли эти действия также и того, что в мире все же имеется и хороший и плохой социализм или лучше сказать лжесоциализм. Нет, мы вовсе не собираемся оценивать советский социализм как «плохой», а нынешний чехословацкий социализм как «хороший». В действительности и у нас, и в Чехословакии настоящий, реальный, подлинный социализм перемешан с лжесоциализмом. Отделить одно

от другого здесь не так просто и танки и воздушные десанты, да еще из другой страны здесь не помогут.

В-третьих, нельзя не сказать, что «новая» концепция С. Ковалева вовсе не является новой. Это лишь новое изложение старой сталинско-молотовской концепции, выдвинутой еще на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году. Вспомним, что Молотов и Сталин говорили на этом пленуме о новом облике «врагов народа» с партийным билетом в кармане, которые выступают на словах за улучшение социализма и за исправление недостатков, а на деле якобы вынашивают планы реставрации капитализма. Вспомним также, чего стоило нашему народу и всему мировому коммунистическому движению согласие с этой лживой концепцией.

Подводя итоги нашим заметкам о контрреволюции в Чехословакии, мы хотели бы повторить, что хотя некоторая опасность контрреволюции в ЧССР имелась, однако мы до крайности преувеличили эту опасность и совершили ошибку, гораздо более опасную для социализма во всем мире, чем происки контрреволюции и в ЧССР и в других социалистических странах. В «Литературной газете» на последней странице была помещена 4 сентября 1968 года следующая карикатура: какой-то чудак приготовился ударить молотком по мухе, сидящей на оконном стекле. Те кто отдал приказ о вступлении в Чехословакию 650 тысячной армии Варшавского Договора, вооруженной почти двумя тысячами танков, рисковал гораздо большим, чем простое оконное стекло. И потому трудно назвать этих людей всего лишь чудаками.

24. IX - 1968 г.

3. Советская печать о событиях в Чехословакии

В последние недели в советских газетах содержалось множество нападок на чехословацкую прессу. Все почти чехословацкие газеты обвинялись в искажении действительности, в антисоциалистических высказываниях, в искажении истинных намерений Советского Союза и его армии. Этим газетам ставилось в вину преувеличение ошибок и недостатков прежнего руководства КПЧ, «перечер-

кивание» пройденного страной пути, нападки на союзников Чехословакии. Чехословацких журналистов обвиняли в безответственности и развязности, вместе с тем отмечалось, что честным и правдивым журналистам и авторам «затыкают рот».

Немало обвинений высказывалось в последние недели в адрес румынской и югославской печати, а также в адрес многих коммунистических газет Западной Европы. Мы уже не говорим о нападках на буржуазную прессу.

Мы не будем разбирать здесь справедливость тех или иных нападок на зарубежную прессу. Вероятно, некоторые из наших претензий к иностранным газетам справедливы или во всяком случае содержат определенную долю истины. Следует посмотреть, однако, как освещали события в Чехословакии хотя бы за месяц с 21 августа по 21 сентября наши советские газеты.

Нужно прямо сказать, что наша печать показала себя в этот месяц с самой плохой стороны. В целом наши газеты скорее не информировали, а дезинформировали своих читателей. При этом применялось несколько главных приемов дезинформации.

Первый и наиболее главный из них — это *умолчание*.

И действительно, о большинстве важнейших событий последнего месяца наши газеты вообще ничего не писали. Ничего не писали наши газеты о подробностях вступления советских войск на территорию Чехословакии. Не было сообщено время вступления в эту страну, не говорилось ничего о действиях воздушно-десантных войск, занявших ночью Прагу, Брно, Братиславу и другие крупные города. У читателей наших газет могло сложиться впечатление, что советские войска вступили в ЧССР рано утром, перейдя ее границы с полного согласия чехословацких пограничников.

Наши газеты за весь последний месяц ни разу не проговорились о том, что многие законно избранные руководители чехословацкого правительства, Национального Собрания и коммунистической партии Чехословакии были арестованы и увезены из страны в первый же день вторжения.

Наши газеты всячески преуменьшали возмущение народа Чехословакии оккупацией их страны и арестом ее законных руководителей. Всеобщее негодование населения мы представляли как действия отдельных людей, «обманутых» контрреволюцией.

Ничего не сообщалось о реакции прогрессивной мировой общественности на наше вторжение в Чехословакию, о множестве протестов со стороны выдающихся деятелей интеллигенции и друзей Советского Союза. Почти ничего нельзя было узнать из нашей печати и об осуждении действий пяти стран Варшавского Договора со стороны большинства коммунистических партий всего мира. Как известно, особенно резкая критика в наш адрес раздавалась в последнее время со стороны итальянской компартии, самой большой и влиятельной коммунистической партии Западной Европы. В Риме был проведен специальный объединенный пленум ЦК и ЦКК ИКП, на котором после доклада Луиджи Лонго было принято развернутое решение, осуждающее оккупацию Чехословакии. «Правда» 29 августа сообщая об этом пленуме, приводит лишь одну выдержку из выступления Лонго, который «с удовлетворением отметил, что в ситуации, возникшей в связи с событиями в Чехословакии, в конце концов стало возможным найти путь переговоров, имевших целью политическое решение». И все. В газете английских коммунистов «Морнинг стар» было опубликовано множество резолюций, передовых статей, писем рядовых коммунистов, осуждающих наше вторжение в ЧССР. Ради объективности «Морнинг стар» опубликовала и несколько писем, в которых отдельные английские коммунисты приветствовали акцию стран Варшавского Пакта. «Правда» опубликовала лишь эти несколько писем со ссылкой на «Морнинг стар». Таким образом, создавалось впечатление, что английская коммунистическая общественность поддерживает нас.

Сообщая о пресс-конференции Де-Голля, мы ничего не сообщили о крайне резком осуждении Францией оккупации Чехословакии. Ничего не сообщили о позиции Сирии, о молчании Насера, о резком осуждении наших действий Индирой Ганди и всей почти индийской общественностью.

Все речи чехословацких лидеров после их возвращения

в страну наши газеты публикуют в крайне произвольной изложении, с большими купюрами.

И уж, конечно, мы ничего не сообщаем о потерях советских войск в Чехословакии в последний месяц.

Крайне односторонне и неправильно излагается в наших газетах процесс нормализации. Мы ничего не пишем о заявлении чехословацких лидеров, в котором они сообщили о твердом намерении руководства КПЧ продолжить программу экономических и политических реформ в стране. Мы ничего не писали об указании правительства ЧССР органам безопасности не привлекать к ответственности чехословацких граждан за их политические взгляды и убеждения. Мы ничего не сообщили об одобрении со стороны правительства ЧССР деятельности тех радиостанций, которые мы называли «подпольными» и которые действовали с полного одобрения компетентных чехословацких властей, т. е. были вполне легальными.

Эти примеры тенденциозного *умолчания* можно было бы продолжить на многих страницах.

Другой прием дезинформации со стороны некоторых наших журналистов состоял в *тенденциозном использовании различного рода высказываний буржуазной прессы*. Особенно большим мастерством по этой части показал себя обозреватель «Правды» Юрий Жуков, чьи заслуги по дезинформации советской общественности безусловно долго не будут забыты. Уже 21 августа в «Правде» была опубликована большая статья Юрия Жукова «Расчеты и просчеты врагов чехословацкого народа», которая целиком построена на тенденциозном использовании буржуазных газет. Цитируя, например, американскую газету «Вашингтон пост», которая строила различные догадки о планах «чехословацких реформаторов» Юрий Жуков не опровергает безответственные домыслы этой газеты, а представляет дело таким образом, как будто «Вашингтон пост» выдает действительные планы руководителей КПЧ.

Когда английская газета «Дейли мейл» написала в одной из своих статей, в августе, что руководители ЧССР не собираются считаться с принятыми на себя в Братиславе

обязательствами и что они «первым делом берутся за самую коммунистическую партию», что они даже собираются разделить власть с «антисоциалистическими силами» (надо полагать, что эту терминологию приписывает английской газете сам Ю. Жуков), то Юрий Жуков приводит эти высказывания буржуазной газеты без всяких опровержений.

Юрий Жуков приводит многочисленные высказывания буржуазной печати о том, что Чехословакия пытается получить в Западной Европе займы в твердой валюте, что она собирается переключиться в своей торговле с Востока на Запад, что руководители Чехословакии обратились за помощью в Международный банк реконструкции и развития. И хотя Чехословацкое телеграфное агентство 19 августа выступило с опровержением, заявив, «что мы не добиваемся кредита от Международного банка, но что некоторые наши предприятия заинтересованы в получении кредита для своих предприятий у отдельных капиталистических стран», Юрий Жуков все же настаивает на том, что версия буржуазных газет более соответствует истине, чем сообщение ЧТК. (Заметим в скобках, что попытка Чехословакии получить кредиты у некоторых западных стран не содержит ничего криминального для социалистической страны. Советский Союз получил кредит у итальянской фирмы «Фиат» и у французской «Рено». И мы оцениваем это как успех в наших экономических взаимоотношениях с Западом). Без всяких комментариев приводит Ю. Жуков и выдержку из итальянской буржуазной газеты «Темпо», которая писала, что «пражские реформаторы» идут «курсом национального социализма» и что «он представляет ярко выраженный антисоветский курс».

Тот же негодный прием лежит в основе другой большой статьи Ю. Жукова «Кто же такие коллаборационисты?». («Правда» 13 сентября). Так, например, пытаясь заклеймить видного государственного деятеля и известного чехословацкого экономиста О. Шика как одного «из главных закоперщиков» «неоколлаборационистов», Ю. Жуков ссылается на статью некоего Клайда Фарнсуорта из «Нью-Йорк таймс»: Описывая реформы, планировавшиеся О. Шиком, Фарнсуорт писал, что они имеют целью переориентировать экономику ЧССР на связи с Западом и что в этих

целях уже предпринимались меры «по установлению реалистического курса обмена кроны на иностранную валюту». (Нельзя не отметить в скобках, что и в СССР в последние годы делаются попытки по расширению экономических связей с Западом и по установлению более реалистического курса рубля при обмене его на иностранную валюту. В этом можно убедиться, побывав в открытых повсеместно валютных магазинах).

9 сентября «Правда» уделила немало места разглагольствованиям председателя социалистической партии Австрии Крейского, у которого, по свидетельству «Правды», в Чехословакии была когда-то колбасная фабрика, приносившая немалые доходы. Как заявил Крейский, «в Чехословакии на последней фазе развивался именно такой истинный процесс демократизации. В результате ЧССР перестала быть государством коммунистической диктатуры. Аппарат власти коммунистической диктатуры был парализован внутренним развитием». Для чего «Правда» цитирует Крейского? Может быть для полемики с его высказываниями? Нет, по мнению «Правды», Крейский весьма точно характеризует положение в ЧССР, ибо «в Вене неплохо были осведомлены о том, что делается в Праге».

Не лишне будет вспомнить, что еще совсем недавно вся почти буржуазная печать на все лады комментировала программу экономической реформы в СССР. При этом многие газеты писали, что Советский Союз встал на путь капиталистического развития, что через несколько лет в нашей стране будут разрешены небольшие частные предприятия. Немало писалось в западной прессе и о желании СССР установить более тесные экономические связи с Западом и т. п. Что отвечали тогда советские газеты? Мы отвергали домыслы буржуазных корреспондентов и экономистов. Мы указывали, что никакого «размягчения» режима у нас не будет, и что буржуазная печать принимает желаемое за действительное. А когда те же самые предположения высказываются насчет Чехословакии, мы заявляем, что буржуазная печать выбалтывает тщательно скрываемые, но истинные планы «чехословацких реформаторов».

С сожалением надо отметить, что в нашей печати не

только в последний месяц, но и раньше появились не просто тенденциозные материалы о Чехословакии, но и *явные фальшивки*. Так например, в «Правде» в середине июля было помещено сенсационное сообщение о том, что в наши руки каким-то образом попал сверхсекретный план НАТО, в котором намечались направления агрессии против социалистических стран Восточной Европы, причем особая надежда возлагалась на процессы «либерализации» в Чехословакии. Достаточно прочитать пространные цитаты из этого «сверхсекретного» документа, приведенные в «Правде», чтобы убедиться, что перед нами очень примитивно сработанная фальшивка. 28 августа «Литературная газета» сообщила, со ссылкой на агентство АДН (в последнее время именно это агентство было главным поставщиком фальшивок по Чехословакии) что в австрийский город Зальцбург на западногерманских вертолетах доставляется американское оружие, жоторое затем на автомашинах переправляется в окрестности Братиславы. Здесь же о переброске в Чехословакию под видом туристов американских войск специального назначения (так называемых «зеленых беретов»). При этом сообщалось даже, что американские солдаты долгое время обучались приемам ведения боевых действий в условиях ЧССР, а также чешскому и словацкому языкам. Все это было, разумеется, явной ложью. Ни одного из американских солдат советские войска на территории Чехословакии не обнаружили. Трудно поверить и в сообщение печати ГДР, перепечатанное во всех наших газетах, о так называемом «рабочем штабе Венцеля», созданном якобы для руководства действиями контрреволюционных сил в Чехословакии. Со ссылкой на печать ГДР «Правда» сообщила 30 августа, что «рабочий штаб Венцеля» организовал переброску из ФРГ в ЧССР 22 передвижных радиостанций, предназначенных ранее для бундесвера и западногерманского военно-морского флота. Никаких западногерманских радиостанций в Чехословакии также наши войска не обнаружили. Все передвижные радиостанции, которые работали в период с 21 по 27 августа в Чехословакии, принадлежали чехословацкой народной армии и различным чехословацким организациям. Законный (с точки зрения чехословацких законов) характер деятельности этих радиостанций был зафиксирован специальным решением Национального собрания.

Явно неправильно информировали советских читателей многие газеты и о настроениях подавляющего большинства населения ЧССР в связи со вступлением туда советских войск и военных подразделений других стран Варшавского Договора.

Таковы лишь очень немногие примеры из деятельности нашей печати в последний месяц.

26. IX - 68 г.

4. Советская армия в Чехословакии

О поведении нашей армии в Чехословакии, настроениях среди ее солдат и офицеров и среди высшего командования у нас пока еще очень мало сведений. Некоторые из лекторов, рассказывая своим слушателям о событиях в Чехословакии, с удовлетворением цитируют заявления каких-то западных экспертов о том, что с военной точки зрения быстрая оккупация Чехословакии была «военным шедевром». Такие заявления на Западе действительно имели место, правда, тут же добавлялось, что с политической точки зрения эта оккупация была дилетантской импровизацией.

Следует отметить, что было нетрудно после двух или даже трехмесячной интенсивной подготовки быстро оккупировать небольшую страну, армия которой не оказывала нам сопротивления. К тому же Чехословакия является членом Варшавского Договора. Поэтому для штаба Объединенного командования этого Договора, готовившего операцию, на территории ЧССР не было военных секретов. Нам были известны все дороги и аэродромы, места расположения военных подразделений чехословацкой армии и т. д. Те или иные неясности могли быть устранены во время летних штабных учений Варшавского Договора, происходивших, как известно, на территории Чехословакии. Совершенно очевидно, что в ходе этих учений отрабатывались также и детали предстоявшего вторжения. Затем в начале августа во время учений войск тыла (в западных районах СССР, а также на территории Польши и ГДР) к границам ЧССР были подтянуты все необходимые войска,

были проведены также репетиции по высадке военно-воздушных десантов. И нет ничего удивительного, что после такой основательной подготовки наша армия действовала с большой четкостью и действительно всего за несколько часов заняла все основные города и стратегически важные пункты Чехословакии. Очень трудно начинать военные операции против сильного противника, который ждет вашего нападения и всегда готов противостоять ему. Но нет никакой особой военной доблести нанести неожиданный военный удар по своему «малому» союзнику, который не ждет этого удара и никогда не готовился отражать удара с вашей стороны.

Полной неожиданностью для нашей армии была, однако, реакция подавляющего большинства населения Чехословакии. Вся наша акция в ЧССР была рассчитана, по-видимому, не более чем 20 часов вперед. Предполагалось, что уже утром 21 августа в Чехословакии будет сформировано новое правительство («рабоче-крестьянское правительство Индры-Биляка»??). Это правительство получит поддержку хотя бы и меньшинства населения («здоровые силы чехословацкого народа»). Большинство населения страны окажется нейтрализованным и запуганным. Новое чехословацкое правительство получит опору в лице армии Варшавского Договора и возьмет на себя заботу о размещении и обеспечении этой армии. Наша армия была готова к подавлению возможных отдельных очагов сопротивления. Войска шли с заряженным оружием, снаряды были в пушках, и на отдельные выстрелы по нашим войскам следовал часто быстрый ответ. Но армия была безусловно не готова к войне с огромными толпами негодующего населения. Она была не готова к тому, чтобы стрелять по женщинам, бросавшимся под танки, по детям, рисовавшим на танках знак свастики. Солдатам говорили, что они идут выручать наших друзей, вся операция с политической точки зрения проводилась под девизом «Дружба», и было очень трудно переставить эту операцию на иные рельсы. К тому же отдельные солдаты не вполне понимали утром 21 августа в какой они находятся стране, кое-кто думал, что он оказался в Германии или Польше. Некоторые считали, что идут маневры. Поскольку не было никакого нового чехословацкого правительства, то сразу же возникли трудности с размещением и

снабжением армии. Нехватало продовольствия, воды, бензина. Не было туалетов, помещений для сна и отдыха. Выполнив военную сторону операции, армия не была подготовлена к выполнению каких-нибудь политических функций. Возник тупик и растерянность. Что было делать солдатам, которые стояли на посту возле здания ЦК КПЧ, и которым какая-нибудь старуха плевала в лицо? Убивать или арестовывать ее? Но ведь вокруг толпы народа. Что было делать водителю танка, под гусеницы которого бросались женщины и девушки? Давить их? Располагаться на ночлег в домах граждан? Отнимать у них воду и продовольствие?

Когда Советская армия вошла в 1945 году на территорию фашистской Германии таких проблем не возникало. Да и не было там таких женщин и старух, которые бы плевали в лицо нашим солдатам или бросались под гусеницы танков. Но ведь здесь были наши друзья? И мы пришли им помочь? Наших солдат в Чехословакии называли оккупантами. Но это было не совсем точное определение, даже и для тех семи дней, когда войска Варшавского Договора действительно выполняли некоторые функции оккупационной армии (например, введение комендантского часа, отдельные аресты и захват отдельных зданий). «Какие мы там оккупанты, — сказал мне с раздражением один из старших офицеров Советской армии. — Если бы я был оккупантом, то я знал бы, что делать. Я создал бы комендатуры, взял бы в свои руки водопровод, электростанции, склады с продовольствием, железные дороги. И тогда чехи приходили бы ко мне получать то, что им нужно. А ведь наши солдаты в Праге в первые дни страдали от голода и жажды, они спали в палатках. Некоторые из танкистов по 50 часов не выходили из танков.» В этих условиях некоторые из солдат и офицеров проявляли раздражение и озлобленность, что было причиной отдельных достойных сожаления инцидентов. Другие, напротив, были обескуражены. Чехословацкие газеты сообщали даже о случаях самоубийства. Приходилось часто менять подразделения, находившиеся в контакте с населением. Рассказывают, правда, что советские солдаты проявляли гораздо больше выдержки, чем военные подразделения Польши, Болгарии и Венгрии. Там, где стояли войска этих стран, было как будто больше инцидентов.

Так что это была весьма странная оккупация, к осуществлению которой наша армия не была подготовлена. Надо полагать, что требования военных отвести как можно скорее войска из городов повлияли на позицию советского руководства во время московских переговоров 23-26 августа. В сложившейся обстановке у нашей армии было лишь два пути: или отступить, передав власть в стране законным чехословацким властям, или же взять всю власть в свои руки, подавив силой сопротивление народа и чехословацкой армии. Однако второй путь вел к тяжелым жертвам и среди наших войск и среди чехословацкого народа. Этот путь неизбежно вел к разрушению городов, народного хозяйства страны, к установлению длительного военно-оккупационного режима. В центре Европы мог бы возникнуть новый Вьетнам. Политического решения в этом случае было бы добиться еще труднее. Мы имели бы под своим управлением разрушенную и политую кровью страну с враждебно настроенным населением и неразрешимыми политическими проблемами. Такой оборот событий возможно устраивал наших противников на Западе, так как он означал бы невиданное политическое и моральное поражение Советского Союза. Однако этот оборот событий не устраивал ни наших руководителей, ни руководителей Чехословакии. Поэтому и стал возможен тот компромисс, который был заключен 26 августа в Москве.

О том положении, в котором оказалась в Чехословакии наша армия, можно в некоторой степени судить по отдельным сценам и диалогам, описание которых имеется в наших газетах «На одной из улиц Праги, — писал в «Правде» 23 августа С. Борзенко, — группа студентов пыталась затеять провокационный разговор с экипажем советского танка.

— Зачем вы пришли к нам без нашего согласия?

— Группа членов ЦК КПЧ, правительства и Национального собрания ЧССР пригласила нас, чтобы защитить вашу страну от атаки реакционных сил, — с достоинством объяснил командир танка, младший сержант сверхсрочной службы Валерий Цирюльников.

— И от неофашистов из ФРГ, которые ждут не дождут-

ся, чтобы повторить Мюнхен, — добавил ефрейтор Николай Анищенко.

— Нас позвали сюда рабочие, — поддержал товарищей механик-водитель Петр Симочкин и показал «Правду» с письмом рабочих завода «Авто-Прага». (Продолжения этого диалога Борзенко почему-то не приводит).

«Пожилая женщина с покупками возвращается из продуктового магазина, — свидетельствуют в «Правде» В. Журавский и В. Маевский. — Проходя мимо танка, на котором мирно устроилась четверка экипажа, она обращается к самому видному русокудрому, с казацкой бровью парню:

— Ну вот, скажи ты мне, зачем пришли, как захватчики, на нашу землю?

— Эх, мамаша, — качает русокудрый головой парень. — Неужто ты забыла, как вели себя, как хозяйничали у вас настоящие захватчики. ... Мы как пришли, так и уйдем, когда не будет угрозы вашей республике от настоящих захватчиков...» (28 августа).

«Я был свидетелем горячей дискуссии, — пишет С. Борзенко, — которую вели старшины В. Дзиев, А. Курявый и рядовые Л. Жилов и И. Новиков с толпой молодых людей, явно дезинформированных какими-то темными наставниками. К чести наших солдат, они выиграли это бескровное сражение, хотя в числе их оппонентов были адвокаты, студенты философского факультета Карлова университета.

— «Зачем вы явились к нам? — спрашивает длинноволосый студент.

— Мы упередили приход к вам реваншистов из ФРГ, — ответил солдат Жилов. И обращаясь к парню, у которого на спине намалеван контрреволюционный лозунг, продолжал: — Тебя обманули... — Он снял с руки часы и протянул студенту: — Это тебе на добрую память от русского солдата, чтобы ты, осознав свои заблуждения, жил по точному времени, по которому сверяет сейчас жизнь треть человечества». (Правда», 25 августа).

А вот еще один диалог («Известия» 27 августа):

— «Нет, все-таки зачем вы пришли? — снова начинает свое Яна. — Вы говорите, что хотите помочь нам бороться с контрреволюцией. Вы преувеличиваете опасность...

Совершенно ясно, что девушке основательно заморочили голову и она повторяет чужие слова. Мы отвечаем: — Вы что же хотите, чтобы сюда пришли западногерманские танки? Вы разве не знаете, что делали в Вашей стране фашистские оккупанты?»

И такой же почти диалог в «Правде» (26 августа).

— «Вы пришли на нашу землю как оккупанты, — говорит молодой чех. — Никакой угрозы социализму и нашей государственности мы не видели! Нам лучше известна ситуация у себя дома!

Русский майор терпеливо разъясняет: — Не только свет, товарищ, что в окне. Ваша печать, ваше радио и телевидение заморочили вам головы и залепили глаза. Вот оттого то и перестали видеть угрозу, что называется под самым своим носом, меньше чем за две сотни километров отсюда. Там старые нацистские повара заваривают кашу реванша».

27 сентября 1968 г.

5. *Некоторые предварительные итоги*

Прошло немногим больше месяца с момента вступления войск пяти стран Варшавского Договора в Чехословакию. Неожиданное среди ночи вторжение более чем полумиллионной армии в небольшую и миролюбивую социалистическую страну, арест ее законно избранных руководителей, попытка создать какое-то новое чехословацкое правительство и сформировать новое руководство коммунистической партии Чехословакии, стремление взять под свой контроль все средства массовой информации в ЧССР, — все это вызвало ожесточенную критику как в Чехословакии, так и почти во всем мире. Но дело не только в критике. Чехословацкие события явились начальным звеном в цепи событий, которые уже сейчас весьма заметно отразились и на международном престиже нашей страны, на ее военно-

стратегических позициях и вообще на соотношении политических сил и военного равновесия в мире. Эти процессы будут продолжаться еще долго, однако уже сейчас многие политические обозреватели пытаются подвести некоторые предварительные итоги. Следует это сделать и коммунистам нашей страны. Мы должны трезво оценить, что принесло нашей стране и нашей партии, а также и всему коммунистическому движению в мире вступление советских, а также польских, венгерских, немецких и болгарских войск на территорию Чехословакии. К сожалению, общие итоги этой военной акции крайне неутешительны.

Попробуем даже представить себе, что первоначальная официальная версия по поводу причин нашего грубого вмешательства во внутренние дела Чехословакии полностью справедлива. Иначе говоря, попробуем согласиться с тем, что в Чехословакии руководство партией и государством оказалось в руках правых ревизионистов, которые вели дело к сближению с Западом и к постепенному отрыву Чехословакии от социалистического лагеря. Попробуем согласиться с тем, что в ЧССР действительно образовались каким-то образом весьма мощные и организованные антисоциалистические и контрреволюционные силы, насчитывающие в своих рядах десятки тысяч вооруженных с ног до головы контрреволюционеров, тесно связанных с империалистами, располагающих десятками подпольных радиостанций, типографий, складов оружия. Эти антисоциалистические силы, руководимые, как писали наши газеты, из единого центра, готовились отстранить от руководства ослабленную правыми ревизионистами компартию и захватить власть в стране в свои руки.

И теперь поставим вопрос: чего же мы в конце концов добились, введя свои войска в Чехословакию?

Те самые руководители КПЧ, которых мы называли «правыми», не только не были отстранены от власти, но и еще более укрепились у руководства ЦК КПЧ. Нам пришлось не только освободить всех арестованных руководителей коммунистической партии и государства Чехословакии, но также вернуть их в страну и взять на себя обязательство — не вмешиваться больше во внутренние дела КПЧ и ЧССР. Всеобщее возмущение народа нашим неожиданным

вторжением привело к тому, что те группы в КПЧ, которые мы называли «здоровым силами партии» и на которые мы предполагали опираться в дальнейшем, не только ослабли, но во многих случаях слились с «правыми ревизионистами» в своем решительном протесте против столь грубого вмешательства во внутренние дела Чехословакии.

Что касается контрреволюции, то в условиях всеобщего возмущения и возбуждения нашей армии не удалось обнаружить того «единого центра», который руководил ее действиями, нам не удалось обнаружить каких-либо подпольных типографий, радиостанций и складов оружия. Некоторые из захваченных нами радиостанций оказались принадлежащими чехословацкой армии или государству, типографии, — принадлежащими различным чехословацким учреждениям, а склады оружия — рабочей милиции. Все это нам пришлось вскоре освободить и передать компетентным чехословацким властям. После освобождения и возвращения в страну А. Дубчека и его товарищей наша армия освободила всех арестованных и ушла из городов и населенных пунктов, расположившись в основном в лесах и на границах страны. И если не считать нескольких сот человек, эмигрировавших в сентябре из ЧССР, то все те десятки тысяч «контрреволюционеров», о которых писали наши газеты, продолжают оставаться на свободе и никто не помышляет об их поимке и наказании. Правда, чехословацкое правительство приняло решение о введении в стране цензуры и о закрытии нескольких политических клубов, которые противопоставляли себя коммунистической партии. Но разве ради этого мы приняли крайне рискованное решение о введении войск Варшавского Договора в ЧССР?

Конечно, если исходить из других критериев и оценок, если предположить, что Дубчек и его коллеги являются подлинными марксистами, озабоченными действительным развитием социалистической демократии в Чехословакии, улучшением ее экономического положения, восстановлением законности и правопорядка, укреплением действительного авторитета КПЧ среди рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, молодежи, то в этом случае можно было бы даже радоваться, что действия наших войск не достигли поставленных целей. В этом случае было бы резонным предпо-

ложить, что вступление войск Варшавского Договора в ЧССР было организовано догматическими и консервативными деятелями, которые были к тому же крайне плохо осведомлены о внутреннем положении в Чехословакии и настроениях народа. Поэтому вывод войск Варшавского Договора из городов ЧССР и общее политическое отступление противников «чехословацкого эксперимента» можно было бы оценить как поражение догматиков и консерваторов, боящихся подлинной и последовательной социалистической демократии. И в конце концов, можно было бы предать забвению печальные события 21-27 августа, оценив их как некоторое недоразумение, как случайную ссору между друзьями, возникшую из-за плохой информации и временного непонимания.

Есть однако другой более широкий аспект событий.

Неожиданное вторжение в Чехословакию и грубое нарушенние ее государственного суверенитета с неизбежностью привело к огромному увеличению националистических настроений в Восточной Европе. Национальные чувства народов — это огромный фактор, с которым все больше и больше приходится считаться любому политику. Мы видим в последние десятилетия не ослабление, а усиление национализма во всем мире, в том числе и в социалистическом лагере. Волна национализма захватила не только Чехословакию, Румынию и Югославию. Националистические настроения в большой степени увеличились в Польше, Венгрии, Болгарии и ГДР. Особенно сложное положение складывается в Польше, где национализм принимает все более не антигерманский, а антисоветский характер. Нынешние руководители Польского государства и Польской объединенной рабочей партии теряют свою былую популярность среди народных масс и интеллигенции. Они боятся демократизации, так как не уверены, что смогут оставаться и в условиях свободы слова хозяевами положения. Однако среди значительной части руководителей ПОРП не может не увеличиваться соблазн упрочить свое руководящее положение и свое влияние в массах, играя на националистических настроениях. Не будет ничего удивительного в том, что если через два-три года Гомулка будет отстранен от руководства партией, а его преемники станут проводить по-

литику постепенного отхода от дружбы с СССР, т. е. будут использовать не чехословацкий, а румынский опыт.

Подобное развитие событий не исключено и в Болгарии, а некоторое сочетание чехословацкого и румынского опыта не исключено и в Венгрии, где не только интеллигенция, но и значительная часть партийного аппарата высказывала свое неодобрение участию Венгрии в попытке насильственного изменения руководства и политики Чехословакии. Оказавшись между Советским Союзом и империалистическим Западом социалистические страны Восточной Европы будут опираться все более и более друг на друга, и в результате мы можем получить на своих западных границах сильный блок социалистических стран, который будет в значительной мере не сотрудничать, а противостоять нам на Западе, точно также как Китай противостоит нам на Востоке. Германская Демократическая республика будет отрезана от СССР и не исключено, что развитие националистических настроений в ГДР сделает неизбежным объединение двух немецких государств на той или иной основе. Иначе говоря, Советский Союз может оказаться в изоляции, в то время как еще недавно мы были страной, со всех сторон окруженной своими друзьями и союзниками.

Уже сейчас единый социалистический лагерь с миллиардным населением — это миф. Значительная часть военного потенциала стран социалистического лагеря связана внутренними противоречиями и ориентирована не во вне, а внутрь самого социалистического лагеря. Так, например, не менее четверти военного потенциала Советского Союза ориентирована на Китай. Уже сейчас некоторая часть военного потенциала нашей страны на Западе ориентирована на Румынию и Югославию и, видимо, дело идет к тому, что нам придется все время увеличивать эту часть нашего военного потенциала. Иначе говоря, на противоборство с империалистическими державами у нас остается гораздо меньше сил, чем раньше.

Нельзя не учитывать и следующего. Уже в дни чехословацкого кризиса все крупные капиталистические страны Европы, Канада и США приняли решение об увеличении своих военных бюджетов на ближайший год на сумму, рав-

ную, вероятно, не менее чем 10-15 миллиардов рублей. Ответить на это мы не можем из-за переживаемых экономических затруднений. В результате баланс мировых сил начинает складываться отнюдь не в нашу пользу.

Доверие к миролюбию Советского Союза в большой мере подорвано, и это сулит нам множество трудностей не только в военной и экономической, но и в политической и идеологической областях. Во многих странах влияние антикоммунистических сил резко возросло. В настроениях многих ранее дружественно настроенных к нам кругов Запада произошли большие изменения, здесь наблюдается сдвиг вправо. Мы укрепили НАТО. Если еще недавно некоторые из малых стран Европы думали о том — не последовать ли им за Францией, тем более, что в 1969 году срок прежней договоренности заканчивался, то теперь таким размышлениям приходит конец. Более того, еще один такой удар, как Чехословакия, и Франция снова займет свое место в НАТО. Можно предполагать теперь, что Никсон победит на выборах в США, так как он пользуется репутацией более последовательного антикоммуниста, чем Хэмфри.

Фронт идеологической борьбы для наших идеологических служб расширился неожиданно не только за счет вчерашних радикалов и промежуточных сил, но и за счет коммунистических партий, большинство из которых выступает сегодня против нашего вторжения в ЧССР и против некоторых других аспектов нашей внешней и внутренней политики.

Изменилось к худшему отношение к нам ряда крупных политических деятелей Европы и Азии (например, де Голля, Индиры Ганди и др.). Ослаблены наши позиции в ООН, изменились не в нашу пользу политические тенденции ряда больших и малых неприсоединившихся стран. События 21 августа встретили осуждение у большинства прогрессивной интеллигенции капиталистических стран. Многолетняя работа по ликвидации холодной войны и ее последствий находится под угрозой. Ухудшились перспективы переговоров о разоружении и ратификации Договора о нераспространении ядерного оружия. Некоторые международные контакты по самым различным линиям (культурным, научным,

дипломатическим) сорваны или частично ликвидированы.

Таким образом, следует прямо сказать, что введение войск Варшавского Договора в Чехословакию не усилило, а ослабило социалистический лагерь в Европе и во всем мире. И если мы будем исходить не из мифов, а из действительности, то мы должны будем признать, что СССР понес за последний месяц большой и трудно восполнимый политический, моральный и военно-стратегический ущерб. И если мы не хотим понести еще больший ущерб, то мы должны без сомнения принять неотложные меры по изменению многих аспектов нашей политики в отношении Чехословакии и некоторых других социалистических стран. Остается надеяться, что в нашем Политбюро и в ЦК КПСС найдутся люди, которые смогут более трезво и более реалистически оценить сложившуюся ситуацию и попытаются найти выход из создавшегося положения не на пути опасных внешнеполитических авантюр.

28 сентября 1968 г.

6. О *некоторых вопросах теории*

В сентябре 1968 года «Правда» опубликовала несколько статей по теоретическим проблемам марксизма-ленинизма. Все эти статьи по своему основному содержанию неоригинальны и представляют собой популярное и довольно невыразительное изложение некоторых общеизвестных положений марксизма-ленинизма и некоторых общеизвестных фактов современной политической борьбы. Однако отдельные положения опубликованных статей вызывают возражения, тем более, что авторы пытаются использовать эти положения в качестве идеологического обоснования нашего вторжения в Чехословакию.

Так, например, академик Ю. Францев в статье «О некоторых особенностях современной идеологической борьбы» пишет: «В Чехословакии, например, ревизионисты прямо предполагали «демонтировать» марксизм-ленинизм, пытались доказать, что ленинизм-де не интернациональное, а чисто «восточное» учение, не пригодное для развития стран Запада. Ревизионисты хотели бы подвергнуть выветриванию классовое содержание социалистических идей, вплоть

до отрицания борьбы между капитализмом и социализмом...» Ю. Францев не упоминает в статье никаких конкретных имен чехословацких «ревизионистов». Если речь идет о Цисарже, то это более чем полное изложение его действительных взглядов. Далее Францев пишет: «Разрабатывается (приемлемая для буржуазии) система «поправок» к идеологии социализма с тем, чтобы она стала «другой». Такая система поправок получила название «либерализации», т. е. различных послаблений по отношению к антисоциалистической деятельности внутри стран социализма. Эту систему называют также «демократическим социализмом», вопреки тому, что в условиях, когда политическая арена захватывается антисоциалистическими элементами, о социалистической демократии уже не может быть и речи. Это наглядно показал ход событий в Чехословакии. Никакого «другого» социализма после возникновения и развития научного социализма быть не может, никакой «другой» социалистической идеологии, не основанной на марксизме-ленинизме, в наше время не может существовать, ибо нельзя отменить великий критерий истины — практику, опыт многомиллионных масс». Что можно сказать о всех этих рассуждениях Францева? Во-первых, когда марксисты в некоторых странах народной демократии говорили о «либерализации» режима, то речь вовсе не шла о поправках к марксистско-ленинской идеологии, хотя нельзя не согласиться с тем, что эта идеология нуждается время от времени в некоторых поправках. Речь идет прежде всего о том, чтобы допустить более свободный обмен мнениями в рамках самой марксистско-ленинской идеологии, а также о более свободном диалоге с инакомыслящими. Ничего кроме укрепления марксизма-ленинизма от этого не произойдет. Ибо отказываясь от свободного обсуждения марксизма-ленинизма между самими коммунистами, а также отказываясь от открытой борьбы с некоторыми другими идеологиями, в том числе и претендующими на звание «социалистических» (цензура и административные запреты, не говоря уже об арестах и высылках, — это не идеологическая борьба, а именно отказ от нее), мы неизбежно обрекаем нашу идеологию на отрыв от быстро меняющейся действительности, на догматизацию и в конечном счете на поражение во все более ожесточенной идеологической борьбе. По мнению Францева, небольшие послабления к инакомыс-

лящим (нельзя всякого инакомыслящего зачислять в антисоциалисты) сразу приводят к тому, что политическая арена захватывается антисоциалистическими силами. Думать так — значит не верить в силу идей научного социализма. Францев пишет, что никакого другого социализма, кроме научного социализма быть не может. Но возникает вопрос — где был на практике осуществлен именно научный социализм таким, каким он только и может быть? Из всей статьи Францева вытекает, что такой подлинно научный социализм создан именно в СССР и потому опыт Советского Союза — это основа для построения социализма в любой другой стране. Конечно же, опыт СССР имеет неоценимое значение для всякой страны, строящей социализм. В опыте СССР были установлены некоторые всеобщие закономерности построения социализма, которые были лишний раз подтверждены в опыте других социалистических стран. Однако в нашем опыте имелось и множество извращений, ошибок, отклонений от правильного пути, и далеко не все из этих извращений исправлены к настоящему времени. И до сих пор социализм нередко перемешан у нас с псевдосоциализмом. Поэтому нет ничего странного, что многие марксисты и коммунисты пытаются и сейчас искать некоторые новые «модели» социализма. Эти эксперименты, даже если некоторые из них и не будут удачны, в конечном счете могут только послужить развитию социализма и коммунизма на нашей планете. Может быть очень полезным для всех социалистических стран и опыт Чехословакии. Конечно, мы вовсе не призываем, подобно некоторым энтузиастам, к немедленному использованию и в СССР опыта Чехословакии. У нас во многом иные условия и нужен иной подход ко многим проблемам. Но столь же неверно было бы реагировать на каждый новый социалистический эксперимент введением танков и высадкой воздушных десантов.

26 сентября в «Правде» была опубликована статья С. Ковалева «Суверенитет и интернациональные обязанности социалистических стран». Эта статья вызвала оживленные комментарии во всей мировой печати, что и неудивительно, так как ее автор своими софистическими рассуждениями компрометирует марксизм-ленинизм и особенно понятие интернационализма. С. Ковалев не только полностью под-

держивает вступление вооруженных сил Варшавского Договора на территорию Чехословакии прогив ясно выраженной воли всего чехословацкого народа и его коммунистической партии. Более того, Ковалев пытается доказать, что эти действия не противоречат «марксистско-ленинскому принципу суверенитета и права наций на самоопределение».

«Народы социалистических стран, — пишет Ковалев, — ...безусловно имеют и должны иметь свободу для определения путей развития своей страны. Однако любое их решение не должно наносить ущерб как социализму в своей стране, так и коренным интересам других социалистических стран, всему мировому рабочему движению, ведущему борьбу за социализм. ...Каждая коммунистическая партия свободна в применении основных принципов марксизма-ленинизма, социализма в своей стране, но она не может отходить от этих принципов (если, конечно, она остается коммунистической партией)». Может быть в самой общей постановке с этими утверждениями С. Ковалева и можно было бы согласиться. Однако возникает вопрос: кто должен и кто имеет право судить и решать — отходит та или иная коммунистическая партия от основных принципов марксизма-ленинизма или, наоборот, она сумела найти более правильное толкование и воплощение этих принципов? Кто может и имеет право определять — наносят ли действия той или иной страны ущерб всему мировому рабочему движению или, наоборот, они дают этому движению новые стимулы? Некоторые из руководителей КПСС считают, что отмена цензуры в Чехословакии и расширение здесь свободы слова, собраний и организаций наносит сильный удар по позициям социализма как в Чехословакии, так и в других социалистических странах. С другой стороны, Итальянская коммунистическая партия считает, что все основные реформы в Чехословакии укрепляют социалистический строй в этой стране и облегчают борьбу за социализм во всех капиталистических странах, ибо речь идет теперь о более привлекательном облике социализма. Кто же определит чьи доводы более соответствуют объективной истине? Как разрешить этот спорный вопрос? Конечно же, не силой оружия. В современной обстановке лучшим судьей могло бы быть международное совещание компартий, хотя и этот путь решения спорных вопросов между компартиями

не вполне совершенен. Самый лучший судья — это время и практика.

«В конкретной своей форме, — пишет далее С. Ковалев, — социалистический строй существует в отдельных странах, имеющих свои определенные государственные границы, и он развивается с учетом особенностей каждой такой страны. И никто не вмешивается в конкретные меры по совершенствованию социалистического строя в различных странах социализма. Но дело коренным образом меняется, когда возникает опасность самому социализму в той или иной стране. Мировой социализм, как социальная система, является общим завоеванием трудящихся всех стран, он неделим, и его защита — общее дело всех коммунистов, всех прогрессивных людей земли, в первую очередь трудящихся социалистических стран. ...Коммунисты братских стран, естественно, не могли допустить, чтобы во имя абстрактно понимаемого суверенитета социалистические государства оставались в бездействии, видя, как страна (речь идет у Ковалева о Чехословакии) подвергается опасности антисоциалистического перерождения.» Конечно же, трудящиеся социалистических стран не могут быть равнодушными к судьбе социалистических завоеваний в любой из этих стран. Но кто может точно определить — грозит ли той или иной стране опасность антисоциалистического перерождения? И здесь же возникает вопрос о средствах. Какими средствами можно было бы предотвратить эту опасность если, по общему мнению коммунистов всего мира, она действительно существует? В 1956 году, когда в Венгрии национальное и демократическое движение переродилось в попытку контрреволюционного переворота, причем по общему мнению всех почти коммунистических партий в Венгрии возникла даже опасность установления полуфашистской диктатуры, — в этих условиях военное вмешательство стран Варшавсково Договора было, по-видимому, необходимым, и не случайно наше вмешательство в Венгрии было одобрено всеми коммунистическими партиями мира. Но разве ситуация в Чехословакии была похожа на ситуацию в Венгрии в 1956 году? И если даже признать, что коммунистическая партия Чехословакии и допустила некоторые ошибки, то разве вооруженное вмешательство во внутренние дела этой компартии является средством для исправле-

ния этих ошибок? Ведь мы избрали в данном случае такие средства для исправления действительных или мнимых ошибок КПЧ, которые не только не могут способствовать исправлению этих ошибок, но и наносят мировому рабочему движению неизмеримо больший ущерб, чем те или иные политические ошибки той или иной компартии.

Если следовать логике Ковалева, то можно оправдать какие угодно действия. Ведь большинство коммунистических партий мира считает, и не без основания, что клика Мао Цзэ-дун наносит своей политикой огромный ущерб коммунистическому движению во всем мире и социалистическому лагерю в особенности. Так что же, мы должны объединиться с другими социалистическими странами и начать войну против КНР? Может быть, мы должны сбросить воздушный десант на Пекин? Точно также и Китай считает, что советские руководители ведут СССР по пути реставрации капитализма. Так что же, может быть, китайская армия должна по этой причине вступить на территорию нашей страны? Мы утверждаем также, что действия югославских лидеров наносят ущерб мировому коммунистическому движению. Почему бы по этой причине не ввести войска и в Югославию, а заодно и в Румынию? А как быть с компартией Италии, которая своим осуждением наших действий в Чехословакии также наносит, по нашему мнению, ущерб единству мирового коммунистического движения. Может быть, поступить подобно Сталину, который не останавливался и перед тем, чтобы вызвать в Москву и здесь арестовывать и расстреливать десятки руководителей зарубежных коммунистических партий?

«Те, кто говорит о «незаконности» действий союзных социалистических стран в Чехословакии, — утверждает Ковалев, — забывают, что в классовом обществе нет и не может быть неклассового права. Законы и нормы права подчинены законам классовой борьбы, законам общественного развития. Эти законы четко сформулированы в марксистско-ленинском учении, в совместно принятых коммунистическими и рабочими партиями документах. Нельзя за формально-юридическими рассуждениями терять классовый подход к делу. Кто допускает это, лишаясь единственно верного классового критерия оценки правовых норм,

тот начинает измерять события мерками буржуазного права».

Все эти рассуждения, как две капли воды похожи на рассуждения А. Я. Вышинского, который пытался всякими софистическими приемами оправдать беззакония периода культа личности. На самом деле нельзя сейчас противопоставлять классовый подход и соблюдение определенных юридических и правовых норм. Это было возможно только в первые месяцы революции, когда пролетариат и коммунистическая партия еще не выработали основных норм своего пролетарского права и своей социалистической законности. Наши законы — это законы не буржуазного права, а законы социалистической страны и нарушать их никому не должно быть позволено. Точно так же в содружестве социалистических стран были выработаны определенные нормы взаимоотношений между социалистическими государствами, и эти нормы никто не может нарушать безнаказанно. Во всех совместно выработанных коммунистическими и рабочими партиями документах, на которые ссылается всуе и Ковалев, неизменно говорится об уважении национального суверенитета и равноправия коммунистических партий. Эти принципы были нарушены нашим вмешательством в дела КПЧ и ЧССР, причем для такого нарушения не было достаточно оснований с какой бы точки зрения мы не смотрели: с классовой или с «формально-юридической». Никто еще не смог доказать коммунистам всего мира, что в Чехословакии происходил контрреволюционный переворот или что здесь создалась угроза такого переворота, причем ее невозможно было предотвратить силами самой коммунистической партии Чехословакии. На самом деле в Чехословакии происходило не крушение социализма, а крушение некоторых извращенных представлений о социализме, которые еще сохраняются, к сожалению, в умах как многих рядовых граждан, так и руководителей социалистических стран. Устойчивость и силу этих извращенных представлений о социализме доказывает, в частности, и статья С. Ковалева.

29-30. IX - 68 г.

7. *О причинах вступления войск Варшавского Договора в ЧССР*

Мы показали выше, что никакой угрозы военной оккупации Чехословакии со стороны ФРГ не существовало, также как не было здесь и угрозы победы контрреволюции. Реальные политики в нашем руководстве, казалось бы, не могли не понимать этого. Что же в таком случае побудило их к вмешательству? Страх перед демократизацией и свободой слова? Боязнь, что эти процессы получат развитие и в Советском Союзе? Такой страх, бесспорно, существовал. Однако вряд-ли даже и на самых узких совещаниях кто-либо откровенно признавался в подобного рода опасениях. Вероятно, даже и для себя такие деятели как Шелест, Мазуров, Пельше и другие придумывали какие-то иные мотивы, заставляя себя поверить в тезис о контрреволюционном перерождении Чехословакии, о ревизионизме новых руководителей КПЧ и т. д.

Сыграла свою роль и недостаточная информация, крайне плохая информированность наших руководителей о действительном положении дел в Чехословакии. Существует мнение, что чем выше стоит человек на бюрократической служебной лестнице, тем большими знаниями (и умом) он располагает. Однако в действительности это зачастую бывает совсем по другому. Высокопоставленный деятель располагает гораздо большими возможностями получать разнообразную и всестороннюю информацию, однако эти возможности очень часто не используются. Огромный поток информации, проходя по дороге наверх через многие фильтры, попадает на стол к высокопоставленному деятелю очень обедненным. Бывает, что этот человек получает по-преимуществу лишь ту информацию, которую он хотел бы получить. Во всяком случае очевидно, что в нашем Политбюро не было точных сведений о настроениях чехословацкого народа, о позиции его руководителей. Поэтому оказалось невозможным ясно представить себе и неизбежные последствия военного вмешательства.

Немалую роль при решении ввести войска в ЧССР играло чувство своеобразного «социалистического шовинизма», негодование сюзерена по поводу недисциплинированности и чрезмерной самостоятельности вассала. Хотя,

конечно, и в этом чувстве никто не смел открыто признаться. Многое свидетельствует о том, что А. Дубчеку и его ближайшим коллегам была уготована тяжелая судьба. При этом на самом верху у нас знали, что Дубчек не является антисоциалистом. Иначе даже и после ареста, вызвавшего всеобщее негодование в Чехословакии, члены Политбюро КПСС не сели бы с Дубчеком за стол переговоров и не вернули бы ему власть в КПЧ. Будем надеяться, что урок, полученный нами в Чехословакии, пойдет на пользу и будет учтен в дальнейшей политике.

30. IX

8. О некоторых исторических аналогиях

То, что произошло 21 августа, трудно простить, но это также трудно понять. Наши действия в этот день поражают не только грубостью и полным пренебрежением к мировому общественному мнению, но также и отсутствием какого либо четкого политического плана, неясностью наших представлений о реальной действительности, неточностью анализа возможных последствий. Иначе говоря, в наших действиях не видно признаков государственного подхода, но, наоборот, имеются признаки какой-то политической истерии, когда люди, облеченные властью, не желают смотреть правде в глаза и не могут трезво оценить сложившуюся обстановку, когда они руководствуются скорее эмоциями, а не рассудком (мы уже не говорим о разуме). Даже если признать, что в Чехословакии действительно сложилась обстановка крайне опасная для наших государственных интересов, то и тогда наши действия представляются до крайности нелепыми и исключающими возможность достижения поставленных целей. Ибо примененные нами средства с неизбежностью создают новую обстановку, гораздо более трудную и опасную для наших государственных интересов, чем та, которая существовала до 21 августа.

В нашей печати нередко сравнивают события в Чехословакии в 1968 году с событиями в Венгрии в 1956 году. «Литературная газета» даже опубликовала фотографии повешенных в Будапеште коммунистов, сопровождая их надписью: «Вот чего удалось избежать в Чехословакии». Од-

нако на самом деле сложившаяся в Чехословакии ситуация не имеет почти ничего общего с той ситуацией, которая существовала в Венгрии и которая потребовала вмешательства советской армии.

Как известно, в Венгрии в 1956 году непрерывно нарастало недовольство администрацией Ракоши-Герэ. Весь народ был недоволен произволом органов безопасности, режимом террора и репрессий, ошибочной экономической политикой, пренебрежением национальных чувств и традиций Некоторые уступки правящей верхушки не удовлетворили народ и интеллигенцию. В условиях всеобщего недовольства активизировали свою деятельность контрреволюционные и антисоциалистические силы. Осенью 1956 года движение началось как общенародное восстание. Однако очень скоро в нем взяли верх контрреволюционные и антисоветские силы, которые стремились восстановить в стране буржуазно-помещичью власть. Правительство Имре Надя уже не контролировалось коммунистической партией и не контролировало положения в стране. Коммунистическая партия фактически распалась, также как и народная армия. В страну хлынули из-за границы контрреволюционеры. Повсеместно создавались вооруженные контрреволюционные отряды, началась расправа с коммунистами, разгром государственных и партийных учреждений.

Стремясь завоевать симпатии венгерских националистов, Имре Надь объявил о выходе Венгрии из Варшавского Пакта и потребовал вывода советских войск из Венгрии. В этих условиях некоторые из руководителей коммунистической партии, не скомпрометированные участием в преступлениях Ракоши, решили создать новую рабочую и социалистическую партию и новое правительство, которое и обратилось за помощью к советским войскам, уже давно находившимся на территории страны.

Ничего похожего не было в августе 1968 года в Чехословакии. Коммунистическая партия прочно удерживала здесь государственную власть, а ее руководители пользовались растущей поддержкой подавляющего большинства народа. Антисоциалистические и контрреволюционные силы не имели сколько-нибудь значительного влияния и потому не могли помышлять о вооруженном восстании. Они исполь-

зовали политические средства борьбы, и у Коммунистической партии имелись все возможности для того, чтобы обезвредить эти силы также политическими средствами. Народная армия поддерживала режим, в стране имелась также вооруженная и организованная рабочая милиция.

Если проводить сравнение, то можно сравнить режим Ракоши с режимом Новотного. Здесь было действительно много сходного. Однако в ЦК КПЧ нашлись люди, которые своевременно отстранили Новотного от власти и начали решительно исправлять допущенные им ошибки. В условиях всеобщего недовольства было совершенно необходимо провести либерализацию режима, восстановить нарушенную законность, отменить незаконные ограничения свободы слова и печати, реабилитировать всех невинно осужденных и освободить тех, кто уже отбыл срок своего наказания. Можно предположить, что некоторые из этих процессов проводились быстрее, чем следовало, что создавало некоторые политические трудности, особенно во взаимоотношениях с союзниками Чехословакии по Варшавскому Пакту, которые не всегда могли понять необходимость и целесообразность проводимых мероприятий. Нетрудно видеть, что свобода печати в ЧССР сопровождалась появлением на страницах газет и журналов многих неточных и ошибочных высказываний. Однако все эти издержки демократизации не угрожали руководящей роли КПЧ, не угрожали народной власти, не угрожали социализму. Начав решительное и честное исправление ошибок и искажений прежних лет, новое руководство КПЧ выбило все основные козыри из рук контрреволюции. Поэтому, хотя антисоциалистические силы и несколько активизировали свою деятельность, они никак не могли взять контроль за ходом событий в свои руки.

Таким образом наши действия были направлены фактически не против контрреволюции, которая все еще находилась в подполье, а против популярных и пользующихся поддержкой народа новых руководителей партии и правительства Чехословакии. Неудивительно, что у чехословацкого народа сложилось твердое убеждение, что Советский Союз и его союзники по Варшавскому Пакту хотят не исправления ошибок и преступлений прежних лет, а восстановления прежних порядков и прежнего крайне непопу-

лярного режима. Да и как было думать иначе, если все в Чехословакии знают, что первыми «контрреволюционерами» в стране, которые были арестованы специальными отрядами советской армии, были председатель Совета Министров ЧССР О. Черник, председатель Национального Собрания ЧССР Й. Смрковский, руководитель Национального Фронта Кригель и первый секретарь ЦК КПЧ А. Дубчек? Наши слова о поддержке послеянварской политики ЦК КПЧ настолько резко расходились с нашими делами, что почти никто в Чехословакии уже не верит этим словам.

Ситуацию, сложившуюся в наших взаимоотношениях с Чехословакией, можно скорее сравнить с отношениями СССР и Югославии в 1948-1949 гг. Однако, как известно, даже Сталин не решился в тот период на военную оккупацию Югославии, хотя он и имел тогда поддержку всех коммунистических партий и хотя он объявил режим Тито фашистской террористической диктатурой. Сталин опасался, что те неправые средства, которыми он только и мог воспользоваться для свержения Тито, дадут слишком важные козыри его противникам в уже развернувшейся холодной войне.

Еще больше мы находим сходства между августом 1968 года в Чехословакии и октябрем 1956 года в Польше. Тогда Польша тоже переживала период быстрой демократизации. В стране была отменена цензура и введена свобода слова. К власти в партии неожиданно пришел В. Гомулка, только недавно еще находившийся в заключении. Были даже распущены колхозы, чего не было ни в Венгрии, ни в Чехословакии. Все это настолько обеспокоило наших руководителей, что Хрущев, Молотов, Булганин и Маленков прилетели на самолете в Варшаву, даже не поставив об этом своевременно в известность польские власти. Но наших руководителей заверили, что Польша и впред будет союзником СССР по варшавскому Пакту, что основы социализма в стране будут сохранены, и что сохраняется руководящая роль коммунистической партии. И действительно, последующие события показали, что меры по демократизации, столь своевременно принятые в 1956 году в Польше, помогли избежать здесь такого драматического развития событий, которого не удалось избежать в Венгрии.

Правда, затем Гомулка вступил на иную не слишком верную дорогу, которая привела к нынешнему, чреватому многими опасностями (и даже опасностью взрыва) положению в Польше. Но это уже другой вопрос, который требует особого рассмотрения.

ИЗ ИСТОРИИ

1. События в Польше в октябре 1956 года и отклики в Москве

Ситуация, которая сложилась весной 1968 года а Чехословакии, была во многом схожей с той ситуацией, которая сложилась осенью 1956 года в Польше. Схожей была также и реакция нашей печати на отмену цензуры в Польше. Наши нападки на польские газеты, обвинения в «антисоциализме», также напоминают нашу недавнюю полемику с чехословацкими журналистами. Правда, тогда дело не дошло до активного вооруженного вмешательства. Войска наши всегда были в Польше, но в 1956 году они лишь косвенно влияли на ситуацию.

Так, например, 20 октября в «Правде» появилась статья собственного корреспондента этой газеты. Статья была озаглавлена «АНТИСОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА СТРАНИЦАХ ПОЛЬСКОЙ ПЕЧАТИ». В этой статье говорилось:

«За последние дни на страницах польской печати все чаще появляются выступления, в которых звучит проповедь отказа от социалистического пути. Это может показаться странным, но это факт: печать, призванная служить острым, действенным оружием в борьбе за укрепление народно-демократического строя, изо дня в день публикует статьи, расшатывающие устои этого строя, сеющие неверие в деле строительства новой жизни, отравляющие души читателей импортным ядом чуждой трудящимся идеологии.

До недавнего времени авторы подобных выступлений маскировались ссылками на то, что они-де разоблачают последствия «культа личности» и выступают за восстановление ленинских норм партийной жизни.

Но сейчас отброшены и эти фразы, звучавшие, кстати сказать, кощунственно в устах клеветников, получивших возможность использовать страницы польской печати во вред Польской Объединенной Рабочей партии и народному государству. Отбрасывая маскировку, эти люди публично отрекаются от Ленина и Маркса.

За примерами недалеко ходить. Сегодня публично объявил об этом З. Флорчак, выступивший на страницах органа Союза польских писателей «Нова культура» со статьей под многозначительным заголовком «Разговор с Западом».

С базарной развязностью этот автор призывает «покончить с жаргоном (?!), который выработал коммунистический лагерь для разговора с массами». О каком же «жаргоне» идет речь? З. Флорчак без стеснения заявляет: «Надо покончить с лозунгами «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «реакция», «построение социализма», ибо эти лозунги были лозунгами битв, лозунгами вооруженного этапа революции. Теперь лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» может ничего не означать».

Таким образом, этот разнузданный молодчик, именующий себя литератором, с беспредельным цинизмом предлагает похоронить священный для каждого пролетария лозунг, с которым на протяжении столетия жили, боролись и умирали лучшие люди мирового рабочего класса, завоевывая победу за победой, ныне строя и утверждая новое общество.

Господин Флорчак (да, господин, ибо невозможно назвать товарищем человека, который открыто призывает растоптать знамя пролетарского интернационализма и отречься от борьбы за построение социализма) позволяет себе предписать «новое слово» взамен марксизма. В чем же оно заключается?

«Разговор с Западом, — пишет он, — должен идти на другой основе, чем до сих пор. Универсальный (?) пролетарий — это понятие устаревшее. Теперь нужно подумать об универсальном человеке». И далее, сознавая, что эта словесная путаница темна и непонята, он ссылается на более солидный в его глазах, нежели Маркс, авторитет — на не-

коего бельгийского журналиста, посетившего недавно Польшу, М. Ламбилота».

Что же поведал этот новоявленный оракул, которому готов служить ныне З. Флорчак? А вот что: «Дело, которое мы должны предпринять, состоит в окончательном (?) обогащении человека».

Этот брюссельский оракул и его варшавский жрец уклоняются от уточнений — кто и как должен обогащаться. Им важно дать идею, а уж там пусть обогащается кто как может. Вот так и докатился орган Союза польских писателей до публикации откровенного призыва к реставрации капитализма, едва прикрытого стыдливой ссылкой на то, будто бы, «обе системы идут к одному» (?), а именно — к «срастанию» (?!) в один всемирный организм.

Можно было бы (но и то с большим трудом!) попытаться объяснить появление этой грязной стряпни невежественного сочинителя на страницах органа Союза польских писателей каким то непонятным недосмотром его редакторов. Но дело в том, что такие статьи в последние дни все чаще появляются на страницах некоторых варшавских газет и, — хотят того или не хотят руководители идеологического фронта в Польше, — подобные статьи представляют собой широкую кампанию, расшатывающую самые устои народно-демократического строя.

Мы уже не говорим о том, что в этом сиплом хоре клеветников звучат и антисоветские высказывания. Наши люди за 39 лет привыкли слушать клевету из буржуазного лагеря, и она их не пугает, но то, что теперь клеветническая кампания открыто ведется на страницах печати народно-демократической страны, связанной с Сов. Союзом договором о союзе и дружбе, конечно, огорчает советский народ. Тревожно и то, что кампания эта, как показывают выступления на страницах польской печати, появляющиеся в последние дни, направлены прежде всего и главным образом на подрыв социализма в самой Польше.

Сегодня, например, в газете «Жице Варшавы», помещена большая статья Ежи Путрамента под заголовком «Суть вопроса», прямо перекликающаяся с поучениями новоявлен-

ного ниспровергателя марксизма Флорчака. Путрамент лживо заявляет, что «обязательная до сих пор у нас система экономики», т. е. *социалистической экономики* (автор) «провалилась несомненно и бесповоротно». Заимствуя политический арсенал у «Голоса Америки», он позволяет себе утверждать, что будто эта система могла действовать только в определенных политических условиях, в условиях подавления критики, в условиях полицейского террора» и призывает покончить с ней.

Что же предлагает этот ревизионист? Отменить «диктатуру Госплана» как он выражается, ликвидировать «всевластие главных управлений»... Что же он предлагает взамен сложившейся в народной Польше и испытанной жизнью системы? Он выдвигает 4 лозунга: »Явность государственной жизни, децентрализация, демократизация, суверенность». Ну, а то, за что самоотверженно и столь успешно боролся и борется польский народ — социализм? Это слово застряло в горле у автора, — он его не произнес. Больше того, вся его статья, по сути дела, представляет собой попытку как-то обосновать отказ от социализма.

Можно было бы назвать и другие столь же откровенные выступления, открыто направленные на подрыв социалистических завоеваний польского народа.

Эта антисоциалистическая кампания, развернутая на страницах некоторых польских газет и представляющая собой откровенное заигрывание с буржуазными элементами, вызывает законное недовольство и возмущение у честных патриотов, широких масс трудящихся Польской Народной республики. Они требуют обуздания распоясавшихся ревизионистов, использующих польскую печать в своих грязных целях.»

Статья нашего корреспондента не осталась без ответа. На следующий же день в официальном органе ЦК ПОРП — газете «Трибуна Люду» появилась в переводе на польский язык статья «Правды» и после нее статья Зофии Артымовска, озаглавленная: «ВО ИМЯ ПОДЛИННОЙ ДРУЖБЫ». В этой статье с подзаголовком: «Ответ корреспонденту «Правды» говорилось:

«Дискуссии бывают разные. Я, например, не согласна с рядом утверждений, изложенных в статье Збигнева Флорчака; считаю, что хотя и надлежит бороться с принятыми в нашей пропаганде жаргоном, к которому мы на протяжении ряда лет прибегаем, напрасно стараясь подменить им аргументы, тем не менее однако такие лозунги, как «строительство социализма» или «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — ничего общего не имеют с неприемлемым жаргоном. Флорчак, правда, явно подчеркивает, что речь идет не об отказе от идей — сути этих лозунгов, — а лишь о том, что их содержание, их сущность с ходом времени постоянно меняется — эта мысль несомненно верная. Но я все же не считаю, что следует столь легкомысленно относиться к лозунгам, которые были и остаются дороги поколениям революционеров.

И я понимаю, что корреспондент «Правды» вправе дискуссировать со статьей Флорчака, и даже со статьей Ежи Путрамента, которую, с моей точки зрения, нельзя ни в чем упрекнуть.

Не...

Во-первых — все дело в том, как вести дискуссию. Странно звучат часто повторяющиеся в статье корреспондента обороты речи вроде «разнузданный молодчик», «клеветник», «невежественный сочинитель», «ревизионист» и т. д.

С горечью, с огромной горечью припоминаем сегодня времена, когда мы сами пускали в ход такие же обороты речи, какими ныне пользуется корреспондент «Правды» не по отношению к нашим врагам, а к товарищам, взгляды которых на некоторые вопросы нашей жизни отличались от наших. Из вырванных из контекста цитат мы вкладывали им в уста контрреволюцию, и реставрацию капитализма.

Разве такой язык — это язык, на котором следует разговаривать с товарищами и даже вообще с людьми, пусть даже не являющимися членами партии, но строящими вместе с нами социализм, — как это имеет место в случае со Збигневом Флорчаком?

В коммюнике, опубликованном 19 октября, т. е. за день до того, как корреспондент «Правды» писал в Варшаве

свою статью, говорилось о состоявшихся беседах между руководством нашей партии и делегацией ЦК КПСС, прибывшей в Варшаву, которые велись в атмосфере партийности и дружеской откровенности и искренности.

Между тем корреспонденция, отправленная из Варшавы в «Правду» в этот же день написана, к сожалению, языком, которым не ведется ни искренний, ни партийная, ни дружеская дискуссия. Не думаю, чтобы корреспондент «Правды» действовал в духе коммюнике, опубликованного в Варшаве и Москве, и навряд ли он помогает такой статьей углублению дружбы между советским и польским народами.

Очень важным и весьма существенным является вопрос о методах дискуссии. Бывает нередко так, что, вырывая отдельные цитаты из контекста, можно, собственно говоря, добиться любой цели, и таким именно методом «доказать» Путраменту, утвержденному, что «существующая по сей день народно-хозяйственная система провалилась», что он (Путрамент) схитрил и не дописав слова «социалистическая система» и что он призывает к свержению этой социалистической системы. Если еще считать требование «отменить диктатуру Госплана» стремлением свержения «диктатуры пролетариата», тогда ясно становится, что Путрамент «ревизионист», что он делает «попытку как-то обосновать отказ от социализма». Словом, он перебежал в лагерь контрреволюции.

Нам казалось, что XX съезд осудил такие методы, и поэтому им не место больше ни в идеологии, ни в науке и даже в деятельности журналистов и корреспондентов газет. К великому сожалению, однако, приходится констатировать, что статья корреспондента «Правды» как по содержанию, так и по ее заголовку, содержит сплошные оскорбительные и лживые формулировки.

Несколько слов о заголовке статьи, а вернее, о ее сущности и назначении, которые заголовок правильно отражает.

«Антисоциалистические выступления на страницах польской печати» — это уже не только Флорчак и Путрамент. Ибо если «антисоциалистические выступления», «все чаще

появляются», а печать, ежедневно печатает статьи, «подрывающие основы существующего строя» и если в Польше раздается «сыплый хор клеветников» — то это уже принимает характер *феномена*. Именно так обобщает автор свои 2 примера, из коих один на половину, а другой полностью не соответствуют действительности.

Это повторяем опять таки метод, которому, казалось бы, ныне не должно быть места в серьезной, деловой дискуссии — метод лживых обобщений, дающих искаженное представление о реальной действительности.

Следует отметить, что эти лживые обобщения вызвали у нас в стране всеобщее недоумение и изумление.

Спрашивается — почему нужно советским товарищам, ежедневным читателям «Правды» прививать ложное убеждение, что «слово социализм не проходит через горло» у товарища Ежи Путрамента, который не только член ЦК нашей партии, но всю свою жизнь боролся за социализм и столь же усердно борется за социализм в своей статье, столь не понравившейся корреспонденту «Правды»?

Почему советские товарищи, читатели «Правды» должны считать, что великий перелом, который происходит в международном рабочем движении после XX съезда, что этот перелом, который не только на словах, но и на деле является возвратом к Марксу, к Ленину, к ленинским нормам партийной жизни, к внутрипартийной демократии и к подлинному широкому народовластию — следует считать «отходом от социализма»?

Ведь имевшие место извращения, ошибки и даже преступления, разоблаченные на XX съезде, представляли серьезную, огромную опасность для дела социализма, а начавшийся ныне в нашей стране процесс — это процесс великого обновления, процесс, в результате которого силы социализма окрепнут и станут мощными, чего ранее нельзя было о них сказать. Нельзя свести все лишь к формам, методам и соответствию статьи «Правды» нашей реальной действительности. Ибо в заключении автор утверждает, что эта «антисоциалистическая кампания на страницах польской печати» «вызывает законное недовольство и возмущение у честных патриотов, широких трудящихся масс

Польской Народной республики. Они требуют обуздания распоясавшихся ревизионистов, использующих польскую печать в своих грязных целях».

И если сам факт полемики и дискуссии не вызывает сомнений, а напротив, это следует считать весьма положительным явлением, то такого рода утверждения автора, как утверждения в конце статьи, нуждаются в серьезных оговорках. Это уже выходит далеко за рамки понятия о дискуссии. Ибо если автор корреспонденции пишет, что то или иное явление в нашей стране ему не нравится, то это его право, и он несет ответственность перед своими читателями за форму и содержание своей статьи

Но когда он позволяет себе от имени польских патриотов и широких трудящихся масс Польши выдвигать *такого рода* требования или адресует их к ним — то это, очень мягко выражаясь, — бестактно.

И здесь мне хочется сказать несколько слов по вопросу польско-советской дружбы. Эта дружба является краеугольным камнем нашей политики. Это не вопрос той или иной конъюнктуры, а это вопрос подлинно интернационалистических чувств, которые польские коммунисты и все передовые люди Польши берегли как зеницу ока во времена самых горьких испытаний. Они берегли чувства интернационализма, ибо марксизм-ленинизм это не разрозненное собрание хороших идей, которые в случае надобности можно распродавать по одной в зависимости от той или иной тактики. Эта идеология содержит основные истины, отход от которых неизменно означает отход от социализма. И к ним принадлежит как раз в первую очередь лозунг пролетарского интернационализма

И если сегодня польские товарищи критикуют некоторые аспекты польско-советского сотрудничества прошлых лет, то это не означает, что они выступают против дружбы и союза наших стран и народов, а лишь то, что допущенные в прошлом ошибки, исправления которых они добиваются, наносили вред этой дружбе. Если ныне, когда идет широкая дискуссия, говорят о новых нормах во взаимоотношениях между нашими странами, то это не антисоветские выступления, а выступления, направленные на *подлинное, а не*

поверхностное развитие этой дружбы, на ее углубление и дальнейшее развитие на основах равноправия, суверенитета и подлинного братства.

Разве может кто-нибудь из нас забыть, чем была для всего мира Октябрьская революция? Разве может кто-нибудь из нас забыть, чем была для нас кровь, пожертвованная многими и многими тысячами советских воинов, павших на польской земле от пуль гитлеровских захватчиков, освобождая нашу страну, ибо они верили в благородный лозунг: За вашу и нашу свободу!». И разве мы не понимаем наконец, что не только члены польской компартии, но в еще большей степени советские коммунисты стали жертвами периода т. н. «культа личности»?

Разве мы не видим огромных усилий миллионов советских рабочих и крестьян, наших дорогих братьев, занятых великим делом преобразования советской страны?

Если нас спросить — наблюдаются ли все же в Польше антисоветские настроения, то мы откровенно скажем: да, наблюдаются. Обязанность каждого коммуниста бороться с ними, противодействовать таким настроениям, и лучшим оружием в борьбе с антисоветским национализмом является полное осуществление положений, выдвинутых XX съездом КПСС. Если же критику старых, осужденных на этом съезде методов кое-кто пытается квалифицировать как антисоветское выступление — то он в лучшем случае обманывает себя самого. Такие люди не способствуют изменению прежних методов, устранению следов сталинской практики во взаимоотношениях между братскими народами и партиями, следовательно: не способствуют углублению подлинной дружбы между нашими народами.»

№ 50

Ноябрь 1968

Важнейшие события месяца: Прекращение бомбардировок Северного Вьетнама — Восстановление в партии Беловой — Выход писателя А. Костерина из рядов КПСС — Переговоры между КПСС и ФКП — Доклад К. Т. Мазурова — Избрание Р. Никсона президентом США — Похороны писателя А. Костерина — Разбор апелляций в КПК при ЦК КПСС — Подготовительная комиссия международного Совещания компартий — О выборах в Академию наук СССР — Программная декларация Венгерской рабочей партии — Программное заявление Испанской коммунистической партии. К событиям в Чехословакии: Статья в «Руде право» о лозунге рабочей политики — Вечер писателей в ЦДЛ — Из газеты «Непсабадшаг» — О некоторых статьях «Правды» — В Союзе писателей Чехословакии — Заявление актива чешских писателей — 51-я годовщина Октября в ЧССР — Л. И. Брежнев и В. Гомулка о событиях в Чехословакии — Еще одна статья Ю. Жукова в «Правде» — О пленуме ЦК КПЧ — Интервью Э. Лебла газете «Монд» — Улучшение отношений между СССР и Румынией — Студенческая забастовка в Праге — Чехословацкие ученые критикуют советскую «Белую книгу». Из литературной жизни: «Красная звезда» о повести В. Быкова «Атака с ходу» — «Огонек» о журнале «Творчество» — О некоторых литературных премиях — О журнале «Молодая гвардия» — «Огонек» выступает против «Нового мира» — Из статьи В. Чалмаева «Неиз-

бежность» — Об очерке Б. Микулиной «Жизнь, как она есть» — Полемика между «Комсомольской правдой» и «Огоньком» — «Новый мир» № 9. Статья В. Я. Лакшина «Посев и жатва» — Критик Ф. Чапчахов о статье В. Чалмаева «Неизбежность». О некоторых книгах, письмах, статьях и рукописях: О романе Л. Мнячко «Вкус власти» — Из статьи Б. Драбкиной «На другой день после революции» — Об «Информациях» представителей крымско-татарского народа — Письмо литератора Л. Копелева чехословацкому литератору Кундера — О книге Р. Конквеста «Великий террор» — «Особые сообщения» И. Ганзелки и М. Зикмунда — Энциклопедия об Октябрьской революции — О статье И. Свитака «Сциентизм и марксизм». О проблемах народного образованія: Народное образование в СССР и США. Сравнение расходов и системы — О приеме в вузы в 1968 году — О приближении революции в методике преподавания — Выписки из книги Марцинкевича — Об отсеве и трудоустройстве молодежи. Заметки на философские темы. Современный человек и проблемы религии и веры: Американский психолог Э. Фромм о религии — Альберт Эйнштейн и религия — Философское кредо американского ученого К. Дж. Дюкасса — Из статьи Ф.Ж. Кюри «Размышления о гуманизме науки» — Разговор с философом М. — Коммунизм и религия. Конспект статьи Р. Гароди «Как воздвигнуть град человеческий» — Кризис современного христианства (Из статьи «Церковь без бога») — О личном бессмертии. Открытое письмо Льва Озерова Илье Сельвинскому 1966 г. — О сущности религии. Коммунисты и религия. Из выступления философа Г. Померанца на дискуссии в Ин-те народов Азии.

О НЕКОТОРЫХ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЯХ

1. Прекращение бомбардировок Северного Вьетнама

Президент США Джонсон объявил о безоговорочном прекращении с 1 ноября 1968 года всех воздушных бомбардировок, военно-морских и артиллерийских обстрелов Северного Вьетнама. Это не просто маневр в предвыборной борьбе и не просто уступка в войне во Вьетнаме. Мы имеем здесь косвенное признание бесперспективности таких бомбардировок и обстрелов и с чисто военной точки зрения. Северный Вьетнам — это сравнительно слаборазвитая страна, где мало серьезных военных объектов. Разрушить инфраструктуру такого государства при помощи одних бомбардировок невозможно. Все основное военное снаряжение Северный Вьетнам получает из-за границы. Таким образом, военный потенциал этой страны лежит за пределами досягаемости американской авиации. Что касается людских ресурсов Вьетнама, то они также еще очень велики. Уже сейчас в Северном Вьетнаме имеется немало китайских строительных и иных вспомогательных военных подразделений. Они заменяют те военные части, которые ушли сражаться в Южный Вьетнам. США может надеяться на какой-то успех в этой войне либо путем ее распространения на соседние страны и применения атомного оружия. Но это будет уже не «малая», а большая война, и она потребует перестройки всей экономики Америки, а возможно, и других ее союзников. Другой путь — это создание стабильной линии фронта вдоль всех границ Южного Вьетнама, (в том числе и его границ с Лаосом и Камбоджей). Как известно, в Корее так именно и произошло. Но ведь Корея — это изолированный полуостров, и она почти вдвое ближе к США, чем Вьетнам. В свое время Макнамара попытался создать такую сплошную линию обороны вдоль демилитаризованной зоны на границе с Северным Вьетнамом («линия Макнамары»). Однако эта попытка кончилась неудачей, и американцам пришлось эвакуировать значительную часть занятой зоны после тяжелых боев под Кхесанью. А ведь речь шла только о небольшой части границы Южного Вьетнама. После этой неудачи американской армии поток грузов и войск с Севера на Юг опять идет не только через Лаос и Камбоджу, но и непосредственно с Севера на Юг Вьетнама.

Опыт военных действий показал, что для осуществления плана Макнамары США должны увеличить количество своих войск в Южном Вьетнаме по крайней мере в три раза. Но это сейчас трудно даже для такой страны как США.

С другой стороны, и для Национального Фронта Освобождения нужно в несколько раз увеличить количество своих вооруженных сил, чтобы добиться более решающих побед. Создался тупик. Если не будет достигнут компромисс, то война может продлиться еще много лет. Есть два пути для компромисса. Первый — это создание коалиционного правительства из представителей НФО и нынешней сайгонской администрации. После «замирения» — всеобщие выборы. Но это решение очень трудно и для НФО и для Сайгона. Как показывает пример Лаоса, такие коалиции весьма непрочны. Другой путь — США уходит из Сайгона, сохраняя за собой 2-3 крупных военных базы в Южном Вьетнаме. Такое примерно положение существует на Кубе, где и сейчас имеется американская база Гуантонамо. В этом случае сайгонский режим почти неизбежно падет, а Северный Вьетнам объединится с Южным. Однако к такому развитию событий США пока еще не готовы, ибо это будет не почетный, а «полупочетный» мир. Возможно, что на такое решение не согласится и Китай, который стоит за спиной Вьетнама. Во всяком случае, США получили урок, и теперь даже Никсон заявляет, что не должно быть новых Вьетнамов. В подобного рода ситуациях великие державы должны делать упор на военную помощь, а не на прямое военное вмешательство. Правда, к 1964 году уже стало ясным, что одна только военная помощь не спасет сайгонское правительство, и что Соединенным Штатам придется уйти из Вьетнама. Но в этом случае имел бы место дипломатический и политический урон, но не военное поражение великой державы. На примере прошлогодней войны на Ближнем Востоке мы видим, что великой державе легче перенести дипломатическую и политическую неудачу, которую можно как-то компенсировать политической или дипломатической победой в другой области. Однако соображения престижа мешают великой державе смириться с военным поражением, да еще тогда, когда речь идет о сравнительно небольшой стране.

2. Восстановление в партии Беловой

Мы писали в марте об исключении из партии нескольких сотрудников института истории искусства, в том числе Беловой. Белова — кандидат искусствоведческих наук, участник Отечественной войны. Она подписала одно из писем с протестом по поводу процесса Гинзбурга, Галанскова и др. Первоначальное решение райкома было весьма суровым: из партии исключить, с работы снять, рекомендовать Министерству культуры не принимать Белову на какую-либо работу в области культуры и даже ... просить ВАК о лишении Беловой степени кандидата наук. Вошло в силу только первое решение — Белова была исключена из партии, но осталась на работе. Сейчас решением КПК Белова восстановлена в партии, но с выговором. Другие сотрудники этого института апелляций не подавали.

3. Выход писателя А. Костерина из рядов КПСС

Писатель А. Е. Костерин — 72 лет, член партии с 1916 года, направил в конце октября 1968 года заявление о своем выходе из рядов КПСС.

А. Костерин — участник революционного движения с 1912 года. В годы гражданской войны принимал участие в установлении Советской власти на Северном Кавказе. В середине 30-х годов был арестован и 17 лет провел в лагерях на Колыме. После реабилитации занялся литературным трудом. С 1957 года активно выступал за реабилитацию крымских татар и немцев Поволжья (как известно, немцы Поволжья были реабилитированы Указом Верховного Совета СССР в августе 1964 года, а крымские татары осенью 1967 года. Однако возвращению этих народностей на их прежнюю национальную территорию до сих пор чинятся всякие препятствия). В последние годы А. Е. Костерин написал ряд публицистических материалов с критикой нынешнего положения дел в стране и критикой М. Шолохова и его главных произведений. Он подписал также многие письма и обращения совместно с П. Г. Григоренко, П. Литвиновым, Л. Богораз и др. На многих этих документах лежит печать какого-то отчаяния, озлобленности, субъек-

тивизма, в них много преувеличений и т. п. Однако не подлежит сомнению, что все эти документы продиктованы искренними опасениями за судьбы социализма, сознанием какого-то краха прежних идеалов революции и горечью за судьбу многих людей, которые погибли в сталинских лагерях и тюрьмах и которые сегодня несправедливо забыты.

В последние месяцы А. Е. Костерин был тяжело болен. Он перенес обширный двойной инфаркт. Тем не менее на 17 октября партком Московской организации Союза писателей назначил обсуждение некоторых писем и документов, подписанных Костериным. Костерин на обсуждение не пошел, сославшись на категорический запрет врачей. Тем не менее партком исключил А. Костерина из партии заочно и без участия первичной партийной организации. Протокол и решение парткома были немедленно переданы в райком, Костерина даже не ознакомили с этими документами. Не дожидаясь решения райкома, Костерин направил письмо в Политбюро ЦК КПСС, в котором он заявляет о своем выходе из рядов КПСС и к которому он приложил свой партийный билет. В письме в Политбюро Костерин пишет не только о нарушении Устава партии парткомом московских писателей, но также о нарушении демократии в стране, о попытках провести «втихую» реабилитацию Сталина, о дискриминации некоторых малых народностей.

А. Костерин протестует против вторжения советских войск в Чехословакию, которое, по его мнению, было продиктовано узко кастовыми интересами высшего партийно-государственного руководства СССР и которое поставило мир на грань мировой войны. Письмо А. Костерина не лишено преувеличений. Он не видит в партии никаких здоровых сил. «В нашей теперешней партии, — пишет он, — рассуждать не разрешено, мыслить не дозволено. Из нее исключают только за то, что человек вносит предложения по своему разумению, а не по указке сверху. В такой партии может состоять лишь тот, кто рассуждая, выполняет указания свыше, кто смотрит на свое пребывание в партии, как на охранную грамоту собственного благополучия. ... В знак протеста против грубейшего нарушения устава партии и в целях освобождения себя от партийной дисципли-

ны, лишающей меня свободы мышления, я выхожу из КПСС и возвращаю свой партийный билет № 08293698.

Но с партбилетом или без него я был, есть и буду марксистом-ленинцем, коммунистом, большевиком. В этом моя жизнь от юности и до гробовой доски».

Как нам известно, исключение А. Костерина из партии было утверждено райкомом КПСС.

4. *Переговоры между КПСС и ФКП*

В Москве состоялись переговоры между делегациями КПСС и ФКП. Опубликовано довольно пространное Коммюнике об этих переговорах. По многим вопросам обе партии пришли к единому мнению, однако по главному на этих переговорах чехословацкому вопросу никакого соглашения не было достигнуто. Косвенным признанием относительной неудачи переговоров является тот факт, что французская делегация уехала на родину 6 ноября, т. е. всего за день до 51-й годовщины Октября.

5. *Доклад К. Т. Мазурова*

На торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов с докладом выступил член Политбюро К.Т. Мазуров. Он говорил об итогах трех лет пятилетки, об улучшении идейно-политической работы партии, о борьбе с бюрократизмом и расширении социалистической демократии. «Реальные шаги по пути дальнейшего развития социалистической демократии, — сказал Мазуров, — невозможны без обеспечения высокой организованности и строгой дисциплины. Нет демократии вне дисциплины, свободы вне ответственности, прав вне обязанностей. Социалистическому демократизму глубоко чужды индивидуалистическое своеволие и распущенность, неуважение к законам».

Во внешнеполитическом разделе своей речи Мазуров затронул вопрос о событиях в Чехословакии. По-видимому, это первое выступление члена Политбюро ЦК КПСС по поводу Чехословакии. «Внешние и внутренние контррево-

люционные и антисоциалистические силы, — сказал Мазуров, — вознамерились нарушить единство рабочего класса Чехословакии, подорвать руководящую роль КПЧ и в конечном счете оторвать ЧССР от социалистического содружества. Под угрозу были поставлены социалистические завоевания трудящихся Чехословакии. Совместно принятые социалистическими странами меры для защиты завоеваний социализма в ЧССР вновь продемонстрировали перед всем миром, что мировое социалистическое содружество всегда готово защитить свои революционные завоевания. Социалистические страны верят в силу КПЧ и рабочего класса Чехословакии, верят в то, что договор между ЧССР и СССР об условиях временного пребывания советских войск в Чехословакии будет способствовать процессу нормализации обстановки в Чехословакии». В заключительной части своего доклада Мазуров решительно обрушился на буржуазную теорию «конвергенции» и на всякого рода новые «модели» улучшенного либерального или национального социализма.

6. Избрание Р. Никсона президентом США

Президентом США на 1969-1972 гг. избран кандидат республиканской партии Р. Никсон. 8 ноября Н. Подгорный направил Никсону поздравления по случаю его избрания. Как известно, Никсон является представителем более жесткого курса и во внешней, и во внутренней политике. Наши газеты, которые в течение многих лет поносили Никсона как реакционера и неудачника, встретили весть о его избрании президентом США с явным разочарованием. Нксон был избран президентом небольшим большинством голосов. Можно не сомневаться в том, что вступление советских и других войск в Чехословакию очень помогло Никсону, так как эта акция значительно усилила доводы и влияние антикоммунистов во всех западных странах. Во многих западных газетах была помещена еще в сентябре карикатура: Никсон звонит по прямому телефону Брежневу — «Господин Брежнев. Я выражаю Вам свою благодарность за вторжение в Чехословакию. Но если Вы хотите помочь мне еще больше, то займите еще и Румынию».

7. *Похороны писателя А. Костерина*

Всего через две недели после своего выхода из рядов КПСС писатель А. Костерин скончался.

Как и следовало ожидать, похороны Костерина превратились в своеобразную политическую оппозиционную манифестацию. Они проходили под фактическим руководством друга Костерина быв. генерал-майора П. Григоренко. Уже в больнице возле морга состоялся краткий митинг с выступлениями и чтением стихов. Присутствовало более ста человек, в том числе представители крымско-татарского народа из разных областей. На венках надписи: «Непримиримому борцу против сталинизма — от узников лагерей», «Защитнику прав малых народов», «Отцу Нины Костериной» и др.

В Московском крематории собралось около 300 человек. Траурный митинг продолжался около 30 минут. Выступил один из крымских татар — доктор наук. Главную же речь, наиболее резкую и непримиримую по содержанию, произнес П. Григоренко.

Были попытки затруднить или сорвать похороны. В морге долго не выдавали родственникам тело покойного. Его выдали только после заявления жены Костерина, что она перенесет кремацию на следующий день, а траурный митинг будет проведен возле дома. В крематории администрация и работники КГБ пытались прервать речь П. Григоренко и ускорить кремацию.

Различные политические речи произносились и на поминках в квартире П. Григоренко и А. Костерина.

Через день после похорон по ордерам, выданным Узбекским КГБ, и под предлогом поисков некоторых татар, якобы совершивших ряд преступлений, был проведен обыск у П. Григоренко (он шел 11 часов), у Габая и у некоторых татар, проживающих в Москве. Один из разыскиваемых татар был обнаружен в квартире П. Григоренко. В суматохе обыска он попытался спуститься по веревке с 3-го этажа, но упал и сломал ногу. Он был задержан и отправлен в больницу им. Склифасовского. Сопровождавшие его со-

трудники КГБ потребовали помещения пострадавшего в подвальное тюремное отделение. Но задержанный резко возражал против этого, и врач больницы, не считаясь с требованием сотрудников КГБ, положил пострадавшего в общее отделение.

8. Реорганизация МООП в МВД

Министерство охраны общественного порядка реорганизовано в Министерство внутренних дел. Вероятно, эта реорганизация будет сопровождаться определенным расширением функций министерства.

9. В Комиссии партийного контроля ЦК КПСС

Недавно в КПК при ЦК КПСС рассматривались апелляции писателя Г. Свирского, исключенного из партии за свою речь на партийном собрании московских писателей в январе 1968 г. (Свирский резко критиковал действия цензуры), и Ю. Карякина, исключенного из партии за свое выступление в ЦДЛ на вечере памяти писателя А. Платонова.

Обсуждение дела Ю. Карякина продолжалось более 2-х часов. Как известно, письмо в защиту Карякина подписало более 20 писателей-коммунистов. Специальное заявление в защиту Карякина прислал в КПК нынешний вице-президент АН СССР и член ЦК А. Румянцев. Также и партком ИМРД просил ограничиться выговором.

После обсуждения, в котором приняли участие от горкома КПСС А. Шапошникова и парторг МГК при Московском отделении Союза писателей А. Васильев, Ю. Карякин был восстановлен в партии с объявлением ему еще одного строгого выговора.

Иначе проходило обсуждение «персонального дела» Г. Свирского. Он не признал себя виновным и продолжал осуждать действия цензуры. С резкими замечаниями в адрес Г. Свирского выступил А. Васильев и секретарь партийной организации Московского отделения Союза писателей Сутырин. В результате КПК подтвердила исключение Г. Свирского из партии.

Что касается писателей Балтера и Копелева, то они никаких апелляций в КПК не подавали.

10. О заседании подготовительной Комиссии международного Совещания коммунистических и рабочих партий

Состоявшееся в Будапеште новое заседание подготовительной Комиссии к Совещанию коммунистических и рабочих партий (с участием представителей 67 партий) не приняло опять никаких определенных решений. Не были одобрены документы Рабочей группы. Было дано поручение Рабочей группе завершить подготовку проектов документов Совещания. Участники Подготовительной комиссии условились, что 17 марта в Москве будет созвано очередное заседание комиссии. Было принято решение отложить созыв международного Совещания коммунистических и рабочих партий на май 1969 года. Только три партии: Великобритании, Швейцарии и Реюньона зарезервировали на этот счет свое мнение. На совещании в Будапеште принимали участие лишь в качестве наблюдателей представители компартий Норвегии и Швеции.

11. О выборах в Академию Наук СССР

26 ноября 1968 г. были проведены очередные выборы действительных членов и членов-корреспондентов АН СССР. Некоторые из эпизодов этих выборов заслуживают внимания.

По отделению физиологии был выдвинут кандидатом в академики член-корр. АН СССР *Э. А. Асратян*. На общем собрании Академии против этой кандидатуры выступил академик Анохин. Он просто прочитал собравшимся несколько отрывков из черносотенной речи Астратяна на знаменитой «Павловской» сессии АН и АМН СССР в 1951 году. В результате кандидатура Асратяна была провалена большинством голосов.

По отделению общей биологии не прошли в академики *Е. М. Лавренко* и *Г. В. Никольский*. Последний долгое время был активным лысенковцем, но сейчас перекрасился. Его

кандидатуру активно поддерживал академик Дубинин. Однако на общем собрании против Никольского выступили академики Энгельдгардт и Астауров. В результате Никольский не собрал и 60 голосов (для избрания нужно было около 130).

По отделению экономики не прошел известный экономист консервативного направления *Л. М. Гатовский.*

По отделению языка и литературы были выдвинуты кандидатами в академики писатели Л. Леонов, Н. Тихонов и А. Твардовский (кандидатура Твардовского была неожиданно выдвинута Пушкинским Домом в Ленинграде. После этого в этом Доме ленинградский обком провел проверку идеологической работы, а академик-секретарь отделения приезжал в Ленинград и пытался склонить тамошних ученых снять кандидатуру Твардовского. Но она все же осталась в списках). При голосовании на отделении (8 академиков, в том числе Шолохов и Корнейчук) Твардовский получил 2 голоса, а Леонов 6 голосов. Однако на общем собрании после речи академика Понтрягина (математик), высказавшегося против Леонова, последний был забаллотирован, не собрав до нормы 9 голосов.

По отделению истории на три свободных вакансии членов корреспондентов было выдвинуто 50 кандидатур. Однако в трех турах голосования не был избран никто. В порядке исключения было разрешено провести четвертый тур. При этом руководство Академии и партком оказывали сильный нажим. Были избраны П. Жилин (его считают историком консервативного направления), К. Каракеев и С. Тихвинский.

55 кандидатур было выдвинуто в члены-корреспонденты по отделению философии и права. Были избраны С. Микулинский, М. Омельяновский и А. Пионтковский.

12. Программная декларация Венгерской Социалистической Рабочей партии

В газете «Непсабадшаг» опубликована редакционная программная статья под заголовком «Куда мы идем?» В этой статье говорится:

Есть люди, которые в событиях недавнего прошлого, характеризуемого главным образом мероприятиями, осуществленными в интересах разрешения чехословацкого кризиса, видят конец проводимой до сих пор политики ВСРП. Они делают такой вывод, что начнется проверка всего того, что партия называет борьбой на двух фронтах.

Это ошибочный вывод. В нем нет внутренней, твердой логики оценки событий. Не принимается во внимание важнейшее: партия не хочет и не может вести другую политику, народ не желает и не ждет иную политику, чем та, с которой он выразил свою солидарность. Ни внешние, ни внутренние факторы не требуют изменения, путь испытан исторически — это выражение уже подходит к нему.

То, что этот вопрос, в подобной формулировке или бесформеннее возникает в мелкобуржуазных слоях, не скрывает ничего исключительного. Во время крупных политических столкновений и в обостренных положениях усиленнее действуют в обществе центрифугальные силы, поддерживающие крайние взгляды. Но тем важнее выяснить принципы, из которых черпает политика партии и которые не были сомнительными ни в прошедшее десятилетие, ни теперь.

Одним из таких принципов, действовавших регулирующей силой, является безусловное признание венгерских общественных характерных черт и безусловное соблюдение интернационализма. Этот прицип — вместе с другими важными принципами — дал отечественной политике хорошо опознаваемый и характерный облик, его признаки легко опознать в способах разрешения крупных общественных задач. Так как мы в ходе наших действий всегда сохраняли все общепринятое из марксистско-ленинского учения о социалистической революции и принимали во внимание все то, что можно назвать национальной реальностью, мы избежали и ложной дилеммы: противопоставление их друг другу. Мы отклонили провинциальное толкование социализма, открыли глаза на опыт других, но не признавали никакой окончательной и абсолютной модели, которой мы слепо должны были бы следовать. Это следует подчеркнуть уже и потому, что буржуазная печать позицию пяти стран в чехословацком деле связывает с тем, что якобы

«они не терпят в строительстве социализма другую, отличающуюся модель».

Ну, если уж хотите, «венгерская модель» в разрешении многих вопросов значительно отклоняется от советской или польской, или от модели ГДР и СФРЮ. Но не потому, что привязала к венгерке социализма какую-то ленту, сияющую тремя цветами, и не только потому, что хотели удовлетворить национальные чувства или примирить тех, кого обидело игнорирование венгерского духа, традиций, вкуса в начале пятидесятых годов. Модель отклонилась потому, что таким образом и именно таким образом могла подойти действительно по-марксистски к роковым вопросам нашего общества. Таким образом, могла произвести конкретный общественно-исторический анализ, который вскрыл действительные отношения, дал реальный ответ на «как?» Мы считали, что национальные характерные черты относятся не к особенностям, а к конкретным жизненным отношениям, которые, однако, можно должным образом оценить, лишь принимая во внимание венгерскую культуру и историю, мир чувств и дух.

По какой «модели» выработана, например, теперешняя аграрная политика партии? Чьему примеру следовали мы — скажем — при определении роли и значения приусадебных хозяйств? Ведь общеизвестно, что этот вопрос исключительно много обсуждался и у нас, и в других странах. Но мы считаем, что нам удалось найти наиболее подходящее для нас разрешение этого вопроса. Перед нами не было никакого «библийского» текста даже и тогда, когда мы поддерживали в производственных кооперативах очень разнообразные и стимулирующие формы распределения доходов, поддерживали деятельность их подсобных и побочных предприятий. Не было перед нами образца и тогда, когда мы по-новому стали толковать самостоятельность производственных кооперативов, когда правительство доверило им определения их устава, выработку структуры производства, выборы руководителей, создание координирующих и представительских союзов, распоряжение своими материальными средствами. Уделяли ли когда-либо в течение истории большее внимание самостоятельной воле венгерского крестьянина в урегулировании его судьбы, принимали ли во внимание его мнение, чувства и достоинства, чем прини-

мает во внимание наша современная аграрная политика?

Уже несколько избитым является ссылаться на экономическую реформу, как на пример самостоятельного поиска пути, творческого марксистского мышления и самовозрождающейся общественной критики. Это отнюдь не венгерское «изобретение», эта проблема уже долгое время занимает политических деятелей и экономистов социалистических стран. И все-таки в ходе ее теоретической выработки и политической-технической подготовки она своей беспощадной искренностью и научной требовательностью проникла глубоко в отечественные отношения. Суть реформы является освободить наше народное хозяйство от тяжеловесных и окостенелых черт, сделать возможным действительное проявление его превосходства в соответствии с данными по сравнению с капиталистической экономикой; создать согласованность с объективными экономическими законами; стимулировать дальнейший подъем.

Скоро наступит первая годовщина введения реформы, и мы знаем, что это лишь начало. Не только потому, что перестройка механизма является длительным и сложным процессом и влияние его проявляется не сразу, но и потому, что новый взгляд на управление экономикой требует аналогичных суждений и в надстройке общества. Долгое время продолжается уже и эта работа: в последние годы состоялось по этим вопросам много теоретических дискуссий и в центре всех дискуссий стоял вопрос о пути и способе развития социалистического гуманизма и демократии. Мы критически проверили наши органы, занимались вопросами усиления роли парламента, расширения компетенции профсоюзов, совершенствования избирательной системы, разделения автономной и административной функций советов, ликвидации административной бюрократии.

Человек, хотя бы немного разбирающийся в политике, знает, что для такого процесса необходима не только твердая решимость, но необходимы руководящая роль партии, единство страны, доверие народа — и прежде всего свободная атмосфера, в которой не стреляют стрелы подозрения в добронамеренных критиков. Необходимы определенное терпение и спокойствие, чтобы можно было выслушать друг друга без недоразумений, чтобы можно было гово-

рить обо всем, что оказывает влияние на наше настоящее и будущее. Для этого была и есть возможность. Как много различных дискуссий состоялось лишь в литературных газетах и журналах. Как много различных идей было высказано на философских, экономических, исторических и других специальных конференциях, в специальной печати. И как много ценных людей включила эта возможность высказывания и выслушивания в обмен мнениями об общественном благе. Все это не прошло совсем плавно; ведь это является одной из форм политической и идейной борьбы, в которой сталкиваются люди и соображения, в которой может проявиться непонимание, консерватизм и посеять раздор буржуазная пропаганда и ее идейное влияние. И все таки, мы шли своим путем, который мы считали наиболее отвечающим нашим условиям.

Но мы в то же время не оставили под сомнением то, что мы были, есть и будем интернационалистами, которые никогда не забудут о двойной ответственности, которую Янош Кадар характеризовал таким образом, что за наши действия мы отвечаем своему народу и международному рабочему классу.

Мы не предоставили националистическим и антисоветским элементам возможность для включения в нашу политику, чтобы они своими скрытыми намеками отравляли атмосферу и поколебали взаимное доверие. По отношению к ним мы всегда проводили политику резкого отграничения и борьбы, так будет это и впредь. Мы думали — и теперь твердо убеждены в этом, — что этот принцип как внутри, так и наружу делает ясной позицию венгерских коммунистов относительно того, что связывает нас с друзьями и что отделяет нас от врагов. Все наши выступления и почины искренне и безо всяких задних мыслей служили восстановлению единства международного рабочего движения и политическому авторитету страны.

Наше место было и остается на стороне Советского Союза, который является основной силой социалистического содружества, борьбы против империализма и восстановления интернационалистического единства.

Мы не делаем себя независимыми от событий. То, что в Чехословакии дела дошли до кризиса власти, действительно

встревожило всех людей, которые являются сторонниками социализма. Но, что касается нас, события не поколебали, а укрепили нашу волю в том, что партия не может следовать, не может проводить иную политику, а лишь ту, которую начала. В крайнем случае осуществлять ее еще смелее и еще последовательнее. Таким образом и лишь таким образом, может служить она лучше всего народу и вместе с тем интересам международного рабочего движения.

13. Программное заявление Испанской коммунистической партии

Под таким же точно названием: «Куда мы идем?» газета Испанской коммунистической партии «Мундо обреро» опубликовала в начале ноября редакционную статью, в которой, в частности, говорится:

Перед марксистами-ленинцами нашей эпохи стоит задача не допустить, чтобы тексты Маркса и Ленина стали в наших руках холодными формулами, вне времени и пространства и превратились в догмы. Марксизм-ленинизм можно превратить в своего рода кладовку, откуда берут по надобности изолированные от контекста и времени фразы, которые могут служить любой цели. Против такого использования марксизма, напоминающее использование религией Корана и библии боролся наш великий учитель Ленин. Он объявил войну тогдашним догматикам Каутскому и компании, претендовавшим на роль хранителей марксистских истин и отрицавших за пролетариатом России право совершить социалистическую революцию. Ленин, творчески развивая идеи марксизма, отбросил «священные» формулы, осовременил марксизм, оживил его диалектическую сущность, в соответствии с законами диалектики проанализировал новые явления, разработал новые тезисы и развил марксистское учение и революционное движение. Сегодня мы обязаны сделать нечто подобное. Это должны сделать вместе все коммунистические партии, коллективно разработать дальнейшее развитие марксизма-ленинизма, предварительно все обсудив, не прибегая к приписыванию другим комплекса неполноценности

Когда Ленин и большевики готовили революцию и вдохнули новую жизнь в понятие марксизма за их спиной не

стояло никакое государство, они не обладали еще общепризнанным авторитетом: они были лишь эмигрантами, подпольщиками, которых тогдашнее руководство международного социалистического движения считало вечными спорщиками, полуанархистами и, пожалуй, безответственными людьми. И тем не менее, они были правы. Наперекор всем и всему они победили.

Международное коммунистическое движение нуждается сейчас в решительном развертывании творческого духа, в преодолении устаревших схем, застоя и окоченения, усваивании и овладевании новым, в дальнейшем прогрессе, чтобы, воспользуясь явным обострением общего кризиса империализма, перейти в наступление с тем, чтобы двигать вперед революцию. Во имя этой цели наше движение должно освободиться от устаревших и преодоленных занятий, от методов и структур, ставших тормозом.

Двусторонние и многосторонние встречи — это лучшая оказия для коммунистических и рабочих партий взаимно обменяться опытом и новыми разработками марксистского учения и двигаться по пути приведения марксистско-ленинских тезисов в соответствие с новыми явлениями и новым соотношением сил в мире.

Под этим углом зрения международная коммунистическая конференция, которая должна была собраться 25-XI с. г. смогла бы стать важной вехой. Но чехословацкие события подсказывают необходимость не просто отодвинуть ее созыв, а использовать оставшееся до новой даты время для дискуссии, которую следует вести по иному. Нецелесообразно, конечно, создать конференцию в ранее установленный срок. Необходимо добиться сближения позиций, которые отдалились друг от друга в результате имевших место событий; необходимо преодолеть реальные разногласия, разрешить разделяющую нас проблему так, чтобы это было приемлемо и соответствовало нашим принципам. А для достижения этого необходим иной метод дискуссии, отличающийся от прямой схватки на международной конференции.

Ныне никого не должно пугать наличие разногласий между коммунистическими партиями по тому или иному

вопросу. Это наблюдается уже на протяжении многих лет. Эти разногласия чаще всего возникают как раз между партиями, находящимися у власти. То обстоятельство, что в какой-то момент наши позиции расходятся даже по очень существенным и важным вопросам не должно ослабить нашу солидарность в борьбе с общим врагом — империализмом.

Явления, которые мы наблюдаем в нашем движении, пожалуй, заставят нас передумать, критически переосмыслить всю проблему установок рабочего и коммунистического движения, их взаимоотношений; осложнений, вытекающих из существования многих социалистических стран с различными интересами и особыми государственными соображениями, существование наряду с ними партий, не совершивших еще революцию; отношений между интернационализмом и национальным обликом и политикой каждой из этих стран и т. д.

Казалось, что по этим вопросам все уже было сказано и оговорено. Но действительность показывает, что это не так, что нехватает кое-чего, что кое-что не разработано еще нами.

Надо трезво и объективно смотреть фактам в лицо. О направлении, о политике судят по их практическому осуществлению, по результатам.

Социалистический лагерь и наше движение добились ослабления международной напряженности, ослабления холодной войны с империалистическими державами. Не взирая на столь варварские локальные войны, как война, которую США ведут против Вьетнама, ушло в прошлое всеобщее состояние напряженности во взаимоотношениях с империалистическими державами и пребывание на «краю пропасти». Но в то же время — и это бесспорный факт — напряженность, холодная война утвердились в нашем лагере: между Китаем и СССР, между разными группами социалистических стран, а ныне положение еще обострилось из-за интервенции пяти стран Варшавского договора в Чехословакии.

В настоящее время — и мы обязаны своевременно об этом подумать — в нашем лагере, в нашем движении имеются серьезные разногласия.

Почему же, взяв установку на разрядку напряженности и на сосуществование с нашим империалистическим противником, мы допустили возникновение своего рода холодной войны в нашем лагере и нашем движении как раз тогда, когда столь необходимо единство для борьбы с общим врагом?

Дать ответ на этот вопрос затруднительно и весьма сложно. Но если мы действительно хотим воссоздать единство, если хотим укрепить наш общий фронт, то одни и другие должны приложить максимум усилий, чтобы этого добиться, действуя терпеливо и творчески.

Никто не может претендовать на то, что именно он обладает абсолютной правдой и что благоразумие и здравый смысл на его стороне. Никто не может претендовать на то, что именно он может и должен выносить решения. Решения должны быть результатом вклада и внесения ясности одними и другими. Необходимо со всей серьезностью взяться за работу, чтобы в нынешних исторических условиях понять, как действуют объективные законы социального развития и в социалистических странах и в содружестве этих стран.

Это нельзя решить ни цитатами, ни отлучением. Это вопрос, требующий глубокого изучения и этим должна заняться подлинная наука.

В противном случае, куда поведут нас события? К войне между нами, в нашем собственном лагере, а империалисты будут потирать руки от радости?

Развивающееся во всем мире мощное движение, отвергающее капитализм, требует от коммунистов, от всех нас без исключения, чтобы эти проблемы были окончательно решены.

К СОБЫТИЯМ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

1. Статья в «Руде право» о лозунге рабочей политики

В «Руде право» 23 октября была опубликована статья под названием: «Великий долг не только экономистов. К

лозунгу рабочей политики». Авторы статьи М. Горалек и Р. Костка. Авторы этой статьи утверждают, что при режиме Новотного толкование «рабочей политики» было чаще всего сектантским. Фактически интересы рабочего класса противопоставлялись другим слоям общества, особенно интеллигенции, а также крестьянству. Все это вело к недооценке вообще квалифицированного труда. «Как известно, — говорится в статье, — еще на заседаниях ЦК КПЧ в декабре и в январе, а в особенности за весь послеянварский период было сделано очень много для разоблачения *псевдопредставительства* рабочего класса. В течение длительного периода на рабочий класс ссылались политики, не способствовавшие созданию предпосылок, при которых решающий политический вес рабочих нашел бы свое подлинное выражение, например, в определенной форме самоуправления, которого мы тщетно ожидали (мы имеем ввиду самоуправление, которое не наносило бы ущерба осуществляемому специалистами управлению). Вышеупомянутые политики, на каждом шагу разглагольствуя о рабочем классе, на самом деле произвели отчуждение политической власти. Основные потребности рабочих игнорировались, а требование рабочей политики превратилось в лозунг, прикрывающий сосредоточение огромной власти в руках бюрократов.»

«...Однако порой и у нас толкуют о новой системе, будто бы речь должна идти о реставрации капитализма. Не может быть, однако, большей мистификации, потому что смысл новой системы — это истинное обеспечение подлинных интересов рабочего класса, а помимо этого также поиск и нахождение уравнения для связи труда рабочих и интеллигенции.»

В Чехословакии, по утверждению Горалека и Костки, разница в оплате между рабочими и руководящими работниками не достигает разницы, давно существующей в СССР и ГДР. «Наши проблемы заключаются в том, чтобы действительно хороший директор большого предприятия мог заработать в 5 раз больше, чем хороший рабочий; а не в 50 раз, как в капиталистических фирмах. Слабый директор является для социалистического предприятия слишком дорогим, даже при условии, если он будет работать даром... Речь идет как раз о том, чтобы в результате значительного

повышения качества руководящей работы были бы созданы условия, при которых зарплата рабочих росла бы не так медленно (в отдельных случаях она вообще не росла), как это было в прошлом, а, напротив, росла с улучшением экономических результатов быстрее. Наша проблема заключается в том, что только известный врач, профессор или доцент получают столько, сколько известный сталевар у домны, а все остальные врачи могут завидовать не только зарплате своих коллег за границей, но и зарплате наших сталеваров. Осуществление денивелировки не имеет по существу ничего общего с общественной недооценкой или даже с печально известными фактами зазнайства перед теми, кто выполняет менее квалифицированную или неквалифицированную работу. Однако, к сожалению, фактом остается то, что наше общество во вред социализму и в противоречие с его основной концепцией достаточно заражено изнутри этими пережитками, типичными для среднеевропейского провинциализма.»

Далее авторы статьи опровергают утверждение, что новая система руководства промышленными предприятиями могла бы привести к безработице или инфляции. Однако они отмечают, что перестройка производства и повышение производительности неизбежно приводят к перемещениям и переквалификации больших групп рабочих. И рабочие лучше всего чувствуют себя в тех странах, где эти перемены проводятся во-время и где промышленность сохраняет благодаря этому свою конкуренто-способность. Рабочие через свои советы должны принимать участие в решениях по поводу судьбы новой созданной ценности (валовый доход). «Рабочие коллективы, представляемые своими советами трудяшихся как органами своей рабочей самостоятельности, должны иметь право принимать решения о разделе той части валового дохода, которая должна после выполнения обязанности по отношению ко всему обществу (отчисления, предоставляемые в государственный бюджет) обеспечить настоящее и будущее существование рабочего коллектива (то-есть заработную плату, инвестиции, сбережения).»

«Чем больше разглагольствовал доянварский режим о рабочих, — заканчивают свою статью авторы из «Руде право», — тем меньше он давал им действительных шан-

сов на принятие совместных решений. Рабочим не хочется, образно говоря, очутиться в положении, например, чехословацких красноармейцев периода Великой Октябрьской революции, о героизме которых очень много писали, особенно в прошлом году — году пятидесятилетней годовщины, но которые при этом жили в социалистическом государстве так, что более чем две трети их получили пенсию ниже 400 крон, то есть меньше установленного минимума. Рабочий характер политики должен определяться не по тому, формулирует ее рабочий, политический деятель или ученый, а по тому, какие возможности она дает рабочим «находиться там, где действительно что-то решается.» И успехи такой рабочей политики должны измеряться успехами развития материальных и культурных условий жизни рабочих.»

2. Вечер писателей в ЦДЛ

31 октября в Центральном доме литераторов состоялась встреча писателей с корреспондентами «Правды» в Чехословакии В. Маевским, А. Мурзиным и Е. Григорьевым (видимо, все эти корреспонденты уже отозваны из ЧССР из-за сокращения нашей пресс-группы). Писателям были показаны хроникальные фильмы о событиях в Чехословакии. Основной вывод наших корреспондентов состоит в том, что вся страна (Чехословакия) стала контрреволюционной. «Мы упустили момент, — сказал один из корреспондентов, — когда ползучая контрреволюция размыла марксистско-ленинскую идеологию. Контрреволюция зашла так далеко, что заразила большинство народа. Надо было действовать раньше».

3. Из газеты «Непсабадшаг»

В конце октября в центральном органе Венгерской рабочей партии «Непсабадшаг» была опубликована статья о событиях в Чехословакии. Эта статья 31 октября перепечатана нашим еженедельником «За рубежом» под названием «Общее дело, общая ответственность». Весьма любопытны (по своей софистической изощренности) рассуждения венгерской газеты о контрреволюции в Чехословакии.

«Обычно в сознании общественного мнения, — говорится в «Непсабадшаг», — понятие контрреволюции ассоциируется с уличными боями, стрельбой, с открытым насилием против левых элементов. В Чехословакии же этого не было. Враждебные силы не использовали открытого физического террора. ...Они стремились шаг за шагом усилить заблуждение масс и без видимой схватки, резкого поворота столкнуть страну на другой путь, вырвать из социалистического содружества. Однако контрреволюционная опасность остается таковой и тогда, когда ее внешняя форма отличается от привычной. Кому, когда, как, какими средствами нужно вести борьбу с ней, может решить только конкретный анализ конкретной обстановки. Но то, что такое нападение нужно отразить при всех обстоятельствах, не может быть предметом спора. Контрдовод гласит: КПЧ располагала достаточной силой, чтобы самостоятельно предотвратить «возможную угрозу». Но ведь руководители КПЧ сами подчеркивали, что ошибки, накопившиеся в предъянварские годы, привели к тяжелым, значительно затрудняющим строительство социализма извращениям, которые подрывали доверие к социалистическому строю, морально умаляли авторитет партии, облегчали укрепление противоположных крайностей, ревизионистских взглядов, помогали буржуазной идеологии завоевывать себе позиции в стране. Но если этот анализ правилен, то тогда следует признать, что при таких обстоятельствах правая контрреволюционная угроза в Чехословакии не только не могла не расти, но, по существу, и усиливалась. Это не может быть опровергнуто и ссылками на то, что в первую очередь против сектантских догматических ошибок выступали коммунисты, которые хотели укрепления социалистического строя. Выступали не только они. В средствах массовой информации, например, доминировал голос тех, кто пытался использовать критику ошибок в правых целях, для подрыва и даже разрыва связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами.»

Выходит, что войска Варшавского Пакта вступили в ЧССР прежде всего для того, чтобы помочь А. Дубчеку и его коллегам быстрее исправить извращения предъянварских лет. Странно, однако, почему мы в этом случае нанесли свой первый удар не по контрреволюци, а по Пре-

зидиуму ЦК КПЧ. Кроме того возникает вопрос — разве исправление догматических и сектантских ошибок предъянварских лет можно проводить путем столь грубого внешнего вмешательства? Не будет ли применение таких средств только усиливать влияние доводов «тихой контрреволюции»? Если бы мы действительно хотели бы помочь КПЧ в исправлении ошибок и деформаций прошлого, то это можно было сделать наилучшим образом только путем экономической и политической поддержки нынешнего руководства КПЧ и его Программы действий, которая была встречена с воодушевлением всем почти чехословацким народом.

4 О некоторых статьях «Правды»

В газете «Правда» 3 ноября помещена статья «Происки реакционных эмигрантов». В этой статье говорится, что руководитель запрещенного в ЧССР «клуба-231» Бродский разъезжает сейчас по странам Западной Европы и подготавливает создание «комитета свободной Чехословакии». Сообщается также, что в Лондоне сейчас находятся бывший сотрудник радио и телевидения ЧССР Винтер, бывший редактор газеты «Литерарни листы» Лим, бывший председатель ЦК Союза чехословацких писателей Гольдштюккер «Все они поддерживают контакты с буржуазной чехословацкой эмиграцией и с пропагандистскими западными центрами». «Правда» сообщает также, что О. Шик обосновался сейчас в Швейцарии и испросил у здешних властей разрешения «остаться для работы». Бывший заместитель главного редактора «Литерарни листы» Веселы находится в Мюнхене. «Удивительно то, — пишет «Правда», — что все они, занимаясь враждебной деятельностью против своей страны, продолжают как ни в чем не бывало оставаться — во всяком случае формально — членами Коммунистической партии Чехословакии».

Заметка «Правды» нуждается в некоторых предварительных комментариях (более подробные разъяснения будут даны, повидимому, в чехословацкой печати). Во-первых, нельзя писать подряд о Бродском, Шике и Гольдштюккере. Это разные люди. Во-вторых, большинство перечисленных «Правдой» чехословацких деятелей не являются эмигран-

тами. Они выехали из ЧССР временно с полным соблюдением законов этой страны. Как известно, в Программе действий КПЧ было сказано, что всем гражданам Чехословакии будет обеспечено «юридическое право и на долговременное или постоянное жительство за рубежом и чтобы люди необоснованно не переводились на положение эмигрантов.»

Для меня очевидно, что некоторые из чехословацких журналистов, опьяненные свободой печати, потеряли не только осторожность, но и ответственность, и это способствовало развитию кризиса во взаимоотношениях между СССР и ЧССР. Однако не в меньшей мере безответственные материалы появились и на страницах наших газет. А это еще более непростительно, так как Советский Союз является великой державой.

Как известно, различные проявления великодержавного шовинизма Ленин всегда бичевал с гораздо большей непримиримостью, чем проявления национализма. Но ведь и Ю. Жуков, и А. Мурзин, В. Маевский и др. остаются членами КПСС, хотя чехословацкая печать неоднократно уличала этих корреспондентов в преднамеренной лжи. Почему же Чехословацкая Коммунистическая партия должна исключать из партии своих журналистов и писателей? Во всяком случае, пожелание «Правды» насчет исключения из партии Гольдштюккера, Шика, Веселы и некоторых других является очередной бестактностью.

4 ноября «Правда» поместила большую статью В. Журавского и Т. Колесниченко «Чехословакия в эти дни». В этой статье отчетливо намечается новая политическая линия в наших взаимоотношениях с Чехословакией и КПЧ.

Корреспонденты «Правды» отмечают, что в Чехословакии попрежнему действуют «правые элементы», ... что они «прибегают к фальшивым утверждениям, будто меры, предпринятые союзными странами, мешают развитию демократии в стране, хотя именно антисоциалистические силы в ЧССР стремятся подорвать самые основы социалистической демократии, руководящую роль КПЧ, позиции социализма». Устами своих анонимных собеседников и осведомителей В. Журавский и Т. Колесниченко восклицают: «Как объяснить, что выделены большие денежные сред-

ства на премирование работников подпольных радиостанций? ... Как могло случиться, что в Брно работники радио, ушедшие в свое время в подполье, награждены золотой медалью города»? (Заметим мимоходом, что в ГДР офицеры, принимавшие участие во вторжении в Чехословакию, были демонстративно награждены почетными орденами этой республики).

В статье «Правды» говорится, что чехословацкая молодежная газета « «Млада фронта», которую попрежнему возглавляет небезызвестный Елинек, продолжает восхвалять ревизионистские концепции Ота Шика, ратовавшего за проникновение в экономику ЧССР частного иностранного капитала» (такая оценка предложений О. Шика является клеветой).

Одновременно В. Журавский и Т. Колесниченко с одобрением пишут об активизации и организации в Чехословакии «здоровых сил» партии, которые поддерживают вступление войск Варшавского Пакта в ЧССР, рассматривая эту акцию как проявление интернационализма. «За последнее время, — говорится в «Правде», — в ряде районов Праги, в Братиславе, Остраве, Кладно и в других городах и селениях Чехословакии по инициативе райкомов, старых членов КПЧ проходят собрания коммунистов, посвященные обсуждению современного положения в КПЧ и ЧССР.» На одном из таких собраний в Праге присутствовало 600 человек. «Правда» приводит отрывки из резолюции данного собрания, из которых становится совершенно ясным, что за люди собрались в здании пражского Дома культуры. В этой резолюции говорится, что в 1968 году чехословацкая «реакция беспрепятственно, а часто при поддержке ряда работников партии перешла в антисоциалистическое и антисоветское наступление. На это также обращали внимание наши друзья из социалистических стран и международного коммунистического движения. Коммунистов за их убеждения выбрасывали с работы... в этот роковой момент пришли армии союзных стран. Нас, старых коммунистов и всех честных членов партии, никто никогда не убедит, что войска дружественных армий пришли для того, чтобы отнять у нас свободу, социалистическую основу общества, чтобы повернуть колесо истории вспять.» «Участники собрания, — пишут Журавский и Колесниченко, —

приняли решение обратиться к редакции газеты «Правда» с просьбой познакомить читателей с резолюцией, и мы выполняем их просьбу.»

Одновременно корреспонденты «Правды» утверждают, что «в последнее время честные коммунисты, подвергающиеся подобным тяжелым обвинениям, не имеют возможности выступить на страницах печати. Налицо свидетельство прямых попыток правых элементов подавить стремление коммунистов к восстановлению в полной мере ленинских принципов и норм партийной жизни». Статья Журавского и Колесниченко свидетельствует о стремлении и попытке создать в ЧССР оппозицию руководству А. Дубчека. Речь идет в действительности о создании фракции, хотя мы и избегаем называть эти вещи своими именами.

5. *В Союзе писателей Чехословакии*

В конце октября в Праге было объявлено, что Президиум ЦК Союза чехословацких писателей предоставил Эдуарду Гольштюккеру неоплачиваемый творческий отпуск в связи с его ранее принятыми обязательствами. Исполнять обязанности председателя Союза будет Народный художник Ярослав Сейферт. Объявлено также о болезни зам. пред. СЧСП Яна Прохазки, его будет заменять Франтишек Врба. Секретариат Союза писателей кроме четырех поименованных писателей включает также Властимила Маршичека, Иржи Купку, Петра Пуймана, Вацлава Пеликана. К руководству Союза относятся Ладислав Фикар. Вацлав Гавел (от Круга независимых писателей), Ладислав Градский, Павел Когоут (Когоут — председатель первичной организации КПЧ при СЧСП.) В Президиум ЦК СЧСП входят также Ян Дрда, Милан Юнгманн, Карел Косик, Милан Кундера, Ян Пиларж, Ольджих Данек и еще несколько известных чехословацких писателей.

6. *Заявление актива чешских писателей*

31 октября 1968 г. в Праге происходил актив чешских писателей, который принял следующее важное заявление:

«Мы, пражские писатели, как и всегда в процессе развития нашей родины, после января 1968 года отдали максимум наших сил, чтобы поддержать прогрессивные идеи, вводимые в жизнь руководством Коммунистической партии Чехословакии. Мы хотим снова напомнить, что послеянварский курс не был навязан нашей стране горсткой интеллигентов и политических авантюристов. Анализ общественного мнения, анализ экономики и страшный террор пятидесятых годов говорят о том, что если над социализмом в Чехословакии и нависла угроза, то это было до января 1968 года в результате политики, которую в течение многих лет осуществлял Антонин Новотный и его соратники. Члены ЦК КПЧ, которые в январе отозвали его с поста первого секретаря, спасли тем самым партию и государство от грозящей катастрофы. Из двух путей, которые возможны при подобном кризисе, они избрали путь демократии на базе социализма. Избрали его с сознанием, что второй путь — путь усиления тотального режима — означал бы только отсрочку, во время которой разложение ценностей продолжалось бы. Избрали его с убеждением, что страна, которая давно разоружила буржуазию экономически и политически, способна идти таким путем.

Восемь месяцев, прошедших от января до августа, правильность этого выбора подтвердили. Характеризовать этот этап, как период наступления контрреволюции, означает фальсифицировать историю.

Крайние взгляды, которые всегда являются переходной реакцией на длительную несвободу мышления, не нашли живительной почвы. В критике людей, ответственных за деформации прежних лет, не было и тени той жестокости, с какой они как раз удерживали свою власть. Не было сформировано ни одной политической группы, которая бы стремилась вырвать Чехословакию из социалистического содружества и вернуть ее на путь капитализма. Наоборот, исчезли летаргия, усталость, тоска. Работать ради социализма и всячески поддерживать его снова приобрело смысл. Коммунистическая партия снова стала штабом социалистической революции.

И вот 21 августа в ЧССР вступили войска пяти стран Варшавского Договора. Вступили таким способом, о кото-

ром не хочется даже вспоминать. Народ в нашей ситуации не может себе позволить такую «роскошь», как эмоции. Но тем более он не имеет права отказываться от разума, потому что тогда бы уж ничего не оставалось. Разум ведет нас к заключению, что после этой трагической главы истории революционного движения не должна последовать еще более трагическая глава в истории самой Чехословакии. Борьба или компромисс — это вечное перепутье чешской политики. Компромисс часто становился единственным базисом, на котором можно было дальше развивать национальную жизнь. К сожалению, компромисс часто был только синонимом капитуляции, которая привела народ на край небытия.

Народ не перестает быть благодарным политикам, которые представляли его в августовские дни, за то, что они сделали все, чтобы отвратить бессмысленное кровопролитие. Однако и политики никогда не должны забывать, что народ своей фантастической дисциплинированностью и невиданной поддержкой создал предпосылки, чтобы они вообще могли вести переговоры. Такой народ имеет право требовать от своих политиков, чтобы они вели его дальше, чтобы в стремлении облегчить народу и себе сегодняшний день не проиграли бы его будущего.

Действительная трагедия Чехословакии началась бы тогда, когда компромиссы поглотили бы смысл нашей борьбы, и от процессов демократизации осталось бы одно название. Руководство нашей партии и государство заявило что будет честно выполнять московские протоколы. Мы приняли это, хотя полностью эти соглашения нам не известны. Мы приняли это на основании уверений, что и другая сторона исполнит свои обязательства и прежде всего, что развитие социалистической демократии в ЧССР будет продолжаться во всем объеме.

Вместо этого мы являемся свидетелями, что в стране опять объявляется цензура. Вместо этого в печати пяти стран мы снова встречаем свои фамилии с эпитетами, которыми в прошлом были отмечены жертвы политических процессов. Вместо этого с руководящих постов уходят люди, чей уровень и характер был лучшей гарантией реализации программы действий КПЧ. Вместо этого на политической

сцене снова появляются люди, утратившие политический и нравственный кредит. Вместо этого снова затуплена экономическая реформа. Вместо этого мы должны мириться с мыслью, что пребывание иностранных войск у нас будет легализировано без срока. Вместо этого мы обнаруживаем, что не у нас решается, когда и где должны или не должны происходить наши заседания, съезды, выборы. Вместо этого мы снова с опасением следим, что наших политиков толкают на кабинетный стиль работы и что документы, касающиеся каждого из нас только дополнительно одобряются ЦК и Национальным собранием.

Растут разочарование, недоверие, страх. Поэтому мы обращаемся к руководящим представителям страны и партии с настойчивым призывом, чтобы они снова сумели опереться на народное единство, которое вопреки клевете, воплощает в себе самые прогрессивные идеи современного человечества, потому что одновременно является единством убежденных социалистов... Мы обращаемся к своим ведущим представителям с доверием, что они преодолеют собственную усталость, скептицизм и тоску, которым они, как человеческие существа, подвергаются. Мы верим, что они сумеют избежать грозящей изоляции, что они сумеют опереться на наше единство и не допустят, чтобы год великих надежд превратился бы в год постоянного позора.

Что касается нас, писателей, то мы полны решимости сделать все, что можем, в поддержку политики, которая поведет никак не к мнимому, а к подлинному преодолению теперешней ситуации и к дальнейшему развитию того, что мы привыкли называть социализмом с человеческим лицом. Однако мы не признаем и никогда не признаем преступлений, которых мы не допустили. Мы не будем выражать благодарность за помощь, которая является ничем иным, как несправедливостью. Мы не называем и никогда не назовем ложь правдой и несправедливость необходимостью. Властью можно ликвидировать только людей, но не идеи. Только в течение XX столетия мы в Чехии трижды были свидетелями того, как рушились монолитные системы, чтобы снова могла звучать правда. Пятидесятые годы являются для нас предостережением, что совесть — это не пустое понятие Мы любим свои жизни, но нам дороже заветы, которые мы хотим оставить своим детям. Суды людей из-

менчивы, но суд истории вечен. Как раз в дни пятидесятой годовщины существования Чехословакии мы напоминаем, что если кто в течение ряда столетий помогает чешскому народу прямо держать спину и спасает его от гибели, так это тот самый мужчина, который сумел сказать «Не отрекусь!»

7. 51-я годовщина Октября в Чехословакии

Празднование 51-й годовщины Октябрьской революции сопровождалось рядом инцидентов в Праге и других городах Чехословакии. Во время официальных торжественных церемоний большие группы молодежи и студентов провели на улицах Праги и у Советского посольства кратковременные демонстрации, были случаи сожжения советских флагов. Полиция рассеяла некоторые из демонстраций, не применяя, однако, оружие. Были случаи сидячих забастовок.

С другой стороны, при возложении венков у памятника погибшим советским воинам группа человек в 400 окружила А. Дубчека, осыпая его ругательствами. После отъезда Дубчека эти люди окружили советского посла Червоненко и зам. министра иностранных дел Кузнецова и стали обнимать и целовать наших представителей. Затем толпа запела «Интернационал».

В Москву на праздники приехали по приглашению МГК КПСС представители Пражского горкома КПЧ во главе с членом Президиума ЦК КПЧ Б. Шимоном. По приглашению Тульской, Владимирской, Воронежской и Волгоградской областей в СССР приехали также представители четырех областей Чехословакии.

В Чехословакии во время праздников гостила советская делегация во главе с Тюленевым. Рассказывают, что во время приема этой делегации наш посол в ЧССР Червоненко, объясняя сложность обстановки в стране, заявил, что в ЦК КПЧ «пробрались контрреволюционеры» и что до сих пор не более 30 % этого ЦК придерживается «правильной» линии. Если нам не удастся изменить положение в ЦК КПЧ, — сказал якобы Черновенко, то не исключено, что придется снова вводить танки в Прагу. Некоторые из чле-

нов советской делегации были настолько удивлены подобными рассуждениями Червоненко, что после возвращения в СССР подали на этот счет докладные записки. Я думаю, однако, что Червоненко хорошо знал, что его слова дойдут и до нынешних руководителей ЦК КПЧ. По-видимому, это попытка оказать давление на руководство КПЧ перед пленумом ЦК КПЧ, который откроется в середине ноября и которому придается большое значение.

Как сообщает «Правда» 10 ноября в пражском зале «Люцерна» состоялось собрание трудящихся, на котором присутствовало 5 тысяч человек (по другим данным, 2,5 тысячи). Если судить по принятой на этом собрании резолюции, то речь идет о наиболее массовом собрании противников нынешнего руководства КПЧ. «Пребывание на нашей территории советских войск, — говорится в резолюции собрания, — обеспечивает суверенитет нашего государства и свободу наших народов.» Это собрание — также попытка оказать давление на Дубчека и его коллег.

8. В. Гомулка и Л. Брежнев о событиях в Чехословакии

В своем большом докладе на пятом съезде ПОРП В. Гомулка кратко коснулся и событий в Чехословакии. Он повторил свои прежние утверждения о том, что ревизионизм в едином фронте с правыми и контрреволюционными силами «все решительнее сталкивали Чехословакию на путь отхода от марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, на путь отрыва этого государства от социалистического содружества государств Варшавского Договора... Этот процесс вступил в опасную фазу и, если бы не был приостановлен во-время, мог бы стать необратимым. ...Срыв планов империализма, ликвидация опасности, угрожающей чехословацкому звену социалистического лагеря, путем ввода войск пяти социалистических государств в Чехословакию в этих условиях были необходимостью, продиктованной как нашим интернациональным долгом, так и нашими национальными интересами, интересами безопасности мира.» (Мы нисколько не сомневаемся в стремлении империалистических сил и контрреволюционных сил в самой Чехословакии отторгнуть эту страну от лагеря со-

циализма. Подобного рода планы имеются у этих сил и в отношении Польши. Но ведь в ЧССР было достаточно сил и средств, чтобы противодействовать проискам контрреволюции. Нужно было только понять и поддержать новое руководство КПЧ).

О событиях в Чехословакии говорил в своей речи на съезде ПОРП и Л. Брежнев. Однако он сделал это как-то мимоходом. «Опыт развития и борьбы социалистических стран за последние годы, — сказал Л. Брежнев, — в том числе и недавняя активизация враждебных социализму сил в Чехословакии, с новой силой напоминает коммунистам социалистических стран о том, как важно ни на минуту не забывать о некоторых важнейших, проверенных временем истинах. . . . Понятное дело, такая акция как военная помощь братской стране для пресечения угрозы социалистическому строю, это — мера чрезвычайная, вынужденная, она может быть вызвана лишь прямыми действиями врагов социализма внутри страны и за ее пределами, действиями, создающими угрозу общим интересам лагеря социализма.» («Правда», 13 ноября.)

Брежнев не сказал, к сожалению, что такая акция, как военная помощь дружественной стране, должна предполагать по крайней мере просьбу этой страны и ее правительства о помощи. Иначе мы не только не улучшим, а ухудшим свои отношения с народом и руководителями этой страны. Враги социализма непрерывно предпринимают какие-то действия, направленные против социалистических стран. Также и коммунистическое движение постоянно ведет борьбу против капитализма. Поэтому наши действия против враждебных сил должны учитывать конкретную обстановку. Иначе мы можем нанести немалый ущерб самим себе, как это и было в августе 1968 года.

9. Еще одна статья Ю. Жукова в «Правде»

В газете «Правда» 13 ноября опубликована статья «Спасибо за откровенность, мистер Кан!» Автор этой статьи Ю. Жуков использует свой излюбленный прием: различного рода рассуждения и планы буржуазных идеологов и стратегов Ю. Жуков преподносит таким образом, что у читателя

складывается впечатление, что эти стратеги и идеологи действовали заодно с нынешними руководителями Чехословакии.

На этот раз речь идет о статье известного американского военного стратега, директора Гудзоновского института Германа Кана. Статья Кана, по свидетельству Ю. Жукова, была недавно опубликована в журнале «Форчун». В этой статье Герман Кан излагает план наступления антисоциалистических сил в Чехословакии, как он рисовался, по его словам, «большинству западных экспертов». Вот этот план:

«а) Признание в ближайшее время Бонна, за которым должны были последовать западногерманские кредиты, торговля и влияние.

б) Установление сильных западных, особенно французских и германских влияний в области культуры.

в) Отказ от «демократического централизма».

г) Возникновение в ближайшее время правительства, стоящего выше партии; общее ослабление влияния партии.

д) Появление оппозиционных партий и создание действенной политической оппозиции.

е) ... Появление ореола «экономического чуда».

ж) Возможное возникновение социальной демократии с капиталистическими оттенками».

Изложив этот план, Юрий Жуков дает понять, что только решительное вмешательство вооруженных сил Советского Союза и других стран Варшавского Договора сорвало его выполнение. При этом ничего не говорится о деятельности Коммунистической партии Чехословакии и ее новых руководителей. А между тем именно их стремление *взять дело демократизации в ЧССР в руки и под контроль Коммунистической партии* могло наиболее эффективно разрушить всякого рода планы «западных экспертов».

Хорошо известно, например, что у Французской или Итальянской коммунистических партий (также как и у любой компартии в несоциалистической стране) имеется свой план отстранения от власти буржуазии и перехода власти в руки трудящихся. Детали этих планов обсуждаются на страницах коммунистической печати, в том числе и в таком международном коммунистическом журнале, как

«Проблемы мира и социализма». Лидеры буржуазных партий Запада, конечно, знакомятся с этими планами и всеми другими программными документами коммунистических партий. Но чтобы сказал Юрий Жуков, если бы какой-нибудь американский журналист, процитировав программу компартии Франции, предъявил бы на этом основании обвинение в «размывании» или «эрозии» капитализма генералу де Голлю? Юрий Жуков, наверное, сказал бы, что генерал де Голль не имеет никакого отношения к Французской компартии и что он, напротив, всячески мешает осуществлению ее планов.

Далее в своей статье Ю. Жуков приписывает Г. Кану следующие слова: «Мы поистине фантастически недооценили решимость советских руководителей; была допущена баснословная недооценка крепости нервов и решимости русских».

По свидетельству Ю. Жукова, Г. Кан даже признает, что «терпение и в то же время несгибаемая решимость, проявленные Советским Союзом... могут вызвать новое восхищение и уважение к русским». «Многим странам, — пишет якобы Кан, — советский строй может показаться лучше капиталистического.» «Коммунистам сейчас значительно легче, чем год назад, повторять и расширять некоторые из аргументов, которые они приводили прежде, адресуясь к странам «третьего мира»: мы можем показать вам, как соблюсти свое достоинство и самоуважение...» Трудно поверить, чтобы Кан высказывал подобного рода мысли применительно к ситуации, сложившейся после вторжения в Чехословакию. События 21 августа вызвали ряд крайне нежелательных для СССР тенденций как раз в странах «третьего мира», и уж, конечно, эти события никак не могут показать малым странам «как соблюсти свое достоинство и самоуважение». Возможно, что все эти цитаты Ю. Жуков выписал из какой-либо иной статьи Кана. Или же в контексте они звучат совсем иначе. Не исключено даже, что Кан опровергает цитируемые Жуковым положения, а он выдает их за мысли самого Кана. Ибо никак не может достаточно разумный политик даже и из числа наших противников не видеть, что вторжение в Чехословакию нигде не вызвало никакого восхищения, оно было результатом не «крепости нервов и терпения, а как раз недостатка терпе-

ния и терпимости. Это был результат неуверенности, раздражения и даже отчасти страха.

10. О пленуме ЦК КПЧ

С 14 по 17 ноября в Чехословакии проходил расширенный пленум ЦК КПЧ. Еще до пленума о нем было множество всяких слухов и разговоров. В Праге прошло несколько студенческих забастовок в поддержку Дубчека, поскольку распространились слухи о готовящихся выступлениях против него. 18 ноября агентство ЧТК передало весьма краткую информацию о пленуме ЦК КПЧ. Было сообщено, что в дискуссии на пленуме выступило 57 человек. Однако речи участников пленума не были опубликованы в центральных чехословацких газетах, как это было в апреле и мае. Видимо, дискуссия была очень острой. Пленум постановил отложить XIV съезд партии на неопределенное время. Было решено, что Президиум ЦК КПЧ в течение 1969 года лишь сделает предложение о созыве съезда. Образовано бюро ЦК КПЧ по руководству партийной работой в чешских областях. Его председателем избран *Л. Штроугал* (рассказывают, что Штроугал был близок в недавнем прошлом к Мнячко, и что в романе «Каков вкус власти» в образе главного героя использованы и некоторые черты и эпизоды из жизни Штроугала. Мы, однако, не считаем это мнение основательным).

На пленуме ЦК расширен состав Секретариата и Президиума ЦК КПЧ. При этом секретарями ЦК избраны дополнительно В. Биляк, Я. Геттеш, Й. Кемпны, Ф. Пенц и Л. Штроугал. Последний введен также и в Президиум ЦК КПЧ. Однако одновременно учрежден новый орган — Исполком Президиума ЦК КПЧ. (В Чехословакии сейчас опять очень многочисленны и ЦК КПЧ и Президиум ЦК КПЧ. Это затрудняет их работоспособность). Фактически Исполком Президиума ЦК КПЧ будет играть роль Политбюро и работать как постоянный орган, в то время как Президиум ЦК КПЧ будет собираться реже. В состав Исполкома вошли: *А. Дубчек, О. Черник, Э. Эрбан, Г. Гусак, Ш. Садовский, Й. Смрковский, Л. Штроугал, Л. Свобода.*

Среди этих восьми человек, которые будут теперь определять политику ЧССР и КПЧ сторонники демократических

реформ составляют явное большинство. Во всяком случае позиции Дубчека, Черника, Свободы и Смрковского не вызывают сомнения. Западная печать называет также и Садовского и Штроугала «энергичными сторониками реформ». Во всяком случае, ни Биляк, ни Индра, ни Ленарт не вошли в Исполком.

11. О резолюции пленума ЦК КПЧ

В чехословацкой печати 20 ноября опубликована пространная резолюция недавно закончившегося пленума ЦК КПЧ «Главные задачи партии на ближайший период». Эта резолюция почти полностью опубликована и в наших газетах 21 ноября.

В резолюции ЦК КПЧ отмечается, что «период строительства социализма принес с собой выполнение ряда жизненно важных задач рабочего класса и всех трудящихся. Были осуществлены основные классовые и общественно-экономические преобразования. ... ЦК КПЧ отвергает одностороннюю, нигилистическую оценку нашего развития до настоящего времени как не отвечающую исторической действительности.» Затем в резолюции говорится о серьезных ошибках доянварского периода, когда развитие социализма замедлилось, а авторитет партии уменьшился и когда росло напряжение в обществе, что ослабило общий вклад КПЧ в дело решения проблем международного коммунистического движения.

Руководство КПЧ, — указывается в резолюции, — не могло сделать своевременно и последовательно выводы из XX съезда КПСС «с тем, чтобы социализм в Чехословакии строился и развивался на основе творческого учения марксизма-ленинизма ... и в соответствии с объективными условиями Чехословакии. Главной причиной этого неправильного, ошибочного развития в партии и обществе был бюрократизм, замена демократического централизма бюрократическим централизмом, что выливалось в чрезмерное сосредоточение власти в руках Антонина Новотного.»

Далее ЦК КПЧ отмечает как достижения, так и недостатки послеянварского развития в Чехословакии. При этом

основное внимание уделяется все же недостаткам этого периода: стихийности развития многих политических процессов, проникновению не только правых оппортунистических сил, но и антисоциалистических сил *в некоторые* органы массовой информации, отсутствию у ЦК КПЧ продуманной системы руководства печатью, радио и телевидением. «Средства массовой информации постепенно превращались в неконтролируемую силу». Раздавалась критика и в адрес тех кадровых работников партии, органов безопасности и юстиции, которые не имели никакого отношения к деформациям 50-х годов.

Решения апрельского и майского пленумов ЦК КПЧ были важным шагом на пути к овладению положением в стране. Подавляющее большинство членов партии стояли на позициях, сформулированных в апреле и мае. Однако полностью справиться с положением *в столь краткий* срок было трудно.

В резолюции отмечается, что правым и оппортунистическим силам «предоставлялась чрезмерная и несоответствующая им возможность высказываться в печати, в *результате чего создавалось впечатление*, что эти взгляды представляют официальную политику ЦК КПЧ. Это объективно играло на руку антисоциалистическим силам и дезориентировало часть членов партии и общественности». Однако одновременно в партии продолжали существовать сектантски-догматические тенденции.

ЦК КПЧ проводил борьбу с антисоциалистическими силами и осудил манифест «Две тысячи слов». Далее в резолюции ЦК КПЧ содержатся важные положения, которые являются косвенным осуждением вооруженного вмешательства в дела ЧССР: «Главным оружием против антисоциалистической, правой, либералистской опасности ЦК считал прежде всего развитие собственной позитивной политики, идеологическую борьбу, борьбу за единство взглядов партии в целях единой наступательной позитивной политики. ... Центральный Комитет на всех послеянварских пленумах анализировал сложное развитие и давал оценку его положительным и отрицательным сторонам. Несмотря на сложность развития, *партия постоянно сохраняла и оказывала решающее влияние на политическое положение*. Подавляю-

щее большинство нашего народа стояло и стоит на стороне социализма, поддерживало и поддерживает честные усилия коммунистов, направленные не только на исправление ошибок прошлого, но и на изыскание позитивных исходных позиций для дальнейшего развития социализма в Чехословакии. Деятельность антисоциалистических сил, которые срывали послеянварскую политику партии, однако, серьезно осложнила политическое положение в стране и наши отношения к союзникам.»

В новой резолюции ЦК КПЧ отмечается положительное значение Братиславского заявления. События 21 августа вообще не упоминаются в резолюции. Здесь говорится только о том, что Решение о временном пребывании войск СССР на территории ЧССР ныне упорядочено договором между правительствами ЧССР и СССР, который был ратифицирован Национальным собранием 18 октября 1968 г. Выполнение этого договора обязательно для всех коммунистов.

Далее в резолюции говорится о необходимости продолжать работу по укреплению социализма, демократии, руководящей роли КПЧ, дружбы с СССР и другими социалистическими странами, о необходимости вести борьбу против антисоциалистических сил и буржуазной идеологии. «Важным условием сознательной дисциплины и активности коммунистов является полное развитие внутрипартийной демократии. ЦК КПЧ преисполнен решимости энергично противостоять всем стремлениям нарушить единство партии, причем партия не может недооценивать влияния догматическо-сектантских тенденций». (Это предупреждение сторонникам доянварского курса, которые проводили в последние недели явный курс на создание фракции). В резолюции отмечается особая роль печати, радио и телевидения как инструментов проведения в жизнь политики партии. Пленум ЦК КПЧ отметил в своем решении роль Народной милиции «Уже в связи с обсуждением самых основных вопросов политики партии, — говорится в резолюции, — Центральный Комитет считает необходимым заявить, что основной линией в области экономической политики партии является продолжение начатого пути реформ таким образом, чтобы как можно полнее и шире использовать все возможности и преимущества социалистического ведения хозяйства.»

«ЦК КПЧ ясно заявляет: — указывается в резолюции, — в отношении политической деятельности членов партии действителен Устав партии и все члены КПЧ, на каком бы участке они не работали, несут одинаковую ответственность за нарушение политической линии партии. Но изучение действительности, решение проблем, формулирование гипотез и поиски ответов на открытые вопросы в теоретической работе у марксистских ученых нельзя отождествлять с политической деятельностью. Но является неправильным, если непроверенные выводы осуществляются в практической политике партии или в обществе в обход Устава или помимо партийных органов.»

В заключительной части резолюции подчеркивается незыблемость внешней политики ЧССР, основанной на дружбе с СССР и другими социалистическими странами. «В настоящее время, — говорится в резолюции, — ЦК КПЧ придает чрезвычайное значение применению принципов демократического централизма, соблюдению партийной дисциплины и ответственности. Нельзя терпеть деятельность групп, которые нарушают ленинские принципы партийной работы и стремятся проводить вне органов партии собственную политику.» «ЦК КПЧ полностью поддерживает основные постулаты январского пленума и другие свои документы. ЦК КПЧ ни при каких обстоятельствах не допустит возвращения к нарушению социалистической законности и к деформациям, которые нанесли большой вред социализму. Он будет продолжать устранять беззакония в отношении коммунистов и остальных граждан.» ЦК КПЧ призывает всех коммунистов считать главной силой партии ее связь со всеми социалистическими силами обоих наших народов, неустанно, неутомимо и действенно противостоять всяким попыткам возможной провокации, использования национальных чувств трудящихся против интересов суверенитета, социалистической демократии и всей послеянварской политики в нашей стране. Пусть каждый коммунист стоит на страже единства партии, законности, конституционности нашего развития, прочного союза партии с народом. Однако наряду с этим КПЧ не допустит, чтобы против этой политики в противоречие с Уставом партии кто-либо активно выступал, организовывал группы, оказывающие нажим, проводящие провокационные акции, из-

дающие листовки и направляющие резолюции и т. п. Бороться против этого входит в задачу коммунистов на всех рабочих участках, в городах, селах, районах, областях и в национальных и федеральных органах».

Принятая резолюция является в некоторых своих положениях уступкой тому давлению, которое оказывается на руководителей ЦК КПЧ. Однако эти уступки носят скорее тактический, чем стратегический характер.

12. Интервью Э. Лебла газете «Монд»

Французская газета «Монд» опубликовала интервью с одним из видных чехословацких экономистов Э. Леблом. (Лебл — до 1949 года являлся заместителем министра внешней торговли Чехословакии. Член партии с 1931 года. В 1949 году был арестован и проходил в качестве подсудимого на процессе Сланского. В 1968 году опубликовал книгу «За кулисами процесса Сланского», в которой разоблачил всю механику этого провокационного политического процесса. Полностью реабилитирован еще в 1963 году. До 1 октября был председателем Словацкого национального банка.) Лебл сказал корреспонденту газеты, что он был освобожден со своего поста, но что он не собирается эмигрировать из Чехословакии. Он решил предпринять путешествие по западным странам, побывать в США. Затем он вернется в Чехословакию, думает работать в Академии Наук. Лебл сказал также, что СССР пытается контролировать в Чехословакии основные персональные назначения и создать здесь что-то вроде режима Кадара в Венгрии. На вопрос — существует ли риск, что народ отвернется от Дубчека, Лебл ответил, что он считает эту возможность маловероятной. Главное в ЧССР — спасти дух эксперимента. Дубчек пользуется в стране невероятной популярностью. Лебл говорил о «феномене Дубчека». Дубчек, — по словам Лебла, — обычный гражданин, но он исключительно честен, корректен и порядочен. Невозможно перечеркнуть ту работу и те процессы, которые происходили в Чехословакии в течение 8 месяцев с января до августа 1968 года. Опыт ЧССР оказал влияние на весь мир, здесь произошло возрождение человека, некий «культурный ренессанс». Интеллигенция

показывает пример ответственности. В Чехословакии сейчас невозможен конфликт между рабочим классом и интеллигенцией. Рабочие были рады отмене цензуры.

В своем интервью Лебл не удержался, однако, от некоторых выпадов против СССР. Во всяком случае, по свидетельству «Монд», Лебл заявил, что в Советском Союзе сейчас нет социализма.

13. Улучшение отношений с Румынией

В последние дни произошло заметное улучшение отношений СССР и Румынии. Возобновлен обмен туристами и всякого рода культурными делегациями. Многих советских писателей и режиссеров уговаривают поехать в Румынию. Полностью прекращена полемика в печати. Более того, ТАСС сообщает, что 29 ноября в Бухаресте закончилось совещание руководителей армий государств — участников Варшавского Договора. Это совещание происходило под руководством маршала И. И. Якубовского. Участники совещания посетили военные части и присутствовали на показных занятиях и учениях, проведенных в видах вооруженных сил Румынии. После совещания Н. Чаушеску устроил прием в честь его участников.

Намечается улучшение отношений с Югославией. По случаю национального праздника Югославии — Дня Республики советские руководители направили И. Броз-Тито и другим руководителям Югославии весьма дружественную телеграмму.

14. Увеличение контактов с чехословацкими деятелями

Во второй половине ноября увеличилось количество контактов между самыми разнообразными советскими и чехословацкими организациями. В СССР приехала чехословацкая делегация во главе с заместителем О. Черника Ф. Гамоузом. Несколько групп советских специалистов, по сообщениям печати, находятся сейчас в Чехословакии.

Советская печать в основном положительно относится

к решениям пленума ЦК КПЧ. В устной пропаганде, однако, делаются некоторые оговорки.

15. Студенческая забастовка в Праге

Как стало известно, еще 17 ноября 1968 года в день окончания ноябрьского пленума ЦК КПЧ в Праге началась всеобщая студенческая забастовка, которая продолжалась до 20 ноября. 18 ноября на собраниях бастующих студентов была принята следующая декларация, обращенная к рабочим и крестьянам ЧССР:

«Уважаемые товарищи рабочие и крестьяне!
В результате весьма ограниченной информации среди нашей общественности кочуют различные слухи относительно мотивов и хода забастовки пражских студентов. Поэтому мы, бастующие студенты, обращаемся к вам с открытым письмом, в котором хотим объяснить причины и истинную причину нашей забастовки.

Забастовка была объявлена под влиянием той ситуации, которая сложилась в нашей политической жизни. Она имеет чисто локальный характер и проводится в зданиях институтов. Она не носит разрушительный характер и не скажется на качестве нашего обучения. Солидарность с забастовкой проявили и наши преподаватели. Мы поддерживаем порядок в зданиях собственными силами: ни в коем случае не будут повреждены здания или оборудование и не будет нарушен общественный порядок. Мы проявляем сознательную дисциплину и в такой исключительной акции, какой является наша забастовка.

Что привело нас к решению объявить забастовку? Так же как и большинство наших трудящихся, мы глубоко обеспокоены тем, что так называемая современная реальность все больше ограничивает наше свободное социалистическое и демократическое развитие, которое началось в январе 1968 и которое было ясно сформулировано в Программе действий КПЧ. Мы научились судить о политике не по словам постановлений, провозглашений, обещаний, но по действиям наших представителей, правительственных и партийных органов, братских партий или правительств

дружественных стран. Поэтому мы еще не считаем торжеством правды, демократического и гуманного социализма или торжеством прогрессивных, мужественных и честных коммунистов, если им напр. удается включить в резолюцию пленума ЦК КПЧ некоторые формулировки возбуждающие надежду, что демократическое послеянварское развитие будет все-таки продолжаться, что не будет возврата к доянварским порядкам, когда, с другой стороны, не принимается во внимание спонтанное стремление нашего народа к тому, чтобы ведущие посты не занимали люди, утратившие народное доверие по мотивам политическим или моральным, или из-за их профессиональной неподготовленности или биологической неспособности. Мы все очень хорошо знаем, кто эти неспособные чиновники наверху и внизу. Мы никого не хотим обижать, но хотим только напомнить, что решает не субъективное желание, а объективный смысл деятельности каждого. С этой точки зрения мы и судим о качестве работы отдельных функционеров и учреждений

Программа действий — это выдающийся документ, который мы приняли с удовлетворением. Московские протоколы и документ о временном пребывании иностранных войск на нашей территории мы приняли как жестокую реальность для численно маленького народа в центре Европы в современном разделенном свете. Но мы ни в коем случае не согласимся с тем, чтобы на словах за нами признавался суверенитет и в то же время на нас оказывалось постоянное давление извне, например, в вопросе о том, кто должен занимать тот или иной руководящий пост или кто его не должен занимать; должен ли быть 14 съезд теперь или позднее, может ли быть созван съезд чешских коммунистов, должен или не должен выходить тот или иной журнал, можно или нельзя открыто выражать свои мысли в средствах массовой информации.

Мы ни за что не примиримся с тем, что на словах признается необходимость открытой политики, а на деле информация о деятельности и проблемах наших руководителей, имеющих безоговорочную поддержку нашего народа становится все более ограниченной, они боятся говорить открыто со своим народом о своих трудностях и сложных проблемах. Встает вопрос, кого же они боятся? Своего народа, который их безоговорочно поддерживает, или кого-то

другого. У нас имеются серьезные опасения, что их страх может разъединить их с народом, что мы перестанем их понимать, и что они в конце концов могут перестать делать политику для нас и начнут, сами того не замечая, осуществлять политику кого-то другого. Мы хотим свободно жить, спокойно работать, хотим иметь уверенность в своем будущем, хотим держать это будущее в своих руках. Хотим, чтобы нами руководили люди, в чьих способностях это делать мы уверены. Для этого существуют нормальные демократические возможности. От этих возможностей мы не должны отказаться. Мы любим свою страну, мы уважаем всех трудолюбивых и честных людей на заводах, в деревнях и в институтах, и мы боимся, что все мы станем жертвами признания «жестокой реальности».

Форма нашего протеста, забастовка, должна показать, что мы способны достойно и в соответствии с традициями нашего трудового народа выразить наши опасения о судьбе нашей страны, мы отказываемся выражать свои мнения и взгляды с помощью ругательств, истерических нападок, угроз, актами насилия или заклинаниями «верностью идеям марксизма, ленинизма, пролетарского интернационализма, верности Советскому Союзу и международному рабочему движению, нашей партии» и т. д., как это делают некоторые люди, которых мы называем йодасовцы. Эти люди громких слов, которые полагают, что за ними стоит сила оружия и внешнего давления, не должны влиять на действия наших представителей и наших органов. Поэтому мы обращаемся к представителям нашей партии и правительства:

«Не убеждайте нас в том, что, например, средства массовой информации предоставляли место для антисоциалистических сил, когда мы все знаем, в чем заключается правда. Не оправдывайте действия, находящиеся в противоречии с нашим послеянварским путем, той аргументацией, которая вам навязана. Наш трудовой народ мудр, мужествен и наделен большой выдержкой. Он не впадет в панику. Не сдастся, он мечтает о справедливости, о демократическом социализме с человеческим обликом, он ненавидит насилие и несправедливость, унижение и порабощение, он любит правду и честную игру. Останьтесь верным воплощением этих ценностей нашего народа, ведь вы его частица. Если вы не сможете больше занимать свои посты, откройте

демократический путь вашим преемникам, которых народ выберет согласно своему разуму и чувству. Воспрепятствуйте тому, чтобы благодаря кабинетной политике во главе партии и государства стали люди, которые будут служить чуждой власти, которые станут рабами своего честолюбия и своего неразумия, своей жажды власти и своих грубо искаженных представлений о социализме»

Уважаемые друзья на заводах и на полях, в этом подлинный смысл нашей забастовки, который мы сформулировали, начиная ее, в конкретных 10 пунктах. В этом смысл забастовки нас, молодых, которые сражаются за свое будущее. У нас жизнь впереди, мы хотим жить, мы не хотим унижаться. Мы хотим своей учебой сегодня и своим трудом завтра на заводах и в научно-исследовательских институтах создать новые ценности, которые помогут нашему народу создать счастливую, духовно и материально изобильную жизнь и жить в мире. Так мы понимаем социализм.

Мы просим вас, информируйте всех работников вашего предприятия о нашей точке зрения.

Прага, 18 ноября 1968 года.

Приняли собрания бастующих студентов во всех высших учебных заведениях Праги».

«Точка зрения Студенческого Союза Чехии и Моравии, в поддержку которой была объявлена забастовка.

1. Основа нашей политики есть и будет Программа действий КПЧ, принятая на апрельском пленуме ЦК КПЧ.

2. Не будет проводиться кабинетная политика, обновится двусторонний ток информации между гражданами и руководством.

3. Введение цензуры в средствах массовой информации — явление временное, она не будет существовать более полугоды.

4. Не будет затронута свобода собраний и объединений.

5. Будет гарантирована свобода научного исследования, литературного и культурного творчества.

6. Личная неприкосновенность и правовая охрана граждан будет гарантирована.

7 Те, кто утратил доверие и не сумел отстоять свою точку зрения, не останутся далее на своих постах.

8. Будет продолжаться установление совета трудящихся на производствах, как органов самоуправления.

9. Будет гарантирована свобода поездок за границу.

10. В области внешней политики не должны иметь место действия, противоречащие чувствам чехословацкого народа, Хартии ООН и Декларации человеческих прав».

16. Чехословацкие ученые о советской «Белой книге»

Сразу же после появления советской «Белой Книги», о которой мы писали в прошлом месяце, Чехословацкая Академия наук создала большую комиссию, составленную из групп компетентных специалистов: историков, экономистов, философов и др. Еще в октябре в журналах и газетах Чехословакии были опубликованы выводы насчет нашей «Белой книги» группы сотрудников института изучения общественного мнения. В разных местах были опубликованы мнения историков, опровергавших отдельные фактические неточности и вымыслы в материалах советской пресс-группы. 31 октября 1968 года еженедельник «Политика» (№ 10) поместил на своих страницах высказывания о «Белой книге» некоторых других групп ученых. Ниже мы приводим эти заметки с небольшими сокращениями:

1 «Белая книга» с точки зрения экономистов

«Вопросы экономики поставлены в этом материале случайно и достаточно обкарнаны. Это относится и к общим характеристикам: — цитаты из трудов экономистов вырваны из общей связи, что искажает мысль, некоторые факты представлены в неправильном свете, а некоторые приведены и пояснены без учета ситуации в других социалистических странах.

В материале говорится о ревизии марксистско-ленинской экономической теории, и эта ревизия связывается с подготовкой так называемой идеологической контрреволюции. Однако разработка экономической реформы ни в коем случае не может быть связана с подготовкой контрреволюции в Чехословакии и не только потому, что она никак не создает условий для реставрации буржуазных порядков в

Чехословакии заграничными капиталистами, а главным образом, ввиду неизбежности изменений в системе управления народным хозяйством в Чехословакии. В «Белой книге» намеренно опустили, что экономическая реформа в Чехословакии не является плодом послеянварской политики. При этом на следующей же странице этой книги говорится, что в ЧССР замалчивается, что в других социалистических странах проведены не менее глубокие экономические реформы (см. стр. 54). А это свидетельствует о том, что неизбежность изменений в системе управления — общее явление во всех социалистических странах.

Какие же примеры ревизии экономической теории приводятся в «Белой книге»? Это якобы — отрицание основ демократического централизма,

— нарушение планового управления,
— провозглашение торгового социализма,
— ревизия ленинских взглядов на социалистическую реконструкцию земледелия,
— нападки на систему междугосударственных экономических отношений между социалистическими странами.

Однако примеры, приведенные в материале, о таковой ревизии не свидетельствуют.

Нельзя считать серьезным утверждение с попрании основ демократического социализма в Чехословакии в управлении народным хозяйством. Речь здесь шла об установлении правильных взаимоотношений между центром и предприятиями, о разграничении их правомочий так, чтобы предприятия имели больше самостоятельности и чтобы можно было лучше использовать их инициативу. Это идет в одном направлении с тенденциями социалистических стран, в том числе и СССР, где всюду возрастают права предприятий и используется в управлении ими экономические рычаги. К тому же надо иметь в виду, что централизация в ЧССР была гораздо жестче, чем в других социалистических странах.

Повсюду в странах социализма признан сейчас товарный характер социалистического производства. Из этого вытекает и существование социалистического рынка и необходимость считаться с ним при плановом управлении. Однако мы постоянно слышим упреки в нарушении планового

управления и провозглашении торгового социализма в ЧССР. К таким утверждениям не может серьезно отнестись тот, кто знает сущность нашей экономической реформы, которая ясно выражена в решениях ЦК КПЧ также как и в основных трудах наших теоретиков, где всесторонне разработаны вопросы экономической реформы.

Один из них — о социалистических товарных отношениях и о взаимной связи плана и рынка, что служит улучшению планирования. Социалистические рыночные отношения не имеют ничего общего со стихийными отношениями, у нас везде говорится об их правильном использовании в сочетании с общественными интересами. Об этом же всегда говорил и О. Шик.

Не имеет поэтому никаких оснований утверждение будто в нашей экономической реформе речь идет якобы о создании совершенно самостоятельных и независимых предприятий. Равным образом не имеет оснований критика предприятий как торговых субъектов, ибо такова ситуация, что во всех социалистических странах предприятия имеют определенную самостоятельность, выступая на социалистическом рынке, как его субъекты.

Упреки в ревизии ленинских взглядов на социалистическую реконструкцию сельского хозяйства уж совсем не имеют оснований. Заявление о выделении социалистических земледельческих предприятий на полностью земледельческое производство в ЧССР свидетельствует о преобладании таких предприятий в чехословацком земледелии. Этим ЧССР явно отличается от Польши и других социалистических стран. При этом в Чехословакии до сих пор не распался ни один сельско-хозяйственный кооператив. Пример, приведенный в книге (статья Я. Прохазки), не является мнением специалиста, и в ней вообще говорится о другом. В этой статье поднимается вопрос о том, будет ли в Чехословакии существовать крупное коллективное земледелие, а только о способе хозяйствования. В ней обсуждается возможность экстенсивного или интенсивного способа земледелия.

Чехословацкую критику недостатков, существовавших до сих пор в деятельности СЭВ, считают нападками на систему международных экономических отношений между социали-

стическими странами и при этом намеренно забывают, что именно Чехословакия на основе достигнутого уровня развития особенно заинтересована в социалистическом разделении труда. Критика неудовлетворительной деятельности СЭВ, впрочем, исходила не от одной Чехословакии. Чехословакия предполагала, что на результат взаимных торговых отношений нельзя смотреть постоянно с точки зрения количества, но что в большей степени должен иметь место качественный подход, который способствовал бы росту технического уровня, специализации и кооперации и тем самым росту эффективности разделения труда в рамках СЭВ. В этой связи в «Белой книге» затрагиваются вопросы экономических связей с Западом, однако и эти вопросы подаются в неверном свете.

Ни количественное, ни качественное развитие своих торговых отношений с социалистическими странами ЧССР не может обеспечить *без развития* своих торговых отношений с Западом. Определенной техникой и сырьем, необходимыми для обеспечения своих поставок в социалистические страны, ЧССР не может обеспечить себя в этих же странах, а только за Западе. Теперь не секрет, что ЧССР была *последней* из социалистических стран, которые установили свои торговые отношения с Западной Германией, обменявшись торговыми представительствами. (Польша — в 1963 г., Венгрия и Болгария в 1964, после чего ЧССР и ФРГ обменялись торговыми представительствами только в 1967 г.).

В «Белой книге» равным образом недобросовестно излагается вопрос о западных кредитах. Хорошо известно, что из всей суммы кредита, которую ФРГ предоставила социалистическим странам, ЧССР получила только 5 процентов. Уже перед этим Польша использовала возможность получить высшие льготы в своей торговле с США. Когда же ЧССР старается разрешить некоторые вопросы своих экономических отношений с Западом, то как, если не лицемерием назвать упреки со стороны тех, кто уже сделал это намного раньше.

Даже при проведении экономической реформы в области внешних экономических отношений, не следует преувеличивать долю участия западных стран во внешних экономических отношениях ЧССР. Речь идет не о подчинении этой

экономики западным экономикам, а только о повышении эффективности внешних экономических связей с Западом

Специальной критике подвергся и вопрос мелкого предпринимательства. Следует знать, что при обсуждении экономической реформы в Чехословакии поднимался вопрос о мелких частных предприятиях без наемной силы, которые могли бы решить вопрос о некоторых службах в местном масштабе. Речь шла о таковых службах, обеспечение которых крупными предприятиями неэффективно и не имеет смысла. При этом критики из «Белой книги» умалчивают, что в некоторых социалистических странах существуют и частные предприятия с использованием наемных рабочих. О создании таких предприятий в Чехословакии никто и не заикался.»

2. «Белая книга» с точки зрения социологов

«а) Совершенно недопустимым с точки зрения гносеологической является принятый авторами сборника способ аргументации. В сборнике приводятся различные случайные отрицательные явления, которые квалифицируются как характеризующие чехословацкое общество в целом и наоборот: положительные явления, как-то «отстаивание позиций социализма, поддержка КПЧ, связь партии с трудящимися» и т. п., произвольно выдаются за так называемую маску, надетую контрреволюцией. Там, где не хватает фактического материала, авторы ссылаются на скрытый и спокойный характер контрреволюции, и даже сам недостаток фактического материала для доказательства контрреволюции, используется как доказательство ее существования.

Таким способом можно вообще дискредитировать любое общество и любое социальное движение. Эти методы, типичные для антикоммунистических форм буржуазной пропаганды, по существу чужды марксизму и социализму. Применение таких методов советскими публицистами, которые должны бы представлять марксистский тип пропаганды, по меньшей мере удивительно.

б) Столь же поразительное впечатление производит на наше социалистическое общество употребление авторами

сборника цитат из буржуазной империалистической печати и выступлений часто очень дискредитированных политиков без какого-либо критического разбора, как прямых аргументов существования негативных, контрреволюционных, антисоциалистических, антикоммунистических элементов в ЧССР. Каждому гражданину нашей республики ясно, что буржуазные политики никогда не гнушались использовать опровергнутые факты для дискредитации действительности и людей, нежелательных капитализму.

в) Авторам просто не достает анализа действительной связи между фактами, или они просто не нашли ни одной такой связи, но они эту связь произвольно конструируют по ими же подготовленной искусственной схеме. Чехословацкого гражданина особенно чувствительно затрагивает таким образом сконструированная связь между нацистами, реваншистами и процессом возрождения в ЧССР.

Дилетантство авторов проявляется особенно в тех положениях, где они пытаются сделать идеологический анализ процесса возрождения в ЧССР. В книге критика консервативных тенденций внутри КПЧ и их носителей из предъянварского периода систематически выдается за нападки на КПЧ. Равным образом, критика бюрократических методов осуществления ведущей задачи партии в доянварский период называется критикой основной задачи партии вообще. Авторы явно отождествляют бюрократические методы проведения главной задачи партии с общими принципами социалистического общества и упускают из поля зрения действительное содержание главной задачи партии в социалистическом обществе, ясно сформулированное классиками марксизма-ленинизма. С таких же позиций исходит и негативная критика стремлений к тесной связи партии с беспартийными, что в книге выдается за идеологическое оружие контрреволюции, хотя достаточно школьного знания основ марксизма-ленинизма, чтобы понять, что этот тезис является одним из основых широко осуществляемых тезисов, определяющих политику революционной рабочей партии. Для авторов явно остались скрытыми бесчисленные высказывания Маркса и Ленина о связи демократии и социализма, и они настаивают на примитивно-вульгарной позиции, отождествляя всякую демократию с буржуазной демократией.

Также наивен способ критики экономических моделей О. Шика, поскольку концепция социалистического общества, как общества, производящего товары считается ревизионистской. И здесь авторам не достает знания основного труда Маркса и особенно Ленина, где именно социализм характеризуется, как общество, производящее товары, и где также существуют и должны существовать торговые отношения.

Авторы явно путают модель социализма с моделью марксизма, что проявляется в части, где критикуется так называемый «новый вариант» марксизма в ЧССР. Из цитаты, приведенной для доказательства этого тезиса, вытекает, что наши политики и теоретики требовали творческого развития марксизма, что является само собой разумеющимся, тысячу раз повторяемым марксистским требованием развития научной теории вообще и марксистской теории особенно. Или в другом случае говорится о специфических чертах социализма в ЧССР, — и в этом случае речь идет о явном постулате марксистской теории. Авторы не привели ни единого доказательства существования в ЧССР «нового варианта» специфически чешского марксизма.

Одинаково наивным и дилетантским является смешение понятий «политическая система» социализма и «общественное управление». Авторы не уразумели, что в ЧССР речь идет о предложении новой, лучше действующей политической системы социалистического общества и решили, что там, где говорится о замене политической системы, чехословацкие политики и теоретики имеют ввиду изменение общественного управления в ЧССР, то-есть поворот к капитализму. Этот случай также является примером политической наивности.

Из дальнейшего текста видно, что авторам сборника нехватает основной информации о существовавшей до сих пор политической системе в ЧССР. В ряде мест авторы критикуют плюрализм политических партий как выдумку контрреволюции и игнорируют действительное положение вещей, т. е. то, что в ЧССР плюрализм с 1918 года существует легально, при чем в дискуссиях критиковалось формалистическое понимание этого плюрализма в доянварский период. Чехословацкий читатель будет поражен смелостью

авторов, выдающих себя за экспертов ситуации в Чехословакии и при этом утверждающих, что коммунистическая партия выступала на выборах самостоятельно со своими кандидатурами. В отличие от Советского Союза известно, что в ЧССР всегда выдвигались общие кандидатуры народного фронта, где были представители трех политических партий и беспартийных. Разумеется, что подобное невежество ставит для чешского читателя под сомнение и весь сборник.

Серию наивностей с точки зрения социалистической теории, а также фактического знакомства с Чехословакией представляет раздел, посвященный чехословацкой молодежи. Авторы книги сами утверждают, что в течение ряда лет выявились важные недостатки в воспитании молодежи, при чем все усилия КПЧ выправить старые ошибки по отношению к молодежи расцениваются авторами книги как негативные, осуждается то, что у нас «ревностно подчеркивается, что старое партийное руководство упустило такую важную проблему и в сущности она не была решена». Именно КПЧ в своей программе действий обратило особое внимание на значение молодежи, как специфической общественной группы, которая имеет решающее значение для развития социализма в дальнейшем и требовала разрешения всех неотложных проблем современной молодежи. Удивительно, что авторы книги критикуют стремление молодежи к федеративной организации молодежи и при этом забывают, что подобная организационная система существует например в Польше. Точно также можно спросить, что плохого в восстановлении скаутской организации в ЧССР когда до сих пор такая организация существует совсем легально, например, в современной Польше. Послеянварская политика коммунистической партии, которая уважает справедливые интересы молодежи, укрепляла среди молодежи коммунистические и социалистические убеждения существенно больше, чем старое руководство, и не ее вина, что эти усилия были нарушены.

Как ученые и социологи мы равным образом недоумеваем по поводу того, по какому праву означенная «группа печати советских журналистов» представляет общественное мнение голословно без каких-либо доказательств... Прежде чем выступить с настоящей статьей Чехословацкой акаде-

мией наук был проведен ряд исследований со всей тщательностью и серьезностью, как этого требует этика научной работы. И именно эти исследования объективно показали огромный рост доверия рабочих, крестьян, интеллигенции и всех граждан страны послеянварской политике партии. Эти исследования показали растущее преобладание социалистических сил в ЧССР а также ни в одном случае не могли подтвердить атмосферу «неустойчивости и беспорядка в стране».

3. «Белая книга» с точки зрения философов

...Авторы сборника ссылаются на многие правильные общие принципы, провозглашают, что одна правда может быть надежным критерием правильности позиций, и осуждают принцип «цель оправдывает средства», но не придерживаются этих слов, вместе с тем они, однако, понимают защиту социализма, как апологетику, идеализируют социалистическое управление как совершенное, отрывают так называемую неизменную, неприкосновенную, бесспорную «основу социализма» от его конкретных установленных форм, от чего идея социализма превращается в платоническую идею, а научный социализм в социализм утопический. Метафизическое понимание социализма как системы, решенной окончательно, логически ведет к тому, что какая либо критика недостатков и противоречий огульно считается ревизионистской и антисоциалистической, а это отождествляется с контрреволюцией и реакцией.

Возникшая таким образом свистопляска информации и оценки приводит к катастрофическим результатам. Авторы не желают считаться с тем, что с того времени, как социализм возник как наука, его надо и понимать как науку. Составители «Белой книги» не желают считаться и с марксистско-ленинским требованием конкретного анализа конкретных явлений. Нигде не упоминается о догматически-сектантской деформации, делается вид, будто не существовало глубокого кризиса, в которое попало наше общество в результате неправильных методов и антисоциалистических позиций Новотного и его клики, как будто критика предъянварской практики была только прикрытием для ревизионизма и антисоциализма.

Для всего материала решающими являются особенно два пункта: первое априорно расширенное понятие «контрреволюции». На стр. 2 авторы допустили, что нет доказательств реальной диспозиции контрреволюции, «тщательно зашифрованной операции», которую якобы предприняли империалистические силы в Чехословакии, что нет ни карты размещения нелегальных радиоточек, типографий, складов оружия и т. п. Вместо этого приводится как доказательство высказывание некоторых особ, которые просто объявляются вождями контрреволюции. Вторым пунктом авторы передвинули «доказательство» существования контрреволюции в сфере взглядов. Однако понятие контрреволюции в марксизме, а также в советской общественной науке, не относится к взглядам, а прежде всего к действиям, к «бою реакционных классов против революции с целью ее поражения, либо против победившей революции с целью уничтожения ее завоеваний и реставрации дореволюционного порядка». Контрреволюция обычно предполагает интервенцию реакционных правительств (государств) при помощи армии, блокады, вооруженных мятежей, саботажа, бандитизма и проч. Если передвинем это понятие в область взглядов, потом может получиться, что какое-либо мнение, которое не полностью совпадает с определенным предшествующим понятием, будет обозначено просто контрреволюцией. Это опасная логика, вредная для партии и марксистской теории.

Разбираемый сборник игнорирует действительность, то, что корни кризиса нашего социализма уходят глубоко в предъянварский период. Материал сборника не дает критического анализа этой деформации, замалчивает, что причины кризиса лежат преимущественно в бюрократических тенденциях. Авторы сборника заявляют, что термины «свобода», «демократия», «возрождение» и т. п. можно толковать с тех или иных классовых, социальных и мировоззренческих позиций. Однако сами они не проводят никакой дифференциации и подгоняют большую часть критики предъянварских условий под рубрику «контрреволюции», замалчивают партийные документы, как например, решения апрельского пленума, который обязывает коммунистов «ясно и вразумительно для широких слоев трудящихся отмежевать партию от прошлой деформации».

Таким замалчиванием достигается грубое и недопустимое смешение партийной критики прошлых ошибок с подготовкой контрреволюции. Метод выдергивания цитат не позволяет авторам распознать разницу между членами и функционерами партии, беспартийными, сторонниками других партий и социальных групп, смешивает и объединяет в одно отдельные цитаты и их содержание. Подобным образом создается впечатление непреодолимого и планомерного наступления контрреволюции.

Авторы сборника проявляют некритическое доверие к сообщениям буржуазной печати, достоверность которой хорошо известна чехословацким коммунистам. Там, где речь идет о чехословацкой печати, авторы исходят из ошибочных предположений, что стихийно возникающие выступления и мнения различных читателей, якобы были продуманы и подготовлены и представляют определенную линию, законченную, официальную точку зрения. В каждом обществе, а также в социалистическом, существуют противоположные политические взгляды. В демократической политической системе эта противоположность может проявляться, что дает возможность бороться с ошибками, идейно и политически их преодолевать. Если же это запрещено, скрыто, то именно поэтому может стать небезопасным.

Авторы не работали с тем фактическим материалом, который имели в своем распоряжении.

В ЧССР, народ который практически единственный из социалистических стран искушен в буржуазной демократии (или же иначе говоря, его опыт наиболее в этом отношении широкий) с одной стороны, никого не может обвинять, когда некоторые авторы высказывают определенные мнения, с которыми коммунисты не согласны (как например, с приведенными в брошюре некоторыми цитатами). С другой стороны, в нашей республике по традиции за прочный режим считается такое правительство, которое не ограничивает эти возможности. Поступаем ли мы по марксистски, если отказываемся принимать во внимание конкретные условия социалистического строительства в той или иной стране?

В сборнике явно чувствуются те самые методы, при по-

мощи которых были созданы политические процессы пятидесятых лет. Такие материалы неизбежно приводят к дезинформации и угрожают отношениям между коммунистическими партиями.

Наилучшим ответом на брошюру «К событиям в Чехословакии» будет точный научный анализ последних событий в Чехословакии, проведенный партийными органами.»

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

1. «Красная Звезда» о повести В. Быкова «Атака с ходу»

В «Красной Звезде» 17 октября опубликовано письмо читателя И. Абрамова, в котором он подвергает самой грубой и несправедливой критике интересную повесть. В. Быкова «Атака с ходу» («Новый мир», № 5, 1968).

2. «Огонек» о журнале «Творчество»

Не так давно журнал «Огонек» поместил крайне тенденциозную статью о журнале «Театр». Недавно «Огонек» поместил на своих страницах статью действительного члена Академии художеств СССР А. Лебедева «Творчество ли?». В этой статье несправедливой критике подвергается журнал «Творчество». Выступая с обскурантистских позиций, А. Лебедев обрушивается на журнал «Творчество» за его широкую и трезвую позицию в вопросах творчества, за поддержку разных творческих методов, за выступления журнала против узости и групповщины в художественном творчестве. А. Лебедев признает, что журнал «Творчество» помещает репродукции «подлинно значительных работ нашего советского многонационального искусства и искусства зарубежного». Лебедев признает также, что «некоторые статьи журнала написаны с совершенно правильных позиций.» Однако он решительно протестует против того, что в журнале «Творчество» помещаются репродукции таких картин и публикуются такие статьи, которые по тем или иным причинам не нравятся А. Лебедеву (и, вероятно, главному редактору «Огонька» А. Софронову).

3. О некоторых литературных премиях

В конце октября было объявлено о присуждении некоторым писателям премий Ленинского Комсомола. Среди лауреатов — поэт Владимир Фирсов, стихи которого привлекли в последние годы внимание из-за их вполне определенной неосталинистской политической направленности. В. Фирсову премия присуждена за поэму «Республика Бессмертия», опубликованную в «Огоньке» (№ 35 от 24 августа).

7 ноября было объявлено о присуждении Государственных премий СССР за 1968 год. В области литературы присуждены лишь две премии и обе авторам из «Нового мира»: Ч. Айтматову за повесть «Прощай, Гульсары» и С. Залыгину — за роман «Соленая падь».

4. О журнале «Молодая гвардия»

Многие из статей в журнале «Молодая гвардия» в полную противоположность с названием журнала пишутся с весьма консервативных позиций. Весьма заметна в этом журнале и своеобразная неославянофильская линия, наиболее ярко представленная Вл. Солоухиным. Характерной для общественно-политической позиции «Молодой гвардии» была статья М. Лобанова «Просвещенное мещанство» в № 4 за 1968 год. Критик Вадим Ковский в «Литературной газете» от 24 октября пишет об этой статье следующее:

«С многими частными соображениями живого и страстного выступления М. Лобанова нельзя не согласиться. Критик прав, когда высмеивает стадные «эстетические» увлечения, дилетантское щебетание по поводу и без повода, ученую схоластику и пр...

Однако в конечном счете смысл статьи Лобанова обнаруживается не в полемике с отдельными проявлениями мещанских вкусов и настроений, а в том уничижительном «актировании» всех этих вкусов и настроений по номенклатуре иронически толкуемого «интеллектуализма», которое объективно приводит автора к осмеянию многих черт интеллектуальной и культурной жизни современного общества в целом. Так, в один ряд с «вертунами» и «мини-юбками» выстраиваются телевидение и кино, «пересаженное сердце»,

«физики и лирики», «электронные теории», «симпозиумы», «кибернетическое стихотворчество» и т. д.

О высоком уровне современного образования критик ядовито говорит: «разлив так называемой образованности». Современного интеллигента презрительно именует «интеллектуальным агрегатом». С непонятной запальчивостью высмеиваются «все эти любители симпозиумов». А об участниках всяческих литературных дискуссий (среди которых кстати, нередко можно видеть и самого М. Лобанова) сказано уж и совсем туманно и нехорошо — будто они только и думают, как бы «примазаться к истории великого народа».

Занявшись исследованием очередных трансформаций мещанства, М. Лобанов «захватил» слишком широко: он поставил знак равенства не только между мещанами и интеллектуалами, но между мещанами и образованными людьми вообще... Захваченный борьбой с какими-то отрицательными чертами определенного общественного явления, М. Лобанов незаметно переносит центр критики на само явление в целом, забывая, что речь идет все же не о поголовном пьянстве, а о поголовном увлечении проблемами пересадки сердца или кибернетикой.

Так возникает полемика с современностью, неотрывная от другой особенности памфлета М. Лобанова — его обращенности в прошлое. В историческом прошлом автор усматривает не только непреходящие начала духовной культуры народа, но главным образом моменты, противопоставляющие одну нацию другим, подчеркивающие ее духовное превосходство...

Но оставим в стороне исторические экскурсы критика. Обратимся к современности.

Самоуглубление, индивидуальность, искренность эмоций, сосредоточенность, духовность, ощущение кровного родства с народом, иначе говоря, все те черты, которые М. Лобанов выдвигает в противовес облику «просвещенного мещанства», ни в коем случае не противопоказаны людям, находящимся «в курсе всех современных наук и мировых прогрессов».

...Интеллектуальные возможности современной личности непрерывно растут под напором ширящегося потока инфор-

мации; наука, искусство, политика становятся повседневным содержанием нашей жизни; человек приобщается к интеллектуальным интересам человечества в целом; в социальной структуре советского общества происходят стремительные преобразования в направлении интеллектуализации всех видов труда и пр. Литература и критика чутко отражают все эти процессы. Но не только эти, а и усиливающуюся тягу к традиционным формам бытия, к национальной истории, устойчивым чертам народного характера. Эта тенденция, в свою очередь, обогащает искусство. Однако не нужно закрывать глаза на то, что народность на этом пути, отмеченном немалыми художественными достижениями, подчас подменяется псевдонародностью, пытающейся вести «бесплодный спор с веком».»

5. *«Огонек» выступает против «Нового мира»*

В № 44 журнала «Огонек» опубликована статья Н. Сергованцева «Возвращение к герою». В этой статье (написанной каким-то необычайно корявым языком) автор рекламирует несколько весьма слабых, поверхностных романов: Алексея Пантиелева «Белая птица» (ж. «Москва», №№ 5-6, 1968 г.), Вадима Кожевникова «Петр Рябинкин» (ж. «Знамя», № 6 за 1968 г.), Аркадия Первенцева «Остров надежды» (ж. «Октябрь», № 1-2 за 1968 г.) Удостоились похвалы Сергованцева и «Открытие мира» Василия Смирнова, «В стране синеокой» Николая Шундика, «Русская земля» Дмитрия Зорина, «Истоки» Григория Коновалова и некоторые другие произведения. «В виду творчества столь разных писателей, — пишет Сергованцев, — как правило, талантливо сложившихся, с учетом идейно-художественных склонностей и первых успехов немалого отряда молодых даровитых прозаиков можно определенно говорить об общем рисунке народного типа — собирательного образа современника. В нем как однородственные величины вызрели такие приметы: резкая обозначенность трудовой психологии, удивительно естественное, как бы с молоком матери впитанное ощущение героем неразрывности связей с прошлым, настоящим и будущим народа, его национальное самосознание как гражданина могущественной державы, любовь к земле и делу на нем, скромность при огромных вну-

тренних достоинствах, коллективная дисциплина, которой человек не подавляется, а приобщается к совместно выработанным нравственным понятиям. Эти, может быть, условно отмеченные приметы обаятельно сплавлены в конкретном герое уважительным и любовным чувством автора, безусловно, немыслимым без четкого понимания идеала, который складывается в самом народе».

Совершенно иначе пишет Н. Сергованцев о «Новом мире». Пропуская лучшие публикации «Нового мира» (один роман Ф. Абрамова «Две зимы и три лета» или «Плотницкие рассказы» В. Зелова стоят всех перечисленных выше романов), Н. Сергованцев заявляет:

«Последние номера «Нового мира», журнала, удивительно восприимчивого к любым переменам — неважно каким, лишь бы они были, — зоркого на все случаи жизни, не единожды заверяющего смотреть на жизнь нелицеприятно, быть с ней накоротке и даже опережать ее ход, — вдруг этот самый журнал обрел все черты законченной провинциальной глуши. От чтения некоторых его публикаций остается такое впечатление, будто смотришь на мир спросонок, когда видишь какое-то неясное мельтешение вместо привычного пестрого шума, непрерывного движения.

...В этом году «Новому миру» совсем не повезло с крупными прозаическими жанрами: в этом смысле журнал стал тончать. Опубликованная в пятом номере повесть Василя Быкова «Атака с ходу» не стала шагом вперед для даровитого автора. Он как бы привычно вжился в постоянно и уже давно проигрываемую тему, и вот эта привычность лишает новую его повесть той свежести, искренности, которая так привлекала в первых повестях писателя.

Пожалуй, с живописной стороны покажется светлым пятном повесть Е. Герасимова «Весна в Дубках» (журнал «Новый мир» № 6 за 1968 г.), написанная отличным слогом, поэтически, со вкусом расцвеченная. Уровень мастерства, отделка сцен, ненавязчивое владение умно подмеченной деталью — это, безусловно вызывает уважительное отношение. Но тем более огорчительно, что способным литератором взята для поэтизации какая-то окраина жизни, косвенность ее.

...Окраинные уголки жизни, ее мелочи и второстепенности, отсутствие хоть сколько-нибудь заметного, остающегося в памяти героя стало направлением журнала «Новый мир». Дегероивация действительности настолько густо высыпала на его страницах, так разъедающе действует, что можно определенно говорить о затянувшемся кризисе одного из наших старейших журналов».

6. Из статьи В. Чалмаева «Неизбежность»

В журнале «Молодая гвардия» (№ 9) опубликована статья В. Чалмаева «Неизбежность». В этой статье автор подвергает критическому разбору множество литературных произведений последних лет. Магистральное, глубинное течение советской литературы, — пишет В. Чалмаев, — развивающееся на единой интернациональной основе, на основе ленинского учения о партийности и народности и горьковских традиций социалистического реализма, неизменно «прогибает», сокрушает антигуманистические поделки модернистского ремесла» (262). В первую очередь критик из «Молодой гвардии» отмечает появление в последние годы нескольких удачных исторических романов: «Романы «Хмель» А. Черкасова, «Русь Великая» В. Иванова, «Господин Великий Новгород» Д. Балашова и особенно большой роман старейшего русского писателя В. Н. Иванова «Черные люди» ...знаменует собой начало нового этапа освоения русской истории, прерванного отчасти после патриотического подъема Отечественной войны». (265) Вызывает однако возражение стремление В. Чалмаева противопоставить перечисленным выше историческим романам произведения «молодых писателей», жалких жертв болезненной моды на небрежную, современную манеру». Тем более, что несколькими страницами ранее к этим молодым писателям, работающим в «небрежной современной манере» отнесены Аксенов и Гладилин. И у многих явно не симпатичных Чалмаеву молодых писателей мы видим стремление сегодня к исторической и историко-революционной теме. («Казнь Стеньки Разина» Е. Евтушенко и др.).

В. Чалмаев справедливо критикует те примитивные националистические тенденции, которые проявляются в по-

следние годы в нашей литературе. «Сейчас, — пишет В. Чалмаев, — нередко наблюдается своеобразный разрыв между социальным и национальным. С одной стороны, мы имеем целый поток стихотворных произведений, где без конца повторяется слово «Русь» «Россия», идут картины вневременного, внесоциального, какого-то идеализированного деревенского «оазиса», царства фатальной тишины. В этом плане особенно поучителен последний сборник В. Цыбина «Ау», в котором поэт даже трухлявую стену избы ставит выше всего «городского». Это пока, а не позиция защитника национальных устоев, объективно очень вредящая осознанию Советской Родины». Однако и в рассуждениях самого Чалмаева на стр. 263-264 и далее есть множество элементов того своеобразного «неославянофильства», которое столь характерно сейчас для «Молодой гвардии».

Очень высоко оценивает критик В. Чалмаев произведения Ф. Абрамова. «Одним из произведений, раскрывающих красоту народной души, — пишет Чалмаев, — драматизм исторических судеб русской деревни в годы войны и в первые послевоенные годы, стала дилогия Ф. Абрамова — романы «Братья и сестры» (1957) и «Две зимы и три лета» (1968). Мы видим народ, как будто разъединенный на какие-то «гнезда», где теплится жизнь, где вырастают дети, доживают свой век старики. Словно ураган прошел над Пекашином, вырвал из единого народного организма какие-то самые существенные звенья, обескровил его, заставил каждого искать «притул» в своем, обезлюдевшем тоже, доме. Песни, свадьбы, общие труды — эта поистине незаметная, но важная «кровеносная система» народного организма — почти прекратились, утратили ту окрыляющую праздничность, которую вносили в них люди. Народная жизнь стала как обмелевшая река, с плесами, островами посредине, с почти обнажившимися омутами... И лишь постепенно эта река вновь заполняет свое извечное русло, вновь обретает силу...» (282). Мы видим, что та своеобразная «народническая» линия «Нового мира», то внимание его авторов к судьбам простых людей из народа и особенно внимание к судьбам крестьянства близки и «Молодой гвардии» (хотя и в этом отношении линии обоих журналов далеко не всегда совпадают). (Сравн. с позицией «Огонька», где Н. Сергованцев критикует «Новый мир» за его внимание к судьбе

«маленьких людишек», которых критик «Огонька» противопоставляет «борцам нового мира, в цельном гармоническом слиянии всех лучших качеств социалистического характера»).

В заключение своей статьи В. Чалмаев пишет о завывании «сирен», которые внушают лукаво великие награды за забвенье родины и всего, что с ней связано: «Завывание «сирен» сейчас все более изощряются, «модернизируются», но цель остается прежней — «оставь Россию навсегда». Но народ понимает, что нет у него никакого иного наследства в мире верней, чем Россия, чем родной «Саврасушка», чем та историческая колея, по которой он где в гору, где «через пропасти» шел века, идет сейчас к коммунизму» (288). В. Чалмаев пишет об огромном соблазне «американизма» в быту и в культуре, о «бесах», уводящих людей в лабиринт поддельных ценностей. «И самая главная святыня, от которой стремятся прежде всего увести разного рода «бесы» — это народ с его стихийным чувством прекрасного, с врожденным чувством исторической устойчивости, равновесия». (Во всех этих рассуждениях Чалмаева имеется, с моей точки зрения, большой элемент фальши. Однако вызывают возражения и рассуждения Г. Померанца о том, что «в нашей стране остались только следы народа, как следы снега весной», что... «народа как великой исторической силы, станового хребта культуры, как источника вдохновения для Пушкина и Гете — больше нет»).

7. Об очерке Елены Микулиной «Жизнь как она есть»

В журнале «Октябрь» (№ 11) опубликован очерк Елены Микулиной «Жизнь как она есть». В самом начале своего очерка Е. Микулина решительно нападает на тех «озлобленных очернителей», которые пытаются, сославшись на тяжелую жизнь в отдельных деревнях, исказить всю нашу прекрасную деревенскую действительность. «Почему, — восклицает писательница, — еще нет-нет да и рождаются на наших киностудиях фильмы, столь же далекие от жизни и от искусства, как фальшивый рубль от настоящего? Почему еще в наших журналах печатаются, а потом выпускаются отдельными изданиями и расходятся огромными

тиражами романы и повести, в которых живут и действуют выдуманные, ущемленные, обиженные люди, растерявшие на дорогах жизни свое достоинство и честь? Может, и впрямь задача советского писателя, драматурга, художника — показывать не становление, а разрушение личности в обществе, как сказал мне недавно один молодой кинорежиссер?»

Кого же Микулина относит к «озлобленным очернителям» советской действительности? В первую очередь, конечно, А. Солженицына.

«Недавно, — пишет она, — приезжал ко мне из Винницкой области знакомый колхозник А. Ф. Степовой. — Мы разговорились, зашла речь о литературе. И тут я услышала от своего гостя рассказ о его неудачном свидании с членом Союза писателей А. Солженицыным.

— В свое время, — говорит Степовой, — я отбывал наказание по той же статье Уголовного кодекса, что и этот писатель. Узнав, что он выпустил роман о лагерях, не без интереса прочел его. Вспомнилось пережитое, нашлись там знакомые картинки. Правда, не все так было, как написано в книжке. И я послал письмо автору. Представьте, получил ответ. Написал ему еще раз, пригласил в гости в нашу Джулинку.

— Отказался?

— Согласился.

— Не приехал?

— Приехал. А разговор у нас с ним не получился. Остался недоволен нашей встречей писатель, час только пробыл и уехал. Даже вареников с вишнями не стал ждать...

— Чем же был недоволен писатель? — поинтересовалась я.

— Не знаю. Скорее всего, ответы мои ему не понравились. Он меня спрашивал: как я живу, что думаю, не притесняют ли меня? Не бедствую ли? Какой настрой моей души?

— И что же?

— Видите ли, какое дело: попал я в лагерь по моей глупости, а не потому, что был против Советской власти. Сам-то я из бедняков, власть эта мне родная. Конечно, тяжело было потерять несколько лет молодой жизни, но все это давно минуло. В селе, чувствую, я сейчас человек полезный, нужный. Я ведь заведую колхозным клубом. Работа увлекательная. Клуб большой, забот много... Вот и хотел я своего гости-писателя повести вечером в клуб, познакомить с нашей молодежью, посоветоваться с ним кое о чем. Да видно, не по душе ему пришлись мои разговоры.

— ...А вдруг вы ошиблись?

— Точно говорю. Ждал от меня писатель ответов других: что плохо, убого живу, страдаю душевно от изоляции, что нет у меня перспективы. А врать я не умею».

«Не знаю, — комментирует Е. Микулина, — встретятся ли еще эти двое, писатель и читатель, как разочаровавшиеся друг в друге. Думается, житель Джулинки прав: автор нашумевшей повести о лагерях надеялся найти в нем, в его жизни новый материал для подкрепления своей концепции о разрушении человеческой личности в советском обществе. Увидев в своем корреспонденте человека, довольного жизнью, он потерял к нему интерес и уехал искать «правду» факта и своих сторонников в другое место. Это стремление во что бы то ни стало найти помойку, а порой самому подбросить в нее собранный по дороге, в разных местах мусор кажется мне патологическим.

...Именно такое впечатление оставляет опубликованная недавно повесть В. Тендрякова «Кончина» о председателе колхоза...» (стр. 149-150). И далее Е. Микулина повествует об истории и нынешней жизни богатого крымского колхоза «Украина». В этом колхозе, по описаниям Микулиной, едва ли не полный коммунизм. В колхозе восемь столовых, в которых клиентов кормят бесплатно, где несколько детских садов, пионерлагерь, турбаза, два дома отдыха: в Кисловодске и в Саках. Средний ежемесячный заработок работающего колхозника — 130 рублей. И это не считая премий и натуральной оплаты. А еще есть у каждого сад

и огород. Уголь, дрова, ремонт дома обеспечивает жилищно-комунальный отлел колхоза. Летний отдых колхозников на турбазе бесплатен, лечение также. И т. д.

Мы вовсе не хотели бы сомневаться здесь в успехах колхоза «Украина». Богатство многих крымских, кубанских, узбекских, грузинских и других колхозов общеизвестно. Но ведь столь же общеизвестно, что большинство наших колхозов, особенно в нечерноземной зоне, до последнего времени и мечтать не могли даже и о впятеро меньшем трудодне, чем в лучших южных колхозах. Положение стало улучшаться здесь только после мартовского пленума. Но до процветания и сейчас еще далеко.

Е. Микулина пытается создать впечатление у читателей «Октября», что если колхозник Степовой сидел в лагеря «по глупости», то Солженицын оказался там как враг Советской власти. Сказав о каком-то молодом режиссере, Микулина затем именно Солженицыну приписывает «концепцию» о разрушении человеческой личности в советском обществе.

Можно еще во многом другом оспорить утверждения Е. Микулиной. Но мы применим здесь прием, который в логике называется «аргументум ад хоминем». Как известно, в логике считается неправильным говорить о человеке, вместо того, чтобы разбирать его доводы. Однако в отношении Е. Микулиной это, пожалуй, вполне уместно.

Кто же такая Е. Микулина, которая нередко пишет сейчас статьи в «Октябре», «Огоньке» и некоторых других изданиях и поучает советских писателей?

Еще в 1929 году молодая журналистска Е. Микулина написала брошюру «Соревнование масс». Она послала свою рукопись, которая вызвала много возражений, в издательство, и сам Сталин написал к книжке Микулиной предисловие: «Соревнование и трудовой подъем масс». Высказав несколько общих мыслей о значении соревнования, Сталин в нескольких фразах похвалил и брошюру Микулиной. «Достоинство этой брошюры, — написал Сталин, — состоит в том, что она представляет простой и правдивый рассказ о тех глубинных процессах великого подъема, которые со-

ставляют внутреннюю пружину социалистического соревнования.»

Предисловие Сталина было опубликовано 22 мая 1929 года в «Правде». Видимо, в эти же дни вышла в свет и брошюра Микулиной.

Брошюра Микулиной вызвала возмущение в Иваново-Вознесенске, о котором в ней шла речь. В Москву из Иваново-Вознесенска была направлена рецензия, в которой Е. Микулина уличалась во множестве грубых искажений действительности и прямых выдумок. Рецензия была передана из ЦКК Феликсом Коном Сталину. Сталин написал по этому поводу письмо Ф. Кону и в копии секретарю Иваново-Вознесенского обкома Колотилову.

«Рецензия т. Руссовой, — писал в этом письме Сталин, — производит впечатление слишком односторонней и пристрастной заметки. Я допускаю, что прядилки Бардиной нет в природе и в Зарядье нет прядильной. Допускаю также, что Зарядьевская фабрика «убирается еженедельно». Можно признать, что т. Микулина, может быть, будучи введена в заблуждение кем-либо из рассказчиков, допустила ряд грубых неточностей, и это, конечно, нехорошо и непростительно. Но разве в этом дело? Разве ценность брошюры определяется отдельными частностями, а не общим направлением?» И в заключение своего письма Сталин написал еще, что он против того, чтобы «толкнуть ко дну и поставить крест над этой безусловно способной писательницей». (Соч. т. 12, стр. 112-115).

После такой поддержки Е. Микулина пошла быстро вверх, она не только написала еще множество всяких очерков, но и заняла видное положение в издательском мире. Получив доступ к портфелям редакций московских газет, Микулина стала заниматься взяточничеством. Причем речь шла не о взятках за публикацию тех или иных произведений (возможно, конечно, что было и это), а о взятках за уничтожение различного рода компрометирующих того или иного работника материалов. Иначе говоря, речь шла о самом подлом шантаже и вымогательстве. На этом Микулина однажды и попалась. В апреле 1949 года дело Микулиной разбирала судебная коллегия Мосгорсуда. В опреде-

лении этой коллегии было сказано примерно следующее (сокращенный текст): «Судебная коллегия Мосгорсуда под председательством тов. Рубичева установила, что Микулина через посредство Спектора обратилась к директору Зооцентра Гинзбургу с сообщением о поступивших в газету материалах, свидетельствующих о плохой работе его предприятия и получила 2000 рублей за ликвидацию этих материалов. Установлено, что Микулина сообщила заместителю директора фабрики звукозаписи Никитину о наличии материалов, свидетельствующих о плохой работе фабрики. Никитин согласился оплатить Микулиной, но когда посредник явился за получением денег, Никитин телефонно запросил Микулину, уполномочен ли этот посредник получить деньги. При этом Никитин подключил предварительно аппарат звукозаписи к телефону и записал разговор с Микулиной на пленку. После этого он передал деньги посреднику, а пленку — следственным органам.» Московский городской суд приговорил Микулину к 5 годам заключения. Однако осенью 1949 года вышел в свет 12-й том сочинений Сталина, в котором было опубликовано не только предисловие Сталина к старой брошюре Микулиной, но и впервые — письмо Сталина Ф. Кону.

Родственники Микулиной стали хлопотать после этого об ее освобождении, и она была освобождена в 1952 году, отбыв половину срока, по частной амнистии.

Мы не знаем, чем занималась Е. Микулина после амнистии. Но сейчас она в числе виднейших сотрудников «Октября», ее фамилия упоминается даже на обложке этого журнала.

Активно сотрудничает Е. Микулина и в «Огоньке». Так, например, в августе в № 34 этого журнала было опубликовано «Письмо в редакцию», в котором Е. Микулина грубо обрушивается на фильм «Три дня Виктора Чернышева». Поскольку в этом фильме молодой рабочий Виктор Чернышев показан как человек с серьезными недостатками, то Микулина пытается обвинить режиссера Марка Осепяна в оскорблении всего рабочего класса. Она так и пишет в своей заметке (вот уж подлинно злопыхательской и очернительской): — «На мой взгляд фильм этот не что иное, как опошление нашей жизни. Удар по самому ценному.

Удар по рабочему классу». И тут же Е. Микулина не забывает добавить: «Я не боюсь обвинений, которые могут последовать в мой адрес после такого заявления! Вся моя жизнь журналиста-писателя тесно связана с жизнью рабочего класса, крестьянства. У меня сотни писем от читателей моих книг о советских тружениках. Наконец, самые герои моих книг — живые, невыдуманные люди, поддерживают меня в правильности такого утверждения» (стр. 23).

Несколько лет назад Е. Микулина просила о приеме ее в Союз писателей. Однако она не прошла приемную комиссию. Сейчас здесь лежит ее новое заявление.

8. Полемика между «Комсомольской правдой» и «Огоньком»

Еще 20 октября «Комсомольская правда» опубликовала статью К. Щербакова «Требовательность критики и требовательность к критике». В этой статье газета отмечала крайне низкий уровень некоторых критических выступлений «Огонька» по проблемам художественного творчества. Речь шла, в частности, о письме Е. Микулиной по поводу фильма »Три дня Виктора Чернышева» и статье Ю. Зубкова «Камень на пути ближнего» (см. «Огонек» № 28).

«Огонек» откликнулся на убедительную статью К. Щербакова весьма злобной, но бездоказательной заметкой «Когда пелена застилает свет» (№ 147 от 16 ноября). Вместо разбора аргументов «Комсомольской правды» «Огонек» в своей редакционной статье вспоминает некоторые из прежних критических выступлений К. Щербакова. При этом припоминается весьма странная история, когда еще в прошлом году за публикацию интересной и совершенно правильной статьи «На пути к премьере» были сняты со своих постов — авторы этой статьи Ф. Бурлацкий и Л. Карпинский, работавшие тогда в «Правде», и заведующий отделом литературы и искусства в «Комсомольской правде» К. Щербаков.

«Комсомольская правда» ответила на статью «Огонька» небольшой репликой от редакции «Когда нет аргументов».

9. «Новый мир» № 9. Статья В. Лакшина «Посев и жатва»

Только в ноябре вышел в свет № 9 «Нового мира». Украшением этого номера является статья В. Я. Лакшина «Посев и жатва», в которой критик делится своими размышлениями по поводу замечательной трилогии о русском революционном движении, поставленной в 1967 году театром «Современник» (пьесы «Декабристы», «Народовольцы», «Большевики»).

Ниже мы приводим некоторые цитаты из статьи В. Я Лакшина.

О спектакле «Декабристы» и о судьбе декабристов

«...Пьеса Леонида Зорина названа трагедией. Это оправдано. И не только потому, что в зрительном зале ни смешка, ни улыбки, что трагичен конец — пять петель, свешивающихся над сценой, разгром, казнь... Трагично все — начиная с раздоров и споров в тайном обществе.

Люди зла соединяются удивительно легко и просто, потому что цели их просты: круговая порука в личных видах, а для этого вполне достаточно поддерживать господствующий порядок вещей и помогать друг другу взбираться по лестнице карьерного успеха. Люди добра сходятся горячо, а соединяются туго, потому что даже если цели их едины — а об этом еще надо подумать, — то различны способы их достижения. Они вечно спорят, расходятся, думают врозь и поступают всяк по-своему. Декабристам трудно сговориться, ибо общественный идеал их созрел не вполне, а понятия о методах его достижения — совсем различны. Один стоит за царя, но с ограничением его власти, другой — за республику с народным вечем, один думает об освобождении крестьян, другой уже понимает, что освобождать нужно с землей, а это значит ущемить интересы помещиков. Эти разноречия трагичны. Трагичны колебания и слабость первых русских революционеров. Трагично, что здесь, как и в истории едва ли не любого заговора, находится свой предатель, да, кажется, и не один. Но трагичнее всего, что мало кто из них остается верным себе до конца: пылкий Каховский обманут царем. Трубец-

кой малодушно вымаливает себе жизнь, храбрый Поджио выдает Пестеля...

Есть романтическое представление о декабристах, отлитое в чеканную форму Герценом: «Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель...» В самом деле, «фаланга героев» 14 декабря, в большинстве своем молодых, юных, безусых («Мы не дети — мне двадцать один» — говорит Никита Муравьев в пьесе), представляет собой совсем особую и очень привлекательную генерацию людей, лишь однажды явившихся в таком качестве в русской истории. Рыцарское достоинство, душевная чистота и благородство — отличительные черты этой молодежи. «Высокость души» была даже прямым требованием устава «Союза благоденствия».

Все они разные, декабристы. Но по внеличности их идеалов, бескорыстию, отсутствию мелких побуждений — все они удивительные, святые люди. И все-таки театр «Современник» был прав, когда романтическому ореолу предпочел более близкий ему и созвучный духу времени реалистический анализ, помогающий изобразить исторических героев, по известным словам Маркса и Энгельса, «суровыми рембрантовскими красками, во всей своей жизненной правде».

Добросовестный исследователь эпохи среди многих иных проблем декабристского движения непременно отметит два наиболее сложных и деликатных для объяснения момента: трагические междоусобицы, расколы и споры в среде декабристов в пору подготовки восстания — и их неожиданно легкие признания в следственной комиссии Николая I. В героической истории декабристов — это как две кровоточащие раны, два болезненных нервных узла. Для художника и психолога они составляют интерес не меньший, чем для историка. И именно они должны были оказаться в центре пьесы и спектакля, зачинающего во всей трилогии основную ее тему — тему революционной нравственности.

Едва войдя в атмосферу действия, мы выделяем для себя в пестрой сутолоке лиц — двух, за встречами, спорами, внутренним поединком которых будем теперь неотрывно

следить до конца действия. Это — Пестель и Никита Муравьев.

И. Кваша играет Пестеля человеком воловым, гордым, решительным, знающим себе цену. Он часто поворачивается к нам в профиль — мы видим эти крепко сжатые губы, острый угол лица, чуть вздернутый подбородок и вспоминаем, что современники уверяли, будто Пестель смахивал на Наполеона и сам хорошо знал об этом сходстве.

Перед нами революционер по натуре, бесстрашный и умный, последовательный республиканец, враг социального неравенства и «аристократии богатств», автор «Русской Правды», во многих частях своей общественной программы опередивший своих товарищей. В сравнении с ним Никита Муравьев — пылкий сторонник общего блага, но умеренный конституционалист, не решавшийся на крайние меры и готовый сохранить за дворянами важные привилегии, — заметно проигрывает в мнении потомков. Демократизм Пестеля куда более радикален.

Но есть другая сторона их спора, в которой зрителю труднее прийти к однозначному решению. Никиту Муравьева отталкивает желание Пестеля сделать слепое повиновение законом жизни тайного общества. Конечно, строгое подчинение и централизация удобны в целях конспирации и подготовки восстания. Но не доставит ли это повод проявиться честолюбивым склонностям, не позволит ли одному навязывать свою волю другим, внося тем самым неравенство в среду самоотверженных товарищей? Вопрос не праздный, тем более, что «узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа» (Ленин), а в узком, замкнутом кругу такая опасность вдвойне сильна.

Мягкий, гуманный Никита Муравьев не может помириться с тем, чтобы вести людей ко благу не убеждением, а силой. Всякое чрезмерное насилие и кровопролитие представляется ему губительным для благородных целей движения. Смирившись с идеей цареубийства как с необходимостью, он никак не может принять спокойной решимости Пестеля истребить всю царскую фамилию. «Там ведь и женщины, там дети почти . . . » — восклицает он.

Мы не поймем, почему так болезненно остро, с такими внутренними кризисами и потрясениями обсуждали декабристы такой, казалось бы, бесспорный для революционера вопрос, как убийство царя, если не обратим внимания на нравственную его сторону. Для декабристов внове было не только само покушение на монархическую власть, но и то, что для этого нужно убить человека, будь он хотя бы жестокий, несправедливый властитель. Якушкин в своих воспоминаниях рассказывает, как в 1818 году он собирался подстеречь царя на выходе у Успенского собора, имея в руках два пистолета: из одного он хотел выстрелить в царя, из другого — убить себя. В таком поступке он видел «не убийство, а только поединок на смерть обоих». Лишь так в представлении многих декабристов могла быть спасена дворянская честь, а заодно и человеческое достоинство заговорщика. Понятно теперь, как должна была ужаснуть мягкосердного Никиту Муравьева хладнокровная решимость Пестеля уничтожить всю царскую семью, тринадцать человек, пересчитанных им по пальцам, в том числе детей, повинных лишь тем, что они родились в дворцовых покоях.

Да, революция — жестокая вещь, и революционеру приходится идти через кровь. Но где та черта, через которую нельзя переступить, не замарав саму идею высокого дела?

В спектакле есть сцена, где спор Муравьева с Пестелем достигает высшего накала. Никита Муравьев говорит Пестелю, что люди, обагренные кровью царской семьи, будут посрамлены в общем мнении и не смогут стать у власти после переворота. Но, оказывается, это уже предусмотрено Пестелем: Барятинский приведет двенадцать молодцов, которые исполнят это дело, а потом... И Пестель шепчет на ухо Муравьеву слова, которые заставляют его в ужасе отшатнуться. Неужели? Трудно поверить... А между тем трактовка театра и драматурга не расходится с историческими источниками: Пестель предлагает их убить, так сказать, пожертвовать ими для пользы общего дела. Какой тяжелый упрек совести мужественного героя!

Мы не найдем здесь для Пестеля оправданий. Похоже, что средства кровавого насилия он готов обратить даже против своих же союзников и единомышленников. Но всеобщая справедливость, к которой стремится герой, вряд

ли может быть завоевана таким кровавым и морально сомнительным путем. А поскольку антагонист Пестеля в спектакле — Никита Муравьев, мы были бы готовы отдать ему свои симпатии, если бы... если бы благородные речи самого этого героя так жестоко не компрометировала его умеренная общественная программа и его личная житейская практика.

Как бы там ни было, но Пестель не изменяет себе и своему делу до конца, он умирает гордо и честно. А Никита Муравьев приходит в итоге к пассивному созерцанию событий и малодушно уклоняется от исполнения долга: декабрьские дни застают его в саратовской деревне у тещи.

С ним происходит давно знакомая и вполне обыкновенная история.

...Пока бездействуешь и мечтаешь, обдумываешь свой идеал — ничто не может помешать тебе. Смело реформируя этот несовершенный мир в чистых грезах, ты незапятнан, целен и можешь гордиться собой. Но как только от мечтаний и теорий, сладких снов души, благородный мыслитель спускается в практику, его сокрушают со всех сторон миллионы не учтенных им прежде условий и обстоятельств; каждый шаг дается ему с трудом, он встречает противодействие, отвечающее действию — и вынужден считаться с этим. Тогда он уже не пробует идти напролом, выбирает тактику, идет на компромиссы, жертвует менее важным в своих убеждениях ради более важного. С недоумением и отвращением начинает он замечать, что к нему липнет грязь жизни, желанное не идет в руки само, а история выставляет за достижение идеала такую цену, о которой еще надо подумать.

Нравственный максимализм слишком часто бьет в таких случаях отбой и, чтобы сохранить свою незапятнанность и цельность, спешит вернуться к себе в чистую обитель. В какой-то миг истории это противоречие идеала и практики может показаться фатально неразрешимым Но кто сказал, что люди обречены выбирать между аполитичной нравственностью и безнравственной политикой? Если человек высоких гражданских убеждений пришел к мысли о необходимости общественного действия, он неизбежно вступает

в политическую борьбу со всеми ее требованиями. Личный нравственный ригоризм, любые попытки переменить жизнь проповедью индивидуального самосовершенствования доказали в ходе истории свое бессилие. Но и политика, освободившая себя от нравственности, поставившая своим девизом Маккиавеллиево правило: «цель оправдывает средства», — такая политика неизбежно губит самоё себя, извращает свои цели и рано или поздно приходит к краху.

Долгий исторический опыт, включая сюда и опыт декабристского движения, внятно свидетельствует, что политика и нравственность не должны и не могут быть противопоставлены друг другу . . . »

О спектакле «Народовольцы» и о судьбе народовольцев

«Надо сказать, что к восприятию пьесы о народовольцах (автор ее — А. Свободин) публика меньше подготовлена, чем к спектаклю о декабристах. Многие годы подвиг героев «Народной воли» был у нас забытой и едва ли не запретной темой. Их деятельность, их борьба расценивались, вопреки известным высказываниям Ленина, исключительно с отрицательной стороны. «Избранный народниками путь борьбы с царизмом посредством отдельных убийств, посредством индивидуального террора был ошибочным и вредным для революции»; «Народники отвлекали внимание трудящихся от борьбы с классом угнетателей бесполезными для революции убийствами отдельных представителей этого класса» — так писали долгое время о народовольцах.

. . . И, однако, спектакль несет важную мысль, заставляет зрителя задуматься, связать концы и начала. По отношению к народовольцам в куда большей остроте, чем по отношению к декабристам, возникает вопрос: признает ли современный зритель их историческую правоту, оправдает ли их методы борьбы?

. . . В решительную минуту у народовольцев уже нет и не может быть никаких колебаний, никакой жалости к царю и слугам самодержавия — жертвам революционного террора. Кровь, которую так боялись пролить декабристы, не пугает народовольцев. За царем организуется настоящая охота. Восемь раз кончается неудачей покушение на

его жизнь: его стерегут в Москве, Петербурге, за городом, на железной дороге и убивают наконец, как затравленного зверя.

Нет ли, однако, во всем этом черт бессмысленного и упорного фанатизма, когда кровопролитие не оправдывается исторической нуждой? Спектакль «Современника» допускает как будто и такую возможность трактовки, тем более, что Александр II в исполнении Е. Евстигнеева выглядит не столько страшным деспотом, сколько жалким, сломленным стариком, готовым по доброй воле согласиться на конституцию. Не будем, впрочем, спешить с выводом, ибо театр, верный и на этот раз принципам художественного исследования, реалистического анализа, оставляет нам и другие возможности объяснений, которыми грешно пренебречь.

Первые же сцены спектакля — споры в Липецком курзале и в Воронеже, под перезвон колоколов Епифаньевского монастыря, создание «тайного общества в тайном обществе», когда группа недавних мирных пропагандистов социализма в деревне решает перейти к политической борьбе с помощью бомбы и кинжала, — неожиданно остро обнажают перед зрителем неизбежность такого хода вещей. Ведь жестокое преследование правительством агитаторов, пошедших «в народ», невозможность распространять свои идеи мирным путем, жестокая кара, павшая на головы их товарищей, — все это с неизбежностью вело недавних деятелей мирной «Земли и воли» к той реальной форме борьбы, которая еще была для них возможна, — к индивидуальному террору.

Они решают прибегнуть к террору как к самозащите, как к вынужденному средству борьбы. «Нас довели до этого», — говорит Желябов на суде. Еще прежде, чем холодный рассудок заставит народовольцев думать о политических последствиях их решения, непосредственный взрыв чувств, жажда немедленного действия и протеста убедит их в своей правоте. «Не до теорий, жить нечем, дышать нечем!» — воскликнет Перовская. Они должны отомстить за кровь своих товарищей. Это почти как защитная реакция человека против наглости угнетателя: он едва успел осознать, что его оскорбили, унизили, а эмоциональный порыв опередил его мысль и он отвечает ударом на удар.

Такое душевное движение, такой порыв, вызывает только уважение и не может идти в ущерб нравственности.

Чувство мести не может само по себе стать двигателем революции. Вспышка чувств грозит рано или поздно угаснуть, а раз начатая борьба неизбежно должна получить и более общее оправдание. Из революционной мести террор превращается в средство агитации, подает урок мужества запуганному обществу, расшатывает правящую власть. Наиболее дерзкие умы хранят еще и надежду после убийства царя силой вырвать демократические свободы и привести общество к народоправству. Но все эти рисующиеся смутно теории и программы имеют в конечном счете подкладкой все то же возмущенное и бунтующее революционное чувство. В этом смысле народовольцы, как и декабристы, остаются романтиками революции.

Члены партии «Народной воли», объявившие войну правительству, как бы заранее отрекаются от себя, чувствуют себя людьми, принесшими свою жизнь в жертву родине и свободе и готовыми, если ничего иного не остается, бесстрашно взойти на эшафот. «Для меня мораль дела важнее его успеха», — говорит в спектакле Софья Перовская. И можно поверить, что она не способна перешагнуть через недостойные способы и сомнительные в ее понимании средства, хотя бы они сулили революционеру немедленную удачу.

Но почти религиозная самоотреченность и жертвенность, превращающая народовольцев в подобие монашеского ордена, жестоко отзывается на них самих. Готовые без колебаний отдать революции свою жизнь, они переступают через себя, безжалостно подавляют в себе все личные симпатии, стремления и надежды, кроме тех, что непосредственно связаны с террористической деятельностью исполнительного комитета. И недаром Кибальчич так мечтает вернуться к своей науке, к неосуществленной мечте о воздухоплавательном аппарате, а Перовская, готовя очередное покушение, всякий раз дает себе слово, что оно будет для нее последним и она вернется в деревню просвещать и лечить крестьян. «Скорлупы боюсь, узости . . .» — с тревогой говорит она. Но когда волна террора подхватывает, закручивает ее, она уже не считает себя вправе думать о чем-либо

ином, кроме убийства царя, и стоически выполняет свой долг.

Прирожденный конспиратор Александр Михайлов мечтает о создании такой организации, «которая станет для своих членов всем — религией, молитвой, станет действовать, как шестеренки часов». «Мы должны контролировать друг друга, — развивает он свою любимую мысль, — все слабости наши, вплоть до интимных, должны знать. Что у каждого в кармане, в бумажнике. Надо выработать привычку к взаимному контролю, чтобы контроль вошел в сознание». А. Мягков, играющий Михайлова, произносит эти слова с искренней убежденностью, и мы лишь потом начинаем раздумывать, что это — хорошо или дурно?

Нет сомнения, что основанная на таких началах организация заговорщиков будет действовать по-своему эффективно. Но где гарантия, что возведение революционного дела в почти религиозный послуг, граничащая с фанатизмом подозрительность и контроль друг за другом не подействуют губительно на личность заговорщика, не сдавят, не обузят его человеческие чувства?

Слов нет. чистота идейных побуждений народовольцев, их нравственная прямота и цельность ставят их исключительно высоко в нашей памяти как людей, безраздельно преданных делу освобождения народа. Они не только не ждали какой-либо корысти для себя, будь это хотя бы посмертная слава и признание, но, напротив, сознательно приносили себя в жертву, шли против своих личных интересов и желаний, освистанные по пути на эшафот тем самым народом, за благо которого они готовились умереть.

Можно ли, однако, рассматривать нравственные побуждения революционера изолированно от практических итогов, политических результатов его деятельности? Правы ли оказались народовольцы по отношению к своему времени и к более дальней исторической перспективе? Наивно было бы ждать от театра ответа на все эти огромной сложности вопросы, но материал для правильного их решения спектакль «Современника» безусловно дает. Он приковывает наше внимание к спору с народовольцами молодого Георгия Плеханова и заставляет зрителя напряженно думать, прежде чем он безусловно примет одну или другую сторону.

Плеханов (Ю. Рашкин) рассуждает, обращаясь к энтузиастам террора, горячо и резко, давая повод заподозрить себя даже в некоторой амбиции. В своей европейской одежде, светлой, с иголочки тройке и с элегантной шляпой в руках, он уже внешне выделяется в толпе мужчин в смазных сапогах и поддевках, ношеных пиджаках и студенческих тужурках и женщин в темных платьях курсисток. Народовольцы рвутся к решительному действию, а их товарищ выливает ушаты холодной воды на разгоряченные головы, замечая, что на кончике кинжала парламента не утвердишь, а убийство царя поведет разве лишь к тому, что вместо двух палочек рядом с его именем появятся три.

Сам переход народовольцев к политической борьбе, когда мирная пропаганда социализма стала невозможной, — важная их заслуга, недостаточно оцененная Плехановым. Однако существенно и другое.

В сцене разрыва с народовольцами Плеханов ставит перед ними вопросы, на которые ему по существу никто не отвечает. Он тщетно пытается обратить своих товарищей к мысли о том, что станут они делать в случае успешного переворота, после захвата власти. Народовольцы не хотят думать об этом раньше времени; пока надо отомстить за погибших товарищей, показать царю, что он не безнаказан, — об остальном думать рано, пусть это станет уделом будущего. А между тем здесь коренной вопрос для революционного деятеля — вопрос не о ближайших и кажущихся несомненными, а о более отдаленных целях, в свете которых и средства могут быть избраны иные, чем те, что как будто лежат под рукой.

Народовольцы — люди безупречной личной нравственности и отваги. Но в понятие революционной нравственности входят не только непосредственные душевные импульсы: честность, совестливость, готовность к самопожертвованию. Ведь революционер хлопочет не о себе лично. А стало быть, мало знать, что твой непосредственный порыв был благороден и ты не можешь ни в чем упрекнуть свою совесть. Надо еще испытывать чувство ответственности перед будущим, сознавать последствия, к коим поведет твой поступок. Словом, одно революционное чувство и даже

самый искренний энтузиазм тут не выручат. Нужна и благородная, заглядывающая вперед мысль — в этом фундамент новой революционной этики.

Плеханов в спектакле говорит о том, что, даже захватив власть, Желябов с товарищами могут оказаться в драматическом положении: в России нет пока организованного рабочего класса, нет таких общественных сил и социальных учреждений, которые помогли бы заговорщикам удержать власть и не дали бы ей переродиться. Горстке революционеров придется по необходимости навязывать свою волю большинству, вводить социализм теми же привычными для них методами террора. «Кто мне даст гарантию, что мы не увлечемся всем этим?» — спрашивает Плеханов в пьесе А. Свободина, и это верно передает взгляды автора книги «Наши разногласия» в ту пору, когда его особенно высоко ценил Ленин.

Его предостережения имеют в виду то, что принято называть в марксистской литературе «иронией истории». Видя впереди некую цель и бескорыстно стремясь к ней, исторический деятель с недоумением обнаруживает, что плоды его усилий не соответствуют порой тому, чего он сам ожидал. Верно говорится: «Что посеешь, то и пожнешь», но жатва может порой разительно мало напоминать посев, в чем, однако, не склонен сознаться себе ни один сеятель. Исторический поток сносит даже опытных пловцов, если они пытаются плыть наперекор течению, а их утешения себе, что они держат прежний курс, начинают выглядеть комически. Политическая реальность способна до неузнаваемости видоизменять первоначальный идеал и цель, приспособляя их к своим нуждам и являя как бы насмешку практики над субъективными намерениями и декларациями.

Вспоминая пример якобинцев, опыт Великой французской революции, Плеханов говорит о том, что даже незаурядные исторические деятели легко становятся в иных условиях диктаторами и узурпаторами власти.

...В спектакле «Народовольцы» самым сильным аргументом Плеханова против Желябова и его друзей звучат, пожалуй, слова Лаврова, «вашего бога, теоретика Лаврова», о том, что всякая неограниченная власть портит самых лучших людей и что даже гениальные люди, думая облаго-

детельствовать народы декретами, не смогли этого сделать. Однако эти слова, сильно звучащие со сцены театра, мы не должны считать ответом, сметающим все недоуменные вопросы.

Вспомним, что сам Плеханов спустя пять лет после раскола в Воронеже писал в работе «Наши разногласия», что он выступает против захвата власти путем террора не потому, что «всякая диктатура портит людей», как считал Лавров. Этот вопрос, говорил он, едва ли окончательно разрешен историей и психологией. Важно другое — какие существуют гарантии, что народ завоюет победу и сможет удержать ее? Именно здесь, в вопросе о гарантиях, Плеханов видит коренное различие между марксистами и теоретиками террора. «Первые требуют объективных гарантий успеха своего дела, гарантий, которые заключаются для них в развитии сознания, самодеятельности и организации в среде рабочего класса; вторые довольствуются гарантиями чисто субъективного свойства, отдают дело рабочего класса в руки отдельных лиц и комитетов, приурачивают торжество дорогой им идеи к вере в личные свойства тех или иных участников заговора. Так все трудности, сомнения и противоречия революционного движения сходятся в конечном счете, как к главному узлу, — к проблеме народа, народого самосознания.

... Трагедия Желябова и его партии заключается в том, что общество революционеров, принявшее имя «Народной воли», менее всего может надеяться представлять в собственном смысле слова волю народа. Народовольцы хотят отстаивать народные интересы, как они их понимают, нередко при безразличии, а то и при прямом сопротивлении народной среды...

В спектакле «Народовольцы» еще громче, чем в «Декабристах» звучит тема, которую можно было бы определить словами старого изречения: «Не надейтесь на князи, сыны человеческие». Исторический опыт не прошел даром, и народовольцы в своем подавляющем большинстве лишены тех иллюзий в отношении самодержавной власти, какие сыграли такую трагическую роль в судьбе декабристов. Борьба, шедшая с мрачным ожесточением, выработала свой суровый кодекс чести. Известно, что народовольцы, при-

говоренные к казни, в большинстве случаев отказывались просить о помиловании, пренебрегая последней надеждой смертника; они не хотели унизить себя обращением к царю. И если твердый и стойкий Пестель был исключением между готовыми к раскаянию и питающими самые детские иллюзии декабристами, то среди народовольцев, напротив, исключением стали малодушный Рысаков и истерический Гольденберг.

Рассказывают, что декабристы, собранные для «экзекуции» на площади в Петропавловской крепости, братски обнимались: обманутые царем и легко обманувшиеся они прощали друг другу невольные признания на допросах. Перовская не поцеловала Рысакова перед казнью. Предательство Гольденберга, его признания жандармам казались его товарищам по партии столь странными, что в среде народовольцев, по воспоминаниям Н. А. Морозова, предполагали даже, что тут действовал какой-то гипнотизер.

...Можно ли сказать, что, прибегнув к жестоким средствам борьбы и не добившись с их помощью коренных перемен, они лишь понапрасну сложили головы? Нет, даже сознавая весь трагизм их исторической судьбы, мы не станем отвечать так.

Существует едкий афоризм: одна из особенностей истории та, что она ничему не учит. Он рожден печальным зрелищем повторяющихся трагедий и возобновляемых ошибок. А все же это не так. Человечество умнеет, хотя и не столь быстро, как нам хотелось бы, и революционная мысль тоже идет к зрелости через блуждания и ошибки. Люди, лишенные историзма, глядящие чисто эмоционально и с точки зрения своего понимания прогресса, темпы которого всегда кажутся им слишком медленными, склонны обычно считать, что слишком многое в истории совершалось напрасно: декабристы погибли зря, народовольцы — тоже зря. Ведь результаты их борьбы несопоставимы с их задачами, с тем, о чем они сами мечтали и за что готовы были погибнуть. Но это не так. История впитывает опыт поколений, а в героические эпохи революции опыт этот входит в нее в сто крат концентрированном виде.

«Совесть моя чиста» — этими словами прощается с нами, выходя на авансцену театра, Андрей Желябов. И вслед за

ним те же слова произносят, глядя прямо в зрительный зал, Кибальчич, Тимофей Михайлов, Софья Перовская. Их совесть чиста и в личном, нравственном, и в историческом смысле. В те годы, когда все онемело в России и никто ничего не только не мог, но и не пытался сделать, эти несгибаемые люди сделали все, что могли. Гордой смертью своей они завещали потомкам свято хранить их память и не повторить их ошибок».

О спектакле «Большевики» и судьбе первого поколения большевиков

«...Успеху «Большевиков» у зрителей немало способствовала и пьеса М. Шатрова, лучшее, пожалуй, что им написано на ленинскую тему. Лучшее не только по зрелости и остроте мысли, но и по собранности драматического действия, экономной выразительности сценического письма. Перед нами настоящий театр, где вам не лекцию, расписанную по ролям, читают, а бушуют страсти, сталкиваются умы, проявляются сокровенным своим нутром люди, хотя вся конфликтность действия создается не внешним движением (большей частью они разговаривают сидя или ходят по комнате), а лишь напряжением мысли и чувства.

...Это часы, когда в Москву пришла весть об убийстве Урицкого в Петрограде. Часы, когда на заводе Михельсона Каплан стреляла в Ленина. Когда телеграф принес сообщение о кулацком мятеже в Ливнах и других актах белого террора. Часы, когда рядом с комнатой, где лежит тяжело раненый Ленин и врачи еще не дают надежды на добрый исход, Совет Народных Комиссаров под председательством Свердлова принимает решение о красном терроре.

...То, что лишь брежило в «Декабристах» и «Народовольцах» как отдаленная догадка, как прогноз, как попытка предусмотреть проблемы, которые неизбежно встанут перед революционерами после захвата власти, в «Большевиках» становится злобой дня, насущной политической задачей. Народная революция, возглавленная большевиками и захватившая власть в стране, натолкнулась на отчаянное сопротивление свергнутых классов. Так что вопрос о прерогативах власти, о методах насилия и террора после государственного переворота, который был лишь умозрительной

гипотезой для декабристов, шел самым отдаленным фоном деятельности народовольцев, встает здесь с совсем иной мерой неотложности и остроты.

И тут главная трудность, главная забота — не повторить ошибок революционеров прошлого, защитить революцию, отбить атаки врагов и сделать это так, чтобы не дать увлечь себя жестокостью, репрессивными мерами. Ленин говорил Горькому: «...мы, в идеале, против всякого насилия над людьми» — и объяснял, что революционное насилие, жестокость — вынужденный способ борьбы с сопротивлением эксплуататоров. Казалось бы, какое значение имеет эта оговорка «в идеале», если ход событий все равно приводит к кровавой борьбе, заставляет прибегнуть к методам подавления и насилия? А между тем смысл этого напоминания очень важен.

Для революционера, исходящего из того, что в идеале он против всякого насилия над людьми, террор не может стать привычным инструментом действия, универсальным способом решения жизненных проблем. При первой же возможности он ограничит сферу его действия, а затем и вовсе откажется от него. Другое дело — когда насилие, террор из средства вынужденной защиты становятся обычным орудием действия, легким способом воспитания и управления, и то, что казалось временным средством, незаметно вытесняет сам идеал и извращает цель.

Вот почему такую остроту приобретает обсуждение в пьесе «Большевики» вопроса о красном терроре. Прямые акты белого террора: мятеж в Ливнах, убийство Урицкого, ранение Ленина, тяжелое положение на фронтах — все это ставит вопрос так: победа или смерть, и не оставляет иного выбора защитникам революции. Но то, как поступят они в этих крайних обстоятельствах, с какой мерой сознания и ответственности примут свое решение, важно для настоящего и в не меньшей мере для будущего. Здесь на самом острие решается не только злободневный политический вопрос, но и вопрос о нравственной силе новой власти.

Трудность, ответственность такого решения состоит еще в том, что террор не может ограничиться расстрелами тех, кто непосредственно виновен в мятежах и вооруженной

борьбе с советской властью. Это, как напоминает в спектакле Коллонтай, атмосфера ужаса, страха, которая должна парализовать колеблющуюся, втайне сочувствующую контрреволюции, но еще не захваченную ею массу. И тут легко соскользнуть к тому, что академически называют «издержками» террора, к попустительству нарушениям революционной законности, к развязыванию стихии арестов и расстрелов.

Надо иметь трезвую голову на плечах, чтобы не поддаться напору стихийных чувств ярости и мести, несущимся с митингов призывам расстреливать заподозренных во враждебности к советской власти без суда и даже без трибунала. Красный террор, говорит Свердлов, не должен напоминать «мести за вождей». А ведь так не раз бывало в истории революционного движения; достаточно вспомнить, как выродился опыт народовольцев в террористической практике эсеров. Разум, сознательное отношение к будущему должны контролировать чувства революционера и инстинктивные движения масс. И не зря в этой обстановке тревоги и возмущения, когда революция в опасности, под угрозой жизнь Ленина и жажда немедленной мести врагам кружит голову, народные комиссары разъезжаются по московским районам, на рабочие митинги, чтобы уговорить людей сохранять революционный правопорядок и не поддаться стихийному чувству ненависти.

Нельзя сказать, чтобы революционная сознательность одерживала верх в суждениях самих наркомов без внутренней борьбы, колебаний и полемики. Одним из ярых сторонников красного террора, не связанного никакими гарантиями от крайностей и «издержек», выступает в спектакле «Современника» М. Н. Покровский (А. Мягков). Быть может, кого-нибудь и смутит такая трактовка образа видного историка-марксиста, но социально-психологически она безусловно правдоподобна. Интеллигент, пугающийся самых слов «террор» и «насилие», и интеллигент, готовый забыть всякие опасения, пренебречь всеми уроками истории и зовущий к нерассуждающему и мстительному насилию, — это в конце концов родственные явления. В поспешных призывах к мести есть своя нервная неустойчивость. Покровский, каким мы его видим в пьесе, пытается уйти от спора о якобинском терроре, уверяя других, что этот раз-

говор «нас размагнитит». Историк, разделяющий взгляд, что история ничему не учит, и отрицающий тем самым свой предмет, — весьма парадоксальная, но жизненная фигура.

Нет, совсем не академический интерес имеет в спектакле долгий и страстный спор о Великой французской революции. Сколько напоминаний, контрастов, вопросов, ассоциаций неизбежно рождает он. В чем были правы якобинцы и в чем они заблуждались? Как случилось, что террор 1793 года «выродился в резню»? Что привело к этому — честолюбие Робеспьера или объективная логика, сила вещей? Почему политика устрашения сменилась у якобинцев политикой истребления? Как случилось, что Робеспьер и его друзья погибли от руки своих же сторонников? Какие классовые, социальные причины привели к перерождению аппарата власти?

Само по себе обращение к историческому прошлому как к аккумулятору политического опыта — черта духовной культуры, вызывающая уважение. Но в обсуждении декрета о красном терроре эти вопросы звучат по-особому злободневно, так как выражают озабоченность большевиков, их чувство ответственности, их нежелание стать жертвой «иронии истории». Они не хотят допустить того, чтобы, как это уже не раз случалось в прошлом, жатва принесла иной результат, чем тот, на какой рассчитывали при посеве.

Именно потому их внимание приковано к своеобразию тех политических и социальных условий, в которых совершается наша революция, и похожая и очень непохожая на все предыдущие. Народная революция, возглавленная большевиками, давала возможность перейти к социализму куда менее кровавым путем. Гражданская войнэ и интервенция не дали истории и на этот раз «перепрыгнуть через террор», но сама эта гуманная попытка, как говорит в пьесе Луначарский, делала честь большевикам.

Теперь же, когда террор становится неизбежным, важнее всего решить вопрос о его интенсивности, о том, что может служить гарантией против его крайностей и эксцессов. Почему так занимает большевиков-наркомов эта тема? Потому что трезвый классовый анализ заставляет марксиста

видеть многое из того, что скрыто от глаз либерального политика или «левого» революционера. «Слепая ярость массы, которую, как правило, очень удачно используют самые реакционные элементы, нам не нужна», — говорит в спектакле Свердлов. Стихийное развязывание террора потому-то особенно и опасно, что накопившая бездну революционной энергии, злобы и ненависти к эксплуататорам народная масса в значительной своей части бескультурна, проникнута мелкобуржуазными страстями и предрассудками.

Еще в самом начале пьесы, в разговоре о том, что Петросовет неохотно дает питерских рабочих на фронт, Луначарский замечает, что трагическое противоречие нашей, и не только нашей, революции состоит в том, что в условиях царизма ее готовит сравнительно тонкий слой передовых, политически воспитанных рабочих и революционная интеллигенция. Они же первыми и сложат головы в борьбе за новую власть. Именно потому опасность мелкобуржуазного поглощения в такой крестьянской стране, как Россия, очень велика. К революции охотно примыкают люди, ей чуждые, «всякая нечисть» часто с красной петличкой или партийным билетом в кармане. А из их рядов как раз и приходят главные любители террора, «наши уездные Дантоны и Робеспьеры», которые делают «стенку» основным методом решения всех противоречий. Это и заставляет большевиков-наркомов так долго и терпеливо взвешивать все последствия, казалось бы, неизбежного решения.

Их дискуссия или, вернее, живой и беспорядочный, но страстный человеческий спор призван от многого предостеречь. Они с ответственностью думают о будущем, о своей стране, и, как говорится в спектакле, уже это может служить одной из гарантий против «издержек» террора.

Однако даже самое ясное сознание грозящей опасности еще не избавляет от нее. Вспомним, как еще в споре с «Народной волей» Плеханов говорил, что вера в личные свойства даже самых хороших и честных революционеров не может считаться надежной гарантией. Марксизм всегда полагал, что субъективные намерения тех или иных лиц — дело в конце концов преходящее, и не в них следует искать опору здорового и правильного развития революции.

Куда важнее те объективные гарантии демократического контроля, о которых также говорит Свердлов в спектакле: «Гласность действия карательных органов. Публикация всех имен арестованных, всех имен заложников, всех смертных приговоров. Классовый подбор аппарата. Неуклонное соблюдение основного принципа красного террора: это террор класса против класса руками класса во имя класса... Нам не нужны профессиональные каратели».

Но и здесь еще остается недоговоренным кое-что из того, что принадлежит к азбуке марксизма. Объективные гарантии против ошибок и заблуждений может дать лишь развитие знания, самодеятельности и организации трудящихся масс. Надо, чтобы не только сами законы предоставляли возможность демократического контроля, но чтобы люди умели ими пользоваться, получили вкус к осуществлению своих гражданских прав. Широкий народный контроль, демократический правопорядок, социалистическая законность обретают свою реальность по мере просвещения и воспитания гражданского, социалистического правосознания народных масс. И оттого так уместна в пьесе, казалось бы, неожиданно «просветительская» реплика Луначарского: «Да, я согласен, что в истории бывают моменты, когда насилие необходимо. Но все-таки истинный социализм может быть насажден в мире не винтовкой и штыком, а только наукой и широким просвещением трудящихся».»

10. Критик Ф. Чапчахов о статье В. Чалмаева «Неизбежность»

Мы уже писали в прошлом месяце о статье В. Чалмаева «Неизбежность». 27 ноября «Литературная газета» напечатала выступление Ф. Чапчахова («Защита «истоков» или проповедь надклассовости?») Ф. Чапчахов берет под сомнение основные исходные позиции В. Чалмаева.

«Не сомневаюсь, — пишет Ф. Чапчахов, — что эта статья («Неизбежность») вызвана к жизни самыми благими намерениями ее автора. Мне понятна и близка озабоченность критика тем, что за шумом и треском «песенок» нередко бывает трудно расслышать «колокола высокого и действительно народного искусства». Но все дело в том,

что понимать под народным искусством, где искать его нравственные и эстетические идеалы. При всей важности и своевременности постановки вопроса, при всем горячем пафосе защиты «истоков» и «родников» от бездуховной, стандартной и вненациональной стихии псевдоискусства статья В. Чалмаева несостоятельна в самой методологии, в выборе тех исходных позиций, с которых критик подходит к уяснению сущности народа и народного характера.

Само понятие «народ» настолько значительно и многогранно, что всякое вольное или невольное игнорирование одних его сторон и абсолютизация других, всякая попытка уложить это великое понятие в прокрустово ложе какой бы то ни было схемы неминуемо влечет за собой искажение исторической правды. Так именно случилось в статье В. Чалмаева. Взятый критиком на роль символа, призванного типизировать все лучшие духовные качества русского народа, некрасовский «Саврасушка», несмотря на всю эмоциональную силу и емкость этого образа, явно не выдерживает тяжести ноши.

Народность — категория классовая. Не только марксисты, но и революционеры-демократы ясно видели классовое размежевание внутри народа, никогда не рассматривали народ как некое единство, не знающее никаких противоречий. У В. Чалмаева же «родной Саврасушка» наделяется достаточно ясно выраженной надклассовостью, выступает в виде монолита, вобравшего в себя представителей всех классов и сословий. Как прямое следствие такого взгляда на народ вполне закономерным выглядит появление историко-философских пассажей, вроде следующего. «Да и крепостничество, и капитализм — это же щепка в океане, на которой не уместится тысячелетняя народная обновляющаяся Русь!» Но ведь «умещалась» же, не миновала их! Ведь одна часть «народной Руси» делала все возможное, чтобы удержать на плаву эти «щепки», а другая ценой неимоверного напряжения всех своих сил, ценой самоотверженной борьбы и лишений шла к тому, чтобы их уничтожить.

...В. Чалмаев сочувственно цитирует К. Леонтьева, почтительно именуя его «мыслителем, Чаадаевым 60-80-х годов». Ю. Суровцев достаточно подробно и верно охаракте-

ризовал наследие К. Леонтьева — заклятого врага демократической России. Действительно, беря в союзники этого мракобеса, можно зайти далеко!

«Не много было лобных мест, откуда возвещала о себе в течение веков стыдливая русская душа... Постоянный труд на земле, монастырь, царев кабак да раз в сто лет — лед Чудского озера, буйные травы Куликова, Полтавского, Бородинского полей...» — проникновенно пишет В. Чалмаев. Осмелюсь утверждать, что этих «лобных мест» было неизмеримо больше. Обратимся непосредственно к героической истории русского народа: помимо полей битв за отчизну, русская душа возвещала о себе и в Соляном, и в Медном бунтах, и в движениях Разина, Болотникова и Пугачева, и на Сенатской площади, и в селе Бездна Казанской губернии, и на баррикадах Пресни, и при величайшем своем взлете, к которому она шла веками, — при штурме Зимнего дворца. Как можно не сказать именно об этих «лобных местах», составляющих «национальную гордость великороссов», а оставить в удел народной истории монастырь, царев кабак, оставить только крестьянские и ратные поля? Неужели не знает В. Чалмаев, сколь многие мечтали лишить русский народ его героической истории, тщились доказать, что смирение, забитость и покорность — извечные его состояния, пытались опровергнуть его способность к величайшим историческим свершениям?

...Противопоставляя «народную» Русь «бездуховному» Западу, В. Чалмаев, не дрогнув, отваживается на иронию: «...и кажется пустынной наша история перед парадными, пересыпанными массой занятных происшествий европейскими хрониками». Странная эта ирония, несправедливая. Что понимать над «занятными происшествиями»? Думаю, что критик все же не имел в виду крестьянские войны в Германии и Чехии, восстание Уота Тайлера и Жакерию, казнь Джордано Бруно, подвиги во имя народа, совершенные Костюшко и Кошутом, героизм силезских ткачей и парижских коммунаров и мученическую смерть тех, кто пал в Чикаго в самую первую демонстрацию рабочей солидарности.

...Беда в том, что при правильном выборе цели В. Чалмаев стреляет из негодного оружия. Те снаряды, которые

мечет критик, нередко разрываются среди своих же боевых порядков.

Хотел этого В. Чалмаев или нет, в его статье явственно дает себя знать забиение революционных традиций русского народа и русской литературы.

Реставрация под каким бы то ни было флагом теорий «единого потока», идеализация абстрактного, внеисторичного — не есть ли это опасность столь же серьезная, как и бездуховные, вненациональные «модерные» увлечения?»

О НЕКОТОРЫХ КНИГАХ, ПИСЬМАХ, СТАТЬЯХ И РУКОПИСЯХ

1. О романе Л. Мнячко «Вкус власти»

Известный чехословацкий писатель Л. Мнячко закончил в 1967 году свой новый роман *«Вкус власти»*. В Чехословакии были тогда опубликованы только отрывки из этого романа, так как после ознакомления с текстом издательства, заключившие ранее договор с Мнячко, отказались публиковать его новое произведение. Роман вышел, однако, вскоре в Австрии на немецком языке. Только в 1968 году роман Мнячко был опубликован в Чехословакии. В настоящее время этот роман издан на многих европейских языках.

Основная тема романа «Вкус власти» является традиционной для западной литературы. Это — развращающее влияние власти, превращение добравшегося до власти человека из народа в бюрократа и сановника, которому теперь чужды интересы народа, который порывает со своими прежними друзьями и соратниками по борьбе. В свое время этой теме посвятил один из лучших своих романов А. Кронин. Но там речь шла о рабочей партии в условиях капиталистической Англии. У Мнячко же речь идет о коммунистической партии и социалистической Чехословакии. Роман начинается с описания похорон председателя правительства Чехословакии. (Это собирательный образ. Мнячко нигде не называет своего героя по имени. Автор пишет о «Великом человеке», «покойнике», «Государственном деятеле» или же говорит просто «Он». Нигде не говорится и о

времени действия). Покойник был когда-то хорошим рабочим парнем, активистом партии, командиром легендарного партизанского отряда в годы оккупации. Он был неплохим руководителем одной из областей Чехословакии в 1948 году. Но чем выше поднимается по ступенькам власти этот человек, тем меньше остается у него человеческих черт. Он начинает злоупотреблять своей властью, пьянствует, развратничает, организует незаконные репрессии. Перестав доверять людям, герой романа все больше и больше проблем пытается решить сам, он работает по 14-16 часов в день, но не может по настоящему решить ни одного серьезного вопроса. «А его работе, — говорится в романе, — вовсе нечего было завидовать. Ежедневно ему приходилось решать десятки проблем... которые мог бы решить референт второстепенного учреждения. На него было возложено определять, куда должны направляться миллиарды, а он разменивался на мелочи. Но он хотел решать все сам. Он выносил решения обо всем, он определял, что законно и что незаконно, он выносил непререкаемые суждения по вопросам искусства, в котором он ничего не понимал. Сегодня он руководил совещанием по вопросам сельского хозяйства, а завтра о сложной технологии гидроэлектростанций... Он возмущался плохой работой железнодорожного транспорта, на какое-то время сам принял на себя надзор над ним, и все-же не нашел решения» (83).

Став главой правительства, «Великий человек» разводится с женой, женится на молодой красавице, занимает под свой дом дачу одного из нуворишей времен оккупации, превращенную после революции в детский сад. Но и сам «Великий человек» находится под постоянным и неусыпным контролем всесильного Галовича — руководителя ведомства государственной безопасности.

Мнячко рисует новый «высший свет» республики, чиновников и карьеристов с их толстыми прожорливыми женами. Никто из них не думает о трудностях в стране, очередях в продовольственных магазинах, расстройстве системы здравоохранения, недостатке квартир, плохом внешнем виде городов. Ведь эти люди получают купоны, по которым можно купить все что угодно в специальных магазинах. Страна кишит доносчиками и тайными агентами. Ее пресса продажна. Во главе бюро печати стоит бывший кол-

лаборант Муклик, написавший в годы фашистской оккупации оду Гитлеру и редактировавший какую-то фашистскую газетку. После освобождения страны Муклик был осужден за предательство, работал несколько лет в каменоломнях. Но теперь там работают честные люди, а такие, как Муклик, поднимаются вверх. «Великий человек» постепенно теряет присущий ему ранее талант оратора, он выпускает сборник написанных для него Мукликом речей. Этот человек все больше и больше ненавидит интеллигенцию и преследует ее. Но и «Великого человека», бывшего когда-то весьма популярным в народе, теперь никто не любит. «Какую пользу принесла тебе власть, которой ты добился? — думает на государственных похоронах один из прежних друзей «Великого человека» фоторепортер Франк. — Каков был ее вкус? Помогла ли она тебе? Когда-то ты был здоров, могуч, полон порыва. И счастлив. Увеличила ли власть твое счастье, или заменило имевшееся каким-то другим? Более сильным?

...Возможно, тебя охватывало счастье завершенного дела. Оно существует. Оно достается многим, оно безусловно много значит. Но где твое дело? Что у тебя за дело? Ты стоял во главе этой страны, и страна сделала в это время в своем развитии большой шаг вперед. Этого никто не отрицает, это видно, слышно, ощутимо. Но что в этом прогрессе сделано тобой? Другой, более смелый, чем ты, более вдумчивый, чем ты, видя тот огромный подъем людей, добился бы большего продвижения вперед. Ты боялся решать, боялся действовать. Ты думал лишь о своем положении, боясь сделать какой-либо ложный шаг, который кто-то сможет использовать против тебя. Эта боязнь довела тебя до бездействия, до пустопорожнего фразерства, которое никто не принимал всерьез, даже те, кто при каждом твоем слове одобрительно поддакивали тебе. Ты боялся допустить ошибку, ты боялся рисковать. Кто страшится риска, не достигает ничего. И ты не достиг ничего, несмотря на почести, несмотря на три ряда разноцветных ленточек на твоей груди.

...Значит, что было твоим счастьем? Счастье любви? Нет. Счастье завершенного дела? Нет.

Возможно, что существовало еще одно счастье, правда, странное: счастье власти. Отдавать себя самовосхищению,

что ты больше, что ты можешь распоряжаться судьбами людей, решать единолично, не отвечая ни перед кем, не отчитываясь о том, что ты сделал с одним, с двумя, с многими людьми. Возможно, что и в этом счастье — кого-то поднять, а потом растоптать его, кого-то растоптать, а потом поднять. Приятно ли это? Приносит ли это человеку удовлетворение? Уняло ли это твою страсть, твои инстинкты? Может тебе было приятно, что ты мог подняться над другими в виде компенсации за то, что тебе чего-то недоставало, что ты свой комплекс неполноценности смог выместить на тех, кто смеялся, когда ты был мрачен, и кто был мрачен, когда ты смеялся. Нет, это не счастье.

...Но как обстоит дело со славой? Слава опьяняет, слава крепко опьяняющий яд. Чтобы прославиться, государи вели целые народы в бой, на победу или гибель. Как обстоит дело с твоей славой... Тебе следовало в эти дни пройтись по улицам, чтобы узнать все. Через десять лет тебя не вспомнят даже в историческом календаре...

«Власть, покойник, ни хороша, ни плоха. Власть может стать добром, власть может стать злом, все дело в том, кто ею владеет. Как он обращается с нею. Чем была власть в твоих руках? Добром? Злом? Или она была только самоцелью? Игрушкой, которой ты потешался? Если бы она была добром, многие восхваляли бы тебя сегодня, и горевали о твоей кончине. Если бы она была злом, многие проклинали бы тебя, и радовались бы твоему бесславному концу. Но никто не оплакивает твою смерть» (232-235).

Роман Мнячко можно назвать односторонним, тенденциозным. Здесь явно сгущены краски. Преобладают у автора чувства разочарования и в людях, и в идеях. Неоправданно много места в романе отведено сексу. Отдельные страницы романа настолько тенденциозны, что возникает сомнение в добрых намерениях автора. Так, например, показывая нам один из партизанских отрядов, который вместо того, чтобы бороться с фашистами, грабит крестьян, издевается над ними, расстреливает ни в чем не повинных жителей сел и деревень Чехословакии, Мнячко ставит во главе этого отряда грабителей и насильников *русского* командира Ивана. Картина, нарисованная писателем, совершенно беспросветна. Народ, где-то внизу, занимается своими делами

и не борется против беззаконий и произвола. Нет никакого выхода и неизвестно, что же делать. Никто не знает, кого *поставят* во главе страны вместо умершего «Великого человека». Должно быть, Галовича?

И все же роман Мнячко нельзя назвать клеветническим. Озлобление автора можно понять. Многие страницы романа наводят на серьезные размышления и помогают уяснить события, развернувшиеся в 1968 году в Чехословакии и позицию ее творческой интеллигенции.

2. Из статьи Е. Драбкиной «На другой день после революции» («Новое время» № 45)

«Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели (социализму), мы не знаем и знать не может», — писал Ленин. — Но важно выяснить себе ...только с социализмом начнется быстрое, настоящее, действительно массовое... движение вперед во всех областях общественной и личной жизни».

В первые дни после Великого Октября И. Вегер присутствовал на каком-то заседании, обсуждавшем будущую деятельность только что созданного Советского правительства. Вегеру запомнилось выступление Ленина, который говорил:

— Я учился по книжкам, а в книжках об этом ничего не сказано. Давайте вместе работать. Бросимся в море — научимся плавать...

Вопреки вульгарной пошлости махаевцев и шулятиковцев, утверждавших, что интеллигенция есть особый общественный класс, характеризуемый особым источником дохода — знаниями, и является поэтому паразитическим классом, живущим за счет труда рабочих и стремящимся к господству над всем обществом, Ленин постоянно подчеркивал, что залог классовой партии пролетариата лежит «в полной сознательности передовых рабочих», «в полном стирании грани» между интеллигентами и рабочими, состоящими в партии. Ленин говорил: главное внимание должно быть обращено на то, чтобы поднимать рабочих до революционеров...

Свой призыв к бесстрашной работе на незнакомом поприще управления государством Ленин обращал к интеллигентам, отдавшим всю сознательную жизнь борьбе за освобождение рабочего класса, и к рабочим, поднявшимся до уровня передовых интеллигентов.

Это был подлинный цвет партии, цвет страны, цвет народа. Никогда и нигде в истории не существовало столь образованного, столь не дипломно, а истинно просвещенного правительства, которое превыше всего ставило интересы широчайших народных масс (стр. 3-4).

3. Об «Информациях» представителей крымско-татарского народа

В Москве проживает (или учится) около 20 крымских татар (ранее жившие в Крыму эти татары рассеяны сейчас по 11 областям. Однако они продолжают поддерживать между собой связь и настаивают на возвращении в Крым. Теперь, после своей реабилитации крымские татары требуют этого все более настойчиво). Живущие в Москве татары образовали представительство крымско-татарского народа. Это представительство регулярно выпускает «Информации» о своей работе, которые адресованы всем директивным органам, редакциям всех центральных газет, «политическим деятелям, ученым, работникам искусства и культуры» и всему крымско-татарскому народу.

В очередной (№ 77) «Информации» сообщается, что в настоящее время в Москве никто не преследует представителей крымско-татарского народа и они могут беспрепятственно защищать свои национальные интересы. Сообщается о многих сотнях коллективных и индивидуальных писем, которые были переданы в ЦК КПСС и другие директивные органы от татар, проживающих в разных районах Советского Союза. «Крымские татары, — говорится в одном из таких коллективных писем, — готовы проживать и работать в любом уголке Крыма. . . . Наш народ не предъявляет и не намерен предъявлять иск жителям Крыма за варварство и злодеяния, совершенные бандой Берия и Абакумова в период культа личности.» Вместе с тем сообщается, что вокруг тех татар, которые после реабилитации возвращаются в Крым, создается атмосфера гонений и различ-

ных административных репрессий. Проводятся облавы на тех татар, которые приезжают в Крым самовольно и временно живут в палатках. Их выселяют обратно в Узбекистан, а Азербайджан.

«Информация» сообщает, что и сейчас проводится вербовка русских и украинских семей в Крым. В то же время только немногие из семей крымских татар получают разрешение вернуться на свою родину.

Сообщая о многих других случаях преследований и унижений крымских татар, авторы «Информации» пишут: «Мы убеждены, что высшее государственное и партийное руководство не представляет себе всю величину этих преследований и унижений. Местные органы власти дают предвзятую, необъективную информацию об этом. Из Узбекистана в Москву, например, сообщили, будто никто из крымских татар, проживающих в этой республике, и не помышляет о возвращении в Крым, считая своей родиной Узбекистан, что только отдельные отщепенцы смущают народ, толкают его на незаконные действия, извращая события и факты, пишут кляузы о якобы незаконных репрессиях против крымских татар.» Поэтому авторы «Информации» призывают всех татар, желающих возвратиться в Крым, вступить в специальное «Землячество» крымских татар. Одновременно содержится просьба прислать в Москву описание всех несправедливостей местных властей.

4. Письмо литератора Л. Копелева чехословацкому литератору М. Кундера

В связи с 50-летием Чехословакии некоторые из советских писателей направили своим чехословацким друзьям многозначительные письма. Так, например, известный московский литератор Л. Копелев отправил своему другу М. Кундера в Прагу следующее письмо:

«Москва 21 октября
1968

Дорогой Милан Кундера!

Поздравляю Вас с пятидесятилетием возрождения Вашего национального государства. От всего сердца желаю, что-

бы и новые десятилетия и века народы Чехословакии не испытывали таких бедствий, какие выпали им на долю за эти полвека, но чтобы они сохранили те же особенности душевного строя, которыми сегодня восхищается мир — благородное мужество, бестрепетную стойкость, неугасимую любовь к свободе и правде.

Мне посчастливилось: я читаю по чешски и по словацки. Ваша литература мне с юности сердечно близка. О Гашеке, Чапеке, Ванчуре, Незвале я писал статьи, участвовал в переводах и изданиях их произведений, я переводил и Ваши работы — статью о современной чешской поэзии, главы из книги «Искусство романа». Постоянно читая ваши газеты, я с волнением и радостью следил за тем, как в этом году благотворно обновлялась социалистическая Чехословакия, как впервые по настоящему осуществлялись мечты Яна Гуса о победе правды, мечты Маркса об «очеловечении чувств человека» и мечты Ленина о социалистической демократии, более последовательной и более полной, чем все прежние формы демократии.

Сегодня, поздравляя Вас, я желаю Вам и всем, кто Вам близки и дороги доброго здоровья, новых сил и новых успехов и хочу напомнить, что в нашей стране у вас есть настоящие друзья, которые любят и понимают вас и страстно верят, что никакая ложь, никакие преступления и трагедии не разорвут вековые узы братства, связывающие русский народ с чехами и словаками. Те семеро молодых людей, которые 25 августа на Красной площади самозабвенно приветствовали Чехословакию и множество советских граждан разных поколений, которые на протяжении последних двух месяцев устно и письменно выражали самые добрые чувства к вашей стране, порукой тому, что наше общее завтра будет солнечным вопреки всем вчерашним и сегодняшним непогодам.

Мне больно, что в трудные для вас дни я не мог помочь вам ничем иным, кроме слов привета. Но в этих словах живая любовь и восхищенное уважение. С новой силой звучат сегодня строки великого Незвала:

«Чешский лев, тебя глупец лишь примет за ручного»,
и стихи великого русского поэта Марины Цветаевой, обра-

щенные к Вашим соотечественникам тридцать лет тому назад:

«Так и стою, раскрывши рот, — Народ! Какой народ!»

И еще об одном великом поэте этого века нельзя не вспомнить в день вашего национального праздника. Бертольт Брехт воплотил свою любовь к Чехословакии в пьесе «Швейк во второй мировой войне», в которой поется песня о Влтаве.

По дну Влтавы перекатываются камни;
Три кесаря в Праге в могилах лежат.
Великое не остается великим, а малое не остается малым,
Ночь длится двенадцать часов, потом все же настанет день.

Все то, чего вы достигли за эти полвека и за этот год, уже стало достоянием истории. Вами будут гордиться не только ваши кровные потомки, на всех языках земли прославят поэты и ученые путь Чехословакии к социализму и я верю, что в одном ряду с именами св. Вацлава, Яна Гуса, Амоса Коменского, Томаша Масарика, Ярослава Гашека, Юлиуса Фучика будут названы имена Людвика Свободы, Александра Дубчека, Иозефа Смрковского и Олдржиха Черника.

Сердечно приветствую — Ваш Лев Копелев»

5. *О книге Роберта Конквеста «Великий террор»*

В Англии недавно вышла в свет книга Роберта Конквеста «Великий террор». Основная тема этой книги — репрессии 30-х годов в нашей стране. Книга Конквеста усиленно рекламируется как прессой Англии, так и британской радиовещательной корпорацией «Би-би-си». Среди других органов печати большую статью о новой книге поместил и лейбористский еженедельник «Нью Стейтсмен». Автор этой статьи Джон Гросс, также как и Роберт Конквест, освещает историю нашей страны в 20-30 годы с немарксистских позиций. Однако как книга Конквеста, так и статья Гросса весьма поучительны. Они показывают лишний раз, что в то время как в нашей печати преступления Сталина не только не анализируются, но в последние годы даже и пря-

мо замалчиваются, в это самое время идейные противники марксизма все более и более эксплуатируют тему сталинизма в своих пропагандистских целях. Лишнее подтверждение той простой истины, что всякая идейная уступка (а замалчивание преступлений сталинизма — это самая большая наша идейная уступка противникам марксизма-ленинизма) неизбежно используется различными разновидностями буржуазной идеологии.

Для того, чтобы убедиться насколько умело используют лейбористские идеологи в своих целях тему сталинизма, мы приводим ниже перевод статьи Дж. Гросса из упомянутого еженедельника.

«Когда в 1924 году умер Ленин, — пишет Гросс, — то он оставил своим преемникам не тоталитарный режим в точном смысле, но весь аппарат, нужный для его построения: цензуру, тайную полицию, традицию «революционной диктатуры», идеологическую монолитность и, важнее всего, однопартийное государство, в котором, как это стало абсолютно ясно, во всяком случае с Кронштадтского восстания 1921 г., интересы партии будут всегда стоять выше интересов народа, который она предположительно представляла. Партия, в свою очередь, все более подпадала под управление централизованного бюрократического аппарата. И все же положение оставалось относительно гибким, и лишь после того, как Сталин уничтожил своих главных политических соперников, стали очевидны все потенциалы нового режима. Первыми жертвами стали главным образом крестьяне, которые в конце двадцатых годов подвергались ужасам принудительной коллективизации, кульминацией которой был искусственно созданный голод 1932-1933 гг., в ходе которого по некоторым оценкам погибло по меньшей мере 5 миллионов человек, главным образом на Украине (первыми умирали мужчины, затем дети и, наконец, женщины). В то же время тайная полиция, вскоре перекрещенная в НКВД, совершенствовала свои методы, инсценируя первые политические процессы, а советское законодательство обогащалось такими мерами, как возобновление старого царского внутреннего паспорта и введение смертной казни за хищение социалистической собственности.

В первые годы сталинского режима члены самой партии еще могли считать себя, однако, лично вне опасности, во всяком случае от угрозы казни или заключения по произволу. Ленинский принцип, что при любых спорах товарищи не пожирают товарищей, оказался упорным и трудно преодолимым предрассудком. Но убийство ленинградского партийного лидера Сергея Кирова в 1934 году, которое было тайно организовано Сталиным, снабдило его необходимым предлогом и открыло такой период, в течение которого советскому гражданину сильнее нездоровилось, если он был коммунистом и даже преданным сталинистом, чем если он не был ни тем ни другим. Из примерно 1900 делегатов, которые стоя устроили овацию великому человеку («величайшему человеку всех времен» — по Кирову), на партийном съезде 1934 года, около 1100 были вскоре ликвидированы в качестве контрреволюционеров. В последующие годы была уничтожена большая часть остальной старой гвардии большевиков. Жестокие чистки распространились также на партию, бюрократию, вооруженные силы, интеллигенцию, наконец, на население в целом, часть которого забирали просто для того, чтобы местные органы НКВД могли бы выполнить свою норму уничтожения. Апогей был достигнут во время «ежовщины», страшного времени с 1936 по 1938 гг., когда Николай Ежов был главой тайной полиции. Но кровопускания и аресты продолжались в поразительных масштабах и после падения Ежова. Из арестованных многие были просто казнены, гораздо больше было отправлено в трудовые лагеря, где ежегодная смертность часто доходила до 30 % и редко падала ниже 10 %. Точное число жертв этого террора мы не знаем. Однако имеется большое число статистических данных и при их сопоставлении получается довольно цельная картина. В своей новой истории сталинских чисток (Роберт Конквест «Великий террор», изд. Мак Миллан) автор после изучения и сопоставления статистики советских тюрем, данных переписи и других источников информации, приходит к выводу, что по чрезвычайно осторожной оценке число расстрелянных, а также всех погибших в лагерях во все время сталинского режима, начиная с 1930 года, составляет не менее 20 миллионов человек. В годы Ежова, т. е. в период, которым Р. Конквест занимается особенно внимательно, было убито около 3 миллионов людей.

Никого в нашей стране в 1968 г., за исключением 1-2 неандертальцев вроде Д. Н. Притта не надо убеждать в том, что сталинские чистки были очень скверным делом. Пока Сталин еще жил, официальная версия, попугайствовавшаяся сторонниками по всему миру, заключалась в том, что после скрупулезных корректных расследований горсть высокопоставленных представителей пятой колонны была казнена, тогда как несколько большее (хотя вовсе не такое уж большое) число неправильно поступавших граждан ради их собственного блага было отправлено в исправительно-трудовые лагеря. В тридцатые годы совсем немногих интеллигентов-некоммунистов можно было убедить скушать эту версию. После «секретной речи» Н. Хрущева в 1956 году даже и многие ортодоксы должны были от нее отказаться. Хрущев ограничился судьбой только членов партии, и его выбор фактов был крайне односторонен. В последующем, однако, из России просочилось много иной информации, подтверждающей ту общую картину сталинского террора, которая за это время сложилась на Западе. Так что теперь мы все знаем все о чистках. А знаем ли мы в действительности?

Мы все признаем факт, что они несомненно происходили и мы все осуждаем их, и все же мы не совсем уверены относительно них, мы предпочитаем оставлять их темным пятном в глубине наших мыслей. В конце концов, имя Ежова, для ясного сравнения, должно было бы стать нам столь же знакомым, как имя Гиммлера; исправительная колония, вроде Колымы, где были убиты два миллиона заключенных, должна была бы стать столь же знаменитой, не скажу как Освенцим, а как Бельзен или Дахау. Если это не так, то объяснение заключается, вероятно, в такой же мере в западной политической психологии, в том же предельно обманывающем голосе, который все еще нашептывает либералам и социал-демократам: «ни шага врагам справа», как и в более элементарных фактах географической отдаленности, относительной нехватки прямых данных, продолжающегося советского засекречивания и обмана. Но непониманию способствовало и то, что до настоящего времени не было ни одной книги, к которой читатель мог бы обратиться для серьезного и полностью документированного изучения того, что собой представляли чистки.

«Великий террор» — как раз такая книга, внушительная в равной мере в своем повествовательном охвате, в тщательности изучения и в ясности, с которой М-р Конквест организовал и представил неимоверное количество чрезвычайно сложного материала. На каждом этапе он приводит источники, и он оценивает значение источника с необычайной тщательностью — необходимая предосторожность в области, где большая часть данных «неофициальна», а часть их поставлена такими неизбежно противоречивыми свидетелями, как лица, оставившие Советский Союз. Имеется также почти 100 страниц примечаний и специальных приложений. Автор, короче говоря, насколько может судить неспециалист, полностью владеет предметом, но книга нигде не надламывается под грузом научности: стиль везде ярок, вежлив и сдержан. Сдержанность особенно досадна для каждого, кто знаком с полемической энергией, которой располагает при случае Конквест. И все же мы думаем, что он правильно решил, что в труде такого ранга полемика неуместна. А ведь Конквест мог бы легко подчеркнуть тот факт, что именно во время чисток нынешние советские лидеры начали свое эффективное продвижение к власти. Он мог бы легко напомнить о переселении малых наций, об обращении Сталина с сателлитами, о ждановщине, о заговоре врачей. о каждом и всяком аспекте сталинской тирании. Вместо этого он строго держится избранной темы. Легче всего было бы ему дать длинный список видных деятелей Запада, писателей, знаменитых ученых, выдающихся историков, многие из которых еще с нами, — которые сознательно или бессознательно помогали замазывать преступления Сталина. Но Конквест проходит мимо них, и его замечания о тех, кого он поминает, как, например. Ласки и Уэбби — в общем довольно мягки. Но он бы завел бы слишком далеко свою сдержанность, если бы полностью обошел наиболее гротескные стороны всей кампании обеления. Поэтому Конквест рассказывает некоторые замечательные вещи.

Быть может наиболее экстраординарная история касается Генри Уоллеса и Оуэна Латтимора, которые действительно посетили Колыму в 1944 году и были приняты молчаливым Никишевым — комендантом Колымы и его женой — тоже сотрудником НКВД. Оба позднее опубликовали лирические

отчеты об увиденном. Уоллес с энтузиазмом распространялся о том, что Никишев попрыгивал, радуясь чудесному воздуху. Латтимор был особенно поражен «высоким и восприимчивым интересом Никишева к искусству и музыке и их глубоким чувством гражданской ответственности».

Для русского народа в целом чистки были временем пытки. Они особенно тяжело давили на интеллектуальную элиту, на ведущие умы литературы, науки, искусства, университетов, театра. Изумительно, заметим мимоходом, как мало наши собственные революционеры королевского двора и местные брехтовцы уделяли внимания тому, что творилось в советском театре 30 лет тому назад. Они могли бы начать с великого режиссера Мейерхольда, который был арестован и убит после публичного отказа подчиниться доктринам социалистического реализма; буквально мученик артистической стойкости (его жена, очень известная актриса, по слухам, была найдена вскоре в своей квартире, с множеством колотых ран и выколотыми глазами).

Нет слов воздания насилиям над миллионами невинных жертв. С другой стороны, трудно питать особую симпатию к тем палачам Сталина, которые были ликвидированы. В верхних рядах партии бояре, срубавшие один другого, просто действовали на самом зверском уровне знаменитой формулы «кто-кого». Монотонное дело, но подлинная томительность бойни во всяком случае периодически облегчалась эпизодами фарса, как в случае с Крыленко, предшественника Вышинского на посту главного прокурора. В 1932 году Крыленко предстал перед конгрессом шахматистов с обличением ереси «игры в шахматы ради самой игры». Через несколько лет он был расстрелян, причем одним из обвинений было то, что он затормозил развитие советских шахмат. А были и заговоры столь же сложные, как у Джона ле Карре, как например, «оформление» маршала Тухачевского, лучшего военного страны, в результате соединенных усилий НКВД и СД нацистов.

Р. Конквест предоставляет нам делать собственные практические и политические выводы. Мы можем во всяком случае утешиться мыслью, что крайне мало вероятно возобновление когда-либо чисток в сталинском масштабе. С другой стороны, механизм сталинистского государства ни-

когда не подвергался ликвидации. Косыгин работал в годы чисток под руководством Жданова в Ленинграде, а Брежнев под руководством Хрущева на Украине. Этот факт заслуживает упоминания, хотя бы для того, чтобы не слишком удивляться, скажем, по поводу оккупации Чехословакии. Леопард может сменить свои пятна, но не следует особенно поражаться, если он этого не сделает. Будем надеяться, во всяком случае, что следующее поколение кремлевских леопардов будет несколько менее запятнано.»

6. «Особые сообщения» И. Ганзелки и М. Зикмунда

Во время своего последнего путешествия по некоторым странам Азии и по Советскому Союзу известные чехословацкие путешественники и писатели Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд вели также и некоторые особые записи, которые не были тогда предназначены для печати. Они размышляли о положении в своей родной стране, об изменениях в социалистических странах, о некоторых проблемах марксизма. Во время своей длительной поездке по СССР Ганзелка и Зикмунд сделали весьма откровенный критический анализ некоторых аспектов внутренней политики нашей партии. Эти свои записи они еще в конце 1964 или в начале 1965 года передали в ЦК КПСС.

В мае 1968 года Ганзелка и Зикмунд передали свои записи редакции газеты «Млада фронта». Газета опубликовала часть записей, относящихся к 1963, 1964 и 1965 гг. При этом, естественно, не были опубликованы критические заметки чехословацких путешественников о советской внутренней политике. «Намеренно я не публикую здесь, — пишет в своем предисловии главный редактор «Млады фронта» М. Елинек, — те места информации, где с такой искренностью и откровенностью анализируется внутренняя политика СССР, т. е. те строки, которые, насколько мне известно, авторы передали в высшие органы Советского Союза. Я не публикую их, потому что также, как и авторы полагаю, что эти заметки и взгляды являются внутренним делом Советского Союза и могут быть решены, приняты или не приняты в соображение только там.»

О чем же говорят в опубликованных «Младой фронта» заметках И. Ганзелка и М. Зикмунд?

Одна из этих заметок посвящена работе чехословацких органов безопасности. Авторы не только критикуют работу Корпуса Государственной Безопасности, но и делают предложения насчет улучшении деятельности этого Корпуса и укрепления взаимного доверия между КГБ и общественностью. В другой заметке говорится об основных принципах кадровой политики в ЧССР. Ганзелка и Зикмунд предлагают решительно пересмотреть всю систему и критерии при выдвижении руководящих кадров. В Чехословакии, по свидетельству авторов заметки, — «в кадровой политике возобладали стимулы, ведущие к созданию системы формально послушной и прекрасной, а фактически упадочнической». «Говоря об этих ошибках, — продолжают Г. и З., — мы хотели бы поддержать предложение, чтобы в будущем кадровая политика признавала прежде всего точку зрения фактического вклада в дело социалистического общества. Мы признаем прежде всего результат трудный и как можно более длительный. В этом никто притворяться не может, каждый является тем, что он есть». «...Если эта точка зрения станет общей и решающей, наверняка фонтаном забьют самые ценные кадры». А как же быть с нынешними бюрократами? «Часть (наиболее надежную, исправную) оппортунистов мы таким образом переделаем их же собственным оружием. ... А безнадежный остаток этих паразитов здоровое социалистическое общество переварит без желудочных затруднений.»

Об интеллигенции. «Негативным отношением к интеллигенции или отношением презрительным, а часто и прямым недоверием именно к нравственно крепким людям, которые не сумели без внутреннего убеждения выработать «способность проявляться», мы лишили наше общество некоторых весьма ценных творческих голов, которых нам теперь недостает. Для того, чтобы здоровое направление пустило более глубокие корни, мы должны докопаться, кто и почему ввел в социалистический мир в период культа личности страх перед интеллигенцией; ведь Владимир Ильич Ленин умел ее так быстро и действенно завоевывать. После 1945 и после 1948 года у нас было немало реакционных интеллигентов, но давайте признаемся, что у нас было также немало и реакционных рабочих, не говоря уже о крестьянах. Мы знаем, что это звучит как святотатство в Риме. Но ни

один из нас, четырех путешественников, не родился в постели из небес и свою родную рабочую среду мы хорошо знаем. Если мы будем отрицать правду, ничего хорошего из этого не получится.»

О *социализме.* «Основной опыт, который мы действительно приобрели в наших путешествиях, сводится к тому, что мир на самом деле идет к социализму. Разными путями, в разном ритме и темпе — в связи с местными условиями и предшествующим историческим развитием. Поэтому самое время сейчас подумать о том, какое положение будет занимать Чехословакия в социалистическом мире и в какой мере она будет способствовать ускорению мирового развития к социализму. Мы убеждены, что единственным возможным импульсом является пример. И открытые двери к этому примеру для кого угодно.

...Если мы во-время — и как можно скорее — не наполним свою великую теорию практикой, Чехословакия будет выглядеть в социалистическом мире бедным родственником. И не потому, что она не будет развиваться, а потому что весь мир развивается неравномерно, но в целом — быстро. И большой шаг, который мы сделаем у себя на родине, может (но не обязательно) означать прогресс в мировом масштабе. Фактически мы шагнем вперед только на разницу между прогрессом иных и прогрессом своим. Шагнем вперед только настолько, насколько мы будем быстрее, чем они. Прогресс только в мировом темпе, это не прогресс, это все еще упадок на том же уровне. Прогресс это только то, что превышает. Только это нам история поставит под знаком плюс, за остальное она нас даже не похлопает по плечу — и правильно сделает». (Рассуждение Г. и З. о прогрессе весьма неточны. Для большинства народов мира прогресс состоит сейчас в том именно, чтобы догнать другие народы, на то, чтобы обогнать они рассчитывать не могут. Но Чехословакия может и обогнать другие социалистические страны, и таким образом дать пример более привлекательного социализма.)

О *Ленине. Ленинский период.* «Мы побывали во многих местах, где Владимир Ильич жил и работал. Глубокий качественный перелом и огромное приближение к личности Ленина (в нашем к нему отношении) означал для нас

день в Шушенском, в месте, где 27-летний Владимир Ильич был в ссылке. В Шушенском он имел возможность движения сравнительно в большой области. Он встречался с работниками социал-демократии отечественными и иностранными. Имел полный доступ к литературе. Материальных забот не имел. Занимал большой дом с огромным садом. На 5 золотых рублей в месяц хорошо жил он, Надежда Константиновна и ее мать. Хозяйство вели платные работницы. Целый баран стоил тогда в Шушенском 3 копейки. Паек в 5 золотых рублей на Надежду Константиновну Ленин отдал в помощь движению. За три года в Шушенском, в весьма живой интеллектуальной атмосфере, к счастью для всего революционного движения, Ленин прежде всего укрепил свое здоровье. У него были хорошие условия для занятий.»*

Ленин как личность. «Чтобы развить и реализовать Маркса, Энгельса и своего наиближайшего учителя Плеханова Ленин изучал не только все известные тогда направления в философии, этике, социологии, психологии, экономике, но также широкую палитру человеческих знаний от зоологии до астрономии. Его понимание политики было пониманием научным. В философии во всей широте он изучал противников, чтобы уяснить: являются ли они противниками, почему и в чем ими являются, где их слабые места, как их поразить. . . . *Ленин явно исходил из основной предпосылки, что идея социализма достаточно сильна, чтобы победить в открытом столкновении со всем старыми концепциями.* Ленин боролся наступательно. Он отметал отступательные концепции фильтрованной правды. С самого возникновения советского государства стремился всеми средствами проломить информационный «санитарный кордон» империалистических государств, стремился к наиболее широкой информированности всего советского общества, несмотря на тогдашнюю отсталость большинства.»

---

* Примечание

Именно эти заметки о пребывании Ленина в Шушенском наша «Литературная газета» в своей крайне грубой статье «Иржи Ганзелка в роли политика» (№ 38 от 18 сентября) назвала кощунственными. А между тем ничего кощунственного в заметках Ганзелки и Зикмунда нет. Если исключить некоторые несущественные неточности, то все, что они написали соответствует действительности.

Ленин и народники. «Пока народники были сильны и опасны, он остро их критиковал. Когда они ослабли, он сумел их оценить, как могучее течение, которое в сущности весьма способствовало кульминации — революции большевистской.»

Ленин и насилие. «Ленин создал ЧК, как особую комиссию для борьбы со спекуляцией, саботажем и контрреволюцией. У нее была ясная миссия и тогдашнее ленинское руководство не допускало, чтобы ЧК была чем-то другим, чем активным орудием партии. Ленин сам был против террора вплоть до кануна выступления эсеров, когда Каплан ранила его и когда убили Урицкого. Только тогда, когда он пришел в сознание, он заявил, что на белый террор надо ответить террором красным. Но красный террор продолжался только до 1921 года и был точно напаравлен на оборону революции и народа, никогда против народа.»

Ленин и народ. «Ленин народ хорошо знал, доверял ему и верил в его силу. Ленин отвечал на вопросы, интересующие народ, подробно информируя его о большинстве проблем, которые потом стали тайной. Он сознательно и систематически подвергал себя контролю народа, который за революцию отдавал свою кровь и свои жизни.»

. . . *Ленинский период* таким образом отличался огромной гражданской активностью народных масс, непосредственно принимающих участие в решении основных вопросов. И это был также в истории человечества небывалый период огромного роста подлинной образованности народных масс. . . . Ленин больше всего подчеркивал главную задачу: учиться управлять, учиться организовывать, и все это на основе собственного самостоятельного мышления. Он не однажды говорил, что неграмотность в нашем смысле слова — это незнание дела, за которое человек отвечает.

Одним из важнейших явлений этого периода была борьба Ленина за правдивую и строгую оценку конкретных явлений, за повышение всеобщей культурности народа и в особенности борьба за повышение культурности коммунистов, занимающих должности. За короткое время, когда Ленин стоял у руководства Советской страной, не удалось осуществить всего. Однако устремления Ленина дают достаточно доказательств того, каким он представлял себе со-

циалистическое общество. Советское государство действительно было тогда самым демократическим в смысле свободы для большинства. Достойно всяческого внимания одно проявление ленинской демократичности. Когда большевики впервые выиграли выборы на 100%, и когда меньшевики не получили в Совет ни одного мандата, Ленин настоял на кооптации в Совет 6 меньшевиков, как необходимой оппозиции. Вот обоснование Ленина: «Без оппозиции любая демократия сгниет». (Когда и где имел место такой примечательный факт???).

...Аспект огромного размаха: *Ленин не боялся творческих голов.* Он сам был одним из самых образованных людей России. Интеллигенцию он хорошо знал и понимал ее также хорошо, как и рабочих и крестьян. Его отношение к людям определялось прежде всего их человеческим характером, ценностью этого характера. Во всех людях он стремился развить и пробудить то лучшее, что в них было. И эти ценности старался поставить на службу революции и молодого социалистического государства. Дореволюционную интеллигенцию он не только не ликвидировал и не подавлял, но, наоборот, старался ее завоевать. Старую и новую интеллигенцию он систематически посылал в развитые капиталистические страны (а тогда это было не просто), чтобы там она приобрела полезные знания и опыт для строительства социалистического общества. Он никогда не демонстрировал ту зрелость или те ценности, которых не было. Он был патриот, но никогда не был шовинистом. Самого Ленина, как теоретика и как вождя революции выковали как раз неустанные столкновения с капиталистическим миром. Изоляцию он считал, — как это явствует из его практических действий, самым худшим, что могло бы постигнуть молодое советское государство. Он исходил из основного факта, созданного Октябрем: из необходимости соперничества двух систем. Он знал, что победа, помимо всего прочего, обусловена постоянным знанием соперника, его лучших качеств и его слабостей. А также сравниванием своей страны с самыми развитыми соперниками и постоянным устранением собственных слабостей, которые из этого сравнения вытекают и перениманием того, что делает соперника сильным, если это, конечно, может служить советскому государству.»

Далее Ганзелка и Зикмунд переходят в своих записках к характеристике *сталинского периода*. «Наша группа, — заявляют они, — пришла к убеждению, что пока еще этот период был изучен и объяснен очень поверхностно. Изучение исходило лишь из тактических потребностей некоторых временных политических ситуаций. Мы думаем, что всю проблематику «культа Сталина» необходимо анализировать конкретно и комплексно во всех внутренних связях.

Явления деформации и массовый террор в социалистическом обществе были огромной трагедией советского народа и страны, с тяжелыми последствиями для всего мирового революционного движения. А это значит и для всего человечества вообще. Научно основательный анализ периода культа Сталина должен преследовать одну цель: создать такую автоматику действия общественных сил, которая раз и навсегда гарантирует постоянный иммунитет социалистического общества против какого-либо рецидива «культа». У нас создается впечатление, что в сталинский период именно партия была функционально и структурально изменена и заброшена. В ней преобладал субъективный фактор. Доказательством является развитие Никиты Хрущева от XX съезда, когда он с великой отвагой и нравственной силой осудил сталинский культ, и вплоть до шестидесятых годов, когда он сам сосредоточил неумеренную власть в своих собственных руках, и не только по собственной вине. Это прежде всего вопрос понимания и структуры партии и общества, фактических взаимоотношений власти законодательной, исполнительной и судебной.»

Сталин субъективно и объективно. ... Нет нужды здесь разбирать его действия от детских лет и школьной скамьи, сложную историю его отношений в Курейке, обстоятельства его ухода из Курейки, судьбы его жен и их родственников, его отношения в Курейке с братьями Лидии Перепрыгиновой. И хотя степень психической уравновешенности и личная жизнь могут пролить свет на многие из роковых шагов Сталина в его роли исторической фигуры, полную возможность и обязанность анализа и исторической оценки имеют прежде всего советские ученые. Для целей этой информации нужно констатировать только один, но основной факт: Сталин был тщеславный эгоист, насильник, до чрезвычайности беспощадный. Его склонность к деспотизму росла с

возрастом. У него был огромный организационный талант, беспощадная воля. Понятно, что миллионы людей, которые были воспитаны в сталинский период и целую жизнь жили с представлением, что Сталин был образцом коммуниста, сейчас не могут смириться даже и с той частью фактов, которые в СССР опубликованы. Они верят или хотя бы хотят верить, что Сталин субъективно действовал правильно и что он только ошибался, а другие злоупотребили его доверием. Исторически точный образ Сталина безусловно будет иным. Разбор психологический, а возможно, и психиатрический кроме того еще показал бы, что Сталин не был личностью настолько уравновешенной, чтобы в полную меру чувствовать трагические последствия своего поведения. Мера вины и субъективной ответственности Сталина и ответственности объективной явно несоизмеримы.»

7. Энциклопедия об Октябрьской революции

Осенью 1968 года с опозданием на год вышел в свет в серии «Маленькие энциклопедии» специальный том «Великая Октябрьская социалистическая революция». Редакция: Г. Н. Голиков, М. И. Кузнецов и Л. С. Шаумян. В новой энциклопедии имеется много интересных статей, здесь упоминаются многие как видные, так и сравнительно малоизвестные участники событий. Однако научная ценность издания крайне снижается нелепым для энциклопедического словаря принципом отбора статей и понятий. В томе есть статьи, посвященные видным эсерам, меньшевикам, кадетам, членам царской семьи. Мы можем узнать некоторые сведения о Брешко-Брешковской, В. К. Винниченко, генерале Краснове и т. д. Однако в новой книге отсутствуют статьи о таких видных участниках событий 1917 года как Троцкий, Зиновьев, Бухарин, Каменев, Рыков, Пятаков. Нам известно, что в первоначальном варианте энциклопедии предполагалось все же поместить небольшие статьи об этих деятелях, отметив не только их участие в революционном движении, но и их последующие ошибки. Но затем от этого замысла отказались, что, вероятно, и вызвало задержку с изданием тома.

Нет отдельной статьи о работе Петроградского ВРК, к которому на один день после свержения Временного прави-

тельства перешла власть в Петрограде (до создания первого Совета Народных Комиссаров). Нет в томе статьи и о таком герое Октября, как Ф. Раскольников, хотя формально постановление о его реабилитации и не отменено. В статьях об участниках Октябрьской революции, которые стали жертвой культа Сталина, нет ни слова о конечной судьбе этих людей. Упоминается только дата смерти и последнее место работы. А в ряде случаев нет и этого. Например, в статье о Суханове не приводится даже дата его смерти. В новой энциклопедии есть статья о Ное Жордания, но нет ни слова о Рязанове. В статье «Разлив» говорится о том, что Ленин скрывался недалеко от этой станции в шалаше летом 1917 года, но ничего не говорится о том, что с Лениным был в этом же шалаше и Зиновьев. И этот список недопустимых для энциклопедического издания погрешностей можно было бы продолжить. Есть, впрочем, в новом издании краткая статья о Сталине — «государственном и партийном деятеле», который «активно боролся за построение социализма, сыграл большую роль в разгроме антипартийных течений.» «Вместе с тем с именем Сталина, — как осторожно формулируется в этой статье, — связаны извращения в жизни советского общества, которые партия квалифицировала как чуждый марксизму-ленинизму культ личности.»

8. О статье И. Свитака «Сциентизм и марксизм»

В нашей печати в последние месяцы содержалось очень много ругани в адрес весьма популярного в определенных кругах в Чехословакии философа *Ивана Свитака.*

В наших газетах этот философ неизменно называется видным идеологом чехословацкой контрреволюции, пособником империалистов, противником марксизма и т. д. После августовских событий Иван Свитак оказался за границей, сейчас он находится в США, выступает с лекциями о событиях в Чехословакии. Неудивительно, что некоторые из советских журналистов пишут о Свитаке едва ли не как об агенте ЦРУ. При этом советский читатель ничего не знает о существе высказываний и взглядов Ивана Свитака, как кроме случайных цитат, за точность перевода которых

к тому же никто не может поручиться, у нас ничего не опубликовано.

Разумеется, такой способ проведения идеологической борьбы не сможет принести успеха нашей идеологии. Чтобы понять влияние И. Свитака на определенные круги чехословацкой интеллигенции, влияние, с которым нельзя не считаться, мы должны более подробно познакомиться с мировоззрением и взглядами этого философа и заменить грубую брань научным марксистским анализом.

Недавно мы познакомились с переводом большой статьи И. Свитака «Сциентизм и марксизм», которая была опубликована в журнале «Словенске погляды» (№ 6 за 1968 г.). Ниже мы приводим некоторые выписки из этой статьи.

В своей статье И. Свитак заявляет, что он является марксистом, что он придерживается марксизма как доктрины человеческой свободы и как доктрины действенного гуманизма. «Марксизм для меня не является философией и идеологией, это — понимание человеческой жизни, это попытка соединения теории и практики в единство познания и действия.» Именно марксизм является наилучшим методом анализа общества «по сравнению с которым Бердяев только ловкий спекулятивный комментатор второго или десятого порядка.» Однако, по мнению Свитака, настоящий марксизм не применяется как раз к изучению сегодняшнего социалистического, точнее советского общества, которое только и можно понять посредством марксистской критики и метода. То, что сейчас выдается за марксистскую философию, является смесью директивных указаний, лозунгов и спекуляций. «Но директивные указания не могут создавать основ никакой науки, они могут только служить политической борьбе.» «Бюрокраченная и огосударствленная философия не является философией, потому что мышление, которое является квинтэссенцией философии, невозможно ни бюрократизировать, ни сделать «государственным», можно его только подавить или запрещать. Правда — дочь чистого разума и чистой совести. Правда — это результат познания, а не веры. Она непродажна и это одна единственная настоящая сила свободного человека.» «Что сейчас у нас называется марксизмом, с Марксом имеет очень мало общего. Это теология с государ-

ственным интересом, как суррогатом монотеистического бога, который преследует все, кроме кумиров.» Отсюда Свитак делает вывод, что быть настоящим марксистом, стремиться к свободе и правде — все это в нынешних условиях несовместимо с членством в коммунистической партии. «Защищать марксизм или лучше, гуманизм Маркса, — пишет Свитак, — несовместимо с членством в коммунистической партии. Основой этого членства давно уже не является гуманистическая ориентация и человеческая солидарность с подавляемыми, а государственно-бюрократические аспекты, которые основаны на жертве разума, на кастрации собственного интеллекта, заменяемого верой в партию. Я не способен на такую жертву, хотя и пытался это сделать, хотя я и считал, что недостаток неограниченной веры является моим недостатком. Я никогда не мог признать, что партия безошибочна и тогда, когда она ошибается — столь смертельную долю диалектики я никогда не был способен переварить. ... Перенесение отчужденных человеческих ценностей на учреждение (организацию) является новым вариантом того проекционного механизма, который описал Фейербах, как процесс перенесения человеческих качеств и способностей на бога. Институты (организация партии) — это рационализированный бог.» «Современная история является какой-то пародией на гуманизм Маркса. Революция была хороша для того, чтобы пролетариат можно было бы угнетать во имя же пролетариата и при помощи его собственной идеологии. Во имя своей исторической миссии рабочий стал подвержен давлению гораздо больше, чем при капитализме, лишен права на забастовку и отдан бюрократии, решающей вопросы о его собственных потребностях. Мы можем утверждать, что это не является результатом социализма, а результатом государственного капитализма с идеологической маской социализма, но факты от этого не исчезают. Пролетариат остался пролетариатом и на службе технократии и в формах государственного капитализма. Рабочий стал членом и частью промышленного общества на Западе и Востоке, и его свобода была принесена в жертву материальных хозяйств. Не особо важно, что на Востоке государство, как универсальный работодатель, означает конец рабочего рынка и конец забастовке. Важно то, что не произошли изменения в труде, с которыми Маркс соединял изменение форм человеческого существова-

ния. Вместо освобожденного труда и там и здесь пришла какая-то новая диалектика безличного труда...» (Во всех этих рассуждениях часть истины Свитак выдает за всю истину — в этом его ошибка. Но часть истины здесь все-таки есть, и в этом главная причина привлекательности для многих высказываний Свитака.)

«...Соль господствующей философии, — пишет далее Свитак, — играет в Восточной Европе коммунизм советской чеканки, основанный на некоторых принципах Маркса, значительно измененный Лениным и историческими условиями полуазиатской страны. До тех пор пока здесь господствовал тотальный контроль за мышлением и средствами информации, другие идеологии были бездейственны в массах или же в высшей степени парализованы. Тот факт, что некоторые интеллектуалы могут вырваться из-под универсального контроля мышления, в социологическом и государственно-политическом смысле почти не имеет значения. В этих условиях интеллектуалы всегда потерпят крах, если они захотят осуществлять самостоятельную политику, потому что им не на кого будет опереться, потому что они не могут апеллировать к народу, потому что легко можно будет использовать их зависимость против них самих. У них нет самостоятельного шанса, но они могут действовать как фермент, если они понимают отношения и силы, в которых живут. При таких обстоятельствах нормально действующий разум говорит нам, что не только в своих собственных интересах, но и в интересах данного общества, в интересах научно познанной действительности ангажированность в смысле очеловечивания данных условий имеет какой-то смысл. Политически это означает поддерживать стремления к либерализации данной системы, стремление к усилению гуманистического ядра марксизма. Если кому-нибудь такая ориентация не нравится, он должен себе уяснить, что принципиальный отход (речь идет, видимо, об отходе от марксизма) в таком случае вышибает его вообще из политики и ему остается потом только как-то принципиально вегетировать, что может быть в равной степени оказаться как обоснованным, так признано бесполезным.» Свитак убежден, что с католицизмом восточноевропейский интеллектуал не пойдет дальше, чем с марксизмом. В полемике с христианами Свитак ставит вопрос:

«Имеет ли сейчас в восточно-европейских странах смысл бороться за «аутентичный» марксизм, за гуманистически ориентированный марксизм против коммунистической партии, которую критически ориентированные марксисты-ревизионисты расценивают в ее обычном подобии как представительницу неаутентичного марксизма? Или, наоборот, именно исторически обусловленная практика коммунистической партии является этим аутентичным марксизмом и ревизионисты от него неправомерно уклоняются? Кто является аутентичным судьей над аутентичностью того или иного направления и кому принадлежит монополия в интерпретации? Правы ли учреждения против индивидуума, или может иметь правду индивидуум против учреждения?» Лет десять назад такие вопросы, по мнению Свитака, казались невозможными, а сейчас они стали проблемой для всего коммунистического движения. На одном полюсе этого движения китайское понимание марксизма, на другом — югославское. В СССР охотно использовали бы обе несовместимые позиции, насколько они служат его национальным интересам. Но это невозможно. «Для СССР запружена обратная дорога к сталинизму, и речь идет только о том, как много пройдет времени, прежде чем они это поймут и будут сознательно европеизироваться». «Сталинизм без Сталина — наша реальность. Осознать ее и встать против нее это не дон-кихотство, как говорят мне некоторые мои циничные друзья. Я буду лучше Дон-Кихотом гуманистического социализма и опущусь на дно, чем стану государственным, полицией охраняемым и партийно-привилегированным членом правящей верхушки. ... Распространять скептицизм по отношению к идеологиям в своем кругу я считаю своей приемлемой перспективой, не взирая на трудности, которые такая позиция принесет».

Еще ранее в своей статье И. Свитак пишет, что в современном мире имеется три наиболее массовых идеологии: — это христианство, либерализм и марксизм. Каждая из этих идеологий опирается на определенные государственные формации и бюрократические механизмы. «Идеология не является целиком гомогенной и расщепляется на свое левое и правое крыло согласно степени радикализма и интенсивности веры в свою самоспасительность. У христианства есть свое православие, католицизм и протестантизм. У социа-

лизма свой немарксистский, советский и китайский вариант. Либерализм проявляет себя как различного толка национализм, как гуманистическая идеология или как пропаганда американского образа жизни. Когда мы вступаем в круг идеологических рассуждений, мы должны это сознавать и не думать, что я, как боевой марксист или христианин прав против всех остальных, которые неправы. Недостаток этого сознания является прочной опорой для идеологических ссор. Ибо лишь только стороны начинают сознавать ограниченность своей правды, они перестают ссориться. ... Идеология это неорганическое соединение норм и фактов, питаемое, как правило, благородным убеждением о помощи людям, народу, расе, человечеству — что, однако, вообще не означает, что идеология фактически осуществляет то, что идеологи провозглашают. Реальность объективного мира и научных выводов вмонтирована в рамку нормативных указаний и представлений об обществе и человеке. Ядром и концентрированным выражением любой идеологии является философия, которая осуществляет теоретическую оборону принимаемых априорных норм. Философия осуществляет роль общественно обусловленного фильтра, который на некоторые ценности накладывает «табу», а другие поддерживает. Философия таким образом является ядром системы мышления и поведения, которая представляет человеку ограниченную рамками жизненную ориентацию, а также объект почитания. Философия является нервом массовой идеологии (религии или политического движения), а массовая идеология является только практической, вульгарной философией. ... Идеология стоит над философией потому, что она является не только системой мышления, но и поведения, потому что она апеллирует к человеку не только как к разумному и чувствующему существу, но и как к существу, производящему практическое действие. Во всех идеологиях это и составляет тот захватывающий элемент, который им обеспечивает превосходство над сухой наукой и привлекает людей тем более, чем больше они чувствуют свое отчуждение или потребность преданности и уважения. Философия только рассуждает о смысле жизни, а идеология (религия, политическое движение) его создают. Идеологии, таким образом, способны предлагать человеку какое-то «спасение», преодоление отчуждения, зла, греха и они делают то в принципе двояким образом. Один путь —

это апелляция к государственным авторитарным построениям, другой путь — это апелляция к росту человека. Пока философия существует в контексте с идеологией, она неуклонно засоряется ненаучным содержанием, потому что даже при стремлении к максимальной объективности, она зависит от норм и точек зрения, которые именно благодаря идеологии она принимает как бесспорные истины.»

Но что понимает И. Свитак под сциентизмом? «Современный материализм (сциентизм), — пишет он, — понимается мною как описание конкретных форм человеческого существования, понимания нашего бытия и повседневного опыта. Это отнюдь не безнравственное отрицание духовных ценностей, а распространение научной методологии за границы науки, ее применение к пониманию собственной жизни, требованиям правды о мире и свободы для человека. Современный материализм не знает опасности кумиров, веры, следовательно, это сциентизм, который плохо сочетается с философиями, религией и идеологиями. Он уничтожает их проблематику и требует правды и свободы вместо идеологических форм иллюзий и рабства. Современный сциентист не должен разрешить поймать себя на антиномии идеологий. Наука предоставляет ему объективную правду о мире и его субъективные впечатления не расцениваются им как свидетельства о мире. Мечты, чувства, любовь, вера и надежда остаются только его субъективными впечатлениями, никак не больше. Объективную информацию о мире может дать нам только наука ... Спор между мифом и правдой остается главным спором нашего столетия, но не как спор науки и религии, а как спор науки с суррогатами массовых идеологий. ... Сциентизм — лучшее из возможных мировоззрений. Он дает человеку только свободу личности и правду о мире. Кроме свободы и правды ничего. А что человеку надо больше, кроме того, как быть свободным и понимать мир? Этого достаточно, чтобы найти смысл жизни.»

ЗАМЕТКИ И СТАТЬИ ПО ПРОБЛЕМАМ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

1. О расходах на народное образование

Существует весьма прочное мнение о том, что Советский Союз расходует на народное образование гораздо больше средств, чем США. При этом речь идет как об общих расходах, так и о расходах в расчете на одного ученика. Для доказательства приводятся обычно расходы на систему образования, предусмотренные бюджетами СССР и федеральным бюджетом США. При этом нередко забывают, что в Соединенных Штатах лишь меньшая часть средств на народное образование выделяется федеральным бюджетом. Большую часть необходимых средств школы, колледжи и университеты США получают от штатов и округов, а также от различных фондов и постоянных частных пожертвований. Конечно, и в Советском Союзе средние школы и вузы получают часть средств от местных предприятий и учреждений (на ремонт школ, на организацию учебно-производственных мастерских, учебных цехов и т. п.). Однако общее количество таких неучитываемых нашей статистикой ассигнований не слишком велико. В целом же расходы на народное образование в США гораздо больше, чем в СССР (при меньшем количестве населения).

По данным ЦСУ, расходы на просвещение в СССР увеличились (в новом масштабе цен) с 6,7 млрд рублей в 1955 году до 17,5 млрд рублей в 1965 году. За тот же период в США расходы на все типы учебных заведений возросли с 20,5 млрд долларов до 44,8 млрд долларов (для простоты можно считать, что один рубль равен сейчас одному доллару, хотя в действительности покупательная способность доллара все еще выше. По нашему официальному курсу один доллар равен 90 копейкам). Расходы на начальные и средние школы в США возросли за 10 лет с 15,5 до 29,6 млрд долларов. Предполагается, что к 1975/1976 г. расходы на все типы учебных заведений возрастут в США до 65,9 млрд долларов, в том числе на начальные и средние школы до 40,6 млрд долларов, а на колледжи и университеты — до 25,3 млрд долларов.

Расходы на одного учащегося начальной и средней шко-

лы в США в 1955/1956 г. составляли 349 долларов, в 1965/1966 г. — 532 доллара и в 1975/1976 г. они составят предположительно 695 долларов. Это значительно больше аналогичных сумм в СССР. Расходы на одного студента колледжа и университета в США в 1955/1956 г. составляли 1815 долларов, в 1965/1966 г. 2442 доллара, а в 1975/1976 г. намечаются в сумме 2976 долларов. Эти данные соответствуют или во всяком случае близки к аналогичным расходам в СССР. (данные по СССР взяты нами из ежегодников ЦСУ за 1956 и 1965 гг., а по США по «Скул энд Сосайети» от 4/III 1967 г.).

Хорошо известно, что Советский Союз все еще очень отстает от США по зарплате учителей. Американцы не считали раньше зарплату своих учителей высокой, она была не выше зарплаты простого рабочего. Однако в последние годы в результате многочисленных забастовок удалось несколько поднять зарплату учителей. В отчете Департамента труда США говорится, что в 1966 году зарплата учителей в городах с населением, превышающим 100 тыс. колебалась в пределах от 2950 долларов до 12 698 долларов в год; средняя зарплата составляла 6 862 доллара в год («Фи Дельта Каппа», 1967, № 6). В Советском Союзе средняя зарплата учителей не превышает, по-видимому, 1500 рублей в год.

Не лишне отметить, что и по общему числу учащихся мы пока еще не идем впереди США. При меньшем населении в США во всех типах государственных и частных элементарных и средних школах имелось в 1964 году 48,1 млн учеников. В СССР в этом же году в общеобразовательных школах всех видов было 46,66 млн учеников). (Ежегодник ЦСУ за 1965 г., стр. 677, «Скул энд сосайети», 1966, стр. 254).

Правящие круги США уже давно оценили экономическое значение образования. Поэтому в последние годы в США были приняты важные меры по развитию всех систем народного образования, включая также и помощь малоимущим слоям населения. Можно без преувеличения сказать, что Соединенные Штаты гораздо лучше, чем СССР использовали последние 10 лет (особенно после запуска первого советского искусственного спутника) для развития народного образования.

Даже в нашей специальной печати прошел незамеченным такой факт, как принятие в апреле 1965 года в США специального закона о дальнейшем развитии начального и среднего образования. На реализацию этого закона по федеральному бюджету было ассигновано 1,3 млрд долларов. Этот закон предусматривает помощь местным отделам народного образования для осуществления специальных программ развития образования в тех районах, где высок процент концентрации семей с низкими доходами (в число таких программ входит: создание классов для детей с физическими и умственными недостатками, обучение английскому языку детей, для которых он не является родным, оснащение школ в бедных районах новейшими учебными пособиями и техническими средствами обучения, обеспечение нуждающихся детей одеждой, обувью и учебниками, улучшение профессиональной подготовки выпускников средней школы, различного рода оздоровительные и культурные мероприятия). Предусматривается также помощь школьным библиотекам и организация специальных центров по снабжению школ учебными материалами. Во всех школах США предусматривается также улучшение профориентационной и внеклассной работы.

Закон о начальном и среднем образовании предусматрино 100 млн. долларов. Нужно отметить, что в США на проведение научно-педагогических исследований расходуетвает увеличение ассигнований на научно-педагогические исследования и строительство новых исследовательских центров. (Для решения этих задач выделяется дополнителься сейчас гораздо больше средств, чем в СССР. Во всех 11 педагогических институтах Академии Педагогических Наук СССР имелось в 1968 году меньше тысячи научных сотрудников. Если учесть не только АПН СССР, но и все научно-педагогические институты в союзных республиках и преподавательский состав в педагогических вузах, то, по данным ЦСУ, в СССР имеется более 20 тысяч научных работников по педагогически наукам. Однако среди них всего около 150 докторов наук и около 3000 кандидатов наук. Это гораздо меньше чем по филологии, истории и философии, не говоря уже о естественных науках).

В ноябре 1965 года в США был принят и новый закон о высшем образовании. В этом законе предусматривается по-

мощь университетам в целях повышения уровня образования, помощь библиотекам высших учебных заведений, помощь вновь создаваемым высшим учебным заведениям, а также расширение помощи нуждающимся студентам. Особая статья закона предусматривает увеличение численности и повышение качества подготовки учителей. Будет создан Национальный корпус учителей, члены которого будут направляться в наиболее бедные школьные округа для укрепления там педагогических кадров. На эти цели предусматривается выделение в 1966-1967 гг. более 100 млн. долларов.
(см. Информационный бюллетень, № 2 за 1966 г. Института теории и истории педагогики АПН РСФСР. Сектор современной педагогики и школы за рубежом. Американский журнал «Американ Эдюкейшен», № 4 и № 10 за 1965 г.).

Не лишне отметить, что в настоящее время США значительно обгоняют СССР по использованию в массовой школе разнообразных технических средств обучения. Речь идет об использовании различного рода обучающих машин, телевизоров, магнитофонов, видеомагнитофонов, кинопроекторов, языковых лабораторий и т. д. Ставится вопрос и о широком использовании в школах электронно-вычислительных машин (ЭВМ). Даже в Японии еще в 1964 году 70 % школ имели телевизионные установки, используемые в учебных целях. У нас, видимо, лишь менее 1 % школ могут похвалиться столь разнообразным техническим оснащением учебного процесса.

2. *О приеме в высшие учебные заведения в 1968 году*

Ежегодно в правила приема в высшие учебные заведения вносятся различные поправки. Так было и в 1968 году.

Весной 1968 года было объявлено, что льготами при приеме в вузы будут пользоваться не только юноши и девушки с двухлетним трудовым стажем, но и те, кто имеет один год трудового стажа. Вероятно, это правильное решение. До сих пор многие из молодых людей, не прошедшие по конкурсу, но рассчитывающие попытать счастья в следующий прием, не поступали на работу, а в течение

года сидели дома и готовились к экзаменам. Тем более, если речь шла о молодежи из обеспеченных семей. Теперь и эта часть молодежи будет в своем большинстве устраиваться на работу.

Другая директива приемным комиссиям вузов состояла в том, чтобы резко расширить прием в вузы детей рабочих и крестьян и сократить прием детей интеллигенции (в устном порядке было также предложено сократить во многие вузы процент приема молодых людей еврейской национальности). Подобная директива, вполне уместная в период 20-х годов, является весьма уязвимой для критики в настоящее время. Статистика показывает, что число детей рабочих и крестьян в вузах в последние десятилетия резко уменьшилось. В московских вузах имеется, должно быть, не более 10 % детей рабочих и не более 1-3 % детей крестьян. Ненормальность подобного положения очевидна. Однако исправление этого положения может проводиться только постепенно, причем главным средством здесь должна быть продуманная система помощи детям рабочих и крестьян еще в школьные годы (система стипендий для нуждающихся, широкие системы выявления и отбора талантов, развитие системы профессиональной ориентации, заочные математические и иные школы и т. д.). Необходимо оказать серьезную помощь сельским школам и школам небольших поселков и городов. Как известно, бюджеты этих школ гораздо беднее, чем школ Москвы или Ленинграда. Проводя такую политику, можно было бы ежегодно увеличивать на несколько процентов прием в вузы детей рабочих и крестьян.

К сожалению, никто не позаботился о разработке какой-то долговременной политики, рассчитанной на увеличение приема в вузы детей рабочих и крестьян. Вместо этого была дана директива принимать впредь в вузы не менее 40 % (некоторые говорят даже с 60 %) детей рабочих и крестьян.

Но ведь комплектование вузов проводится сейчас на основе конкурсных экзаменов. При этом на письменных экзаменах в большинстве вузов во избежание злоупотреблений сочинения и контрольные работы сдаются под девизами. Таким образом, экзаменатор, ставящий оценку, не должен знать даже фамилии абитуриента, а не только его

социального происхождения. Как же при этом выполнить полученную директиву? Большинство приемных комиссий поступило очень просто: для сдачи экзаменов были отдельно созданы группы из детей интеллигенции и отдельно из детей рабочих и крестьян. При этом в первых группах предъявлялись более строгие требования. Конечно, абитуриенты легко разгадали эту механику. Возникло недовольство как среди молодежи, так и среди родителей. В газеты и в директивные органы стали приходить тысячи писем. «Почему, — спрашивали авторы этих писем, — вчерашний рабочий, ставший инженером, врачем, учителем, получает меньше возможностей при определении своих детей в вузы?» Наша интеллигенция давно уже не является *буржуазной* интеллигенцией, почему же она ущемляется в своих правах? Недовольство высказывали и работники многих вузов, так как строгое соблюдение полученной директивы привело к ухудшению качественного состава студентов и их успеваемости. Недовольство новыми правилами приема в вузы приняло настолько большие размеры, что в «Правде» и «Известиях» появились на этот счет критические статьи. (см. статью А. Аграновского «Перез стартом», «Известия» от 13 ноября).

3. О приближении «революции» в методиках преподавания

Чем большими становятся расходы общества на образование молодежи, тем большее количество молодежи получает среднее и высшее образование, чем более многочисленной становится армия школьных учителей и преподавателей вузов, тем большей становится потребность в решительном улучшении методики преподавания всех предметов. «Методическая революция» является необходимой также и в связи с быстрым развитием всех отраслей знаний. Считается, что объем научной информации возрастает вдвое через каждые десять лет. И хотя не все новое может быть включено в программы школ и вузов, все же объем информации, которую за годы учения должен получить ученик непрерывно возрастает. Все это требует решительного улучшения методики преподавания с тем, чтобы наша молодежь могла бы с меньшими затратами сил и энергии усваивать гораздо больший объем знаний. Должна быть

решительно улучшена и вся методика воспитания молодежи, особенно воспитания способностей. Революция в методике будет включать в себя несколько компонентов. Речь идет, во-первых, о быстром развитии всех технических средств обучения, а также разработке множества новых средств и приборов, обучающих машин. Речь идет, во-вторых, о разработке новых методических приемов. Наконец, необходимо значительно улучшить качественный состав учителей и преподавателей в школах и вузах (а это требует в свою очередь значительного повышения заработной платы учителей).

Во всем этом Советский Союз в последние десять лет не слишком сильно продвинулся вперед. 10-11 лет назад мы с удовлетворением печатали высказывания американских педагогов и государственных деятелей об отставании американской школы. Всю нашу печать обошло высказывание американского педагога Каунтса Джорджа о том, что «широкие возможности советской программы просвещения составляют одну из главных реальностей современного мира, возможно такую же важную как мощь советских вооруженных сил». Все почти наши газеты и журналы напечатали тогда заявление председателя Совещательного комитета по вопросам науки при президенте Эйзенхауэре: «Насколько я могу видеть, русские получают образование XX века, тогда как в Соединенных Штатах и Англии юношество получает образование на уровне середины XIX столетия.» Конечно же, во всех этих заявлениях уже и тогда была лишь доля истины. Американские педагоги преувеличивали достижения советской школы и преуменьшали успехи своей системы образования, рассчитывая получить побольше ассигнований. Однако сейчас подобных же заявлений почти не слышно, наоборот, на Западе все больше стали писать об отставании советской школы. И в этом, к сожалению, есть доля истины.

4. Выписки из книги В. И. Марцинкевича «Образование США: экономическое значение и эффективность». («Наука», 1967)

«...В прошлом веке подготовка рабочей силы шла в самом процессе производства. Образование же по содер-

жанию носило в основном общекультурный характер, а по охвату на уровне выше начального было привилегией господствующих классов, имущих слоев населения, производственное значение его было невелико. С тех пор сложилась довольно устойчивая традиция недооценки экономических аспектов развития образования. ... Между тем развитие народного хозяйства неуклонно идет в таком направлении, когда решение все большего числа актуальных экономических проблем оказывается прямо зависимым от надлежащего уровня, характера, пропорций роста сферы общего и профессионального образования. ... Налицо, таким образом, теснейшее соединение проблем развития производства и образования. По существу они представляют собой две стороны единого процесса воспроизводства квалифицированных рабочих кадров» (стр. 3-4).

Один из видных советников президента Д. Кеннеди У. Геллер писал еще в 1961 году: «вопрос стоит не в том, что мы можем позволить себе затратить, а в том, что мы можем позволить не тратить на создание мощной системы образования» (стр. 7).

«В системе образования США ярко проявляются пороки, порожденные загниванием американского империализма. Социальное и классовое неравенство, резкие различия в качестве, условиях, доступности обучения, расовая сегрегация, подавление прогрессивных идей, диктат представителей крупного капитала и его агентуры являются характерными чертами американской системы образования. В то же время сравнительный анализ современного экономического развития социалистических и капиталистических стран еще раз подтверждает марксистское положение о том, что наряду с коренными социально-экономическими различиями можно выделить также общие закономерности развития производительных сил и, в частности, развития научной и технической революции. Именно поэтому для планирования в СССР представляет определенный интерес изучение характера и тенденций развития взаимосвязей сфер экономики и образования в наиболее развитых капиталистических странах и в первую очередь в США» (стр. 8).

«Если еще в 1951 году в США действовало не более 100 электронно-вычислительных машин, то к концу 1965 г. их

число выросло до 25-27 тыс. (в том числе не менее 20 тыс. крупных универсальных ЭВМ). Ожидалось, что в 1966 году установка новых ЭВМ значительно возрастет — с 24 в 1965 г. до 36 на каждый рабочий день» (стр. 11).

«От операторов автоматических станков, линий, транспортных систем требуется высокая ответственность, внимание, готовность вмешаться в работу машин при неполадке, высокий уровень общего образования. Особенно высоки требования к работникам ремонтно-наладочной группы. Они должны не только обладать знаниями и навыками в объеме средней школы и производственной практики, но и иметь специальное образование. Механизация и автоматизация производства ведет также к глубоким изменениям в структуре рабочей силы, увеличивая в ней долю инженеров, техников, конструкторов, организаторов производства» (стр. 13).

«Численность инженеров (в США) за 1900-1960 гг. увеличилась в 22,6 раза, научных работников — почти в 23 раза. ... За десятилетие 1950-1960 гг. только прирост занятости в образовании оказался значительно большим, чем общая численность работников, занятых добычей угля, нефти и газа в 1964 г.» (видимо, к занятым в образовании статистика США относит и учащихся, а не только преподавателей) (стр. 45).

«Министерство труда США периодически публикует список 60 рабочих профессий, в которых в данный момент ощущается наибольшая потребность в стране. Каждая из всех когда-либо упоминавшихся в этом списке профессий требовала, как минимум, среднего образования. Министр труда В. Виртц, выступая в сенате, при обсуждении вопроса о коренном изменении характера трудовых ресурсов страны, отмечал, что «по существу, все виды занятий, по которым происходил рост численности работников в последние годы, требуют длительного периода общего образования и специальной подготовки» (стр. 57).

«Необходимость постоянного приспособления работника к изменяющейся технологии, основанной на применении новейших научно-технических достижений, придает новое содержание самому понятию профессионального образования. Раньше оно, в основном, сводилось к приобретению

узко специальных, более или менее сложных навыков и знаний, необходимых для выполнения определенных функций в производстве. Участие школы в подготовке учеников к производству оценивалось по наличию такого рода обучения. Теперь в практике США все более широкое распространение получает признание того, что само «общее образование», как таковое, в большей мере является профессиональной подготовкой, поскольку не только грамотность и усвоение основ наук, но и выработка самостоятельности мышления, навыков логического и количественного анализа, эмоциональной зрелости необходимы для производства в большей степени, чем быстро устаревающие специальные навыки. Представитель международной ассоциации машиностроителей А. Хейес отмечает, что в условиях технического прогресса «именно знание основ наук дает работнику гибкость, приспособляемость, умение получить новую специальность, если того требуют изменение условий работы». «К этому же выводу пришла на основе анализа характера специальной подготовки в школах исследователь образования США П. Секстон: «Принимая во внимание ускорение научно-технического прогресса и соответственные изменения в производственных функциях, кажется сомнительным, что школы могут успешно подготовить учеников к выполнению каких-либо производственных функций. И, конечно, наниматели предпочтут более образованных, а не частично обученных той или иной производственной работе, к тому же устаревшей» (58-59).

«Конечно, — отмечает В. И. Марцинкевич, — требования к уровню образования вновь принимаемых молодых рабочих не означают того, что они всегда соответствуют фактическим требованиям, необходимым для выполнения многих малоквалифицированных работ. Решающую роль здесь играет стремление предпринимателей сократить издержки, связанные с дальнейшей подготовкой и переподготовкой рабочей силы, переложив их на плечи государства (59).

Как известно, в прошлом американская высшая техническая школа готовила в основном узких специалистов. Теперь начинает преобладать иной взгляд на характер инженерной подготовки. По свидетельству В.И. Марцинкевича, в одном из заявлений Комитета советников президента по науке, опубликованном еще в 1959 году, отмечалось, что

«экономика, правовые вопросы, принципы хозяйственного управления являются неотъемлемой частью рабочего багажа инженера. Знание психологии является необходимой предпосылкой установления его общественных связей. Понимание философии, знание истории, литературы, искусства увеличивают производственную ценность инженера» (60).

«В США нет единых учебных планов и программ для всех школ. Обычно в каждом штате разрабатываются общие рекомендации, на основе которых в учебных округах и школах происходит подробная разработка содержания и методов учебного процесса. В число предметов, изучаемых в элементарной школе США, как правило, входят чтение, письмо, арифметика, обществоведение, естествознание, музыка и изобразительное искусство, физкультура» (стр. 71). «Характерной чертой американского среднего образования являются резкие различия в содержании и качестве обучения как между разными школами, так и внутри одной школы, обусловленные выборностью предметов и различными возможностями школ в представлении полноценного по разнообразию и качеству набора обязательных и выборных курсов. К числу обязательных предметов обычно относятся английский язык и литература, общественные и естественные науки, математика и физкультура, а к выборным помимо таких дисциплин, как иностранные языки, деловая и профессиональная подготовка, физика, химия, музыка, рисование, — большое число разнообразных «предметов», освещающих «жизненные проблемы» (стр. 73).

«Система выбора предметов служит основой для различных форм разделения учащихся на группы, получающие совершенно различное образование. Обычно выделяются академические группы, готовящие к поступлению в ВУЗ, профессиональные (имеющие целью подготовку конторских и торговых работников, полуквалифицированных рабочих) и группы общей подготовки (не дающие ни достаточно серьезной общей, ни профессиональной подготовки). Распределение учащихся проводится на основе результатов тестов и успеваемости (Разделение на группы А, В, С проводится в США еще в элементарной школе, что чаще всего обусловливает и выбор средней школы.) Активную роль в оценке учащихся и в выборе их профиля играют школьные консультанты, задача которых заключается в том, чтобы опре-

делить «профессиональную ориентацию» ученика и помочь ему выбрать наиболее подходящую карьеру. На каждого из консультантов приходится несколько сот учащихся, и он может судить о них главным образом на основании тестов, анкет, записей учителей и т. п. Практически роль консультанта часто сводится к тому, чтобы направить ученика по пути, определенному его социальным происхождением» (стр. 73).

«...Практицизм, присущий обучению в американской школе (преподавание практических курсов естествознания, деловой арифметики и письма, бытовой электротехники, автодела, ручного труда в различного рода мастерских), помимо отмечавшихся недостатков, имеет и положительную сторону. Содержание и методы обучения нацелены на развитие самостоятельности, на приспособление учащихся к окружающей действительности. В сочетании с длительным сроком пребывания в школе это позволяет достаточно хорошо готовить молодежь к занятиям полуквалифицированных рабочих (станочников, водителей механического транспорта, сборников-операционников, доставщиков товаров, складских рабочих и других). В средних школах США уделяется большое внимание домоводству, конторским, сельскохозяйственным, торговым специальностям, подготовке к работе в сфере обслуживания. В 1964 г. таким обучением было охвачено 4566 тыс. человек. Сюда вошли не только учащиеся средней школы (46 %), ни имолодежь и взрослые, обучающиеся главным образом также при средних школах без отрыва от производства. Кроме того, примерно 2 млн человек получали подготовку по различным конторским специальностям. Результатом этого явилось то, что в 1963 году 38 % занятых в хозяйстве США. имевших специальную подготовку (без окончивших ВУЗы), получали ее в средней школе. К ним относятся, в частности, 62 % секретарей, 89 % стенографов, 72 % машинисток» (стр. 80-81).

«Характерным для США является быстрый рост такого типа учебных заведений, как двухгодичные младшие колледжи, дающие общеобразовательную подготовку различных профилей и право поступления на 3-й курс ВУЗа (примерно для 3/4 студентов), а в остальных случаях — профессиональную подготовку. В 1962 году число студентов младших колледжей достигло 592 тыс., а в 1965 г. превысило

миллион человек. Выпускники младших колледжей вместе с лицами, отсеявшимися из вузов, обеспечивают большую насыщенность рабочей силы США лицами с незаконченным высшим образованием (81 человек на 1000 лиц в возрасте старше 14 лет в 1960 г.) Развитие сети младших колледжей рассматривается в качестве средства облегчить нагрузку переполненных четырехгодичных вузов, приблизить продолженное образование к месту жительства учащихся и сократить расходы студентов на обучение (стр. 90-91).

«В США, как и в большинстве других капиталистических стран, не существует единой системы профессионального образования. Профессиональное обучение проводится в средних школах, в специальных профессионально-технических школах, содержащихся местными и штатными органами при поддержке федерального правительства. Имеются также частные школы, курсы, младшие колледжи с платным обучением. Наконец, профессионально-техническое обучение проводится на производстве.

...В профессиональных учебных заведениях, находящихся в распоряжении штатных и местных органов, обучается незначительная часть необходимых для народного хозяйства рабочих. Численность обучающихся составляет 1,5 % по отношению к числу работников соответствующих категорий в производстве и обслуживании, 1,1 % к числу занятых в торговле и 12 % — в сельском хозяйстве. ...Общее число учащихся средней школы, обучающихся различным рабочим специальностям, не превышало в 1960 году 273 тыс. человек, что составляет не более 3 % общего числа учащихся (стр. 95-96). (Видимо, речь идет в данном случае именно о профессиях промышленного производства). «Качество профессиональной подготовки в школах низкое, большинство профессиональных программ в средних школах готовит учащихся только до низшего уровня квалификации, необходимого для вступления в ряды работников той или иной специальности. ...Наиболее отстающим звеном специальной подготовки является подготовка квалифицированных рабочих. Организованная подготовка на производстве и пополнение квалифицированных рабочих за счет иммиграции восполняет только 1/2 их ежегодной убыли. Обследование, проведенное Бюро статистики труда в 1963

году показало, что 65% квалифицированных рабочих получили специальность путем неформального обучения на производстве. Система ученичества, состоящая из 2-4 лет комбинированной производственной и теоретической подготовки, совершенно недостаточна по масштабам. В 1962 году было зарегистрировано 158,6 тыс. учеников, главным образом в строительстве, а выпуск учеников составил 26 тысяч» (стр. 96-97).

«Учитывая состояние профессионально-технической подготовки в средних школах и потребности производства в технических кадрах, руководящие деятели образования США рекомендуют проводить разделение функций между школой и производством в проведении базовой и специализированной подготовки.» Как указывал в одной из работ, выполненных до заказу Управления образования, Л. Эмерсон, «Школы могут давать общую теоретическую подготовку в таких областях, как атомная энергетика, вычислительные машины. Однако до тех пор пока они не будут оснащены сложным и дорогостоящим оборудованием и укомплектованы квалифицированными преподавателями, основную тяжесть специальной подготовки будет нести производство» (стр. 99).

«Общая сумма затрат на обучение в США по всем его видам может быть оценена в 1960 году в сумме, несколько превышающей 28 млрд долларов, в 1962 году — примерно 34 млрд долл. и в 1965 г. — до 45 млрд. долл., соответственно 7,5; 7,74 и 8,1% объема национального дохода» (стр. 120). (Мы видим, что США расходует на все виды образования примерно в два раза больше средств чем СССР).

Далее В. Марцинкевич доказывает, что труд в сфере образования и науки нужно рассматривать сегодня как производительный труд.

«В 1950 году на одного занятого в обрабатывающей промышленности приходилось 4,97 тыс. долл. основных производственных фондов (по остаточной стоимости), а средняя «вооруженность» работников образованием составляла 2,95 тыс. долл. В 1960 г. эти показатели равнялись соответственно 5,36 и 4,56 тыс. долл. Приведенные данные говорят о том, что развитие производства предъявляет все более

ощетимые с точки зрения необходимых затрат требования не только к техническому оснащению работников, но и к «вооружению» их необходимой квалификацией. Квалификация работников представляет собой огромную ценность не только вследствие затрачиваемых на нее ресурсов общества, но и вследствие ее активной роли в процессе производства».

5. Об *отсеве и трудоустройстве молодежи*

В статье «Больные вопросы американской школы» («Народное образование», № 4 за 1968 год) Л. Борисоглебский пишет о том, что отсев из средней школы превратился в США в национальную проблему. По данным американской печати, в 1964 году среднюю школу бросило до окончания курса около 1 млн учеников. В 1965 году это сделало уже около 1,3 млн учеников, а в 1966 году — около 1,5 млн. «Этот все возрастающий отсев, — пишет Борисоглебский, — результат сложного процесса. Повинны в нем не только экономические затруднения, но и кризис школьного образования. Низкий уровень преподавания, воспитание у учащихся эгоизма — вот некоторые из аспектов, объясняющих рост отсева. Причиной ухода из школы являются и психические травмы. Необеспеченных учеников преследуют с жестокостью учителя и товарищи». Вероятно, все это верно. Однако эти же больные вопросы существуют и у нас. До сих пор отсев из восьмилетней школы держится на уровне 700-800 тысяч в год. Что касается старших классов, то около миллиона учеников после 8-го класса уже не продолжает свое общее образование и еще не менее 500 тысяч уходит из девятого класса.

То же самое относится и к вопросам трудоустройства. По американским данным безработица среди молодежи в возрасте 16-19 лет составляет в США от 700 до 900 тысяч человек в год. Это около 15-17 % всех лиц данного возраста. Число нетрудоустроенной молодежи в этом же возрасте в СССР вряд ли меньше миллиона или даже полутора миллионов.

В настоящее время процент молодежи, получающей полное среднее образование, в СССР меньше чем в США или Японии. Мы отстаем при сравнении с США даже по абсо-

лютным цифрам — старших школьников там больше, чем у нас. Поэтому когда министр просвещения РСФСР А. Данилов заявляет в своей речи на всероссийском совещании работников просвещения РСФСР (ж. «Народное образование» № 8, 1968), что развитие среднего образования в СССР — это доказательство превосходства в области просвещения социалистической системы над капиталистической, что «любое эксплуататорское общество может обеспечить полное среднее образование лишь меньшей части подрастающего поколения, лишь тем, кто принадлежит к верхам эксплуататорского общества», то это либо результат неосведомленности, либо пустая политическая трескотня без попытки разобраться по настоящему в действительных результатах соревнования двух систем на фронте народного образования.

ЗАМЕТКИ НА ФИЛОСОФСКИЕ ТЕМЫ. СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК И ВОПРОСЫ РЕЛИГИИ И ВЕРЫ

1. Американский психолог Э. Фромм о религии (Из книги Г. Уэллса «От Фрейда к Фромму. Крах психоанализа», М. «Прогресс», 1968)

«...Фромм утверждает, что современный западный человек находится в состоянии глубокого кризиса. Этот кризис является результатом совпадения двух постепенно созревающих ситуаций, одна из которых «экзистенциональная», а другая «историческая». Экзистенциональная ситуация коренится в первичных условиях существования человека на земле, в том, что Фромм называет «человеческой дихотомией», расколом между телом и душой. Тело человека едино с природой, тогда как психика его вступает в противоречие с ней. Исходная гармония природы, наблюдаемая в животном царстве, была утрачена вследствие успехов в развитии психики, разума, воображения и самосознания. Последнее сделало человека аномалией, причудой Вселенной, чуждаком на собственной планете. В то время, как тело объединяет человека с животными, его ум возвышается над природой. Он принадлежит природе и в то же время отделен от нее. Человек осознает себя, а осознавая, отчетливо понимает свои силы и видит свой собственный конец в смерти. Фромм говорит: «Он никогда не

освобождается от дихотомии своего существования: он не может избавиться от своего ума, даже если бы он захотел этого; он не может избавиться от своего тела до тех пор, пока он жив.» В каждый момент своего существования он вынужден жить расколотый надвое — наполовину ум, наполовину тело, наполовину животное, наполовину человек. Дихотомия тела и ума или разума представляет собой неизменное условие человеческой жизни и потому неразрешима. «Разум, благословение человека, — пишет Фромм, — это в то же время и его проклятие; он заставляет его снова и снова пытаться разрешить задачу неразрешимой дихотомии.» Таким образом, человек всегда представляет загадку для самого себя, которую он должен разрешить для того, чтобы дальше жить, но которую он в то же время разрешить не может, потому, что согласно Фромму, не существует решения проблемы раскола между телом и духом, между единством с природой и выходом за ее пределы. Человек не может жить, не разрешив проблему взаимоотношения души и тела, которая остается неразрешимой. Из этих тяжелых условий существования у человека рождается его самая настоятельная потребность — потребность в «вере» и «религии». Человек может жить, несмотря на неразрешимость дихотомии, только благодаря своей религиозной вере. Следовательно потребность в религии «коренится в условиях существования человека». Под религией Фромм понимает «любую систему мыслей и действий, которая предоставляет индивиду систему ориентиров и объект, которому он может поклоняться.» Понимаемая таким образом, религия воплощает попытку человека преодолеть внутренний раскол своего существования, создавая образ некой гармонии души и тела, природы и духа. Вера состоит в убеждении, что мечта о гармонии будет каким-то образом осуществлена в этом мире или в ином. Божество — это воплощение мечты и веры, и таким образом системы ориентиров превращается в объект поклонения...

Однако для Фромма религия независима от понятия божества. В ходе истории великие религии антропоморфизировали самые существенные черты религии. Бог в образе человека по традиции рассматривался как воплощение системы ориентиров и как объект поклонения. Но, по мнению Фромма, для религии это не имеет существенного значения.

Религия содержит только два компонента: во-первых, систему идей в форме необъемлющей картины мира как высшего или конечного единства человека и природы, духа и тела; во-вторых, поклонение этой картине мира, достаточно сильное для того, чтобы вдохновить на деятельность, направленную на осуществление ее во всех сферах жизни. Чем более передовой является личность, тем менее требуется ей понятие божества как дополнение к религии. Сам Фромм не ощущает никакой потребности в таком понятии, но он не спорит с теми, у кого такая потребность имеется.

Поскольку потребность в религии возникает на основе дихотомии тела и духа и поскольку эта дихотомия представляет собой неотъемлемое условие жизни человека, общее для всех людей, отсюда следует. что «нет ни одного человека, у которого не было бы потребности в религии, потребности в системе ориентиров и в объекте для поклонения». Но если это так, то человек должен был иметь такую потребность всегда...

Однако, по мнению Фромма, вплоть до XX столетия человек прежде всего и по преимуществу был занят проблемой хлеба, проблемой производства достаточного количества пищи, одежды, жилища. В течение этой эпохи, длившейся тысячелетия, религиозные заботы человека, осознание им дихотомии собственного существования не только играли второстепенную роль, но проституировались ради политических требований сменявших друг друга правящих классов собственников. Священники и теологи, эксплуатировали «естественную» потребность человека в религии. Они использовали религию как «опиум для народа», обещая «журавля в небе», для того чтобы недовольство растворялось в слепой вере, а собственность на землю могла оставаться в руках немногих. Однако теперь, говорит Фромм, в западном мире проблема производства решена, и только распределение хлеба должно улучшаться и совершенствоваться. Именно этот-то факт и лежит в основе кризиса, переживаемого человеком XX века. Тысячелетия человек думал, что если он сможет решить свои экономические проблемы, то жизнь на земле станет благом. Но теперь эти проблемы в общем и целом решены, но жизнь стала хуже, еще более невыносимой, чем когда-либо раньше. Действительно, человек совершенно дезориентирован, у него нет твердого пред-

ставления о ценностях, ему не за что бороться, он одинок, находится в постоянной тревоге, отчужден от природы, других людей и самого себя. Объяснением этого отчаянного положения, говорит Фромм, является то, что человек наконец должен прямо и непосредственно встать перед лицом величайшей из всех истин — экзистенциональной дихотомии человеческого существования. Эта истина, утверждает он, воплощена в пророческом изречении «не хлебом единым жив человек». До тех пор пока хлеб был первой и всепоглощающей заботой, человек мог поклоняться ложным богам, следовать ложной религии, обещающей ему возвышенный рай в форме материального изобилия. Теперь же человек Запада сбросил одежды ложной религии и ложных ценностей и обнаженный предстал наконец перед величайшей духовной истиной — потребностью в истинной религии, в такой системе мышления, которая воплотила бы его мечту о единстве человека и природы, себя самого с другими людьми и которая в качестве объекта поклонения вдохновила бы его на борьбу за всеобщую гармонию. . . .Если раньше человек думал, что все виды его отчуждения от природы, от других людей и от самого себя — будут разрешены вместе с решением проблемы производства, то теперь он приходит к страшному для него сознанию того, что отчуждение носит не исторический, а естественный характер, что оно заложено в самих условиях человеческого существования. . . . Конец оказался вовсе не концом, а только новым, и на этот раз настоящим началом истинно человеческих поисков людьми самих себя, самосознания. Однако и традиционная и современная организованная религия слишком тесно связаны с этой великой иллюзией экономического изобилия как панацеи от всех бед, и поэтому она по большей части вовсе не представляет собой истинной религии. Согласно Фромму, человек должен сначала честно взглянуть в лицо проблеме дихотомии существования и вытекающего отсюда отчуждения на всех его уровнях, а затем ему нужно создать религию — систему ориентиров и объект для поклонения, — которая давала бы ему чувство верного направления, картину будущего, а это в свою очередь восстановило бы его надежду, стремление и чувство ценностей и привело бы в конце концов к преодолению всеобщего отчуждения и к установлению всеобщей гармонии. . . . Кризис человека XX века состоит в

том, что он нуждается в религии больше, чем когда-либо раньше, а в то же время старые религии не удовлетворяют и не могут его удовлетворить. Эти старые религии Фромм обозначает как идолопоклонство и авторитарные религии. Что касается идолопоклонства, то это вовсе не настоящая, а ложная религия, приводящая к дальнейшему разочарованию и отчуждению. Значит ли это, что должно произойти возвращение к таким ранним формам традиционной религии, как иудаизм и христианство? Фромм дает на этот вопрос отрицательный ответ. При своем возникновении эти религии ознаменовали величайший шаг вперед по сравнению с древним идолопоклонством, но в настоящее время стало очевидным, что они представляют собой формы авторитарной этики. Бог считается королем, или отцом, слово которого — закон. ... Подобные организованные религии слишком уж часто отражают в идеологическом плане ценности собственников и правителей, и практически они всегда применялись раньше и используются ныне для поддержания и сохранения статус-кво меньшинства привилегированных классов, господствующих над огромным большинством населения. Таким образом, традиционная религия оказалась содействующей идолопоклонству, а в наши дни она в основном свелась к субботнему или воскресному шабашу словопрений, имея в лучшем случае лишь очень слабое отношение к идолопоклонству по будням. ... Требуется поэтому новая религия, которая отвергла бы идолопоклонство во всех его формах, взяла бы от старой религии все, что в ней есть лучшего, и выработала бы систему ценностей и норм, отвечающих современному положению, когда человек живет не хлебом единым. ... Согласно Фромму, религия — наиболее существенная и глубоко укоренившаяся в человеке потребность. И такой религией должен снабдить человека психоанализ, он должен разработать «научную» религию, одинаково приемлемую и для верующих и для атеистов. Наиболее подходящей для этой цели Фромм считает даосизм, буддизм и особенно дзен-буддизм. Восточные религии обладают, как считает Фромм, рациональностью и реализмом, далеко превосходящими западные религии. Дзен-буддизм предлагает раскрыть присущие человеку потенциальные способности, его душу, не оскорбляя его разум верой в бога-отца. В то же время дзен-буддизм находится в полном согласии с целями гуманистического

психоанализа, хотя и не пользуется его методами. Фромм говорит, что саторн — или мгновенное прозрение, — это то же самое, что психоаналитическое прозрение. Оно означает освобождение в каждом человеке имманентно присущее ему космическое бессознательное, в результате чего он может испытывать тождество, полное единение себя с миром, и таким образом преодолевает отчуждение во всех его формах. Осознание того, что раскол между субъектом и объектом представляет собой только иллюзию, составляет самое существо дзена, также как и психоаналистического прозрения» (стр. 224-240).

2. Альберт Эйнштейн и религия

Биографы отмечают, что Альберт Эйнштейн никогда не боялся смерти. Еще в 1916 году во время серьезной болезни он ответил Гедвиге Борн на ее вопрос — боится ли он смерти: «Нет. я так слился со всем живым, что мне безразлично, где в этом бесконечном потоке начинается или кончается чье-либо конкретное существование». Значительно позднее в разговоре с Инфельдом Эйнштейн сказал: «Жизнь — это возбуждающее, великолепное зрелище. Она мне нравится. Но если бы я узнал, что через три часа должен умереть, это не произвело бы на меня большого впечатления. Я подумал бы о том, как лучше использовать оставшиеся три часа. Потом бы я сложил свои бумаги и спокойно лег, чтобы умереть». (Б. Г. Кузнецов «Эйнштейн» М. 1962. стр. 382-383).

Такое отношение к смерти было связано у Эйнштейна и с его отношением к религии. Однажды один из нью-йоркских раввинов, Герберт Гольдштейн, запросил Эйнштейна по телеграфу: «Верите ли вы в бога?» Эйнштейн ответил также по телеграфу: «Я верю в бога Спинозы, открывшегося в гармонии всего бытия, а не в бога, интересующегося судьбой и действиями людей».

В книге «Мое мировоззрение» Эйнштейн специально говорит об эволюции религии. Она возникла, по его мнению как «религия страха» у первобытных народов. Наполняясь социальным содержанием в условиях цивилизации, «религия страха» превращается в «моральную религию». Обоим

этим эпохам свойственно антропоморфное понимание бога. Оно полностью устраняется на ступени «космической религии», одним из главных представителей которой и был Спиноза. Основное содержание религии заключается в ощущении возвышенности «чудесного порядка», открывающегося мыслящему человеку как в мире природы, так и в сфере мысли. Такой человек осознает вместе с тем ничтожность индивидуального существования людей перед лицом бесконечной и гармоничной природы. Космическая религиозность не знает никаких догматов и не признает никаких догматов и не признает никакой церкви. Проявления этой религиозности Эйнштейн усматривал в глубоком убеждении в рациональности мира и в желании познать его, в преданности науке, порождающей огромные усилия мысли и приводящей иногда к эпохиальным открытиям. «Современник не без основания мог бы сказать, — писал Эйнштейн, — что наш материалистический век только серьезные научные исследователи — глубоко религиозные люди» («Вопросы философии», 1962, № 6, стр. 78).

3. Философское кредо американского ученого Курта Дж. Дюкасса

«Человек состоит из души и тела, причинно взаимодействующих, до известной степени друг с другом, но вместе с тем функционирующих, тоже до известной степени, независимо друг от друга. Факты, доступные постороннему зрению, материальны, факты духовной жизни по самой сути своей недоступны зрению других: их можно «опубликовать», но сами по себе они не могут быть «публичными» (ж. «Америка» № 68, стр. 31).

4. Из статьи Фредерика Жолио-Кюри «Размышления о гуманизме науки» (журнал «Ле Неф», январь 1957 г.)

«Понимание того, что проходя по этой земле, каждый из нас обязательно оставит свой след и окажет большее или меньшее влияние на грядущие поколения, привело меня еще в юности к более ясному взгляду на свое положение перед лицом смерти. Ни один человек инстинктивно не

может принять мысли о небытии, которое последует после смерти. Идея небытия настолько невыносима, что люди хотели спастись от нее, прибегнув к помощи веры в загробную жизнь, в другом мире, управляемом одним или многими богами.

Рационалист по природе, я еще в ранней молодости отказался от этой хрупкой веры, не имеющей основания.

Я был свидетелем ужасного разочарования тех, кто неожиданно терял веру. Но, черт возьми! — говорил я, — к чему воображать, что есть загробная жизнь в другом мире? Мое отношение к смерти очень рано свелось к чисто человеческой, земной проблеме. Разве бессмертие не заключено в той живой и ощутимой цепи, связующей нас с делами, которые творились, и существами, которые жили на этой земле?

Если вы разрешите, я расскажу вам об одном моем переживании. Будучи подростком, я сидел однажды вечером за своими уроками. Во время работы моя рука прикасалась к бронзовому подсвечнику — очень старой семейной реликвии. Неожиданно я бросил писать, почувствовав вдруг сильное волнение. Перед моими закрытыми глазами стали возникать сцены, несомненным свидетелем которых был этот старинный подсвечник: с ним спускались в погреб, чтобы достать вино для веселой годовщины, он печально бодрствовал у гроба... Мне казалось, что я чувствую прикосновение рук, которые в течение веков брались за этот подсвечник, передо мной вырисовывались человеческие лица. Я почувствовал большой прилив сил, вызывая в своем воображении этих ушедших людей, тесную связь с которыми я только что ощутил. Чистое воображение, конечно. но подсвечник заставил меня вспомнить об исчезнувших незнакомцах, которых я видел ожившими, и страх перед небытием был окончательно изгнан из моего сознания.

Всякое существо. проходяшее по нашей земле, оставляет на ней неизгладимый след, на перилах, стертых прикосновением руки, или на камне лестничной ступени. Я люблю дерево, отполированное прикосновением рук, люблю ступени, стертые человеческими шагами, я люблю мой старый бронзовый подсвечник. Они несут в себе вечность.

В заключение я хотел бы сказать, что верю в науку и в

человека. Несмотря на серьезные ошибки, которые он совершает еще слишком часто, я убежден, как и Пьер Кюри, что всякое новое завоевание науки принесет в конечном итоге больше добра, чем зла».

5. Разговор с философом М.

Нам уже приходилось писать о том повышенном внимании, которое проявляет в последние годы значительная часть советской интеллигенции к вопросам религии. Обычным стало собирание икон, посещение церкви. Всеобщее осуждение вызывают факты разрушения церквей. Человек, глубоко верующий, встречает скорее не осуждение, а уважение. Такая тяга к религии, к вере имеет много причин. Здесь и разочарование во многих истинах марксизма и утрата некоторых прежних духовных ценностей, и поиски новой моральной опоры. Поскольку церковь долгое время находилась в положении преследуемой организации, то это неизбежно стало вызывать к ней сочувствие в обществе. Хотя социализм, казалось бы, уже построен, и официальная пропаганда твердит нам о скором наступлении коммунизма, жизнь простых людей продолжает оставаться во многих отношениях весьма тяжелой и напряженной. Люди лишены многих радостей, о которых они мечтали в молодые годы, и у них невольно возникает вопрос: «неужели то, что прожито, — это все, что довелось нам испытать в мире?» Но есть, видимо, и более глубокие причины этого интереса к вопросам религии и веры, коренящиеся в природе человека, в развитии науки и в том кризисе, который, как это совершенно очевидно, переживает сейчас наша официальная философия — диалектический материализм.

«Я долгое время не только изучал, но и преподавал диалектический и исторический материализм, — сказал мне недавно философ М. — Я и теперь убежден в истинности большинства его положений. Однако я ясно вижу недостаточность этой философской доктрины для объяснения всех явлений действительности. Я начинаю понимать, что во всех основных философских системах есть зерно истины. В чем-то прав, например, агностицизм. Если мир познаваем

лишь в процессе бесконечного развития человеческого разума, то стало быть, в каждый данный момент наши познания о мире — это лишь островок в бесконечном океане неизведанного. Не исключено, что есть явления и принципиально непознаваемые человеком. В свое время Ленин писал, что наука еще не раскрыла сущность психики, субъективного, природу познания и самосознания. «На деле остается еще исследовать и исследовать, — писал Ленин, — каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения. Материализм ясно ставит нерешенный вопрос и тем самым толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям». Как известно, о способности или всеобщем свойстве отражения у материи Ленин говорил лишь предположительно. Однако все эти явления таковы, что здесь очень мало могут помочь экспериментальные исследования. Мы видим, что явления субъективные, психические, наши субъективные ощущения, переживания, сознание и т. д., — все это не просто отражение, а как бы отражение отражения, отражение второго порядка, т. е. наше субъективное переживание тех физиологических, биологических и иных процессов, которые происходят в нашем мозгу. Каким образом материальные процессы, протекающие в нервной системе человека, преобразуются в его субъективные, идеальные переживания и какова природа последних явно нематериальных процессов — этого никто пока еще не знает и, может быть, никогда не узнает. Ибо здесь необходима способность к какому-то новому типу отражения. Вполне возможно, что самые лучшие кибернетические машины сумеют когда-нибудь решать все задачи, которые решает сегодня человеческий мозг, включая и творческие задачи. Однако они никогда не приобретут способности к субъективным переживаниям, т. е. способности к отражению второго порядка, к отражению своих внутренних состояний в виде ощущения и сознания, в виде чувств и образов.

В чем-то прав, по-видимому, и идеализм. Нет никаких сомнений в том, что мир материален, что существует объективная реальность, независимая от нас, находящаяся вне нас и лишь отражаемая нами в ощущениях и в сознании.

Однако именно этот процесс отражения и сознания свидетельствует о том, что кроме материального мира имеется также и сфера нематериального, сфера психического, сфера ощущений и сознания. Чтобы как-то воспринимать и отражать свои внутренние состояния человеческий организм должен обладать чем-то, что, будучи связано с организмом, одновременно не сводится к нему. И это «что-то» мы можем назвать душой человека. И никакой материализм, в том числе и диалектический, не доказал, что представления людей о душе не имеют под собой никаких оснований. Можно, конечно, утверждать, что сфера субъективного — это лишь свойство материи, полностью исчезающее с исчезновением данного организма. Однако все это будет не более чем гипотеза.

Поскольку природа субъективного еще не познана, то это оставляет возможности для различных вероучений. Современная наука разрушила основу прежних примитивных вероучений — отсюда возникает кризис большинства традиционных религий. Однако она не устранила возможности создания некоторых новых более совершенных систем идей и представлений, основанных не только на знаниях, но и на вере.

Что касается меня, — продолжал М., — то я уже давно считаю, предполагаю или, если угодно, верю в безграничную сложность мира, которая лишь в ничтожной степени разгадана всей человеческой наукой и философией. Для меня поэтому чужда та самоуверенность, с которой многие нынешние философы судят о вопросах, в решении которых человечество делает лишь первые шаги. Разумеется, я материалист. Однако я считаю, что независимо и вне нас существующая действительность состоит по крайней мере из трех взаимно связанных и вместе с тем особых субстанций. Первая субстанция — это субстанция *вещества*, это то, что физик Гейзенберг называет «праматерией», Из этой праматерии состоят все действительно элементарные материальные частицы. Мне удобно представлять эти частицы в виде крайне незначительных плотных шариков, обладающих массой покоя и характеризуемых тремя измерениями. Однако я понимаю, что действительная природа «праматерии» может быть бесконечно более сложной. Вторая материальная субстанция лежит в основе различных видов

энергии, движения, силовых полей. Когда-то давно я назвал эту субстанцию «олейрином». Она неразрывно связана с веществом и может находиться в различных состояниях. Этой субстанции изначально присуща способность к движению. Если частица «праматерии» движется с определенной скоростью, то, по моим представлениям, это происходит потому, что эта частица как бы вобрала в себя определенную порцию олейрина. Увеличение олейрина в веществе сопровождается ускорением движения и наоборот. Когда-то в прошлом я попытался объяснить при помощи различных видов взаимодействия этих двух субстанций явления движения, тяготения, электричества и т. д. Все это были явно ненаучные попытки. Однако представление о наличии двух взаимно связанных материальных субстанций: пассивной и активной и до сих пор кажется мне достойным внимания. При этом для характеристики активной субстанции необходимо четвертое измерение — *время.*

Затем из размышлений о природе психических процессов, ощущения и сознания я сделал вывод о существовании еще одной третьей субстанции, которая неразрывно связана с первыми двумя материальными субстанциями, которая развивается вместе с ними, но не сводится к ним. Как олейрин создает возможность движения и развития вещества, так и третья субстанция позволяет трехмерному веществу и четырехмерному олейрину ощутить самое себя, а при возникновении более развитых форм существования материи и осознать самое себя. Речь идет, если хотите, о какой-то духовной субстанции, для характеристики которой недостаточно уже четырех измерений, но необходимо и пятое измерение, принципиально отличное от первых четырех измерений. Я считаю, что первая субстанция «праматерия» не только дискретна, т. е. состоит из элементарных частиц, но также и едина, различные формы «праматерии» постоянно взаимодействуют друг с другом и переходят одна в другую. То же самое происходит и со второй субстанцией. Но также едина и вместе с тем дискретна, преходяща и неуничтожима духовная субстанция. Все три субстанции неразрывно связаны друг с другом, но они и не сводятся одна к другой. С этой точки зрения, смерть человеческого организма есть лишь эпизод в развитии единой материи. И душа человека не исчезает полностью, но как-бы сливается в

неизвестном нам пятом измерении с общей духовной субстанцией, она возвращается к своей первооснове. И как из единой материи возникают затем новые существа, так и из единой духовной первоосновы возникают новые «души». Возможно, что многим людям эти мои представления покажутся нелепыми и смешными, но для меня они предмет веры, и они помогают мне переносить все жизненные невзгоды и не бояться смерти».

6. Коммунизм и религия. Конспект статьи Роже Гароди «Как воздвигнуть град человеческий». жур. «Контемпоранео» (март 1965)

Еще в 1936 году Морис Торез проявил важную инициативу, выдвинув политику «руки, протянутой католикам». Последующие теоретические поиски позволили углубить смысл двух тезисов Маркса: его утверждения, что «религия — это опиум для народа» и тезиса, согласно которому только коммунизм может «осуществить мирским способом человеческую основу христианства».

Размышления об изменениях, которые наша эпоха внесла в христианское сознание, также как и размышление о роли, которая принадлежит религии, особенно исламу, в национально-освободительных движениях, заставляет коммунистов ставить в духе нашего времени проблему природы и значения религии.

... Формула «религия это опиум для народа» встречается в одной статье 1843 года: «К критике гегелевской философии права». В дальнейшем ее ни разу не повторяли ни Маркс, ни Энгельс. Тогда, в 1843 г., Марксу было 25 лет. Он еще даже не написал свои знаменитые «Экономическо-философские рукописи», датированные 1844 годом. В 1843 году Маркс еще не был марксистом. Это время, о котором Энгельс скажет: «Все мы были фейербахианцами» ... Слабость же фейербаховской теории религии заключалась в том, что она была антиисторической и недиалектичной. Впрочем, уже в статье 1843 года, хотя Маркс и оставался еще на почве спекуляции, появляется новый элемент по сравнению с Фейербахом: «Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества

и протест против этого действительного убожества» (т. 1, стр. 115). Таким образом здесь заключено первое приближение к диалектическому характеру религии.

...В дальнейшем М. и Э. уже не говорили о *религии в общем*, и их исторический анализ показал, что религиозные верования, именно потому, что они выражают различные исторические условия (как отражение, так и протест), могут играть различную роль в различные эпохи, — и, значит, было бы ненаучным просцировать на все исторические эпохи одну и ту же метафизическую концепцию того, что Фейербах называл «сущностью религии» (см. например, статью Энгельса «К истории первоначального христианства»).

Когда Энгельс в 1850 году занялся изучением Крестьянской войны в Германии в эпоху Реформации, он показал, что в новых исторических условиях религиозная идеология принимает на себя новую роль: она служит идеологическим оправданием реальной революционной борьбы. Тезис, согласно которому религия всегда и везде отвлекает человека от действия, от борьбы и труда, находится в явном противоречии с исторической реальностью. Это не марксистский тезис.

В формуле «религия есть опиум для народа» воплощен опыт исторически определенного периода и географически определенных мест. ...эти слова заключали в себе правду о европейской политике, в которой господствовал дух «Священного Союза». Эта формула оставалась и сейчас еще остается верной повсюду, где религия помогает объединению всех реакционных сил и служит им идеологическим оружием. Но не всегда было так...

...Религия — это не только способ *представлять себе* мир, но также и способ *присутствовать в мире* и выбрать определенную линию поведения. Поэтому мы не можем отрицать или отвергать глубокие потребности верующих, даже если эти потребности выражаются в мистической форме и отклоняются от реальности в поисках иллюзорного удовлетворения. Напротив, марксисты-ленинцы должны принять на себя бремя этих потребностей и открыть средства для их реального удовлетворения, чтобы

массы верующих могли увидеть в коммунизме — как говорил Маркс «осуществление мирским способом человеческой основы» христианства (т. 1, стр. 394).

Марксизм включает в себя все, что принесли человеку культуры и цивилизации прошлого. *Нельзя недооценивать наследие христианства.* (По мнению Гароди) ... Марксизм включил в себя три существенных аспекта христианства:

1. Сознание незавершенности человека, измерение бесконечного. ... Достоинства религий состоит в том, что в них схвачено двойное противоречивое требование: необходимость и невозможность абсолютного значения. Но религия стремится ответить на вопросы о начале и конце мифами о происхождении мира и эсхатологическими мифами. Марксистская критика отвергает иллюзорные ответы, но не реальные вопросы, которые их вызвали.

2. То, что сказано о познании, справедливо и для деятельности: человек добивается все большей власти над природой, над обществом, над своим будущим. Но если его власть не перестает расти, он все время борется и никогда не торжествует (полную) победу. Подобно «абсолютному знанию» «полное блаженство», которого жаждет человек, недостижимо. Также и здесь религия предусматривает метафизический ответ на историческую потребность. «Религия, — пишет Маркс, — и есть признание человека окольным путем, признание через посредника.»

3. Обещание объединения человечества, которое составит одно целое и даст смысл существованию и деятельности человека, — это, быть может, самая ценная часть христианского наследия.

... Появление христианства представляло, по выражению Энгельса, «совершенно новую фазу развития религии, фазу, которой предстояло стать одним из революционнейших элементов в духовной истории человечества.» (т. 22, стр. 478).

... Концепция христианской любви, по которой я узнаю себя и осуществляю себя только через другого и в другом, это самое высокое представление, которое может составить человек о себе и о смысле собственной жизни. Вот почему, впрочем, марксизм был бы обеднен, если бы Блаженный

Августин, Святой Иоанн Креста или Терезия из Авилы остались бы ему чуждыми.

...Но когда требуют этой любви, словно она уже стала реальностью, и осуждают справедливое насилие в борьбе против мира, составляющего противоположность любви, — тогда великая мечта об объединении человечества служит алиби для сохранения институтов, представляющих наихудшие препятствия на пути к этому единству и этой любви.

«Итак, марксизм включает в себя, переводя в мирской план, чудесную реальность сообщества святых, но видит в ней то, чего надо добиться, а не то, что уже есть, и переводит из эсхатологического плана в боевую перспективу желанного царства, которое христианство называет Царство Божие. В таких границах мы ставим проблему диалога с христианами. И мы думаем, что по этому пути все больше христиан будет идти к нам».

«В той мере, в какой в христианских массах будет усиливаться стремление отказаться от всякого вмешательства в область науки; видеть в техническом прогрессе не сатанинское искушение, а законное утверждение власти и величия человека; не считать больше частную собственность на средства производства гарантией свободы личности; не предавать больше анафеме социализм и коммунизм, но признать в них высшую по сравнению с капитализмом организацию человеческих отношений; не рассматривать больше как подозрительное вожделение любовь к жизни, к знанию, к счастью; в той мере, в какой это стремление христианских масс станет настолько сильным, чтобы разорвать узы, наложенные экономическими и политическими силами, связывающими круговой порукой судьбу Церкви с судьбой своих привилегий, широчайшая перспектива совместной борьбы и труда открывается перед нами».

7. Кризис современного христианства. (Выписки из статьи «Церковь без бога», журнал «Штерн», ФРГ, 1967)

«Когда-то людям зримо представлялся образ доброго боженьки, парившего над Землей и отечески опекавшего ее. Теперь для него не остается места, его изгоняют отовсюду.

Вера стала в наши дни трудной, как никогда, — для половины христиан ФРГ не существует больше ни бога на небе, ни воскресения из мертвых. Это побудило «Штерн» исследовать вопрос, почему же эти люди не выходят из церкви. Результаты опросов и статистических данных весьма интересны.

Прихожане потеряли представление о том, кому именно они должны молиться и где обитает бог, которому они эти молитвы возносят. Но выйти из церкви — об этом немецкие христиане и не помышляют. Опрос показал, что такая идея даже не приходила в голову 90 процентам протестантов и 93 процентам католиков.

Данные исследования (проведенного институтом опросов «Инфратест») можно считать довольно надежными. Опросом было охвачено более 1 800 граждан ФРГ старше 14 лет; опрашиваемые отбирались в соответствии с математической системой, именуемой «вероятностным статистическим разрезом», а в обработке принимали участие социологи, богословы, статистики. Главным консультантом по вопросам историко-религиозным был католик Ганс Фишер-Барниколь, а главным консультантом по социологическим вопросам — атеист Фридрих Вельц.

Явление, которое обнаружено при помощи опроса «Инфратеста», совершенно беспрецедентно за всю двухтысячелетнюю историю христианства: верующие середины XX века остаются верны своей церкви, хотя в бога на небе больше не верят!

Ганс Фишер-Барниколь говорит в этой связи: «Люди продолжают по традиции демонстрировать свою приверженность той или иной церкви, время от времени ходят в церковь, считают себя добрыми прихожанами, но верят все меньше, или вовсе утратили веру. Атеисты утверждают, что люди ходят в церковь только для того, чтобы на всякий случай застраховаться для загробной жизни. На самом же деле в церковь ходят, несмотря на то, что не верят больше ни в какую загробную жизнь. Действительность выглядит гораздо более абсурдно, чем все, что могли только вообразить атеисты».

... Теолог Фишер-Барниколь ставит следующий диагноз:

«Здесь обнаруживается разрыв поистине трагический. В ФРГ люди хотят быть гораздо набожней, чем они есть на самом деле. Религиозная потребность в душе есть. Но люди не знают больше, перед кем же они должны падать на колени. Ответа на этот вопрос они получить не могут».

Для высших цивилизаций превнего мира загадки мироздания служили доказательством бытия целых полчищ божеств. Так, над жизнью древних вавилонян властвовали ни много ни мало 700 богов.

Христианству удалось в конце концов сделать своего бога универсальным, возведя в догмат необычайное космическое происшествие: сошествие бога на Землю и вознесение воскресшего Иисуса обратно на небо.

Христианского бога снабдили самыми непостижимыми свойствами: он всемогущ, всеведущ, неизменен и вечен. Он создал мир, двигал и правил им и наполнил его своей любовью. В каждого человека он вдыхал душу, своеобразный вексель на вечную (потустороннюю) жизнь и на будущее воскрешение во плоти, пример которого бог Иисус явил собственной персоной. Что и говорить, бога такого калибра человечество раньше не видывало, вход в царствие небесное казался надежно обеспеченным.

Но именно эти всеобъемлющие и противоречивые свойства и сделали в конце концов (правда, спустя две тысячи лет) этого бога неправдоподобным для многих. Насколько радикальный характер носит этот отход от веры, показывает выборочный опрос. 57 процентов лютеран и 31 процент католиков ответили, что никакого «неба» для них просто больше не существует. В этом они совершенно уверены. Им ничего не стоило бы ответить уклончиво: «Право, не знаю» Но они четко и твердо ответили «нет».

И даже для тех христиан, которые продолжают верить в живого бога, представить его воочию стало трудно. Вот как формулирует это католический философ Майкл Новак из Стэнфордского университета (США): «Когда я порой возношу молитву, я обращаю ее не к богу, которого я могу лицезреть. услышать или ощутить. Моя молитва направлена к некоему богу в ледяной и непроницаемой полярной ночи, какую знали до сих пор лишь неверующие».

А настоятель Национального собора в Вашингтоне признается: «Что такое бог, я и сам теперь толком не знаю».

8. О личном бессмертии. Выписки из «Открытого письма» Льва Озерова Илье Сельвинскому.

(«Литературная газета», 12 августа 1966 г.)

«...Читая и перечитывая Ваши сочинения, я обратил внимание (вернее, сами сочинения обратили мое внимание) на настойчиво возвращающиеся мысли и образы. Тема вечная, беспредельно огромная и гибельно заманчивая: смерть и бессмертие... Как говорил Анненский:

Хочу ль понять, тоскою пожираем,
Тот мир, тот миг с его миражным раем...

Не стану здесь даже в конспективном плане касаться «истории вопроса»; как трактовалась эта тема у поэтов разных времен и народов. Это особая, притом гражданская философская, историческая, историко-литературная область. У нее большое будущее. Я пишу Вам открытое письмо, и оно является только лишь откликом, читательским откликом на собранные мною воедино Ваши строки о смерти и бессмертии, откликом на Вашу поэтическую гипотезу, проповедоваемую рьяно и убежденно, со свойственной Вам страстью, яростностью, последовательностью.

Религия обещала мгновенное бессмертие. Но оно было настолько быстрым, душа так стремительно переселялась «на тот свет», что материалист не желал без предварительной подготовки отрываться от земли, от почвы и решительно «выступал против». Его не устраивал другой мир. Он отрицал другой мир и утверждал бессмертие дела человека. Ты много сделал — останешься. Делай побольше, постарайся успеть оставить по себе добрую память. Это, конечно же, стимулирует человека, пробуждает его энергию. Но сам ты не останешься, сгоришь, тебя не будет... Это не утешает. Человеку грустно, более того, он мрачнеет... Ему нужна надежда. Это Вы поняли. И я этого не оспариваю.

Всматриваюсь в 8-ю главу Вашей «Арктики». Комиссар думает о «личном бессмертии». Энгельс назвал идею «личного бессмертия» глупой. Но современное человечество убеждается, что грезы и мечты древних все чаще подтверждаются позднейшими открытиями и «глупость первобытного мечтанья» преображается «в мудрость». Отчего же не допустить, думает Ваш Корней Корнеич, что «тот рецепт сложенья электронов который породил мое дыханье, через десятки миллионов лет ошибкою не повторится снова?» Ведь что такое «я»? «Чудо, единожды открытое природой и навсегда утраченное», или «закономерность, то есть повторимость при том же самом отношенье чисел»? Зная, Илья Львович, как щедро Вы всегда награждали героев поэм, трагедий и эпопей своими мыслями и переживаниями, я ни на минуту не сомневаюсь, что славный Корней Корнеич является в данном случае рупором Ваших идей. Он мечтает. Его гипотеза — Ваша гипотеза. И Вы сами с Корнеичем признаете, что эта гипотеза недоказуема. Эта беда в известной мере является и величайшим спасением для этой гипотезы. Хотя бы потому, что ее нельзя и опровергнуть. Иными словами: гипотеза настолько же недоказуема, насколько неопровержима. Придет время, и, может статься, у Вашей грезы появится свой Ньютон и свой Эйнштейн. А пока... Что же «пока»?

Здесь я не без удовольствия выписываю большую цитату из той же «Арктики»:

Монах,
что утешает
у смертного одра любую душу
переселением в загробный мир,
и врач,
который ничего не обещает,
основываясь на распаде ткани, —
в конце концов невежды в равной мере:
один парит на сказке о Христе,
другой не поднимается над трупом.
Мое ученье
не утешает и не угнетает.
Оно дает надежду,
вот и все.

...Человек думает о жизни, ему не хочется умирать, он сознает свою неповторимость, ценность и неисчерпаемость, и ему хочется, если невозможно продлить свою единственную жизнь, хотя бы повториться при других обстоятельствах в далеком и неведомом будущем:

Люди и рыбы, звери и птицы,
Подобно схеме вращения вод,
Умирают, чтоб возродиться,
Вечный свершая круговорот.

Все та же вода — в океане, в облаках, в банке, в реке. Она испаряется и снова выпадает дождем... Так и материя человека. Она преобразится и не исчезнет, и через какое-то время повторится. Излагая Вашу поэтическую гипотезу личного бессмертия, я увлекся и нашел в ней поддержку и утешение. Может быть, потому, что «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»? А может быть, и потому, что наше сознание уже эмоционально освоило атом, повторяющий вселенную и открывающий новые не учитывающиеся прежде связи во времени?

«Пускай моей идеи неуклюжесть смутит ученых сухарей...» Вы уже предвидите возражения. Тем лучше. Пусть на Вас разозлятся ученые. За то их пытливая мысль от этого выиграет. Задвигаются те колесики, те рычаги, которые перестали в их сознании двигаться, заржавели. Ведь находились люди, которые полагали, что всякий разговор о личном бессмертии является уступкой религии и под тем или иным соусом поповщиной и мракобесием. Пусть обозлятся ученые. Это будет полезно для науки. Говорят, смерть и боязнь ее не только тормоз, но одновременно и стимул наших дел и поступков. Мы, люди, так устроены, что надежда на личное бессмертие нас, конечно, укрепит в наших силах и поможет нам духовно, но, если б эта надежда переросла в полную и окончательную уверенность в личном бессмертии, я не знаю еще, старались ли бы мы совершить в напряженных рамках нам отпущенной жизни то, что мы успеваем совершить. Если я знаю, что в будущем я повторюсь в том же составе электронов (как, впрочем, мне это образно представить, если у меня, грешного, картинное представление о мире?), то зачем же мне так спешить и

суетиться? Подожду. Устрою себе побольше выходных дней. Выхлопочу больше отпусков и отсрочек.

Я отыгрываюсь на бытовом юморе и маскирую свою рабью приверженность старым представлениям. Что ж, мой догматизм должен быть наказан. Согласен. Но я должен быть до конца честен и сказать Вам, Илья Львович, что мешает мне до конца поверить в Вашу гипотезу.

Слава богу, прошли времена, когда разговор о смерти и бессмертии считался проявлением пессимизма. Мы давно поняли, что дума о смерти и бессмертии зарождается и возникает в гуще самой жизни. Весна задумывается если не о зиме, то об осени, цветок — о плоде, встреча — о расставании. Отравляет ли эта дума весну, цветок, встречу? Нет, текучесть времени, беглость мгновения жизни держат человека в напряжении. Дума о смерти, о ее ежеминутной возможности, ее неминуемости — грозное напоминание:

Спеши! Не забывай! Без этих молчаливых напоминаний не было бы великого искусства Шекспира, Данте, Байрона, Пушкина.

Оттого что мы в нашем искусстве мало говорим о смерти, самая мысль о смерти и бессмертии не перестает владеть умами, забирать души. В этом смысле Ваше творчество всегда было волевым нервом, возвращающим современного читателя и зрителя к одно из самых трагических тем человечества. Ваш оптимизм покоился на глубоком фундаменте постижения жизни. И если Вы сейчас так упорно разрабатываете проблему личного бессмертия, то несомненно, в этом сказывается Ваша органическая потребность ставить и решать все проклятые вопросы жизни.

Я вижу глубокую складку на челе Ваших стихов о бессмертии. Вы обращаетесь к мифам и сказкам, Вы изучаете Ницше и Ламота. Вы вглядываетесь в современные научные теории. И Вы даете волю своей фантазии. Научная фантастика может причислить Вашу теорию к числу своих решительных удач. Такое впечатление, что Вы подчас хотите забыть о смерти и бессмертии, но мысль эта, как бумеранг, возвращается к Вам. Разве эта повторяемость и вариационность в творчестве — не прообраз самого бессмертия? . .

Самое забавное, что философы-идеалисты бессмертия не признавали. Вы же, поэт-материалист, предлагаете свою гипотезу бессмертия. «Нет, весь я не умру» приобретает в Ваших устах новый смысл, о котором ни Гораций, ни Державин, ни Пушкин не могли и подозревать. Обращаю Ваше внимание: материалист так сосредоточился на себе, что даже не допускает исчезновения своего «я». Электронам дается в веках задание: повториться. Повторяться ли? Это дело моей веры. А что если я не верю в эту повторяемость электронов? А что если эта вера такого же свойства, что и вера в загробную жизнь? Вы, Илья Львович, даете надежду, но для этой надежды нужна еще и вера-уверенность. Вот ахиллесова пята Вашей гипотезы. Могу поверить в мощь вариационных возможностей материи человека, в волнообразность, в случайность сочетания электронов. Но все это — вера, вера, и не более. Конечно, Ваша гипотеза — проблеск в кромешной тьме, надежда, за которую хочется ухватиться. Но я хватаюсь не за точное знание, не за теорию, а за метафору, за научно-фантастический жанр. И без веры тут не обойдется. Там, где нет знания, нужна вера. Вера в электронный принцип, который недоказуем...

Баратынский и Заболоцкий, Тютчев и Ахматова, Блок и Пастернак тревожно вглядывались в загадку жизни и смерти. Вы, нигде не повторяя их, сумели создать свою гипотезу. И я ищу возможности ее перехода от метафоры к науке. Вы подносите свою гипотезу не на блюде, а теребите ученых, всех мыслящих людей: подумайте, не спешите меня отвергнуть, можете опровергать, но сами подумайте! Впишите одно индивидуальное человеческое бытие в общий круг Вселенной, не забудьте о том, что материя изменяется, но не пропадает, думая о смерти, помните, что она не равнозначна жизни, а является только одной из ее форм. Вдумайтесь в суровые слова философа: «жизнь есть умирание».

И еще. Понятие о смерти и бессмертии меняется с возрастом. В детстве я бессмертен. Умирает бабушка, и я не могу понять, что это такое. Ну, она умирает, о я то не умру, смерть — это для других, а не для меня. Потом с годами понятие о смерти становится реалистическим, даже чересчур, потом уже в пожилые годы, в старости, человек

ищет лазеки «отсюда» — «туда» и, конечно же, ему нужна надежда. Сказка. Миф. Метафора. Но — надежда.

Мне нравится Ваша гипотеза, Илья Львович. Мне хотелось бы даже, чтоб ее узнало как можно больше людей. Я хочу видеть вокруг себя все большее количество обнадеженных людей в онкологических клиниках, в операционных, в домах для престарелых, в общежитиях...

Мне отрадно, что наша поэзия продолжает вселять в этом мире надежду в людей. Она изобрела огонь, она возвращает человеку надежду на жизнь после смерти. Воскрешение, оказывается, возможно?!

Теперь хочу еще почувствовать себя скопищем оригинально размещенных электронов. Хочу ощутить это: заинтересован же я в том, чтобы повториться в будущем... Более того: осмелюсь просить судьбу, чтобы она устроила это чудо в ту же пору, когда повторитесь Вы.

Такова развернутая метафора бессмертия, и такова концовка этого затянувшегося письма.»

9. Наука и религия. (Из статьи Чарльза Таунса, профессора Массачусетского института, советника президента США Д. Кеннеди, лауреата Нобелевской премии. «Литературная газета», № 34, 1967)

Цель науки — открыть порядок во Вселенной и благодаря этому понять суть вещей, которые мы видим вокруг себя, в том числе понять суть человека. Цель религии может быть определена, мне кажется, как постижение (и, следовательно, принятие) цели и смысла нашей Вселенной, а также того, каким образом мы связаны с ними. Эту высшую целесообразную силу мы и называем богом.

Постижение порядка во Вселенной и постижение ее цели — задачи отнюдь не идентичные, но они также и не очень далеки друг от друга.

Что же заставляет нас подчас считать религию и науку диаметрально противоположными? Многие причины проистекают, по моему убеждению, из различий в языке, а мно-

гие — из количественных различий науки и религии. Эти последние велики, в связи с чем мы бессознательно воспринимаем их как качественные различия.

Хорошо известна роль веры в религии, настолько хорошо, что обычно ее-то и считают характерной для религии и отличающей религию от науки. Однако вера имеет большое значение и для науки, хотя, как правило, мы этого не признаем.

Вера необходима ученому даже для начала работы, а для решения сложных задач ему нужна глубокая вера. Он должен быть заранее проникнут убеждением, что во Вселенной существует порядок и что существующий разум способен понять этот порядок. Мир беспорядочный или непостижимый бессмысленно было бы даже пытаться понять. Мы просто вернулись бы к временам религиозного суеверия, когда человек верил в то, что Вселенной управляют какие-то своенравные силы. Именно вера в упорядоченную Вселенную, доступную человеческому познанию, обусловила переход от эпохи суеверия к эпохе науки и сделала возможным научный прогресс.

Другой аспект веры ученого — предположение, что существует объективная и единственная в своем роде реальность. Конечно, мы воспринимаем ее органами чувств, и в этом восприятии могут быть индивидуальные различия. Тем не менее идея Беркли, согласно которой мир — порождение нашего сознания, совершенно чужда научному мышлению. Говоря проще, ученый предполагает, а его опыт подтверждает, что истина существует.

В естественных науках мы «доказываем», проверяя постулат опытом. Те законы или гипотезы, которые согласуются с нашим экспериментом, мы считаем правильными. Такие опыты могут либо опровергнуть гипотезу, либо убедить нас в ее применимости и правильности, но они никогда не могут предоставить нам доказательства в абсолютном смысле этого слова.

Можно ли религиозные верования также рассматривать как рабочие гипотезы, проверять и подтверждать их справедливость опытным путем? Некоторым это, возможно, по-

кажется кощунством. Так или иначе подобным подходом мы отрицаем абсолютизм в религии. Но я не вижу, почему против принятия религии в таком виде следовало бы возражать. Справедливость религиозных идей проверялась и оценивалась на протяжении веков общественным и индивидуальным опытом. Должна ли эта справедливость быть более абсолютной, чем, например, справедливость закона силы тяжести? Последний является рабочей гипотезой, основа которой нам неизвестна. Но, веря в него, как и во многие другие сложные научные гипогезы, мы ежедневно готовы рисковать своей жизнью.

Наука обычно занимается проблемами, которые гораздо проще того, с чем сталкивается религия. Управляемый эксперимент с целью проверки религиозных идей, вероятно, невозможен вообще, и для доказательства их мы опираемся главным образом на историю человечества и личный опыт. Но ведь подобным же образом мы используем историю и опыт в некоторых естественных науках, а еще больше в науках социальных, вместо того, чтобы проводить эксперименты.

Предположим теперь, что мы признали бы науку и религию в основном идентичными. К чему бы это привело нас? Я считаю, что религия могла бы извлечь для себя пользу из опыта науки, где упрямые факты природы и относительно строгие доказательства внедрили в наше мышление многие идеи, которые человечество ранее отвергало».

10. Из статьи английского ученого Дж. Хаксли «Ключ к будущему — гуманизм» («Литературная газета» № 44, 1968 г.)

«Ужасающая пропасть между уровнем жизни высоко- и слаборазвитых наций все увеличивается, в то время как «революция ожидания» в бедных странах становится все более мощной. Если оба эти явления и впредь будут бесконтрольно развиваться, они наверняка приведут к еще большей нищете и росту насилия.

Другая тревожная тенденция заключается в монотонности, культурном единообразии и идеологическом конфор-

мизме. Мир наводняют изделия массового механизированного производства, свобода мысли все больше удушается конформизмом, а монотонность жизни вызывает у людей агрессивные настроения. Мы слышим также со всех сторон, что традиционные моральные ценности падают в цене, а традиционные религии разрушаются. Все большее число людей утрачивает ощущение личного значения и сознание того, что они играют какую-то целесообразную роль во Вселенной. Сама эта Вселенная представляется им все более бессмысленной. Наше часто превозносимое «богатое» общество превращается в общество, отягощенное пороками.

Можно было бы и дальше продолжать в том же духе, однако уже и эти примеры позволяют сделать определенный вывод: направление развития человечества, вместо того, чтобы быть четко определенным, часто меняется, а его поток наталкивается на всевозможные препятствия. Судьба человечества разрушается, а наше представление о ней терпит крах.

Разумеется многие из этих саморазрушающих тенденций вызвали и контрмеры, а в дальнейшем, очевидно, будут приложены еще большие усилия, чтобы сократить прирост населения, сохранить животных, растения и красоту природы, уменьшить риск атомной войны, ликвидировать пропасть между бедными и богатыми, между искусством и наукой, позаботиться о более яркой форме человеческого самовыражения, сделать жизнь в городах более сносной, а конкуренцию заменить сотрудничеством.

Но всего этого недостаточно. Мы должны постараться решить проблему в целом — придать собственной судьбе форму чего-то единого. Для этого нам предстоит усводить новый более четкий взгляд на наше положение и нашу роль во Вселенной, а также создать новую доминантную организацию мышления и веры, которая сможет стимулировать наши поиски и двинуть нас вперед.

Прежде всего нужно сопоставить судьбу человечества с общим ходом развития живого мира. Человечество сейчас не только молодо, но и еще очень несовершенно, у него колоссальные возможности для совершенствования. Вполне очевидно, что судьбой человечества, включая и его усовер-

шенствование, всем будущим развитием Земли должен руководить сам человек. Разумеется он может сделать это лишь на основе лучшего понимания своих собственных возможностей и лучшего использования природных богатств нашей планеты. Мы должны позаботиться о сохранении природы и о сотрудничестве с ней, вместо того чтобы односторонне и безжалостно эксплуатировать ее.

Наша мысль должна быть направлена на удовлетворение чаяний все большего числа людей, на достижение целей, которые представляются разумными все большей части человеческого общества. Вместо того, чтобы стремиться к обществу благосостояния, мы должны намечать планы создания общества «осуществляющихся чаяний.»

Основная предпосылка для проведения разумной политики на нашей планете состоит, конечно, в том, чтобы уменьшить прирост населения и, если необходимо, вообще сделать его отрицательным.

Недостаток равновесия в науке и постоянно растущую чрезмерную специализацию в ней следует устранить, сведя вместе группы ученых из различных областей науки и поставив перед ними задачу решить насущные человеческие проблемы.

Необходимо вновь продумать вопросы воспитания и образования, чтобы гарантировать более всестороннее развитие молодых людей и дать им представление о подлинном значении индивидуума, а также той или иной социальной группы. Воспитание должно позволить каждому ребенку лучше узнать свои способности. Этой цели могут служить определенным образом построенные игры, участие в осуществлении общих проектов, исследований и т. д.

С ростом автоматизации нам не следует зачарованно взирать на увеличение свободного времени, ученые — экономисты, философы, социологи, педагоги — должны вновь и вновь продумать весь комплекс проблем, возникающих в связи с этим.

Нам следовало бы также как можно скорее превратить города в оплот действительно цивилизованной жизни, приносящей радость.

Таким способом, а также и многими другими мы поможем «эволюционному гуманизму» — стать доминантной. В основе новой, появляющейся теперь духовно-общественной системе эволюционного гуманизма лежат четыре ключевые идеи:

1. Сознание того, что человек несет ответственность за свое будущее, а также за развитие своей планеты, и что эту ответственность он не может возлагать ни на бога, ни на судьбу, ни на что другое, — только на самого себя.

2. Признание факта, что человек представляет собой лишь один вид, одну единицу существующей на Земле жизни и что поэтому человечество не должно превращаться в совокупность конкурирующих или даже враждебно настроенных друг к другу «псевдовидов», которые мы называем нациями, религиозными группами или блоками государств с различной идеологией.

3. Идея осуществления человеческих чаяний вместо идеи материального благополучия.

4. Стремление повысить качество — «качество» жизни и всей окружающей среды, а не увеличивать количество — человеческих групп, денег, продуктов производства и материальных благ.

Новая доминантная система может и должна строиться на этой комбинации идей, они определяют ее пределы. С помощью этих идей мы можем преодолеть нашу разобщенность, слиться в единое действенное целое и построить судьбу человечества на прочном и капитальном фундаменте.

Однако самой важной задачей при этом останется развитие новой системы мышления и веры как целого — вширь и вглубь. И чем раньше мы приступим к решению этой задачи, тем лучше.

Первым христианам потребовалось более двух столетий, для того, чтобы познать и продумать тогдашние аспекты развития вновь появившегося христианства. В нашем сегодняшнем мире нам, должно быть, потребуется не больше двух-трех десятилетий, чтобы сделать то же самое для «эволюционного гуманизма». Это великая задача, и каждый может и должен способствовать ее решению.»

11. О сущности религии. Коммунисты и религия. (Из выступления философа Г. Померанца на дискуссии в Институте народов Азии)

«Здесь уже говорили о переходе коммунистических партий Европы к *диалогу* с религией. Это не случайный шаг. Сопротивление фашизму и угрозе термоядерной войны сблизило гуманистов всех направлений. И в статьях, которые можно прочесть в «Проблемах мира и социализма» и других журналах (в статьях С. Альвареса, Р. Гароди, В. Холичера) складывается новый тон, новый стиль разговора.

В некоторых коммунистических партиях Востока наблюдаются аналогичные явления, но под влиянием других, местных причин и на другом (я сказал бы — на локальном) теоретическом уровне. Тезис, что религия вообще — опиум, не ставится здесь под сомнение. Делаются лишь попытки найти смягчающие вину обстоятельства для той специфической религии, которая пользуется уважением в данном районе. Например, во время избирательной компании 1965 г., цейлонский коммунистический еженедельник «Трибюн» поместил статью «Будда — предшественник Маркса». Автор (скрывшийся под псевдонимом) доказывал, что буддизм — архаическая форма научной идеологии. Поэтому формула «религия — опиум» к буддизму не относится. Опиум — только католицизм.

Здесь все — от конкретной политической обстановки на Цейлоне и ничего — от принципиального научного анализа. Газетные монополии ежедневно повторяли, что марксизм — враг религии, что Маркс называл религию опиумом. Коммунистам надо было как-то среагировать на это. И вот наспех просматриваются труды апологетов буддизма и на их основе сшивается политически удобная теория. Буддистов эта теория не убедила. Избирательная кампания была проиграна.

Серьезнее и принципиальнее выступил т. Башир Хадж Али в интервью газете «Унита» (летом 1964 г.). Он откровенно исходит из политической реальности (влияние ислама в массах, роль ислама в борьбе с колониализмом, децентрализованная структура ислама, облегчающая воздействие местной революционной власти на местные мусуль-

манские круги). Опыт однако показал, что т. Хадж Али переоценил возможности чисто политического компромисса с исламом, без пересмотра отношений к религии в целом.

Между тем, в Европе этот пересмотр уже начался. В статьях европейских коммунистов подчеркивается общий гуманистический фонд мировых религий и «реального гуманизма» Маркса; поставлен вопрос о новой, современной интерпретации известной характеристики религии (из «Введения к критике гегелевской философии права»), откуда обычно бралась только одна фраза: «религия — опиум». И в самом деле, если характеристику взять целиком, то бросается в глаза, что Маркс вовсе не дает однозначного определения: «религия — опиум». Вот что он говорит: «Религия — это и отражение действительного убожества, и протест против этого убожества. Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, ... дух бездушных порядков. Религия — опиум народа». Последняя фраза в контексте звучит совершенно иначе, чем вне контекста. Это не вывод, не определение, а только указание на один из аспектов очень противоречивого явления. Указание на аспект, который в XIX веке представляется важнее других — поэтому он как бы подчеркивается постановкой в конце характеристики. Но логически *все* противоречивые аспекты религии равнозначны, равноправны. Логически характеристика Маркса не запрещает перестановки акцентов (прошу обратить внимание, что Маркс интуитивно или сознательно избегает здесь логических связок, закрепляющих положение отдельных фраз в периоде). Поэтому вполне возможно принять интерпретацию т. С. Альвареса и акцентировать религиозный протест против существующих порядков — «протест против этого (социального) убожества». В конкретных условиях Испании это, по-видимому верно, потому что там складывается союз коммунистов и католиков против Франко. Можно акцентировать и другие моменты: «сердце бессердечного мира, дух бездушных порядков». Однозначной характеристики религии, годной на все эпохи и страны, Маркс не дает, он дает программу исследования, «руководство к действию» ученого, а не штамп для канцеляриста.

... Что же такое религия? Как ее определить?

Обыкновенно приводится определение Энгельса: «Религия — фантастическое отражение действительности, в котором действительные силы приобретают характер сверхъестественных сил». Это формула хорошо определяет границы мифопоэтического мышления. Но мифопоэтическое мышление и религия — не одно и то же. С одной стороны, под формулу Энгельса подходит роман Кафки «Процесс». С другой стороны, под нее не подходят многие формы буддизма.

Мифопоэтическое мышление — исторически первая форма религиозного сознания; оно сохраняется в христианстве и исламе (не исчерпывая, впрочем, ни того, ни другого); но в некоторых развитых религиях оно отодвинуто на задний план и даже совершенно устранено.

Когда возникло последовательное мышление в понятиях, то, что раньше называлось богом, стали выражать каким-то понятием: Единое, Логос, Дао. Однако любое понятие, став знаком абсолюта, становится таким же непостижимым и внутренне противоречивым, как тотем или пуруша. Так, единое имеет определенный смысл в противопоставлении многому. Но как знак абсолюта оно включает в себя и многое. Таким образом Единое первой степени должно раздвоиться на Единое второй степени и Многое, чтобы создать мир. Это ничуть не понятнее, чем приключения Пуруши, рождающего из себя самого свою жену, а потом, вместе с нею — разнообразное потомство.

Трудности с обозначением целостности бытия, абсолюта, привели к открытию третьей формы описания: знаковой паузы, подтекста. Будийские сутры не дают прямого ответа на «последние вопросы» бытия. Они создают словесный строй, в котором, как в музыке, пауза становится выразительной, пауза на что-то намекает, что-то подсказывает. И предполагается, что невыразимое будет постигнуто в молчаливом созерцании.

Наконец, абсурдность всех попыток обозначить абсолют привели к тому, что абсурдное высказывание само по себе стало знаком абсолюта. Это модно констатировать во всех юродских формах религии, особенно в дзэн-буддизме.

Никакой специфической знаковой системы, характерной

для религии вообще и только для религии, не существует. Любую «религиозную» знакомую систему можно встретить вне религии. Пушкин написал стихотворение «Пророк» языком мифа. Будда высказал «Четыре благородные истины» языком философа. Выразительная пауза, подтекст лежит в основе не только даоских и буддийских откровений, но и пьес А. П. Чехова. Язык логически абсурдных высказываний характерен не только для даосов и дзэн-буддистов, но и для «Конца игры» С. Бэкста.

Таким образом, попытки подойти к определению религии через формы записи религиозного откровения заводят в тупик. Не существует никакого специфического языка откровения. Откровение записывается теми знаковыми системами, которые имеются налицо в данной культуре, на данной стадии исторического развития. Миф — древнейшая форма записи, но не единственная. Религия не сводится к мифу. Миф не сводится к религии.

Разнообразие царит и в формах передачи «по наследству» сложившегося религиозного опыта. В книге Яковлева «Эстетическое переживание и религиозное чувство» (М., 1964) делается попытка определить религию как корпус догм, требующих слепой веры. Но есть формы религии, совершенно не догматичные, отрицающие слепую веру. Мистические течения Востока обходится иногда без всякой догматики; то, что они передают — это культура известного переживания, психотехника внутренней жизни (йога, дхьяна, дзэн). Теории (догматическая или недогматическая) для них не играют большой роли; это — вещь второстепенная, иногда просто ненужная. Некоторые мастера дзэн сжигали сутры.

Догматизм и слепая вера сложились в первобытном коллективе до возникновения религии в собственном смысле слова. Догматизм и слепая вера полностью сохраняются в крестьянском Китае, несмотря на формальную победу научной идеологии. Ничего специфически религиозного в догматике нет.

Историческое оправдание догматизма — сохранение духовно-нравственной традиции, в частности системы табу (а потом заповедей и т. п.) в группах людей, не способных

самостоятельно мыслить. Эта догматическая традиция может быть очень слабо религиозно окрашенной (конфуцианство), тогда как собственно религиозные течения, развивающиеся рядом (даосизм, буддизм) отличаются гораздо меньшей догматичностью. Бывает догматический атеизм, бывают антидогматичные формы религии. Все это можно иллюстрировать сотнями примеров из истории Китая.

Как видим, дать определение религии очень трудно. Настолько трудно, что Ю. А. Левада, в своей талантливой книге «Социальная природа религии» (М., 1965), не дает никакого общего определения, фиксируя только некоторые распространенные формы, черты, практически достаточные для социолога. Дать общее определение религии — значит отделить собственно религиозное от псевдорелигиозных культов, «сущность» религии от ее бесчисленных форм; это всегда гипотеза; таких гипотез (определений религии) существует 150. Я хочу все же дать 151-е рабочее определение: *религия — это система передачи социально значимого мистического опыта.* Система, состоящая из трех систем:

а) Записи (словесная, живописная, музыкальная и т. п.)

б) Обряды, религиозная практика. Сюда включается, с религиозной точки зрения, и мораль (нравственное поведение освящается как путь к спасению души, освобождению, нирване или другой религиозной цели).

в) Учреждения (церковь, братство, сангха и т. п.).

Что означает социально значимый опыт? Потом мы вернемся к этому пункту, он не так прост, как кажется, но для начала достаточно сказать, что это опыт, организующий жизнь какого-то коллектива, опыт, поддерживающий или реформирующий народную нравственную традицию. Если мистический опыт не вдохновил к проповеди или каким-то действиям, способным повлиять на окружающих, он остается мало значимым. Мастеров йоги, ничего никому не сказавших, очень быстро забывают. Реформаторов все помнят.

Теперь поставим вопрос: а что такое мистический опыт? Слово мистицизм буквально значит тайничество, тайноведение, причастность к тайнам. Я думаю, что мистицизм — это обобщение опыта некоторых парапсихологических со-

стояний, состояний экстаза и транса, в которых человек непосредственно переживает бытие как целостность, как единство, неотделимое от переживающего, как исчезновение (или преображение) отдельных вещей, на которые делится мир повседневного опыта. Очень часто у мистиков бывают видения, т. е. мир предстает для них в преображенном виде. Например, вместо пустыни мистик видит райские сады. Но этот сорт мистического переживания стоит где-то посредине между повседневным опытом и совершенным разрывом с предметностью. Что такое разрыв с предметностью — трудно объяснить, но наш современник, Джидду Кришнамурти, с детства склонный к видениям, описал, как он прошел сквозь Будду, «являвшегося ему», и с тех пор понял, что «просветление — это познание истинной ценности каждой вещи». Примерно о том же рассказывают Мейстер Экарт, Иоанн от Креста, дзэн-буддисты. Все они признают видения чем-то второстепенным, ненужным, мешающим.

Один из мастеров дзэн учил: сперва, не зная буддизма, я думал, что гора есть гора. Потом, изучив буддизм, я понял, что гора не есть гора; но еще больше углубившись в понимание буддизма, я открыл: гора есть гора.

Эта притча требует комментария. По-видимому, первое утверждение «гора есть гора» означает наивный реализм: вещи принимаются реальными без всякой мысли об их отношении к целостности бытия. Второе негативное суждение означает разрыв с повседневным опытом. Возникает проблема целостности, единства мира по ту сторону единичных и конечных вещей. На этой ступени могут сложиться многочисленные иллюзорные представления. Целостность часто мыслится как особый предмет, сверхпредмет, обладающий всеми совершенствами, и аскеты уходят из жизни, целиком посвящая себя созерцанию какого-то символа этого сверхпредмета (бог, брахман, великая пустота, нирвана, дао и т. д.). Очень часто созерцание символа полноты жизни заменяет самую жизнь (вместо того, чтобы быть аспектом жизни, моментом жизни; такое восприятие религиозной символики близко к эффекту от курения опиума и других наркотиков).

Но мастер дзэн учит не останавливаться на полдороге. В конечном счете, гора есть гора! Происходит возвращение

к миру повседневного опыта, только обогащенного. Гора есть гора — и вместе с тем нечто большее. Она вырастает из целого, и в ней раскрывается вся полнота, все богатство мира. Это восприятие (близкое к восприятию ребенка, «уставившегося» на внезапно заинтересовавший его предмет) великолепно умели передавать монахи-живописцы эпох Тан и Сун.

До какого пункта такое восприятие можно назвать мистицизмом? Где мистицизм переходит в пантеизм, в поэтическое чувство жизни и т. п.?

Это вопрос, на который трудно ответить. Когда Стендаль боролся за «истинный романтизм», он фактически вышел из рамки романтизма. Возможно, очищение мистицизма от «вульгарных» его форм тоже ведет к чему-то новому, требующему нового названия (скажем: «созерцание целостности бытия»). Но ферментом религии былмистицизм во всех своих формах, от самых наивных до самых утонченных. Поэтому ограничимся психологическим определением и будем рассматривать мистиков просто как людей, склонных к экстазу и трансу; форме, в которой они обобщают свой опыт.

Теперь вернемся к социальной значимости мистического опыта. Это опыт целостного переживания. Поэтому, если мистик вообще думает об обществе, он склонен непосредственно переживать интересы общества как свои собственные. И если в его голове возникает новая модель поведения (или обновляется старая), то это не просто теория, а переживание огромной яркости. Охваченный экстазом, мистик способен распространять свои взгляды гораздо успешнее, чем человек трезвый и рассудительный, он буквально заражает окружающих своим отношением к жизни.

Это не значит, однако, что модель поведения, возникшая в голове мистика и окрашенная его экстазом, действительно заслуживает энтузиазма. Она может быть нелепой, несвоевременной, просто гибельной. Говоря языком теологов, бывают видения от бога, а бывают от дьявола. Мистический опыт Алисы Леншины, основавшей в Замбии секту Лумпа, не равен мистическому опыту Мохаммеда; и обстоятельства в середине XX в. не таковы, как в начале VII в. По обеим

причинам Алисе Леншине, видимо, не суждена большая слава. Однако остается фактом, что наиболее долговечные, проверенные опытом системы поведения были созданы мистиками — Моисеем, Буддой, Иисусом, Мохаммедом.

Можно сравнить мистический опыт с мутацией. Некоторые мутации вредны, другие полезны. Естественный отбор устраняет вредные мутации и сохраняет полезные. Такую же роль по отношению к мистическому опыту играет практика исторического коллектива, к которому мистик обратился со своей проповедью.

Практика народа — не менее важный фактор религиозного развития, чем вдохновение пророков и просветленных. Религия — это система, в которой экстаз мистиков поверяется народной нравственной традицией, а традиция поверяется и испытывается в непосредственном переживании мистиков. Некоторых побивают камнями (физически или морально), некоторые основывают секты, которые замыкаются в собственной скорлупе и постепенно исчезают, некоторые увлекают своих последователей к бессмысленным насилиям (как уже упомянутая Леншина), и коллективы, объединившиеся вокруг таких ложных учений, гибнут. Но в конце концов история отбирает несколько истинных учений, учений способных обеспечить целостность исторического коллектива в любых, самых сложных условиях. И за эти учения народы упорно держатся. Они стихийно сознают, что опасно ломать старые традиции, когда новые еще не сложились. Я думаю, что необразованные крестьяне Востока в этом отношении обнаруживают известную мудрость.

Конечно, устарелые обычаи, связанные с пережитками дикости и варварства, надо критиковать, но с большой осторожностью. Разрушение гуманистического ядра традиции может открыть дорогу для антигуманизма, более опасного, чем религиозный консерватизм и фанатизм.

Это подтверждает эксперимент, проделанный очень давно — около начала нашей эры — создателями древнейших мировых империй (в Средиземноморье, Индии и Китае). Первоначально строители государства нового, классического типа, выросшего на месте архаических родоплеменных дер-

жав, пренебрежительно относились к верованиям и моральным представлениям масс. Казалось возможным управлять людьми с помощью государственных законов, отбросив традиционную мораль и заменив объекты поклонения отдельных племен, новым верховным богом — императором. Отсюда титулы: август, хуанди (то и другое значит «божественный»). Однако рациональная, на первый взгляд, религия государства оказалась исторически нерациональной. Она не овладела народами. Напротив, религиозные течения, казалось бы глубоко иррациональные, антиобщественные, антигосударственные, утверждавшие свое царствие «не от мира сего», захватили самые широкие слои, и в конце концов находился Ашока, или Константин, или еще какой-нибудь император, который распространял на эти религии свое покровительство.

С точки зрения социолога, этот парадокс требует объяснения. Непосредственно непонятно, почему мнимо непрактичные религии сохраняются в течение тысячелетий. Однако речь идет именно о *мнимой* непрактичности. Разделение труда между государством классического типа и «непрактичной» религией (такой как буддизм или христианство) вполне практично. Государство, силой поддерживая известный общественный порядок, не в состоянии показывать примеры добрых нравов в действиях своих слуг. Религия, утверждая нравственное поведение, не в силах совместить это с активной борьбой за тот или иной порядок, ибо всякая активность немыслима без зла. Таким образом, активная безнравственность государства дополняется пассивной нравственностью религии (ислам, в котором нет четкого различия между нравственностью и правом, государством и религией, с этой точки зрения архаичен). Он возник позже христианства и буддизма, но в очень отсталом племенном районе и — если не говорить о суфизме и некоторых других, сравнительно поздних течениях — типологически старше христианства).

В классовом обществе, где процветают палачи, доносчики, проститутки и лакеи, целостность исторического коллектива вызывает к жизни столпников, схимников, непорочных дев. Они нужны не для того, чтобы все индивидуально последовали их примеру; коллектив столпников немыслим. Но одна крайность уравновешивает другую. Существование

подвижников сохраняет за средним человеком свободу выбора, мешает проституции и палачеству стать единственной и бесспорной нормой человеческого поведения. У Щедрина, в сказке «Литератор Крамольников», есть такие слова: «все молчит, только камни вопиют». Руки столпников, воздетые к небу — это вопль камня среди немоты Содома. Вопль этот не может быть членораздельным, разумным. Достаточно того, что не умерла человеческая совесть, что духовные ценности не совсем затоптаны.

И государство, рациональный представитель исторической необходимости, вынуждено признать своего иррационального собрата. На всех континентах императоры потеснились и уступили первое место галилеянину.

Однако религия, став официальной, быстро теряет свое достоинство. В Новом завете это описано как пришествие Антихриста: «Придут проповедующие во имя мое, и будут творить чудеса, но по плодам их узнаете их...»

Мне кажется, смысль евангельского пророчества примерно тот же, что в более сухом изречении Конфуция: сын перестал быть сыном, отец — отцом... Сохраняются те же слова, знаки, обряды, но подменяется их значение. Крест становится символом сатаны, благочестие — кощунством и кощунство — благочестием... Реальным субстратом такого мифопоэтического развития можно считать формулу святой инквизиции, — слова любви, с которыми еретика сжигали на костре.

С точки зрения социолога, приход Антихриста — не однократный акт, а процесс вырождения кадров религии, превратившейся во всеми уважаемое респектабельное учреждение. Новые, респектабельные кадры уважают власть, богатство, престиж, — и равнодушны к царствию небесному и равнодушны к малым сим и лишены жгучего чувства боли за униженных и оскорбленных. Это чиновники, машущие кадилом.

Чиновничья религия, религия Антихриста перестает выполнять свою главную функцию; она сливается с государством и становится его особым учреждением — или сама делается государством специфического типа, теократией

Она перестает быть духовной силой, объединяющей общество, уравновешивающей разрушительные тенденции классовой борьбы. И тогда первоначальная искра, вызвавшая религию к жизни, вспыхивает снова, как секта, ересь, реформаторское движение, обновленчество. История религии — это история постоянной борьбы первоначального импульса, вызвавшего ее к жизни, с тенденцией к омертвению, респектабельности, ханжеству.

В XIX в. религия была, по большей части, респектабельным, мертвым учреждением. Сейчас она находится в состоянии кризиса. Но именно поэтому сейчас религия скорее способна отделить себя от интересов господствующих классов, выступить в своем первоначальном духе, в соответствии со своим первоначальным замыслом. С этим нельзя не считаться.

Конечно, можно сказать, что все это неважно, что религия в современном мире так или иначе распадается и когда-либо совсем отомрет. Вопрос, однако, в том — когда? Есть радиоактивные элементы, распадающиеся в доли секунды, радий распадается неполовину в 1 $^1/_2$ тысячи лет, а уран — миллиард лет. Сколько же проживет религия?

Мне кажется, вряд ли религия исчезнет раньше государства. Пока существует необходимость принуждать людей, пока сохраняется «бессердечный мир» законов, «бездумный порядок» учреждений — остается место и для «сердца бессердечного мира, духа бездушных порядков». Что касается теории, то разум человека, охваченного религиозным порывом, достаточно гибок, чтобы создать религиозную теорию на достаточно высоком научном уровне (ср. напр. Тейар де Шардена).

Религия следует за государством, как тень. Борьба с собственной тенью — бесплодное занятие. Нельзя надеяться убедить людей не есть. Так же нельзя убедить людей обойтись без духовной пищи, веры, культа, обряда, пока такая пища нужна людям. Можно разрушить старые культы, с архаическими теориями, не выдерживающими столкновения с современной наукой. В той мере, в какой мировые религии не успевают осовременить свою теорию, этот процесс идет стихийно, без всякого нажима. Но в итоге расчи-

щается почва либо для новых религий с более утонченными теориями и приемами психотехники, либо для псевдорелигиозных культов, для культов различного рода фюреров и гениев.

Религия может исчезнуть только в обществе, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»; когда исчезнут низость и страх, когда умножатся люди высшего, пока еще очень редкого, духовного нравственного уровня, и влияние этих людей на окружающих сможет осуществляться непосредственно, в быту, без помощи особой системы, религии.

Пока условия для этого не созрели. Надо быть готовыми к сосуществованию с религией и диалогу с религией надолго и всерьез.»

№ 54

Март 1969

О некоторых текущих событиях: Вооруженные столкновения на советско-китайской границе — Совещание стран-участников Варшавского Договора — Первое крупное решение Р. Никсона — Съезд Союза Коммунистов Югославии — Об одной стенгазете — Доклад В. И. Гантмана о международном положении — Гибель озимых на юге. О положении в Чехословакии: Статья В. Биляка — В Союзе писателей ЧССР — И. Гендрик — Анкета среди молодежи — Еще одно самосожжение в Чехословакии — Статья в газете «Вечерняя Прага» — Из речи Штроугала — Статья в «Литературной газете» о О. Шике — Провокационная публикация в «Советской России» — Еще о позиции бельгийской компартии — О позиции мексиканской компартии — Газета «Зправа» продолжает издаваться в Чехословакии — Чехословакия и «культурная революция» в Китае — Обзор первых номеров журнала «Политика». Из литературной жизни: О повести Н. Воронова «Юность в Железнодольске» — Совещание по военно-патриотической литературе — Общемосковское собрание писателей — О новых главах романа М. Шолохова «Они сражались за Родину». О некоторых письмах, статьях и рукописях: Выступление академика П. Л. Капицы на заседании Президиума АН СССР — К вопросу об убийстве С. М. Кирова. Публикация в «Леттр Нувелл» — Письмо П. Якира в журнал «Коммунист» — Статья Э.

Генри «Поражение социал-демократии в «третьем мире»» — Выписки из книги А. Лука «О чувстве юмора и остроумии» (1968 г.) — Роман Ф. Шахмагонова ««Меркурий» против «Скорпиона»» — А. Бирман о противниках хозяйственной реформы. Из истории: Н. Чернышевский о бюрократической машине царизма — О количестве советских военнопленных — О репрессиях в НКВД — Ленин и анархисты — О судьбе Бетала Калмыкова — Политические деятели Запада о процессах 30-х годов — О Б. Пастернаке — Поль Робеон и Ицик Фефер — О В. М. Бехтереве — Аресты после войны.

О НЕКОТОРЫХ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЯХ

1. Вооруженные столкновения на советско-китайской границе

Опубликовано сообщение ТАСС о том, что 2 марта на реке Уссури на острове Даманский вооруженный китайский отряд перешел советскую государственную границу и открыл внезапный огонь по советским пограничникам. Решительными действиями советских пограничников китайский отряд был отогнан с советской территории. С китайской стороны в нападении приняло участие свыше 200 солдат. Опубликована также краткая нота протеста по поводу данной провокации.

С 3 по 7 марта наша печать не сообщала никаких подробностей о вооруженном столкновении на острове Даманский. В Китае в эти дни проходили массовые антисоветские демонстрации. Наше посольство вновь подвергается осаде.

7 марта в Москве состоялась демонстрация протеста советских граждан у китайского посольства. Одновременно по телевидению были показаны эпизоды происходивших ранее провокаций на советско-китайской границе. В газетах опубликована пресс-конференция в МИД СССР, на которой приводились подробности имевшего место стол-

кновения. Публикуются многочисленные материалы непосредственно с границы, а также резолюции протеста.

Все говорит о том, что столкновение на границе было для нашего руководства неожиданным. В последние несколько лет на советско-китайской границе происходило множество провокаций, однако впервые в действие введены регулярные воинские подразделения.

14 и 15 марта столкновения на советско-китайской границе в районе острова Даманский возобновились, причем в гораздо больших масштабах. Подтянув более крупные военные части (по некоторым сведениям до трех дивизий), китайцы сделали еще несколько попыток занять остров Даманский. Они были отбиты с тяжелыми потерями. Китайские войска вели огонь по Даманскому со своей территории. Чтобы подавить огневые позиции китайцев наши войска вели огонь до 7 км. вглубь китайской территории. Имеются сведения о том, что советские войска не только минировали остров Даманский, но после того, как он был снова занят крупным китайским отрядом, подвергли этот остров массированному обстрелу из новых мощных минометов типа «Катюши». Весь китайский отряд был уничтожен, причем остров Даманский был перепахан взрывами, так что ожидают, что весенний паводок, который обычно заливает Даманский, в нынешнем году вообще унесет весь этот остров.

2. Совещание стран-участников Варшавского Договора

17 марта в Будапеште происходило Совещание Политического консультативного комитета государств-участников Варшавского Договора. На совещании принято Обращение государств-участников Варшавского Договора ко всем европейским странам. В этом Обращении содержится призыв к мирному сосуществованию, сотрудничеству и к «укреплению политических, экономических и культурных связей между всеми государствами на основе равноправия уважения независимости и суверенитета государств». Одновременно предлагается созвать Общеевропейское Совещание для обсуждения европейских проблем. Этот шаг к смягчению обстановки в Европе можно, конечно, только приветст-

вовать. Можно, однако, с уверенностью сказать, что мало кто в Западной Европе откликнется на наш призыв, пока советские войска будут находиться в Чехословакии.

По-видимому, предполагалось принять на Совещании в Будапеште и какой-то документ с осуждением вооруженных провокаций Китая на советско-китайской границе. Против этого выступила Румыния. Румынские представители заявили, что вооруженные инциденты на границе требуют более тщательного расследования. Нельзя не отметить и того, что некоторые чехословацкие газеты опубликовали не только сообщение ТАСС о столкновениях на границе, но также и сообщения об этих событиях китайского агентства Синьхуа. То же самое делает и большинство югославских газет. О Китае югославские газеты пишут совершенно иначе, чем раньше. С иных позиций оценивается «культурная революция». Более того, впервые за десять лет в Пекин направилась официальная правительственная делегация Югославии для заключения торгового договора. Совершенно очевидно, что многие из руководителей европейских социалистических стран видят в обострении на советско-китайской границе лишний шанс для проведения более независимой внешней и внутренней политики.

Имеются сведения о переброске крупных контингентов советских войск к советско-китайской границе на Дальнем Востоке, в Сибири и Средней Азии.

3. Первое крупное решение Р. Никсона

Новый американский президент принял первое крупное решение. Он объявил о том, что в США будет начато строительство ограниченной системы противоракетной обороны (ПРО) «Сентинел». На строительство этой системы будет израсходовано в ближайшие годы 7-8 миллиардов долларов. Речь идет о создании ракетного «зонтика» над Вашингтоном, а также американскими площадками для запуска межконтинентальных ракет. Таким образом, открывается новый тур гонки вооружения. Решение американского президента ставит СССР в очень трудное положение (на это оно и рассчитано), так как у нас имеется гораздо меньше

средств и возможностей продолжать гонку вооружений и одновременно развивать мирную экономику и улучшать жизненный уровень народа. США начинают лидировать и в космической, и в военной программе.

4. Съезд Союза Коммунистов Югославии

В Югославии состоялся несколько раз откладываемый съезд Союза Коммунистов. Съезд принял важные решения о реорганизации Союза Коммунистов и руководящих органов югославской компартии. Однако о существе этих решений в нашей печати нет пока никаких сообщений. КПСС не направила на югославский съезд ни делегации, ни наблюдателей. Из социалистических стран только Румыния была представлена на этом съезде. Однако большинство западноевропейских партий направили в Белград свои делегации. Предполагала направить на югославский съезд свою делегацию и Коммунистическая партия Чехословакии. Однако под прямым советским давлением руководители КПЧ вынуждены были отказаться от этого намерения и ограничились приветствием. Впрочем, приветствие IX съезду СКЮ было направлено и от КПСС.

5. Об одной стенгазете

В Институте философии АН СССР была выпущена стенгазета, которая провисела всего несколько часов и затем была снята, вызвав большое волнение в определенных кругах. В стенгазете была помещена карикатура на Чеснокова, известного философа-догматика, который на XIX съезде КПСС был избран в ЦК КПСС и стал на короткое время даже членом Президиума ЦК КПСС. В стенгазете были и некоторые другие острые материалы. В дело вмешался не только нынешний секретарь отделения философии и права Академии Наук СССР Ф. Константинов (позвонив в ЦК, он заявил, что с этого, т. е. с неуважения к «старшим» начались и чехословацкие события). Поднял свой голос и М. Митин. По поводу стенгазеты было даже проведено совещание в отделе науки ЦК КПСС, где состоялось несколько демагогических выступлений. Расска-

зывают, что С. П. Трапезников бросил на этом совещании реплику, что «наше терпение может лопнуть». Кончилось дело тем, что секретарю партийного бюро Института философии и редактору стенной газеты был объявлен выговор с занесением в учетную карточку.

6. Доклад В. И. Гантмана о международном положении

6-го марта в помещении журнала «Новое время» доктор исторических наук, сотрудник Института международных отношений В. И. Гантман сделал доклад о международном положении. Ниже мы приводим краткий конспект этого доклада:

«Весь мир живет сегодня как-бы перед новым действием. Кончается, по-видимому, война во Вьетнаме, что должно значительно изменить положение в Юго-Восточной Азии. Приход Никсона к власти в США — это не только смена лиц, но и смена политик. В американской политике теперь будут иные акценты. Основное внимание США будут теперь уделять Европе, а не Азии Возможно, что Никсон хочет о чем-то договориться с СССР. В советско-американских отношениях появился какой-то небольшой просвет. Однако кое-что меняется и в американо-китайских отношениях. Для нас это сейчас мало желательно, так как очевидно, что это сближение Китая и США будет происходить за наш счет. Возможны некоторые изменения и в Европе. Кроме НАТО и «Общего рынка» важную роль играет в Европе Западно-Европейский союз. Франция недавно нанесла удар и здесь. На Ближнем Востоке или произойдет новая война, что менее вероятно, или замирение под давлением великих держав.

В Китае завершен этап укрепления власти Мао. Готовится съезд партии, который должен закрепить и как-бы узаконить победу группы Мао. Следует ожидать после съезда новой внешней политики. Китай может пойти или на мирное сосуществование со своими соседями, или, наоборот, усилить давление на границах. За первую перспективу — плохая экономика, слабость, нужда. Но есть факторы, толкающие Китай и ко второй перспективе. Япония,

которая переживает сейчас фантастический подъем, не будет помогать Китаю. Это геополитические враги. Но Европа может оказать помощь Китаю. Англия уже сейчас через Гонконг оказывает определенную помощь Китаю. Некоторую помощь оказывает и Франция, отношения с которой у нас также улучшились. Но больше других помогает Китаю ФРГ, торговля этих стран быстро растет. «Культурная революция» почти не затронула военной промышленности Китая. ФРГ предоставляет Китаю лицензии и оказывает помощь в создании ракет средней мощности, которые Китай будет иметь в начале 70-х годов. Бонн провоцирует Китай на противостояние с СССР. И у Бонна и у Пекина имеются к нам территориальные претензии. Определенный поворот к Китаю наблюдается и в США. Америка ведет войну во Вьетнаме очень осторожно, стараясь нигде не задеть Китай. Никсон хотел бы как-то договориться с Китаем. Предложение Китая о новой встрече в Варшаве и с указанием о теме этой встречи (мирное сосуществование) вызвало настоящий восторг в Вашингтоне. И хотя встреча была Пекином отложена, однако в США считают, что Китай просто хочет запросить большую цену.

Что дает Китаю сделка с США? Она облегчила бы нажим на СССР. Соединенным Штатам такая сделка развязала бы руки в Европе, так как СССР отвлекся бы на Восток. Какую цену просит Китай? Это отказ США от поддержки Тайваня и экономическая помощь.

Провокация на Уссури неизбежно породит новые, еще большие провокации, уже была проведена в Пекине колоссальная антисоветская демонстрация. За сближение Китая и США выступает Линь Бяо.

В Европе в «Общем рынке» все страны, кроме Франции, стоят за прием Англии в этот рынок. Основная цель визита Никсона в Европу состояла, по-видимому, в том, чтобы договориться с де-Голлем. Но этого не произошло. Никсон добился успеха в Лондоне, Бонне и Риме. Он морально поддержал притязания ФРГ на Зап. Берлин, хотя и говорил, что ФРГ и Зап. Берлин — это не одно и то же.

Выборы президента в Зап. Берлине поддержал в конечном счете и де-Голль, хотя он мог наложить вето на эти

выборы. Эти выборы обернулись поражением правых. *Шредер* — атлантист. *Штраусс* — ориентируется на Европу. Избран президентом ФРГ Густав Хейнеманн, социал-демократ. В прошлом левый социал-демократ. Он был директором крупповских заводов (видимо, в период их конфискации?). Наши газеты часто цитировали его высказывания как левого. Но потом он примкнул к правым с/д.

Отвечая на вопросы докладчик сказал, что в Югославии сложились сейчас тяжелые экономические отношения и резко обострились отношения между хорватами и сербами. К власти в стране рвется прозападная группа молодых политиков. Подготавливается контакт Тито-Никсон».

7. *Гибель озимых на юге*

В сельском хозяйстве нашей страны произошла серьезная катастрофа. На Северном Кавказе, в Крыму, в Южных районах Украины погибла значительная часть озимых. Точные размеры бедствия не сообщаются, однако имеются неофициальные сведения о гибели 15-20 миллионов гектаров. При этом речь идет не только о гибели посевов, но и о гибели почвы на весьма значительной площади. Январь и февраль выдались на юге в нынешнем году наредкость морозными. Однако снежного покрова на полях почти не было. Неожиданно начались сильнейшие ветры, которые продолжались несколько дней и привели к невиданной еще здесь ветровой эрозии. Пыльные бураны уносили в предгорья миллионы тонн чернозема. Во многих случаях почва снесена на глубину 10-15 см. Поэтому далеко не везде можно будет на место погибших озимых провести сев менее урожайных яровых. Большинству колхозов и совхозов на юге страны нанесен огромный ущерб, ликвидировать или возместить который можно будет лишь в течение нескольких лет. Уже сейчас можно предположить, что сбор зерна на юге страны составит примерно на один миллиард пудов меньше запланированного. Важную роль в балансе зернового хозяйства будет играть целина, однако виды на урожай в целинных районах станут известны лишь к концу мая — пыльные бури случались и здесь поздней весной, также и сев на целине проводится в конце мая, начале июня.

Катастрофу в сельском хозяйстве приходится только частично отнести за счет стихийных сил природы. Во всех хозяйствах, где в прошлом проводилось правильное облесение, т. е. создавались лесные полосы, почва почти не пострадала. Но таких хозяйств ничтожное меньшинство. Имеют значение для этих районов и многие другие меры по защите почвы. Уже сейчас в ряде районов страны ухудшилось продовольственное положение, повысились цены на рынках (мясо до 5 рублей). Из некоторых городов приезжают в Москву за продуктами. Сравнительно хорошие урожаи последних лет привели к росту советских внешнеторговых обязательств по зерну — мы обеспечиваем пшеницей Финляндию, ЧССР, Кубу и некоторые другие страны. Вероятно, и в этом году нам придется (как в 1963 и 1965 гг.) прибегнуть к крупным закупкам зерна за границей.

О ПОЛОЖЕНИИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

1. Статья В. Биляка

В журнале «Проблемы мира и социализма» опубликована большая статья Василия Биляка «Пролетарский интернационализм — принцип международной деятельности КПЧ». Через несколько дней после выхода № 3 журнала со статьей Биляка эта статья была перепечатана в «Правде». Статья Биляка неоригинальна. Показательно, однако, что в ней нет трафаретных фраз об опасности контрреволюционного переворота в ЧССР и т. д. Биляк старательно обходит все наиболее острые вопросы наших взаимоотношений с Чехословакией.

2. В Союзе писателей ЧССР

Как Чешский, так и Словацкий союзы писателей отказались участвовать в конференции Союзов писателей социалистических стран, которая состоялась недавно в Будапеште. При этом Союз писателей ЧССР опубликовал заявление о том, что он не намерен прерывать связей с литературой любой страны, если эти связи будут осуществляться на основе равноправия, взаимного уважения и суверенитета каждой национальной литературы. Союз писателей

опубликовал также Открытое письмо Союзу Советских писателей, в котором содержится ответ на критику чехословацких писателей и особенно народного деятеля искусств Сейферта, и. о. председателя Союза писателей Чехословакии.

3. И. Гендрих

Бывший секретарь ЦК КПЧ по вопросам идеологии И. Гендрих, долгие годы являвшийся одним из ближайших помощников А. Новотного, на заседании городского национального совета в Ческе-Будеевицы сделал заявление, что он не намерен больше баллотироваться в Национальное собрание в качестве депутата от этого округа.

4. Анкета среди молодежи

«Млада фронта» опубликовала в конце февраля 1969 г. результаты опроса 400 молодых людей в возрасте 15-29 лет, проведенного в Северо-Чешской области. Опрашивались представители всех слоев населения. Опрос показал, что молодежь продолжает доверять Коммунистической партии Чехословакии. Наиболее популярны среди молодежи А. Дубчек, Л. Свобода и Й. Смрковский. 75 % опрошенных знают Программу действий КПЧ и резолюцию ноябрьского Пленума ЦК КПЧ. 2/3 опрошенных высказались за быстрейший вывод иностранных войск из Чехословакии.

5. Еще одно самосожжение в Чехословакии

Агентство ЧТК сообщило о похоронах Яна Заяца, состоявшихся в г. Виткове, Ян Заиц — ученик железнодорожного техникума в городе Шумперке. Гроб стоял в школе. Выступившая на траурном митинге зам. директора школы сказала, что юноша, покончивший с собой путем самосожжения, был прекраслый человек и никогда не мирился с несправедливостью. На похоронах были представители от Остравы, Олоумоца, Брно и Праги. Все чехословацкие газеты поместили информацию об этих похоронах. Газета «Земледелски новины» пишет: «Больше не надо таких

жертв! Благородные идеи надо доказать жизнью, а не смертью.»

6. Статья в газете «Вечерняя Прага»

В ряде городов и сел Чехословакии еще в августе-сентябре 1968 г. происходило разрушение памятников советским воинам. Несколько подобных актов прискорбного экстремизма происходило и после самосожжения Яна Палаха. Одному из них газета «Вечерни Прага» посвятила 28 февраля статью под названием «Демонстрация убожества». В этой статье говорится: «Известие о том, что разрушен памятник советским партизанам в Кромерихчине, партизанам, замученным нацистами еще до окончания войны, можно назвать трагическим событием или всего лишь проявлением вандализма. Однако здесь идет речь о чем-то значительно большем и не только с точки зрения количества случаев подобного «героизма» (за последние полгода их было много), а прежде всего с точки зрения причин таких поступков. Все, конечно, зависит от того, как это преподнести. Кто-то может такие поступки оправдать и объяснить как прямое следствие августовских событий, которые вбили в чехословацко-советские отношения такой клин, какого не могла вбить никакая антисоветская пропаганда. С другой стороны выходцы из противоположного лагеря в своих «Зправах» и «Трибунах» могут характеризовать этот поступок как неопровержимое доказательство выступлений контрреволюционных элементов. А центристы могут попытаться примирить сложные крайние группировки с помощью приемлемых для обеих сторон формулировок о «достойных сожаления действиях малочисленных экстремистов». Но давайте отойдем от всех нынешних течений, которые могут так или иначе использовать в пропагандистских целях своей текущей политики случай в Кромерихчине. Будем называть вещи правильными и понятными словами, как этому учит нас январь 1968 года. То, что произошло в деревне Здоунки в районе Кромерихчине, является преступным актом какого-то лица, которое хочет по-иезуитски заглушить правду истории. Это действие настоящего фашиста и оно достойно всеобщего презрения. Подобно тому, как костер Яна Гуса не сжег гусистские идеи, как разрушение бюстов Масарика не разрушило его гуманистических идей,

как цензурные ограничения 50-х годов не изолировали нас от мировой культуры, так и кощунственное надругательство над памятниками героям антифашистской борьбы не может уменьшить нашу благодарность за освобождение. Десятки тысяч молодых советских жизней были положены на алтарь свободной Чехословакии — это факт, который нельзя толковать двояко. Дважды на протяжении четверти века переходят границы Чехословакии советские войска, дважды их встречает народ нашей страны. Видимо, нет надобности разъяснять, чем отличаются цветы в первый раз от цветистых выражений во второй. Здесь все и так ясно.

Поэтому недостойно и убого выглядит тот, кто демонстрирует свою мелкоту, посягая на вещи, значение которых принизить невозможно.»

7. *Из речи Штроугала*

Руководитель Бюро по руководству партийной работой в чешских землях Штроугал в своей речи на партийном собрании завода «Электрицке локомотивы» сказал: «Часть коммунистов, составляющих правое оппортунистическое крыло, отвергает определенную часть ноябрьской резолюции, а именно классовые аспекты политики партии и ее руководящую роль. Независимо от имеющегося опыта, эти коммунисты не признают наличия антисоциалистических сил в государстве. Но в партии существует также сектантско-догматическое течение, которое не всегда пользуется методами, соответствующими уставу партии. Невозможно сомневаться в просоциалистическом характере этого течения. Однако эти товарищи не вполне понимают изменений, произошедших после января, они не хотят учитывать современные элементы политики партии. В определенной степени в этом виноваты и мы, так как мы не умеем разъяснять им наши взгляды.»

8. *Статья в «Литературной газете» об О. Шике*

12 марта «Литературная газета» поместила статью Яноша Авара из «Непсабадшаг» против О. Шика. В самом заголовке статьи: «Профессор? . . Политик? . .» содержится ясный

намек на то, что О. Шик является антисоциалистом и контрреволюционером, находящимся на содержании западных империалистов или сионистов. Путем различного рода передержек Я. Авар пытается обосновать свой намек, представив О. Шика сторонником капиталистического развития Чехословакии. Тот факт, что О. Шик является членом ЦК КПЧ, свидетельствует, по мнению Авара, что до сих пор еще не удалось «вытеснить правый оппортунизм из руководящего органа партии.»

9. *Провокационная публикация в «Советской России»*

7 марта газета «Советская Россия» опубликовала провокационную статью «Чехословацкие эмигранты и сионистские организации». Сославшись на сообщение ТАСС из Ливана (корреспондент ТАСС в свою очередь ссылается на ливанскую газету «Ад-Дунья»), «Советская Россия» сообщает своим читателям, что в Лондоне состоялось недавно секретное совещание крупнейших сионистских организаций и некоей организации под названием «Объединенной международной организации чешских и словацких политиков внутри и за пределами Чехословакии.» Здесь же говорится, что именно сионисты хотели бы объединить все эмигрантские организации за пределами ЧССР и повлиять на события в Чехословакии. Благодаря своим связам в верхах ЧССР, Тель-Авив хорошо знает якобы не только о всех делах в ЧССР, но и содержание секретных переговоров между советскими и чехословацкими лидерами в Чиерне. «Это оказалось возможным потому, — говорится в статье «Советской России» — «Ад-Дуньи», — что многие из проживающих в ЧССР евреев поддерживают прочные связи с сионизмом. ... Многие из них занимают ответственные посты в политической, культурной и научной областях и являются сторонниками свержения социалистического строя в Чехословакии, восстановления там капиталистического режима, который отвечал бы интересам Израиля». Израиль и сионисты США, говорится далее в данной статье, — ассигновали колоссальные суммы на финансирование внутренней оппозиции в Чехословакии. Сообщается также, что на секретном совещании в Лондоне присутствовали Бродский, О. Шик и Э. Гольдштюккер, «имеющий широкие международные связи с сионистами во всем мире».

Краткое изложение статьи из «Советской России» помещено в «Правде» под заголовком «Происки реакции».

Данная публикация является явной провокацией. Как это видно еще из событий в августе-сентябре 1968 года, некоторые сообщения *дезинформационного* характера подготавливаются в СССР в какой-то специальной организации по дезинформации. Затем эти сообщения через наших людей публикуются в Индии, на Цейлоне, в Ливане и т. д., а затем перепечатываются советскими газетами. В глазах обывателя такие сообщения выглядят более достоверными. А пострадавшим от клеветы можно ответить, что мы лишь перепечатали сообщение иностранной газеты. Газета «Ад-Дунья» не первый раз выступает в качестве поставщика клеветнических сведений о Чехословакии. В августе-сентябре 1968 г. мы ссылались на корреспондента этой газеты, который якобы узнал в Брюсселе о сверх-секретном плане НАТО в отношении Чехословакии. Теперь же пытаются внушить читателям, что главным организатором всех событий в ЧССР является не НАТО, а международный сионизм.

10. Еще о позиции бельгийской компартии

Орган бельгийской компартии газета «Драпо руж» опубликовала краткое изложение выступления заместителя председателя Компартии Бельгии Жана Терфа на состоявшемся недавно в институте Вандервельде коллоквиуме на тему «Будущее коммунизма». Мотивируя несогласие КПБ с действиями 5 стран Варшавского Договора, Ж. Терф сказал, что речь идет не о случайном и временном, а о глубоком несогласии с вмешательством 5 стран в Чехословакии. Августовские события привели к укреплению военных блоков, затруднили ослабление напряженности, усилили ту косность, которая существовала и ранее. «Более жесткая идеологическая линия, которую можно заметить в социалистических странах, представляет собой особенно отрицательный и опасный элемент в такое время, когда в передовых капиталистических странах проблема необходимости перехода от капитализма к режиму социалистического типа стала более актуальной, чем когда-либо». Между тем, хотя существует движение протеста, подкрепляющее требование

социализма, «существующие образцы режимов социалистического направления демонстрируют ряд отрицательных черт. Это достойно глубокого сожаления». Несогласие, — пояснил Ж. Терф, — отнюдь не разрыв. Важность самого существования СССР и социалистического лагеря, например, для Кубы и Вьетнама, для борьбы за мир и против империализма, — такова основа нашей солидарности. Если из всех последних событий можно извлечь важный урок, то он сводится к огромной необходимости достигнутых результатов в организации мирного сосуществования и в борьбе за социализм.

11. О позиции мексиканской компартии

Состоявшийся в начале марта пленум Мексиканской компартии подтвердил свое отрицательное отношение к военной интервенции 5 стран Варшавского Договора в Чехословакии. В решении пленума указывается, что по мнению Мексиканской компартии, подобная акция не была оправдана ни с точки зрения внутреннего и внешнего положения ЧССР, ни с точки зрения принципов, которыми должны определяться отношения между компартиями и социалистическими государствами. Пленум МКП пришел к выводу, что одной из важнейших причин, вызывающих разногласия в коммунистическом движении, является нарушение элементарных норм в отношениях между компартиями. Пленум МКП выразил убеждение, что развитие коммунистического движения требует защиты суверенитета и независимости коммунистических партий и социалистических государств, уважения мнений каждой компартии, а также откровенного обсуждения спорных вопросов.

12. Газета «Зправа» продолжает издаваться и распространяться в ЧССР

По сообщениям чехословацкой печати, газета советских вооруженных сил в ЧССР продолжает издаваться и распространяться в Чехословакии, несмотря на возмущение населения. Газета «Зправа» распространяется бесплатно и нелегально При этом ее распространители прибегают к различным уловкам. Так, например, недавно подписчики га-

зеты ЦК КПЧ «Руде право» в Брно и других городах Южно-Моравской области получили вместе с «Руде право» и вложенный в нее листок «Зправы». В связи с этим в газете «Руде право» опубликована заметка «От редакции». В этой заметке редакция «Руде право» выражает беспокойство по поводу того, что читатели перестанут доверять этой газете, если будут вместе с ней получать и «Зправу». В заметке подробно описывается как печатается «Руде право» в типографии в Брно и отмечается, что виновников подлога следует искать где-то за пределами издательства и типографии. «Редакция и издательство, — говорится в редакционной заметке, — намерены преследовать всякого, кто без их согласия будет вкладывать в нашу газету какие-либо печатные материалы, тем более нелегальные, порочащие доброе имя нашей партийной печати». Здесь же говорится, что и сама редакция газеты «Руде право» получает пакет с печатью второго почтового отделения г. Брно, содержащий газету «Зправа», хотя никто в редакции ее не выписывает.

В газете «Праце» 27 марта опубликовано интервью с руководителем чехословацких профсоюзов К. Полачеком, председателем Национального собрания П. Цолоткой, председателем Народной палаты Й. Смрковским и председателем правительства Чешской соц. республики Р. Пацовским. В течение трех часов эти видные руководители страны отвечали на вопросы рабочих. Один из вопросов касался «Зправы» — »Как долго будет еще издаваться эта газета». На этот вопрос последовал следующий ответ: «Наши органы и руководители уже несколько раз вели переговоры по этому поводу и по дипломатическим каналам и во время межгосударственных встреч. Мы считаем, что «Зправа» не оказывает добрых услуг ни нам, ни тем, кто ее издает. Эта газета — одно из препятствий на пути к нормализации, к чему мы стремимся. В будущем газета, вероятно, будет закрыта, однако мы полагаем, что это не может произойти на основе какого-либо нажима или ультимативных требований».

Был задан вопрос: «Какую пенсию получает Новотный?» Ответ: «Она достигает 5-6 тысяч крон в месяц. Необходимо учитывать, что А. Новотный в течение многих лет был президентом республики. Поэтому в данном случае речь

идет об уважении к посту президента. Другое дело, почему А. Новотный был в течение столь длительного времени президентом».

13. Чехословакия и «культурная революция» в Китае

Хотя китайская пропаганда обвиняет большинство западноевропейских компартий в ревизионизме, многие из этих партий воздерживаются от того, чтобы в свою очередь бросать китайской компартии резкие обвинения в предательстве, контрреволюционном перевороте, антисоциализме и т. п. Среди значительной части западноевропейской молодежи существуют даже весьма сильные прокитайские настроения. И такие же настроения, как реакция на советское вмешательство, имеют место среди части чехословацкой молодежи и интеллигенции. В этом отношении весьма показательна статья Любомира Сохора «Китай как идеологическая и как теоретическая проблема», опубликованная в журнале «Пламен» (№ 2 за 1969 г.) «В бюрократической идеологии, — пишет Сохор, — действует староновое правило, что все на самом деле по другому, а часто даже и прямо наоборот. И если мы нередко читаем, что китайские лидеры предали марксизм и социализм, что они пошли по пути национализма и фактически стали союзниками империализма, то это утверждение и в словесном отношении весьма энергичное, но никак не доказательное, будит недоверие, впрочем, точно также, как и статьи китайской печати, где слово «ревизионист», никак не дифференцированное, является и преамбулой, и аргументом и «неопровержимым» выводом. Собственный горький опыт учит нас, чтобы мы основывали свои собственные суждения о других социалистических государствах прежде всего на теоретическом анализе, опирающемся на конкретные знания и ни в коем случае не на идеологических фетишах, вроде бэконовских идолов рынка, рода, пещеры и театра. И это, по моему мнению, касается прежде всего народного Китая. Совершенно естественно, что в нашу голову вкрадывается сейчас подозрение: если стало возможным в столь короткое время перевернуть с ног на голову смысл процесса возрождения в Чехословакии, то не происходит чего-либо подобного в идеологической кампании против Китая? Если стало

возможным, что наши критики говорят о чем попало, но молчат о самом главном, то-есть о бюрократии, то не обходится ли молчанием главная проблематика в споре между Китаем и остальными коммунистическими странами? Каково реальное содержание идеологии китайских марксистов? Идет ли речь вообще о марксизме? Что является подлинным смыслом так называемой культурной революции? Является ли это результатом бюрократической манипуляции, или здесь имеет место антибюрократическое движение самих масс? В то время как на чехословацкую проблематику мы знаем по крайней мере основные ответы, ответов на вопросы, которые ставит китайская действительность, мы не имеем совсем. Вместо ответов у нас пробуждаются подозрения — и это на основе своего собственного опыта, что идеологические кампании ставят факты в большинстве своем с ног на голову...

Прежде всего, — спрашивает Сохор, — что, собственно, такое маоизм? Это форма марксизма, это его развитие или упадок и дегенерация? Исаак Дейчер в одном своем очерке считает, что нельзя отождествлять маоизм и сталинизм. Сталинизм возник как комбинация революции и варварской отсталости, из синтеза ленинизма и традиций Ивана Грозного. Маоизм со своими методами «первоначальной социалистической аккумуляции», с патернализмом и ритуальным марксизмом комбинирует ленинизм с конфуцианством, революцию с навыками и мыслительной традицией старой мандаринской касты. Оба эти идеологические течения возникли из основного противоречия между социалистическими целями и примитивной доиндустриальной общественной структурой. Но несмотря на эти сходные черты, согласно Дейчеру, существует существенная разница — в пользу маоизма. Маоизм якобы не раздирает столь страшное внутреннее напряжение, как это было при сталинизме, в нем нет столько иррациональных черт, он не имеет склонности в такой мере к террору и большим чисткам, и в отличие от сталинизма он не является враждебным к массовым тенденциям к равноправию. Маоизм также не попрал своего революционного происхождения и сохранил сильные элементы интернационализма. Это, — заключает, однако, Сохор, — любопытные гипотезы, но это всего лишь гипотезы. Автор высказал их еще до «великой культурной революции», которая освещает теперь мнения этого проницатель-

ного историка марксизма (т. е. Дейчера) в несколько ином свете».

Статьи, подобные статье Сохора, не единичны сейчас в чехословацкой печати. 28 февраля газета «Праце» опубликовала большую статью «Мао — политик и символ». В этой статье карьера Мао в китайском революционном движении излагается в основном с сочувственных позиций. «В 28 лет, — говорится в этой статье, — Мао стоял у рождения Коммунистической партии Китая (1921) и уже в 1923 году он был избран в ЦК КПК. Он пережил вместе с партией два катастрофических поражения — в 1927 году и в 1934 году. Много людей заплатило за это жизнью. Но его это не сломило. В течение своей политической деятельности он часто имел своеобразные взгляды на методы революции, на вопрос союзников и путь революции. Поэтому он попадал в острые конфликтные ситуации, как внутри партии, так и вне ее. Он не чуждался чисток и устранял со своего пути всех оппонентов. Когда в 20-е годы его подвергли критике за то, что он придает особую значительность крестьянскому движению, он не потерял головы и стал опираться на тех, кто ему доверял — пошел к крестьянам. Китайская революция действительно победила, опираясь на эти, чисто китайские силы мобилизованной деревни. Практика, таким образом, подтвердила его правоту.» Политику Мао последних лет автор статьи в «Праце» Карел Троска называет «своеобразной», «оригинальной», «необыкновенной», — эта политика неизбежно должна была вызвать бурное несогласие в мировом коммунистическом движении. «Однако, — заключает автор, — задача деловой и конкретной дискуссии является выяснить, в чем этот профессиональный революционер ошибается и в чем он держит палец на пульсе истории».

14. Обзор первых номеров журнала «Политика»

После длительного перерыва в Праге стал снова издаваться журнал «Политика». Журнал выступает за продолжение демократизации в ЧССР даже и в нынешних условиях. Он недвусмысленно высказывается против акции 21 августа 1968 года и за вывод всех войск из Чехословакии.

Мы приводим ниже содержание первых трех номеров журнала.

№ 1, 27 февраля.

Мирослав Филип «Читателям» — программа журнала.

Редакционная статья «Читал ли Мао Цзэ-дун Ленина».

Под заголовком «Неоплатный долг» Алоис Свобода делится своими впечатлениями из Болоньи со съезда ИКП. Йозеф Дворжак в статье «Что утаивается в космонавтике» говорит о том, насколько необходимы спутники для будущей войны и предполагает, что только та страна способна вести атомную войну, которая за течением ее может следить посредством собственных спутников.

Интервью с руководителем идеологического отделения ЦК КПЧ Мирославом Кусым о действиях правых и левых (отчасти, наверное, за это интервью Кусы был снят с занимаемого поста) — перепечатка из «Света в образах».

Мирко Новак — «Об особенностях чешского национального сознания» — социологический анализ в связи со стремлениями народа к защите суверенитета.

В статье «Теория «единой модели» и Ленин» Иржи Сладек утверждает, что упомянутая «теория не имеет ничего общего с Лениным».

Статья Франтишка Шамалика «Ответственность и безответственность» посвящается внутриполитической ситуации.

В статье «О печати не так, как обычно» в основном говорится о том, как распространяются (и не распространяются) чешские газеты в Словакии и как распространяются словацкие в Чехии.

Богумил Грабал в статье «О визах» пишет, сколько путаницы было в западном радио относительно пребывания в разных странах чешских писателей — исходит в основном из личного опыта.

Вацлав Краус в большой статье задается вопросом — «Почему предприятиям нужно самоуправление?»

Рудольф Коцанда ставит вопрос «Какими юридическими правами должны обладать советы предприятий?»

Статья «Ошибки практики или идеологическая диверсия?» касается клеветнических заявлений Вилема Нового, истории вокруг Смрковского-Кузнецова (о переданной кем-то записи интервью), истории с подложным письмом Палаха, а также конференции, собранной Бертраном Расселом в начале февраля.

Вацлав Горак публикует статью «Финал культурной революции на горизонте». Также публикуются некоторые «Цитаты председателя Мао».

Мирослав Патек, как корреспондент в ООН, касается вопросов внешней политики Чехословакии и в основном израильско-арабского конфликта в статье «Направление: компромиссы на Среднем Востоке».

В статье «Новотный как алиби» Людвик Пацовский говорит о том, что клясть Новотного не является еще приверженностью к послеянварской политике.

№ 2, 6 марта 1969 г.

В статье «Без рычагов. Без диктата» Людвик Пацовский говорит о том, как в настоящее время в Чехословакии по-новому понимается тезис о ведущей роли партии. Одновременно речь идет о воскрешении старого бюрократически-административного понимания ведущей роли партии.

Павел Врановский в статье «Надежды под именем Профсоюзы» говорит о предстоящем съезде профсоюзов.

Министр чешской культуры Мирослав Галушка и министр словацкой культуры Мирослав Валек отвечают на вопросы корреспондента «Политики». Из ответов становится ясно, что будет значительно повышено представительство одной культуры в землях другой и что стали решаться вопросы, обеспечивающие нормальные экономические условия существования творческой интеллигенции, зашедшие в тупик при Новотном.

Из разговоров с членом ЦК КПЧ рабочих заводов Победного Февраля становится яснее история с распростране-

нием нелегальных «Зправ» и становится совсем ясна фальшивка «Жолежа вольнощи» о «нападении на народную милицию». Этот разговор озаглавлен «Мы хотим делать конструктивную политику», ибо именно поиски конструктивных экономических и политических решений на заводе определяет суть деятельности завода и суть опубликованного разговора.

Владимир Сухопа рассказывает «О старом расколе рабочего движения пятидесятилетней давности», который произошел в августе 1914 года, когда пять самых крупных социалистических партий во главе с ведущей партией высказались за военную агрессию (речь идет о немецкой, австрийской, французской, британской и бельгийской партиях). О том, как это было (с самыми невинными, невольно напрашивающимися аналогиями) подробно по пунктам рассказывает статья. А также и о том, к чему это привело и чем кончилось.

Автор статьи говорит и о позиции Ленина, и о теории Розы Люксембург, известной под названием «соединительных мостов» между социал-демократическим западом и революционным Востоком. А также о том, что Роза Люксембург не хотела, чтобы западноевропейским партнером большевиков стали маленькие революционные группы.

«Ее точка зрения тогда не была принята. Москве казалось, что на диалоги нет времени. Что не нужно «соединительных мостов» и разных «переходов», потому что европейская революция недалеко и путь к ней свободен.

Но «мысль о соединении революционной инициативы и энергии, идущей с Востока со своеобразными прогрессивными традициями Запада осталась жива».

12 страниц журнала посвящаются материалам XII съезда Итальянской коммунистической партии.

№ 3, 13 марта 1969 г.

На обложке фотография рабочего с поднятой рукой — «Дальше уже ни на сантиметр».

Вацлав Краус пишет о закончившемся съезде Профсоюзов «Профсоюзы на старо-новом пути» — о том, что «рабо-

чий класс сдвинулся с места более медленно, чем иные общественные слои, но что «теперь его уже ничего не остановит».

Съезд высказался по поводу экономической реформы, положения социалистического предприятия и советов предприятия. Высказал свое отношение к проблеме права на забастовку. Ясно было сказано, что «профсоюзы не хотят быть оппозицией по отношению к коммунистической партии, но они не хотят быть и приводным рычагом».

В статье «Проблемы полетов на Луну» Йосеф Дворжак пишет о том, что теперь нет сомнений, что американцы опередили русских в освоении космического пространства и пытается разобраться, почему это произошло. Одной из основных причин он считает опоздание соцстран в развитии электронно-вычислительной техники, связанной с непризнанием кибернетики, и выражает опасение, что соцстранам в этой области уже не догнать капиталистические страны. Что же касается освоения космоса, то он видит и некоторые преимущества СССР, но ставит вопрос, какой ценой.

«Политика» обращает внимание читателей на новый журнал «Мезинародни политика», где, в частности, помещены юридический разбор проблем суверенитета, актуальный комментарий к съезду ИКП и рецензия на изданную в Англии книжку Марии Шлинговой «Правда победит» — о процессе над группой Сланского, Шлинга и др.

И. С. Гаек публикует «Размышления по поводу трагического юбилея» — о 15 марта 1939 и предшествовавших событиях. В заключение говорится об опыте послеянварского развития 1968 года:

«Даже наше нынешнее, в классовом отношении новое руководство не должно забывать об особенностях чехословацкого и чешского положения в Европе и в истории. Даже в новом социалистическом контексте, внутреннем и международном, развитие идет не без проблем и не без конфликтов — в том числе и между союзниками — и даже новая стабильность чехословацкой, чешской и словацкой государственности и суверенитета, гораздо более крепкая (твердая), чем это было во времена первой республики, не может обойтись без актуальной демократической ангажирован-

ности народа, граждан, как опоры для понятной и принципиальной, рассудительной и при этом решительной политики коммунистической партии, Национального фронта и правительства.

Советско-китайскому конфликту посвящается статья Вацлава Горака «Идет ли речь только о границе?» Это обзор разных внешне-политических комментариев.

Статья «Германия: Кризис закончился» Милана Петра посвящается выборам президента ФРГ.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

1. О повести Н. Воронова «Юность в Железнодольске»

Интересная, своеобразная и по своему глубоко патриотическая повесть Н. Воронова «Юность в Железнодольске», опубликованная в «Новом мире» (№ 11 и 12 за 1968 г.), подверглась резкому и несправедливому разносу в «Литературной газете». Повесть Воронова автобиографична. Автор изображает быт одного из рабочих бараков в Магнитогорске в трудные 30-е годы и в годы Великой Отечественной войны. Рассказ ведется от имени мальчика, подростка, юноши. Конечно, повесть Воронова не лишена недостатков, в ней нет *всей* правды, как, впрочем, и в любом другом произведении, да Воронов и не претендует на это. Мы видим в повести одну из важных для писателя сторон жизни рабочего класса, крестьянства, вообще народа.

Споры вокруг этой повести начались еще до ее публикации. Цензура долго задерживала № 12 журнала, требуя исключения из повести ряда эпизодов. И некоторые места из повести были действительно вырезаны. Однако и в этом «урезанном» виде «Юность в Железнодольске» вызвала возмущение в определенных кругах. В «Литературной газете» опубликовано явно инспирированное письмо группы старых комсомольцев и коммунистов — участников строительства Магнитогорска, которые обвиняют Воронова в очернительстве, в том, что он не показывает в своей повести роли партийной и комсомольской организации, в том, что он изображает все в серых, безнадежных, мрачных то-

нах, что в повести нет «того радостного пафоса созидательного труда, каким было отмечено время» и т. д. Большая часть этих обвинений несправедливы. В повести показаны и радость труда, показана сила патриотизма и многое другое. Но это и не может быть главным в такой повести, которая ведется от имени барачного мальчика, приехавшего в Магнитогорск (Железнодольск) в голодные годы, а не от имени инструктора Магнитогорского райкома комсомола, приславшего среди других письмо в «Литературную газету». Одновременно с письмом старых магнитогорцев в «Литгазете» помещена большая статья М. Синельникова, в которой дается более подробный «литературоведческий» разбор повести Воронова. Хотя и в иных выражениях, Синельников говорит то же самое, что и авторы письма в редакцию. Весьма характерно, что «Правда» в разделе «Из последней почты» поместила подробное изложение письма бывших магнитогорских комсомольцев и статьи Синельникова.

2. Совещания по военно-патриотической литературе

В самом начале марта Союз писателей провел совещание писателей и поэтов, пишущих на военные темы. Совещание, на котором присутствовало около 100 человек, прошло в острых спорах. Поднимался вопрос и о том, что в опубликованных в последние два года военных мемуарах искажается историческая истина и реабилитируется Сталин. Об этом говорил даже Сурков. Еще подробнее говорил об этом Бондарев, который цитировал в противовес мемуарам Штеменко, Мерецкова, Рокоссовского и др. книгу Жукова, где этот маршал немало пишет о военной некомпетентности Сталина. Как выясняется, мемуары Жукова издаются в СССР в укороченном варианте. Полный текст этих мемуаров будет издаваться во Франции на французском языке. Это делается французами по договору с Агентством печати «Новости».

10-11 марта в ЦДСА состоялось новое расширенное совещание по проблемам военно-патриотической литературы, организованное на этот раз Главным политическим управлением Советской Армии и Военно-Морского флота. В сове-

щании приняли участие работники ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, Гос. Комитета по печати. В зале совещания сидело много маршалов СССР. Вообще было более половины военных и писатели составляли явное меньшинство. Совещание прошло в крайне консервативном и даже реакционном духе. Чрезвычайно резкой критике подверглись даже такие писатели, как А. Чаковский и В. Кожевников. С крикливой полуистерической речью выступила Е. Леваковская, которая обрушилась на В. Быкова, Г. Бакланова, О. Гончара и на «Литературную газету». Особенно грубым было выступление адмирала М. Захарова (кажется, с Тихоокеанского флота). Захаров дошел до того, что два раза назвал неугодных ему писателей, пишущих на военные темы, «прохвостами». «В наших руках, — заявил Захаров, — бумага, в наших руках типографии, наконец, в наших руках власть. Как же можно позволять этим писателям очернять славные подвиги Советской Армии».

В № 12 за 19 марта «Литературная газета» дает крайне приглаженный отчет о данном совещании.

В писательских кругах стало известно, что на конец марта в Государственном комитете по печати назначено еще одно совещание по военной литературе.

3. Общемосковское собрание писателей

31 марта 1969 года состоялось долго откладываемое общемосковское собрание писателей. Избрано правление. Собрание прошло без инцидентов, если не считать выступления Е. Евтушенко при выборах членов правления. Евтушенко потребовал отвести из списка писателя Ардаматского — автора антисемитского фельетона «Пиня из Америнки», напечатанного в «Крокодиле» в 1953 году. Большинство писателей поддержало Евтушенко. Затем Евтушенко предложил отвести и Шолохова, который мало живет в Москве. Но это предложение не было принято.

4. О новых главах из романа Михаила Шолохова «Они сражались за Родину»

В газете «Правда» (12-15 марта 1969 г.) опубликовано несколько глав из первой части романа М. А. Шолохова

«Они сражались за Родину». В литературных кругах уже давно было немало разноречивых слухов об этом романе и этих его главах. Одни говорили о новом выдающемся художественном произведении, достойном автора «Тихого Дона». Другие говорили, что Шолохов нарисовал в первой части своего романа широкое полотно предвоенной жизни нашей страны, не избегая и трудной темы репрессий, пыток, лагерей, уничтожения лучших кадров Красной Армии. Говорили также, что цензура решительно воспротивилась публикации нового произведения Шолохова, и что обиженный лауреат Нобелевской премии подал в отставку со всех своих литературных постов и уехал в Вешенскую. Говорили, что между директивными инстанциями и Шолоховым идут какие-то переговоры, писателя просят в чем-то уступить, какие-то страницы исключить, переделать и т. д. Посвященные разделились на две группы. Первая группа считала, что уступить должна цензура, что Шолохов не пойдет ни на какие уступки. Вторая группа, напротив, считала, что Шолохов, покапризничав и поскандалив, согласится на все требования цензуры.

И вот, наконец, новые главы из романа Шолохова опубликованы в «Правде». Опубликованное разочаровало почти всех. Разочарованы и те, кто чего-то еще ждал от Шолохова. Разочарованы и те, кто уже ничего не ждал от Шолохова — новая его вещь оказалась еще худшей, чем можно было предполагать.

В литературном отношении новые главы из романа Шолохова крайне слабы. Если бы не название романа и не фамилия автора, то можно было бы подумать, что эти главы — произведение начинающего и притом не слишком даже талантливого писателя. Мы не находим почти никаких следов великого мастерства автора «Тихого Дона», следов, которые еще сохранялись и в «Поднятой целине» и в «Судьбе человека». Долгое молчание и фактический отказ на десятилетия от писательской деятельности, а также реакционная политическая позиция не прошли даром, пришло интеллектуальное оскудение и творческое бесплодие (несколько лет назад об этом уже предупреждала Шолохова Лидия Чуковская).

Но мы не будем разбирать здесь новые главы Шолохова, как литературное произведение с чисто литературной точки

зрения. Мы не будем говорить о шолоховских пейзажах, диалогах, характерах действующих лиц, о подробном описании рыбной ловли (пожалуй, единственный эпизод, который живописуется с большим знанием дела. Впрочем, и здесь нет никаких художественных открытий, все это давно уже «описано и воспето»). Мы хотели бы сделать несколько замечаний по поводу тех немногих строк из шолоховских глав, где речь идет не о ловле сазанов и не о ссорах Николая Стрельцова с его женой Ольгой, а о некоторых исторических событиях и исторических деятелях.

Прежде всего совершенно очевидно, что не цензура уступила писателю, а что Шолохов уступил большинству требований цензуры. Нетрудно угадать даже те места, где были выброшены большие куски текста. Так, например, читая первую главу, мы узнаем, что к Николаю Стрельцову скоро приедет его старший брат Александр, большой командир Красной Армии, несколько лет проведший в заключении и только сейчас, перед войной, реабилитированный и освобожденный из лагеря. И Николай Стрельцов и особенно директор МТС Иван Степанович не просто ждут гостя. Они ждут его рассказа о тех страшных репрессиях, которые обрушились на нашу страну, о причинах этих репрессий. Особенно волнуется на этот счет Иван Степанович. Он просит Николая: «...Ты, как только отдохнет брат, сразу разузнай у него, что и как. Он в Москве был, он должен знать, что там в верхах думают. Походи возле него на цыпочках, осторожненько, с подходцем, а все, как есть, разузнай и выведай». «Встречусь я с твоим братом, — продолжает Иван Степанович, — так я с ним не о природе и не о наших задачах по сельскому хозяйству буду говорить. Никаких тактов мне не надо, будь они трижды прокляты, мне надо знать, что в Москве происходит, что там в верхах думают и чем дышат. Неужели в войну с фашистами влезем, а до этого в доме своем порядка не наведем? Но ты сам оглядись возле братана, а мне потом подскажешь...» («Правда», 12 марта [1969 г.])

И в следующем номере «Правды» герои напряженно ждут рассказа Александра Стрельцова. Иван Степанович не выдерживает и звонит по этому поводу по телефону домой к Николаю. И Николай в коридоре — «приглушенно говорит в телефонную трубку...» — молчит... Пока ничего не

было, Степаныч... Я тоже так думаю. Ну подожди. Немедленно расскажу. Ну будь здоров.» И все читатели «Правды» сами начинают с нетерпением ждать рассказа Александра Михайловича. Становится очевидно, что все, что говорится в первых двух главах, это лишь «присказка», лишь введение к чему-то главному, что будет сказано дальше. Напряжение возрастает, когда мы читаем, что перед рыбалкой, уловив взгляд Николая, заметившего какие-то странные темные пятна на икрах ног у брата, Александр говорит: «Думаешь, картечью посечены? Нет, тут без героики. Эту красоту заработал на лесозаготовках. Простудил ноги, обувка-то в лагерях та самая... Пошли нарывы. Чуть не подох. Да не от болячек, а от недоедания. Давно известно, «кто не работает, тот не ест», вернее, тому уменьшают пайку и без того малую. А как работать, когда на ноги не ступишь? ... А нарывы, как думаешь, чем вылечил? Втирал табачную золу. Более действенного лекарства там не имелось.»

Но это, конечно, еще не тот «главный» рассказ, которого с таким нетерпением ждет Иван Степанович. Этот «главный рассказ» должен быть в следующей главе. Но вот мы получаем «Правду» за 14 марта, и на том месте, где должен быть этот «главный» рассказ, читаем следующий диалог:

«Как снег на голову (это говорит Александр), свалился тридцать седьмой год. В армии многих, очень многих мы потеряли. А война с фашистами на носу... Ну, и со мной случилось, как со многими: один мерзавец оклеветал десятки людей, чуть ли не всех, с кем ему пришлось общаться за двадцать лет службы, меня в том числе. И всех пересажали, на кого он сыпал показания, и жен их отправили в ссылку, и мою Аню, конечно. Ты, очевидно, слышал и о методах допросов с пристрастием, и о методах ведения следствия, и о порядках в лагерях. Слышал, надеюсь?» (что-то уж очень настойчиво спрашивает об этом Александр).

— «Слышал», — отвечает Николай.

— «Этого не скроешь, — говорит опять Александр, — и *я не стану тебя лишний раз ранить, поберегу тебя браток.* Все это было. В разных местах по разному.»

Но откуда, спрашивается, агроному далекой МТС можно было узнать «о методах ведения допроса», «о методах ведения следствия», т. е. о пытках и истязаниях советских лю-

дей в застенках НКВД? Откуда ему знать и введенных Сталиным и Ежовым порядках в лагерях? Ведь первый человек, вырвавшийся из этих лагерей, которого видит Николай Стрельцов, и есть его старший брат Александр. Даже и не зная первоначальной редакции новых глав из романа Шолохова, можно с уверенностью утверждать, что именно в данном месте цензура выбросила несколько десятков страниц, а Шолохов на скорую руку заштопал образовавшуюся прореху.

Из-за срочного вызова Александра в Москву так и не смог встретиться с ним и поговорить директор МТС Иван Степанович. А так уж он ждал этой встречи! Да и сам Александр хотел ее. «Да, вот о чем я тебя попрошу, — говорит он Николаю. — Ты пригласи как-нибудь своего Ивана Степановича. Надо с ним потолковать. У него наивное представление о действительности». Но потолковать этим двум героям романа не удалось. И не смогли ни Иван Степанович, ни читатели узнать из романа Шолохова «что там в верхах думают», «что в Москве происходит» и чем там «дышат». И здесь слишком уж явственно видим мы следы чьих-то ножниц.

Правда, кое-что о трагедии 1937 года Александр Михайлович все же рассказывает. «Я глубочайше убежден, — говорит он, — что подавляющее большинство сидело и сидит напрасно, они — не враги. Слов нет, были среди изъятых и настоящие враги, однако их меньшинство, жалкое меньшинство». «На Сталина обижаюсь, — продолжает Александр, — как он мог такое допустить?!» Однако из дальнейшего мы узнаем, что Сталину не так-то и просто было во всем разобраться. Почему, собственно говоря, был арестован Александр? «Мерзавец, который нас упрятал, — говорит он, — сам оказался шпионом, да еще с долголетним стажем. И только когда органы докопались и окончательно убедились в том, что он работал на немецкую разведку, да еще со времен нашего сближения с Германией, еще со времен Локарно, — взялись за проверку наших дел, убедились в том, что предъявленные нам обвинения — чистейшая липа, ну, и освободили, принеся соответствующие извинения... Мы были уже в лагерях, а дела наши два года разматывались до благополучного для нас кончика. Сложно все, Коля, сложно! Давай, пожалуй, на этом и закончим сегодня...

Эту отраву вкушать надо небольшими порциями, иначе дурнить будет. Да у нас *и времени в запасе целая неделя, обо всем успеем поговорить*».

Однако из дальнейшего выясняется, что никакого времени в запасе у Александра и Николая не было. В тот же день Александра вызвал в Москву Г.К. Жуков. И Александр уезжает, оставляя Николая, Ивана Степановича, да и всех читателей в полном недоумении.

Получается, что органы НКВД сами были введены в заблуждение немецкими шпионами и в свою очередь мистифицировали Сталина. Этим что-ли и объясняются массовые репрессии 1937-1938 гг.? Получается, что органы НКВД были чрезвычайно озабочены поисками истины и целых два года искали доказательства невиновности Александра и его товарищей. Но если это так, то почему же органы НКВД продолжали держать в лагерях и тюрьмах сотни тысяч, а к концу 30-х годов и миллионы людей, невиновность которых можно было бы доказать гораздо проще, не за два года сложных розысков, а за 20 минут? Почему органы НКВД осуждали сотни тысяч людей на длительные сроки заключения, не проводя никакого законного судебного разбирательства, а в большинстве случаев заочно и притом длинными списками? Почему заочно выносились даже десятки тысяч смертных приговоров и тут же приводились в исполнение? Почему в тех редких случаях, когда арестованных судила военная коллегия, это судебное заседание, даже и по крайне сложным делам проводилось в течение 10-15 минут? Почему не были выпущены из лагерей и тюрем сотни людей, которых осуждали за «подготовку убийства Ягоды или Ежова» даже и тогда, когда сами Ежов и Ягода были расстреляны? Все эти вопросы можно продолжать на нескольких страницах. Имеется сейчас уже много тысяч свидетельств, что органы НКВД и большинство следователей хорошо понимали, что речь идет об аресте людей, не совершавших никаких преступлений. Большая часть дел создавалась самими органами НКВД и вовсе не для того, чтобы вводить в заблуждение Сталина. Все это делалось под давлением сверху, и на вершине этой страшной пирамиды, которая калечила и давила людей, стоял именно Сталин, а Ягода, Ежов, Берия и весь их аппарат — все это было орудием Сталина.

Немало возникает у читателя недоуменных вопросов и при чтении других мест из романа. Вспоминая о боях под Царицыным и о Сталине, Александр Михайлович рассказывает о том, как гуманно отнесся Сталин к одному из раненых казачьих офицеров. Вначале этот офицер плевался и отказывался разговаривать с большевиками. Но Сталин и Ворошилов приходили к нему не два и не три раза, тот пообвык, стал разговаривать со Сталиным. Более того, Сталин сумел переубедить казачьего офицера и тот стал командиром Красной Армии. Обо всем этом якобы рассказал Александру и его боевым друзьям сам Сталин. Более того, когда кто-то из царицынских командиров в присутствии Сталина скептически отозвался об одном из командиров дивизии: «Он же бывший офицер царской армии», никто иной, как Сталин, взял этого командира под защиту. «Ну и что из того, — сказал Сталин, — что бывший офицер. Офицеры бывают разные».

Но ведь хорошо известно, что именно Сталин расстрелял в Царицыне многих ценных военных специалистов, хорошо служивших Красной Армии. Именно Сталин приказал поместить некоторых из этих специалистов на плавучую тюрьму, а затем и утопить эту баржу в Волге. А разве Шолохову неизвестна история с такими командирами как Сытин и Снесарев, которых Сталин отстранил от командования в Царицыне и за которых вступился не только Свердлов, но и Ленин (Сталин добился уничтожения этих военных специалистов уже в 30-е годы). Почему же герои Шолохова не говорят и об этом? Ведь если Александр Михайлович был в Царицыне одним из старших военачальников, то многие из этих фактов ему должны быть известны.

Вот к двум рыбакам подошел старик-овчар. Узнав, что Александр Михайлович пробыл четыре с половиной года в заключении, старик вдруг неожиданно говорит: «. . . Мою сноху в тридцать третьем году присудили на десять лет. Отсидела семь, остальные скостили. Только в прошлом году вернулась. Украла в энтот голодный год на току четыре кило пшеницы. Не с голоду же ей было с детями подыхать? По вольному хлебу ходила, ну и взяла не спрошаючи. Вот за эти десять фунтов пшеницы и пригрохали ей за каждый фунт по году отсидки. За них и отработала семь лет. А ты четыре, стало быть, твоей вины вполовину

ее меньше...» Этот рассказ старика-овчара о многом заставляет задуматься. Но как отвечает старику Александр Михайлович? «За мной отец, — говорит он, — никакой вины не было, по ошибке судили. Ты же знаешь, я не за кражу сидел, а темнишь в разговоре, сравниваешь. Но божий дар с поросятиной нельзя сравнивать, не то сравнение получается. Тогда если бы за четыре кило краденого хлеба не сажали, так воровали бы по четыре центнера на душу, верно, папаша?»

Можно предположить, что Александр именно так и ответил тогда старику. Ну а как сам Шолохов, он также думает? Какова его авторская позиция? Что было делать голодной женщине с ее умирающими от голода детьми? Ведь она не только «ходила» по вольному хлебу. Она этот хлеб сама вырастила, она сеяла, ухаживала за посевами и убирала урожай. Ведь колхозы еще только возникли, и она никак не могла отделаться от сознания, что это ее хлеб и от нее, от ее детей его увозят. Неужели Шолохов не понимает, что мы не можем ни оправдывать воровство, но не можем не видеть сегодня и всей жестокой несправедливости вынесенного голодной крестьянке приговора. А ведь бывало, что и расстреливали за такие проступки. И ведь речь то шла уже не о кулаках, которых в 1933 году всех выселили, а о самых беднейших крестьянах. Неужели такими методами можно было тогда укрепить союз рабочего класса и беднейшего крестьянства?

Или вот Александр Михайлович перечисляет командиров Красной Армии, отличившихся в Испании. Он говорит о Кирилле Мерецкове, о Николае Воронове, о Родионе Малиновском, о Павле Батове, о Саше Родимцеве. Все это, конечно, достойные люди. Но почему Александр ничего не говорит о таких героях испанской гражданской войны, как дважды герой Советского Союза Смушкевич, или как Герои Советского Союза Рычагов, Штерн, Черных, Пумпур, Проскуров и многие другие. Как известно, все эти герои испанской войны были по возвращении в СССР арестованы и расстреляны. Но ведь Александр Михайлович уверен, что большая часть военных сидит ни за что. Ведь и сам он был арестован после возвращения из Испании. Почему же он боится произнести фамилии своих друзей и по войне и по несчастью?

Неправдоподобны для 1941 года слова Ивана Степановича о Берия. Иван Степанович несколько раз говорит о Берия, как о негодяе, сожалеет, что один из колхозов округи носит имя Берия. Но ведь в 1941 году подлинное лицо Берия знали очень немногие даже и в верхах партии. С именем Берия многие связывали надежды на реабилитацию, тем более, что частичные реабилитации все же в этот период происходили.

Непонятно, почему Шолохов называет Александра Михайловича и мать Ольги Серафиму Петровну стариками («Ольга, тихо улыбаясь, вслушивалась в игривый разговор расходившихся стариков»). Нетрудно исчислить, что Серафиме Петровне было в 1941 году 44 года, а Александру Михайловичу 47 лет.

И такие же недоуменные вопросы возникают у читателя почти на каждой странице первой части романа.

Михаила Шолохова уже давно упрекали в творческом бесплодии. Можно вспомнить по этому поводу еще выступление на XX съезде делегата этого съезда Б. Гафурова, а также опубликованное в том же году в «Правде» письмо старого коммуниста А. Гиндина. Отвечая своим оппонентам, Шолохов демагогически воскликнул: «кто быстро работает — слепых рожает». Но вот, прочитав начало столь долго вынашиваемого романа «Они сражались за Родину», мы убеждаемся, что иногда и у тех, кто слишком уж долго и медленно работает, могут рождаться «слепые».

О НЕКОТОРЫХ СТАТЬЯХ, ПИСЬМАХ И РУКОПИСЯХ

1. Выступление академика П. Л. Капицы на заседании Президиума АН СССР (при обсуждении работы журнала «Вопросы философии») 28. II - 1969 г.

«Я с интересом прослушал доклад тов. И. Т. Фролова о перспективах работы журнала «Вопросы философии», так как он своевременно ставит вопрос о дальнейшем развитии мировоззрения, лежащего в основе построения нашего социалистического общества. Я думаю, что мы в Академии наук недостаточно оцениваем значение этих философских вопросов в нашу эпоху.

Будущий историк, несомненно, будет рассматривать наше столетие как борьбу двух систем организации общества — капиталистической и социалистической. Эта борьба идет в нескольких областях: экономической, политической и идейной. Развитие нашего государства за полвека после Октябрьской революции показало, что социалистическая система построения общества вполне жизнеспособна. Сравнивая ее с наиболее развитой капиталистической системой США, с полной объективностью можно утверждать, что сейчас в основных областях материального и культурного развития, как в народном образовании, в развитии науки, обороноспособности обе страны достигли примерно одинакового уровня. Единственно, где мы еще отстаем, это в области промышленно-технического развития; в основном это вызвано тем, что производительность труда у нас еще не достигла уровня США. Во всяком случае, учитывая высокие показатели роста нашего промышленного производства, сейчас становится очевидной равноценность двух систем — социалистической и капиталистической — как базы для развития материальной культуры общества.

Таким образом, теперь вопрос все больше и больше сводится к борьбе тех идейных основ, на которых развиваются эти две системы. Философия определяет те идеологические принципы, на котсрых основывается взаимоотношение человека и общества. Как известно, в основе идеологии капиталистического общества лежит, в первую очередь, стремление личности к материальному благополучию. В основе социалистической идеологии лежит развитие всего общества в целом, и необходимым условием для этого является всестороннее развитие личности. Поэтому в социалистическом обществе наиболее высоко ценятся творческие и этические качества личности и общество стремится их развивать. Эти противоречия в отношении к человеку в обеих структурах общества и лежат в основе идеологической борьбы этих двух систем. Благодаря происходящей научно-технической революции общество сейчас достигает полного материального благополучия вне зависимости от принципов, на которых развивается народное хозяйство; поэтому тот общественный строй является наиболее прогрессивным, в котором наиболее полноценно развиваются духовные качества человека, поскольку это является основой для его наиболее счастливого существования.

Хорошо известно, что в последние годы в капиталистических странах нарастает революционное движение массового характера, в особенности среди молодежи. Это движение охватывает все наиболее развитые капиталистические страны, оно нарастает и его лидером является студенчество. Силы, вызывающие это движение, еще полностью не поняты, но уже установлено, что это движение не вызвано недовольством материальными условиями человека в обществе, оно направлено на изменение тех идеологических условий, в которых человеку приходится жить и работать в капиталистическом обществе. Таким образом, передовая общественность капиталистических стран сама, без влияния извне, спонтанно ставит вопрос о пересмотре идеологии, на которой основывается капиталистическое общество.

По какому пути пойдет этот пересмотр? Кто создаст ту программу реконструкции, которую примет передовая часть общества и которая правильно поведет ее к прогрессу человечества? Очевидно, это решится в процессе идеологической борьбы различных мировоззрений, которая сейчас уже началась и быстро развивается.

Должны ли мы включиться в эту борьбу, какая должна быть наша роль в этой борьбе? Несомненно, идеи и принципы, которые лежат в основе построения коммунистического общества, как они были даны марксизмом, являются единственными, которые могут направить эту борьбу в правильном направлении. Это сейчас признается всей прогрессивной частью человечества. Сейчас идут поиски конкретных путей наиболее эффективного развития этого революционного движения. Эти поиски ведутся в процессе борьбы между идеологами новой формации, такими как, например, Маркузе. В борьбу включаются троцкисты, а также люди, более близкие нам по идеям, например, Гароди и другие.

Надо не бояться сознаться, что сейчас наши идеологи стоят изолированно от этого революционного процесса, и практически влияние их отсутствует, и это не нормально, это противоречит тому, что уже само успешное существование нашего социалистического общества, как пример, само по себе не может не влиять на это революционное движение.

Как нам наиболее действенно включиться в эти революционные процессы, происходящие в капиталистическом обществе? Почему произошла эта изоляция? По-видимому, произошла она потому, что все эти годы наши основные усилия были сосредоточены на внедрении принципов социализма в развитие нашего народного хозяйства и не было реальной необходимости в развитии нашей идеологии. Это привело к застою, о котором уже не раз говорилось. Сейчас, чтобы не отстать от развития передовой мысли и учесть последствия происходящей в мире научно-технической революции, мы должны поднять уровень наших общественных наук. Поэтому нам в Академии наук нужно высоко оценить стремление редколлегии журнала «Вопросы философии» способствовать развитию философии, имея одной из основных целей оказать влияние на развитие общественной мысли происходящего сейчас революционного движения в капиталистических странах.

Но чтобы оказать это влияние, нам надо включиться в происходящую там идеологическую борьбу. В этой борьбе нашим философам придется выступать на равных началах, так же, как нашим спортсменам. Надо учесть, что там наши идеологи потеряют привилегию, которую они имеют в нашей стране, где от противоположных взглядов их бережно охраняет цензура. В предстоящей борьбе этого не будет, там все пойдет по «Гамбургскому счету».

Как хорошо известно, борьба взглядов является основой развития любого творчества, и как пример ее боязни, которая сейчас развилась у наших работников общественных наук, является их отношение к хорошо известной статье академика А. Д. Сахарова. Один из вопросов, поднятых в этой статье, касается тех принципов, на которых должны основываться взаимоотношения капитализма и социализма, чтобы не возникла ядерная война, которая несомненно кончится мировой катастрофой. В современных условиях этот вопрос является исключительно важным, так как его правильное решение определяет возможность существования всего человечества. Известно, что за рубежом эта статья в самых разнообразных слоях общества тщательно анализировалась и выявились сторонники и противники выдвинутых Сахаровым предложений по вопросу взаимоотношений двух систем. Очевидно, что только в процессе обсуждения

этих вопросов можно найти жизненное решение поставленных вопросов. Поэтому совсем непонятно, почему наши идеологи до сих пор игнорируют рассмотрение поднятых Сахаровым вопросов. Только имея четкое и хорошо обоснованное решение этих вопросов, мы можем оказать идеологическое влияние на революционное развитие общества, начавшееся сейчас в капиталистическом лагере, иначе из передовой страны мы превратимся в отсталую. Поэтому я предлагаю Президиуму поддержать программу, выдвинутую новой редакцией журнала «Вопросы философии», поскольку она ставит перед журналом задачу поднять его международное влияние, и на Президиуме Академии наук больше времени уделять рассмотрению философских вопросов, касающихся идеологических основ построения социалистического общества. Сейчас в наших научных докладах практически отсутствует эта тематика, это надо изменить, и я считаю целесообразным начать с рассмотрения основных вопросов, поставленных в статье академика А. Д. Сахарова».

2. К вопросу об убийстве С. М. Кирова. Публикация в «Леттр Нувель»

Французский журнал «Новые сообщения» («Леттр Нувель») в номере за ноябрь-декабрь 1968 года опубликовал отрывок из книги известного историка русского революционного движения меньшевика Б. Николаевского, умершего в США. Книга называется «Советская власть и советская элита». Помещенный в парижском журнале отрывок или глава касается событий, предшествовавших убийству С. М. Кирова. Далеко не все достоверно в этой работе Б. Николаевского. Однако ряд приведенных им фактов и соображений представляют интерес для историка.

Как пишет Б. Николаевский, в 1929-1930 гг. Сталин победил правых. В эти же годы Сталин проводит сплошную коллективизацию и укрепляет свой альянс с немецкой военщиной в общей борьбе против англо-саксов. Во всех этих шагах именно Сталин проявлял инициативу, нередко ставя руководство партии перед свершившимся фактом. Это обстоятельство объясняет, что даже в самой фракции Сталина всегда имелся фермент оппозиции. В начале 30-х

годов в оппозицию Сталину встала *группа Рютина.* Рютин был активным участником революции, он в 1917 году возглавил революционное движение в Харбине, затем примкнул к социал-демократам интернационалистам, принимал участие в борьбе в Сибири. С 1927 года Рютин активно выступал против Троцкого, однако в 1931 году он решительно выступил против Сталина и в первую очередь против его политики в деревне. Рютин называл Сталина злым гением русской революции и призывал к его свержению.

Сталин объявил программу Рютина преступной и потребовал его казни. Вопрос о группе Рютина рассматривался в высших партийных инстанциях. Президиум ЦКК не принял предложения Сталина и вопрос перешел в Политбюро. На Политбюро, а затем и на пленуме ЦК с 28 сентября по 2 октября 1932 года обсуждался вопрос о группе Рютина. При этом главным оппонентом Сталина выступал Киров. Он заявлял, что было бы бедствием, если большевики станут применять смертную казнь по отношению к инакомыслящим членам партии. Кирова поддержали Косиор, Калинин, Куйбышев, Рудзутак и Орджоникидзе. За предложение Сталина голосовал только Каганович. Остальные заняли неясные позиции, однако симпатии большинства были на стороне Кирова. Это было жестоким ударом для Сталина, но победители не хотели углублять разногласия, а тем более устранять Сталина. Рютин и его единомышленники были исключены из партии и сосланы. В прессе о них писали, как о контрреволюционной группе, их деятельность — это конвульсии классовых врагов, реставраторов капитализма. Но Сталин знал, что это не компенсирует удара по его престижу — отклонения его предложения. Он начал готовить контратаку. Со времени сентябрьского пленума ЦК ВКП(б) Сталин стал готовить свою великую чистку. Он ищет сообщников. Б. Николаевский считает, что крайне плохое влияние на Сталина оказывает в это время Алексей Толстой. Он убеждал Сталина, что он «избранник» и что не ему считаться с большинством («Петр Первый»). Такое же влияние оказывала якобы на Сталина младшая сестра Кагановича Роза, на которой Сталин женился после смерти Аллилуевой. Она поддакивала: «Ты бог, ты царь».

На пленуме ЦК в январе 1933 года оппозиция политике Сталина усилилась. В это время в стране свирепствовал

«организованный» голод, особенно поразивший Северный Кавказ, Центральную Волгу, Западную Сибирь, Украину. В стране в 1932 году шли аресты, ссылки, казни. В начале осени тревожные вести дошли до Москвы. В городах бабы с детьми, пухнущие от голода, трупы на улицах. Во время доклада Кагановича один из членов ЦК крикнул с места: «В нашей области готовы есть человечину». Каганович ответил: «Если мы не пробьемся локтями, то съедят вас и меня. Хотите этого?» На январском пленуме оформилась линия Кирова, направленная против Сталина. Речь Кирова на этом пленуме не была опубликована и о ней можно судить только по ряду попутных документов. Киров отметил величие решенных проблем, но призвал к сдержанности в проведении репрессивных мер против крестьянства. Киров ссылался на доклады комиссий по освобождению заключенных крестьян. Киров, однако, говорил не столько о гуманности, а аргументировал словами: «Кому же сеять?» Он привел данные из доклада Н. Крыленко, который проверял положение на Центр. Волге. По данным Крыленко, в Саратовской тюрьме, переполненной заключенными, живые нередко лежали на полу вперемежку с трупами. Киров процитировал слова Маркса о том, что изменения в экономике влекут за собой изменения и в политике и идеологии. Киров призвал перестать так нажимать на крестьянство. Однако Сталин именно на январском пленуме заговорил об усилении классовой борьбы и потребовал усиления политического террора. Киров же призывал к поддержке тех, кто готов отдать силы на улучшение политического и экономического положения страны.

Почему Сталин пошел на риск убийства? — спрашивает Николаевский. Многие думают, что Сталин ставил внутреннюю политику выше внешней. Это ошибка. Сталин скрывал это и умел ждать, но конечной целью для него был мировой масштаб. Этим объясняется и период первой пятилетки. О сталинском утверждении насчет второго тура войн и революций. Политика сплошной коллективизации была подготовкой к «последнему бою». Именно Сталин был руководителем Коминтерна и проводил здесь «большевизацию» секций Коминтерна. Главной ареной деятельности Коминтерна была в эти годы Германия. Сталин организовал секретные службы, которые назначались и оплачивались Москвой. Сталин послал в 1929 году в Берлин Мануиль-

ского и Гейнца Неймана, они там пытались вызвать выступления рабочих. Это не был «авантюристический путч», это было хуже. Уже давно имело место техническое сотрудничество между Кремлем и немецкой армией. Еще со времен Ленина на территории СССР строились секретные предприятия с участием немецкого капитала, на которых изготовлялись самолеты, гранаты, пушки, газы, в том числе и для немецкой армии. На советской территории были построены специальные немецкие военные училища для подготовки летчиков, специалистов химической войны и т. д. В 1926 году это сотрудничество получило жестокий удар: немецкие социал-демократы обнародовали некоторые данные о связях рейхсвера с русскими коммунистами. Руководители ВКП(б) оправдывал тогда это сотрудничество, заявляя, что Германия после Версальского договора — это полуколония, что национальное движение в Германии это движение угнетенного народа. Еще не все известно об этой связи. На Нюренбергском процессе в 1946 году Рехберг сообщил о своем разговоре с генералом фон Шлейхером. В этом разговоре, который имел якобы место в 1930 году, Шлейхер сообщил Рехбергу, что Сталин посоветовал ему сотрудничать с Гитлером. Цель: разрушить германскую республику как прелюдия к войне реванша против Запада. В разрушении германской республики — общие усилия коммунистов и Гитлера. Коммунисты, называя социал-демократов «социал-фашистами», фактически боролись с социал-демократией больше, чем с фашистами. Все это расчищало путь фашизму. Но не все коммунисты были слепы, у многих коммунистов были сомнения. Когда встал вопрос о поддержке наци на выборах в Пруссии против правительства социал-демократов, ЦК ГКП высказался против. Сталин послал в Берлин специального эмиссара Гейнца Нейманна, который заверил, что к власти Гитлера не допустят, что он только ледокол, который открывает путь к коммунизму в Германии. После 1933 года Сталин долго не верил, что власть Гитлера — это всерьез и надолго. Не поверил даже тогда, когда Гитлер отдал летом 1933 года приказ порвать военное сотрудничество с Красной армией. Ни в одной из речей Сталина в 1933 году нет атак против фашистской идеологии. Он только отметил безумие планов Гитлера насчет похода на Восток. Единственно кто попытался вскрыть лицо гитлеризма на 17-м съезде — это

Бухарин. Он предсказал гигантские исторические битвы, упомянул фашистский девиз: «Когда я слышу слово культура, я хватаюсь за пистолет». По сути это была оппозиция Сталину во внешней политике. Далее Николаевский описывает случай с фашистской демонстрацией во Франции в феврале 1934 года и роль французских коммунистов. По директиве Сталина повторялась немецкая история. Выкрикивая ультралевые лозунги коммунисты помогали фашистам разрушать республику. Это было слишком для честных французских коммунистов. Возник своеобразный бунт коммунистов в одном из предместий Парижа под руководством Дорио, который до этого был правоверным, но теперь стал сторонником единого фронта с социал-демократами. Он был исключен из ФКП в апреле 1934 года за оппозиционную линию. На XVII съезде ВКП(б) был сделан перерыв на два дня 8 и 9 февраля, когда шла дискуссия о французской ситуации. За всю историю КПСС не было такого перерыва перед выборами руководящих органов. Детали обсуждения неизвестны, но в Париж из Москвы пришли новые директивы, резко изменившие обстановку и политику. Иностранные корреспонденты (напр. Вальтер Дюранти) связывали эту новую политику «примирения с западными демократиями» с именем Кирова. Дескать, он оптимист и считает, что главные трудности диктатуры пролетариата уже преодолены, врагов нового так мало, что их можно игнорировать. Киров якобы выступил за расширение доверия и свертывание террора. В это время вернулись из ссылок многие коммунисты, отправленные туда в годы первой пятилетки. Некоторые старые кадры были возвращены на работу. ГПУ было реорганизовано в НКВД и это не было формальностью. НКВД лишили права выносить смертные приговоры. Были сделаны попытки договориться с интеллигенцией, о чем свидетельствует съезд писателей в августе 1934 года. В центре диспута Бухарин и Горький, защита пролетарского гуманизма против фашистского антигуманизма. Вступление СССР в Лигу Наций. Пересмотр Конституции СССР 1924 года. Во всем этом, по мнению Николаевского, руководящую роль играл Киров. Его активными сторонниками в Политбюро были Орджоникидзе и Куйбышев. Но они не были организованы. Они хотели искренне проводить новую политику, не создавая больших волнений ни в аппарате правительства, ни в партии. Киров призывал к

единству. Таким образом, хотя в глазах всего мира XVII съезд ВКП(б) был сплошным прославлением Сталина, но в действительности его позиции в партии были поколеблены. В 1934 году впервые не проводилось подтверждение Пленумом назначения Сталина генеральным секретарем ЦК. Сталин просто стал первым секретарем ЦК среди других. Другой капитальный факт — включение Кирова в Секретариат. Молодые члены личного секретариата Сталина, Ежов и Поскребышев, оба — креатуры Кагановича, но не были ему верны. Секретарями ЦК были избраны еще Жданов и Каганович, но они не имели слишком большого авторитета. В условиях Москвы 1934 года ультра-сталинизм Кагановича начал слабеть. Итак в СССР началась дуэль двух политических линий — дуэль между Кировым и Сталиным. Это была неравная дуэль, так как и уровень и оружие борьбы у них были разными. Для Кирова это была борьба политическая на основе лойяльности к линии ЦК. Для Сталина это была борьба личная, в которой нет плохих средств.

Когда после съезда был предложен переезд Кирова в Москву, то Сталин открыто высказался против и Киров не настаивал. В ноябре 1934 года вновь был поднят вопрос о переезде Кирова в Москву для того, чтобы он мог руководить осуществлением предложенных им реформ. Через 13 лет диктатуры генсека (1922-1934) другой «сильный человек» должен был начать действовать в ЦК. Личный секретариат Сталина был по решению XVII съезда превращен в спецсектор. И что же удивительного, что Николаев в Ленинграде возобновил свою попытку убить Кирова.

Новый пленум ЦК закончился 28 ноября 1934 года. Скорее всего, Киров не выехал в тот же день, так как предстояло еще заседание ПБ и Оргбюро. Киров, по-видимому, выехал в ночь на 30-е. На другой день Николаев был в Смольном и в его портфеле лежал тот же револьвер, возвращенный ему Запорожцем (Запорожец назначен зам. начальника Лен. УНКВД по предложению Ежова — тогда еще начальника отдела кадров ЦК).

Дуэль между Сталиным и Кировым закончилась. Место Кирова в Секретариате занял Ежов.

3. Письмо П. И. Якира в редакцию журнала «Коммунист»

Петр Якир, сын известного советского военачальника И. Якира, погибшего в годы сталинского произвола, направил 2 марта 1969 г. письмо в журнал «Коммунист». В этом письме, копия которого была отправлена и в ЦК КПСС, говорится: «Во втором и третьем номерах Вашего журнала за 1969 год опубликованы два материала: рецензия доктора исторических наук Е. Болтина «Волнующие страницы летописи Великой Отечественной войны» и статья «За ленинскую партийность в освещении истории КПСС», подписанная В. Голиковым, С. Мурашовым, И. Чхиквишвили, Н. Шатагиным и С. Шаумяном.

Внимательное чтение обеих работ не оставляет сомнения в том, что их основная задача — обелить и возвеличить Сталина. При всех потугах авторов па беспристрастность не трудно проследить их главную идею: дать высокую обобщающую оценку И. В. Сталину.

Таким образом, авторитетом центрального органа КПСС доведена до апогея продолжающаяся несколько лет просталинская кампания. При этом в различных органах печати, а теперь и на страницах Вашего журнала основной упор делается на второстепенных для оценки Сталина вопросах его личных качеств как государственного руководителя. Общественная мысль наших думающих сограждан в последние годы отталкивается, например, от дипломатических, военных или хозяйственных успехов Ивана Грозного или Николая I: в нравственном сознании наших современников это не отменяет и не зачеркивает того факта, что первый был садистом, виновником и исполнителем массовых репрессий, а на совести второго раз и навсегда осталась казнь 5-х декабристов. То, что для Сталина делается исключение из общего правила, тем более удивительно, что еще совсем недавно на страницах Вашего журнала приводились многочисленные факты вопиющей бесхозяйственности, волюнтаризма и произвола Сталина в экономике, политике, науке и искусстве. На памяти людей старшего и среднего поколения наследие, оставленное Сталиным к 5 марта 1953 года: катастрофическое положение в сельском хозяйстве, отданом на откуп группе Лысенко-Ольшанского, очереди за хлебом на периферии, острый жилищный кризис, разнобой в си-

стеме зарплат и цен, жесткая — на грани войны — внешняя политика, беспримерный диктат (вплоть до расправы с инакочувствующими) в искусстве, десятки сосланных народов, гибнущие в лагерях сотни тысяч людей разного возраста — от детей до глубоких стариков, если им только чудом удалось выжить и мн. др. Нужно ли напоминать о последних месяцах жизни Сталина: о средневековой кампании антисемитизма в связи с т. н. «делом врачей», о парадной лжи на XIX съезде, о зачеркнутых жизнью сразу же, как только ослаб тиранический гнет, «основополагающих» идеях в экономике социализма или языкознании. Я уж не говорю о духовном наследии Сталина: о жуткой атмосфере подозрительности и сыска, последствия которой, кажется, не преодолены и по сию пору.

И вот Ваш журнал восторженно рекомендует работы, проникнутые раболепным умилением перед памятью «хозяина» — рачительного (вспомним бесвкусную роскошь метро «Комсомольская» или гостиницы «Ленинградская» — и факты, оглашенные через несколько месяцев после смерти Сталина, на сентябрьском пленуме 1953 г.), прислушивающегося к специалистам — (яркий пример этого хотя бы своеобразно понимаемая «дискуссия» полуграмотного вождя с единомышленниками крупнейшего лингвиста Н. Я. Марра; разгром генетики; презрение к «антинаучным» кибернетике или теории относительности; изыски в области истории феодальной России и т. д.). Как бы принимая эстафету тех лет, Ваш журнал пишет: «В распоряжении историков имеются работы выдающихся деятелей КПСС и советского государства: ...Сталина...» (№ 3, стр. 71). За этим видна тенденция установить границы «культа личности», отделить Сталина от его дел. Случается, что ответственность за массовые репрессии возлагают на исполнителей: Ежова, Берия, Абакумова. Это соблазнительная, но заведомо ложная установка. Никогда в истории нашей страны не было культа личности Ежова — был культ личности Сталина, и с уходом Ежова со сцены репрессии не прекратились. Сталин несет ответственность как инициатор и организатор всех государственных преступлений, совершенных в течение четверти века его руководства.

Между тем, Ваши авторы обрушиваются на историков, которые «концентрируют все (?) внимание на ошибках и

недостатках» (№ 3 стр. 70) и «вместо подлинной партийной критики ошибок и недостатков, связанных с культом личности, чернят героическую историю нашего государства . . . » (Там же, стр. 73).

Нетрудно догадаться, что скрывается за призывом к «подлинной критике». Впрочем, авторы сами называют границы этой «критики»: «Точка зрения партии . . . изложена в известном постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий» (Там же, стр. 73). При этом, конечно, ни слова не говорится о том, что после этого был XXII съезд КПСС, ряд совещаний и пленумов, которые дополнили в своих материалах и решениях постановление 1956 года. Напомню, что с трибуны съезда и пленумов прозвучали голоса людей, являющихся в настоящее время членами и кандидатами в члены Политбюро ЦК КПСС. Все они, без исключения, дали уничтожающую оценку Сталину и его креатуре — Молотову. Кагановичу, Маленкову. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров:

ПОДГОРНЫЙ Н. В.: «Участники митингов и собраний считают недопустимым, чтобы рядом с нашим учителем и вождем великим Лениным, знаменем всех побед социализма, находилось тело Сталина, с именем которого связано столько зла, причиненного нашей партии, стране и советским людям» (Стенограф. отчет XXII съезда КПСС, т. 3, стр. 122).

ШЕЛЕПИН А. Н.: «О жестоком отношении к людям, к руководящим товарищам, оказавшимся под следствием, говорят ряд циничных резолюций Сталина, Кагановича, Молотова, Маленкова и Ворошилова на письмах и заявлениях заключенных. (Там же, т. 2, стр. 103).

ДЕМИЧЕВ П. Н.: «С болью в сердце пережили москвичи разгром ленинградского актива, учиненный Сталиным и Маленковым. Без вины погибло и много крупных партийных, советских, хозяйственных работников московской организации». (Там же, т. 3, стр. 116).

СУСЛОВ М. А.: «Молотов вместе со Сталиным дал санкцию на осуждение к высшей мере, так же и жен руководящих деятелей по так наз. «Списку № 4 — жен врагов

народа», где значились В. А. Дыбенко-Сидякина, Е. С. Косиор, А. А. Чубарь. Е. Е. Эйхе-Рубцова и др.

...В период культа личности Сталин возобладал .. метод физической расправы с теми..., которых Сталин подозревал в несогласии с его взглядами. ...О массовых репрессиях в период культа личности китайские руководители говорят и пишут так, словно речь идет всего лишь о небольших «перегибах» ...Они взяли под защиту извращения и ошибки Сталина...» (доклад на пленуме ЦК КПСС 14/II 1964 г. «Правда» 3/III 1964 г.). Остается с сожалением констатировать, что в этом вопросе китайские руководители нашли единомышленников на страницах журнала «Коммунист».

Даже по кругу тех вопросов, которые охватывает рецензия Е. Болтина по словам которого «И. В. Сталин при всей сложности и противоречивости его характера предстает как выдающийся военный руководитель», были недавно иные свидетельства: «...Одной из причин того, что Красной Армии пришлось действовать в чрезвычайно тяжелых условиях, явилась крупная ошибка И. В. Сталина, недооценившего реальную угрозу войны». (ВОВ Советского Союза. М., 1961, стр. 46).

Особенно в критическом положении оказалась группа армий Ю-З фронта, которая в сентября 41 года была окружена в районе Киева. Создавшаяся обстановка требовала немедленного отвода войск фронта на восток, чтобы спасти людей и технику и впоследствии нанести удар по врагу этими же войсками. Однако, несмотря на неоднократные предложения командования Ю-З направления и фронта, адресованные лично Сталину, последний решительно запретил отход войск фронта, тем самым подписав смертный приговор войскам Ю-З фронта (см. Баграмян И. Х. «Город-воин на Днепре» М. 1965, стр. 143-151); 17-23 мая 1942 г. Сталин трижды отклонял предложения командования Ю-З фронта о приостановлении наступления на Харьков. Это повлекло за собой полное окружение Ю-З фронта и части южного фронта. Эта операция закончилась полным поражением наших войск, понесших большие потери в людях и технике (см. ВОВ Советского Союза. Крат. ист. стр. 162).

Но речь идет не о том, по глобусу или по карте разрабатывал Сталин военные операции. Ошибки и просчеты возможны у любого государственного руководителя. Сталина критиковали не за отсутствие государственной мудрости, а за патологическую бесчеловечность, преступные нарушения общественных норм и законов страны.

О преступлениях Сталина можно было бы написать десятки тысяч страниц. Наша задача скромнее: используя Уголовный Кодекс РСФСР, изданный в 1966 г. (самый мягкий на протяжении нашей истории), мы постараемся доказать, что Ваш журнал взял под защиту уголовного преступника, заслужившего четырежды приговор к расстрелу и по совокупности 68 лет заключения с отбытием в местах строжайшего лишения свободы; если судить за преступления, совершенные только один раз, а так как эти преступления совершались постоянно, то это наказание должно увеличиться в сотни и тысячи раз.

В постановлении XXII съезда КПСС говорится:

«2. Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в мавзолее саркофага с гробом И. В. Сталина, т. к. серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, *злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности* (подчеркнуто мною — П. Я.) делают невозможным оставление гроба с его телом в мавзолее В. И. Ленина» (XXII съезд КПСС. Стенограф. отчет. М., 1962, т. III, стр. 122).

Это постановление было единогласно принято съездом по предложению ленинградской и московской делегаций, делегаций компартий Украины и Грузии, которые, в свою очередь, внесли его по просьбе трудящихся своих городов и республик.

Это решение никем отменено не было.

В советском уголовном кодексе имеются соответствующие статьи, карающие за деяния, указанные в постановлении XXII съезда КПСС.

1. Злоупотребление властью — верное всеобъемлющее обвинение (ст. 170 — лишение свободы до 8 лет), а также превышение власти или служебных полномочий (171 — лишение свободы до 10 лет).

2. При массовых репрессиях незаконно лишали свободы, что карается по ст. 126 через ст. 17 лишением свободы до 3 лет (ст. 17 УК РСССР — «Соучастие»). В статье говорится: «Соучастниками преступления, наряду с исполнителями, признаются организаторы, подстрекатели и пособники».

Так как нам в данном случае, а также в ряде других документально неизвестно личное исполнение Сталиным того или другого деяния, мы будем ссылаться на ст. 17 УК РСФСР, ибо организаторская роль Сталина очевидна, что подтверждается хотя бы материалами XXII съезда КПСС: «Как репрессии 1935-1937 гг., так и репрессии послевоенного времени 1949-1950 гг. были совершены или по прямым указаниям Сталина, или с его ведома и одобрения» (XXII съезд КПСС. Стенограф. отчет, т. III; стр. 114).

3. Известно, что по предложению Сталина в 1937 году было принято решение о применении физического воздействия на следствии, которое вылилось в избиения, лишение сна до 7 суток и другие истязания, свидетелем которых был лично автор этих строк (арестован в 1937 г. в возрасте 14 лет как член семьи «врага народа»). Эти деяния караются по ст. 113/17 лишением свободы на срок до 3 лет.

4. Большое число руководящих работников покончило жизнь самоубийством; некоторые, не желая соучаствовать в творимых преступлениях, о чем они писали в предсмертных письмах (С. Орджоникидзе, И. Косиор, Ф. Фурер, Погребинский — нач. НКВД Горьковской обл., основатель наших исправительных коммун, Литвин — нач. НКВД Ленинграда, Козельский — нач. одного из упр. НКВД УССР, Норин — нач. особого отдела НКВД ГрССР и многие другие). Ряд лиц, будучи затравленными, покончили с собой из протеста или боязни пыток: (Я. Гамарник, М. Томский, П. Любченко с женой, В. Ломинадзе, А. Червяков, Рабочиев, Адамович, Лакоба, Фирин и много других. Некоторые покончили с собой в тюрьме, не выдержав истязаний: (Н. Голодед, И. Гарькавый, Носолевский, Лапин и др.). Все это квалифицируется по ст. 107 — доведение до самоубийства — до 5 лет.

5. Массовые репрессии сопровождались клеветой и оскорблениями в адрес репрессированных, их друзей и родственников. Делалось это в печати, по радио, на собраниях

и совещаниях. Такого рода действия подходят под ст. 130 — «Клевета» — срок до 5 лет и ст. 131 «Оскорбление», исправ. работы до года.

6. Не донося и укрывая своих сообщников (Ежов, Фриновский, Ягода, Берия, Ульрих, Вышинский и десятки тысяч других), Сталин должен быть привлечен по ст. ст. 88-1 и 88-2 и лишен свободы на срок от 3 до 5 лет.

7. Многие репрессированные расстреляны, просто убиты или умерли от травм, нанесенных на следствии, среди них такие выдающиеся деятели партии и государства, как Чубарь, Косиор, Рудзутак, Постышев, Эйхе, Вознесенский, Кузнецов, 110 членов ЦК КПСС из 139, избранных на XVII съезде партии и сотни тысяч других честных людей.

7-а. По приказу Сталина были арестованы и в большинстве уничтожены представители всех оппозиций, многие до сих пор не реабилитированы, хотя предъявленные им обвинения были полностью сфальсифицированы (по зиновьевскому процессу никто не реабилитирован, по пятаковскому — также, по бухаринскому не реабилитировано 5 из 22-х, также не реабилитирован ряд лиц, осужденных по процессам начала 30-х годов).

7-б. Сталин не остановился и перед уничтожением иностранных коммунистов, скрывавшихся в нашей стране от преследования фашистских, полуфашистских, монархических диктатур (германские — Г. Реммеле, Шуберт, Гейнц Нейманн, Вернер Гирш; венгерские — Бела Кун, Мешан, Ф. Карикаш. Форкош, Габор и др.; болгарские Стомоняков, Танев и др.; польские Домбал, Лещинский, Прухняк и др.; эстонские — Х. Пегельман и др.; иранские — Султан Заде и др.; югославские — В. Чопич, Д. Сердич и др.; швейцарские — Ф. Платтен (заслонивший своим телом В. И. Ленина во время первого покушения на него) и друг.).

Этот список можно было бы продолжать еще очень долго, но думаем, что уже вполне достаточно, чтобы включить и это в обвинение.

7-в. С ведома Сталина были уничтожены многие руководители нашей разведки: Берзин, Артузов, Трилиссер, Бокий, Урицкий С. П., Борович, Шпигельглас, Ксенофонтов,

Петерс, Лацис, Кедров и др. Это сильно ослабило информацию в предвоенный период.

Так как мы документально не знаем о совершении лично Сталиным убийств, мы вынуждены привлечь его через ст. 17, а именно по ст. 102-17 («Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах», наказание: до 15 лет заключение или смертная казнь) и по ст. 66-17 («Террористический акт». — «Убийство государственного или общественного деятеля или представителя власти .. с целью подрыва или ослабления советской власти», наказывается лишением свободы на срок до 15 лет или смертной казнью).

8. Сталин был главою государства, когда во время и после Великой Отечественной войны подверглись принудительному незаконному выселению с родных земель ряд народов нашей страны (крымские татары, калмыки, чечены, ингуши, балкарцы, корейцы, греки, турки, немцы и др.).

Эти преступления квалифицируются ст. 74 («Нарушение национального и расового равноправия»; наказание: до 5 лет лишения свободы).

9. В связи с массовыми репрессиями руководящие, научные и технические кадры всех отраслей нашей экономики и сельского хозяйства в своем большинстве были уничтожены или находились в заключении, что существенным образом отразилось на экономике страны. Так, например, в 1938 г. было добыто железной руды на 10 % меньше, чем в 1937 г., хотя план предусматривал увеличение добычи. Сменяемость квалифицированных кадров тормозила производство, в 1940 г. например, из 153 начальников цехов в металлургической промышленности 75 работали на этой должности меньше года. («Вопросы истории КПСС, 1964, № 11, стр. 73-74).

Были физически уничтожены крупнейшие конструкторы-изобретатели в области военной техники: Г. Лангемак (создатель известной впоследствии «Катюши»), Л. Курчевский (создатель наилучшей безоткатной пушки), В. Бекаури (основоположник управления взрывами по радио), В. Заславский (конструктор танков), Н. Смирнов (руководитель работ по радиолокации), И. Клейменов (начальник реактивного НИИ), М. Лейтейзен (основатель общества межпланетных

путешествий при акад. Жуковского) и многие другие. Некоторые находились в заключении: А. Туполев, С. Королев, А. Берг, В. Глушко, Б. Ванников (нарком вооружения) и масса других.

Были уничтожены крупнейшие ученые: Н. Вавилов, И. Кричевский, Догадкин, Тулайков, Герасимович, Полаг и другие. Громадное число было в заключении.

Перечисленные действия позволяют квалифицировать их по ст. 69 («Вредительство» — «Действие или бездействие, направленное к подрыву промышленности, транспорта, с/х . . .» наказывается лишением свободы на срок до 15 лет.

10. Имели место и надругательства над могилами (что карается по ст. 229 лишением свободы на срок до 3 лет). Была вымурована урна с прахом С. С. Каменева из кремлевской стены, похищена урна с прахом Я. Гамарника, уничтожена могила М. Томского, сброшен памятник с могилы матери И. Якира и др. случаи.

11. Как известно из закрытого письма ЦК КПСС XX-му съезду партии, а также из недавно опубликованного романа Чаковского, Сталин скрылся куда-то в день начала войны и много десятков часов никто из государственных руководителей не мог найти своего главнокомандующего. Данный эпизод квалифицируется по ст. 247 («Дезертирство») — что в военное время карается смертной казнью.

12. На наших западных границах к 1939 г. было построена глубоко эшелонированная, хорошо оснащенная линия укрепленных районов (УРы). После присоединения прибалтийских республик, Западной Белоруссии и Западной Украины, Бессарабии и Северной Буковины, граница отодвинулась на 100-600 км. Решили укреплять новую границу. Не дождавшись даже начала строительства новых УРов, несмотря на протесты нач. Ген. Штаба Б. Шапошникова, по распоряжению Сталина, были демонтированы все старые УРы, что позволило фашистским захватчикам беспрепятственно продвигаться по нашей территории. Это нам кажется преступной халатностью, граничащей с изменой Родине, а уничтожение 80% высшего и старшего командного состава, обезглавившее армию, является прямой изменой Родине (ст. 64 — смертная казнь).

(Весной 1941 г. дополнительно были арестованы, а затем в октябре без суда расстреляны военачальники, прошедшие войну в Испании: дважды герой Советского Союза Смушкевич (которому 26 февраля этого года поставили памятник на родине), герои Советского Союза Рычагов, Штерн, Черных, Птухин, Гусев, Проскуров, Пумпур, Аржанухин и др.).

Были ликвидированы партизанские базы на нашей территории, расформированы танковые корпуса, в производство не запускались некоторые виды автоматического оружия, необходимого армии и много других мероприятий.

Миллионы жертв 2-го периода Великой Отечественной войны — следствие всего комплекса преступлений, совершенных Сталиным.

13. Кроме сказанного выше, в нашей стране не без ведома Сталина, а по его указке — творились средневековые зверства, прямо не подпадающие под УК РСФСР, но являющиеся преступлениями против человечности.

На следствии избиением и другими методами арестованных доводили до невменяемости, а здоровых людей заточали в психиатрические больницы.

14. Арестовывали, а зачастую и расстреливали жен уничтоженных деятелей: были расстреляны жены Тухачевского, Уборевича, Постышева, Косиора, Эйхе, Гамарника, Корка, Чубаря, Шелехеса, Агранова, Дыбенко, Варейкиса и др.

Дойдя до высшего извращения, Сталин приказал арестовать жен своих соратников Калинина, Молотова, Поскребышева.

15. Арестовывались и содержались в тюрмах и лагерях несовершеннолетние дети репрессированных (Постышевы, Косиоры, Любченко, Медведь, Каменев, Гарькавый, Бауман, Кадацкий, Томский, Сосновский, Попов и др.). Были расстреляны старший сын Постышева — Валентин, сыновья Евдокимова и Лакобы.

16. В некоторых лагерях без суда и следствия расстреливали заключенных (гаранинщина на Колыме).

17. Почти все представители меньшевиков, эсеров, левых эсеров, анархистов, бундовцев и боротьбистов, в основном

отошедших от политической жизни, были физически уничтожены в 30-е, начале 40-х гг. (в т. ч. М. Спиридонова).

18. Автор этих строк, отбывавший срок в Севураллаге МВД (1941-1942 гг.) лично может засвидетельствовать и тот факт, что большинство политзаключенных просилось на фронт, а их в ответ на просьбы обрекали на голодную смерть, что помимо всего прочего сильно ослабляло наш фронт.

19. По приказу Сталина, наше правительство отказалось участвовать в международной организации Красного Креста, помогающей военнопленным, так как в нашем воинском уставе сдача в плен считается изменой родине. Это лишило пленных материальной помощи и контроля за их содержанием, что способствовало гибели многих честных людей. (Большинство попадало в плен будучи ранеными, без сознания, без боеприпасов).

Мы не ставили себе целью предъявить Сталину всех обвинений, но в той десятитысячной доле его преступлений, которые изложены в настоящем заявлении, уже содержится состав преступлений по ст. ст. 64, 68-17, 69, 74, 88-1, 88-2, 102-17, 107, 113-17, 126-17, 130, 131, 170, 171, 229, 230, 247 УК РСФСР.

Рассматривая ст. 38 УК («Обстоятельства, смягчающие ответственность»), мы не находим у Сталина оснований для смягчения приговора. На основании же ст. 39 УК («Обстоятельства, отягчающие ответственность»), т. е.:

«1. Совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление ... 4. Причинение преступлением тяжелых последствий. 5. Совершение преступления в отношении малолетнего, престарелого или лица находящегося в беспомощном состоянии ... 7. Совершение преступления с особой жестокостью и издевательством над потерпевшим.» — мы не сомневаемся в необходимости применения ст. 39 УК по отношению к обвиняемому Сталину.

Необходимо также применить к Сталину и ст. 36 («Лишение воинских и других званий, а также орденов, медалей и почетных званий»), т. к. это предусматривается при осуждении за тяжелые преступления.

На каком основании авторы упоминаемых статей и редакция журнала реабилитируют тягчайшего преступника нашей страны за всю ее современную историю?

Я предлагаю авторам статей, о которых идет речь, опровергнуть приведенные мною выше факты. Опровергнуть единственным путем, принятым в обществе порядочных людей, а именно — путем опубликования моего заявления и ответа на него. В противном случае мне остается лишь считать, что авторы согласны с фактами, изложенными в моем заявлении и с вытекающими из этих фактов выводами. А значит, не дождавшись ответа на это заявление, я буду считать себя вправе пригласить моих коллег по нынешней дискуссии совместно обратиться в прокуратуру СССР с целью возбудить уголовное дело по обвинению Сталина (Джугашвили) И.В. в преступлениях, изложенных выше. Я уверен, что осуждение посмертно возможно и законно, как возможны и законны посмертные реабилитации.

Москва, 2 марта 1969 г. П. И. Якир».

Письмо П. Якира распространяется в Москве в списках. В середине марта оно было полностью опубликовано на французском языке в парижской газете «Монд».

4. Статья Эрнста Генри «Поражение правой социал-демократии в «третьем мире»

Эрнст Генри — известный советский публицист. В 1965 году он решительно выступил против попыток реабилитации Сталина. Тогда он распространил среди друзей свое «Письмо к И. Эренбургу», в котором, в частности, была резко осуждена неправильная политика Сталина и Коминтерна по отношению к социал-демократии. Как убедительно показал Генри, именно ожесточенная взаимная борьба коммунистов и социал-демократов в Германии конца двадцатых, начала тридцатых годов открыла путь к победе Гитлера и фашизма. Сейчас Генри выступает против неофашизма, реваншизма и милитаризма в ФРГ. Его статьи на этот счет нередко публикуются в «Литературной газете» и некоторых других наших печатных органах. По нашему мнению, Генри несколько преувеличивает опасность нео-

фашизма в современной Германии. Могут сказать, однако, что в этом деле лучше преувеличить, чем недооценить. И это, видимо, будет верно. Однако в статьях и публикациях Генри нет почти никакого желания пойти на определенное сближение с социал-демократами вообще и немецкими социал-демократами в частности. Мы делаем сейчас все, чтобы скромпрометировать «новую восточную политику» и политику «наведения мостов», с которой немецкие социал-демократы пришли в коалиционное правительство. А между тем, поражение социал-демократов, которые представляют сейчас очень большую политическую силу в ФРГ, совсем не в наших интересах, и оно также может сегодня открыть дорогу фашизму, как и 35 лет назад.

Совсем не выступает Э. Генри и против реабилитации Сталина, хотя попытки к такой реабилитации сейчас несравненно сильнее, чем в 1965-1966 гг. А ведь именно Генри был одним из инициаторов знаменитого письма крупнейших советских интеллигентов XXIII съезду КПСС. В № 3 журнала «Коммунист», т. е. в том же самом номере, в котором опубликована позорная статья В. Голикова, С. Шаумяна и др., имеется и статья Э. Генри «Поражение правой социал-демократии в «третьем мире». Утверждая, что коммунисты смогли мобилизовать в Азии и во многих других странах «третьего мира» после второй мировой войны колоссальные силы, Э. Генри подробно описывает поражения социал-демократов в странах Азии, Африки, Латинской Америки. Он отмечает с удовлетворением, что если не считать Австралии, Новой Зеландии и Канады, то во всех других районах мира, кроме Европы, у социал-демократии крупных организаций не было, и что это положение почти не изменилось и сейчас. «Даже в главной капиталистической стране, Соединенных Штатах, — пишет Генри, — число членов социал-демократической организации не превышает 3 тысяч человек». Только в Японии, а также и в некоторых других странах «третьего мира» (Цейлон, Филиппины, Сингапур, Малайзия), где в социал-демократическом движении возобладали не правые, а левые течения, социалистическое движение имело в послевоенный период заметные успехи.

Факты, которые приводит Генри, в своем большинстве справедливы. Однако из его статьи может сложиться впечатление, что если правые социал-демократы в третьем мире потерпели поражение, то это произошло в первую

очередь потому, что массы пошли здесь за коммунистами. Но ведь это не так. Как же можно испытывать удовлетворение при описании неудач социал-демократического движения в «третьем мире», если мы знаем, что здесь усиливаются за счет и коммунистов, и социал-демократов именно националистические, религиозные и прямо-таки фанатические полуфашистского типа партии и группы? Чего, собственно говоря, добились в «третьем мире» коммунисты? В Китае они пришли к извращениям и трагедиям «культурной революции». В Индонезии компартия, ставшая на путь авантюры, была разгромлена и наполовину вырезана реакцией. В Индии коммунисты раскололись на две партии. В арабском мире коммунистические партии многократно подвергались страшному разгрому, причем это делалось теми режимами, с которыми мы продолжаем поддерживать самые дружественные отношения. Не коммунисты были руководителями партизанской борьбы на Кубе, которая привела к власти Кастро. И нужно еще решить — в какой мере Кастро можно назвать коммунистом. В Латинской Америке коммунистические партии сейчас расколоты, сильно ослаблены конфликтами. Так, например, в Бразилии сейчас насчитывают до 5 самостоятельных компартий: просоветскую, прокитайскую, прокастровскую, национальную и группу чегеваровцев. В США социал-демократы действительно не добились успеха. Но добились ли тут успеха коммунисты? Мы видим зарождение в США весьма мощного прогрессивного движения «новых левых». Однако оно идет мимо коммунистов, как и во многих других промышленно-развитых странах из «второго мира». Бесспорно, что социал-демократическое движение вообще и правые социал-демократы в особенности переживают политический кризис. Но разве не больший еще кризис переживает сегодня коммунистическое движение? Однако Э. Генри об этом ничего не пишет.

5. Выписки из книги А. Н. Лука «О чувстве юмора и остроумии» («Искусство», 1968 г.)

О консерватизме человеческого мышления

«По-видимому, у человека есть какая-то «базовая информация», набор «фундаментальных представлений», и

все, что не укладывается в эти рамки, вызывает резкий эмоциональный протест. Вероятно, ни одна научная идея, если она действительно нова и оригинальна, не может быть сразу принята людьми. Период недоверия, непризнания, насмешек — неизбежен, он обусловлен свойствами человеческой психики. И в этом нет большой беды, ибо умеренная консервативность интеллекта — защита от потока необоснованных гипотез, псевдонаучных фантазий, бредовых теорий и прожектов. Новую идею нужно не только высказать — нужно заставить понять ее. Консерватизм человеческого мышления должен быть преодолен, чтобы человечество восприняло нечто новое. И это новое впоследствии служит препятствием, мешающим воспринять новейшее.

Трудно сказать, какова оптимальная мера, наилучшее соотношение гибкости и консерватизма в человеческом мышлении. Принято думать, что с возрастом мышление становится все менее гибким.

Один известный физик горько сетовал по этому поводу: «Новое в науке побеждает не потому, что стариков удается переубедить, а потому, что они умирают».Чарльз Дарвин высказался еще решительнее: «Как хорошо было бы, если бы все ученые умирали в шестидесятилетнем возрасте, потому что, перешагнув за этот возраст, они обязательно начинают оказывать сопротивление каждому новому учению» (стр. 59).

О приеме смешения стилей и цензуре

«Смешение стилей использовал А. К. Толстой и в другом своем стихотворении — в послании к председателю комитета печати М. Лонгинову, запретившему издание книг Дарвина в России.

Правда ль это, что́ я слышу?
Молвят овамо и семо:
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?

Полно, Миша! Ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь ж . . ,
Так тебе обиды нету
В том, что было до потопа.

...И еще тебе одно я
Здесь прибавлю, многочтимый:
Не китайскою стеною
От людей отделены мы;

С Ломоносовым наука
Положив у нас зачаток,
Проникает к нам без стука
Мимо всех твоих рогаток,

Льет на мир потоки света
И, следя, как в тьме лазурной
Ходят божии планеты
Без инструкции цензурной,

Кажет нам, как та же сила,
Вся в иную плоть одета,
В область разума вступила,
Не спросясь у комитета.

Обращение «многочтимый» — это, разумеется, ирония. Но, пожалуй, главное средство, которое придает этим строкам сатирическое звучание, — это полные внутреннего пафоса слова о мощи науки, контрастирующие и оттеняющие бледность и невыразительность казенно-бюрократической терминологии тупого чиновника (стр. 94).

О двойном истолковании

«Двойное истолкование (двусмысленность) в соединении с намеком использованы в прекрасной остроте, о которой в «Былом и думах» рассказал А. И. Герцен.

На заседании Академии наук предложено было избрать в действительные члены малограмотного и тупого военного министра Аракчеева. Когда один из академиков указал на отсутствие у графа научных заслуг, ему ответили, что «зато он близок к государю». — В таком случае предлагаю избрать так же и кучера Илью Байкова, — возразил академик.

О высоком качестве остроты говорит, между прочим, и тот факт, что ее автор поплатился ссылкой» (стр. 102).

О дураках

«Поскольку математически точного определения глупости не существует, то обратимся к опыту поколений, запечатленному в фольклоре. Образ дурака в фольклоре весьма распространен: очевидно, эта проблема интересовала наших предков. Вспомним сказку о дураке, который, повстречав людей, носивших в амбар мешки с зерном, не знал, как их приветствовать. Его научили: надо пожелать им «таскать вам, не перетаскать». В другой раз, увидев похоронную процессию, он применил полученные знания, пожелав людям, провожавшим усопшего, «таскать вам, не перетаскать», за что ему изрядно намяли бока.

Но в той узкой области, которой дурак посвятил много лет упорного труда, он вполне может достигнуть высокой степени совершенства и даже обучать других. Такие случаи мы часто наблюдаем среди научных работников. Это так называемые ученые дураки, и недаром говорится, что ученый дурак куда больший дурак, чем неученый. Ибо у него претензий больше, он позволяет себе высказываться по более широкому кругу вопросов. Его компетентность в узкой научной области вселяет в него уверенность, что он и в других областях силен. Поэтому глупость его может быть беспредельной. На это обстоятельство давно уже указал Мишель Монтень в «Опытах»: « . . . именно среди ученых так часто видим мы умственно убогих людей, из которых вышли бы отличные землепашцы, торговцы, ремесленники. Науки пригодны лишь для сильных умов, а они весьма редки» (стр. 127).

О глупости и успехе в жизни

«Здесь мы подошли к важному пункту. Можно ли успехи на жизненном поприще связывать с умом, а неуспехи — с глупостью? Или верно, что «дуракам счастье», а от ума — горе? По преданию, один нищий мудрец, отвечая людям, удивившимся, что дела его так плохи, хотя рассуждает он умно, ответил, что рассуждения зависят от него самого, а успехи в делах — от судьбы. Порой именно глупость служит причиной успехов. В бюрократическом аппарате превыше всего ценились послушание, беспрекословие, готовность исполнять не рассуждая. В результате оболтусы, вроде двух

генералов из знаменитой сказки Салтыкова-Щедрина, добирались до административных вершин. В сказке очень точно схвачены черты административного дурака. Разумеется, административный дурак существует в разных модификациях, отражающих в известной мере «дух века». Так, в последние десятилетия получил широкое распространение тип административного дурака-энтузиаста, который, по меткому замечанию Фазиля Искандера, «может много раз прогорать, но не может до конца разориться, ибо финансируется государством. Поэтому энтузиазм его практически неисчерпаем».

Но административным, ученым и военным дураком не исчерпывается эта порода. Есть еще дурак от искусства и медицинский дурак, сельский и городской, дурак-самоучка и дипломированный дурак, дурак самодеятельный и дурак номенклатурный. Хемингуэй выделил даже зимних и летних дураков.

Распространенная разновидность — фрондирующий дурак, занятый критикой властей предержащих. Он всегда знает, что хорошо, а что плохо, и что нужно сделать, чтоб стало хорошо. («Если бы я был правительство, то сделал бы то-то и то-то» — обычно что-нибудь очень свирепое). Есть и верноподданный дурак («там наверху сидят люди поумнее нас с вами, они знают, что делают»). Эти разновидности мало отличаются друг от друга по существу, хотя с точки зрения «бдительного дурака» (есть и такая модификация) фрондирующий дурак — это носитель крамолы и потрясатель устоев.

Не обладая чувством меры, естественной гармонией интеллекта, то есть обширной, хорошо и гибко организованной иерархией знаний, дурак обычно в своей деятельности достигает той степени преувеличения, которая доводит до абсурда любую идею. И в этом смысле он является выразителем своей эпохи, ее полезным индикатором, ибо обнажает противоречия и несовершенства, которые умный человек, сам того не желая, все-таки смягчит и сгладит» (стр. 131).

6. Роман Федора Шахмагонова ««Меркурий» против «Скорпиона»»

Несколько лет назад писатель Ф. Шахмагонов написал роман ««Меркурий» против «Скорпиона»». Роман не был опубликован и известен лишь в рукописи. События в романе происходят в 1937 году. Нарком внутренних дел Ежов вызывает руководителя отдела зарубежной разведки А. Кедрина, старейшего члена партии, близкого соратника В. И. Ленина. Ежов показывает Кедрину некоторые материалы о «связях» маршала Тухачевского с немецкими генералами. Кедрин — личный друг маршала. Он не верит материалам Ежова, считает их фальшивкой. Но Ежов заявляет, что он получил эти материалы лично от Сталина, который попросил именно Кедрина разобраться. Кедрин решает послать одного из разведчиков в Германию по легальной линии, а другого по нелегальной. По легальной линии, как советский работник, посылается малоопытный разведчик Рогов. Расчет состоит в том, чтобы гестапо быстро обнаружило Рогова и «повело» его. Таким образом будет ясно — что исходит от гестапо и чего оно хочет. Другим разведчиком летит в Германию сын Кедрина Никита. Его задача — через связанного с нашей разведкой полковника Генерального штаба Лера узнать действительно ли Тухачевский связан с немецкими генералами. Проверка показывает, что попытка скомпрометировать Тухачевского и его друзей исходит от гестапо, автор этой провокации Гейдрих. Гестапо подбрасывает Рогову еще один «документ», подложное письмо Тухачевского одному из немецких генералов. На письме подлинные резолюции гестапо и Гитлера. Но Гейдрих и Гитлер понимают, что Сталин и сам хотел бы расправиться с советскими военачальниками, они хотят только помочь ему. «Если бы от Сталина ко мне пришло бы письмо, уличающее немецких генералов, — говорит Гитлер Гейдриху, — то я бы повысил этих генералов, так как понял, что Сталин их боится.» Сын Кедрина Никита точно устанавливает, что письмо, переданное ими, вернее, проданное дежурным Генштаба Рогову, является фальшивкой. Но Сталину эти сведения не нужны. Он приказывает арестовать не только Тухачевского и других военачальников, но и Кедрина, который теперь знает всю подоплеку дела. Арест Кедрина создает опасность развала всей зарубежной советской раз-

ведки, но это никого не останавливает. Кедрина держат в заключении и расстреливают уже по приказанию Берия. Сын Кедрина Никита, вернувшийся в СССР, арестован и осужден на 10 лет.

При подготовке романа автор не мог не использовать некоторых материалов и данных, которые он должен был получить только в КГБ. В романе много неточностей. Автором провокации против Тухачевского был не только Гейдрих. Мысль об этой провокации была подсказана гестапо двойным агентом Скоблиным, действовавшим явно по нашей подсказке. Один из героев романа начальник оперативного отдела НКВД Проворов руководит арестами, его люди арестовали Тухачевского и многих других. Но Проворов остается все же честным человеком, он помогает жене Кедрина и его сыну и т. д. Он рассуждает, что лучше он будет делать плохие дела, чем кто-либо другой. Ведь в этом случае можно будет сделать иногда и что-то хорошее. Автор романа осуждает Раскольникова, который опубликовал свое «Открытое письмо Сталину» в буржуазной прессе. Чекист Артемьев, оставшийся за границей, пересылает свое письмо Сталину («гражданину Сталину») через тайные каналы. Он пишет это письмо в одном экземпляре и от руки, чтобы, не дай бог, оно не попало в руки противников СССР. Это письмо попадает однако лишь в руки Берия. Основная философия романа выражена в словах Кедрина своему другу Проворову, который не хочет арестовывать Тухачевского, но которому Кедрин говорит, что этого, видимо, не избежать, так как за спиной Ежова стоит Сталин, а Сталина пока еще убрать невозможно. «Неужели нет узды на Ежова», — восклицает Проворов. «Пока нет, — отвечает Кедрин. Я хочу, чтобы вы это поняли и отнеслись к моим словам крайне серьезно... У вас в жизни другая задача. Быть чекистом всегда и везде, знать, что нам положено знать, видеть, думать и *беречь свои знания*. Если что-либо от вас зависит, соразмерив свои силы *в соответствующей обстановке*, помочь правде. *Посильно помочь*.

На многие годы над нашей страной, над народом, над партией нависла страшная тень, она страшна тем, что убрать нам ее пока не дано. Это привело бы к междоусобью, это значило бы открыться перед врагом, который только и ждет у нас междоусобья. Не прибавляйте поэтому к траги-

ческим судьбам еще и свою судьбу, стойте начеку, может быть еще и придет час, и вы сможете нанести по врагу удар, или отвести руку врага от удара по друзьям ... Пусть только память, только память ваша будет копилкой этих бед и страданий. Будем верить, что настанет час и память ваша заговорит» ...

Подобные рассуждения являются фальшивыми. Это оправдание действий НКВД, который был якобы вынужден выполнять приказы Сталина. Да разве аресты и убийства сотен тысяч и миллионов честных советских людей — это не то же междоусобье? И Проворов неплохо справляется со своими палаческими обязанностями, он был в НКВД до Ежова, при Ежове и остается при Берия. Но мы не должны, по мнению Шахмагонова, осуждать Проворова, у него нет возможности поступить иначе. В романе много других фактических неточностей. Однако даже и в нынешнем виде и с нынешней философией роман был бы полезен, ибо разоблачает Сталина, Ежова и Берия.

7. *А. Бирман о противниках хозяйственной реформы*

Известный советский экономист А. Бирман в своей статье «Суть реформы», опубликованной в журнале «Новый мир» (№ 2, 1969) пишет о противниках экономической реформы:

«Критиков необходимости реформы можно разделить, несколько условно, может быть, на «теоретиков» и «практиков».

«Теоретики» — это преимущественно та часть преподавателей политэкономии, которые, к сожалению, оторваны от практического хозяйствования, десятилетиями не бывают на предприятиях, не знают реальной жизни, но хорошо разбираются в текстах и цитатах. Они утверждали и продолжают утверждать, что при социализме невозможны и не нужны товарно-денежные отношения. Что продукция наших предприятий — это не товар, а деньги — лишь расчетные знаки, необходимые для калькуляции, для учета. Что касается прибыли, материального поощрения и других элементов социалистического хозяйствования, то к ним «теоретики» относятся с большим подозрением, и, будь в их

власти, они давно свели бы их на нет. Свою позицию они обосновывают некоторыми работами Маркса и Энгельса, а также высказываниями В. И. Ленина в первый период советской власти, до перехода к нэпу.

Известно, что основоположники марксизма — Маркс и Энгельс — не предполагали, что социалистическая революция может начаться в отдельной стране, которая в течение сравнительно длительного периода будет существовать в капиталистическом окружении одна. Видимо, они полагали, что социализм прежде всего победит в наиболее промышленно развитых странах. При таком прогнозе исторической перспективы они считали, что переходный период от капитализма к социализму будет, вероятно, не очень длительным и сложным, а общество через некоторое время сможет перейти к организации производства и распределению материальных благ, не прибегая к помощи денег и товарно-денежных отношений.

Правда, излагая таким образом взгляды Маркса и Энгельса, мы несколько упрощаем, огрубляем их. Но мы поступаем так потому, что именно подобным образом воспринимают взгляды Маркса и Энгельса теоретические противники хозяйственной реформы. В действительности же у основоположников марксизма есть немало высказываний относительно того, какую роль сыграет кредит, в частности, в построении социалистического общества. А ряд высказываний говорит о том, что взгляды Маркса и Энгельса не были столь категоричны в вопросе о товаре и деньгах, как его излагают указанные нами экономисты.

Что касается высказываний Владимира Ильича Ленина, то действительно на заре советской власти и особенно в период военного коммунизма, когда обстоятельства вынуждали перейти к непосредственному распределению в натуре скромных материальных ресурсов, имевшихся в распоряжении Советского государства, В. И. Ленин допускал возможность введения прямого продуктообмена, исключающего товарно-денежные отношения. Приводя эти высказывания Ленина, политэкономы, о которых идет речь, не говорят почему-то о том, что к концу гражданской войны В. И. Ленин на основе подлинно марксистского анализа развития народного хозяйства пришел к выводу, что «красногвар-

дейской атакой» капитализма не взять, что необходим более медленный, но зато более реальный и, несомненно, успешный путь к построению социализма, а именно с использованием торговли, финансов, кредита и др...

Начиная с 1921 года В. И. Ленин ни разу не возвращается более к мыслям о возможности строительства социализма вне использования товарно-денежных отношений. Напротив, с огромной настойчивостью и целеустремленностью он приучает партию и советский народ к мысли о необходимости научиться торговать, о значении хозяйственного расчета, прибыли, рентабельности, о том, что деньги нам нужны надолго, и т. д. и т. д.

Но беда «теоретиков» состоит не только в том, что они произвольно приводят одни цитаты и опускают другие. Антимарксистский характер их методологии выражается в том, что они напрочь отметают полувековой опыт строительства социализма в нашей стране, а также опыт развития других социалистических государств. А этот опыт дает совершенно категорический ответ: всякие попытки сузить использование закона о стоимости и товарно-денежных отношениях, перепрыгнуть через этап, когда они нужны, приносят громадный ущерб делу развития социализма. И напротив, гибкое, продуманное комплексное использование товарно-денежных отношений в сочетании со всеми другими элементами экономической политики Советского государства приносит социалистической экономике быстрые и явные успехи.

Отрыв от жизни и неспособность извлекать уроки из практики хозяйственного развития приводят к тому, что и на четвертом году хозяйственной реформы есть экономисты, продолжающие упорно и однообразно повторять уже приевшиеся зады, настороженно относиться к проводимым в нашей стране мероприятиям и использовать любой повод для того, чтобы возбудить недоверие к экономическим методам управления. Стоит только какому-нибудь предприятию и тем более отрасли перевыполнить план по прибыли на несколько процентов больше, чем план производства продукции в натуре, как сразу же ставится вопрос об ослаблении плановой дисциплины, торгашеском стремлении к накоплению и т. д. и т. п. Как ни печально, но эту

часть экономистов убедить в необходимости и пользе хозяйственной реформы, видимо, не удастся: практический опыт они не усваивают, а цитаты, которыми они обосновывают свои взгляды, — увы — измениться уже не могут.

Что касается «практиков», то их опасения по поводу реформы вызваны ее новизной, непривычностью к новому способу хозяйствования. Ведь до 1965 было так удобно: каждая деталь в работе предприятия предписывалась из центра, все подлежало согласованию и увязке. Был порядок. А каково теперь, когда самому предприятию надо решать большинство вставших перед ним проблем ? !

Анализ деятельности наших предприятий за три года показывает, что далеко не все практические работники перестроились на деле. Многие из них, вопреки твердой воле партии и правительства, продолжают работать по-старому, будто не было ни Пленумов ЦК, ни XXIII съезда партии.

Почему они так поступают и как быть дальше?

Позволю себе привести пример из собственной практики. Несколько лет назад в Московском институте имени Г. В. Плеханова к каждой лаборатории был прикреплен технический работник: к одной — электрик, к другой — столяр и т. д. В своей лаборатории у каждого из них работы было мало, обслуживать «чужие» лаборатории они отказывались. Проще всего было бы объединить всех этих работников в одну бригаду и обязать ее обслуживать весь институт. Этой «реформе» воспротивился работник Министерства финансов РСФСР, ведающий финансированием вузов. Мотив? Не полагается. Казалось бы, если руководству института доверяют обучение и воспитание четырнадцати тысяч студентов, то, пожалуй, можно доверить и управление десятком столяров, слесарей и т. д. На такой довод мы получили красноречивый ответ: «Если Министерство финансов будет передоверять такие дела вузам, все развалится . . . »

Совершенно очевидно, что люди, в течение нескольких десятилетий воспитывавшиеся в таком вот духе, искренне убеждены, что всякое проявление инициативы приведет к краху народного хозяйства, и всеми силами стараются его не допустить, тормозя эту инициативу, создавая на ее пути бюрократические рычаги.

Сложнее обстоит дело с теми сторонниками централизованного государственного руководства экономикой, которые допускают проявление инициативы со стороны предприятий, но считают, что руководство народным хозяйством должно осуществляться лишь методами, которые применялись в тридцатых-пятидесятых годах.

Такие хозяйственники и работники экономических органов полагают, будто плановое развитие экономики возможно лишь при утверждении народнохозяйственного плана во всех деталях. При этом в течение года раз пять, а то и чаще, план меняют. И делается ведь это не по злому умыслу. И при централизованном планировании бывают огрехи, ничего не поделаешь. Дело в другом: инициатива предприятия, по мнению таких хозяйственных руководителей, должна проявляться именно в том, чтобы выполнить план при любых меняющихся обстоятельствах.

Сторонники подобной организации управления социалистическими предприятиями обидятся, если им сказать, что трудящимся они отводят роль «винтиков» в хозяйственном механизме, но в действительности дело обстоит именно так. Реформу они проводят искренне и ревностно, но по своему разумению, то есть вместо одних показателей утверждают другие, уровень рентабельности определяют по отношению не к себестоимости, а к стоимости фондов и т. д. Требования предприятий менять *стиль* взаимоотношений считают блажью, которая скоро пройдет, а разговор о совершенствовании производственных отношений — «философией», то есть делом, недостойным серьезных людей.

Как быть тут? Полагаем, что таким товарищам следовало бы серьезно изучить политическую экономию социализма, основы социологии и социальной психологии. Им необходимо объяснять объективную неизбежность построения материально-технической базы коммунизма в условиях товарно-денежных отношений, убедить их в том, что хозяйственный расчет не просто метод управления предприятиями, а единственно возможная система социалистического хозяйствования; что государственные предприятия — товаропроизводители, определенным образом обособленные, и что их отношения с государством — экономические, а не только административные; что деньги — не счетный знак, облег-

чающий калькуляцию и учет, а форма стоимости; что прибыль — не унаследованный нами от капитализма подозрительный пережиток, а обобщающий показатель эффективности хозяйствования и основной источник ресурсов для расширенного воспроизводства и т. д.

Подобно тому, как в начале тридцатых годов партия поставила перед большевиками в качестве важнейшей задачи овладение техникой и успешно решила ее, в наши дни необходимо поставить и решить задачу обучения хозяйственников, партийного и профсоюзного актива предприятий — экономике, научному управлению современным производством, социологии. Решать такую задачу нужно по-государственному, а не эпизодическими лекциями в конце рабочего дня и семинарами раз в месяц.

Еще серьезнее обстоит дело с *объективными основами* волюнтаризма.

Было бы неверно думать, что в плановых органах и министерствах сидят люди, которые только тем и заняты, что создают трудности предприятиям. Дело, разумеется, не только в косности отдельных работников, в привычке к определенным приемам работы. Проблема состоит в том, что по своей сути планирование не имеет и не может иметь тех жестко определенных параметров, которые существуют в технике.

Когда конструктор создает машину определенной мощности, то он совершенно точно знает, какой ему нужен материал по прочности, стойкости и т. д. В экономике подобная точность невозможна. Даже при полном расцвете математических методов в экономике никакие ЭВМ сами не смогут решить, какой из возможных вариантов должен быть принят, так как, кроме экономической выгоды, существуют политические, национальные, стратегические, исторические, социологические и другие факторы, которые не могут быть сброшены со счетов. Поэтому субъективный фактор никогда не будет исключен в экономике.

Следует иметь в виду еще одно обстоятельство. Неисчислимые природные богатства страны и огромные возможности повышения эффективности производства в результате модернизации фондов вызывают неослабевающее

стремление у хозяйственников получать ассигнования на капитальное строительство и строить. В каждом отдельном случае обоснования эффективности капитальных вложений действительно выдающиеся, и «жаль» упустить возможность их реализовать. Отсюда большой нажим «снизу» на Госплан в части лимитов на строительство. Не всегда удается до конца противостоять этому натиску. Тогда в ответ на излишние (против реально возможных) капитальные вложения для их обеспечения в плане производители строительных материалов и оборудования получают задания, также не полностью обеспеченные материально.

Образуется заколдованный круг.

Дело осложняется и тем, что принимающий решения хозяйственный руководитель еще не в полной мере несет ответственность за свои решения. Если в результате неразумной перестраховки возникнет дефицит лезвий для бритья или вследствие необоснованного оптимизма магазины будут завалены швейными машинами, то уровень и условия жизни соответствующих работников министерств и главков не изменятся. Это обстоятельство имеет исключительное значение, и им нельзя пренебрегать.

Означает ли сказанное, что социалистическое общество бессильно против проявлений волюнтаризма? Ни в коей мере! Следует лишь проанализировать опыт истекших пятидесяти лет и сделать из него правильный вывод.

На наш взгляд, этот опыт, рассматриваемый сугубо экономически, свидетельствует о том, что все попытки изжить клинаниями ничего не дают. Сотни фактов убеждают нас в том, что нужно действовать экономическими методами — *заставить хозяйственные органы компенсировать полным рублем тот ущерб, который они причинили предприятиям нарушением их прав, своей плохой работой.* Разумеется, здесь неуместно решать, в каких случаях, за счет каких фондов эти органы могут осуществлять такую компенсацию; это вопросы практические, финансовые, легко разрешимые Пусть сперва убытки покрываются за счет министерства или главка (а счет не бездонный!). Затем, естественно, появится необходимость затронуть и зарплату конкретных виновных лиц. Полезно напомнить, что В. И. Ленин требовал

конфискации имущества руководителей трестов, допустивших убытки, и передачи государству выручки от продажи этого имущества. Реформа должна перевоспитать тех хозяйственников, которые медленно приспосабливаются к новым условиям развития экономики. Предприятия получат устойчивую базу для широкого привлечения масс к участию в управлении. Сказанное, разумеется, ни в малейшей мере не умаляет роли моральных, организационных и политических форм и методов воздействия и воспитания» (стр. 200-203).

ИЗ ИСТОРИИ

1. Н. Г. Чернышевский о бюрократической машине царизма

В своих «Письмах без адреса» Н. Г. Чернышевский описывал работу Редакционных комиссий, готовивших проект крестьянской реформы 1861 года. Эта задача, — как писал Чернышевский, — решалась бюрократическими средствами. А в бюрократической системе «в делах серьезных никто не властен; все связаны безгласною и незаконною взаимной зависимостью . . . » И вот, оглядываясь один на другого, предполагая, что будет угодно тому или иному вышестоящему лицу, члены царской комиссии выработали сообща такое решение об «освобождении», при котором крепостное право оказалось во многом «сохранено при провозглашении его отмены», а материальное положение крестьян стало даже хуже, чем было до реформы. Как произошла такая перемена, — спрашивает Чернышевский и отвечает: «Этого никто не знает. По чьей воле произошла она? — Ни по чьей, потому что никто этого не хотел. Она произведена силою бюрократического порядка, против которой ничего не в силах сделать никто, хотя бы стоял и в самой главе управления. Вы хотите только спросить — ваш вопрос принимается за решение; вы хотите посоветоваться — ваши слова принимают за приказание: вы ищете опоры — все, до чего вы касаетесь, гнется перед вами».

2. О количестве советских военнопленных

В самых капитальных работах по истории Великой Отечественной войны (6-томник и однотомник по истории ВОВ)

нет точных указаний на количество советских солдат и офицеров, попавших в плен. Недавно, однако, в СССР вышли две книги: «СС в действии», издательство «Прогресс» и Вацлава Краля «Преступления против Европы», издательство «Мысль». Из приведенных в этих книгах секретных документов СС (в своих внутренних секретных документах фашистам не было необходимости приводить неточные цифры) видно, что в 1941 году в Германии оказалось *3,9 миллиона* советских военнопленных. Как свидетельствуют документы гестапо, из этого огромного количества военнопленных к февралю 1942 года только 1,1 миллион оставался в живых. Летом и весной 1942 года, а также при неудачном наступлении весной 1943 года под Харьковым немцы захватили, по-видимому, еще не менее 1 миллиона военнопленных. Всего получается, таким образом, около 5 миллионов человек. Вот один из результатов грубых просчетов Сталина).

3. О репрессиях 1936-1938 гг. в НКВД

В «Правде» за 29 ноября 1935 года было опубликовано Постановление ЦИК и СНК СССР от 26 ноября 1935 года о присвоении звания высшим чинам НКВД. Из этого Постановления мы можем узнать фамилии всех высших руководителей НКВД конца 1935 гг. Звание Генерального Комиссара Государственной Безопасности было присвоено одному Г. Ягоде. Звание Комиссара Государственной Безопасности 1-го ранга было присвоено заместителям Ягоды и начальникам самых крупных управлений НКВД (Украина, Москва, Ленинград, Дальний Восток). Это — Я. С. Агранов, В. А. Балицкий, Т. Д. Дерибас, Г. Е. Прокофьев, С. Ф. Реденс, Л. М. Заковский. Звание Комиссара Государственной Безопасности 2-го ранга было присвоено: М.И. Гаю (Начальнику Особого Отдела ГУГБ НКВД), С. А. Гоглидзе (Наркому ВД ЗСФСР), Л. Б. Залину (УГБ Казахстана), К. М. Карлсону (УНКВД Харьковской области), З. Б. Кацнельсону (Зам. Наркома ВД Украины), Г. М. Леплевскому (Наркому ВД Белоруссии), Г. А. Молчанову (начальнику Секретно-политического отдела НКВД), Л. Г. Миронову (начальнику Экономического отдела НКВД), К. В. Паукер (начальнику Оперативного отдела НКВД), А. А. Слуцкому (начальнику Иностранного отдела НКВД), А. М. Шанину (начальнику

Транспортного отдела НКВД), А. Н. Бельскому (начальнику Главного управления Милиции НКВД) и Р. А. Пилляр (УНКВД по Саратовской области).

Все эти высшие руководители НКВД были уничтожены. Большинство было арестовано и расстреляно после ареста Ягоды. Однако несколько человек Ежов все же включил в свою «команду», и они были уничтожены двумя годами позднее вместе с новым Генеральным комиссаром Государственной Безопасности и множеством новых Комиссаров Государственной Безопасности 1-го и 2-го рангов. Выполнив порученную им грязную работу, все эти люди были уже не нужны Сталину, и он жестоко расправился с ними при помощи ими же созданной машины уничтожения. Только один С. Гоглидзе был расстрелян уже после расстрела Берия.

4. *В. И. Ленин и анархисты*

К некоторым из вождей анархизма В. И. Ленин относился с определенным уважением. Достаточно вспомнить отношение Ленина к Кропоткину. Из некоторых зарубежных источников видно, что в 1918 году, когда Махно приезжал в Москву, Ленин принял его для беседы. «Большинство анархистов, — сказал Ленин, — думает и пишет о будущем, но без понимания настоящего». (Пауль Аврих «Русские анархисты», Принстон, 1967, стр. 211).

5. *О судьбе Бетала Калмыкова*

Популярный руководитель Кабардино-Балкарии Бетал Калмыков был личным врагом Берия. Однако он был большим другом Серго Орджоникидзе и многих других деятелей нашей партии. Поэтому прежде чем объявить его «врагом народа» было решено устроить против Б. Калмыкова сложную провокацию. Бетал был женат на женщине, первый муж которой, белый офицер, жил в Париже. От него был сын, учившийся в Москве. Под каким-то предлогом юношу вызвали в Белоруссию и здесь на пограничной станции задержали, обвинив в попытке бежать к отцу. После этого

и было состряпано «дело» о причастности Бетала Калмыкова к «заговору» против Советской власти.

6. *Политические деятели Запада о процессах 30-х годов*

Большинство политических деятелей Запада не сумело разобраться в существе политических репрессий 1937-1938 гг. Так, например, американский дипломат и посол США в СССР Дэвис писал своей дочери (эти письма были недавно опубликованы), что в результате политических судебных процессов, проведенных в СССР, стали ясны планы и нити заговора, стремящегося свергнуть советскую власть. Примерно так думал и Уинстон Черчилль. Весьма информированный человек он, однако, поверил той провокационной дезинформации, которую агентура НКВД распространяла по закрытым каналам на Западе, имея ввиду как раз сбить с толку общественное мнение буржуазных стран. В первом томе мемуаров Черчилля «Вторая мировая война» на стр. 226 советского издания можно прочесть следующее: «. . . Через советское посольство в Праге осуществлялась тайная связь между высокопоставленными лицами в России и Германским правительством. Это было одним из элементов так называемого заговора военных и старой гвардии коммунистов, стремившихся свергнуть Сталина и установить новый режим на основе прогерманской ориентации. Не теряя времени, президент Бенеш сообщил Сталину все, что он мог выяснить. За этим последовала беспощадная, но возможно не бесполезная чистка военного и политического аппарата в Советской России и ряд процессов в январе 1937 года, по которым Вышинский столь блестяще выступил в роли государственного обвинителя».

7. *О Б. Пастернаке*

В последние годы в СССР несколько раз издавались сборники избранных произведений Б. Пастернака, причем томик его стихов недавно вышедший в свет, был распродан в один день. О творчестве Б. Пастернака с большим уважением говорится в различных статьях по истории советской литературы и поэзии. Поднимался даже вопрос об издании в СССР «Доктора Живаго», хотя это произведение и оцени-

вается как неудачное и содержащее ряд ошибок. А между тем как будто до сих пор формально не отменено Постановление президиума правления Союза писателей СССР, бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР и президиума правления Московского отделения Союза писателей РСФСР, в котором, в частности, говорится следующее:

«...Начав когда-то с деклараций о «чистом искусстве», Б. Пастернак кончил тем, что стал орудием буржуазной пропаганды, выгодным объектом спекуляции для тех кругов, которые организуют холодную войну, стараются оболгать все прогрессивные и революционные движения. Реакционные круги встретили морально-политическое падение Б. Пастернака с одобрением совсем не потому, что ценят в нем какой-то писательский талант, а потому, что он присоединился к их ожесточенной, но безнадежной борьбе против поступательного движения истории.

Литературная деятельность Б. Пастернака давно иссякла в эгоцентрическом затворничестве, в самоизоляции от народа и времени. Роман «Доктор Живаго», вокруг которого поднята пропагандистская возня, обнаруживает только непомерное самомнение автора при нищете мысли, является воплем перепуганного обывателя, обиженного и устрашенного тем, что история не пошла по кривым путям, которые он хотел бы ей предписать. Идея романа фальшива и ничтожна, вытащена с декадентской свалки.

В. Пастернак порвал последние связи со своей страной и ее народом, превратил свое имя и свою деятельность в политическое орудие в руках реакции. Присуждение Б. Пастернаку Нобелевской премии, по существу за роман «Доктор Живаго», наспех прикрытое высокопарными фразами о его лирике и прозе, в действительности подчеркивает политическую сторону нечистоплотной игры реакционных кругов.

...Учитывая политическое и моральное падение Б. Пастернака, его предательство по отношению к советскому народу, к делу социализма, мира, прогресса, оплаченное Нобелевской премией в интересах разжигания холодной войны, — президиум правления Союза писателей СССР, бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР и президиум правления Московского отделения Союза писателей РСФСР лишают

Б. Пастернака звания советского писателя, исключают его из числа членов Союза писателей СССР (Принято единогласно).» («Известия», 29/X-1958 г.)

Известно, что на заседание этих руководящих писательских организаций был приглашен и Пастернак. Он, однако, прислал письмо, основные положения которого состояли в следующем:

1. Я искренне хотел прийти, но не мог — заболел.

2. Я и сейчас еще верю, что можно писать «Д.Ж.», оставаясь советским писателем. Тем более, что это было в 56 году, когда появился роман Дудинцева — «Не хлебом единым . . . »

3. Я передал рукопись «Д.Ж.» итальянскому коммунистическому издательству и ждал цензурованного перевода. Я согласен был выправить все места . . .

4. Дармоедом я себя не считаю.

5. Самомнения у меня нет. Я просил Сталина позволить мне писать как умею.

6. Я думал, что «Д.Ж.» коснется дружеская рука критика.

7. Ничто не заставит меня отказаться от чести быть лауреатом Нобелевской премии. Но деньги (премию) я готов отдать в фонд Совета Мира.

8. Я не ожидаю от вас справедливости. Я жду всего для себя. Но, прошу вас, не торопитесь. Славы и счастья вам это не прибавит.

31 октября 1958 года в «Доме кино» состоялось общее собрание московских писателей. В повестке дня вопрос о Пастернаке. Председательствовал и делал первое сообщение С. С. Смирнов. Один из присутствующих на собрании сделал краткую протокольную запись доклада и выступлений, которую мы приводим ниже:

«С. Смирнов. Оглашает письмо группы писателей, одобряющих исключение Пастернака из Союза писателей и требующих еще более суровых кар. Затем Смирнов огласил

телеграмму Пастернака, посланную им Шведской Академии: «...бесконечно признателен..., тронут..., горд..., сконфужен...» И интервью иностранным корреспондентам: «...Я счастлив... Я хотел бы поехать в Стокгольм за премией...»
Смирнов: Смотрите, в какую кампанию попал Пастернак. Французский реакционный поэт Камю, Черчилль.

В субботу студенты Литературного Института пришли к Союзу писателей с плакатами: «Долой Иуду из СССР!»

...Пастернак хочет откупиться. А в свое время Федин просил его 4 дня подписать Стокгольмское воззвание мира... К дому предателя Кнута Гамсуна приходили его читатели и бросали за ограду его книги... Конечно, в своем докладе т. Семичастный нехорошо, грубо говорил... о свинье... Но со второй частью его доклада — о высылке Пастернака из СССР — я полностью согласен (Сильные аплодисменты в зале).

Надо просить Правительство о лишении Пастернака советского гражданства... Идут слухи, что Пастернак отказался от Нобелевской премии, но мы ничего не знаем. За границей опубликовали его заявление: «В связи с реакцией советского общества, я вынужден отказаться от премии...»

Л. Ошанин — Пастернак был под наблюдением наших врагов. Присуждение ему Нобелевской премии — тонкий расчетливый удар. Когда в 45 году вручали медали «За доблестный труд в Отечественную войну», пригласили и его для награждения. А он: «Ах, медаль... Я пришлю, может быть, сына...» Андроников много часов ходил вокруг него, чтобы тот подписал Стокгольмское воззвание. Я называю его внутренним эмигрантом... А ведь было, что вдруг писал он несколько настоящих слов о Ленине

Корнелий Зелинский — Я внимательно, с карандашом в руках прочитал «Д. Ж.» и почувствовал себя оплеванным. Масса религиозной писанины. Я ценил Пастернака как художника-поэта. На западе имя П-ка — синоним холодной войны. Его портрет печатают рядом с портретом другого предателя — Чан Кай-ши. Присуждение Нобелевской премии П-ку — атомная литературная бомба. Удар в лицо советскому правительству. В Неаполе было собрание 400 писателей из 22 государств. Никто не произнес имени П-ка,

т.к. это все равно, что неприличный звук в обществе. Виновно его окружение. Оно создало культ его личности. В свое время за мою критику П-ка («Поэзия — чувство современности») В. В. Иванов перестал подавать мне руку. Я говорю: «Иди, получай там свои 30 сребренников. Ты нам не нужен!»

Герасимова Вал. — Я, как бывшая комсомолка, не могу простить сцены стрельбы Д-ра Живаго по дереву вместо врага. Это доктор Мертваго, а не Живаго. Цвет интеллигенции не он, а Макаренко, Тимирязев...

Виктор Перцов — Негодование не улеглось, хотя прошла уже неделя. В «Тезисах» П-ка меня поразила одна вещь. Он считает смягчающим обстоятельством то, что своего Д. Ж. писал одновременно с романом Дудинцева. Но это вещи разные! Я встречал П-ка в обществе Маяковского. Я не курил ему фимиам, но и не думал о низости. Кроме особо гурмански настроенных молодых людей, П-ка никто не читает. Поэтическое кредо П-ка — «80 тысяч верст вокруг себя». В молодые годы я опубликовал статью о П-ке («Вымышленная фигура»), чем вызвал гнев Асеева, Шкловского. Это подлая фигура. Свою автобиографию П-к опубликовал в Париже. Более гнусного, чем он написал о Маяковском, я не знаю. Он написал Сталину письмо, в котором благодарит за эпитет, данный Сталиным Маяковскому — «лучший, талантливейший поэт нашей эпохи». Что делать с господином П-ком? Он свободен от нашего общества, но от «того» общества не свободен. И пусть он отправляется туда. Я не могу себе представить, чтобы у меня осталось соседство с П-ком. Нельзя, чтобы он попал в перепись населения СССР. Мы поздно опубликовали письмо редакции «Нового мира». Давайте по-настоящему хорошо работать!

Безыменский — Сегодня длинный спор о П-ке кончился. Еще в 34 году группа пролетарских писателей давала бой Бухарину, сказавшему, что надо ориентироваться на П-ка. Теперь П-к своим поганым романом поставил себя вне литературы и общества.

Софронов — Даже в Чили один писатель на перепутье сказал нам: «Странно вы ведете себя с П-ком. Ведь он ваш враг». (Говорит плохо, путаясь, не заканчивая фраз).

С. Антонов — Размер премии 40-50 тыс. дол. Нобель перевернулся бы в гробу, если бы узнал, кому пошли его деньги.

Б. Слуцкий — Шведская академия знает о нас только по ненавистной Полтавской битве и по еще более ненавистной Октябрьской революции. Премия Пастернаку дана ему из-за ненависти и нам.

Г. Николаева — Я принадлежу к тем людям, которые воспринимали и любили некоторые стороны творчества Пастернака — о природе, о Ленине. Я думаю, что Пастернак найдет новый путь. «Доктор Живаго» -- плевок в народ. У меня теплилась надежда, что у него найдется мужество раскаяться...

Солоухин — Пастернак «там» будет нужен до тех пор, пока он у нас. Так же как Югославия — пока она с нами, там она нужна. Очередная катастрофа с миллионершей, и П-к будет забыт. Это будет его самая главная казнь.

Б. Полевой — Антикоммунист забрался в коммунистический лагерь. Самый большой удар по коммунизму, крупнейший удар по советской культуре. П. — это литературный Власов (показал и прочитал заголовки зарубежных газет).

Смирнов (председатель) — Поступило предложение прекратить прения. Хотели выступить следующие товарищи (зачитывает список, в начале Дудинцев).

ГОЛОСА — Дайте слово Дудинцеву и все.

Смирнов — это недемократично.

Солоухин — Поддерживаю — дать слово Дудинцеву, ибо П. в своем письме говорит о нем.

Смирнов (возражает и объявляет голосование) — Большинство за прекращение прений.»

Далее была принята резолюция, аналогичная постановлению президиума правления ССП.

8. Поль Робсон и Ицик Фефер

В конце 40-х годов в Москве прошли массовые аресты среди еврейской интеллигенции. Был арестован и находил-

ся в Бутырской тюрьме известный еврейский писатель Ицик Фефер. Однако советские писатели, ездившие за границу имели инструкцию отрицать все факты, связанные с арестами еврейских писателей. Когда в 1949 году в Москву приехал известный американский негритянский певец и борец за мир, друг СССР Поль Робсон, то он заявил Фадееву, что хочет увидеть Фефера, что на Западе ходят слухи об аресте Ицика и он хотел бы лично убедиться, что это не так. Фадеев обещал устроить эту встречу, но пока Робсон был отправлен в дом творчества в Ялту. Но он не забыл о своей просьбе и настаивал на встрече с Фефером, которого хорошо знал. Когда Поль Робсон вернулся в Москву, Фадеев пригласил его отужинать в ресторане «Метрополь». Стол был уставлен закусками и бутылками с вином. Неожиданно к столу подошел в сопровождении незнакомого мужчины... Ицик Фефер. Он был бледен и худ, но в отличном костюме и хорошем расположении духа. В течение нескольких часов шла непринужденная беседа. Фефер просил в заключение передать привет своим друзьям в США. Затем все разошлись. Поль Робсон к себе в номер, А. Фадеев домой, а И. Фефер в сопровождении работника МГБ на легковой машине поехал в свою камеру в Бутырскую тюрьму. Как известно, Фефер погиб в заключении. Фадеев после XX-го съезда покончил жизнь самоубийством.

Кстати депутатом в Совет Национальностей от Еврейской автономной области в конце 40-х годов был избран И. В. Никишев, генерал МГБ, начальник Дальстроя и всех колымских лагерей.

(Писатель Т-в)

9. О В. М. Бехтереве

Существует легенда о том, что крупнейший русский психиатр В. М. Бехтерев в 1927 году был отравлен, после того, как он провел негласное обследование Сталина и высказал сомнение в его психической полноценности.

По словам Л. А. он встречался в доме отдыха в Суханове с крупнейшими советскими онкологами Шабадом и Тагером и те рассказали, что еще до войны они провели онкологическое обследование Сталина и пришли к выводу о наличии

у него психических нарушений паранойяльного характера. Конечно, они не решились тогда сказать об этом никому.

10. Аресты после войны

Рассказывают, что после своего известного письма к Сталину был арестован известный специалист по истории военного искусства полковник Разин. Через три года, когда Сталину потребовалась какая-то консультация по истории войн, Разин был освобожден. Был арестован также и экономист Ярошенко, обратившийся к Сталину с письмом и не согласившийся с некоторыми из утверждений Сталина После смерти Сталина Ярошенко был освобожден и восстановлен в партии. Он был, однако, снова исключен из партии после XX-го съезда КПСС, так как выступил на партийном собрании с обвинениями не только в адрес Сталина, но и в адрес Н. С. Хрущева.

№ 64

Январь 1970

О событиях прошедшего месяца: Новогоднее интервью Г. Гусака — Переименование г. Луганска — Письмо группы видных интеллигентов в ЦК КПСС — Неприглядная история с тезисами ЦК КПСС — Новый Пленум ЦК КПЧ и новые перемены в Чехословакии. Из литературной жизни: Премия С. В. Смирнову — Записки Л. Гинзбурга — Об одной басне С. Михалкова — Из «Нового мира» (№ 11, 1969 г.) — Человек будущего общества; Д. Писарев о революции; О формах протеста; Цель и средство. Национализм и национальные проблемы в современном мире: Национализм на Балканах — Из книги Л. Снайдера «Новый национализм» — Из книги Р. Лаффона «Франция» — Немного статистики. О некоторых книгах, статьях и рукописях: О рукописи А. Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» — О рукописи под названием «Время не ждет». Заметки на разные темы. Проблемы советской экономики: О некоторых итогах хозяйственной реформы в СССР — О состоянии животноводства в СССР в 1966-1969 гг.

О СОБЫТИЯХ ПРОЩЕДШЕГО МЕСЯЦА

1. Новогоднее интервью Г. Гусака

5 января 1970 года в «Руде право» опубликовано весьма пространное интервью корреспондентов этой газеты с Г.

Гусаком. Об этом интервью в нашей печати даются лишь самые краткие сообщения, хотя до сих пор все выступления Гусака печатались у нас в самом подробном изложении. В чем дело?

Нынешнее интервью Гусака содержит немало обычных для него тенденциозных и неправильных утверждений. Он восхваляет апрель 1969 года и несправедливо ругает апрель 1968 года. Однако главной темой интервью является оправдание января 1968 года и осуждение режима Новотного. Это, вероятно, и не понравилось нашей печати и чехословацким ультра из группы Штроугала-Индры.

Гусак заявляет, что он горячо поддержал январь 1968 года. Он был тогда простым членом партии, научным работником и находился в оппозиции к режиму Новотного. Он отклонял до января 1968 года предложения занять какой-либо государственный пост (до 1963 года Г. Гусак 11 лет был в заключении). Январские события не были «путчем», это были закономерные и правильные перемены. «Смысл января заключается в устранении препятствий в интересах лучшего развития партии и нашего общества, в устранении ошибок, искажений и в решении актуальных проблем строительства социалистического общества. В этом смысле Январь у нас был неизбежен.» Г. Гусак выступил против слепой дисциплины, за единство, сочетаемое с дискуссией Источники, которые питали антисоциалистические силы после января, возникли еще в годы режима Новотного. Чехословакия «увильнула» от процесса оздоровления, начавшегося после XX съезда КПСС. Не была проведена своевременная реабилитация, и это привело к увеличению напряжения в обществе, к возникновению сильного оппозиционного лагеря. В оппозиции оказались и честные коммунисты и враги, причем в руках оппозиции были сильные моральные козыри. «Особенность положения в Чехословакии состояла в том, что все руководство сосредоточилось постепенно в руках одного человека, весьма посредственного в политическом отношении. Соответственно своим способностям он и определял уровень работы и характер политики». Г. Гусак решительно высказался против злоупотребления властью, он предложил ряд мероприятий, гарантирующих повседневный общественный контроль. Гусак еще раз заявил о предстоящем обмене партийных билетов, т. е. о чистке

партии (которую будет проводить не народ, а аппарат партии). Что касается съезда партии и выборов в высшие представительные органы, то Гусак объявил, что новый съезд партии состоится не ранее 1971 года. Еще позже пройдут общенациональные выборы (в апреле 1969 года съезд и выборы намечались на 1970-й год).

Нынешнее интервью Г. Гусака заметно отличается от его прежних выступлений. Оно скорее направлено не против «правых», а против сектантов-новотновцев, которые активизировались и требуют реванша за январь 1968 года. Мне рассказали, что наше посольство в Праге поощряет этих новотновцев и присылает в Москву донесения, содержащие резкую критику Г. Гусака.

2. Переименование г. Луганска

Город Луганск снова переименован в город Ворошиловград. Как известно, Луганск во времена Сталина уже носил имя Ворошилова. После XX-го съезда КПСС десяткам городов были возвращены их прежние названия. На XXII съезде КПСС Ворошилов был осужден и за преступления 30-х годов и за фракционную деятельность 1956-1957 гг. Только вмешательство Н. Хрущева спасло тогда Ворошилова от исключения из партии. Теперь снова делаются попытки создать вокруг имени Ворошилова какой-то ореол. Кроме Луганска имя Ворошилова будет носить один из районов г. Москвы. Имя Ворошилова присвоено Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Это уж совсем странное решение. Как полководец Ворошилов показал себя в годы Великой Отечественной войны с самой худшей стороны, и его пришлось отстранить от непосредственного руководства военными соединениями. Но и в годы гражданской войны Ворошилов, как известно, не командовал крупными военными соединениями, он не был никогда командующим фронтом. В большинстве случаев Ворошилов состоял членом военного совета тех или иных соединений. Ворошилову не принадлежит никаких трудов по военному искусству, его главным «военным» сочинением является книжка «Сталин и Красная Армия», послужившая началом самой безудержной фальсификации истории гражданской войны. Имя Ворошилова, таким образом, ни-

как не подходит для академии, слушатели которой должны осваивать высшие ступени военного искусства. Даже зимний лыжный кросс ДОСААФ, который предполагалось назвать именем Курчатова, будет в нынешнем году именоваться «кросс имени К. Е. Ворошилова».

3. Письмо группы видных интеллигентов в ЦК КПСС

Около двадцати крупнейших представителей советской интеллигенции, в том числе академики Арцимович, Сагдеев, Энгельгардт, Мигдал, Понтекорво, А. Алиханян, писатели С. С. Смирнов, С. Н. Ростовский, Е. А. Гнедин, старые большевики Полонский и Никифоров и другие направили в ЦК КПСС на имя Л. И. Брежнева большое письмо с осуждением романа В. Кочетова «Чего же ты хочешь?»

«Глубокоуважаемый Леонид Ильич, — говорится в этом письме. — Мы обращаемся к Вам по поводу одного недавно опубликованного литературного произведения, которое всех нас очень встревожило. Только часть нижеподписавшихся профессиональные литераторы и члены Союза писателей СССР; другие — ученые, люди искусства, старые члены партии. Но все мы любим русскую литературу. Ее сила всегда была в живой, неразрывной связи с обществом, ее честь и ее интересы столь же дороги деятелям науки, артистам, художникам, как людям физического труда и самим писателям. Мы уверены, что наше мнение по данному вопросу разделяют очень многие. Вот почему мы считаем себя вправе довести его до Вашего сведения.

Каждый из нас был поражен, прочитав в номерах журнала «Октябрь» за сентябрь, октябрь и ноябрь 1969 г. роман В. Кочетова «Чего же ты хочешь?». Мы не останавливаемся на том, что с чисто литературной точки зрения произведение это бездарно; это — дело редколлегии и издательства. Но его трудно назвать советским произведением.

Роман Кочетова по существу чернит наше общество, это — злобный пасквиль на него. И в советской печати он публикуется в момент, когда наши противники, как на Западе, так и в Китае, по всему фронту перешли против нас в идеологическое наступление; когда с их стороны де-

лается все, чтобы привести наше общество в болезненное состояние. Роман Кочетова помогает тем, кто этим занимается, и молчать об этом, по нашему убеждению, нельзя.

В дни, когда вся наша страна готовится к празднованию 100-летней годовщины со дня рождения В. И. Ленина, Кочетов внезапно поднимает на щит не Ленина, а Сталина. Каждый непредвзятый человек, который читает его роман, прежде всего ошеломлен этим. Всем известно, что культ Сталина был решительно осужден партией на XX и XXII съездах и что XXIII съезд подтвердил эти решения. Тем не менее, основная мысль романа Кочетова, пронизывающая под тем или иным прикрытием каждую его главу, сводится именно к возвеличению Сталина. Дается понять, что после осуждения культа личности Сталина советское общество начало вырождаться и что вырождение продолжается в наши дни. То, что такое обвинение выдвигается в юбилейный ленинский год, явно неслучайно. Страна думает о Ленине, ей преподносят Сталина, стремясь исподводь сбить ее с ленинского пути. Мы возмущены этим. Романов такого рода в Советском Союзе за последние 15 лет еще не появлялось.

Мало того, Кочетов не стесняется рекламировать Сталина и фактически призывать к восстановлению его культа устами не кого другого, как некоего будто бы исправляющегося русского эсэсовца (Сабурова)! Это центральная фигура в романе, которой автор явно сочувствует. Гитлеровец Сабуров дословно заявляет, например: «В чем тут криминал — быть сталинистом?» Другая фигура в романе, американская разведчица Порция Браун, говорит о «сталинистах» как о «властителях дум в широком народе».

Как понимать это в свете решений партийных съездов, в свете нашего исторического опыта, за который так много заплачено? С каких пор эсэсовцы, пусть и «исправляющиеся», стали нашими учителями? Мы не верим, что кто-то дал Кочетову право ревизовать решения партии. Но даже аргументация гитлеровца, видимо, нужна этому писателю для того, чтобы в юбилейный год Ленина поставить на пьедестал Сталина.

Отсюда и другие тезисы романа Кочетова, с подтекстом или без подтекста. В дни, когда партия настоятельно при-

зывает к сплочению и единству советского общества, Кочетов совершенно отчетливо пытается посеять рознь между различными слоями этого общества, возбудить недоверие и вражду между ними. Читая роман, ясно видишь, что автор сознательно науськивает людей физического труда на советскую интеллигенцию, как на слой дармоедов, якобы не производящий материальных ценностей («хлеба»). Это говорится в то время, когда продолжается бурная научно-техническая революция, когда огромное государственное значение труда советской интеллигенции, в частности, растущей армии научно-технических работников, стало ясно для всех, кроме круглых невежд.

Мы думаем, что никому не позволено оскорблять советский народ, следовательно, и советскую интеллигенцию, и тем более делать это в критический момент истории, когда наши противники за рубежом делают ставку именно на внутренний разлад советского общества. Кочетов не может не знать, что единство людей физического и умственного труда сейчас для нашего государства важнее, чем когда-либо раньше. Но он все-таки подстрекает одних против других.

В романе содержится грубая, нечистоплотная карикатура и на советскую молодежь. Автор не нашел среди нее лучшего примера, чем кучку папенькиных сынков и прощелыг, пирующих с иностранными туристами и щеголяющих своей безыдейностью и развращенностью. Молодой «советский поэт» вступает у Кочетова в интимную связь с разведчицей Браун. Известно, что еще одна стратегическая ставка антисоветских сил в наше время рассчитана на так называемый «разлад поколений» в СССР. Как может повлиять подобный роман на нашу молодежь, если не именно в сторону разлада?

Известно, наконец, что третья «большая» ставка империалистов — на раскол международного коммунистического движения. Современный советский писатель не может не знать, насколько важно для нашего будущего единство этого движения. Кочетов, надо думать, читает газеты. Недавнее Международное совещание коммунистических и рабочих партий сосредоточило на единстве все свое внимание. Но — как ни трудно в это поверить — Кочетов и тут сеет семена разлада.

Он грязнит самую большую компартию Западной Европы, компартию Италии, обвиняя ее деятелей в корыстолюбии, в антиморальном поведении, даже в принадлежности к фашистам во времена Муссолини.

Весь роман Кочетова пересыпан подобными недостойными выпадами. В одном месте он порочит движение сторонников мира (за то, что в качестве эмблемы какие-то «сирены миролюбия и зарубежные и наши отечественные», «подсунули» ему вместо серпа и молота «библейского голубя»), в другом атакует известный антифашистский фильм «Обыкновенный фашизм» (хотя и не называя его), документально разоблачивший гитлеровцев. Это — в дни, когда фашизм во многих странах вновь пытается встать на ноги.

Под флагом борьбы с буржуазной идеологией Кочетов в своем романе фактически пытается посеять презрение к истинным, всеми нами признанным ценностям мировой и русской культуры. Он оскорбляет советскую критику, утверждая устами одного из своих героев, что высказывания против его писаний «не советского, а иностранного производства». Нет, именно советские люди возмущены его произведением.

Некоторые места романа можно понять только как плохо замаскированные выпады против нынешней партийной линии. Другие места звучат даже как почти неприкрытые призывы к «культурной революции» в нашей стране. Нам кажется неслучайным, что маоисты еще в 1965 г. превозносили один из прежних романов Кочетова как произведение, подтвердившее тезис Мао Цзэ-дуна о классовых противоречиях в советском обществе.

Мы уже не говорим о том, что автор сплошь и рядом доходит до предельной пошлости — например, рекламируя самого себя — это довольно очевидно — под видом «писателя Булатова». «Какой мозг!» с восхищением восклицает любимая героиня автора по поводу Булатова-Кочетова. Но такие черты романа, как и его низкий литературный уровень, по нашему мнению, отступают на третий план по сравнению с его политическим содержанием, которое и побуждает нас обратиться к Вам. Это недостойное произведение. Это не советское произведение. Оно грязнит часть

нашей литературы, наносит нам большой вред и внутри и вне страны.

Мы не считаем, что нужно запретить этот роман. После полувека своего существования советское общество не нуждается в подобных мерах, чтобы защищать себя и выдвигаться вперед. Даже таким, как Кочетов, не стоит затыкать рот. Но мы думаем, было бы хорошо, если бы партия и советская печать высказали свое мнение по поводу подобного произведения.»

4. Неприглядная история с тезисами ЦК КПСС

23 декабря 1969 года в «Правде» и других центральных газетах были опубликованы Тезисы ЦК КПСС «к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Основная часть тезисов была, как известно, уже давно подготовлена в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Затем большая группа работников различных отделов ЦК КПСС в течение двух-трех месяцев на одной из государственных подмосковных дач работала над совершенствованием «Тезисов», тщательно обсуждая не только каждый тезис, но и каждую фразу «Тезисов». Тем более странной является допущенная в этих «Тезисах» грубейшая ошибка.

Один из тезисов (14) посвящен задачам пролетариата развитых капиталистических стран. Здесь говорится: «Основную революционную силу в развитых капиталистических странах составляет рабочий класс, борющийся против империализма в его цитаделях. Ленин высоко оценивал пролетариат индустриальных государств, отмечая, что это «наша главная надежда, наш главный устой». (т. 37, стр. 363) ... В наброске плана доклада о международном положении и основных задачах Коминтерна Ленин отметил пять «социальных факторов силы» рабочего класса: 1) число, 2) организованность, 3) место в процессе производства и распределения, 4) активность, 5) образование. С тех пор, *как Ленин высказал эту мысль*, численность рабочего класса резко увеличилась, неизмеримо повысилась его организованность и политическая активность, общеобразовательная и профессиональная подготовка. Под воздействием самой капиталистической действительности все большее число

рабочих новых профессий и интеллигенции, связанных с обслуживанием передовой техники, осознают свою полную зависимость от государственно-монополистической системы, убеждаются в необходимости замены капитализма новым общественным строем, вливаются в антиимпериалистический поток».

При обсуждении «Тезисов» перечисленные выше пять «социальных факторов силы» рабочего класса ни у кого не вызвали возражения. А между тем для всякого, кто знаком с произведениями Ленина не по цитатам, должно было бы показаться весьма странным приписываемое Ленину перечисление «социальных факторов силы». Дело в том, что В. И. Ленин всегда решительно возражал насчет попыток меньшевиков связать вопрос о революционных возможностях пролетариата с его численностью или образованием. Ленин указывал, что даже и малочисленный пролетариат, как, например, в России, может победить буржуазию, объединив вокруг себя полу-пролетариат и крестьянство. Капитализм, говорил также Ленин, будет всегда стараться оставить рабочий класс необразованным, и мы должны вначале взять власть в свои руки, а потом позаботиться о подлинном образовании для трудящихся. Конечно, сегодня обстановка в развитых капиталистических странах сильно отличается от той обстановки, какая была 50 лет назад не только в России, но и в Западной Европе. Притупилась острота некоторых прежних споров. И вовсе не вопрос о численности или образовании рабочего класса как факторах социалистической революции разделяет сегодня коммунистов и социал-демократов Западной Европы. Но в 1920 году это была одна из самых главных проблем, и было невозможно представить, чтобы В. И. Ленин сказал бы тогда что-нибудь в защиту перечисленных выше пяти «социальных факторов силы».

В полном собрании сочинений В. И. Ленина нет упомянутого наброска плана доклада о международном положении и задачах Коминтерна. Как оказалось, этот набросок вместе с некоторыми другими ранее не опубликованными ленинскими документами включается в новый сборник произведений В. И. Ленина, издание которого приурочено к апрелю 1970 года. И в этом наброске рукой Ленина действительно записана фраза о пяти злополучных факторах.

Но ведь В. И. Ленин никогда не писал полного текста своих речей и докладов, он делал лишь краткий план, набрасывая в нем как свои мысли, так и мысли своих оппонентов. Вполне вероятно поэтому, что ленинская запись насчет «факторов силы» была простой выпиской из какого-либо другого произведения. Проверить это было совсем нетрудно. Для этого было достаточно прочесть полный текст доклада В. И. Ленина на втором Конгрессе Коминтерна, который опубликован в томе 41 Полного собрания сочинений. Однако никто из составителей «Тезисов» не сделал этой самой элементарной для всякого автора и редактора проверки. В сорок первый том ленинских сочинений заглянули только после того, как «Тезисы» были опубликованы и не только в наших газетах, но и в газетах некоторых социалистических стран. Заглянули и убедились, что слова о «факторах силы» принадлежат вовсе не В. И. Ленину, а австрийскому социал-демократу Отто Бауэру. Это — выписка из книги Отто Бауэра «Большевизм или социал-демократия?» И Ленин сделал эту выписку, чтобы решительно возразить своему оппоненту. Причем возразить с той резкостью, с какой умел это делать В. И. Ленин. Вот что сказал в действительности в своем докладе В. И. Ленин: «Книга Бауэра будет полезным, хотя и своеобразным дополнением к учебникам коммунизма. Возьмите любой параграф, любое рассуждение у Отто Бауэра и докажите, в чем тут меньшевизм, где тут корни взглядов, ведущих к практике предателей социализма, — такова будет задача, которую с пользой и с успехом можно было бы предлагать на «экзаменах» для проверки того, усвоен ли коммунизм. Если вы этой задачи решить не можете, вы еще не коммунист и вам лучше не входить в коммунистическую партию. Отто Бауэр превосходно выразил всю суть взглядов всемирного оппортунизма в одной фразе, за которую, — если бы мы свободно распоряжались в Вене, — мы должны были бы поставить ему при жизни памятник. Применение насилия в классовой борьбе современных демократий — изрек О. Бауэр — было бы «насилием над социальными факторами силы». Вероятно, вы найдете, что это звучит странно и непонятно? Вот образец того, до чего довели марксизм, до какой пошлости и защиты эксплуататоров можно довести самую революционную теорию. Нужна немецкая разновидность мещанства, и вы получите «теорию», что «социальные факторы

силы», это — число, организованность, место в процессе производства и распределения, активность, образование . . . »

И эти вот рассуждения Отто Бауэра, которые В. И. Ленин считал сущностью современного ему оппортунизма, которые он называл опошлением марксизма и продуктом немецкой разновидности мещанства, составители «Тезисов» приписали самому В. И. Ленину!

Ошибку удалось исправить только при публикации «Тезисов» в журнале «Коммунист» и отдельной брошюрой. Не указывая номера тезиса, всем пропагандистам Москвы было сделано разъяснение, что в газетном тексте вкрались некоторые серьезные опечатки и что нужно пользоваться только отдельной брошюрой или журналом «Коммунист». За допущенную ошибку никто, однако, не понес пока наказания, хотя в иных случаях строго взыскивается и за гораздо менее серьезные и случайные опечатки. Не наказан пока и один из непосредственных «виновников» доктор экономических наук Эрик Пантелеевич Плетнев, который «отвечал» в ЦК КПСС за данный тезис. Э. П. Плетнев работал раньше в Институте международных отношений, но был освобожден за алкоголизм. Он перешел в Высшую дипломатическую школу, но и здесь с ним быстро расстались по той же причине. Короткое время Плетнев работал в Институте международного рабочего движения при ВЦСПС, но пришлось покинуть и это место. Теперь же Э. П. Плетнева «для перевоспитания» взяли в аппарат ЦК КПСС консультантом в отдел агитации и пропаганды. Предполагалось, что ответственная работа избавит Плетнева от его порока. Но, видимо, ошиблись. Впрочем дело, конечно, не только в недобросовестности Э. П. Плетнева. Главное — это плохое знание подлинного ленинизма всеми, кто имел отношение к «Тезисам».

5. Новый Пленум ЦК КПЧ и новые перемены в Чехословакии

В самом конце месяца было объявлено, что в Чехословакии состоялся новый пленум ЦК КПЧ. Пленум произвел большие перестановки среди руководителей страны и партии. О. Черник снят с поста Председателя Совета Министров

ЧССР, он также выведен вместе с К. Полачеком из Президиума ЦК КПЧ. К. Полачек отозван с поста председателя Совета профсоюзов. От поста Первого секретаря ЦК КП Словакии освобожден Ш. Садовский. А. Дубчек исключен из ЦК КПЧ. Сообщается, что он «подал в отставку по предложению Президиума ЦК КПЧ». Из ЦК выведены Л. Карда и О. Матейка (Пражский горком) и некоторые другие деятели. В Президиум ЦК КПЧ избраны А. Капек, Й. Корчак и Й. Ленарт. Кандидатами в члены Президиума избраны А. Индра и другие. Л. Штроугал назначен на пост Председателя Федерального правительства ЧССР вместо Черника. Й. Ленарт стал Первым секретарем ЦК КП Словакии. Назначены новые секретари ЦК. В ЦК КПЧ кооптированы несколько новых деятелей.

В целом речь идет о том, что сторонники Г. Гусака, которые называют себя «реалистами», вынуждены были потесниться у власти. На многие важнейшие посты теперь назначены самые крупные деятели времен Новотного.

Назначен новый министр внутренних дел ЧССР — некто Р. Каска, который одновременно кооптируется и в ЦК.

В новом составе Президиума ЦК КПЧ у активных сторонников Г. Гусака — меньшинство. Сторонников А. Дубчека теперь нет вообще ни в Президиуме, ни в ЦК. Иными словами, социальная база нового руководства еще более сузилась.

На пленуме ЦК КПЧ был заслушан доклад министра планирования ЧССР В. Гула об экономической политике партии. Из краткого изложения доклада видно, что экономика страны по-прежнему находится в крайне трудном и тяжелом состоянии.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

1. Премия С. В. Смирнову

Государственная премия имени М. Горького за 1969 год присуждена Советом Министров РСФСР поэту Сергею Васильевичу Смирнову «за поэтические произведения 1967-

1968 гг.» Как известно, главным произведением Смирнова за эти два года была сталинистская поэма «Свидетельствую сам», которая вызвала крайне резкие критические отзывы среди прогрессивных писателей. Теперь за эту поэму С. В. Смирнов получает премию им. М. Горького.

2. Записки Льва Гинзбурга

В №№ 10 и 11 «Нового мира» опубликованы записки Льва Гинзбурга «Потусторонние встречи». Писатель рассказывает о своей поездке в ФРГ и встречах с нынешними и бывшими нацистами. Главная тема записок — проблема ответственности народа в целом и отдельных граждан за преступления второй мировой войны. «Мы не считаем, — заявляет один из персонажей записок, — что сейчас нужно копаться в этих преступлениях... Существует ли реальная возможность устанавливать сейчас конкретную вину конкретных людей, принадлежащих своей эпохе? Только наша слабость заставляет нас в угоду победителям устраивать судилища, которые разлагают нацию и подрывают в молодом поколении веру в своих отцов .. Давайте лучше смотреть в будущее и строить его по-новому, с учетом прежних ошибок.» Это говорит активист НДП, фашист из молодых. А вот что говорит военный преступник Кристман, находящийся под следствием: «Нюрнбергский процесс был не чем иным, как уступкой большевикам, за которую еще долго придется расплачиваться... Преступления против человечности? Существует ли большая глупость, чем эта пустая фраза? Разве преступления против человечности не совершались ежедневно, ежечасно на протяжении всей истории? Разве не совершаются они и сегодня? Да и что значит «человечность»?»

Л. Гинзбург, естественно, доказывает в итоге всех своих встреч, что мы должны и сегодня внимательно изучать преступления против человечности, совершенные в прошлом и наказывать их конкретных виновников, разоблачая их перед всей нацией и перед всем человечеством. Вывод, конечно же, актуальный не только для ФРГ

3. Об одной басне Сергея Михалкова

Почти год назад, в № 4 журнала «Крокодил» за 1969 год была опубликована по-своему весьма удивительная басня Сергея Михалкова. Не менее удивительно и то, что басня эта прошла совсем не замеченной в наших литературных кругах. Интеллигенция, как видно, не читает «Крокодила», а те, кто читает этот журнал, вероятно, не обратили внимания на басню Михалкова.

Называется басня: *«Трудный хлеб»*

Вот ее текст:

На конзаводе
Трудился добрый Конь в упряжке, при подводе.
Он на конюшню привозил овес,
А вывозил навоз...
Он знал, что рысакам и чистокровкам
То, что положено по штату, то дано.
И Конь завидовал их стойлам, их подковкам.
Подстриженным хвостам, холеным гривам, но...
Ни разу он не видел ипподрома,
Когда в поту и в пене на кругу
Трехлетка-жеребец от Ласточки и Грома
У финиша хрипит: «Не добегу!»
Так гражданин иной судить-рядить берется
О тех, кто на виду, и как кому живется.

Ничего подобного в советское время и в советском журнале еще не публиковалось. Очень многие из советских людей, конечно, узнают себя в том «добром коне», который «привозит овес и увозит навоз» и о котором с таким снисходительным презрением пишет Михалков. Можно было бы напомнить Михалкову слова В. И. Ленина о трудящихся, которые должны обо всем судить в социалистическом государстве, а также слова о кухарке, которая должна научиться управлять государством. Можно было бы напомнить нашему «баснописцу» о вековых традициях русской прогрессивной литературы. Еще в середине XVIII века Иван Иванович Хемницер написал свою знаменитую басню «Стрелка часовая»:

Когда-то стрелка часовая
На башне городской,
Свои достоинства счисляя,
Расхвасталась собой,
И, прочим часовым частям в пренебреженье,
«Не должно ль, — говорит, — иметь ко мне почтенье?
Всему я городу служу как бы в закон;
Все, что ни делают, по мне располагают:
По мне работают, по мне и отдыхают;
По мне съезжаются в суды и выезжают;
По мне чрез колокольный звон
К молитве даже созывают;
И словом, только час я нужный покажу,
Так точно будто прикажу.
Да я ж стою домов всех выше,
Так что весь город подо мной;
Всем видима, и все я вижу под собой.
А вы что значите? Кто видит вас?»
«Постой!
Нельзя ли как-нибудь потише,
И слово дать
И нам сказать? —
Другие части отвечали. —
Знай, если бы не мы тобою управляли,
Тебя бы собственно ни во что не считали.
Ты хвастаешь собой,
Как часто хвастает и человек иной,
Который за себя работать заставляет,
А там себя других трудами величает.»

Еще более отчетливо эта мысль звучит в не менее известной басне И. А. Крылова «Листья и корни»:

В прекрасный летний день
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами шептали...
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что было б в нем без нас? Ну, право,
Хвалить себя мы можем без греха!»

«Примолвить можно бы спасибо тут и нам», —
Им голос отвечал из под земли смиренно.
«Кто смеет говорить столь нагло и надменно!
Вы кто такие там?
Что дерзко так считаться с нами стали?» —
Листы, по дереву шумя, залепетали.
«Мы те —
им снизу отвечали, —
Которые здесь роясь в темноте,
Питаем Вас, ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коем Вы цветете.
Красуйтесь в добрый час!
Да только помните ту разницу меж нас:
Что с новою весной лист новый народится,
А если корень иссушится, —
Не станет дерева, ни Вас.»

И вот теперь нашелся писатель, который выступил в защиту «стрелок» и «листьев». Если бы приведенная выше басня Михалкова была бы напечатана в середине XIX века, то не только демократы-разночинцы, но и все либеральствующие помещики обрушились бы на автора, назвав его сочинение антинародным и позорным для русской литературы. И даже те «чистокровные» дворяне и чиновники, которым бы пришлась по душе мораль нашего советского баснописца, должно быть, все-таки не похвалили автора за то, что он выступил слишком уж откровенно, не в узком кругу «холеных» и «подстриженных», имеющих особые «стойла» и «подковки», а напечатал свои стишки в массовом журнале с пятимиллионным тиражом.

4. Из «Нового мира», № 11, 1969 г.

Человек будущего общества

В одном из своих выступлений Иван Катаев, писатель, автор известных в 20-30-е годы повестей и рассказов, погибший в 1937 году и реабилитированный лишь после XX-го съезда, говорил:

«С чем войдет наше поколение в завоеванную с таким трудом и с такими жертвами обетованную землю, каким

переступит ее границу? Нам ответят, что оно готовит для этого жданного мига множество серых стеклобетонных зданий с блестящими машинами и миллионы гектаров тучной, сообща обработанной земли... Мы хотим знать, каким будет человек в этой обетованной земле. Мы знаем, что он будет здоров телом и ясен умом, что он будет хорошо думать и хорошо работать. Но будет ли он счастлив, весел, способен к волнениям, энтузиазму, внутреннему страданию, обогащающему душу? Да, он будет таким. но в чем будет его счастье, веселье, энтузиазм, страдание? Как он будет относиться к встречному человеку, к соседу по работе, к женщине, которую он любит? Будет ли он нежен, добр, отзывчив, отважен, верен в дружбе, решителен, осторожен и притом отличен от других людей? Как он будет ощущать пространство мира, космос, свое существование, приближение к смерти? Будет ли в нем воля к дальнейшему изменению себя и мира, стремление к далеким, едва мерцающим целям? Что он будет чувствовать по отношению к человечеству, ко всем его историческим эпохам, к нашему времени, к будущему? Как он будет осознавать и переживать все окружающее: солнечный свет, небо, смену дня и ночи, море, леса, льды, а также асфальт, машины, аэропланы? Будет ли жить в искусстве, воспринимать его, плакать, порываться к совершению необъяснимых поступков — и если так, то что это будет за искусство? И последнее — главное и исчерпывающее: сохранит ли он богатство и тонкость души, способность откликаться на все разнообразнейшие и мельчайшие прикосновения мира, ловить в себе и в нем все шорохи, все звуки, все подсознательные и сонные движения, всегда слышать трепет своей жизни и жизней ближайшего круга людей, окружающих его людских масс, всего человечества».

(«Новый мир», № 11, стр. 204-205).

Д. И. Писарев о революции

Крупнейший публицист и критик 60-х годов Д. И. Писарев писал о революции: «В жизни народов революции занимают то место, которое занимает в жизни отдельного человека вынужденное убийство. Если вам придется защищать вашу жизнь, вашу честь, жизнь или честь вашей матери, сестры или жены, то может случиться, что вы

убьете нападающего на вас негодяя... То же самое можно сказать и о насильственных переворотах, которые кроме того можно сравнить с оборонительными войнами. Каждый переворот и каждая война, сами по себе всегда наносят народу вред как материальный, так и нравственный. Но если война или переворот вызваны настоятельной необходимостью, то вред, наносимый ими, ничтожен в сравнении с тем вредом, от которого они спасают» (из статьи «Генрих Гейне», 1867 г.).

О формах протеста

«Бессмысленный протест всегда вреден, потому что он своей бессмысленностью подрывает в массе окружающих людей уважение к той верной и святой идее, во имя которой он совершается». «Чтобы быть успешным, протест должен быть глубоко обдуман и приноровлен самым искусным образом к существующим обстоятельствам места и времени» (из статьи «Образованная толпа», 1867 г.).

Цель и средство

«Ни перед борьбою, ни во время борьбы, ни после ее окончания необыкновенные люди, которыми может и должно гордиться человечество, не являются любителями и виновниками кровопролития. Кровь льется не потому, что в данном обществе, в данную минуту действуют необыкновенные люди, а потому что деятельность этих необыкновенных людей не может перевесить собою массу человеческого неблагоразумия, узкого своекорыстия и близорукого упрямства» (из статьи «Мыслящий пролетариат», 1865 г.) «Кровь льется совсем не для того, чтобы подвигать вперед общее дело человечества; напротив того, общее это дело подвигается вперед, несмотря на кровопролитие, а никак не вследствие кровопролитий; виновниками кровопролитий бывают везде и всегда не представители разума и правды, а поборники невежества, застоя и бесправия.» «Их («необыкновенных людей») руки совершенно чисты и всегда останутся чистыми: они могут только убеждать людей, а не приневоливать их; с той минуты, как великий мыслитель вздумал бы употреблять насильственные меры против невежественных и тупоумных противников своей доктрины,

он перестал бы быть великим мыслителем, он сделался бы врагом беспристрастного исследования и свободного мышления, он сделался бы преступником против всего человечества, вреднейшим из вредных негодяев и по всем правам занял бы в истории почетное место рядом с испанскими инквизиторами» (там же).

(Цит. по статье А. Володина «Раскольников и Каракозов», «Новый мир» № 11.)

НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

1. Национализм на Балканах

В Нью-Йорке вышла книга П. Лендваи «Орлы в паутине». Автор исследует националистические тенденции в странах социализма на Балканах. Автор принадлежит к числу антикоммунистов, однако многие из приводимых им фактов и соображений заслуживают внимания. В книге подробно рассматривается история разногласий между Тито и Сталиным. Исключенный из Коминформа за «левачество» Тито, говорится в книге, пошел на коренную перестройку социальной, народнохозяйственной и партийной структуры в Югославии, что имело целью доказать «уникальность» югославского пути к социализму. Острый экономический и политический кризис толкнул Югославию на сотрудничество с Западом. «Таким образом, Тито и его группа, коммунисты крайнего толка, динамичные «левые», первыми вынуждены были стать националистами и, оказавшись ни с чем, впоследствии стать либералами и реформаторами, которые вплоть до 1955-1956 гг. всецело зависели от Запада. Путь от портретов Сталина до рекламы «Дженерал моторс» никогда не был прямым и всегда был полон противоречий. Зачем же удивляться, что некоторые югославские лидеры часто пытаются перевести рычаг на задний ход и использовать свой авторитет в международной политике против интересов бывших благодетелей. В конце концов нельзя забывать, что Тито коммунист. Вопрос о том, какой он коммунист.» (87-88) Национализм пронизывает в Югославии все аспекты жизни страны. Однако все более развивается и местный национализм, «традиционный для страны с пя-

тью нациями, дюжиной народностей, тремя религиями и двумя алфавитами». Рассматривая реформы 1966-1967 гг. Лендваи считает, что в них «можно уловить помимо идей Адама Смита отзвук разнообразнейших социалистических идей — только не Маркса и тем более не Ленина, а ранних социалистов и синдикалистов — Оуэна, в еще большей степени Прудона и большой дозы анархизма и анархосиндикализма.» (92)

Большая глава в книге посвящена национализму и антисоветской политике в Албании и взаимоотношениям Албании и Китая.

Лендваи прослеживает затем развитие национализма с антисоветским оттенком в Румынии. Особенно сильная вспышка антирусских настроений произошла здесь в марте 1963 года, когда обильные заявления о культурном единении с Россией были заменены политикой «румынизации» и обращения к национальным традициям. Был закрыт в этом месяце институт русского языка в Бухаресте, ликвидирован большой магазин русской книги, прекращено издание на румынском языке русского журнала «Новое время», в школах отменено обязательное преподавание русского языка. Автор книги находит сходство нынешней политики Румынии с политическими манипуляциями буржуазных правительств Братиану и Титулеску. Важную роль в последних мероприятиях румынского руководства сыграло, по мнению Лендваи, выдвижение на ведущие посты «местных» коммунистов во главе с Чаушеску. «Чаушеску оказался верным знаменосцем воинствующего национализма, национальной фигурой и, что не менее важно, хитрым манипулятором политических сил внутри страны» (318). «Чаушеску и его жена — инженер — образцы благопристойности и пуританства. Драконовские законы 1966-1967 гг. против разводов и абортов, кампания против курения и стремления к «веселой жизни» среди молодежи носят на себе ясный отпечаток воздействия Чаушеску и его влиятельной жены.» (317) Тем не менее проявления безудержной роскоши «высшей прослойки» румынских коммунистов не имеют себе равных в любой другой восточноевропейской стране... Чаушеску и его сподвижники живут в коттеджах и особняках, комфорт, роскошь и убранство которых с успехом могут соперничать с домами фешенебельных пригороров Лос-Анджелеса или

Далласа. В Румынии нет традиций социального равенства, в прошлом она управлялась самой раззращенной правящей группой в Европе. Легкомысленная терпимость в сочетании с цинизмом более в характере румынской традиции, чем чувство общественной дисциплины и верности коллективу, столь присущие славянам» — утверждается в книге.

Автор не делает никаких прогнозов о характере будущего развития Румынии, так как в политике этой страны в последние несколько лет было слишком много «немыслимых» изменений (1969 год).

2. Из книги Л. Снайдера «Новый национализм»

С позиций буржуазной идеологии профессор Нью-Йоркского университета Л. Снайдер пытается проанализировать формы и корни национализма последних десятилетий.

Касаясь *Европы,* Снайдер отмечает, что новый европейский национализм имеет тенденцию повторять опыт прошлого; он отражает идеологию мелких наций как законченных политико-экономических единиц. Несмотря на разговоры о создании Соединенных Штатов Европы в качестве третьей мировой державы, в Западной Европе сохраняется стойкое национальное чувство. Это видно из национальных трений в Англии, Бельгии, роста национализма в ФРГ, хотя здесь и сделан большой шаг в сторону «европеизма».

Для африканского национализма характерен сильный этнический элемент. Снайдер различает два лица в африканском национализме. Одно лицо «смотрит в будущее». Здесь отвергается колониализм и все его пороки, но в то же время проявляется готовность воспринять научно-технические достижения западной цивилизации. «Другое лицо африканского национализма горящими глазами смотрит на почти исчезнувшее прошлое», под которым автор подразумевает культуру подоплеменного строя. «Это лицо получило название «негрианства» — слово, предназначенное для обозначения восстановления или нового пробуждения африканских культуры и традиций,» а также отказа от западной культуры. Большинство негритянских лидеров отдает предпочтение «негрианской» форме национализма. Говоря о

соотношении африканского социализма и национализма, автор считает, что национализм представляет большую силу. (122)

«Азиатский национализм отличается гибкостью и большой степенью эмоциональности... Он часто труднообнаруживаем, поскольку не имеет четко сформулированного идеологического и практического содержания.» (143) «Новый азиатский национализм предстал главным образом в качестве отрицательной концепции. В каждой стране он зарождался как прогрессивная освободительная сила, но после выполнения задачи освобождения превращался в нездоровое и реакционное явление... личные интересы оказываются выше чувства общественного долга» (144). Характерная черта азиатского национализма — отсутствие сплоченности, резкая враждебность и конфликты (религиозные, лингвистические, социально-политические). Остановившись на особенностях национализма в Индии и Индонезии автор переходит к рассмотрению китайского национализма. Это национализм антиколониалистский, традиционалистский, с элементами западного влияния и коммунистический. «Мао Цзэ-дун разжижил китайский коммунизм солидной долей национализма.»

Для политико-регионального национализма Ближнего и Среднего Востока общий знаменатель — религия. Росту национализма арабов способствовали такие факторы, как создание Израиля, победа националистических режимов в Египте и Турции. Снайдер подробно рассматривает элементы националистической политики Ирана, Турции, Египта и Израиля.

Национализм в Латинской Америке приобрел революционную окраску. «Общим фактором является преданность идее борьбы с господством «янки». Отмечая в целом весьма динамичный характер этого национализма, автор подразделяет его на революционно-коммунистический (Куба, Боливия) и эволюционный (Бразилия и Аргентина).

Национализм в США представляется Снайдеру «смесью идеалистических идей о свободе и равенстве с материалистическими устремлениями делового человека, промышленника; это такой национализм материалистического

толка, апологеты которого пытались убедить весь мир, что американское правительство самое лучшее в мире и что все народы должны копировать американские добродетели и идеалы.» (67) Снайдер утверждает, что США не боролись за мировое господство, но должны были взять на себя ответственность за судьбы мира, как сверхдержава. Автор отмечает, что американский национализм носит резко выраженный антикоммунистический характер. «США создали свою собственную смесь антикоммунизма и национализма» (282).

Советский «национализм» Снайдер называет «мессианским». Он дает исторический очерк развития русского национализма и рассуждает об ограничении национальных меньшинств в СССР. «Новый советский национализм, — пишет он, — является часто непонятным сочетанием традиционного великорусского национализма, элементов западного универсалистского марксизма и, что самое главное, рационализированной системы политического порядка, установившегося в СССР с 1917 г.» (283)

В заключение автор приходит к выводу, что «национальное государство остается главным политическим инструментом мира; сохранение и становление наций — главной политической целью человечества» (373).

3. Из книги Р. Лаффона «Франция». Париж 1968 г.

Как утверждает французский буржуазный историк Лаффон, формирование французской нации — это длительный исторический процесс, в ходе которого были «низведены до уровня французских провинций некогда самобытные, подчас славные народы, являвшиеся носителями универсальных ценностей цивилизации.» Решающий шаг в этом отношении произошел в период после Великой французской буржуазной революции. Автор оперирует двумя понятиями — «первичная или этническая нация» и «вторичная или политическая нация». Является реальностью французская нация. Но реальностью являются и различные этнические группы, даже региональные сепаратистские движения. После 1945 года во Франции наблюдается этническое возрождение районов, оно выражается в преподавании во француз-

ской провинции на некоторых местных языках, в появлении баскской, бретонской, окситанской и некоторых других литератур. Был создан национальный совет защиты региональных языков. Автор выступает за развитие этих языков и культур, также как и за развитие французской культуры и самоуправления во французском Квебеке в Канаде.

4. *Немного статистики*

По ориентировочным данным специальной литературы, на нашей планете существует сейчас около 2500-3000 языков. Современная наука не располагает точными данными о языках значительного числа народов Африки, Азии и индейцев Америки. Наряду с языками, обладатели которых составляют сотни миллионов человек, имеются языки, на которых говорит лишь несколько сот или даже несколько десятков человек.

Из 900 народов земного шара лишь 218 численно превышает один миллион человек.

175 народов имеют от 1 до 10 миллионов человек.
33 народа имеют от 10 до 50 миллионов человек.
10 народов имеют каждый свыше 50 миллионов человек.
682 народа по численности меньше одного миллиона.

Наиболее многоязычные районы: Индия, где имеется несколько сот языков и диалектов; Африка, где имеется много сотен языков народностей и сотни диалектов племен; Северная и Южная Америка, где имеется несколько сот языков и диалектов индейцев.

В организации Объединенных Наций официальными языками международного общения признаны английский, французский, русский, испанский, а также китайский. Немецкий язык не принят в ООН, не входят в ООН и оба немецких государства.

Наибольшее территориальное распространение имеет английский язык: он принят как основной не только в Англии, но и в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии,

Южной Африке. Английским языком пользуются в Индии, во многих странах Африки. По числу людей, пользующихся данным языком, стоит на первом месте китайский (иероглифический, литературный) язык. Что касается устного китайского языка, то он состоит из множества сильно различающихся диалектов. По количеству научных публикаций и технической литературы на первом месте стоит английский язык. Английский язык, по-видимому, стоит на первом месте и как язык, изучаемый в качестве иностранного языка в средних школах стран с неанглийским языком.

О НЕКОТОРЫХ КНИГАХ, СТАТЬЯХ И РУКОПИСЯХ

1. О рукописи Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?»

За границей была опубликована большая статья советского литератора Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года». Машинописные копии этой же статьи распространяются в Москве.

А. Амальрик живет в Москве. В примечаниях к своей статье он приводит свой московский адрес и просит направить по нему все возможные замечания.

Еще юношей Амальрик стал убежденным сторонником норманской теории возникновения русского государства. Он не только подготовил на этот счет реферат, но и отнес его в посольства скандинавских стран. Был исключен из МГУ. Находился под наблюдением КГБ, так как поддерживал дружбу с рядом иностранных корреспондентов, в том числе с американским корреспондентом Шубом. Затем был на несколько лет выслан в Сибирь, но потом вернулся в Москву. О наших делах А. Амальрик пишет как иностранец, как бы издалека. Он и сейчас считает, что русское государство создавалось при помощи норманнов, монголов, византийцев, германцев и евреев (видимо, имеется ввиду участие большого числа евреев в Октябрьской революции). Русскому народу, как утверждает Амальрик, совершенно непонятна идея самоуправления и связанной с ней ответственности (социалисты XIX века, напротив, утверждали, что русский крестьянин по своей природе социалист и сторон-

ник самоуправляемой общины). Русскому народу также чужда якобы идея равных для всех законов и личной свободы, с понятием свободы связывается лишь беспорядок. Но русскому народу близка идея «справедливости», которая является, однако, как пишет Амальрик, «деструктивной стороной русской психологии», так как на деле «справедливость» русского человека оборачивается желанием «чтобы никому не было лучше, чем мне.» Все эти псевдонаучные и псевдоглубокомысленные рассуждения столь же примитивны как и многие другие рассуждения западных «знатоков» о природе русского народа (не менее, однако, примитивны рассуждения на этот же счет наших неославянофилов и руссистов). Амальрик считает, что марксизм — это уже мертвая идеология, он (Амальрик) не видит тех ценностей идеологического характера, которые связаны с победой социализма и трудностями истории последних 53-х лет и которые продолжают скреплять наше общество. Амальрик утверждает, что некультурный и грубый русский народ, не имеющий ни религии, ни морали, продолжает сдерживаться только органами слабеющего и дряхлеющего государства, режима. «При таком взгляде, — пишет Амальрик, — нетрудно понять, какие формы будет принимать народное недовольство и во что оно выльется, если режим изживет сам себя. Ужасы русских революций 1905-1907 и 1917-1920 гг. покажутся тогда просто идиллическими картинками».

Совершенно очевидно, что Амальрик принадлежит по своим взглядам к числу самых крайних «западников», и его письмо является своеобразным манифестом этого крайнего течения. Невозможно согласиться со взглядами Амальрика, однако нельзя не признать, что в ряде случаев его замечания являются довольно меткими.

Как считает Амальрик, в нашей стране в период с 1952 по 1957 гг. произошла своеобразная «верхушечная революция», закончившаяся полной победой Н. С. Хрущева. К концу этого периода в стране возникла «культурная оппозиция». Власти боролись с этой оппозицией, но не смогли ее победить. «Напротив, частично она постепенно включилась в официальное искусство, частично же сохранилась, но уже в значительной степени как явление культуры. Режим примирился с ее существованием и как бы махнул на нее

рукой, лишив тем самым ее оппозиционность политической нагрузки, которую он сам придавал ей своей борьбой с нею».

Но из недр «культурной оппозиции» вышла новая оппозиция, которая выступила не только против официальной культуры, но и против идеологии и практики режима. Эта оппозиция нашла свое выражение в «самиздате». Несмотря на сопротивление режима «самиздат» привел к возникновению определенного движения, которое называет само себя «демократическим движением». Амальрик имеет ввиду в данном случае то движение, которое связано с именем Григоренко, Якира, Литвинова, Богораз и других. «Не принимая формы четкой организации, оно само осознает и называет себя движением, имеет руководителей, активистов и опирается на значительное число сочувствующих; во-вторых, оно сознательно ставит себе определенные цели и избирает определенную тактику, хотя и то и другое довольно расплывчато; в-третьих, оно хочет работать в условиях легальности и гласности и добивается этой гласности, в чем его отличие от маленьких и даже больших подпольных групп.» (К подпольным группам Амальрик относит группы Краснопевцева-Ренделя, Осипова-Кузнецова, группу «Колокол», группу Дергунова и осужденный в 1967 году «Всероссийский социально-христианский союз освобождения народа», по делу которого в Ленинграде было привлечено к ответственности 21 человек.)

В нынешнем демократическом движении Амальрик различает три идеологии: «подлинный марксизм-ленинизм» (он настаивает на возрождении марксизма-ленинизма и сохранении особой роли России), «либеральная идеология» (переход к демократическому обществу западного типа, но с сохранением принципа общественной и государственной собственности) и, наконец, «христианская идеология».

Представителями «марксистской» доктрины Амальрик считает П. Григоренко, А. Костерина и И. Яхимовича. Наиболее яркой фигурой «христианской» идеологии является ленинградец И. Огурцов. К «либералам» относится П. Литвинов и «с некоторыми оговорками» А. Д. Сахаров. «Интересно, — пишет Амальрик, — что в более умеренной форме все эти идеологии проникают и в близкие к режиму круги.

На практике же все эти идеологии взаимно переплетаются, они аморфны и являются достоянием лишь небольшой группы лиц.» Амальрик считает, что в самых широких слоях народа и в рабочем классе «ощущается потребность в идеологии, на которую могло бы опереться негативное отношение к режиму и его официальной доктрине». (Для доказательства этого тезиса приводится только один пример — судьба рабочего Анатолия Марченко).

Число участников «Демократического движения» столь же неопределенно, как и его цели. Все его участники выступают за правопорядок, основанный на уважении основных прав человека. Анализируя подписи под некоторыми коллективными письмами, Амальрик приводит следующую таблицу участников движения:

ученых — 45 %
деятелей искусства — 22 %
инженеров и техников — 13 %
издательских работников,
учителей и юристов — 9 %
рабочих — 6 %
студентов — 5 %

Таким образом, основную опору движения составляют академические круги. Но именно ученые, как считает Амальрик, являются наименее способными к активному действию. Они охотно будут «размышлять», но крайне нерешительно действовать. «Научная работа, — пишет Амальрик, — требует, как правило, большой отдачи сил и полной сосредоточенности; привилегированное положение в обществе предостерегает от рискованных шагов, а воспитанное наукой мышление носит скорее умозрительный, чем прагматический характер. Хотя рабочие представляют сейчас гораздо более консервативную и пассивную группу, чем ученые, я вполне могу себе представить через несколько лет крупные забастовки на заводах, но вот забастовку в каком-либо научно-исследовательском институте вообразить себе не могу.»

Интеллигенция или, как ее называет Амальрик, «средний класс» и еще «класс специалистов» уже по своему роду работы нуждается в интеллектуальной свободе и правопорядке. Она ищет, она должна развивать экономику и науку. Этот класс имеет сравнительно высокий уровень жизни,

известную культуру и способность более здраво оценивать свое место в обществе. Как считает Амальрик, этот класс начинает осознавать свое единство и заявлять о себе. Однако ряд факторов противодействует включению интеллигенции в «движение». Это, во-первых, последствия массовых репрессий среди интеллигенции в прошлые десятилетия. Эти репрессии, как считает Амальрик, наложили отпечаток серости и посредственности на все слои общества, в том числе и на средний класс. Значительная часть интеллигенции считает, что «все равно ничего не поделаешь», «стену лбом не перешибешь». Так возникает чувство собственного бессилия перед силой режима. Наконец, как считает Амальрик, у многих советских интеллигентов, поскольку все они работают на государство, развивается психология чиновников (эта психология якобы характеризуется чувством собственной незначительности и отсутствием общественной ответственности; чиновник выполняет приказы, и он, подчиняясь чувству долга, нередко делает вещи, которые, будь его воля, он бы делать не стал). Многие интеллигенты вообще являются функционерами весьма разросшегося партийного и государственного аппарата, и они смотрят на режим как на меньшее зло по сравнению с болезненным процессом его изменения. Это «парадокс среднего класса», который делает весьма проблематичным успех «демократического движения».

Но есть еще, как считает Амальрик, «парадокс режима». После репрессий 30-х годов дальнейшая регенерация бюрократической элиты шла уже в основном бюрократическим путем отбора наиболее послушных и исполнительных. Этот «противоестественный отбор» привел к постепенному вытеснению из правящих кругов людей смелых и самостоятельных. Каждое новое поколение бюрократической элиты было более слабым и нерешительным, чем прежнее. «Привыкнув беспрекословно подчиняться и не рассуждать», нынешние бюрократы, «получив власть, превосходно умеют ее удерживать в своих руках, но совершенно не умеют ею пользоваться. Они не только сами не могут придумать ничего нового, но и вообще всякую новую мысль рассматривают как покушение на свои права.» «По-видимому, — пишет Амальрик, — мы уже достигли той мертвой точки, когда понятие власти не связывается ни с доктриной, ни с личностью вождя, ни с традицией, а только с властью как

таковой... Естественно, что единственной целью подобного режима должно быть самосохранение. Режим не хочет ни реставрировать сталинизм, ни преследовать представителей интеллигенции... Он только хочет, чтобы все было по-старому: признавались авторитеты, помалкивала интеллигенция, не расшатывалась система опасными и непривычными реформами. Режим не нападает, а обороняется. Его девиз: не троньте нас, и мы вас не тронем. Его цель: пусть все будет, как было.» «Таким образом, пассивному среднему классу противостоит пассивная бюрократическая элита.» «Понятно, что такое квазистабильное состояние режима нуждается в определенном правовом оформлении...» Отсюда идет медленная работа в области формально законодательной, отсюда — подписание ряда международных конвенций и попытка согласования советского законодательства с международными правовыми нормами. Однако из соображений текущей политики режим продолжал издавать Указы, противоречащие международному праву (Указ о «тунеядцах», о «валютчиках», новые статьи УК в 1967 году). Кроме того, как считает Амальрик, «идея правопорядка не имеет почти никаких корней в советском обществе и находится в явном противоречии с официально провозглашенными доктринами «классового» подхода ко всем явлениям.» Поэтому начатое «сверху» движение к правопорядку увязло в бюрократической трясине, и только интеллигенция продолжает робко требовать, чтобы с ней обращались «не в зависимости от текущих нужд режима, а на законной основе». При этом обнаружилось, что в советском праве существует широкая «серая полоса» вещей — формально законом не запрещенных, но на практике считавшихся запретными (например, общение с иностранцами, занятие идеалистической философией, издание машинописных сборников, устная и письменная критика не всего режима, а его отдельных учреждений и т. д.)

«Теперь», — пишет Амальрик, — «очевидны две тенденции: тенденция режима «зачернить» эту полосу (путем дополнений к Уголовному Кодексу, показательных судебных процессов, инструктивных указаний практическим работникам и др.) и тенденция среднего класса «разбелить» ее, т. е. просто напросто делать те вещи, которые ранее считались невозможными (и постоянно ссылаться на их «законность»). Все это ставит режим в довольно сложное положение, осо-

бенно если учесть, что идея правопорядка начнет проникать и в остальные слои общества. В интересах стабилизации режим теперь все время вынужден считаться со своими собственными законами, а, с другой стороны, он все время вынужден их нарушать, чтобы противоборствовать тенденциям демократизации.»

Все же изменения в последние 15 лет очень значительны. «Это породило, — как считает Амальрик, — еще одну идеологию в обществе, пожалуй самую распространенную, которую можно назвать «идеологией реформизма». Она основана на том, что путем постепенных изменений и частных реформ, замены старой бюрократической элиты новой более интеллигентной и здравомыслящей, произойдет своего рода «гуманизация социализма» и вместо неподвижной и несвободной системы появится динамичная и либеральная. Иными словами, эта теория основана на том, что «разум победит» и «все будет хорошо», поэтому она так популярна в академических кругах и вообще среди тех, кому и сейчас неплохо и кто поэтому надеется, что и другие поймут, что быть сытым и свободным лучше, чем голодным и несвободным». Амальрик считает эту идеологию наивной и противоречащей русской истории, «которая отнюдь не была непрерывным торжеством разума». Амальрик сомневается в том, что идущий у нас процесс некоторой либерализации приведет к успеху. Ибо не существует никакого плана или сознательной программы реформ, имеющих ввиду приспособить нашу систему к современным условиям и привести ее к коренным обновлениям. Имеются лишь отдельные попытки как-то «заткнуть дыры» путем разного рода «перестроек» бюрократического аппарата. Либерализация могла бы быть «стихийной», т. е. быть результатом систематических уступок сильному демократическому движению. Но такой саморегулируемой системы у нас нет, так как демократическое движение слишком слабо, а режим считает себя совершенным и не хочет меняться ни по доброй воле, ни, тем более, уступая кому-то или чему-то. Нынешнюю «либерализацию» Амальрик считает просто следствием «дряхления» режима. Он пишет: «Просто-напросто режим стареет и уже не может подавлять все и вся с прежней силой и задором. Меняется состав его элиты, усложняется характер жизни, в которой режим ориентируется с большим трудом; меняется структура общества... Но если считать про-

исходящую «либерализацию» не обновлением, а дряхлением режима, то ее логическим результатом будет его смерть, за которой последует анархия.» (Это наименее убедительный вывод автора. Все, что он называет «режимом», он считает просто насилием, все держится лишь на принуждении и терроре, а также на лжи и неинформированности. Да, в нашем обществе есть и ложь, и насилие и многое другое, с чем нельзя согласиться. Однако существует немало положительных ценностей экономического и культурного порядка, которые скрепляют общество и не дадут ему распастья. Амальрик не видит давления на нынешний режим производительных сил, экономической необходимости, требований соревнования с капитализмом, развития науки и культуры. Это давление неизбежно будет изменять режим и постепенно упорядочивать эти изменения.

Наше общество является, конечно, больным обществом, это старая и тяжелая болезнь. Течение этой болезни имеет сложный характер, периоды кризисов сменялись периодами относительного улучшения общественного здоровья. Однако наряду с болезненными процессами в нашем обществе развиваются и определенные здоровые процессы, растут производительные силы, наука, культура, увеличивается интеллигенция, возрастает ее самосознание и т. д. Происходят положительные изменения и в идеологической области. Нельзя не видеть, что всякая серьезная болезнь общественного организма создает возможность его смерти. Однако возможности выздоровления у нас пока еще гораздо больше. И в наших силах увеличить эти возможности. Поэтому нет никаких оснований ждать гибели нашего общества и последующей анархии.)

Амальрик считает, правда, что так называемое демократическое движение со временем станет влиятельным, выработает определенную платформу и приобретет многочисленных сторонников. Но из-за слабости своей социальной опоры оно не сможет вступить в единоборство с режимом. И если режим самоликвидируется или падет из-за массовых беспорядков, то демократическое движение не сможет стать организатором нового общества. Амальрик спрашивает, однако, не соединится ли в будущем «демократическое движение» с движением широких масс. Ответить на этот вопрос трудно, так как никто точно не знает настроений

народа. «Конечно, — пишет автор, — КГБ поставляет бюрократической элите полученную своими специфическими методами информацию о настроениях страны — и она, видимо, отличается от картины, ежедневно рисуемой газетами. Однако можно только гадать, — насколько информация КГБ адэкватна действительности. Парадоксально, что режим тратит сначала колоссальные усилия, чтобы заставить всех молчать, а затем тратит усилия, чтобы узнать, что же все-таки люди думают и чего они хотят.»

Амальрик считает, что в дальнейшем в нашей стране произойдет замедление роста благосостояния. «Поскольку режиму, в силу его окостенелости, все с большим трудом будет даваться увеличение производства, то очевидно, что уровень жизни многих слоев нашего общества может оказаться под угрозой. Какую же форму примет тогда народное недовольство — форму легального демократического сопротивления или экстремистскую форму вспышек одиночных и массовых насилий?» Прибегая к различного рода псевдонаучным рассуждениям о природе русского народа, Амальрик пытается утверждать, что, не имея демократических традиций, не обладая культурой, будучи социально дезориентированным, находясь во власти различных мифов, наш народ является одновременно и запуганным и агрессивным. Амальрик считает также, что у народа нет сейчас и должных нравственных критериев, христианская мораль исчезла, а разжигание классовой и национальной розни деморализовало общество. Из-за многочисленных перекроек марксизма общество фактически деидеологизировалось. Поэтому Амальрик считает, что недовольство народных масс режимом примет вероятнее всего форму массового насилия и разрушения.

Конечно, пишет Амальрик, у нас идет рост «среднего класса» и если этот рост и самоорганизация «класса специалистов» будет идти быстрее чем разложение режима, то общество сумеет перестроиться мирным путем. Но это маловероятно. Амальрик считает, что «конструктивное движение» среднего класса будет отставать от «деконструктивных движений» низших классов, которые выразятся в самых разрушительных, насильственных и безответственных действиях, как только эти слои почувствуют свою относительную безнаказанность.»

Когда, однако, произойдут все эти потрясения?

Амальрик рассматривает некоторые из возможных ответов. Он считает маловероятным, что режим сможет в ближайшие годы предпринять какие-то кардинальные меры по самообновлению. Он также считает маловероятным военный переворот или переход власти к армии. Такой переворот был бы объективно направлен против партийного аппарата, но этот аппарат сращен с армией, и если бы армия и взяла бы власть, то увязла бы в болоте нынешних проблем. «Всякая существенная перемена означала бы сейчас персональные замены сверху донизу, поэтому понятно, что лица, олицетворяющие режим, никогда на это не пойдут: сохранить режим ценой самоустранения покажется им слишком дорогой и несправедливой платой».

Амальрик считает, что сейчас имеется большое сходство с обстановкой, предшествовавшей первой и второй русской революциям: кастовое немобильное общество, окоченелость государственной системы, вступившей в явный конфликт с потребностями экономического развития, национальные противоречия, бюрократизм элиты и т. д. Для полноты картины нехватает только большой войны вроде русско-японской или 1914-1918 гг. Однако поскольку всякое внутреннее дряхление соединяется обычно с крайней внешней амбициозностью, то можно ожидать, что скоро будет и новая война и вероятнее всего война с Китаем. Амальрик считает, что не только наши руководители самой логикой событий направляются к войне с Китаем, но что к этому идет и Китай. Революция, по Амальрику, проходит три этапа: интернациональный, национальный (связанный с чисткой старых кадров) и военно-имперский. Китай прошел уже второй этап и вступает в третий, и эта «неумолимая логика революции» ведет Китай к войне с СССР. Китайские руководители считают, что только путем войны они смогут разрешить тяжелые экономические и социальные проблемы своей страны и обеспечить Китаю ведущее место в мире. Достижению этих целей мешают СССР и США. Но война с Америкой, из-за отсутствия общих границ и отсутствия флота у Китая для него сейчас невозможна. Сами США войны с Китаем не начнут. Китай не будет втягиваться непосредственно и в локальные войны вроде вьетнамской. Экспансия Китая на юг и восток нецелесообразна из-за

перенаселенности этих районов. Другое дело на севере, где лежат громадные малонаселенные пространства Сибири и Дальнего Востока, уже входившие ранее в сферу влияния Китая.

«Поскольку СССР, — пишет далее Амальрик, — сейчас в военном отношении гораздо более мощная держава, чем Китай, то советский режим, следуя политике навязывания своей воли и одновременно из-за страха перед Китаем, будет время от времени шантажировать Китай, что только побудит Китай начать войну первым. Однако Китай не сможет начать войну, не накопив предварительно значительные — пусть и меньшие, чем у СССР, — запасы ракетно-ядерного и обычного оружия. От того, как скоро Китай сумеет этого добиться, и будут, видимо, зависеть сроки войны. Считая минимальным сроком пять лет и максимальным десять, мы получим, что война с СССР будет начата КИТАЕМ где-то между 1975 и 1980 гг.» (Разумеется, такой ход событий возможен и с этой возможностью нападения Китая на СССР мы должны считаться. И СССР должен учитывать эту возможность в своих планах. Должны быть разработаны планы такой войны. Мы не должны, однако, идти на превентивное нападение и на применение ядерного оружия иначе как в тактических целях. Если Китай начнет войну против СССР, не применяя ядерного оружия в стратегических целях, то и СССР не должен наносить ядерного удара по основным городам Китая. У нас есть возможность вести войну и обычными средствами, а в случае решающего численного превосходства Китая пойти и на медленное стратегическое отступление, как это предлагает академик С. Китай не выдержит длительной войны на чужой территории. Наши войска могут проводить рейды и десантные операции на китайской территории, не пытаясь, однако, прочно закрепиться в густонаселенных районах этой страны, мы можем занять лишь часть малонаселенных районов Внутренней Монголии. Амальрик, однако, рисует иную, с нашей точки зрения маловероятную картину будущей войны с Китаем. Но, хотя мы считаем войну с Китаем возможной, она отнюдь не неизбежна. Ее можно предотвратить, ее нужно стараться предотвратить и к этому мы должны вести нашу внешнюю политику как в отношении Китая, так и в отношении Европы и США.)

«Располагая значительным ракетно-ядерным потенциалом, Китай, — как считает Амальрик, — начнет тем не менее войну обычными и даже партизанскими методами, стремясь использовать свое колоссальное численное превосходство и опыт партизанской войны, — и поставит СССР перед альтернативой: принять навязанный Китаем метод ведения войны или нанести ядерный удар и тем самым получить ядерный удар в ответ. Вероятно, СССР выберет первый путь, так как развивать ядерную войну, даже при наличии противоракетной обороны, крайне опасно, если не самоубийственно. В то же время превосходство СССР и в обычном вооружении может создать у советских руководителей впечатление, что с китайской армией можно будет покончить или во всяком случае отбросить ее обычным путем. Кроме того, может оказаться так, что сам момент начала войны как бы растворится: по мере развития своей ядерной мощи, Китай постепенно на разных концах семитысячекилометровой границы с СССР будет проводить ограниченные стычки, просачивание небольших отрядов и иного рода локальные столкновения, которые в нужный Китаю момент перерастут в общую войну. Так что окажется очень трудным установить, в какой момент наносить ядерный удар по Китаю. (Вести партизанскую войну в условиях Дальнего Востока и Сибири, где почти нет сельского населения и где вообще население будет резко враждебным по отношению к Китаю — дело безнадежное. Начать и вести войну Китай сможет, только бросив против нас большие массы войск, с тем, чтобы перерезать железную дорогу в Сибири и установить твердый контроль на занятых территориях. Однако, не имея превосходства в воздушных силах, это сделать будет очень трудно — только ценой огромных и постоянных потерь).

«... Логично рассмотреть, — продолжает Амальрик, — и другой вариант: считая Китай потенциальным ядерным соперником и агрессором, советское руководство решит нанести превентивный ядерный удар по китайским ядерным центрам, прежде чем Китай успеет в достаточной степени накопить ядерное оружие для мощного ответного удара. Нанести такой удар советское руководство сможет, само развивая отдельные стычки на границе и представляя Китай агрессором в глазах собственной страны и мирового общественного мнения. Кажется невероятным, чтобы бюро-

кратический режим решился бы на такой шаг, не принимая вдобавок во внимание позицию остальных ядерных держав. Но даже если это и произойдет, то это явится сигналом не к предотвращению войны, а сигналом к ее началу. Ведь будут уничтожены основные ракетные базы Китая, а не сам Китай, который немедленно начнет в ответ изнурительную партизанскую войну, одинаково страшную для СССР, будет ли она происходить на советской или на китайской территории. (Амальрик считает совсем маловероятным, что СССР попытается вторгнуться в Китай с целью оккупации всей этой страны или ее части). Решится ли в таком случае режим на тотальное уничтожение ядерным оружием всех китайских городов и сел и всего 800-миллионного китайского народа?» «Эту апокалиптическую картину, — пишет Амальрик, — трудно вообразить. но вполне можно допустить, зная, что страх толкает на самые отчаянные шаги. Надо надеяться, что остальные ядерные державы не допустят этого, прежде всего потому, что такие действия представляли бы страшную угрозу для всего остального мира.»

По мнению Амальрика, Китай отдает себе отчет в возможности такого превентивного удара и потому в ближайшие пять лет он будет проводить осторожную политику, наращивая свою военную мощь и пытаясь установить контакты с США. Поэтому перспективу превентивного удара Амальрик считает маловероятной, а значит «Советскому Союзу будет навязана партизанская война на колоссальной территории, лежащей по обе стороны 7-тысячной границы.» К этой войне СССР не готов также и с точки зрения военного мышления, так как советские армии встретятся здесь с теми трудностями, с какими раньше встречались как раз противники СССР. Советским армиям придется столкнуться с громадной растянутостью коммуникаций, китайский солдат еще более неприхотлив и выносливее, чем советский солдат. Война будет вестись на незаселенных или заселенных нерусскими территориях, что, по мнению Амальрика, создаст широкие возможности партизанского проникновения и трудности снабжения больших армий. Поэтому война будет затяжной и изнурительной. «С такой точки зрения, — заявляет Амальрик, — интересно рассмотреть три вопроса: отношение США к советско-китайской войне, развитие событий в Европе и положение в СССР».

Амальрик пишет, что США в последние десятилетия проявляли заинтересованность в соглашении и даже в партнерстве с СССР. Но по мере усиления Китая у США будет расти тяга к соглашению с Китаем и «американские либералы начнут находить в режиме Мао или его преемников столь же симпатичные черты, что и в режиме Сталина и Хрущева». Сближение США и СССР возможно лишь в том случае, если в СССР произойдут какие-либо демократические сдвиги. В ином случае СССР будет только использовать США для навязывания другим странам своей воли, для укрепления режима при посредстве американской экономической помощи и для запугивания Китая. Это «дружба» ничего не даст США кроме новых затруднений. «Подлинное сближение может быть основано только на общности интересов, культуры, традиций, на понимании друг друга». Но Амальрик считает, что у США — страны прагматической и идеалистической, ничего общего нет с СССР и потому сближение этих стран невозможно. И далее он говорит о русском государстве, как о славянском государстве, которое «поочередно создавалось скандинавами, византийцами. татарами, немцами и евреями — и поочередно уничтожало своих создателей». «Всем своим союзникам оно изменяло, как только усматривало малейшую выгоду в этом, никогда не принимая всерьез никаких соглашений и никогда не имея ни с кем ничего общего». (Опровергать эти рассуждения нет смысла, всякие такие оценки неверны для любого вообще государства, в них нет ничего научного. И американские идеологи иначе смотрят на эти проблемы. Крайне интересны в этом отношении рассуждения видного ученого США Раппопорта, который, изучая возможности сближения СССР и США, отмечает элементы общности у двух держав и народов, элементы, которые могут в дальнейшем развиться и составить основу сближения. Но Амальрик прав, когда пишет, что без определенной демократизации в СССР сближение СССР и США маловероятно. Чтобы сближение СССР и США стало возможным, должна претерпеть изменение внешняя и внутренняя политика *обоих этих стран*. Это сделать непросто, но это — возможно.) Амальрик даже желал бы, чтобы США помогали именно Китаю, отношения США и Китая могли бы стать «образцом межрасового сотрудничества». «Китай, — пишет Амальрик, — безусловно, с течением времени, зна-

чительно повысит жизненный уровень своего народа и вступит в период либерализации, что в сочетании с традиционной верой в духовные ценности сделает Китай замечательным партнером демократической Америки. Конечно, тут многое зависит от самих США, от того, будут ли они следовать своей закостенелой политике по отношению к Китаю или же исправлять прежние ошибки и искать новые пути». (Но спрашивается, как это Китая в условиях войны с СССР и при его огромном населении сможет повысить жизненный уровень своего народа? Война вызовет снижение и без того низкого уровня жизни в Китае и усиление тоталитаризма и неустойчивости в Китае. Мы видим в Китае еще более уродливую форму тоталитарной власти и более уродливые формы культа личности, чем это было в СССР при Сталине. И на либерализацию в ближайшее время здесь рассчитывать трудно. Амальрик испытывает, повидимому, какую-то ослепляющую его вражду к русскому государству вообще с первых лет его истории, и эта вражда не позволяет ему трезво смотреть на вещи.)

Если США будут на стороне Китая, спрашивает Амальрик, — то что будут делать европейские союзники СССР? Амальрик считает, что как только СССР завязнет в войне с Китаем в Европе произойдет воссоединение Германии или путем захвата восточных ее территорий ФРГ или при добровольном согласии «послеульбрихтских руководителей». При этом объединенная Германия примет антисоветскую ориентацию. В той или иной форме от СССР отойдут и другие страны. Румыния и Польша примут прогерманскую ориентацию. Оккупация этих стран создаст для СССР не прочный тыл «восточному фронту», а своеобразный второй фронт, на что СССР не сможет пойти. Амальрик считает даже возможным, что наши нынешние союзники предъявят СССР территориальные претензии: Польша — на Львов и Вильнюс, Германия — на Калининград, Венгрия — на Закарпатье, Румыния — на Бессарабию и даже Финляндия — на Карельский перешеек, а Япония — на Сахалин и Курилы и даже на часть Дальнего Востока.

Что касается внутреннего положения в СССР, то война с Китаем вызовет вспышку русского национализма, но также и развитие антирусского национализма. Однако по мере развития войны и ухудшения материального и продовольственного положения в стране произойдут вспышки на-

родного недовольства, локальные бунты. Подавление этих народных восстаний при помощи войск приведет к разложению армии. Недовольство охватит и «средний класс», появятся экстремистские организации. Бюрократический режим не сможет решить все эти военные, экономические, внешнеполитические и политические проблемы, он будет все более замыкаться в себе, терять контроль над страной и связь с действительностью. «Достаточно будет, — пишет Амальрик, — сильного поражения на фронте, какой-либо крупной вспышки недовольства в столице — забастовки или вооруженного столкновения, — чтобы режим пал». Переход власти в руки военных ничего не решит, это принесет отсрочку падения режима, но сделает это падение еще более страшным. «Если мы ранее правильно определили, — пишет Амальрик, — начало войны с Китаем, — то это (падение режима) произойдет где-то между 1980 и 1985 годами.» И далее Амальрик, теряя присущий ему в ряде рассуждений здравый смысл, рисует страшную картину гибели ненавистного ему режима. Он считает, что демократическое движение, ослабленное репрессиями, не сможет взять контроль в стране в свои руки, «власть перейдет к экстремистским группам, и страна начнет расползаться на части в обстановке анархии, насилия и крайней национальной вражды. Возникнут вооруженные столкновения между бывшими союзными республиками за те или иные спорные пограничные территории. Даже если средний класс и возьмет контроль в свои руки, СССР распадется, хотя и более мирными путями. Но это маловероятно». Амальрик считает, что и Китай, обессиленный войной, мог бы заключить мир с руководителями из среднего класса и что возможно даже возникновение Всеевропейской федерации всех стран Европы. Но этот второй путь развития вряд-ли станет возможным, и Амальрик не развивает эти свои предположения. Он лично не сомневается, что «великая восточно-славянская империя, созданная германцами, византийцами и монголами (скандинавы и евреи почему-то здесь у него пропущены), вступает в последние десятилетия своего существования», и что падение этой «империи» произойдет в самой болезненной форме. «Марксистская доктрина задержала распад Российской империи — третьего Рима — но не в силах отвратить его.» «Если бы футурология существовала в императорском Риме, — пи-

шет в заключение своего «прогноза» Амальрик, — где, как известно, строились уже шестиэтажные здания и существовали детские вертушки, приводимые в движение паром, футурологи пятого века предсказали бы на ближайшее столетие строительство 20-этажных зданий и промышленное применение паровых машин. Однако, как мы знаем, на Форуме в шестом веке паслись козы, как сейчас у меня под окном в деревне.» «(апрель-июнь 1969 г. Москва — деревня Акулово)» (Известный советский футуролог Г., ознакомившись с рукописью Амальрика, сказал, что как бы не были невероятны те или иные прогнозы, знакомство с ними полезно, хотя бы для их практического опровержения. Для целей политики мы должны прослеживать разные, в том числе и самые маловероятные пути развития. Это нужно для принятия и разработки правильных решений. И потому даже прогноз Амальрика является в какой-то мере полезным.)

2. О *Рукописи под названием «Время не ждет» (выписки и комментарии)*

В Москве по рукам распространяется небольшая (около 40 стр.) рукопись под названием «Время не ждет». Это своеобразный программный документ какой-то крайней группы западнического толка. В конце рукописи стоят фамилии С. Зорин, преподаватель, и Н. Алексеев, инженер. Указана дата — 1969 год — и место написания — Ленинград. Фамилии почти наверняка вымышленные. В рукописи содержится описание некоторых событий и процессов, происходящих в нашей стране, приводятся важные факты, однако из этих в основном правильных посылок (подобранных, однако, крайне тенденциозно) делаются неправильные выводы. Авторы исходят в основном из ложной концепции, и потому нельзя также согласиться и с их главными предположениями. Тем не менее отдельные из положений данной рукописи заслуживают внимания.

«Наша страна, — говорится во введении, — находится на поворотном пункте истории. Научно-техническая революция с необходимостью требует решительной демократизации экономической, а значит и политической структуры.» Но пойдут ли на это наши руководители? Отвечая на этот вопрос, авторы развивают несколько основных тезисов.

Тезис первый. В СССР имеется государственная собственность на средства производства, а партия занимает господствующее положение. При такой системе в руках людей, занимающих высшие посты в партии и государстве, сосредоточена колоссальная власть. Эта власть не контролируется никакими общественными институтами и не несет ответственности перед народом. Все решается в тиши кабинетов. Но может быть в этих кабинетах все вопросы решаются в конечном счете в интересах народа? Нет, отвечают Н. Алексеев и С. Зорин, «сам по себе партийный и государственный аппарат представляет по всей стране реальную и основную политическую силу», и он решает все вопросы прежде всего в своих интересах. (Этот вывод уже неверен. Хотя аппарат действительно превратился у нас в весьма важную и до известной степени самодовлеющую силу, он продолжает зависеть во всем от других слоев населения, которыми управляет и потому не может полностью игнорировать интересы этих слоев). Далее авторы пишут об особой армии номенклатурных работников, прежде всего о высшем звене этой армии. В этих сферах «особый воздух — воздух власти». Эти люди располагают огромными привилегиями, прекрасными квартирами, дачами, лимузинами, прислугой, закрытыми распределителями и т. д. Это бюрократы и карьеристы, главная цель которых выслужиться, получить еще более теплое место. Управление народным хозяйством для них — задача второстепенная. Несмотря на борьбу, здесь существует круговая порука, которая и получила свое выражение в понятии «номенклатура». (Тип бюрократа и карьериста очерчен здесь верно, но далеко не все люди в аппарате являются такими законченными карьеристами и бюрократами. К тому же людей, которые располагают столь большими привилегиями, не так уж много: в высшем звене две-три сотни человек, а вместе с высшими руководителями областей и республик — одна-две тысячи человек. Остальные сотни тысяч работников аппарата имеют весьма скромные привилегии, психология и настроения этих людей весьма различны, — все это нуждается в изучении.) В рукописи доказывается затем, что «номенклатура не отчуждаема, так же как капитал в буржуазном обществе. Она служит правовой основой нашего строя, аналогично праву частной собственности при капитализме. Перед нами поистине особый и притом правящий

класс нашего общества». «Номенклатура выступает как форма собственности. По существу это единый государственно-монополистический трест, в котором положение и пост равносильны пакету акций». И далее говорится о том, что государство у нас «коллективный капиталист», который «эксплуатирует трудящихся», произвольно устанавливая заработную плату и цены и т. д. (Все эти рассуждения неправильны и неоригинальны. Обо всем этом писал еще Джилас в 1957 году, а до него многократно писали западные социал-демократы и советологи различных направлений. Нетрудно доказать, что номенклатура отчуждается. Еще при Сталине десятки тысяч номенклатурных работников не только легко и быстро отстранялись от власти, от привилегий, но и уничтожались физически. Десятки тысяч номенклатурных работников были изгнаны из аппарата при Хрущеве. Какой-нибудь Кириченко был в течение долгого времени членом Президиума ЦК КПСС и даже первым заместителем Хрущева, но стал затем руководителем или совхоза или мелкого завода, а сейчас уже просто на пенсии. Этой же судьбы опасаются и многие другие высшие бюрократы. Потому-то некоторые из них столь настойчиво стремятся обзавестись всякими академическими степенями и званиями. Номенклатура не является правовой основой нашего общества и номенклатурные работники не представляют собой особого класса. Они не собственники средств производства в нашей стране, а именно управляющие, своеобразные опекуны, — а это совсем не то же самое. Нельзя преувеличивать силу бюрократов, высших аппаратчиков. Их положение далеко не столь прочно, как положение буржуазии. Наши высшие бюрократы более уязвимы, менее уверены в себе и в своих правах и потому в большей мере должны поддаваться давлению со стороны других слоев населения, что должно заставить их перестроиться на иной лад. Как следует на них еще никто не давил снизу — потому и глядят они только наверх. Бюрократизм у нас очень силен, но все же не так уж он силен и всемогущественен, как думают авторы разбираемого нами документа).

Тезис второй. Единая монополия несет в себе постоянную угрозу стране и народу. Авторы приводят в доказательство описание некоторых отрицательных сторон и последствий коллективизации, сталинского террора среди чле-

нов партии и всех других слоев населения. И в деревне, и в городе основная часть населения пребывала в нищете, а миллиарды рублей расходовались на «великие стройки», на помощь Мао Цзэ-дуну или просто «вылетали в трубу из-за бесхозяйственности». Еще больше сорил деньгами Хрущев. Именно Хрущев начал дорогостоящую ракетную гонку, побочным продуктом которой стала столь же дорогостоящая космическая гонка. Все почти основные кампании Хрущева были экономически мало эффективны и требовали огромных средств. Это привело затем к росту цен и вызвало вспышки недовольства в Караганде, Новочеркасске и других местах. Но до массовых выступлений дело, как правило, не доходит, профсоюзы давно уже стали придатком партии, а кроме карательных органов существует множество пропагандистов, которые представляют политику руководства в розовом свете.

Тезис третий. Все извращения прошлого и настоящего — не случайность. Политика «великих скачков» у нас не привела к такому краху, как в Китае, прежде всего из-за неисчерпаемости природных ресурсов нашей страны. Кроме того, Россия раньше Китая встала на путь промышленного развития. Но у нас было бесконечно много излишних, бессмысленных жертв. Поэтому для слаборазвитых стран должна примером служить Япония, а не Китай или СССР (но Япония с начала века вырвалась вперед как империалистическая страна — а это тоже не пример для слаборазвитых стран. Сталин извратил смысл социализма, но ведь Япония как фашистская страна пыталась завоевать всю Азию и подчинить себе полмира). Далее говорится о разрушении культурных ценностей и традиций (обо всем говорится в предельно преувеличенных выражениях: «вся культурная жизнь задушена», «любое произведение либо запрещается, либо выхолащивается». К счастью, это еще далеко не так, что доказывается многолетним существованием «Нового мира».) Наши руководители, говорится в разбираемой рукописи, слепы. Всеобщая секретность, келейность принятия решений, отсутствие критики, — все это лишает верхи объективной информации и порождает «анархию вверху». «Можно ли назвать плановым хозяйство в котором нормой является механическое планирование от достигнутого; неувязки и беспрерывное изменение планов, взаимная безответственность поставщиков и заказчиков;

сознательное разбазаривание денег лишь для того, чтобы освоить предусмотренные планом средства». «В эпоху разнообразного и бурного научно-технического прогресса недостатки нашей системы сказываются десятикратно». Далее приводится множество фактов бесхозяйственности, но все это для того, чтобы доказать, будто все эти примеры бесхозяйственности проистекают от того, что наше бюрократическое государство — это не хозяин, а «всесильный и жадный потребитель». Но это положение находится в противоречии с прежними рассуждениями авторов о том, что номенклатура — это собственник всех средств производства, нечто вроде капиталистов, владельцев акций. Что же это за собственник, который не заботится о своих собственных капиталах? Да и не в потреблении бюрократии причина бесхозяйственности, и не так уж много идет средств на это потребление. Корни *в бюрократической системе власти*, которая и хорошего человека делает бюрократом, лишая самостоятельности, ответственности. Система управления всем хозяйством и обществом у нас такова, что она плодит бюрократов. Изменится система, изменится и характер государственных чиновников. Здесь, конечно, есть и взаимодействие: бюрократы создают систему, а система — бюрократов. Но главное все же в системе, в структуре управления, которую нужно менять. Можно прогнать данных бюрократов, но если не изменить разумным образом систему управления, то бюрократы снова народятся. Не решит дела и выдвижение к руководству при сохранении системы умных интеллигентов. В этом случае мы получим *технократию*, которая есть лишь разновидность бюрократии. Необходимо создать новую систему руководства, предусматривающую гласность, сменяемость, обсуждение кандидатур на все руководящие посты, разумная система смены власти, демократические свободы, права политических меньшинств и т. д. Только такая система в сочетании с социализмом убьет бюрократизм.

Интересны, однако, приводимые С. Зориным и Н. Алексеевым примеры бесхозяйственности: Продажа за валюту огромных лесных массивов, вырубка леса по берегам рек и водоемов, потери леса при сплаве, запрещение паров и истощение почвы, отравление озер и рек отходами производства. Нет настоящей борьбы с текучестью кадров — при помощи улучшения условий жизни. В стране все еще

острый голод на жилье: в Ленинграде райсоветы якобы не ставят на очередь семьи, имеющие более 4,5 м² на человека (при официальной санитарной норме в 12 м.). Очень низкое качество детских садов и яслей, персонал здесь перегружен. Урезаны нормы содержания больных в больницах, больницы переполнены, нехватает младшего медперсонала, так как работа тяжелая, а зарплата низкая. Монополистический характер нашего хозяйства приводит к безответственности перед потребителем. Отсюда низкое качество товаров.

Есть ли виновные во всем этом, — спрашивают авторы документа. Да, есть. Это те, кто прямо заинтересован в сохранении существующих порядков, потому что такие порядки обеспечивают им власть. «Руководящим товарищам нет дела до наших проблем, они мыслят другими категориями» (ответ явно неточный, дело не только в руководящих товарищах).

Конечно, — указывают далее авторы документа, — мы переживаем сейчас период относительного благополучия. По сравнению с прошлым вырос уровень жизни. Особенно видны улучшения в деревне, но и в городе есть перемены к лучшему. Но часто бывает так, что трудящимся нечего купить на заработанные деньги, «выпуск достаточного количества товаров народного потребления крайне нежелателен для руководства, так как требует значительных бюджетных ассигнований». (И это очень неточный ответ. Дело не в нежелательности, а в неправильной внешней политике, при которой все больше и больше средств идет у нас на военно-промышленный комплекс). Происходит непрерывное повышение цен — под видом изменения марки товара. В колхозах увеличиваются отчисления в неделимые фонды. Растет массовое потребление водки, особенно в восточных и северных районах. Никто не вспоминает сейчас о 6-тичасовом рабочем дне, обещанном программой партии.

Каковы же главные задачи нашего руководства, которые оно финансирует, не задумываясь? Каковы цели правящей бюрократии? Ответ на этот вопрос С. Зорин и Н. Алексеев пытаются дать во второй части своей рукописи. Здесь также имеется несколько тезисов.

Тезис первый. У бюрократии, по мнению авторов разбираемого нами документа, имеется две главных цели: борьба

за власть со своими соперниками внутри страны и стремление распространить эту власть за пределы страны. Вторая цель объясняется просто кружением головы и «растущими аппетитами.» «Каждый лидер хочет быть звездой первой величины на мировой арене, хочет всем диктовать свою волю» и т. п. Отсюда возникает стремление как можно скорее превзойти капиталистические страны по военному потенциалу. Бюджет у нас определяется самим правительством, и это дает преимущества перед западными странами. На военные цели идет большая часть прибавочного продукта. Помимо Министерства обороны Военному отделу ЦК подчинены Министерство Среднего машиностроения (атомная промышленность), Общего машиностроения (ракеты), Электронной промышленности и др. Кроме того очень многие подразделения других министерств работают на военное ведомство. Тем более это относится к науке. По всей стране существует гигантская сеть закрытых предприятий и институтов — «почтовых ящиков». На работу в эти «ящики» распределяется якобы большинство молодых специалистов, заканчивающих институты по многим техническим специальностям. Наши военные расходы не сопоставимы с расходами западных стран еще и потому, что цены на военную продукцию у нас занижены по сравнению с мировыми. Цены же на продукты потребления значительно выше мировых. «Отсюда в официальной статистике и получается, что уровень потребления у нас высокий, а военные расходы сравнительно низкие. В действительности дело обстоит как раз наоборот. Доля потребления в нашей экономике в несколько раз ниже, чем в США, а доля военных расходов — в несколько раз выше.» «Даже докладчики из ЦК признают, что по уровню жизни СССР занимает 27-е место в мире.» А ведь эта цифра составлена по нашим официальным данным заработков, цен и услуг».

Тезис второй. Но может быть, — спрашивают С. Зорин и Н. Алексеев, — гонка вооружений диктуется суровой необходимостью? Да, было время, когда для нашей страны возникла угроза агрессии. Это 1941 год. Но как раз тогда Сталин, поверив Гитлеру, не подготовил страну к отражению агрессии. Сейчас положение иное. По мнению авторов разбираемого документа, НАТО было создано действительно в качестве оборонительного союза. Далее идут всякие домыслы о том, что «мало кто знает». Авторы пишут, что

существовал план еще в 1945 году захвата всей Европы, чему помешала монополия США на атомное оружие. Оккупация всей Европы была назначена на 1953 год, когда у нас уже было немало атомных бомб. Но смерть Сталина перечеркнула эти авантюристические планы. (*Все это явный вымысел*). После смерти Сталина был взят курс на мирное сосуществование. Но в иных формах, по мнению Зорина и Алексеева, экспансия продолжалась. Как говорил Д. Кеннеди, Хрущев исходил из следующей концепции: «Что наше, то наше, а о том, что ваше — давайте сперва вести переговоры.» У Хрущева появились друзья на всех материках, и он стремился везде распространить свое влияние. Но мы добились очень малого: Китай откололся, с Фиделем Кастро мы поссорились. В Европе периодически возникают кризисные ситуации, в которых Зорин и Алексеев обвиняют СССР. ФРГ нам не угроза, об этом мы только говорим. Давно уже можно было бы при желании договориться о разоружении под международным контролем. Но мирное урегулирование не входит в наши планы.

По мнению Зорина и Алексеева, на Западе никто нам не угрожает. Неизвестно, вмешаются ли США, если мы вторгнемся в Европу. Для США это будет самоубийством. Де-Голль не верил в помощь США и потому создал свое французское ядерное оружие. Любое международное обострение вызывает на Западе волну протестов. Парламентская система у них мешает лидерам идти на крупный риск. Зато у нас ничто не мешает руководителям рисковать, правительство не знает что такое вотум недоверия, общественное мнение, боязнь проиграть на выборах. (Да, у нас мало сдерживающих моментов во внешней политике. Но и *у них* не так их много. США вмешивается и ведет войну во Вьетнаме без санкции конгресса, также как и в Корее. Англия и Франция в 1956 году послали свои войска в район Суэцкого канала без санкции своих парламентов).

Советский Союз первым стал создавать противоракетную оборону, и США якобы в течение двух лет пытались договориться с нами о взаимном отказе от этой системы. Теперь обе страны выбрасывают миллиарды на эту систему, однако для нашей страны это бремя значительно тяжелее. Далее идет брань в адрес безответственных бюрократов и профессиональных пропагандистов, которые стараются за-

ставить простых людей поверить в «государственную мудрость» наших высших чиновников. Заодно достается и автору песни «Хотят ли русские войны», которому невдомек, что «никто у русского народа не будет спрашивать устраивать войну или нет». Еще Хрущев, по мнению Зорина и Алексеева, поставил мир на грань термоядерной войны, когда послал ракеты на Кубу или когда он пытался сделать Западный Берлин «вольным городом». «Это был опасный период. *Но сейчас ситуация гораздо опаснее.* (Подчеркнуто авторами). Потому что впервые за долгое время руководству стало казаться, что оно обладает достаточной военной силой. Кроме того вследствие бурного развития экономики западных стран, вызванного научно-технической революцией, наши лидеры не могут более рассчитывать на победу над капитализмом в мирном экономическом соревновании». (Этот тезис явно неверен. Нет никаких признаков того, что наше руководство считает СССР в военном отношении более сильным, чем США и что оно хотело бы развязать войну. Определенная опасность существует лишь в отношении войны с Китаем. Да и то, видимо, вероятность превентивной войны совершенно назначительна).

Третий раздел рукописи посвящен в основном экономическим проблемам. Авторы говорят о повышении темпов развития экономики в США и о растущем разрыве между США и Западной Европой. Еще больше возрастает разрыв между СССР и передовыми капиталистическими странами. СССР отстает в первую очередь по качественной структуре основных средств производства. Скачкообразное обновление основных фондов становится буднями производства, главным требованием становится быстрота разработки и внедрения новых технических достижений, быстрое освоение новых мощностей. Но это всегда требует больших, непредусмотренных планом и связанных с риском вложений, для этого нужны резервы, нужна огромная правовая и финансовая самостоятельность отдельных производственных единиц и заинтересованность их руководителей. Нужно объективное ценообразование и экономически обоснованное управление производством. Всего этого у нас нет. (Все эти соображения весьма разумны). А что у нас есть? Ведомственный бюрократизм и бумажная волокита. Жесткие планы. Несоответствие между текущими и перспективными заданиями производству. Преобладание системы экономи-

ческого стимулирования *текущего* производства. Долгие сроки строительства. Неповоротливая и многоступенчатая система снабжения и сбыта и в результате омертвление материалов и новой техники. Производительность труда у нас ниже и растет медленнее, чем в других развитых странах. «Никакой хозрасчет не будет эффективным, пока господствует административная ответность». «Никакие бюрократически централизованные показатели эффективности новой техники и качества продукции не заменят такого контролера как сам потребитель». «При необоснованной цене по существу бесполезны критерии прибыли и рентабельности». «Но и 10 Госкомитетов по ценам не решат проблему объективного ценообразования, ибо объективная цена не назначается сверху, а устанавливается по договоренности поставщика и заказчика, т. е. на рыночной основе. (Многое здесь верно, хотя многое преувеличивается. И в капиталистическом хозяйстве можно привести множество примеров, когда нет объективной цены, когда цена назначается «сверху», а не в результате свободной рыночной конкуренции О ценах часто договариваются несколько монополий, и эта цена очень сильно отрывается от своей первоосновы — стоимости. Например, цены на бензин и нефтепродукты. Или цены на большинство лекарств. Определенный элемент рыночной конкуренции нам необходим. Но и централизованное монопольное управление и планирование имеет свои преимущества и от него нельзя отказываться.)

Что же мешает, по мнению Зорина и Алексеева, переходу на научно-обоснованную экономику? Прежде всего — чрезмерные военные расходы, которые уже не соответствуют нашему экономическому потенциалу. Столь непропорциональное соотношение между военными расходами и потреблением можно поддерживать только административным воздействием. Кроме того автономия производственных единиц уменьшит привилегии аппарата министерств и отделов ЦК, которые привыкли распоряжаться всем вплоть до мелочей. (Далее идут экстремистские фразы о том, что экономическая реформа, если ее проводить последовательно, неизбежно будет сопровождаться разоблачением «паразитического характера высшего партийного слоя», «обстановки секретности, в которой только и процветают наши хозяева» и т. п. Все это ненужные и вредные рассуждения. В разумно устроенном социалистическом обществе, если обеспечен

приток вверх наиболее способных людей, в этом случае высший партийный слой будет играть необычайно важную роль. Он и сейчас играет двоякую роль и нужно строго отличать полезные, бесполезные и вредные действия административного и партийного аппарата. Экстремизм и анархизм в данном случае не менее вредны, чем бюрократизм).

Неуступчивость партийного аппарата в отношении экономической реформы, по мнению авторов разбираемого документа, усиливает наше экономическое отставание. В этих условиях велик соблазн решить все военным ударом, быстро оккупировать Европу и изолировать США. И как можно быстрее, так как со временем наше экономическое отставание скажется и на боеспособности наших вооруженных сил. Отсюда курс на быстрое наращивание вооруженных сил. (Такое наращивание у нас в стране действительно происходит, но оно вызывается отнюдь не стремлением напасть на Западную Европу. Это явная выдумка). Идет наращивание обычных средств войны, такого вооружения, например, танков и самолетов у нас больше, чем в НАТО. Новый закон о всеобщей воинской обязанности позволил увеличить численность армии. Летом — осенью 1968 г. в армию было призвано несколько сот тысяч младших офицеров (призыв младших офицеров действительно производился, но не в таких масштабах. Многие из них после вывода основной части войск из ЧССР были демобилизованы. Проводился и до сих пор проводится призыв офицеров запаса в наши военные части на Дальнем Востоке. Именно там существует серьезная военная опасность. Рассуждения Зорина и Алексеева о планах «броска Советской Армии до Пиренеев и Ламанша» — чистый вымысел.) Увеличены капиталовложения в военные предприятия. Соседство маоистского Китая не сделало наше правительство сдержаннее по отношению к остальному миру. (Это не так. Большая сдержанность очевидна хотя бы из воззвания стран Варшавского Пакта по поводу совещания о европейской безопасности. Но нужны не только декларации, но и более серьезные меры по сближению и ослаблению напряженности). Зорин и Алексеев утверждают, что в Южном Вьетнаме, Лаосе северо-вьетнамские воинские части находятся под командованием китайских офицеров (это очень сомнительно). Наращивается военный потенциал СССР в Средиземном море.

Полемизируя с теми, кто верит, что наша военная машина находится в надежных руках и что эта военная машина не будет пущена в ход без нужды, авторы опять допускают всякие экстремистские высказывания в адрес бюрократов, которые «ничего не понимают», «полностью дезинформированы», «обладают гениальностью по части интриг», «не имеют контактов с внешним миром, находящимся вне кабинетов и правительственных дач» и которым их референты докладывают только то, чего хотят «сами бюрократы». Действительная картина бесконечно сложнее. «Наверху», с одной стороны, гораздо лучше информированы, чем «внизу». Но с другой стороны, «наверх» идет много совершенно искаженной информации, а о многом там и вовсе не знают.

Но как же можно обуздать бюрократическую стихию, которая управляет страной? — спрашивают Зорин и Алексеев. Как можно остановить разогнавшуюся военно-бюрократическую машину? Как предотвратить войну? И здесь авторы обращают свой взор на тех «кто своим умом, талантом, организаторскими способностями создает для правящей бюрократии военную мускулатуру». Речь идет об ученых и инженерах, которые «честно служат партии и государству, которым много платят, дают премии» и которые не понимают «на кого они работают».

«Есть ли альтернатива»? «Как отнять страну у правящего класса и передать народу так, чтобы это не привело ни к восстановлению капитализма, ни к анархии?» «Как обеспечить мир?» Ответы на эти вопросы Зорин и Алексеев пытаются дать в последнем, четвертом разделе своей статьи.

Альтернативой нынешнему положению, по мнению авторов статьи, является политическая демократия. Это значит — выборность, сменяемость, гласность. «Но власти соизволят реагировать только на такую критику, которая в силах привести к их отставке, к смене правительства. А это возможно только при наличии политической оппозиции, свободы партий и организаций, свободы слова». Но ведь пока у «бюрократов» в руках государственная машина всего этого не получишь. Поэтому Зорин и Алексеев предлагают весьма странный план — они предлагают «отделить от государства и партии» судопроизводство, милицию и даже армию и госбезопасность. (Что же останется у государства? Регулирование экономики?) Предлагается такой

порядок, при котором деятельность армии и госбезопасности будет регулироваться специальными комиссиями Верховного Совета. Местные органы должны получить реальную автономию, государство не должно контролировать их бюджеты. Но главное — это «нужно заменить монопольную государственную собственность общенародной собственностью».

Как это сделать? Вначале Зорин и Алексеев делают некоторые разумные предложения. В руководстве экономикой, по их мнению, нужно «многообразие организационных форм, свобода исследований, свобода обсуждения и преподавания, открытые для профессиональных контактов границы, развитое патентное право. Кроме того, государственное регулирование производства экономическими, а не волевыми методами должно сочетаться с конкуренцией в условиях объективного рыночного ценообразования». Но все это у нас якобы невозможно при бюрократическом руководстве. И здесь авторов статьи заносит в сторону явно нереальных и утопических проектов. «Есть только один способ, — пишут они, — экспроприировать правящую элиту, не восстанавливая при этом класса буржуазии — резко сократить монопольный государственный сектор, передав большинство средств производства, заводы, институты и т. д. в собственность трудовых коллективов или более широких производственных объединений. Администрация подобных объединений должна быть выборной, собственность должна быть полной. Никаких обязательных поставок, а только договорные работы и налоговые отчисления в государственный бюджет. Это не означает анархии производства, потому что демократическое государство мощными регулирующими механизмами, такими как политика налогов, заказов, кредитов, в состоянии обеспечить пропорциональное развитие народного хозяйства, всеобщую занятость и исключение эксплуатации одних коллективов другими. Шиковские реформы в Чехословакии шли именно в таком направлении». Должно существовать «мощное к независимое от партии и государства профсоюзное движение», необходимо восстановить «священное право трудящихся на забастовку». «Политическая борьба, мирные демонстрации, свобода печати и публичных дискуссий, постоянное столкновение различных мнений должны быть нормой жизни». Но как же добиться всего этого, — спрашивают Зорин и

Алексеев. — Как заставить «правящую номенклатуру» уступить? Как предотвратить возрождение сталинизма и «прыжок в пропасть мировой войны»? Объективно есть два пути — путь демократизации и путь подавления всех свобод и войны против всего мира. «Правящая элита, — как считают авторы статьи «склоняется ко второму варианту». «Никаких уступок и реформ не будет, — пишут они, — цензура и концлагеря, безобразия в хозяйстве, угроза войны и террора — все будет сохраняться, пока волевая система управления страной позволяет руководству успешно идти к своей главной цели — военному превосходству в мире. Плодотворные усилия ученых, инженеров, конструкторов, всех тех, кто прямо или косвенно работает на эту цель — вот прочнейший цемент, скрепляющий фундамент режима.» «Что может остановить наших бюрократов? Только сознание, что они не готовы. Только страх за свою власть. Столкнувшись с размахом народного возмущения, они откажутся от безумного курса. Всякое выступление меняет атмосферу, служит примером для дальнейших действий. Крайне болезненно реагируют власть имущие на любое открытое выступление . . . Наряду с открытым гражданским протестом необходима каждодневная деятельность — прояснение сознания в широких кругах общества, чтобы как можно больше людей поняли, на кого они работают. В обстановке всеобщей нетерпимости к авантюрам и репрессиям верхи будут бессильны. Тем более, если в борьбе примут участие люди очень нужные и важные государству. В такой обстановке неизбежно усилятся позиции умеренных кругов даже в самом правящем слое». «От нас зависит гораздо большее, чем кажется, — так заканчивают свою статью Алексеев и Зорин, — народы СССР могут быть хозяевами в собственном доме».

Мы видим, что некоторые правильные и разумные соображения перемешаны у авторов разбираемой статьи с неправильными, грубыми и экстремистскими призывами. Нынешнее положение в стране, однако, таково, что экстремизм политический неизбежен в определенных кругах, и если положение не изменится, то экстремистские течения, группы и кружки будут усиливаться и умножаться. С этим нужно считаться, и эти явления нужно внимательно изучать также и представителям других политических направлений.

ЗАМЕТКИ НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ, ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

1. О некоторых итогах советской хозяйственной реформы

Как известно, в сентябре 1965 года на Пленуме ЦК КПСС было принято давно уже ожидавшееся решение о ликвидации Совнархозов всех ступеней и о восстановлении отраслевого принципа управления промышленностью, т. е. о восстановлении министерств. Это не было, однако, восстановлением прежней, существовавшей до 1957 года системы управления нашей экономикой. Восстановление промышленных министерств сопровождалось такими важными решениями о совершенствовании планирования и усиления экономического стимулирования промышленного производства, которые в своей совокупности означали важнейшую хозяйственную реформу. Это был, безусловно, самый важный поворот советской экономической политики со времен НЭПа.

Основные направления начатой в 1965 году хозяйственной реформы достаточно хорошо известны.

Речь шла о том, чтобы значительно расширить хозяйственную самостоятельность предприятий. Для этих целей предлагалось решительно сократить число показателей утверждаемых предприятиям сверху. Более того, предлагалось отказаться в дальнейшем от главного ранее показателя, по которому судили до тех пор о деятельности предприятия — от показателя объема валовой продукции. В докладе А. Н. Косыгина на Пленуме ЦК КПСС указывалось, что пресловутый «вал», как показывает практика, не ориентирует предприятия на выпуск изделий, действительно необходимых народному хозяйству, а во многих случаях сдерживает улучшение ассортимента и качество продукции. Ориентируясь на выполнение плана по объему валовой продукции, многие предприятия производят продукцию низкого качества, которая не нужна потребителю и поэтому остается нереализованной. Вместо показателя валовой продукции было предложено устанавливать в планах предприятий: задания по объему реализованной ими продукции, задания по важнейшей номенклатуре изделий и показатель прибыли, рентабельности. Вместо четырех прежних показателей по труду — производительность труда, численность работников, средняя заработная плата и

фонд заработной платы — было решено утверждать для предприятий только один — фонд заработной платы. Конечно, все почти прежние показатели не исчезали из промфинплана предприятия. Но эти показатели теперь не нужно было утверждать в вышестоящих организациях, они не входили в обязательный план по отрасли и народному хозяйству в разрезе каждого отдельного предприятия. В качестве обязательных и утверждаемых сверху показателей были оставлены также: платежи в бюджет и ассигнования из бюджета, объем централизованных капиталовложений и ввод в действие производственных мощностей и основных фондов, основные задания по внедрению новой техники, показатели материально-технического снабжения.

Речь шла далее о повышении роли перспективного планирования. Известно, что до 1965 года основную роль в деятельности предприятия играл годовой план, утверждаемый в конце предыдущего года. Предприятие не могло знать — каким будет план на следующие годы. Более того, даже план на текущий год нередко менялся по 2-3 раза в год. При этом планирование шло, как правило, «от достигнутого уровня», когда к ожидаемым итогам истекшего года добавлялся примерно одинаковый процент прироста на предстоящий год. Естественно, что при такой системе планирования предприятия не были заинтересованы в максимальном использовании всех внутренних ресурсов, ибо в выигрыше оказывались зачастую те предприятия, которые работали не в полную силу. Теперь было решено установить в качестве основной формы планирования пятилетний план с распределением важнейших заданий по годам, с тем, чтобы предприятия осуществляли свою производственно-хозяйственную деятельность на основе этого плана. При этом в основу плана должны быть положены объективные и научно обоснованные нормы и нормативы.

В целях улучшения стимулирования промышленного производства было решено в дальнейшем оставлять предприятиям из их прибыли больше средств, чтобы они могли быстрее развивать производство, совершенствовать технику, материально поощрять работников и улучшать условия труда и быта рабочих и служащих. Размеры средств, оставляемых предприятию, было решено поставить в прямую зависимость от эффективности использования закреплен-

ных за предприятием фондов, увеличения объема реализуемой продукции, повышения рентабельности производства и улучшения качества продукции. Одновременно было решено уменьшить размеры безвозвратного финансирования государством капитальных вложений и расширить применение кредита. Для укрепления хозяйственного расчета в отношениях между предприятиями было предложено не только обеспечить строгое соблюдение взаимных обязательств, но и усилить материальную ответственность каждого предприятия за выполнение своих обязательств.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС принял решение значительно изменить политику капиталовложений. Прежний порядок капиталовложений предусматривал направление их почти исключительно по централизованному плану, причем в значительной части на строительство новых предприятий. Действующие предприятия во многих случаях не располагали, однако, необходимыми средствами и не могли своевременно заменять устаревшее оборудование. Это в свою очередь сдерживало рост производительности труда, улучшение качества продукции и повышение рентабельности производства. Теперь за счет отчислений от прибыли на каждом предприятии мог быть образован специальный фонд развития производства. В этот же фонд должна была поступать и часть амортизационных отчислений, которые предназначаются на полное восстановление основных фондов. До 1965 года эта часть амортизационных отчислений, как правило, целиком направлялась в централизованном порядке на финансирование капитального строительства и предприятия не могли сами распоряжаться этими средствами. Если в 1964 году затраты из фонда предприятия на внедрение новой техники и развитие производства в промышленности составили всего 120 миллионов рублей + 600 миллионов рублей за счет кредитов банка, то к 1967 году, как предполагалось, фонд развития промышленных предприятий должен был составить около 4 миллиардов рублей.

Одним из важнейших мероприятий экономической реформы было введение платы за основные фонды. До 1965 года финансирование капиталовложений производилось безвозратно из государственного бюджета. Поэтому руководители предприятий были обычно мало озабочены тем, во что обойдется, например, реконструкция предприятий и

какой эффект дадут дополнительные капиталовложения. Не обращалось должного внимания и на должное использование имеющихся фондов, а также на реализацию излишних фондов. Предприятия не несли также подлинной ответственности за использование выделенных им оборотных средств. Теперь вводился иной порядок. Было признано целесообразным перейти от безвозвратного выделения средств на капитальное строительство на долгосрочное кредитование. Эта система должна была в первую очередь внедряться на действующих предприятиях, а также на стройках, затраты на которые окупаются в сравнительно краткие сроки. Было решено также отказаться от безвозмездного пополнения оборотных средств предприятий за счет бюджета, заменив эти бюджетные ассигнования краткосрочным кредитом. Отчисления в бюджет от прибыли предприятий было решено поставить в зависимость от стоимости закрепленных за ними основных средств и оборотных средств, т. е. в виде платы за производственные фонды. При этом нормативы платы за основные фонды и оборотные средства устанавливались на длительный срок — на ряд лет и с таким расчетом, чтобы у всякого нормально работающего предприятия после указанного платежа оставалась прибыль для образования поощрительных фондов предприятия и покрытия плановых затрат. Предполагалось, что в перспективе плата за фонды станет важнейшей частью доходов государственного бюджета и соответственно сократится роль других платежей, в том числе и налога с оборота.

Наконец, экономическая реформа предусматривала значительное повышение материальной заинтересованности не только производственного коллектива, но и каждого работника в целом в улучшении общих итогов работы предприятия. До реформы почти все виды премий и других поощрений выплачивались не из прибыли, а из фонда заработной платы. Однако все эти выплаты были крайне незначительны, они составляли очень небольшой процент от заработка рабочих и служащих. Немало было и таких предприятий, у которых вообще не было экономии фонда заработной платы. Таким образом достигнутые предприятием успехи в увеличении прибыли и повышении рентабельности производства не сказывались непосредственно на заработной плате работников предприятия. Эта практика теперь была

изменена. Был установлен новый порядок, при котором возможности предприятия повышать оплату труда рабочих и служащих определялись прежде всего ростом производства, улучшением качества продукции, увеличением прибыли и повышением рентабельности производства. Хотя предприятие и не могло самостоятельно повышать тарифные ставки и оклады, однако оно *наряду* с фондом заработной платы располагало теперь собственным источником для поощрения своих работников за индивидуальные достижения и за высокие общие итоги работы предприятия. Таким источником должна была стать часть прибыли, полученной предприятием. За счет прибыли рабочим и служащим могло теперь выплачиваться дополнительное вознаграждение в конце года или в конце квартала. При этом было решено, что отчисления от прибыли в создаваемый на каждом предприятии фонд материального поощрения должны проводиться по стабильным нормативам на ряд лет. Таким образом, размеры фонда поощрения будут непосредственно зависеть от роста объема реализации продукции или прибыли и от уровня рентабельности, предусмотренных в плане. Предполагалось, что поощрение за перевыполнение плана будет относительно меньшим, чем за достижение показателей, предусмотренных в плане. Это будет побуждать предприятия вскрывать резервы и принимать более высокие плановые показатели.

Таковы были основные параметры проводимой реформы. Речь шла, разумеется, не об ослаблении планового начала в нашем народном хозяйстве, а о совершенствовании планирования, о создании более гибкой и саморегулируемой экономики. Центр тяжести хозяйствования переносился на экономические методы с более последовательным использованием принципов хозяйственного расчета. Это не означало также и отказа от административных методов, однако сфера действия этих методов резко сужалась, а главное, они должны теперь базироваться на строгом учете экономических факторов и процессов, т. е. на строго научной основе. Экономическая реформа была рассчитана на максимальную мобилизацию интенсивных факторов развития нашей экономики. Речь шла о совершенствовании организации и управления производством, ускорении научно-технического прогресса, о значительном росте фондовооруженности и производительности труда.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС указал на необходимость постепенного осуществления экономической реформы. Слишком многое нужно было изменить в методах управления и руководства, чтобы все это можно было бы сделать в краткие сроки. Следовало не только научить и приучить десятки и сотни тысяч хозяйственников к новым условиям и методам работы, очень многое нужно было изменить и в глубоких внутренних механизмах функционирования нашей экономики. Необходимо было, например, изменить сложившуюся десятилетиями систему оптовых цен во многих отраслях производства. Как известно, многие цены, особенно на средства производства, не были экономически обоснованными. В результате предприятия даже и при выполнении плана оставались, как говорят экономисты, планово-убыточными. Планово-убыточными были и целые отрасли промышленности, например, угольная промышленность. На других предприятиях оптовые цены были, напротив, чрезмерно завышенными. Необходимо было пересмотреть, исправить и в нужных случаях вообще отменить множество нормативных актов и предписаний. Известно, что у нас в стране ежегодно выходило несколько тысяч постановлений правительства и несколько десятков тысяч распоряжений по хозяйственным вопросам, не считая приказов и инструкций плановых, финансовых и банковских органов, министерств и ведомств. Специалистами было подсчитано, что в период до хозяйственной реформы в СССР действовало свыше 330 тысяч нормативных актов и предписаний. Быстро все это изменить и пересмотреть было, конечно, невозможно. Кроме того и в ходе самой реформы неизбежно должны были возникнуть самые неожиданные проблемы и трудности, преодоление которых предполагало серьезное изучение и обсуждение этих проблем. Таким образом, постепенность и медленность проведения новой экономической реформы выгодно отличало ее от многочисленных перестроек и реформ предшествующего десятилетия.

В экспериментальном порядке работа по внедрению в промышленность новых принципов планирования и материального стимулирования началась еще до сентября 1965 года. С января 1966 года на эти новые принципы хозяйственной деятельности должны были перейти еще несколько сот промышленных предприятий. Постепенно расширяясь,

экономическая реформа должна была охватить к концу пятилетки всю нашу промышленность и распространиться затем постепенно на область строительного производства, транспорта и на сферу обслуживания. При этом уже и на Сентябрьском Пленуме ЦК КПСС указывалось, что осуществление решений этого пленума создаст предпосылки для осуществления новых реформ, продолжающих и углубляющих основные принципы хозяйственной реформы.

В настоящее время первый и самый трудный этап хозяйственной реформы можно считать законченным. Новые принципы планирования и экономического стимулирования введены на большинстве промышленных предприятий. Целые отрасли промышленности уже несколько лет работают по новому. Можно поэтому подвести предварительные итоги реформы, проанализировав ее успехи и недостатки. Что удалось и чего не удалось сделать за эти пять лет в деле совершенствования экономического механизма социалистического хозяйства нашей страны?

Сделано многое. В процессе внедрения перечисленных выше основных принципов экономической реформы была проделана поистине огромная работа. Изменена практика планирования на отдельных предприятиях и в целом по народному хозяйству. Значительно повысилось материальное стимулирование трудящихся, увеличились капиталовложения промышленных предприятий на развитие производства. Проведена работа по постановлению экономически обоснованных оптовых цен. В результате была ликвидирована плановая убыточность ряда отраслей (угольная промышленность, добыча железной руды, марганцевой руды, лесопиление). Резко сократилось количество планово-убыточных предприятий. В целом уровень цен на изделия тяжелой промышленности увеличен на 15 %, что позволило сократить необоснованные различия в рентабельности отраслей. Новые цены, лучше отражающие фондоемкость изделий, укрепляют заинтересованность предприятий в техническом прогрессе. Увеличилась прибыль подавляющего большинства промышленных предприятий, укрепился хозяйственный расчет. Установлена прямая связь между ростом прибыли за счет повышения экономической эффективности производства и размерами прибыли, оставляемой предприятиям. Возросла роль кредита. Возросла и роль

рынка не в ущерб централизованному планированию, что привело к улучшению качества многих изделий нашей промышленности. Произошло дальнейшее повышение производительности труда и улучшение многих важных экономических показателей деятельности промышленных предприятий.

Нельзя не отметить, однако, что осуществление реформы натолкнулось на множество объективных и субъективных трудностей. Далеко не все эти трудности удалось преодолеть. Поэтому хозяйственная реформа в последние пять лет была проведена далеко не полностью, даже если иметь ввиду уже провозглашенные ею основные принципы. Главное препятствие, которое возникло при осуществлении экономической реформы, состояло в отсутствии в нашей хозяйственной и политической системе какого-то нормально действующего механизма замены и обновления руководящих кадров. Совершенно очевидно, что проведение реформы требовало перехода к новым методам руководства, теперь нужны во многом иные, чем ранее методы хозяйствования. По-новому должны руководить предприятиями и директора этих предприятий, и руководители хозяйственных объединений, и работники министерств и ведомств, а также руководители обкомов, горкомов и центральных партийных органов. Все руководящие работники, деятельность которых имеет отношение к нашей экономике, должны были переучиваться. При этом предполагалось, по-видимому, что те руководители, которые не сумеют приспособиться к новым условиям, должны быть заменены более способными руководителями. Однако этого обновления кадров не произошло. В результате в экономике во многих случаях преобладали именно административные методы руководства. Рецидивы администрирования и субъективизма были очень сильны не только в деятельности министерств, а также некоторых авторитетных партийных инстанций. Выявилась необходимость распространить основные принципы экономической реформы не только на деятельность того или иного отдельного предприятия или производственного объединения, но и на работу всей отрасли промышленности, включая и деятельность министерств. Пока еще министерства не несут никакой материальной ответственности за последствия многих своих распоряжений и директив, которые нередко шли в ущерб деятельности тех или иных предприятий. Не

несли ответственности перед предприятиями за результаты своей деятельности и многие снабженческие организации, а также железные дороги. Предприятия часто несли убытки не по своей вине, но не имели возможности возместить эти убытки за счет подлинных виновников. По-прежнему имели место, например, частые изменения плана промышленных предприятий по объему и номенклатуре, были случаи, когда предприятиям мешали формировать фонды развития производства и материального поощрения и списывали в бюджет гораздо большие доли прибыли, чем это вытекало из установленных на этот счет нормативов. Самостоятельность многих промышленных предприятий даже при решении внутренних вопросов нередко неоправданно ограничивалась. Совершенно очевидно, что теперь, когда общий объем заработной платы, включая и различные премии, в гораздо большей мере, чем прежде, зависит от деятельности предприятия, возникает настоятельная необходимость гораздо большего, чем ранее, участия производственных коллективов в принятии решений как по производственным, так и по основным кадровым вопросам. Иначе говоря, возникает настоятельная необходимость расширения демократических принципов управления предприятием. Решение этих проблем не вышло, однако, за стадию робких предварительных экспериментов. В подавляющем большинстве случаев система выработки, обсуждения и принятия решений осталась прежней. Недостаточным был и контроль общественных организаций за деятельностью администрации. Общее количество денег, выплачиваемых рабочим и служащим как за счет фонда заработной платы, так и за счет прибылей предприятий за последние пять лет заметно возросло. Однако это увеличение денежного вознаграждения не было в последние пять лет должным образом сбалансировано ростом товаров и услуг для населения. В результате в нашей экономике появились инфляционные тенденции. У населения, особенно в южных и приморских районах скопились десятки миллиардов рублей. Заметно возросли денежные сбережения у сельского населения. А между тем именно по производству товаров широкого потребления планы в 1966-1969 гг. выполнялись плохо. В результате имел место рост цен на многие товары и повышение стоимости жизни.

Крайне медленно шла разработка стабильных долгосроч-

ных планов на 5 и 10 лет. Отсюда неустойчивость в деятельности предприятий и целых отраслей промышленности, отсутствие ясных перспектив. К тому же в последние годы возникла необходимость огромных ранее никем не предвиденных расходов. Государству потребовалось несколько миллиардов рублей в связи с событиями на Ближнем Востоке. Государству потребовались несколько миллиардов рублей в связи с событиями в Чехословакии. Еще больше денег потребовалось в связи с обострением советско-китайских отношений на Дальнем Востоке. Увеличились наши расходы во Вьетнаме. Все это очень сузило возможности маневрирования ресурсами внутри страны.

Реформа не была проведена во многих важных отраслях народного хозяйства, например, в строительстве. По-прежнему строительство составляет у нас одну из самых отсталых отраслей. Объем незавершенного капитального строительства остается огромным, планы в этой отрасли, как правило. не выполняются. Многие крупные предприятия строятся в СССР по 7-10, а иногда и по 12 лет. Бывает поэтому, что предприятие морально устаревает, еще не будучи введенным в строй. А между тем аналогичные предприятия в капиталистических странах строятся в 2, 3, 4 раза быстрее.

До сих пор заводы и фабрики не имеют постоянных нормативов по образованию поощрительных фондов. Для многих предприятий планы по-прежнему составляются «от достигнутого уровня», хотя эти предприятия и перешли формально на новый порядок экономического стимулирования. Естественно, что такие предприятия оказываются не заинтересованными в полном выявлении своих внутренних резервов. Совершенствование производства на многих предприятиях связано с необходимостью сокращения рабочих и служащих. Ряд экспериментов типа «щекинского эксперимента» показали взаимозависимость таких вещей как повышение эффективности производства, сокращение персонала предприятия и повышение заработной платы у оставшихся на предприятиях рабочих и служащих. Однако во многих городах и экономических районах, где и сейчас имеются значительные незанятые трудовые ресурсы, распространение «щекинского опыта» встретило множество препятствий социального характера.

Хотя сентябрьский пленум состоялся около пяти лет назад, его решения выполнены еще далеко не в полном объеме. И хотя в настоящее время существует необходимость значительно углубить экономическую реформу, однако среди определенной части экономистов, хозяйственников и партийных работников возникло стремление к некоторому попятному движению, к известной ревизии основных положений реформы вместо ее последовательного выполнения и развития. Мы видим, что именно бюрократизм и его носители являются главным препятствием к переходу на новые методы и формы хозяйствования. Именно поэтому реформа все еще не принесла нашему народному хозяйству особенно большого и ощутимого экономического эффекта. Темпы развития нашей экономики все еще не слишком велики и явно отстают от наших возможностей.

Сейчас при составлении нового пятилетнего плана (1971-1975 гг.) и при разработке перспективного плана на ближайшие 10-15 лет возникает необходимость решительного развития принципов экономической реформы, ее расширения и углубления. Стала очевидной необходимость проведения в ближайшие несколько лет ряда важных мероприятий. Речь идет, например, о быстрейшем распространении новых принципов планирования и экономического стимулирования на область строительства.

Речь идет о разработке стабильных планов для каждого предприятия не на год или даже квартал, а на пять лет.

Речь идет о переводе на хозрасчет всех основных органов хозяйственного управления. Главки должны впредь нести материальную ответственность перед предприятиями за последствия своих распоряжений. Для этой цели работников руководящих хозяйственных инстанций необходимо материалью заинтересовать в экономической эффективности руководимых ими предприятий. Кроме того главки должны получить свой баланс и свой счет прибылей и убытков.

Речь идет о расширении кооперации между предприятиями различных отраслей, о развитии концентрации и централизации промышленного производства путем создания крупных производственно-территориальных хозрасчетных объединений, которые, по мнению ряда экономистов, дол-

жны стать в перспективе основным звеном народного хозяйства. Ибо, как показывает опыт, в рамках таких объединений можно быстрее и эффективнее решать вопросы специализации, кооперирования и научно-технического прогресса.

Следует продолжить работу по совершенствованию оптовых цен. Как предлагают некоторые экономисты, ряд функций по установлению цен можно было бы передать самим предприятиям, разумеется, под государственным контролем.

Должен быть осуществлен постепенный и вначале частичный переход от системы централизованного фондового распределения товарно-материальных ценностей и средств производства к продаже через сеть оптово-сбытовых баз. Промышленные предприятия должны получить еще большую свободу в решении вопросов, связанных со штатами и заработной платой, быстрее должен внедряться в жизнь «щекинский эксперимент» и некоторые аналогичные опыты и мероприятия. Должна быть разработана и система мер для того, чтобы заинтересовать предприятия не только в результатах собственной хозяйственной деятельности, но и хозяйственной деятельности потребителей продукции данных предприятий. Предприятия должны получить право отказаться от убыточных для них заказов.

Должна быть расширена роль промышленных предприятий в решении проблем, связанных со всей отраслью, а в ряде случаев и со всем народным хозяйством. Одновременно должны быть расширены права коллектива предприятия при решении многих проблем данного предприятия. Речь идет не о каких-то одинаковых для всех фабрик и заводов формах самоуправления по типу рабочих советов. Речь идет об изучении и испытании многообразных и гибких методов участия рабочих и служащих в управлении предприятием в зависимости от условий и характера производства. В одних случаях может быть расширена роль производственных совещаний. В других случаях необходимо увеличить права и возможности профсоюзных органов. Как известно, еще в принятой в 1919 году Программе РКП(б) было записано: «Участие профессиональных союзов в ведении хозяйства и привлечении ими к этому делу широких масс является, вместе с тем, и главным средством борьбы

с бюрократизацией экономического аппарата советской власти и дает возможность поставить действительно народный контроль над результатами производства.» Вряд ли нужно сейчас доказывать, что роль профессиональных союзов у нас крайне принижена, сами эти союзы подвержены сильной бюрократизации. В ряде случаев можно было бы провести эксперименты и по созданию рабочих советов. Хотя оперативное управление промышленным производством по-прежнему требует соблюдения принципа единоначалия и персональной ответственности, однако у нас имеются все возможности для значительного расширения демократических принципов самоуправления на производстве. Многие вопросы, связанные с перспективами данного предприятия, реконструкцией, размером заработной платы, нормами, внедрением новой техники, должны решаться с участием общественных организаций. Общественные организации должны быть привлечены и к решению основных кадровых вопросов. Только введение подлинно демократического механизма обновления руководящих кадров позволит выдвинуть наиболее способных людей и действительно повысить эффективность советского социалистического производства. Бюрократизм во всех своих формах все еще остается главным врагом экономической реформы, и на преодолении бюрократизма должны быть сосредоточены главные усилия.

2. О состоянии животноводства в СССР в 1966-1969 гг.

В 1969 году произошло очевидное для всего населения нашей страны ухудшение состояния дел в нашем животноводстве. В большинстве промышленных центров СССР имели место длительные перебои со снабжением рабочих и служащих мясом и мясопродуктами. Мясо, колбаса и сосиски, мясные консервы и особенно птица во многих городах по нескольку месяцев почти не появлялись на прилавках магазинов. Во многих гастрономических магазинах были вообще закрыты мясные отделы, продавалась лишь рыба и рыбные консервы. Заметно возросли цены на мясо и мясопродукты на колхозных рынках. Чтобы как-то обеспечить города в юбилейный ленинский год мясом и мясопродуктами наше государство вынуждено было закупить большие

партии мяса в капиталистических странах, только в январе 1970 года стало известно, например, о закупке 300 тысяч тонн мяса в Австралии.

В своем докладе на декабрьском пленуме ЦК КПСС Л.И. Брежнев вынужден был признать новое неожиданное отставание животноводства. Однако в докладе Брежнева не было должного анализа сложившейся ситуации, главная вина за недостатки возлагается на местные и планирующие органы. Между тем причины серьезного отставания животноводства лежат значительно глубже.

Мы не будем здесь говорить о массовом забое скота в годы коллективизации, о последствиях войны, о низких закупочных ценах на мясо в 30-40-е годы, об ошибочной политике Сталина в отношении личного подсобного хозяйства колхозников, а также рабочих и служащих. Мы не будем здесь говорить о рязанской авантюре Н. С. Хрущева, о принудительной скупке скота у колхозников и рабочих совхозов, о запрещении иметь скот рабочим и служащим в 1959-1964 гг. Казалось бы, все эти ошибки и извращения были осуждены и исправлены. После октября 1964 года были приняты меры по поощрению личного животноводства. Закупочные цены на мясо, молоко и другие животноводческие продукты были еще раз повышены. Мартовский пленум ЦК КПСС в 1965 принял многие важнейшие решения, которые были направлены на развитие сельского хозяйства вообще и животноводства в частности. Что же мешает сейчас развитию этой отрасли? Почему здесь опять наметилось опасное попятное движение?

Обратимся к некоторым статистическим данным.

Данные о государственных закупках животноводческих продуктов за 1966-1968 гг. не внушали никаких опасений. Если в 1965 году государственные закупки мяса скота и птицы (в весе живого скота) составили 9,3 млн тонн, то в 1966 году уже — 10,3 млн тонн, в 1967 году — 11,5 млн тонн и в 1968 году — 11,9 млн тонн. Все основные планы государственных закупок продуктов животноводства были в 1966-1968 значительно перевыполнены. В 1968 году было закуплено скота и птицы на 50 тысяч тонн и молока на 600 тысяч тонн больше, чем это было предусмотрено планом

на 1970 год! По закупкам шерсти и яиц в 1968 году был превзойден уровень плана, установленный на 1969 год.

Не вызывали большого беспокойства и данные о производстве основных продуктов животноводства *во всех категориях хозяйств* в убойном весе. По мясу эти данные составили:

1965 г. — 10 млн тонн
1966 г. — 10,7 млн тонн
1967 г. — 11,5 млн тонн
1968 г. — 11,6 млн тонн

Прирост производства очевиден. Правда темпы прироста в 1968 году заметно снизились, однако среднегодовые данные производства мяса за три года были все же *выше* плановых наметок. Такая же картина была и по другим продуктам животноводства.

Не могли, однако, не насторожить данные о поголовье скота. За весь 1967-й год в СССР практически поголовье крупного рогатого скота не увеличилось, а в 1968 году оно даже уменьшилось почти на полтора миллиона голов. На 400 тысяч уменьшилось даже поголовье коров. Поголовье свиней начало уменьшаться уже в 1966 году (на 1,5 млн. голов). За 1967 год поголовье свиней уменьшилось еще *на 7,8 млн. голов!!* Сокращение поголовья свиней продолжалось и в 1968 году, хотя и в меньших масштабах. На 1 января 1969 года поголовье свиней в стране упало до 49 миллионов голов, т. е. уровня 1965 года! Несколько возросло в 1966-1968 гг. поголовье овец и коз. Однако этот рост был весьма незначителен, он едва компенсировал крупное падение поголовья овец и коз в период между 1961 и 1965 годами. Мы видим, таким образом, что возрастание производства мяса в 1967 и 1968 гг. было достигнуто в значительной степени за счет сокращения поголовья скота. Продолжать по-прежнему резать скот и в 1969 году было уже невозможно.

Отчетные данные Министерства сельского хозяйства СССР содержат и многие весьма тревожные сведения. На протяжении последних семи лет почти неизменно наблюдался рост себестоимости производства животноводческой продукции. Привес крупного рогатого скота обходился кол-

хозам в 1962 году в 834 рубля за тонну, в 1965 году уже в 989 рублей за тонну, в 1967 году в 1089 рублей за тонну и в 1968 году — *в 1123 рубля за тонну!* Себестоимость привеса за тонну в колхозах поднялась с 1146 рублей в 1962 году до 1186 рублей в 1968 году. А себестоимость привеса овец и коз за эти же 6 лет повысилась почти на 40%! Возросла также себестоимость молока и шерсти, только по яйцам наблюдалось небольшое снижение. Значительное повышение себестоимости всех основных животноводческих продуктов (кроме яиц и привеса свиней) произошло в 1962 году и в совхозах. Нельзя не отметить, что в совхозах себестоимость привеса крупного рогатого скота, птицы, молока оказалась в 1968 году даже выше, чем в колхозах.

Повышение себестоимости животноводческих продуктов привело, естественно, к увеличению убыточности животноводства во многих районах страны. Дело в том, что и после повышения закупочных цен на продукты животноводства в 1962 и 1965 гг. оно далеко не везде приносит прибыль (а производство молока почти повсеместно остается убыточным делом). Да и там, где животноводство приносит прибыль, уровень рентабельности этой отрасли сельского хозяйства остается очень низким, во много раз ниже, чем в земледелии. Это положение сложилось исторически в результате ряда трудно устранимых ошибок. Установив в свое время крайне низкие закупочные цены на мясо, Сталин не слишком повысил цены на мясо в послевоенный период в государственных магазинах. В наших городах цены на мясо, видимо, ниже соответственно, чем цены на мясо в США и Европе. Население привыкло к этим ценам, и потому увеличение цен на мясо, масло и другие животноводческие продукты, проведенное в 1962 году, было очень болезненной операцией и нанесло удар по престижу правительства. Остается один путь — повышение производительности труда на животноводческих фермах, в чем самую большую помощь колхозам и совхозам должно оказать государство. Однако по этому-то пути мы почти и не продвинулись в последние годы. Хотя оплата трудодня в колхозах и заработная плата рабочих в совхозах в последние годы заметно возросла (что нашло частичное отражение и в росте себестоимости продукции животноводства), однако производительность труда на фермах почти не увеличилась. Почему?

В первую очередь здесь нужно отметить недостатки в механизации животноводства. В целом поставки машин и оборудования для механизации животноводства в последние 5-6 лет были увеличены. Видимо, с целью улучшения использования этих машин и оборудования еще в 1963 году были введены новые нормы амортизации, повысившие в 2 раза, по сравнению с ранее действовавшими, затраты по содержанию основных средств производства в совхозах. Однако из-за некомплектности, а также ненадежности в эксплуатации достигнуть за счет механизации общего сокращения затрат труда в колхозах и совхозах не удавалось, хотя связанные с механизацией расходы и возросли. По линии государственного руководства не были приняты должные меры для интенсификации животноводства. Более того, в 1967, 1968 и 1969 гг. были почему-то сокращены предусмотренные планом суммы на строительство животноводческих помещений, не была выполнена программа производства машин, механизмов и оборудования, необходимых для комплексной механизации и внедрения новой технологии, не были выполнены планы производства комбикормов, особенно премиксов и незаменимых аминокислот.

В отчетных материалах Министерства сельского хозяйства СССР отмечается, что техника содержания и кормления скота в большинстве колхозов и совхозов мало отличается от той, что была и десятки лет назад. Поэтому средняя нагрузка скота на одного работника в 1967-1968 гг. оставалась почти такой же как и в 1934-1940 гг., то есть: 10-12 коров на доярку, 40-50 голов на скотника, 8-10 свиноматок на свинаря, 230-300 овец на чабана. Неудивительно, что и производительность труда в основных отраслях животноводства увеличилась у нас с 1951 по 1969 год, т. е. за 20 лет всего на 25-30 %. В это время в Западной Европе и в США рост производительности труда в животноводстве составил не менее 300 %, а по многим странам даже в 5-6 раз. На фермах крупного рогатого скота колхозов и совхозов на начало 1969 года раздача кормов была механизирована лишь на 8 %, уборка навоза — на 22 %, доение коров — на 42 %. На свиноводческих фермах раздача кормов механизирована — на 20 % и очистка помещений — на 28 %. Из имевшихся в колхозах и совхозах 560 тысяч животноводческих и птицеводческих помещений комплексная механизация осуществлена только *в 18 тысячах или в 3 % помещений!!*

А между тем только комплексная механизация дает ощутимый экономический эффект. Можно и полностью механизировать доение коров, это облегчит труд доярок. Но если не механизирована раздача кормов и уборка навоза, то практически не удается увеличить число коров на одну доярку.

Заявки колхозов и совхозов на машины и оборудование для комплексной механизации были удовлетворены:

в 1965 году — на 81,6 %
в 1966 году — на 79,5 %
в 1967 году — на 64,0 %
в 1968 году — на 48,9 %
в 1969 году — на 40,5 %

И это при нынешнем уровне механизации!! А Госплан планирует и в следующее десятилетие, т. е. до 1979 года столь незначительные поставки машин для механизации животноводства, что по расчетам Министерства сельского хозяйства к 1980 году механизация раздачи кормов составит не более 15 %, уборки навоза не более 40 %. При таких темпах для завершения комплексной механизации животноводства потребуется несколько десятилетий!! К тому же производимое сейчас оборудование низкого качества, оно недолговечно и очень дорого. Прицепной кормораздатчик стоит столько же, сколько и грузовой автомобиль, а стационарный простой кормораздатчик почти столько же, сколько трактор ДТ-20. По техническому уровню наши машины уступают лучшим образцам мирового сельхозмашиностроения. А для механизации многих процессов на фермах наша промышленность и вовсе не выпускает никаких машин, хотя в других странах машины имеются в большом количестве.

Серьезные недостатки имеются у нас и с обеспечением скота благоустроенными животноводческими помещениями, приспособленными к комплексной механизации. До сих пор, например, крупный рогатый скот обеспечен капитальными постройками лишь на 60 %. К тому же для строительства животноводческих ферм применяется обычно утяжеленный железобетон, что крайне удорожает стоимость строительства. При большом весе перевозимых конструкций транспортные расходы нередко превышают стоимость самих

конструкций. Между тем в зарубежной практике широко применяются для тех же целей облегченные сборные строительные конструкции (обычно металлические), которые позволяют в 5-6 раз снизить все здания и проводить строительство индустриальным методом.

В СССР именно за счет строительства крупных специализированных и механизированных птицефабрик было достигнуто снижение себестоимости производства яиц. Имеется у нас и опыт по созданию крупных специализированных комплексов по доращиванию и откорму крупного рогатого скота. Но этот опыт медленно распространяется по стране.

Очень плохо поставлено еще у нас племенное дело и ветеринарная служба.

Мы видим, таким образом, что животноводство в нашей стране еще очень отстает от земледелия. Конечно, и в земледелии у нас еще много очень серьезных недостатков, не все отрасли развиваются здесь достаточно быстро. Приходится с сожалением отметить, что из всех отраслей земледелия наименее развитыми являются как раз те, которые обслуживают нужды животноводства. Мы имеем ввиду производство кормов. Чрезвычайное отставание с производством дешевых и разнообразных кормов, постоянные перебои со снабжением животноводческих ферм — это сейчас одна из самых главных причин тяжелого состояния животноводства.

Совершенно очевидно, что развитие животноводства требует, чтобы кормбаза была организована как самостоятельная отрасль сельского хозяйства с тем, чтобы производство кормов было бы устойчивым и их производство опережало бы темпы роста поголовья и продуктивности скота. Между тем в последние годы увеличился расход только концентрированных кормов. Заметно уменьшилось производство сочных кормов, в том числе силоса и грубых кормов, в том числе сена. План среднегодового прироста производства кормов в колхозах и совхозах был выполнен в 1966-1968 гг. только на 25 %. Под кормовые культуры сельское хозяйство получает очень мало удобрений. Ощущается недостаток самых необходимых машин для уборки кормовых культур, для заготовки сена и силоса, что приводит к большим поте-

рям и снижению качества кормов. Урожайность основных кормовых культур (ячмень, овес, кукуруза на зерно, на силос и зеленый корм, зернобобовые, кормовые корнеплоды, сено многолетних и однолетних трав и естественных сенокосов) в 1966-1969 гг. практически не повысилась, а по многим культурам в эти годы урожайность даже снизилась. Значительная часть концентрированных кормов используется нерационально из-за отсутствия в стране развитой комбикормовой промышленности. Эти корма нередко скармливаются скоту в виде зерна и простых смесей, в общем расходе концентратов удельный вес комбикормов — менее 25%. К тому же имеющаяся комбикормовая промышленность выпускает много неполноценных кормов, крайне мало выделяется кормовых средств микробиологического и химического синтеза: кормовых дрожжей, кормовых фосфатов, витаминов, микроэлементов, аминокислот. Уменьшилось в последние годы выделение картофеля на корм скоту.

Из-за того, что долгие годы не проводилось улучшения естественных сенокосов и пастбищ, свыше четверти этих угодий (более 80 млн. га) фактически вышли из строя, заросли кустарниками заболочены, покрыты кочками. После майского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС, специально посвященного вопросам мелиорации, были приняты некоторые меры по улучшению естественных угодий, но недостаточные и не всегда эффективные. Вопреки решениям ЦК КПСС поставки основной мелиоративной техники колхозам и совхозам сократились. В отчете Министерства сельского хозяйства приводится на этот счет следующая таблица:

	1966	*1967*	*1968*
Экскаваторы	6183	4759	4347
Бульдозеры	4006	2433	1934
Скреперы	1767	1179	1352
Корчеватели	260	137	99

Не увеличились, а *сократились* площади ценнейших заливных сенокосов. Сейчас их 7,4 млн. га, тогда как 30 лет назад было 19,8 млн. га. Главная причина — создание крупных водохранилищ на главных реках, что привело также к ухудшению имеющихся еще пойменных лугов от подтопления, заболачивания и иссушения. При проектировании

гидроузлов не предусматривались даже простейшие гидротехнические сооружения (обвалование) для сохранения пойменных земель. Урожайность сена на сохранившихся заливных лугах уменьшилась. У нас имеются 270 миллионов гектаров пастбищ, главным образом на юго-востоке. Но около 100 млн. га не обводнены и почти не используются, а значительная часть обводненных массивов нуждается в реконструкции водопойных сооружений. Вопреки решению майского Пленума ЦК, Госплан планирует на 1966-1970 гг. снижение темпов обводнения пастбищ даже по сравнению с 1961-1965 гг. Бессистемно используются и обводненные пастбища, что приводит к вытаптыванию травостоя и усилению эрозийных процессов. Майский пленум ЦК КПСС указал на необходимость восстановления машинно-животноводческих станций, однако такие станции и отряды создаются медленно и плохо оснащаются техникой. Из-за отсутствия страховых запасов кормов на пастбищах в условиях трудной зимы происходит большой падеж скота. Так, например, незначительный прирост поголовья овец в 1966-1968 гг. был сведен на нет крупными потерями в зиму 1968-1969 гг. Потери поголовья к весне 1969 года были столь велики, что Министерство сельского хозяйства планирует восстановление поголовья только к 1975 году! Сейчас значительная часть сена доставляется на пастбища на машинах на очень большое расстояние.

Требуют улучшения и природные кормовые угодья в зонах достаточного увлажнения. Майский Пленум установил задание по улучшению лугов и пастбищ в этих районах на 1966-1970 гг. в 9 млн. га. (из общей площади в 32 млн. га). Фактически проведены работы на площади около 4 миллионов гектаров (в 1966-1968 гг.), качество этих работ нередко низкое. Не выполняются задания по разработке и производству ряда сельскохозяйственных машин, необходимых для коренного улучшения лугов и пастбищ. Отсюда низкая степень механизации этих работ, несовершенство технологии и большие потери. Если кошение трав механизировано на 81 %, то стогование — на 57 %, а прессование сена — на 10 %. Практически отсутствуют машины для внесения удобрений под кормовые культуры, на луга и пастбища. Имеющиеся для этого машины малопроизводительны, устаревших конструкций. Ряд перспективных конструкций таких машин разработан, но не внедряется пока в произ-

водство. Крайне недостаточно производится у нас фуражного зерна в том числе кукурузы. Площади посева кукурузы на зерно сократились с 5,1 млн в 1960 году до 3,4 млн в 1968 году, причем нередко эти посевы сокращались именно там, где кукуруза дает наивысшую урожайность. Из-за перечисленных выше и многих других недостатков у нас в стране все еще велика стоимость кормов, что при низкой механизации животноводства очень отражается на себестоимости животноводческой продукции, так как в структуре себестоимости оплата труда и корма достигают 75-80 %. (Доля затрат на амортизацию и текущий ремонт основных средств не достигает и 10 %).

Таковы главные причины тех трудностей в животноводстве, которые обнаружились в 1969 году и привели к уменьшению производства мяса в стране. Хотя по данным ЦСУ производство мяса в 1969 году было всего на 2 % ниже, чем в 1968 году, надо полагать падение было более значительным. Положение усугубилось и тем, что в 1968-1969 гг. произошло сокращение поголовья в личных хозяйствах колхозников. А между тем на долю личного хозяйства колхозников, рабочих совхозов, а также рабочих и служащих небольших городов и рабочих поселков приходится 38 % всего производимого в стране мяса, 38 % молока, 60 % яиц и 20 % шерсти. Почему же уменьшилось количество скота в личном пользовании? Опять таки из-за трудностей с кормами В колхозах перешли на денежную оплату труда и уменьшили выдачу зерна и других продуктов. Уменьшилась продажа кормов населению. Сокращение животноводческих ферм в колхозах (под предлогом ликвидации нерентабельных ферм в 1966-1968 гг. более четырех тысяч колхозов вообще прекратили, например, свиноводство, а пять тысяч колхозов ликвидировали свое птицеводство) привело к уменьшению продажи поросят колхозникам и уменьшению выдачи фуража. К тому же повышение рыночных цен на мясо поощряло многих людей осенью 1969 года порезать часть скота.

Какие меры нужно принять для исправления положения в животноводстве? На этот счет в Министерстве сельского хозяйства СССР разработана весьма четкая и продуманная программа.

Речь идет о решительном улучшении дела механизации всех работ относящихся к животноводству и производству кормов.

Речь идет о всемерном развитии кормовой базы сельского хозяйства.

Речь идет об улучшении породных и продуктивных качеств животных и организации племенного дела, о совершенствовании ветеринарно-санитарного обслуживания.

Речь идет о более рациональном размещении животноводства по зонам страны и дальнейшей специализации колхозов и совхозов.

Речь идет о частичном повышении закупочных цен на отдельные виды животноводческой продукции, особенно на молоко, а также на мясо в некоторых зонах страны.

Речь идет об улучшении системы оплаты труда в животноводстве и улучшении материального стимулирования, о введении дополнительной оплаты за сверхплановую продукцию.

Речь идет о более эффективных научных исследованиях, о более быстрой подготовке кадров для животноводства и механизации животноводства.

Речь идет о более эффективном использовании зарубежного опыта, о покупке необходимого оборудования и лицензий.

Речь идет об увеличении производства минеральных удобрений для кормовых угодий, о более быстрой работе по обводнению пастбищ, по улучшению лугов. об улучшении дела строительства животноводческих помещений и т. д., и т. п. Все это, однако, требует выделения больших финансовых ресурсов на нужды сельского хозяйства, а также усилий многих других министерств и ведомств. Должно быть улучшено общее руководство сельским хозяйством со стороны ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Госплана СССР.

№ 75

Декабрь 1970

О некоторых событиях месяца: Осуждение линии журнала «Молодая гвардия» — К присуждению Солженицыну Нобелевской премии — Банкет в Стокгольме — Статья в «Правде» — Мемуары Н. С. Хрущева — Советско-китайское соглашение — Договор между ПНР и ФРГ — Комитет прав человека — О событиях в Польше — Судебный процесс в Ленинграде. О некоторых письмах, статьях и рукописях: Статья С. Семанова в журнале «Молодая гвардия» — Статья Р. Б. Лерт «Трактат о прелестях кнута». Материалы и документы по еврейскому вопросу в СССР и по вопросу о сионизме: Из статьи А. Арановича «Ближнее и дальнее» (заметки о еврейском вопросе в СССР) — Из интервью короля Саудовской Аравии Фейсала — Из статьи Геббельса «Евреи виноваты» (16 ноября 1941 г.) — Из статьи Роберта Лея «Отвратительное лицо большевизма» 12 августа 1941 г. — Почему многие советские евреи стремятся выехать в Израиль — Две характеристики — Документ из канцелярии М. В. Келдыша. О международном коммунистическом движении.

О НЕКОТОРЫХ СОБЫТИЯХ МЕСЯЦА

1. Осуждение линии журнала «Молодая гвардия»

На одном из последних заседаний Политбюро был обсужден вопрос о линии журнала «Молодая гвардия». Мы уже отмечали, что в течение нескольких лет этот журнал выступает с почти неприкрытых националистических и великодержавных позиций, что вызвало беспокойство и в Политбюро. Хотя отдел культуры ЦК (особенно сектор литературы), т. е. Мелентьев и Шауро все время брали «Молодую гвардию» под свою защиту, однако отделу агитации и пропаганды удалось вынести вопрос о политической линии журнала на заседание Политбюро. На заседании выступал также и Брежнев, что предопределило решение. Политбюро осудило линию журнала «Молодая гвардия» и приняло решение об «укреплении» его редколлегии. Это решение означает, что главный редактор журнала А. Никонов снимается со своего поста вместе с большинством редакционной коллегии. Вскоре ожидается утверждение нового состава редколлегии.

2. К присуждению А. И. Солженицыну Нобелевской премии

Один из самых выдающихся советских музыкантов виолончелист М. Ростропович, друг Солженицына (на даче Растроповича Солженицын живет уже долгое время), направил в редакции московских газет «Открытое письмо», в котором резко осуждает кампанию нашей печати против Солженицына и против Нобелевского комитета. Напомнив о клеветнической кампании 1948 года, направленной против самых выдающихся советских композиторов и о такой же кампании против Б. Пастернака Ростропович восклицает:

«Неужели прожитое нами время не научило нас осторожно относиться к сокрушению талантливых людей? Не говорить от имени народа? Не заставлять людей высказываться о том, что они попросту не читали или не слышали . . . Каждый человек, — пишет Ростропович, — должен иметь право безбоязненно, самостоятельно мыслить и высказываться о том, что ему известно, лично продумано и пережито, а не только слабо варьировать заложенное в

него МНЕНИЕ. К свободному обсуждению без подсказок и одергиваний мы обязательно и придем. Я знаю, что после моего письма непременно появится МНЕНИЕ и обо мне, но не боюсь его и откровенно высказываю то, что думаю. Таланты, которые составят нашу гордость, не должны подвергаться предварительному избиению. Я знаю многие произведения Солженицына, люблю их, считаю, что он выстрадал право писать правду, как он ее видит, и не вижу причин скрывать свое отношение к нему, когда против него развернута кампания.»

Это письмо, написанное еще 31 октября, распространяется по рукам в Москве.

В нашей печати опубликованы заявления Союза немецких писателей (подписанное председателем этого Союза Анной Зегерс и членами Президиума Союза) и Съезда болгарских писателей с осуждением Солженицына и Нобелевского комитета. К слову сказать, ГДР является единственной страной Европы, в которой не был издан даже «Один день Ивана Денисовича». В ГДР не была издана ни одна из «лагерных» повестей, опубликованных в 1963-1964 гг в СССР.

3. Банкет в Стокгольме

Опасаясь того, что поездка в Швецию будет использована для отсечения его от родины, Солженицын, который вначале склонялся поехать в Швецию (и было как-будто решение Политбюро выдать ему визу на выезд), решил все же остаться в Москве. Он просил вручить ему Нобелевский диплом и медаль в Москве, через специально назначенных для этого шведских представителей. Солженицын был единственным Нобелевским лауреатом, который не присутствовал 10 декабря 1970 г. в Стокгольме на вручении премий. Он, однако, переслал в Швецию текст своего приветственного слова, который был зачитан на торжественном банкете. Вот этот текст:

«Ваше величество!

Дамы и господа!

Я надеюсь, что мое невольное отсутствие не омрачит полноты сегодняшнего церемониала. В череде коротких при-

ветственных слов ожидается и мое. Еще менее я хотел бы, чтобы мое слово омрачило торжество. Однако не могу пройти мимо той знаменательной случайности, что день вручения Нобелевских премий совпадает с Днем Прав Человека. Нобелевским лауреатам нельзя не ощутить ответственности перед этим совпадением. Всем собравшимся в стокгольмской ратуше нельзя не увидеть здесь символа. Так, за этим пиршественным столом не забудем, что сегодня политзаключенные держат голодовку в отстаивании своих умаленных и вовсе растоптанных прав.

А. Солженицын.»

4. Статья в «Правде»

17 декабря в «Правде» под заголовком «Нищета антикоммунизма» опубликовая крайне примитивная статья, основная тема которой — осуждение Солженицына. Статья подписана псевдонимом «И. Александров».

Статья кончается словами: «Духовный внутренний эмигрант, чуждый и враждебный всей жизни советского народа, Солженицын был возведен империалистической пропагандой в сан «великого» русского писателя, а недавно он награжден Нобелевской премией. Нобелевский комитет пошел на поводу у антисоциалистических спекулянтов, которые подняли Солженицына не за «талант», а только за то, что он чернил советскую действительность».

5. Мемуары Н. С. Хрущева

В газетах и журналах США и Европы началась публикация отрывков из «мемуаров Н. С. Хрущева». Сообщается, что одно из американских издательств приобрело магнитофонные пленки с записью воспоминаний Н. С. Хрущева. Западные эксперты подтверждают, что на пленках записан голос самого Хрущева. Еще до начала этих публикаций в западной прессе было помещено опровержение жены Н. Хрущева Нины Сергеевны. Недавно и в наших газетах было опубликовано «Заявление», подписанное Хрущевым. С октября 1964 года это, должно быть, первое упоминание его имени в печати. В заявлении Хрущева говорится, что

он никогда не передавал никому никаких материалов мемуарного характера «ни «Тайму», ни другим заграничным издательствам, ни советским издательствам». «Я заявляю, — пишет Хрущев, — что все это является фальшивкой». Таким образом, Хрущев не опровергает самого факта составления мемуаров, он лишь заявляет, что не передавал их ни в какие издательства.

В московских литературных кругах давно известно, что Н. С. Хрущев очень хочет записать на пленку свои воспоминания, об этом желании он говорил некоторым посетившим его литераторам. Это желание не встречало поддержки в его семье, но возможно Хрущев все же нашел себе помощника. Рассказывают, однако, что сам Хрущев не был инициатором передачи этих записей или их копий за границу, и он ничего не знал о готовящихся публикациях. Его здоровье с начала ноября ухудшилось, и родные ничего не сказали ему о предстоящих сенсационных публикациях. В некоторых западных газетах продажу мемуаров Хрущева издательству «Тайм» связывают с именем Виктора Луи, корреспондента какой-то английской газеты, но гражданина СССР, имеющего тесные связи с КГБ. Через Виктора Луи были переданы в 1967 году на запад мемуары Аллилуевой, чтобы организовать их «встречное» издание.

Как только Н. С. Хрущев несколько поправился, его вызвали в КПК к Пельше. Только здесь он и узнал о готовящейся публикации и подписал свое «Заявление». После разговора с Пельше здоровье Хрущева снова ухудшилось, и его положили в больницу.

6. Советско-китайское торговое соглашение

В газетах сообщается, что в Пекине было подписано соглашение о товарообороте и платежах между СССР И КНР. Соглашение подписали заместители министров внешней торговли обоих стран.

7. Договор между ПНР и ФРГ

В Варшаве подписан договор между Польшей и ФРГ, аналогичный договору между СССР и ФРГ. В этом договоре

подтверждается нерушимость нынешних европейских границ, нынешние границы Польши, а также содержится заявление о том, что стороны не имеют каких-либо территориальных претензий друг к другу и не будут выдвигать такие претензии в будущем. Все спорные вопросы будут решаться двумя странами только мирными средствами. Подписали договор В. Брандт и Ю. Циранкевич.

8. Комитет прав человека

Трое советских ученых: академик А. Д. Сахаров, а также В. Чалидзе и А. Твердохлебов приняли решение образовать Комитет прав человека. По этому поводу ими была составлена и распространена среди общественности, а также направлена в официальные инстанции специальная декларация. В ней говорится, что целями деятельности Комитета являются:

«консультантивное содействие органам государственной власти в области создания и применения гарантий прав Человека, проводимое по инициативе Комитета или по инициативе заинтересованных органов власти;

творческая помощь лицам, озабоченным конструктивными исследованиями теоретических аспектов проблемы прав Человека и изучением специфики этой проблемы в социалистическом обществе;

правовое просвещение, в частности, пропаганда документов международного и советского права по правам Человека.»

9. О событиях в Польше

В Польше с 14 по 21 декабря произошли события, по своему значению сравнимые с событиями 1968 года в ЧССР. Причины нового кризиса в Польше многообразны: неправильная экономическая политика прежнего руководства, антидемократическая внутренняя политика, пренебрежение интересами народа и прежде всего рабочего класса.

Уже несколько лет в Польше ухудшалось экономическое положение. Непрерывно росли цены. В 1956 году Гомулка провозгласил новую экономическую политику. Был, в част-

ности, взят курс на развитие польской промышленности с использованием иностранных займов. По некоторым данным Польша задолжала западным странам около 2-х миллиардов долларов. Но польская промышленность не сумела войти на такой уровень, чтобы конкурировать с промышленными товарами на западных рынках. В то же время Польша лишена сколько-нибудь значительных запасов сырья, которым можно было бы рассчитаться с кредиторами.

Сложное положение возникло и в польской деревне. После 1956 года здесь распались почти все колхозы, и основу сельского хозяйства составляют сейчас частные хозяйства. Колхозы и госхозы дают лишь небольшую долю нужного стране продовольствия, а мелкие частные хозяйства малотоварны. Поэтому политика Гомулки в деревне зашла в тупик. Сельскохозяйственная кооперация развивалась очень медленно, но не поощрялось и развитие хозяйства на капиталистической основе. Отсюда крайне медленный прирост сельскохозяйственной продукции в последние годы. Очень многие крестяне бросали свои хозяйства и уходили в город. К тому же два последних года в стране были неурожайными. Из-за недостатка продуктов в Польше уже дважды повышались цены на основные сельскохозяйственны товары. В начале декабря на VI пленуме ЦК ПОРП было решено, по предложению Гомулки, еще раз повысить эти цены, причем на 15-20 %, в том числе и на такие продукты, которые были основой рациона наименее оплачиваемых слоев населения. Обсуждение этого вопроса в ЦК было очень острым, причем группа членов ЦК во главе с первым секретарем Катовицкого воеводства Э. Гереком высказалась против повышения цен. «Я не могу на этот раз сказать рабочим своего воеводства, — заявил Герек, когда решение о повышении цен было все-таки принято, — что это повышение цен было оправданным.»

Когда в магазинах стали продавать товары по новым ценам, среди рабочих и служащих произошел взрыв возмущения. Особенно драматические события развернулись в Гданьске и некоторых других городах на побережьи. 14 декабря здесь начались забастовки, демонстрации и манифестации, кое-где имел место разгром продовольственных магазинов. По приказанию Гомулки и его ближайшего окру-

жения полиция и войска безопасности открыли огонь по демонстрантам, при этом десятки людей были убиты и сотни ранены. Эта расправа усилила возмущение рабочих. В Гданьске начался не только разгром магазинов, но и общественных зданий, помещений партийных комитетов. Беспорядки перекинулись на другие города: Штеттин, Сапот и другие. Забастовки возникли в Силезии, беспокойство охватило рабочих Варшавы. В Гданьск, в Варшаву и в другие города были введены подразделения польской армии, включая бронетанковые войска. Только 17 декабря Польское агентство печати распространило невразумительное и лживое сообщение, опубликованное и у нас в газетах, где все эти события объяснялись действиями авантюристических и хулиганских элементов, не имеющих ничего общего с рабочим классом.

Фактически в Гданьске и некоторых других городах было введено военное положение и объявлен комендантский час. 17 декабря, стремясь запугать рабочих, Совет Министров ПНР принял специальное постановление об обеспечении безопасности и порядка. Этим постановлением вменено органам гражданской милиции, службы безопасности и другим взаимодействующим с ними органам (т. е. армии) принять «все меры принуждения, доступные с правовой точки зрения, вплоть до применения оружия против лиц, совершающих насильственные покушения на жизнь и здоровье граждан, совершающих грабежи и уничтожающих общественное имущество и объекты.»

В воскресенье 20 декабря события в Польше приняли, однако, иной оборот. В Варшаве был неожиданно созван новый пленум ЦК. Гомулка не явился на пленум, заявив о своей болезни. На пленуме было принято решение отстранить от власти в партии и в стране Гомулку и его ближайших сподвижников: М. Спыхальского, З. Клишко, Ю. Циранкевича и некоторых других. Фактически заменен весь Секретариат и изменен состав Политбюро. Первым секретарем ЦК избран Э. Герек. В Политбюро вошел и *Мочар*, которого считают националистом и сторонником жесткого курса. Однако основные рычаги власти взяла в свои руки группа, возглавляемая Гереком (вероятно, без объединения групп Мочара и Герека нельзя было формально устранить Гомулку). Таким образом, Гомулка разделил участь Новотного в ЧССР, Ракоши в Венгрии и Югова в Болгарии.

Как партийный деятель Герек был наиболее популярен в Польше. В последние годы популярность Гомулки здесь непрерывно падала, а популярность Герека росла. Герек имел много друзей и среди польской интеллигенции. Уже в 1968 году во время происходившего тогда в стране политического кризиса на некоторых массовых собраниях уже выдвигались предложения о замене Гомулки Гереком. Тогда основной силой движения была интеллигенция, которую не поддержали, однако, ни рабочий класс, ни крестьянство. Дело кончилось массовыми административными и партийными репрессиями против части интеллигенции и выселением почти всех польских евреев. Герек в 1968 году сделал определенный политический маневр и поддержал Гомулку и его политику. Но сейчас именно Герек возглавил оппозицию группе Гомулки.

Председателем правительства ПНР избран 22 декабря на заседании сейма П. Ярошевич. Объявлено о мерах по улучшению материального положения трудящихся. Повышение цен отменено.

10. Судебный процесс в Ленинграде

В декабре внимание мировой общественности наряду с судебным процессом по делу 16 басков в Испании и делом А. Дэвис в США привлек судебный процесс в Ленинграде над группой евреев, которые обвинялись в попытке захватить небольшой пассажирский самолет и улететь на нем сначала в Швецию, а затем в Израиль.

На суде присутствовали родственники одиннадцати подсудимых и советские журналисты. Иностранные журналисты на процесс не были допущены. (В Бургосе на процессе басков присутствовало около 30 иностранных корреспондентов). Однако западная пресса и радио широко освещали этот процесс.

Хотя обвиняемые не успели осуществить свой замысел и были арестованы 15 июня 1970 года перед посадкой в самолет (12-местный АН-2 на внутреннем аэродроме «Смольный») они были обвинены в измене Родине и в хищении государственного имущества в особо крупных размерах. За день

до того, как был вынесен приговор баскам в Испании, ленинградский суд вынес подсудимым евреям необычайно жестокий приговор: организаторы группы М. Дымшиц и его помощник Э. Кузнецов были приговорены к смертной казни. Остальные подсудимые приговорены к длительным срокам заключения (от 10 до 15 лет). Только двое подсудимых отделались меньшими сроками.

Столь суровый приговор вызвал волну протестов на Западе и в Израиле, в том числе и в левых организациях. С протестами против решения ленинградского суда выступили многие крупнейшие общественные деятели западных стран, а также некоторые компартии. Экстремистская «Лига защиты евреев» в США объявила, что если приговор будет приведен в исполнение, то она начнет кампанию террора против советских дипломатических и иных представителей за границей.

В кругах московской и ленинградской интеллигенции приговор также вызвал протесты, волнение и беспокойство. Академик А. Д. Сахаров одновременно направил «Открытые письма» Никсону и Подгорному по делу Дэвис и по «ленинградскому» делу.

По кассационным жалобам ленинградский приговор был довольно быстро рассмотрен в Верховном Суде РСФСР. Верховный суд при рассмотрении этого дела 30 и 31 декабря оставил в силе прежнюю квалификацию преступления, но для некоторых подсудимых снизил меру наказания. Для Дымшица и Кузнецова смертная казнь заменена лишением свободы на 15 лет.

Вечером 31 декабря изложение всего этого дела появилось в «Известиях» и в «Вечерней Москве», а также передавалось по радио.

Газета «Известия» излагает сущность дела с большими искажениями. В заметке говорится, что у «похитителей самолета» было огнестрельное оружие, и они предполагали в случае необходимости убить пилотов выстрелами в спину. Самолет в этом случае повел бы бывший пилот Дымшиц. Между тем в группе Дымшица имелся лишь один неисправный пистолет без патронов, который приглашенным защитой экспертом не был признан оружием, так как не мог действовать.

Не только за границей, но и в некоторых кружках московской интеллигенции высказывается предположение, что данный судебный процесс содержит в себе элемент провокации, ее связывают почему-то с именем бывшего первого секретаря Ленинградского обкома В. Толстикова.

О НЕКОТОРЫХ ПИСЬМАХ, СТАТЬЯХ И РУКОПИСЯХ

1. Статья С. Семанова в журнале «Молодая гвардия»

В № 8 журнала «Молодая гвардия» (1970 г.) опубликована статья кандидата исторических наук С. Н. Семанова «О ценностях относительных и вечных». Эта статья является новой программной декларацией той группы «руссистов» или лучше сказать русских национал-шовинистов, которая давно уже группируется вокруг журнала «Молодая гвардия». Представителей этой группы или течения критиковали в нашей печати за то, что они, как правило, искали свои главные ценности в далеком дореволюционном прошлом, в деятельности русских царей и полководцев, неустанно расширявших границы Российской империи, в деятельности русской православной церкви, в творчестве националистических и реакционных философов и историков типа К. Леонтьева и В. Розанова, в деревенской жизни, сохранившей черты патриархальной старины и отсталости.

Теперь «руссисты» «исправляют» и «поправляют» свои националистические построения. Они добавляют в свою систему ценностей и то, что принесла Октябрьская революция. Но делают это по-своему, по националистически. «Хотелось бы подчеркнуть, — пишет С. Семанов, — что в охране и обережении нуждаются не одни лишь памятники далекого прошлого, не только традиции и обычаи, идущие из глубины веков, но и то, что было создано в последние пять десятилетий, и в особенности наша Великая Революция. Ибо эта Великая Революция есть также наше бесценное национальное достояние. И мы, советские граждане, ... гордимся Великой *русской* революцией, открывшей новую эпоху в судьбе Родины и всего мира. Нельзя не гордиться народом, свершившим небывалую в истории революцию, народом, который босиком и куда уж как без приварка создал гигантскую индустрию, народом, чьи сыны с гранатой ло-

жились под вражеские танки, шли на таран, закрывали собой амбразуры. Отсюда вытекает важнейший ценностный критерий применительно к общественным явлениям, ныне происходящим, и притом, смею думать, критерий безотносительный: способствует ли то или иное явление делу укрепления нашей государственности или нет. Вот в чем вопрос» (стр. 316).

Итак, Октябрьская социалистическая революция объявляется делом одного только русского народа, а также, видимо, и индустриализация и победа в Отечественной войне. И эта революция произошла не потому, что Россия была слабым звеном империализма, что народы нашей страны испытывали тройной гнет — помещиков, капиталистов и иностранной буржуазии, а в силу каких-то особых качеств русского народа. И мы должны думать сегодня в первую очередь не об укреплении социалистических начал в нашей жизни, не о развитии социалистических и коммунистических отношений, что предполагает, в частности, постепенное ослабление государственного вмешательства в дела общества, а об укреплении нашей государственности.

И все же главные симпатии С. Семанова связаны с 1937 годом. Ибо одним из последствий Октябрьской революции, если верить Семанову, было временное ослабление национальных начал в нашей жизни, неправильное, нигилистическое отношение ко всякого рода национальным святыням и особенно к деятельности царей, полководцев и русской православной церкви. Подлинный перелом в этом отношении произошел только после 1937 года. И именно этот кровавый период конца тридцатых годов вызывает наибольшее количество восхвалений С. Семанова.

Новая декларация русских шовинистов вызвала много возражений и протестов среди советской общественности. В редакции некоторых журналов поступили убедительные статьи, разоблачающие позицию «Молодой гвардии» (статья Ф. Кузнецова в редакции «Нового мира», Р. Лерт в «Вопросах истории» и др.). Ни одна из этих статей не была, однако, опубликована. Лишь в «Литературной газете» в одной из статей как-то мимоходом сказано, что мол непонятно зачем это «Молодой гвардии» понадобилось браться вновь за решение давно уже решенных проблем.

Ниже мы приводим с небольшими сокращениями статью Р. Б. Лерт.

2. *Статья Р. Б. Лерт «Трактат о прелестях кнута»*

Из статьи С. Семанова «О ценностях относительных и вечных» («Молодая гвардия», № 8, 1970) я узнала потрясшую меня новость. Оказывается, подлинная социальная революция в нашей стране произошла вовсе не в 1917, а в 1937 году!

Можно посчитать это дурной шуткой. Однако вот что — буквально напечатано на странице 319 комсомольского журнала:

> «Теперь ясно видно, что в деле борьбы с разрушителями и нигилистами перелом произошел в середние 30-х годов. Сколько бранных слов было обрушено задним числом на эту историческую эпоху! Любителям вздыхать о «золотом веке», который якобы царил в литературно-художественных салонах 20-х годов, всем тем, кто, кроме этих самых салонов, и видеть ничего не хочет в нашей культуре и народной жизни, — всем им полезно напомнить, что *именно после принятия нашей Конституции,* которая законодательно закрепила огромные социальные сдвиги в стране и в обществе, *возникло всеобщее равенство советских граждан перед законом.* И это было гигантским нашим достижением. Навсегда исчезло подразделение людей на различные категории при поступлении на работу, на государственную службу, в армию, при приеме в учебные заведения. Все честные трудящиеся нашей страны отныне и навсегда оказались слитыми в единое и монолитное целое. Мне кажется, что мы еще до сих пор не осознали всю значимость гигантских перемен, случившихся в ту пору.
>
> *Эти перемены оказали самое благотворное влияние на развитие нашей культуры.»* (Подчеркнуто всюду мной Р. Л.)

Вот так. До сих пор не осознали! И если бы не кандидат исторических наук Семанов, если бы не редакция «Молодой

гвардии» — страшно подумать, но мы, возможно, так и не знали бы, чем же вошел в историю нашей страны 1937-й год...

Теперь мы знаем чем — всеобщим равенством советских граждан перед законом. Остается пожалеть, что кандидат исторических наук пренебрег историческими реалиями. Не пожелал наглядно продемонстрировать, как конкретно осуществлялось это всеобщее равенство в благословенном 1937 году. Будучи современником и в какой-то мере участником исторического процесса (мне в 1937 г. было 32 года), возьму на себя смелость пополнить этот пробел.

В 1937 году я работала в газете МК ВКП(б) «Рабочая Москва». Помнится, ставя в номер статью какого-нибудь секретаря райкома, директора завода, режиссера или писателя, мы отнюдь не были уверены, что этой же ночью наш автор не будет арестован как «враг народа». Мы также не были уверены, что каждый из нас — включая редактора — выйдет завтра утром на работу. В этом смысле уравнение в правах было поразительным. В двадцатых годах ареста боялись бывшие белые офицеры, бывшие меньшевики и эсеры. В конце 20-х — начале 30-х — бывшие троцкисты, старые инженеры и многие крестьяне — единоличники (отнюдь не только кулаки). Начиная с 1937 года, каждый гражданин нашей страны — без различия пола, возраста, происхождения, социального положения и партийности — мог ожидать, что за ним приедет «черный ворон». Состав заключенных в лагерях подтверждал это «всеобщее равенство».

Зато уж вот где без изъятья
Все классы делались равны.
Все люди — лагерные братья —
Клеймом измены клеймены.
. . . . . .
И за одной чертой закона
Уже равняла всех судьба:
Сын кулака иль сын наркома,
Сын командарма иль попа.

(А. Твардовский. «По праву памяти»)

При желании можно было бы созывать в лагерях партийные конференции, съезды писателей, военные советы, совещания академиков, изобретателей, режиссеров, рабочих-стахановцев, колхозников-ударников. Впрочем, желания такого не было. Благотворное влияние равенства заключенных на развитие нашей культуры выражалось в том, что все они — исключая «придурков» — копали землю и валили лес: академики и колхозники, писатели и слесаря, маршалы и художники. Куда уж большее равенство!

Не менее любопытно звучит — при проверке на исторических реалиях — заявление, что с 1937 года «навсегда изчезло подразделение людей на различные категории» — при поступлении на работу, в вуз и т. п.

Социальные ограничения Конституцией действительно были отменены. *По закону* полагалось принять в вуз любого человека, выдержавшего экзамен, на работу — любого, подходящего по профессии и деловым качествам. Но — одновременно с принятием Конституции была ликвидирована законность. Если обходились без законов при решении вопроса о жизни и смерти людей, то тем легче отбрасывались они, когда речь шла о гражданских правах. Вместо прежних ограничений появилось множество новых. Количество их росло с каждым годом и закрывало дорогу все большему числу людей. Что только ни учитывалось при новом «подразделении на категории»: национальность; участие в оппозициях; пребывание за границей; наличие родственников за границей; наличие репрессированных родственников, друзей и знакомых на оккупированной территории... И так далее, и тому подобное.

Прежнее подразделение на социальные категории никем не скрывалось — оно открыто провозглашалось как классовая политика партии и правительства. Новые ограничения, введенные взамен изживших себя социальных, скрывались как постыдная болезнь, ибо были *незаконными*. Категории стали секретными, вслух не назывались и в качестве мотивов отказа не употреблялись (хотя это был секрет полишинеля). Понадобилась сложная система и особый аппарат, чтобы проводить в жизнь эту специфическую кадровую политику. Огромную силу приобрели необычайно разросшиеся отделы кадров, ранее скромно занимавшиеся реги-

страцией сотрудников. Теперь уже не руководитель учреждения, а по существу подчиненный не ему начальник отдела кадров определял, кого брать на работу, кого выдвигать на руководящую должность. Решающую роль при этом стали играть не таланты, не подготовка, не работоспособность, а чистота анкеты, личные связи и... способность к безгласному послушанию.

К чему это привело — я особенно хорошо знаю по близкой мне области журналистики. Двадцатые годы, когда советская печать только еще набирала силу, выдвинули такую блестящую плеяду журналистов, как А. Зорич, Мих. Кольцов, Г. Рыклин, Тарас Костров и многие другие. Попробуйте назвать равное по величию имя, выдвинувшееся во второй половине тридцатых годов. Его нет, и оно не могло появиться. Аресты помогли избавиться от мыслящих, самостоятельных и культурных редакторов. Посаженные на редакторские кресла малоквалифицированные, но зато послушные люди боялись ответственности (впрочем, было чего бояться!) и с каждой строчкой бегали «наверх». Именно со второй половины 30-х годов редакторы перестали редактировать: какой-нибудь инструктор стал не только единолично утверждать планы номеров, полосы, подборки, но и собственноручно «исправлять» стихи, статьи и романы. Именно со второй половины 30-х годов укоренился и получил массовое применение антидемократический метод «заавторства»: автор освобождался от труда высказывать свое мнение по тому или иному вопросу, ему просто приносили на подпись заготовленную в редакции статью. Удивительно ли, что в результате всей этой бурной деятельности читать было уже почти нечего — и иные газеты и журналы различались почти только по верстке.

Тот же губительный для культуры процесс стандартизации происходил в литературе, театре, кино, живописи. Начиная со второй половины 30-х годов в Москве были ликвидированы такие своеобразные, обладавшие неповторимым творческим лицом театры, как театр Мейерхольда, возглавлявшийся Таировым Камерный театр и некоторые другие. Были приняты меры, чтобы театр Революции (переименованный впоследствии в театр имени В. Маяковского) как можно меньше походил на прежний театр Революции, чтобы в театре имени Вахтангова ничто не напо-

минало яростного Вахтангова, чтобы все театры стали одинаковы. Этому процессу стандартизации, разумеется, очень помогли арест и оклеветание В. Э. Мейерхольда и других деятелей театра.

Что касается литературы, то достаточно взять первые пять томов «Литературной энциклопедии», чтобы приблизительно (очень приблизительно!) определить ее потери. В этих томах я насчитала: а) *138* писателей, о которых кратко сказано: «Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно»; б) *22* писателя, о которых этого не сказано (возможно, потому, что к моменту составления 1 тома о них еще не было сведений), но это можно подозревать по ряду биографических данных; в) *40* писателей, подвергшихся репрессиям, но выживших в лагерях и тюрьмах и потерявших «только» 7 - 10 - 17 лет жизни. Итого *200* прозаиков, поэтов, критиков и литературоведов! Это только те, чьи фамилии начинаются с букв «А-П» (до половины «П»), и только те из них, кто попал в энциклопедию (а не попал в нее, скажем, Л. Авербах, который сыграл в советской литературе роль не менее видную и не более вредную, чем к примеру В. Ермилов).

Остается половина алфавита — 15 букв, от «П» до «Я». Сколько еще за ними талантов, погибших в ту пору, «когда русская проза ушла в лагеря»!

К слову сказать, тут тоже соблюдалось полное равенство. Среди зэков были представлены все литературные группировки: рапповец Артем Веселый и перевалец Иван Катаев, лефовец Сергей Третьяков и «попутчик» Бор. Пильняк, пролетарский поэт А. Гастев и крестьянский поэт П. Васильев, старый большевик А. Воронский и беспартийный И. Бабель, изысканный Осип Мандельштам и воинственный Борис Корнилов. И Виктор Кин, и Михаил Кольцов, и Бенедикт Лившиц, и Сергей Клычков — и многие, многие другие...

кто не был писателем к моменту ареста, но мог им стать (кое-кто из выживших, как мы знаем, и стал).

По некоторым данным, всего было репрессировано около 600 членов Союза писателей. Это — не считая писателей, которые еще не стали членами Союза. И — не считая тех,

Расцвет культуры! Примерно такой, как при хунвэйбинах в Китае.

Кстати о культуре. Семанов в своей статье с чуть запоздалым возмущением отзывается о статье лингвиста Г. Винокура, напечатанной в № 2 журнала «Леф» за 1923 год. Он утверждает, что Винокур в этой статье иронически отозвался о начатой в 20-х годах работе по созданию письменности у бесписьменных народов как о «массовом производстве туземных Кириллов и Мефодиев».

Мне не удалось найти этот номер «Лефа». Поскольку горький опыт научил меня не доверять цитатам, вырванным из контекста, не могу судить, иронизировал ли Г. Винокур или восхищался. Но если даже Семанов критикует Винокура справедливо, как смеет он при этом умолчать, что через пятнадцать лет после опубликования упомянутой статьи, когда ряд малых народов уже не только имел письменность, но и создавал свою литературу, молодые побеги этой литературы были, как бритвой, срезаны репрессиями? Это началось как раз в благословенной второй половине 30-х годов (помните: «Эти перемены оказали самое благотворное влияние на развитие нашей культуры»).

Удар, нанесенный в те годы литературе и культуре братских народов нашей страны (и тех, чья культура только еще зарождалась, и тех, у кого она была древнее нашей) — был поистине чудовищным. Некоторые малые народы лишились чуть ли не всей своей любовно выращенной интеллигенции — во всяком случае, ее выдающихся представителей. Не будем здесь говорить о потерях таких литератур, как украинская, грузинская, армянская. Это тяжкие, болезненные потери, они хорошо известны, их понесли литературы древние, богатые, широко разветвленные. Но вот что произошло, например, с удмуртской литературой. Судя по тем же пяти томам «Литературной энциклопедии» (напоминаю, что это только половина алфавита), в 30-х гг. были арестованы и погибли три удмуртских писателя. Об одном из них, Дмитрии Корепанове-Кедра, в энциклопедии сказано, что он — «первый крупный удмуртский прозаик, творчество которого выросло на почве истории и фольклора родного народа», много сделавший для упорядочения удмуртской орфографии и родного языка. Другой, Михаил

Коновалов, не только писатель, но и видный фольклорист — собиратель удмуртских народных песен, сказок и преданий, в частности, о Пугачеве. Много ли было в Удмуртии таких писателей? Погиб в лагере зачинатель черкесской художественной прозы Магомет Дышеков, известный также как выдающийся деятель культуры, автор «Практической грамматики кабардино-черкесского языка» и ряда учебников. Та же судьба постигла первого нанайского писателя — и первого председателя нанайского райисполкома — Б. Ходжера; зачинателей бурятской художественной прозы Ц. Дона — первого наркома просвещения Бурятской АССР П. Дамбинова — редактора первой газеты на бурятском языке; марийского поэта Ипая Олыка, разработавшего четкое силлаботоническое стихосложение, писавшего сонеты, терцины, октавы, переводившего на марийский язык Пушкина, Некрасова и Маяковского; зачинателя чеченской литературы Саида Бадуева; известного татарского (я имею в виду казанских татар) писателя, ученого, публициста и общественного деятеля Галимджана Ибрагимова — члена коммунистической партии с 1917 года, переводчика сочинений В. И. Ленина на татарский язык. Той же смертью погибли башкирские писатели — Амантай, С. Галимов, Г. Давлетшин, И. Насыри, хакасс Вас. Кобяков, осетин С. Кулаев. Точно так же окончил жизнь Текки Одулок — сын маленького до революции вымиравшего народа юкагиров, окончивший в 1931 году Ленинградский университет, автор книги очерков «На Крайнем Севере» (предисловие к ней написал Тан-Богораз) и статей «Юкагиры» и «Юкагирский язык» в БСЭ, автор широко известной и переведенной на многие иностранные языки повести «Жизнь Имтеургина старшего». В лагере или в тюрьме, с клеймом «врага народа», настигла смерть родоначальника якутской советской литературы Платона Ойунского (Слепцова), красногвардейца, бывшего предгубревкома Якутии и председателя ЦИК Якутской АССР, делегата I съезда писателей. Платон Ойунский, переведший в 1921 году на якутский язык «Интернационал», ввел в родную поэзию неизвестный дотоле якутам силлаботонический стих. Он был поэтом, прозаиком, драматургом, лингвистом. Многие его стихи стали якутскими народными песнями.

Мартиролог далеко не кончен, но продолжать его нет сил. По-моему, благотворное влияние 1937 года на культуру

нашей страны выяснено достаточно. Во всяком случае мы получили некоторое представление о происходившем в 30-х годах планомерном процессе уничтожения национальных кадров, воспитанных советской властью в предшествовавшие годы.

А теперь перейдем к той области культуры, монопольное право на защиту которой в последнее время присвоили себе Семановы. Я имею в виду охрану и изучение памятников старины — в частности и в особенности старины русской.

Известно, что Советское правительство с первых шагов своей деятельности приняло меры к охране этих памятников. И все же многие из них были разрушены или пришли в негодность в годы гражданской войны и голода. Это обидно и горько, но — понятно. Тут действовало множество факторов: и веками накопившаяся злоба народных масс, переносившаяся на памятники и предметы обихода царей и помещиков; и контрреволюционная деятельность духовенства в первые годы советской власти; и недостаток средств в разоренной стране; и низкий уровень иных местных руководителей плюс безудержное «левачество» других. Все это было и от этого многое в истории нашей культуры пострадало.

Но храм Христа Спасителя в Москве был разрушен не в первые годы революции. Его спокойно, по плану, утвержденному Сталиным, снесли в тех самых благословенных 30-х годах. И храм Спаса-на-бору (XIV в. с перестройками XVI в.) внутри Московского Кремля, и Чудов и Вознесенский монастыри (XIV-XV вв.) там же, и Красное крыльцо Грановитой палаты, — все это было снесено тогда же, с благословения или по прямому указанию Сталина. При этом на месте Вознесенского монастыря был построен никому не нужный Кремлевский театр бездарной архитектуры.

А ведь в ту пору раздавались еще протесты. Протестовал, в частности, против разрушения памятников русской культуры тогдашний директор Библиотеки имени Ленина, старый большевик В. И. Невский. Но все было тщетно. Памятники архитектуры погибли под ударами ломов, а В.И. Невский — в лагере.

Таких примеров можно, впрочем, привести сотни. Отсылаю Семанова к его единомышленнику и одножурнальцу Владимиру Солоухину. В своих известных «Письмах из Русского музея», напечатанных в той же «Молодой гвардии», редактировавшейся тем же Анатолием Никоновым (№№ 9, 10 за 1966 г.), Солоухин, кое в чем не уступающий Семанову, не позорит себя, по крайней мере, прославлением сталинских деяний в области культуры. Вот что он пишет:

> «С начала тридцатых годов началась реконструкция Москвы. Но ведь еще Владимир Ильич Ленин в беседе с архитектором Жолтовским дал твердое указание (можно найти в соответствующих документах), чтобы при реконструкции Москвы не трогать архитектурных памятников. Как и во многом другом, не послушались Ленина.
>
> Да и не везде была реконструкция. Лучше всего об этом говорит то, что на месте большинства замечательных удивительных по красоте и бесценных по историческому значению древних памятников архитектуры теперь незастроенное, пустое место».

Далее Солоухин называет некоторые из снесенных памятников и заканчивает перечисление их цифрой: «Памятников архитектуры в Москве *уничтожено более четырехсот*...» Более четырехсот только в Москве! И — начиная с тридцатых годов! Интересно, сколько погибло их во время пожара Москвы 1812 года? Во время фашистских налетов в 1941 году? Какое нашествие варваров может сравниться по своим последствиям с нашествием Сталина!

...Цинизм, с которым Семанов датирует начало расцвета нашей культуры 1937 годом, не имеет себе равного. Казалось бы, как может он, Семанов, так пекущийся о русском народе, о его истории, о его «вечных ценностях», столь легко списывать со сталинского счета разгром русской — и советской, и древней — культуры?

А вот может. И тем самым с головой выдает себя. Ибо, в сущности, нет ему дела ни до русского народа, ни до русской культуры, а важна и дорога ему идея русской великодержавности, против которой так боролся Ленин, идея непосредственного наследования советским государ-

ством исторических традиций и принципов государственности «Великия и Малыя и Белыя Руси». А путевку в жизнь сторонникам русской великодержавности дал именно Сталин — и что в свете этого какой-то Чудов монастырь, и погибшие рукописи, и погибшие жизни!

Теперь ясно, каким образом цитированная выше апология тридцать седьмого года попала в статью, претендующую на философское звучание, какое место занимают сталинские репрессии в шкале «вечных ценностей». Ведь только после произведенного Сталиным в 30-х годах разгрома советской исторической науки оказалось возможным, фальсифицируя историю, задним числом реабилитировать русский царизм. Ибо в течение многих лет дисциплинированные «идеологи» по указаниям Сталина под видом прославления русского народа фактически занимались именно реабилитацией русского царизма. Семанов, Чалмаев и прочие «неославянофилы» имеют полное основание питать признательность к Сталину.

Насильственное включение в коммунистическую идеологию чуждой ей идеи национальной исключительности, избранности одного народа было облегчено условиями войны против фашистских захватчиков. Шовинизм паразитировал на естественном чувстве национальной гордости (а народу было чем гордиться) и, пользуясь этим, легко перекраивал историю. Александр Невский, Юрий Долгорукий, Иван Грозный и Иван Калита были причислены к лику святых на том основании, что «исторически прогрессивен оказался их жизненный путь». В то же время были оклеветаны многие национально-освободительные движения (Шамиль и др.). Почти не было такого деяния царской армии, администрации, дипломатии, которое не обелялось бы послушными моментальниковыми, наловчившимися создавать амальгаму из марксистских фраз и шовинистических концепций. Чего стоила хотя бы до сих пор имеющая хождение легенда о «добровольном» вхождении в состав Российской империи всех угнетенных народов, усмирение которых сопровождалось потоками крови. Со страниц исторических трудов, романов, учебников исчезла царская Россия — тюрьма народов, жандарм, усмирявший европейские революции, империя, угнетавшая свои колонии и в то же время зависевшая от иностранного капитала. История засияла нестер-

пимым сусальным блеском. Преступлением считалось прославлять тех ханов и баев, которые выступали против царизма, но когда эти ханы и баи шли — и заставляли идти свой народ — «под великую руку белого царя», им благосклонно выдавался титул «прогрессивных» (уж будто бы они предвидели Октябрьскую революцию и Союз Советских Социалистических Республик!).

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства Семановых, Чалмаевых, Лобановых и др.! Как им не любить, не лелеять ее! В ту пору великодержавный шовинизм был объявлен Сталиным единственной и незыблемо верной («вечные ценности!») коммунистической идеологией, а всякое несогласие с ним — антикоммунизмом и антисоветчиной. Интернационализм оставили, в качестве парадного абзаца, «для больших оказий». Все устроилось очень просто, и в этом, кстати говоря, — главная опасность единообразной, устанавливаемой сверху идеологии. Мировоззрение не *вырабатывается*, не упрочняется в борьбе с инакомыслящими — оно получается готовым, как догматы религии, а под прикрытием этих догматов может быть все, что угодно, все, что сочтет полезным для текущего момента идеологический законодатель. И, по мановению пальца законодателя, инакомыслящие — скажем, черносотенцы — не имея другой возможности защищать свои взгляды, с удовольствием устремляются *внутрь* господствующей идеологии, уютно устраиваются в ней и с течением времени основательно ее перерабатывают. Так вырастают Софроновы с их гимном казачьей нагайке, Феликсы Чуевы с их агрессивным национализмом, а несколько позже — кандидаты философских и исторических наук, пытающиеся подвести «марксистский базис» под «необходимость самовластья и прелести кнута».

Твердо стоя на этих сталинско-победоносцевских позициях, Семанов яростно обрушивается на одного из старейших большевиков, ученого-историка Михаила Николаевича Покровского, написавшего первую марксистскую историю России — «Русскую историю в самом сжатом очерке». Вот как пишет Семанов о трудах Покровского, наиболее активная деятельность которого пришлась, как подчеркивает автор, на двадцатые годы:

«Покровский и его последователи установили в ту пору подлинную монополию в исторической науке, весьма сурово расправляясь со всеми инакомыслящими. Покровский и его школа поставили перед всей историей России жирный знак минус и переписывали эту историю по принципу «от противного». Так в деятельности великого преобразователя России Петра I Покровский усмотрел только пьянство и сифилис. В его очерках русской истории (которые правильно было бы назвать очерками антирусской истории) почти не упоминались Суворов и Кутузов, Севастопольская эпопея 1854-1855 годов и многие иные лица и события, ставшие (и *оставшиеся*!) *священными* для всякого гражданина-петриота». (Подчеркнуто мною. Р. Л.)

Покровский действительно писал *историю*, а не *священное писание*. Ни Петр I, ни Суворов, ни Кутузов, ни даже декабристы, народовольцы (и, я полагаю, и большевики) не были для него иконами, а были историческими деятелями своей эпохи со всеми ее особенностями и своеобразием. И ту грязь и кровь, которой полна история всякой страны (и нашей в том числе) он не находил нужным скрывать от читателя. Видимо, так следует поступать всякому настоящему ученому. Да и почему, собственно, Петр I и Суворов — при всех их талантах — должны быть «святыней» для социалистической страны? Даже на тех деятелей, которые возглавляли борьбу нашего народа за свободу и независимость, историк не должен молиться, он и их обязан показывать правдиво. Но чем, скажите на милость, священен для нас Александр Васильевич Суворов? Завоевательными походами против Турции? Войной против Французской революции? Покорением Польши? Пленением Пугачева?

Да, Суворов был выдающимся полководцем и своеобразной, интересной личностью. Но ведь и хан Батый, император Наполеон Бонапарт, Фридрих Великий, адмирал Нельсон и генерал Ли тоже были люди не бездарные. Их походы и сражения надо изучать, книги о них надо писать — но значит ли это, что перечисленные выше талантливые завоеватели, выдающиеся душители свободы являются «вечной святыней» соответственно для монгольских народов, для французов, немцев, англичан, американцев?

Не думаю, чтобы с такой постановкой вопроса согласились коммунисты и вообще прогрессивно мыслящие граждане этих стран.

Отдавать должное талантам исторической личности вовсе не означает положительно оценивать ее деятельность. Тезис Семанова о *незыблемости, вечности, святости* положительных оценок, данных тому или иному государственному деятелю официальной исторической наукой или апологетической литературой — тезис по существу антиисторический, глубоко реакционный. Не только ученый, просто мыслящий читатель не может сегодня оценивать Суворова так, как оценивал его Державин, относиться к династии Романовых так, как относился к ней Карамзин, а деятельность Сталина рассматривать в духе «Краткого курса истории КПСС». Разумеется, я не обвиняю ни Державина, ни Карамзина в фальсификации — просто они были людьми своей эпохи. И напрасно Семанов делает выговор своему сожурнальцу М. Алпатову, осмелившемуся назвать Карамзина «дворянским Геродотом». «Как можно, — в ужасе восклицает Семанов, — выразиться в таком тоне о Н. А. Карамзине! Карамзине, который был не только серьезным и оригинальным историком, но и крупным писателем, кому Пушкин посвятил «Бориса Годунова»!

Да почему же нельзя? Пушкин, как известно, посвятил Карамзину не только «Бориса Годунова», но и входящую во все собрания его, Пушкина, сочинений эпиграмму, из которой заимствован заголовок этой статьи:

На Карамзина

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута

Литературоведы, правда, делают сноску, указывающую, что принадлежность этой эпиграммы Пушкину с абсолютной точностью не установлена. Однако идейно-художественная близость ее творчеству Пушкина несомненна. Во всяком случае, эпиграмма ходила по рукам при жизни Карамзина. Почему же ныне, полтора века спустя, Семанов не дозволяет определить социальную суть мировоззрения

Карамзина — историка серьезного и оригинального, но ретроградного даже с точки зрения его современников?

Вернемся к Покровскому — историку тоже серьезному и оригинальному, но писавшему столетием позже.

Утверждение, будто Покровский и его последователи монополизировали историческую науку, звучит смешно для тех, кто знает реальную обстановку 20-х годов. О какой монополии могла идти речь, если книга Покровского была *первым* марксистским учебником русской истории? До его появления монополию в русской исторической науке держали монархисты, к которым примыкали кадеты. Мое поколение (мне в 1917 году исполнилось 12 лет) вплоть до 1922 года училось по учебнику монархиста Платонова, взгляды которого на русскую историю были, помнится, чуть-чуть прогрессивнее взглядов Семанова. Естественно, что большевик Покровский боролся и с монархическими, и с кадетскими концепциями русской истории. Что же до методов этой борьбы, то они, уж конечно, ни в какое сравнение не могут идти ни с методами, применявшимися для «пресечения» самого Покровского, ни тем более — с чудовищными расправами, учиненными Сталиным над советскими историками во второй половине 30-х годов.

Я не собираюсь заявлять, что в трудах М.Н. Покровского нет недостатков и ошибок. Не будучи историком, не беру на себя смелость анализировать эти труды. Однако при внимательном чтении любой читатель заметит, что если в чем и можно обвинить Покровского, то, конечно, не в «антирусских» тенденциях, а в некотором отзвуке «экономического материализма». Очень много экономики и мало политики. Мало исторических лиц, мало хронологии. А главное — недостаточно прослежено опосредование политики и идеологии, которые подчас слишком прямо, слишком непосредственно выводятся из «цен на пеньку и хлопок».

Это детская болезнь, так же свойственная раннему периоду нашей исторической науки, как вульгарный социологизм и «левое ребячество» — раннему периоду нашей литературы. Почему бы и не сказать об этой болезни? Почему бы даже не подчеркнуть эти недостатки, не замалчивая при этом, что они являются продолжением достоинств

книги, которая впервые ввела непосредственно в ткань изучения русской истории многие важнейшие экономические материалы.

К сожалению, Семанов говорит не об этом.

Не могу удержаться, чтобы не привести мнение ученого, право же знавшего русскую историю. Этот ученый — Владимир Ильич Ленин. Вот что писал он о той самой книге, которую Семанов обозвал «очерками антирусской истории»:

«Тов. М. Н. Покровскому.

5 декабря 1920 г. Москва
Тов. М. Н.!

Очень поздравляю Вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга: «Русская история в самом сжатом очерке». Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на европейские языки.

Позволю себе одно маленькое замечание. Чтобы она была учебником (а она должна им стать) надо дополнить ее *хронологическим указателем.* Поясню свою мысль примерно так: 1) столбец хронологии; 2) столбец оценки буржуазной (кратко); 3) столбец оценки Вашей, марксистской, *с указанием страниц Вашей книги.*

Учащиеся должны знать и *Вашу книгу, и указатель,* чтобы не было *верхоглядства,* чтобы *знали факты,* чтобы учились сравнивать старую науку и новую. Ваше мнение об этом дополнении?

С ком. приветом Ваш Ленин»

Отметим попутно требование Ленина, чтобы изучающие историю *знали факты,* а также буржуазную оценку этих фактов, *чтобы не было верхоглядства.* Оценим деликатную форму критики. Но сейчас дело не в этом. И уж, конечно, не в том, чтобы заставить Семанова замолчать под тяжестью ленинского авторитета. Хотя мне лично как-то трудно представить себе, чтобы Ленин рекомендовал в качестве учебника очерки антирусской истории, и все же не предла-

гаю решить, что прав Ленин, потому что он Ленин (кстати, сам он этого никогда не добивался). Прошло пятьдесят лет. А вдруг Ленин ошибся, а Семанов прав?

Согласитесь, однако, что еще меньше оснований верить на слово Семанову лишь потому, что он — Семанов. Есть простейший выход — перечитать труд М. Н. Покровского.

Сделав это, мы без труда обнаружим истину. Ленинская оценка справедлива, хотя письмо не является подробной рецензией, а представляет собой лишь краткий читательский отклик. А Семанов — ошибается?

Нет, Семанов *лжет*. При чтении, например, мы обнаруживаем, что в четырехтомных очерках русской истории есть глава «Петровская реформа» объемом в 7 печатных листов. Можно соглашаться или не соглашаться с оценкой петровской реформы, содержащейся в этой статье. Но как, не прибегая к прямой лжи, утверждать, что в деятельности Петра Первого Покровский не усмотрел ничего, кроме пьянства и сифилиса?

И тут мы подходим к вопросам из области научной — и не только научной! — этики, к вопросам морали, нравственности, о которых так будто бы печется Семанов, ратуя за безотносительные духовные ценности.

Почему нельзя сказать правду, назвав Карамзина «дворянским Геродотом» (что вовсе для Карамзина и не обидно), поскольку Геродота прозвали «отцом истории», но можно оболгать Покровского, обозвав его «антирусским» историком?

Почему лефовцам 20-х годов Семанов ставит два с минусом за то, что они «избегали вспоминать известные ленинские высказывания», хотя сам он, Семанов, в этой же статье «избегает вспоминать» не только приведенное выше письмо к М. Н. Покровскому, но и известные высказывания Ленина по национальному вопросу?

Видимо, разница в том, что вышеупомянутые лефовцы были, как язвительно замечает Семанов, «поборники всего «левого», а он, Семанов, поборник всего «правого» — и ему, значит, научный закон добросовестности не писан.

Удивительная закономерность: чем больше человек, бия себя в грудь, кричит о «вечных истинах», о «высоких и незыблемых достоинствах души», тем реже вспоминает он о простых человеческих ценностях. Например, об элементарной честности.

В числе вечных, неизменных и ни под влиянием никаких обстоятельств *не изменяющихся* ценностей Семанов числит национальный характер народа. Не знаю, всякого ли народа (об этом он не говорит), но национальный характер русского народа есть, по его мнению, нечто раз навсегда данное, вечное и представленное единственным психологическим типом. Правда, отсюда рукой подать до расизма, ибо если психологический тип народа един, неизменен и вечен, то иначе как кровью, расой это не объяснишь. Правда и то, что, провозглашая неизменность русского национального характера с древнейших времен до наших дней, семановы и прочие радетели обкрадывают русский народ, обедняя его характер и историю, отказывая ему и в богатстве психологических типов, и в способности русских людей переделывать самих себя в процессе творимой ими истории.

Толстовский капитан Тушин, которому Семанов вручает монопольное право представлять русский народ, действительно обладает рядом черт русского национального характера, и эти психологические черты действительно прекрасны и благородны. Несомненно и то, что людей, похожих на Тушина, можно найти и среди декабристов, и среди народовольцев, и среди большевиков.

Но разве только людей одного психологического типа? И неужели этот психологический тип есть некая таинственная неизменная субстанция, только переодевающаяся в различные исторические костюмы? Ведь есть в русском национальном характере и другие черты — и более, и менее благородные, но не менее типические. У того же Льва Толстого в его многонаселенных романах вы найдете множество русских людей с противоположными Тушину психологическими чертами, также весьма характерными для русского народа: вспомним хотя бы казака Лукашку, Василия Денисова, старого князя Болконского, Наташу

Ростову... А у других русских классиков? А в русской истории?

Можно, разумеется, сопоставить капитана Тушина, скажем, с ростановским Сирано де Бержераком — и тогда сразу, и очень выпукло, будут обрисованы национальные типы: вот каков русский герой, а вот каков французский. Можно еще вспомнить литературного предка Тушина — лермонтовского Максима Максимыча — и его несомненного потомка — майора Березкина из романа В. Гроссмана «За правое дело». Но чтобы ограничить национальный характер русского народа одним психологическим типом, надо поставить запретительные знаки перед всеми другими литературными и нелитературными героями.

Если утверждать, как это делает Семанов, «скромность, неприметность и застенчивость» Тушина в качестве основных русских национальных черт, то куда при этой схеме девать, к примеру, Емельяна Пугачева? Дениса Давыдова? Веру Фигнер? Василия Чапаева? А, если говорить о литературных героях, — тургеневских Рудина и Базарова, горьковских Фому Гордеева и Степана Кутузова, наших современников — Григория Мелехова и Мишку Кошевого, Любку Шевцову и Сергея Тюленина? Или, скажем, любимый солдатский герой Василий Теркин: он, конечно, скромен, но ни «неприметным», ни «застенчивым» его не назовешь. А уж он ли не русский человек!

Зачем понадобилось Семанову вытаскивать на свет божий старинную концепцию о смирении и долготерпении как основных добродетелях русского народа, да еще приплести к этой концепции толстовского Тушина? Почему во всей истории русского многострадального крестьянства он нашел только одного героя, который должен остаться для нас «вечной святыней» — Ивана Сусанина? Почему не заметил он бунтарей, не мирившихся с рабством, шедших на плаху и в петлю, борясь против царя и господ — Степана Разина, Степана Халтурина, Тимофея Михайлова? Почему и в русской истории, и в русской литературе для него существуют только два типа героев — великий вождь, ведущий державу Российскую к победам (неважно во имя чего и за чей счет) — и рядовой, скромный и неприметный герой, умирающий, как ему положено, за эту державу?

Почему, как по мановению жезла, исчезли из истории России ее борцы за свободу, ее ученые и мыслители («интеллектуалы», как презрительно именует интеллигенцию Семанов), ее художники и поэты, травимые русским самодержавием?

Я вижу, что нагромоздила много вопросов. Пора ответить на них.

Дело в том, что возмущаясь намеками и аллюзиями, содержащимися якобы в произведениях некоторых современных писателей, Семанов сам весьма склонен к аллюзиям — правда, апологетического характера. Если в произведениях, обличающих Ивана Грозного и Николая I, он усматривает оскорбление современности, это объясняется не особенностями его литературного зрения, а спецификой его политического мышления.* Поскольку вся история государства российского — от Владимира Святославовича, включая Иосифа Виссарионовича — для него есть непрерывный и плавный процесс укрепления державного могущества, поскольку «старь новизну держит», а «прошлое неразрывно связано с настоящим» — естественно, что любое разоблачение нашего рабского прошлого, любое правдивое слово о тирании русских князей, царей и императоров, о пытках и дыбах, об удушении свободного слова, о бесправии многочисленных народов, населявших нашу страну, воспринимаются Семановым как антигосударственное деяние. Он совсем не призывает, как это может показаться, к углубленному изучению истории нашей страны — в том числе

* Перечисляя на стр. 317, чем гордятся советские граждане, Семанов ставит рядом «подвиг народа, освоившего гигантские пространства Европы, Азии и Америки (?)» и «Великую русскую (!) революцию.» Если бы не затесавшаяся в перечислении Америка, можно бы подумать, что речь идет об индустриализации. Но, видимо, автор имеет ввиду гораздо более ранний период. В таком случае следует напомнить, во-первых, что открытую русскими Аляску мы не освоили — династия Романовых ее продала, что освоение гигантских пространств Азии было связано с покорением и вытеснением владевших ранее этими богатствами малых народов, да по сути и не было освоением, потому что богатства этих земель начали разрабатываться лишь после Октябрьской революции; и, наконец, не последнее по значению — что великая Октябрьская социалистическая революция не есть дело рук и национальное достояние одного лишь русского народа, а всех народов нашей страны, что представители всех народов «создавали гигантскую индустрию, ложились под вражеские танки, шли на таран, закрывали собою амбразуры».

и древней (кто бы мог против этого возражать?). Он призывает к созданию исторического иконостаса, к исключению из истории всего не парадного, не вызывающего преклонения. Он утверждает, что важнейший — и притом безотносительный! — ценностный критерий общественных явлений: способствует ли данное явление укреплению нашей государственности или нет. А так как, по его мнению, современный советский человек «ощущает себя наследником своих предков, *законным и благодарным продолжателем их дела в строительстве и созидании нашего великого государства*» (подчеркнуто мною — Р.Л.), то как же не возмущаться ему «критиканами» и «нигилистами»? Ведь не Степан Разин, не Емельян Пугачев, не Радищев, Чаадаев, Пестель и Пушкин, не Белинский, Герцен и Чернышевский, не Некрасов и Салтыков-Щедрин, не Желябов и Софья Перовская, не Георгий Плеханов и не Лев Толстой строили и созидали великую Российскую империю. Они ее, наоборот, подрывали и разрушали. Естественно, что Семанов ведет свою родословную не от этих предков. Он ощущает себя (и стремится, чтобы вся советская молодежь себя ощущала) не их наследником, а наследником Ивана IV, Петра I, Екатерины II и — чем чорт не шутит! — может быть, и Николая I? Ведь как-никак, декабристы были смутьяны, а Николай I свой вклад в могущество империи сделал: завоевал Кавказ, расширил пределы государства, подавил венгерскую революцию, превратил Россию в тюрьму и держал в страхе всю Европу. Правда, начав царствование виселицами, он кончил поражением в Крымской войне. Но это можно опустить, оставив в сознании читателя из всей Крымской войны лишь героическую защиту Севастополя.

«Опуская» в нашей истории все то, что способствует не «укреплению государственности», а укреплению революционного сознания, Семанов преследует вполне определенную цель. Он пытается погасить пытливую мысль, воспитать молодежь в духе памятной мне со школьных лет «молитвы после учения»:

«Благодарим тебе, Создателю, яко сподобил еси нас благодати твоея воеже внимати учению, благослови наших начальников, родителей и учителей, ведущих нас к познанию блага, и подаждь нам силу и крепость в продолжении учения сего».

«Сие учение», внедренное в советскую историографию Сталиным (именно по его указанию «переписывалась» как древняя, так и современная история) и ныне успешно разрабатываемое семановыми, есть самая обычная, заурядвеликодержавная, шовинистическая концепция, под которой могли бы подписаться и Аракчеев, и Победоносцев, и Столыпин. Вклад, сделанный в это учение некоторыми современными кандидатами исторических наук, заключается, с одной стороны, в неумелой маскировке его фразами о коммунизме и революции, с другой — в умелом паразитировании на насущных для современной молодежи нравственных проблемах, на поисках духовного идеала, на заново решаемых каждым поколением вопросах добра и зла. Весьма годится при этом и пробудившийся у нынешних молодых людей острый интерес к древне-русскому искусству, архитектуре, музыке — интерес сам по себе весьма благородный (возник он, укажем попутно, как реакция на штампованную серость раскрашенных полотен, унылых кварталов современной застройки и бодрых радиопесенок, текст и музыка которых не богаче лексикона людоедки Эллочки). Отдавая должное гениальному Андрею Рублеву, под шумок подсунуть ядовитую идейку национальной исключительности: восхищаясь архитектурой Кижей, проповедовать нетленность и вечность русской государственной идеи: любуясь клинками суворовских «чудо-богатырей», умалчивать о том, сколько свободолюбивых — и русских, и нерусских — голов было снесено этими клинками, — вот линия поведения, вот тактические приемы семановых.

Эти приемы надо знать, и понимать, и развенчивать, потому что наивные люди могут воспринять писания Семанова как патриотические. Это неверно: они — антипатриотические. Как всякий великодержавный шовинизм, они вызывают реакцию в виде обострения национализма у малых народов, порождают чувства настороженности и недоверия по отношению к народу, от имени которого (хотя без всякого его полномочия) семановы во всеуслышание объявляют, что он — руководящий, самый лучший и что вся его история (включающая и угнетение других народов) — святыня. Такие чувства отнюдь не способствуют не только воспитанию интернационализма, но и укреплению государства.

Любовь к родине, верность ей, гордость тем лучшим, что есть в ее истории — чувство естественное, как дыхание. Об этом хорошо сказал Лермонтов в своей «Родине», где он не поминал ни царей, ни князей:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья...

Такая любовь к Родине, как у Михаила Лермонтова, вполне совместима с признанием и уважением патриотических чувств других народов. Перечтите «Валерик», «Беглец» и другие произведения офицера кавказской армии Лермонтова и попробуйте найти у него хоть одно слово радости или гордости по поводу завоевания русскими Кавказа. Или — хоть одно слово осуждения воинов Шамиля, сражавшихся за свою национальную свободу? Таких слов у Лермонтова вы не найдете, хотя он и не изучал в Московском университете учения о справедливых и несправедливых войнах. Почему же ныне нам предлагают восхищаться завоевателем Кавказа генералом Ермоловым, а не борцом за национальную свободу Шамилем?

Любовь к родине только в том случае является высоким достоинством человеческой души, если в этой душе уживается с ней уважение к патриотизму других народов — не только больших, но и малых. Уважение, признание их национального достоинства, их права — точно такого же, как наше — на суверенитет, на любовь и привязанность к своей родине, своей земле, своей культуре. «Я люблю свою мать больше всего на свете», — это естественно. Но «моя мать выше всех матерей на свете» и «вы должны любить мою мать больше, чем свою» — это противоестественно.

Патриотизм вовсе не един, и не вечен, и не безотносителен, как утверждает Семанов. Во-первых, патриотизмов столько, сколько наций и государств, во-вторых — это одно из наиболее относительных и растяжимых понятий. Кто, например, был более верен своей родине — раскаявшийся Достоевский или нераскаянный эмигрант Герцен?

Нет, я не собираюсь здесь ни сравнивать таланты, ни говорить о метаниях души. Но ведь нельзя сомневаться в том, что оба горячо любили Россию. Так кто же был ей более верен: Достоевский, подписавшийся под формулой «православие, самодержавие, народность» или отказавшийся вернуться на Родину Герцен?*

По-моему, Герцен. А по-вашему?

Чей патриотизм является «высоким достоинством человеческой души — пораженца Ленина или оборонца Милюкова? Ромена Роллана или Раймона Пуанкаре? Жанны д'Арк или императора Наполеона Бонапарта? Гарибальди или Муссолини? Тельмана или Гитлера? Во всякой стране, у всякого народа вы найдете два вида патриотизма: один — шовинистический, расистский, утверждающий превосходство своего народа над другими и призывающий — под различными предлогами! — к закабалению их или к «опеке» над ними; другой — революционный, освободительный, борющийся за свободу и своего, и других народов — «за нашу и вашу свободу.» Вы — за какой? Нельзя сидеть на двух стульях, нельзя опираться одновременно на Владимира Ленина и Константина Победоносцева.

Кажется, все ясно. Ясно, что статья Семанова (как и ряд других статей «Молодой гвардии») представляет собой последовательное, логическое развитие сталинской великодержавной концепции и вся — с начала до конца — скрыто полемизирует с Лениным. Но не только с Лениным — и с Плехановым, и с Чернышевским, и с Герценом, и с Радищевым, со всеми русскими революционными мыслителями, противостоявшими твердыне русского самодержавия, а не ощущавшими себя «законными и благодарными продолжателями» его дела. Не так уж часто можно прочесть в нашей периодике выступление, с такой определенностью — и с такой откровенностью! — обнаруживающее, куда увел Сталин нашу идеологию.

---

* Я сознательно ссылаюсь на Достоевского, а не на любимых публицистов «Молодой гвардии» К. Леонтьева и В. Розанова, потому что, упоминая о Герцене, надо брать сравнимые величины. Хотя, надо полагать, и К. Леонтьев, и В. Розанов, и В. Шульгин по-своему — по-черносотенному — любили родину.

Разумеется, Семанов не называет Сталина: он только цитирует его без кавычек и воздает ему хвалу за 1937-й год. Разумеется, Семанов не полемизирует с Лениным открыто — он только воровски скрывает его высказывания. Открыто он нападает лишь на современных «интеллектуалов», «нигилистов и ревизионистов» — и их, впрочем, не называя по именам. Он, например, именует «врагами» (о, золотые времена второй половины 30-х годов!) тех современных писателей и историков, которые, углубляясь в прошлое России, осмеливаются находить в нем мрак, невежество и реакцию. Таким писателям и историкам он отказывает даже в праве любить родину.

Но ведь не современные «нигилисты» писали вот эти слова:

> «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей родине только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной».
>
> (П.Я. Чаадаев, «Апология сумасшедщего»).

И не современным «ревизионистам» принадлежат вот эти строки (которые в сталинские времена были изъяты из всех программ партсети, но которые все же не удалось изъять из полного собрания сочинений Ленина):

> «Мы помним, как полвека назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине . . . » (В. И. Ленин, «О национальной гордости великороссов», соч. т. [26], стр. [127])

Видимо, в понимании Семанова «врагами родины» являются и Чаадаев, и Чернышевский и Ленин.

Дальше в той же ленинской статье сказано:

«Никто не повинен в том, если он родился рабом: но раб, который не только чуждается стремлений к своей свободе, но оправдывает и прикрашивает свое рабство (например, называет удушение Польши, Украины и т. д. «защитой отечества» великороссов), такой раб есть вызывающий законное чувство негодования, презрения и омерзения холуй и хам».

Думаю, что комментировать эти строки не нужно. Напомню лишь еще раз, что имя Суворова, душившего Польшу, Семанов называет «священным для всякого гражданина-патриота». А Украину, согласно сталинской концепции, вообще никто не душил — даже Екатерина II, осчастливившая украинцев крепостным правом. Впрочем, любителей оправдывать и прикрашивать удушение других народов ссылкой на «защиту отечества» можно найти и кроме Семанова.

Лишней, вероятно, покажется оговорка, что как Ленин и Чернышевский, так и современные писатели видели и видят в русской истории не только «мрак, невежество, реакцию и рабство», но и силу духа, подвиги тружеников и борцов России, сверкающие имена ее героев и гениев, самопожертвование ее просветителей.

Все дело в том, что они видят *и то, и другое*. Для историка, как и для художника, не может существовать запретных тем, запретных коллизий, запретных имен. «Белые пятна» на карте нашей истории надо заполнять, где бы они ни образовались: в XII веке или в нашем советском пятидесятилетии. Суть в том, как относится историк к изучаемому им прошлому: как истинный исследователь, для которого нет святынь, а есть события и научный их анализ, или как апологет, «опрокидывающий политику в прошлое» и задающийся целью во что бы то ни стало это прошлое обелить и приукрасить.

Поскольку для Семанова история России не предмет научного исследования, а вся — со всеми своими погромами, виселицами, застенками, попами и царями — «святыня», он грудью встает на защиту всей, чохом российской государственности. Именно ее деятелей, ее воинов, ее певцов и защитников, а не ее ниспровергателей, борцов против нее, великанов духа, — считает Семанов святыми именами

русской истории. Корни советской социалистической государственности он находит в тьме веков — то ли в эпохе Петра I, то ли в застенках Малюты Скуратова, то ли еще раньше — в Киевской Руси.

Предоставляю читателям судить, насколько справедливо и вдохновляюща подобная генеалогия.

Итак, все понятно. Кроме одного.

Почему эта статья напечатана в журнале «Молодая гвардия» — органе Центрального комитета Всесоюзного Ленинского Коммунистического союза молодежи, а не в журнале, именующемся, скажем, «Русская старина»? Или — «Старая Русь»? Или, еще точнее, — «За единую, неделимую Россию!?»

Историки когда-нибудь (желательно поскорее!) ответят на этот вопрос. Полностью. Без умолчаний.

Р. Лерт
член КПСС с 1926 г.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ ПО ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ В СССР И ПО ВОПРОСУ О СИОНИЗМЕ

1. Из статьи А. Арановича «Ближнее и дальнее» (заметки о еврейском вопросе в СССР)

«...Выделим главную часть еврейского вопроса в нашей стране. Она, думается, состоит в дилемме: обособление или ассимиляция? Ведь если бы еврейский народ, два тысячелетия проживший в качестве меньшинства — и притом раздробленного и рассеянного в среде других народов, — развивался так, как подсказывает логика такой жизни, он бы давным-давно растворился и исчез, как исчезли почти все народы древности.

Ассимиляция или обособление — специфически еврейская дилемма, и в ней следует разобраться прежде всего. Само это «или — или», сама дилемма покажется странной, если вы приложите ее к любому другому народу. Считалось и всегда считается естественным, что в каждом народе живет инстинкт самосохранения, не позволяющий ему взять да и отбросить свои национальные особенности и обычаи.

А к евреям приложена другая мерка: инстинкт самосохранения квалифицируется как некое нарочитое обособление. Откуда пошли эти две мерки, нетрудно понять: евреи живут не у себя. Отсюда и вся проблема «обособление или ассимиляция», отсюда и ее первостепенное значение во всем еврейском вопросе.

Но сводится ли к ней весь вопрос, как это многим казалось и кажется? Это мы, может быть, уясним себе после того, как рассмотрим историю еврейской ассимиляции.

Значение и ход ассимиляции

Вопрос «обособление или ассимиляция» кажется несложным со стороны. Чего проще? Надо изучить историю и выбрать решение, наиболее соответствующее прогрессивному ее ходу, а также пользе тех, о ком судят и пекутся. Но народ не живет по схемам опекунов и приговорам судей. Он просто живет, не желая умирать, как не желает умирать любой организм и любая общественная система.

Нет сомнения, ни один народ в мире, если создается обстановка вопроса «быть мне или не быть», не ответит иначе, только «быть». Поэтому выступление А. А. Громыко на Ассамблее ООН в 1948 г. насчет «чаяний значительной части еврейского народа», отразившее тогдашнюю политику СССР по отношению к рождающемуся в муках государству евреев, можно оценивать как прямое согласие великой державы-освободительницы Европы с той «значительной частью еврейского народа», которая ответила «быть».

Но то оказалось лишь кратким эпизодом. Историки его забыли за краткостью, теоретики о нем умалчивают за ненадобностью. В приложении к еврейской истории снова становится обычной и общепринятой теория, согласно которой евреи должны были бы сознательно ассимилироваться, и это было бы прогрессивно на все сто процентов.

Общая всем таким историкам и теоретикам схема, которую они, конечно, считают марксистской, основана на идее некоего противоборства двух тенденций во всей истории евреев, начиная с шестого века до нашей эры, некоей борьбы Ормузда и Аримана: одна тенденция, добрая и про-

грессивная, это — «органическое включение» в жизнь окружающих народов; и другая, злая и реакционная тенденция — обособление, самоизоляция...

Как эти две противоположные тенденции вели себя в эпоху средневековья, когда почти никакой ассимиляции не было, наши ученые не объясняют. Но новейшую ассимиляцию евреев считают вполне естественным процессом, вытекающим из того, что одни евреи, прогрессивные, стремились к «органическому слиянию», тогда как другие, антипрогрессивные и реакционные евреи, стремились удержать их в старинной обособленной общине. Но разве они просто «стремились»? Разве ничто не толкало их извне?

На самом деле все происходило гораздо сложнее, чем изображают наши специалисты. Преследования евреев в средние века действительно укрепляли прежде всего их стремление само-изолироваться и замкнуться в себе (хотя во многих случаях, в частности, в Испании, преследования инквизиции достигали своей цели и вынуждали некоторую часть евреев принять христианство, чтобы «органически слиться с окружающей средой»).

В новое время дискриминация евреев систематически вызывала одновременно два противоположных стремления: одних она толкала к обособлению, а других, очень многих, главным образом, молодежь — к слиянию с окружающей средой. Две тенденции росли из одного корня. И корня — ничуть не прогрессивного, а реакционного: религиозные преследования. Растущая из такого корня ассимиляция — не «естественная», не «прогрессивная», — она грубо и откровенно вынужденная.

Ассимиляция евреев России во многом отличалась от ассимиляции евреев Западной Европы. И в самой России она в разные эпохи имела глубоко различный характер. В те годы, когда Ленин писал свои статьи против Бунда, она была одна. В первые десятилетия после Октября — совершенно иная. А сейчас — снова иная.

Никогда до 1917 года в России не было «естественной» добровольной ассимиляции евреев. Среди молодежи господствовало сознательное желание ассимилироваться и сделаться похожими на русских, — причем именно на русских, хотя подавляющая часть евреев России жила до революции

в украинских, белорусских, польских и литовских местечках. В местечке могло быть всего полдесятка русских: почтмейстер, учитель, фельдшер, урядник и священник. А евреи стремились ассимилироваться не с украинским или белорусским огромным большинством, а с этим пятью русскими. Где же тут естественная ассимиляция? Напротив, она в высшей степени странная и неестественная. Евреи, преследуемые царизмом, оказывались в роли невольных проводников руссификаторской политики царизма.

Ассимиляция, если она происходит в условиях равноправия, обычно стихийный и не имеющий прямой цели, прямого «умысла» общественный процесс. А в России до 1917 года она имела характер нарочитого, задуманного, целенаправленного приспособления и обрусения. Именно обрусение, а не ассимиляция с украинским, белорусским и литовским населением, было главным лозунгом просветительской еврейской литературы еще в 60-х годах прошлого столетия. Тогдашние властители дум еврейской молодежи, руководители «гаскалы» (просвещение) боровшиеся с религиозной косностью и темнотой — Лилиенблюм, Л. Гордон, А. Леванда и другие проповедовали русский язык и русскую образованность. Лев Гордон писал: «Обрусение не мешает нам оставаться по религии евреями, равно как и еврейство нисколько не препятствует нам делаться русскими».* В 1863 году в Петербурге было основано «Общество распространения просвещения между евреями», под председательством известного капиталиста Горация Гинцбурга (в нарушение великолепной якобы марксистской схемы, требующей, чтобы капиталисты стояли обязательно за обособление, а за ассимиляцию ратовали бы прогрессивные некапиталистические элементы). Вскоре было открыто одесское отделение этого общества, с единственной целью, как провозглашала опубликованная им программа, содействовать «усвоению евреям русского языка, как языка народного». В Житомире организовалось «русско-еврейское общество» с той же целью: «слияние».**

---

* Еженедельник «Ганармель, 1866, 121-2.

** «Оно ставит себе задачею способствовать слиянию еврейской народности с русской, развивая убеждение, что именно в этом слиянии заключается вернейший залог благосостояния евреев в пределах России» (см. «Гакармель», 1866, 40-1).

И тут, как ни странно, обнаружилось совпадение целей «просвещенцев» с целями правительства, которое после подавления польского восстания предприняло решительные меры для обрусения «северо-западного края» (Польша и Литва) через школу. Душитель Польши министр М. Н. Муравьев видел в русских школах с их «духом русских начал» главное средство принудительного обрусения всех «инородцев». Он предписал (в декабре 1863 года) устроить для евреев сеть бесплатных школ русской грамоты, обязательных для еврейских мальчиков. Муравьев наименовал их «народными» и установил для евреев, не желающих обучать своих детей русской грамоте, штраф от 3 до 25 рублей.

Другое дело, что из этой затеи тогда, в шестидесятых годах, мало что вышло. Но мы о ней упоминаем для того, чтобы отметить, *кто* и *для чего* проводил руссификацию евреев. От бесплатного обучения евреев русской грамоте царское правительство в дальнейшем перешло к ограничениям для евреев, желающих учиться не одной лишь грамматике.

Равноправие евреям не было «даровано» царизмом до его последнего дня. А культуру разрешалось усваивать, — конечно, с соблюдением «процентной нормы» в гимназиях и университетах, чтобы не слишком заскакивали вперед. Царское правительство постоянно исходило из положения, что евреям надобно «заслужить» равноправие, а для этого следует уничтожить в них «фанатизм разъединения и приобщить их к общему началу гражданственности». Эти слова принадлежат не кому иному как царскому николаевскому министру Уварову.

Неравноправие евреев само по себе не будило их дух, а принижало, придавливало его, и только начало капиталистической эпохи могло пробудить в евреях сознание своей униженности и своего неравноправия, — именно капитализм и уравнял евреев Западной Европы в правах со всеми и отменил средневековые феодальные ограничения.

Буржуазные революции в Европе гулко отозвались в среде еврейства — и прежде всего западного. Одно за другим европейские правительства отменили средневековые ограничения в правах евреев и уничтожили средневековые

гетто. Идея равенства, эта важнейшая идея борющейся с феодализмом буржуазии, проникла и в гущу евреев, веками считавшихся ниже всех. Стремление к равенству сразу разбудило застоявшуюся в гетто среду и дало в ней всходы куда более густые, чем можно было ожидать. Разумеется. первой воспользовалась равенством еврейская буржуазия (тогда-то бесправные ростовщики и стали полноправными банкирами), — точно так же, как повсюду в Европе буржуазия первой пожинала плоды революций той эпохи. А уж за крупной буржуазией шла и ассимилировалась средняя и мелкая. И лишь напоследок эхо равенства доходило до ремесленной бедноты.

На Западе вскоре создалось вполне ассимилированное еврейство, отличавшееся от большинства населения прежде всего совершенно своеобразным классовым составом: буржуазия — крупная и мелкая — и ремесленники. Но ни пролетариата, ни крестьянства, ни дворян.

Был, однако, в Западной Европе уголок, где еврейство упорно противостояло новому и где евреев нашлось достаточно много, чтобы, глядя на них, сделать какое-то обобщение. Это Галиция, принадлежавшая тогда Австро-Венгрии (ныне — Западная Украина). Галицийское еврейство оставалось старозаветным. Скученное и нищенское, оно жило в местечках, не ассимилируясь, но продолжая покорно влачить свою долю.

Противопоставление всего западного еврейства галицийскому с его беднотой, с его религиозными школами, с его хасидскими течениями, с его оторванностью от мира, — только оно могло навести на широко известную схему Каутского: ассимиляция *или* обособление. Либо общеевропейский путь для евреев, либо галицийский.

Между тем, в России дело уравнивания евреев в правах и дело их ассимиляции происходило не так, как в Европе. В России, как мы видели выше, до равенства было еще очень далеко, когда ассимиляция уже началась. И тут не жажда растворения, а жажда равенства двигала молодыми поколениями русских и польских (Польша тогда входила в состав Российской империи) евреев. Не ради ассимиляции самой по себе, а ради равенства молодые евреи стремились в университеты. На Западе просвещенный еврей кончал с

обособлением просто и, как ему казалось, кардинально: крестился (это было принято в начале XIX века). Генрих Гейне и отец Маркса вовсе не были исключениями в этой среде. Выйти из еврейской общины казалось выходом из унизительного положения, — по крайней мере для себя и своих детей.

Но имелся и другой выход, в среде еврейской молодежи России более распространенный: разрушить самоизоляцию всех евреев через разрушение самого догмата обособленности. Началом его должно было служить просвещение («гаскала»). Сторонники гаскалы — «гаскилим» (просвещенные), не решаясь восстать против всего религиозного учения иудаизма, восстали против того его догмата, который лежал в основе самоизоляции евреев: против догмата богоизбранности. Ему они противопоставили свою идею: мы не избранный народ, а такой же народ, как все, и хотим иметь права, как все другие. Этих прав русские евреи не имели. Но перед глазами деятелей «гаскалы» стояла Западная Европа.*

В России ассимиляция началась много позже Европы, захватив в царское время лишь некоторую часть евреев — сперва в городах, затем в местечках Украины и в наименьшей степени — в польских, белорусских и литовских местечках. Процесс пролетаризации беднейших ремесленных слоев еврейского народа стал мощным катализатором ассимиляции. Во многих городах России уже в 80-х и 90-х годах прошлого столетия имелись еврейские революционные кружки. По свидетельству Н. А. Бухбиндера,** такие кружки существовали в Одессе, Варшаве, Вильне, Минске, Кременчуге, Гомеле и Рогачеве. В 1883 году возник кружок в Полтаве, в 1884 — в Кишиневе, а в последующие годы — в

* Недаром же целый ряд еврейских писателей прошлого века старались приблизить язык «идиш» к немецкому. Кстати, сам «идиш» представляет собою интересный пример ассимиляции. Идиш — это законсервированный в устах евреев старонемецкий язык, густо пересыпанный словами из языка Библии и Талмуда. Живая в Германии в средние века, евреи ассимилировались в единственном отношении — языковом, но этот процесс тут же перемежался с процессами «обособления» — и немецкий язык начинал жить обособленной еврейской жизнью, евреи приспосабливали его к себе и переделывали по-своему. Ассимилируясь в чужом языке, они сами ассимилировали его и делали своим. И с ним явились в Польшу и Россию.

** Сборник «Еврейская летопись», Петроград, 1923, т. 1.

Нежине, Риге и Могилеве (1889 г.). Сперва это были народовольческие кружки, затем они постепенно стали социал-демократическими. В Варшаве и Вильне они с самого начала имели социал-демократический характер. Изучали социалистическую литературу, вели пропаганду среди еврейской молодежи. Упомянутый автор подробно рассказывает о деятельности этих революционных кружков, оговариваясь, что он перечисляет лишь те, которые состояли из одних еврейских молодых людей, и не упоминает множества таких, куда еврейская молодежь входила вместе с русской. Это ценное свидетельство подтверждается широко известными фактами о составе всех революционных партий в царской России.

Очень поучительно было бы сопоставить участие евреев в политической жизни Запада и России в XIX и в начале XX века. Там — едва заметное (за некоторым исключением в Германии), здесь — активнейшее. Вероятно, это объясняется именно тем, что в Европе ассимиляция евреев началась после их эмансипации, а в России еврейская молодежь уже вкусила от древа познания добра и зла, произраставшего в саду Эдем, но сама находилась по ту сторону забора. Борьба за свое равенство естественно перерастала в борьбу за свободу всех.

В странах, обладавших своими собственными традициями буржуазных революций — во Франции, Англии, Голландии — евреев было много, но для революционной борьбы это не получило никакого значения. В Германии с ее более поздним капиталистическим развитием евреи могли что-то внести в политическую атмосферу, — хотя бы свой дух оскорбленного человека. А в России — и подавно. С одной стороны русские евреи оказались орудием реакционного руссификаторства, а с другой — еще более острым орудием революционного пробуждения масс.

Заметнейшим явлением предреволюционной эпохи была необыкновенная политическая активность еврейской молодежи России. Ведь это факт, пусть даже его упорно замалчивают сегодняшние историки русского революционного движения: и в обеих социал-демократических партиях — большевиков и меньшевиков, — и в партии эсеров евреи составляли непропорционально большой процент. Ему соот-

ветствовала такая же непропорциональность в составе руководства социал-демократических партий России. Возьмите стенограммы первых тринадцати съездов большевистской партии. И не забудьте при этом, что фамилии Каменев, Зиновьев, Троцкий, Свердлов, Сокольников, Радек, Володарский, Гусев, Ларин, Литвинов, Землячка и т. д. и т. д. принадлежат людям еврейского происхождения. Вспомните, что многие деятели других партий также вышли из евреев: Мартов, Дан, Либер, Гоц, Парвус и др. К тому же еврейская молодежь входила не только в ряды социал-демократов и эсеров, — имелись и многочисленные еврейские партии, от сионистов до Бунда.

Активность была не только политическая, — это было стремление войти во все сферы умственной жизни страны и во все, сколько удалось бы, «свободные профессии». Откуда такое стремление? Обычный ответ набитого стереотипами человека: евреи всюду лезут. Есть и другое объяснение, претендующее на марксистскую глубину: дело, дескать, в ассимиляции, — конечно же, добровольной и естественной. Ничего это обяснение не объясняет. Из него мы сумеем лишь понять, почему Бронштейн и Драбкин, Розенфельд и Цедербаум стали Троцким, Гусевым, Каменевым и Мартовым, — но не больше. Корней же повышенной политической и общественной активности евреев России в конце XIX и начале П века это объяснение не вскрывает.

Ходячее выражение «прогрессивная ассимиляция» верно не в том смысле, что она была плодом прогресса, а исключительно в том, что ассимиляция делала многих евреев прогрессивными, передовыми и весьма часто — революционными. И русские, и еврейские студенты того времени происходили в значительной части из среды средней и мелкой буржуазии. Но среди русских студентов имелось немало дворянских детей, а у евреев дворян не было. И еврейская средняя и мелкая буржуазия находилась в гораздо более приниженном и бесправном положении, чем русские торговцы, ремесленники и мелкие чиновники.

Поэтому еврей-студент означало почти всегда революционер. Поэтому и гимназическая еврейская молодежь служила богатым резервом для всех политических партий России.

Что можно узнать об этом из публикуемых сегодня исторических сочинений? Между тем, у нас есть нелицеприятный и авторитетный свидетель — А. М. Горький. В 1919 году в издании Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов вышла его брошюра «О евреях». Написана она была, судя по тексту, в 1915 году или 1916 году. В собрании сочинений Горького ее нет — удивляться не приходится: мы знаем, какие изъятия сделаны из других статей Горького, включенных в его собрание. Горький пишет: «Народ, который дал миру величайших пророков правды и справедливости и который и по сей день озаряет мир людьми великого таланта и ума». И он свидетельствует:

«Из всех племен, входящих в состав империи, евреи — племя, самое близкое нам, ибо они вложили и влагают в дело благоустройства Руси наибольшее количество своего труда, они наиболее энергично служили и служат великому делу европеизации нашей полуазиатской страны... Именно евреи наиболее стойко несли и несут те велике обязанности, за которые их вместе с лучшими русскими людьми награждают ссылкой, тюрьмой, каторгой, и эта стойкость, может быть, косвенно влияет на развитие антисемитизма и погромного дела в России»... Оспорить утверждение Горького конъюнктурные историки не могут, они могут только замалчивать его.

Еврейская молодежь предреволюционной эпохи тяготела не только к социалистическим, но и к сионистским партиям, причем в крупных городах, где было больше еврейского пролетариата и где имелись университеты и множество гимназий (Одесса, Киев), социал-демократические партии имели больший успех среди евреев, чем сионистские. В местечках же, составлявших основу «черты оседлости», преимущественным успехом пользовались сионистские партии, в том числе «Поалей-Цион» («Рабочие Сиона»).

Сионистские партии собирали большие денежные средства в фонд «Керен Каемет Леисраель», что означает в переводе «Фонд существования Израиля», а не «Еврейский колониальный трест», как произвольно перевел (надо полагать, не без умысла) Ю. Иванов. Он составлялся из добровольных взносов, и незадолго до первой мировой войны не было в местечке еврея, который не внес бы своего

пожертвования. Это в косвенной форме подтверждает и сам Ю. Иванов — см. таблицу на стр. 76, которая прямо опровергает его тезис, будто «сионистские идеи отражали лишь желание, лишь стремление еврейской буржуазии к восстановлению утраченного контроля над распавшимися еврейскими общинами». Дался ему этот «контроль над общинами». Начиная от Вавилона и до наших дней, 2500 лет у него все тот же «контроль»! Не говорим уже о том, что делегация СССР в ООН от имени советского правительства признавала право еврейского *народа*, а не еврейской *буржуазии*, на создание государства евреев.

Вышеназванная версия Ю. Иванова насчет «Еврейского колониального треста» мало походит на действительность, какой она была в начале XX века. Зато она удивительно похожа на «Протоколы сионских мудрецов», эту основополагающую книгу расистского еврееведения наших дней.

Стоит вкратце рассказать историю этих «Протоколов». Они появились на свет в 1905 году в качестве приложения к книге Сергея Нилуса «Великое в малом или Антихрист, как угрожающая политическая опасность». Нилус объявил их подлинными документами, переведенными с французского и повествующими о 24 заседаниях еврейских мудрецов совместно с гроссмейстерами масонских лож. На «заседаниях» мудрецы утвердили следующие меры для установления всемирного господства евреев: отмена золотого стандарта, овладение мировой прессой, пропаганда социальных реформ, изнасилование арийских девушек и т. п. Первый экземпляр книги Нилуса положили на письменный стол Николая II. Он читал и делал надписи на полях: «Какая глубина мысли!» «Как точно они (т. е. евреи) выполняют свою программу!» «Не может быть сомнения в подлинности протоколов!» и т. п. восторженные августейшие замечания.

Позднее эти протоколы полностью взял на вооружение Гитлер. Они составили весьма важную часть нацистского идеологического багажа. Гитлер и Геббельс на все лады повторяли версию о всемирном еврейском капитале (чем не «Еврейский колониальный трест»?), задавшемся целью поработить весь мир. Разумеется, их нисколько не смущало, что французская полиция к тому времени (а именно в

1919 году), уже установила происхождение «протоколов». Она выяснила, что их составил некий Головинский по поручению резидента тайной царской полиции в Париже Рачковского. Сперва полагали, что Головинский и есть автор. Но год спустя английский журналист Филипп Грейвс случайно купил книжку, в которой слово в слово повторяются «Протоколы», только всюду вместо «Сион» стоит «Франция», а вместо «мы, евреи» — «мы, император». О сионских мудрецах в книжке не было ни слова, а говорилось лишь о масонах. Грейвс послал книжку в Британскую библиотеку, и там установили: то был памфлет против Наполеона III, написанный в 1864 году французом-эмигрантом Морисом Жоли. Памфлет был конфискован и сожжен сразу после выхода, и сохранились лишь несколько экземпляров книжки, в том числе один во Французской библиотеке в Париже. Им то и пользовался Головинский, — на книжке остались видны его пометки. В августе 1921 года «Таймс» напечатал длинные выдержки из этой книжки, а рядом — из «Протоколов»: фальшивка, оказалась полностью разоблаченной. Но людей, упорно желающих ей верить и ее распространять, предостаточно. «Протоколы» переводились на многие языки, от немецкого до арабского. Их последний гитлеровский издатель, фон Леерс, ныне здравствует в Каире. Здесь «Протоколы сионских мудрецов» в арабском переводе продаются беспрепятственно и имеют широкое распространение, как, впрочем, и «Майн Кампф» Гитлера.

Но вернемся к вопросам «обособления» и «органического включения». Изучая процесс ассимиляции евреев, нельзя не обратить внимания, с какой быстротой он проходил в XIX и XX веках повсюду: сперва на Западе, а позже — в России. Ни один народ не движется столь быстро по пути самоликвидации. Объяснять быстроту ассимиляции евреев особенностями их национального характера — несерьезно. Ближе к исторической действительности другое: почти два тысячелетия евреи оставались народом без крестьянства. А крестьянство — самый неподвижный и консервативный класс общества (по крайней мере, до середины нашего века, когда крестьянство в классическом своем облике вообще начинает исчезать в связи с колоссальным ростом производительности земледельческого труда). Крестьянство на всем протяжении истории каждого народа накладывало на

него свою печать, хотя непосредственно печать эта и находилась в руках другого, высшего, но всем своим существованием связанного с ним класса — в руках дворян. Русские великие писатели, художники и музыканты XIX века — в большинстве дворяне, воспитанные в усадьбе среди крестьянского моря. Отсюда-то и великая народность их творчества. И весь характер русского народа — в истоках своих есть характер русского крестьянина.

Консервативные еврейские традиции, о которых столь много толковали и толкуют различные специалисты от царского министра Уварова до новейших сионоведов, имеют одну особенность, не отмеченную ими: весь еврейский консерватизм лежит в области религиозных установлений и запретов. После потери религии (и даже просто *вне* религии) вместо консервативности обнаруживается удивительная гибкость, мобильность и приспособляемость. Как и любой другой народ, евреи имеют какие-то свои особенности в складе ума, — это ум, чуждый крестьянской непосредственности и простоты, но зато обостренный веками напряженной борьбы за свое физическое существование. Гибкость еврейского ума можно считать либо положительным, либо отрицательным свойством — как вам будет угодно, но с консервативностью она ничего общего не имеет.

Историческое развитие пошло так, что еврейский народ, обособленный и поэтому резко отличный от других народов, сложился к XIX веку уродливо в классовом отношении: полное отсутствие крестьянства — при несоразмерном развитии крупной и мелкой торговой буржуазии. Поляковы и Гинцбурги составляли ее верхушку, но внизу пирамиды копошились сотни тысяч мелких и мельчайших торговцев, бродячих разносчиков и базарных лотошников с копеечными оборотами и нищенскими доходами И чем далее, тем все более нищала эта масса, эти сотни тысяч торговцев булавками.

Кроме мелкой и мельчайшей торговой буржуазии значительную часть еврейского народа составляли ремесленники, еще более, если это возможно, нищие. «Человек воздуха» — классическое определение Шолом Алейхема выпукло характеризует источники еврейских заработков в «черте оседлости». В этом, между прочим, и состояла та эконо-

мическая общность, пусть и своеобразная, которая характеризует единую нацию и сохраняет ее единство.

Иные историки склонны заявлять, будто ростовщичество было чуть не единственным занятием евреев и в средние века, и в начале нового времени. Это скорее взято из «Венецианского купца», чем из действительности. Среди евреев в Австро-Венгрии, Польше и России, куда постепенно передвинулось большинство еврейского народа, ростовщичество занимало ничтожное место.

Развитие капитализма в России сопровождалось появлением в Петербурге нескольких десятков пронырливых и особо бросающихся в глаза евреев-дельцов. Их заметили и зло изобразили Некрасов и Салтыков-Щедрин, но не могли они видеть того, что происходило в те же годы в еврейском местечке. В результате ряда неурожайных лет нищее население «черты оседлости» стало окончательно пауперизироваться. Местечку некуда было податься, кроме как в города, где начался, как уже отмечалось, быстрый рост еврейского пролетариата.

До 1917 года ассимиляция евреев в России была (вернее, казалась) дорогой к равенству, — дорогой, на которой все надписи писались только по-русски, так что желающий по ней идти должен был непременно выучиться русскому языку. После революции равенство перестало быть целью каждого, — его получили все, полностью и сразу. Они и вошли в революцию в первых ее рядах, дав ей сотни бойцов и командиров, политработников и продкомиссаров, дав ей и первого (Каменев) и второго (Свердлов) председателя ВЦИКа.

С первых дней Октября уже не поиски равенства, как некоей манящей издали цели, а само равенство сделалось могучим рычагом ассимиляции, — более могучим, чем все прежние. И она впервые стала действительно естественной, добровольной и прогрессивной, — ибо только равенство наций, исключающее всякую несвободу личного выбора, делает ассимиляцию добровольной. Лучшим показателем добровольности ассимиляции было то, что параллельно с нею происходило свободное развитие культуры на языке идиш. Расцвел еврейский театр и еврейская литература.

Настроения в пользу «Эрец Исраель» — земли Израиля, резко было возросшие (особенно на Украине, в ответ на петлюровские, махновские и белогвардейские погромы), стали ослабляться после 20-го года. Но эмиграция в Палестину не находилась под запретом.

До введения паспортной системы в декабре 1932 года, целых пятнадцать лет революции, не существовало того специфического способа разделения народов, который она с собой принесла. Введение паспортной системы и «паспортного режима», как его называют его проводники, само по себе означало резкую политическую перемену.

Революция ее отменила, а тут снова навязали ее народу. Причины ее введения не имеют связи с национальным вопросом, но в ней самой обнаружилось зерно, из которого выросло нечто совершенно новое для национальных отношений. Это — графа «национальность».

В дальнейшем придется посвятить немало внимания рассмотрению дерева, выросшего из этой невинной на первый взгляд графы.

Национальная принадлежность и национальная интеллигенция

Нет еврея, незнакомого с термином «пятый пункт». На пятый пункт анкеты отвечают и киргизы, и армяне, и коми. Но для них он имеет положительный смысл, точнее — формально-положительный. Согласно пятому пункту выдвигают людей коренной национальности, как это у нас называется. И в местные вузы принимают с предпочтением. Из-за необходимости набрать нужный процент учащихся в местный вуз снижаются требования к абитуриентам, а из-за этого, в свою очередь — уровень преподавания. Абитуриенты коренной национальности на предоставленные им привилегии не жалуются. Но евреи коренной национальностью нигде в СССР не являются. Потому они так хорошо знают про пятый пункт. В свое время сей пункт привел в ссылку советских немцев, чеченцев, крымских татар, калмыков, карачаевцев, балкарцев, ингушей и греков. Сейчас его никто не воспринимает болезненно, кроме евреев и крымских татар.

Так что же, скажут, не выдвигать кадры из национальных меньшинств? На этот вопрос можно ответить: при Ленине их выдвигали, но вопроса «ваша национальность» в анкетах не было, а был вопрос: «ваш родной язык». В СССР живет более полутора миллионов людей, которые числятся немцами. Большинство их считает своим родным языком русский язык, так как они родились в уже обрусевшей семье. Кто они на самом деле? Немцы или русские? Кто В. И. Даль, автор классического словаря русского языка — русский ли он? Его отец был датчанин, приехавший в Россию по приглашению Петербургской библиотеки. Он и русское-то подданство принял лишь за четыре года до рождения своего сына Владимира, будущего составителя словаря. По правилам советской паспортной системы В. И. Даль должен был бы считаться датчанином, так же, как Я. И. Грот, составитель первой русской грамматики, был бы причислен к немцам. Пятый пункт (в паспорте он идет третьим) выдвигает на первое и решающее место признак происхождения, — по нему Даль и Грот не русские, так же, как Беринг или Крузенштерн.

Вопросы, связанные с национальной принадлежностью, национальными отношениями и национальными чувствами, стали в наши дни тоньше и сложней, чем были не только во времена Даля, но и в первые времена Октябрьской революции. В последние десятилетия явно увеличилось то место, какое занимают национальные чувства в общественной психологии людей во всем мире, начиная от Ближнего Востока и кончая Канадой. Но и не только национальные, заметим, а и великодержавные и шовинистические.

Среди ассимилированных евреев, уже забывших, казалось бы, само слово еврей, тоже вдруг проснулись какие-то чувства. Илья Эренбург говорил, что гитлеровцы напомнили ему, что его мать звали Хана. Но что и кто напомнил молодым людям, родившимся после войны? А ведь они ассимилированы полней Эренбурга. Их матерей зовут не Ханами и Двойрами, а Аннами и Верами.

Выясняется: чтобы еврею в наши дни стать русским, недостаточно ассимиляции в языке, культуре, имени, обычаях и даже в национальном самосознании. Мало знать русский язык, как все. Мало восхищаться иконами Рублева,

как все. Мало проклинать Голду Меир, как все. Надо еще что-то.

Когда ассимиляция, несмотря на всю свою полноту, оказывается недостаточной, то тут есть над чем поразмыслить.

Самый естественный, самый человеческий путь ассимиляции — смешанные браки. Но — при одном условии: равенство национальностей, равенство не формальное, равенство, не получающее ударов исподтишка. Это условие предполагает, что национальная принадлежность никому не может быть навязана. Еврей или эллин — зависит от свободного самоопределения каждого индивидуума. Я могу объявить себя индейцем — и вы обязаны со мной считаться. Единственное, на основании чего вы вправе усомниться, это то, что я не знаю индейского языка. А по правилам паспортной системы — пусть молодой человек не знает ни одного еврейского слова, кроме слова хохма, да и то не подозревает, что оно еврейское. Неважно: по метрике, а стало быть, и по паспорту, его зачисляют в евреи.

Советское правительство до тридцатых годов руководствовалось признаком на первый взгляд менее объективным, чем признак рождения: какой язык ты считаешь родным. И это было правильно, ибо в этом сложном вопросе объективность, возведенная в абсолют, превращается в квазинаучность, в расизм, — а признак, кажущийся вроде бы субъективным, является подлинно научным. Отношение новейших евреев к этому вопросу весьма характерно, оно их выдает. Ю. Иванов, например, пишет, что сионистская организация строится по расовому принципу (см. его труд «Осторожно: сионизм!»).

Это нарочитая подмена понятия национальности понятием раса. Страшное слово «расовый» употреблено с недобрым умыслом. На самом деле в сионистское движение просто привлекают тех, кто сам считает себя евреем, точно так же, как в партию Индийский национальный Конгресс — только индийцев, по признаку не расовому, а национальному, по признаку национального самосознания: в партию Индийский национальный Конгресс не привлекут индийца, считающего себя пакистанцем, хотя именно по расовому признаку их не различишь. Совершенно так же обстоит

дело с евреями в сионистской партии. А вот на пресс-конференции в марте 1970 г. привлекали как раз по расовому принципу, и ни по какому другому. Что дало право академику Митину, писателю Чаковскому и многим другим объявить себя евреями? Только происхождение, а оно, при отсутствии всяких других признаков, и есть чисто-расовый признак. Оно только тогда перестает им быть, когда оно сочетается с субъективным национальным самосознанием. Как ни странно, а субъективное национальное самосознание может стать в некоторых случаях даже единственным признаком, как оно, например, было у датчанина В. И. Даля или у известной израильской поэтессы Элишева, по происхождению чистокровной русачки.

Происхождение имеет силу, если я его сам признаю — и не просто признаю, а ношу с достоинством и гордостью.

Поэтому еврейский писатель — еврей. Но русский академик, никогда вслух не объявлявший себя евреем, в жизни не проявлявший интереса к евреям, знакомый только с русской культурой и с еврейством не связанный, — не еврей, пусть даже для расиста бесспорно, что академик Митин, как и Маркс (мы их объединили нечаянно!) — только евреи. А для марксиста очевидно, что Маркс еврей лишь по крови, а на самом деле — не еврей, но и не немец, и не англичанин: он интернационалист в высшем значении слова. Он — гражданин мира.

Сам этот вопрос — кто есть кто? — для марксиста вообще никогда не имел значения. Он возник лишь недавно, его поставили ученики Маркса-Ленина-Сталина, как они себя называли в своих статьях против космополитов и в защиту советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Конечно, вопрос «кто есть кто?» разрабатывался этими теоретиками отнюдь не из одной научной страсти к познанию, а еще и для того, чтобы подвести некую идейную базу под сталинскую практику решения национальных проблем. Практика эта удивительно совпадала с древнейшими методами царей Ассирии и Вавилона: переселение целых народов, — точнее, не переселение, а угон. Это мероприятие древности практиковалось в СССР еще в трид-

цатые годы, о чем помнят очень немногие и о чем история полностью умалчивает: тогда все корейцы были выселены с Дальнего Востока в разные области страны — на Кубань, в Среднюю Азию, на Северный Кавказ. В некоторых районах Харабовского края и в Амурской области их не осталось совсем. Во всех областях советского Дальнего Востока их сейчас, по переписи 1959 года, 66 тысяч (в том числе 50 тысяч в наиболее отдаленных Камчатской и Сахалинской областях и всего 16 тысяч в тех областях, которые соседствуют с Кореей и Китаем). Тогда как всего по Союзу корейцев 313 тысяч. Почти 80 процентов корейцев живут сейчас за многие тысячи километров от своей дальневосточной родины.

В дальнейшем опыт Навуходоносора был значительно расширен: выслали еще восемь малых народов, о чем мы уже говорили. Общая их численность в 1959 году составляла около трех миллионов (крымские татары переписью отдельно не учтены). Но в момент выселения их было, конечно, значительно больше — огромное множество, не поддающееся подсчету, погибло в тяготах насильственного переезда.

Выселение производилось исключительно по расовому признаку. Если о чеченцах или калмыках еще можно сказать, что никаких сомнений ни с какой точки зрения их национальная принадлежность не вызывала, то о немцах и греках так точно сказать нельзя: среди них обрусевших очень много.

До введения паспортной системы фактически обстояло так, что каждый желающий мог объязить себя гражданином СССР без национальности: государство не занималось уточнением этой стороны вашей личности, оно лишь спрашивало, какой язык вы считаете родным. Так и сейчас ведется в ряде капиталистических стран, например, в Швейцарии. Там формально все швейцарцы, но у каждого родным языком может быть и французский, и немецкий, и итальянский.

Первая степень нарушения этого принципа — запись в паспорте «национальность», а из нее неизбежно вытекает и вторая — когда независимо от записи «русский», начинает интересоватся национальностью обоих родителей, вы-

ясняя, кто же из них еврей? Где дошло до раскопок с целью установить чистоту расы, там уже чистый расизм.

В смешанном браке дети могут унаследовать ярко выраженные еврейские черты, которые вступят в зримое противоречие с официальной записью. Вот тут-то и школьник начинает видеть, что ассимиляция евреев имеет фазу недостаточности: вроде бы слились, но в то же время никак не сольются. Странный народ? Но народ распустить никаким указом нельзя, и сам он себя тоже распустить разом не в состоянии. Евреи объективно народ — до тех пор пока полностью не растворятся (ибо речь идет уже не о культурной и языковой ассимиляции, она достигнута, а о физическом растворении), пока все до бог весть какого колена не смешаются в браках с другими, более многочисленными народами, и пока их потомки полностью не забудут слово еврей. Они то, может, и не прочь хоть сейчас забыть, да им напоминают, и напоминание это лежит у каждого в кармане, возле сердца.

Евреи в СССР народ, социальная общность которого не исчезла. Это именно общность, хотя друг с другом в повседневной жизни евреи сейчас несомненно более разобщены, чем тогда, когда они жили скученно в местечках черты оседлости. Это общность объективная, евреями самими, однако, осознаваемая лишь в той степени, в какой они видят, осматриваясь кругом, неприязнь к себе. Эта общность состоит в том, что они, осуществив полностью любимую каутскианскую идею «слияния», слились не со всей окружающей средой, а лишь с частью ее: в состав крестьянства они не вошли, в состав рабочего класса вошли в очень небольшом проценте (главным образом, в состав рабочих двух-трех отраслей промышленности и мелких предприятий бытового обслуживания). Но зато они вошли в состав служащих и интеллигенции, т. е. не основных классов, а надстроечных групп.

И тут нам необходимо снова вернуться к истории евреев в России, чтобы подробнее рассмотреть в глубине процесса ассимиляции, с которым мы уже ознакомились, одну его важную сторону: образование, учение. А через это учение — формирование тех самых групп, которые сейчас занимают столь заметное место в среде евреев.

Обратимся к группе интеллигенции, поскольку именно она, а не группа служащих является существенным объектом национальной политики. Ведь когда говорят о подготовке национальных кадров, то речь прежде всего идет об учителях, врачах, инженерах и ученых и лишь во вторую очередь — о счетоводах, продавцах и машинистках. Особенно в наши дни формирование кадров означает прежде всего формирование интеллигенции. Кадры национальных служащих не являются сейчас проблемой, хотя в первые годы революции и это было проблемой), а кадры национальной интеллигенции — это важнейший вопрос. Вот о ней и речь: как шло формирование этой группы в среде евреев, откуда оно началось, как оно сейчас протекает.

С первых же лет революции еврейская молодежь, пользуясь отменой царской «процентной нормы» в школах, бросилась в ученье. Тяга к ученью возникла за много поколений до того. Она давно вкоренилась в быт. И чем теснее с развитием капитализма становились связи между обособленным в черте оседлости еврейством и окружающим миром, тем сильнее росла тяга евреев к общему образованию. В 70-х годах прошлого столетия, после того как царское правительство распространило всеобщую воинскую повинность и на евреев, связи еврейского юношества с русской средой в огромной степени усилились.* Если еще совсем недавно Муравьев штрафовал польских и литовских евреев за нежелание учить детей русской грамоте, то уже через 20-30 лет гимназии сделались заветной мечтой еврейской семьи не только в украинской, но и в литовской части «черты оседлости». Где еще вошло в быт слово «окончивший»? «Окончивший» означало юношу или девушку с полным средним образованием, которое в царское время, как известно, было весьма и весьма нелегко получить. Процентная норма, ограничившая прием евреев (и только их, никого более) в гимназии и университеты, была совершенно открытым, официальным установлением. Так как она касалась лишь казенных гимназий, содержавшихся за государственный счет, то в черте оседлости возникло мно-

* За 9 лет (с 1869 по 1877 г.) число евреев в средних учебных заведениях выросло более чем в три раза. В девяти учебных округах «черты» евреи в 1876 г. составляли более 10 процентов учащихся средних учебных заведений.

жество частных гимназий с высокой платой за обучение, но без процентной нормы. Большое число частных гимназий именно в черте оседлости свидетельствует о том, как велико было стремление еврейской молодежи к образованию.

Для ученья в университете многие еврейские юноши уезжали за границу. Но так как это было по средствам далеко не каждому, то в России в конце XIX века возникла всероссийская организация — союз гимназистов-евреев, охватывавший гимназистов Москвы, Баку, Варшавы, Люблина, Гродно, Пензы, Томска и других городов. Происходили съезды этого союза, даже ЦК избирали. Союз имел свой фонд для помощи гимназистам, уезжающим поступать в заграничные университеты. В фонд вносили свои гроши из денег на завтраки, из репетиторских заработков — ведь никто не был уверен, не придется ли ему самому обратиться за помощью в Союз, когда ему откажут в приеме в университет. Фонд имел за границей человек 20 стипендиатов.

К тому же — то был фонд конспиративный. В нем гимназисты проходили начала подпольной политической организации. В кружках союза читали Маркса, Чернышевского, Лассаля (см. статью А. Клеймана в уже цитированном сборнике «Еврейская летопись». В статье рассказано, главным образом, о польских городах, но при этом добавлено: «Почти все становились сознательными или бессознательными «руссофилами»).

Среди еврейской молодежи стремление учиться всегда было столь сильно, что его нельзя выразить иначе, как утроив этот глагол: «Учиться, учиться и учиться».

Особый национальный психологический склад передается не одними генами. Может быть, в большей степени он наследуется через преемственность семейного воспитания. С очень давних, если не с древних, времен обязательным в еврейской семье было, чтобы мальчики учились священному писанию. Грамотность — понимая ее как знание своей собственной грамоты — была среди евреев-мужчин почти поголовной еще в те века, когда среди немцев и итальянцев грамоту знали лишь священники и монахи. Да и большинство еврейских женщин умели читать молитвенник.

Перемена, которую претерпела в новых условиях преемственность семейного воспитания, была скорей внешней,

чем внутренней: детей, особенно мальчиков, надо по-прежнему учить, только на сей раз уж не хумешу и талмуду, а русской грамматике. Изменился предмет учения, но не сознание его нужности. Можно даже сказать, что линия раздела пресловутых тенденций — к ассимиляции и к обособлению — определялась как раз этим вопросом: чему учить детей — древнему еврейскому алеф-бету или более новому русскому алфавиту.

Стремление учиться было еврейской чертой, на много пережившей еврейскую черту оседлости. Это не заслуга евреев, а в очень большой степени — результат всей той же однобокости исторического развития, о которой уже говорилось, — развития без крестьянства. Косности и малоподвижности крестьянства противостоит подвижность средней и мелкой буржуазии, ремесленников и пролетариев. Мелкая буржуазия страшится будущего, ее вечно мучит опасение попасть в пролетарии. Поэтому мелкая буржуазия особенно хотела бы дать своим детям образование, чтобы они избежали этой доли. Разбогатеть у сыновей портного и бакалейщика шансов нет, — но они могут стать провизорами или адвокатами.

После революции осуществление заветной мечты еврея стало куда легче, способствуя ускоренному распаду еврейского местечка. Молодежь подалась в большие города — работать, но прежде всего — учиться. Старшее поколение потянулось туда же вслед за своими детьми. Статистики на сей счет нет нигде, но есть пример: местечко, в котором родился автор этих строк. Оно самое среднее и типичное еврейское местечко Украины. Уже к 1925 году в нем не осталось ни одного молодого еврея: все разъехались — часть на работу в большие города, еще большая часть — на учебу, в города же. В одной Москве к 1930 году жило девять молодых людей из этого захолустного и столь далекого от столицы маленького местечка. Этот процесс происходил и в соседних местечках. Он был всеобщим.

Естественно, что число евреев-рабочих в городах в связи с распадом местечка несколько увеличилось — быть торговцем становилось стыдно, и тяга к свету стала выражаться не в том одном, чтобы учиться, но и в том, чтобы пролетаризироваться.

За годы 1920-1926 городское население СССР увеличилось на 6 миллионов — на 20 %. Сельское же увеличилось только на 4 % («Население СССР» П. Г. Подъячих. Москва 1961). Надо полагать, что добрую часть этих шести миллионов роста составили евреи — точных данных у нас нет, но каждый мало-мальски наблюдательный человек, помнящий эти годы, знает, что переезд евреев в крупные города значительно обгонял темпы общего роста городского населения.

Процесс урбанизации еврейского населения резко усилился после войны. Фашисты почти поголовно истребили население местечек. Еврейского местечка больше нет, память о нем осталась лишь в произведениях классиков еврейской литературы да в картинах нескольких современных мастеров живописи, неспособных его забыть, — в частности Шагала. Концентрация евреев в крупных городах достигла своего предела, дальше просто некуда.

В то время, как, согласно переписи 1959 года, сельское население составляло 44 процента всех жителей страны, среди евреев этот процент оказался в десять раз ниже: только 4,7 по Союзу (106 тысяч из 2 миллионов 267 тысяч). А на Украине — и того меньше, — 3,75 процента. Надо иметь в виду, что сельскими местностями считаются также и пригородные села, в которых, кроме крестьян, живут и горожане. Вокруг Москвы, например, в 1959 году, к которому относится приведенная выше цифра, имелись десятки сельсоветов: Воронки, Ильинское, Барвиха, Новоивановское, Мамоново, Юдино, Акулово, Митино, Мальцево и многие другие. Во всех этих селах жили московские евреи — много ли их состояло членами пригородных колхозов?

Среди горожан, хорошо известно, стремление к высшему образованию значительно выше, чем среди жителей села. По данным Академии Педагогических наук, недавно приведенным ее президентом В. Хвостовым («Известия» № 213), свыше 80 % старшеклассников в городе хотят поступить в вузы. А евреи — сплошь городские. Из всего своего прошлого ассимилированный еврей дольше всего сохраняет свою черту — книжность. Не будет ошибкой сказать, что не 80, а все сто процентов евреев страстно хотят, чтобы их дети после средней школы пошли в вуз. Удается ли им это, — другой вопрос. Но хотят все.

Немудрено, что вместе с процессом урбанизации уже не первое десятилетие происходит стремительный рост числа людей умственного труда среди еврейского населения.

По переписи 1959 года на каждые десять тысяч евреев приходится 270 научных работников, тогда как из десяти тысяч русских — 48 научных работников, из украинцев — 24, из литовцев — 30, из молдаван — 9 и т. д. Если даже учитывать только городское население, то все равно получится, что из 10 тысяч русских горожан не более ста научных работников. Это все еще почти втрое меньше, чем 270 научных работников — евреев. Данные о научных работниках в 1959 году отражают процессы предыдущих лет: ведь эти люди поступили в вуз в сороковых годах, не позднее. И не сразу же получилось такое превышение, а постепенно накапливалось, — да не годами, а десятилетиями, ибо слишком значителен разрыв, чтобы он мог образоваться за пять или десять лет. Таким образом, и в этой цифре ярко проявилась та давняя тенденция, о которой шла речь выше. Тут дело не в особых «высших» способностях — чепуха это! Теория высших способностей служит расизму. Не в наследственных способностях дело, а в преемственности семейного воспитания и более всего — в тех специфических социальных условиях, которые исторически создавались в среде еврейского народа и которые, собственно, и обеспечили такую стойкость этой преемственности.

Формирование еврейской интеллигенции совершалось без тех поощрительных мероприятий, какие практикуются ныне для других национальных меньшинств. Наоборот, именно столь энергичное ее «самоформирование» привело к тому, что поощрительный пятый пункт анкеты стали применять к евреям с обратной целью — попридержать. Саморазвитие еврейской интеллигенции найдено слишком быстрым. Найдено, что в прогрессивной ассимиляции имеется одна сторона чересчур прогрессивная: стремление учиться, учиться и учиться.

Если государство скрупулезно делит людей по национальностям, то оно (и это логически ясно) не может допустить, чтобы национальность, не занимающая количественно видного места в составе населения, занимала слишком видное место в его умственной элите. Пока признаками нацио-

нальной принадлежности были родной язык и национальное самосознание каждого, нельзя было сказать, что в составе высших органов страны слишком много нерусских: Каменев, Троцкий, Свердлов, Зиновьев, Сталин, Орджоникидзе и Дзержинский были такими же сыновьями России, как Калинин, Бухарин, Рыков, Молотов и Томский. Но с изменением самого подхода к определению национальности стали замечать, что Рыков более русский, чем Каменев. Кстати, первым это заметил не кто иной, как Сталин (что касается еврейского происхождения Свердлова, то оно попросту замалчивается).

Так или иначе, но чем дальше от двадцатых годов, тем яснее сказывается у нас в стране стремление к тому, чтобы не только иметь свою собственную интеллигенцию, но и иметь ее в чистом виде, в отличие от тех стародавних времен, когда интеллигенцию, не обинуясь, ввозили из-за границы. В те далекие времена Российская земля еще только начала рождать собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов, и все цари, от Ивана Грозного до последнего Николая, импортировали в Россию иностранных ученых, строителей, мореходов и инженеров.

Саморазвитие интеллигенции в еврейской среде совпало по времени с новейшим стремлением иметь свою собственную русскую (или украинскую, или грузинскую, или молдавскую) интеллигенцию в чистом виде. Совпадая по времени, оба процесса резко противоположны по своему направлению. Вдумаемся: слова узбекская интеллигенция, балкарская или эстонская интеллигенция звучат вполне естественно, — но произнесите «еврейская интеллигенция», и вы сразу почувствуете всю нелепость такого термина. Еврейской интеллигенции уже нет. Есть евреи — учителя, писатели, музыканты или ученые в составе всех национальных интеллигенций СССР, и больше всего — в составе русской интеллигенции.

В этом противоречии и заключена сущность проблемы дальнейшего саморазвития интеллигенции в среде советских евреев.

Может быть, размышляя об этой особенности развития еврейской истории, некоторым образом противопоставившей

евреев другим национальным меньшинствам, мы легче разгадаем мучающую евреев загадку: почему среди всяких шовинистических пережитков и предрассудков наиболее живучим оказывается антисемитизм. Исчезли из языка слова хохол, полячишко, князь (как некогда презрительно звали татарина) и другие клички. Но не исчез жид.

Антисемитизм, его место и значение

Ненависть к евреям существует не одно столетие, ее происхождение получало множество разноречивых объяснений, и я не стану добавлять к ним еще одно. Но в наше время и в нашей обстановке ее питают не все те корни, которые питали ее некогда: как и у всякого дерева, достаточно, чтобы осталась целой какая-то часть корней, и тогда взамен подрубленных разовьются новые.

Религиозные корни антисемитизма у нас подрублены и отмерли. Отмерли и те, которые питались конкуренцией между еврейской и нееврейской мелкой буржуазией. Но не скоро умирает вульгарный антисемитизм, кратко и точно обрисованный А. М. Горьким в цитированной уже статье «О евреях»: «Кроме народа, есть еще «чернь» — нечто внесословное, внекультурное, объединенное темным чувством ненависти ко всему, что выше его понимания и что беззащитно ... Чернь и является, главным образом, выразительницей зоологических начал таких, как юдофобство» ...

Начетчики от марксизма могут назвать горьковское определение немарксистским. Им подавай прямую зависимость между надстройкой и базой. Классовые, дескать, предпосылки антисемитизма ликвидированы, — значит, ликвидирован и антисемитизм.

Но ведь он все-таки существует, и его надо изучить и понять.

Начнем с того, что надо ясно различать вульгарное юдофобство черни — самой разной черни, — и государственную национальную политику. Утверждение некоторых сионистских лидеров, слабо знакомых с историей СССР последних десятилетий, ошибочно: дискриминация евреев при приеме их во многие высшие учебные заведения, в неко-

торые важные государственные учреждения, не говоря уже о высшем и среднем звене партаппарата, происходит не из зоологического юдофобства. Думать так, значит сильно упрощать и вульгаризировать вопрос. Он настолько тонок и до такой степени обставлен всякими закавыками, что порою может принять вид хитрейшего ребуса: поди угадай его мысль! Как, например, толковать сообщение о том, что на третьем съезде писателей РСФСР среди делегатов было 305 русских, 77 евреев (на втором месте!), а татар, чувашей и других, коренных национальностей России — по 18, 12 и менее человек? — Такое сообщение может быть понято по разному: у нас, дескать, любят евреев и приветствуют, что их так много в среде русских писателей; или — у нас не любят евреев и подчеркивают, что их слишком много в среде русских писателей; или, наконец, так: у нас нет антисемитов, и вот доказательство — допускается избрание 77 евреев на съезд русских писателей. Аналогичных фактов найдутся десятки, — они не исключения, подтверждающие некое «правило» антисемитизма. Они — свидетельство того, что «правилом» является не антисемитизм в обычном смысле этого слова, а что-то иное. Антисемитизм — лишь отражение в массах тех мероприятий, которые сделались правилом сталинской национальной политики. Не антисемитизм был действующей пружиной сталинской национальной политики и всех сталинских акций в этой области, включая даже дело врачей. Все они — органическая, неотъемлемая часть сталинизма. Поэтому не об антисемитизме, как некоей «странности» в составе сталинизма надо говорить, а о сталинизме самом и о его национальной политике в **целом**.

Как вдруг появился антисемитизм там, где он по всем признакам появиться более не должен был? Воскрешение этого гнилостного духа, казавшееся невозможным в двадцатые годы, было подготовлено, мне кажется, всем ходом событий следующих, тридцатых годов.

Вспомним сталинское истребление старой партийной гвардии. Были убиты сотни тысяч коммунистов (по подсчетам некоторых историков, до миллиона), в основном вступивших в партию до революции и в самый первый ее период. Среди них процент евреев был чрезвычайно высок, — о причинах этого уже говорилось. Сталин истреблял старую гвардию вне всякой связи с обилием евреев в

ней, — его соображения шли по совершенно другой линии, которую рассматривать в данной работе нет возможности. Но в итоге получилось так, что в высшем партийном и советском слое, где раньше было очень много евреев, их почти не осталось.* На их место каждый день приходили новые люди, среди которых евреи занимали все меньшее и меньшее место.

Среднее звено советского и партийного аппарата претерпело те же изменения, что и высшее. Тут большинство истребляемых составляли не коммунисты с дореволюционным стажем, а коммунисты двадцатых годов, когда евреи не менее энергично, чем до 1917 года, шли в революцию, о чем также было сказано выше. Вспомним, что в начале революции не только евреи-коммунисты, но и беспартийные широкой волной влились в армию государственных служащих, куда им впервые открылся доступ в 1917 году.

Тридцатые годы полны трагических событий. Начиная от голода на Украине, унесшего в течение одного 1931 года пять миллионов жизней, и кончая массовыми репрессиями, все это вызывало в широких массах, особенно в крестьянских, разочарование, растерянность, отчаяние и страх.

Память о подобных трудных и полных ужаса годах невозможно, при всем царящем вокруг молчании страха, искоренить из людского сознания по крайней мере до тех пор, пока живо перенесшее их поколение. Рожденный ими страх содержит в себе ненависть. Антисемитизм же принадлежит к числу тех настроений, которые гораздо более свойственны таким вот трудным временам, чем годам надежд и радостных ожиданий.

Так тридцатые годы послужили возрождению антисемитских настроений в массах. Немецкая же оккупация дала лишь открыто выявиться тому, что зрело в невидимой глубине смятенных, озлобленных и терроризованных душ, ищущих, на кого бы излить накопленную за все десять

---

* Можно предполагать, что в известных случаях, например, когда дело шло об аппарате Наркоминдела, Сталин руководствовался соображениями «неуместности» евреев в роли представителей русского государства. В частности, снятие М.М. Литвинова несомненно было связано с тем, что Гитлер не желал сноситься с наркомом-евреем.

лет обиду и злобу. Полицаи и старосты не с неба свалились. Их вырастил Сталин на горе народу. Сам он, конечно, этого не предвидел: сталинизм родил много явлений, не предвиденных творцами административных расправ, организаторами голода и сеятелями страха. Сталинизм задумывает одно, а пожинает другое — он исторически слеп и не видит, чем чреваты его дела.

Уничтожение кадров накатывалось волнами — каждая новая волна перекрывала предыдущую. И народные массы, слыша, что кругом полно вредителей и шпионов, не могли не заметить, сколько евреев среди этих вредителей, еще вчера бывших секретарями райкомов.

В итоге одни, обиженные и разуверенные в начале тридцатых годов, возненавидели евреев, находя в них активных пособников сталинского дела, — а другие, не обиженные и верящие всему, возненавидели евреев, находя в них вредителей этого же самого дела.

Может быть, какую-то небольшую роль в возрождении антисемитизма в районах, временно оккупированных гитлеровской армией, сыграло еще и то, что население в течение этих двух-трех лет приучалось видеть евреев, покорно приемлющих издевательства и смерть. Население смотрело со стороны, а у смотрящего со стороны возникает наряду с чувством ужаса и какое-то жалостливое презрение к этой толпе, покорно бредущей, как стадо баранов, навстречу смерти. Смотрящему не приходит в голову, что очутись он сам в подобном положении — без оружия, в окружении автоматчиков и собак, — вряд ли проявил бы он иную стойкость, кроме молчаливого стоицизма покорности, — того самого, который с истинно-толстовской глубиной проникновения изображен в повести Василия Быкова «Сотников». Раскрыв душу Сотникова, ведомого на казнь, писатель позволил нам заглянуть и в душу миллионов других казненных. Много хотелось бы сказать об этом высокоталантливом и честном писателе, но надо вернуться к предмету своего исследования.

Воскресение антисемитских настроений в массах может пройти незамеченным кем угодно, только не самими евреями. Еврей — солдат на фронте и его мать и жена в эвакуа-

ции одинаково остро почувствовали вонзавшееся им в сердце жало антисемитизма.

Фразу «в Ташкент спешишь?» — слышал каждый еврей, и что он мог ответить? На фронте евреи дрались не хуже остальных, но их отцы и матери в прифронтовом тылу действительно спешили эвакуироваться. Они знали, что им угрожает верная смерть, если их город сдадут немцам. Их соседи по дому не спешили уехать, а евреи бросали все и убегали. В Ташкент? — спрашивали стариков. — Да, — отвечали они.

И с тех пор все откровенней в неофициальной обстановке, т. е. в домах, в очередях и автобусах позволяет себе проявляться тот антисемитизм, который статистики и социологи учесть не умеют и который поэтому можно объявить несуществующим.

Почувствовавшие его евреи по обычной людской привычке свели все новое, что увидели, к тому старому, что было им издавна знакомо. Но не следует смешивать их реакцию с изучением исторических причин и следствий. Нельзя объяснять антисемитизмом административные мероприятия, идущие из других источников. Сталинец не обязательно антисемит. Напротив, он пролетарский интернационалист, если толковать интернационализм так, как он его толкует. Истинное (как он понимает истину) равенство всех национальностей Советского Союза достигается тем, чтобы поощрять отстающих и, следовательно, придерживать забегающих вперед. Это, если вдуматься, чисто формальное, догматическое требование вполне совпадает с другими положениями сталинизма, в котором формальная сторона учения главенствует над его содержанием до такой степени, что от самого учения остается только его внешняя форма, его словесная терминология, его оболочка.

Практика сталинизма резко расходится с теорией, — и очень часто даже с его собственной теорией, сконструированной посредством формул, выхваченных из текста классиков. Несовпадение слов и практики лежит в самой сущности сталинизма, будучи, собственно, лишь обратной стороной того самого главенства формы над содержанием, о котором сказано выше: внешняя правда подавляет внутреннюю.

В национальном вопросе проявились все общие неотъемлемые свойства сталинизма. Они проявились в чисто формальном определении национальной принадлежности, глубоко чуждом марксизму. Они нашли свое выражение в ограниченно-арифметическом подходе к вопросу о равенстве наций. Они ярко выразились в том глубочайшем презрении к жизни миллионов, которым отмечены все сталинские массовые акции, — ведь миллионы гонимых это все же меньшинство, а правда всегда за большинством, состоящим из многих десятков миллионов.

К большинству обычно и обращена сталинская демагогия, играющая ходячими формулами и наружными, показными сопоставлениями. Неудивительно поэтому, что великодержавность, отвечающая всему эгоистическому и тщеславному, что может найтись в среде большинства, искони свойственна сталинизму. Великодержавные устремления самого Сталина проявились еще при жизни Ленина, когда разрабатывался проект образования Союза Советских социалистических республик. В статье Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации» », написанной в те дни, видно, какую линию занимал Сталин в противоположность линии Ленина. Слова Ленина насчет права выхода из Союза, насчет «типичного русского бюрократа» и «истинно русского держиморды», насчет формального равенства, — все это злободневно сегодня, как никогда. Понадобилось бы процитировать всю статью от начала до конца, чтобы показать, как в сталинизме осуществились все опасения Ленина, касающиеся великодержавного шовинизма и великодержавной политики.

К сожалению, мы так привыкли ко всему, что многого и не замечаем. Ведь есть люди, которые и антисемитизма не замечают. Немудрено, что он, вновь рожденный в результате сталинских мероприятий, — но рожденный как их побочное дитя, — что этот антисемитизм со временем стал влиять на действия сталинизма. Это уступка тому юдофобству черни, о котором говорил Горький, — особенно великодержавному юдофобству, и она проявляется прежде всего в том, чтобы в государстве ничто не выглядело как попустительство евреям. Уступки-то ведь так и идут — ступенчато: начавшись с малого, они доходят до большого.

Начинают с одного наркома, а кончают аппаратом целого ряда министерств.

И сама линия на то, чтобы иметь свою собственную интеллигенцию, незаметным образом сливается с линией на то, чтобы не иметь евреев в руководящем слое, — и в итоге из них обеих получается одна толстая линия, ясно видимая сквозь густое переплетение всяких добропорядочных формул, призванных ее прикрыть.

Разумеется, на первом месте здесь идет формула равенства. Дескать, евреев слишком много в таких-то отраслях и слишком мало в таких-то. Вот и надо выровнять их соотношение, и это будет, как понимают сталинцы, равенство наций.

Именно в этом дело, а не в антисемитизме того или иного руководителя. Каганович по формальным признакам еврей и, по некоторым сведениям, не антисемит: утверждают, что он протестовал против намеченной Сталиным высылки евреев, наподобие высылки крымских татар, чеченцев, калмыков и других. Так что из того? Каганович был первым проводником сталинской национальной политики в отношении всех малых народов. Как раз в сталинское четвертьвековье, между 1928 и 1953 гг., еврейский вопрос в СССР прошел целый цикл метаморфоз. Но прежде чем их описать (что будет предметом следующего раздела), необходимо остановиться на одной, более общей (и потому, возможно, менее привлекающей внимание) метаморфозе: какое превращение претерпело в наши дни само определение «еврей» и какие плоды принесла эта смена определений.

Сравним прошлый, первородный, так сказать, антисемитизм христианской церкви с современным, сегодняшним юдофобством черни. Современное юдофобство, как это ни покажется парадоксальным, больше стесняет свободу личности еврея, чем антисемитизм церкви в самые свои мрачные времена. В церковном понимании нет евреев, есть иудеи. Переход иудея в христианство освобождает его от всех грехов и от ненависти христиан. Крещеный еврей уже наш человек.

Само собой разумеется, что иудей может сам выбрать свою участь. Правда, его бывшие единоверцы обольют вы-

креста презрением, но оно ему, собственно, безразлично после того, как он ушел от них навсегда. Мотивы его ухода мы можем не разбирать. Важно, что выбор делал он сам, делал свободно.

Совсем иное в наши дни. Евреев-иудеев, приверженцев религии, становится все меньше, особенно в странах социализма Теперь евреев узнают по наружности, — он уже не добровольный приверженец некоей антихристовой религии, а врожденный член особой этнической группы, и это написано на его лице. Выкрест мог иметь самый что ни на есть горбатый еврейский нос, но если он, проходя по улице, крестился на сверкающие вдали церковные главы, этого было совершенно достаточно. А современный еврей, сколько бы ни молился он на памятник Юрию Долгорукому, как бы страстно ни желал перейти в группу, которая ему по его мироощущению ближе его кровной группы, — не получится. Свободы выбора он лишен.

Так как ни свою наружность, ни своих родителей он себе не выбирал, то оба эти обстоятельства превращаются для него в источник насилия над его личностью, — насилия, которому он подвержен всю жизнь, ибо всю жизнь не сумеет переменить ни свою физиономию, ни запись о родителях. Заметим, что в нынешник метриках вся запись о родителях состоит из двух строк для каждого: как отца и мать зовут и какой он (она) национальности.

О папе и маме нашему государству важнее всего узнать, вслед за именем, их национальность. И многие, кому хотелось бы быть не евреями, а русскими или украинцами, переживают это, как трагедию, — и переживают недаром.

В первые годы паспортной системы дело обстояло менее строго, чем сейчас, и юноша, получающий паспорт, мог при желании записать себя в любую милую ему национальность. Правда, он уже не мог писать «интернационалист» или «без национальности», как в двадцатых годах писали о себе многие коммунисты и комсомольцы.

У нас, конечно, и сейчас не доходит до разыскивания прадеда и прабабушки с целью установить, не евреи ли они, — у нас дальше папы-мамы не идут. Но и такого розыска достаточно.

В царских паспортах не было графы «национальность», — было вероисповедание, т. е. то, что можно при желании переменить простейшим способом и в любом возрасте — в двадцать лет, в сорок, даже в девяносто: зайди к попу ближайшей церкви, и он с превеликой охотой, без всяких анкет, хлопот и очереди совершит над тобой недолгий обряд, наречет вместо Хаима Берковича Иваном Васильевичем и запишет новообращенного раба божьего в церковно-приходскую книгу, на основании которой тебе выпишут новый паспорт с обозначением: сословие — мещанское, вероисповедание — православное. И вся недолга! Иудей имел свободу личного выбора, еврей ее лишился.

В царское время в России было не так уже много крещенных евреев, этот процесс не успел зайти так далеко, как зашел он в Германии уже в XIX веке. И не понадобилось этому процессу далеко заходить, — купель революции сняла всякую необходимость в церковной купели. Омытый кровью своих красно-гвардейцев и комиссаров, своих Урицких и Володарских, своих солдат Великой войны и своих мучеников лагерей смерти, еврейский народ пришел к четвертому десятилетию революции, чтобы тут в полном составе попасть под подозрение в качестве этнической группы, из которой американская разведка вербует себе агентов, пособников и сочувствующих.

Как дело дошло до этого, мы рассмотрим в следующем разделе, посвященном истории вопроса в годы 1928-1953.

От Биробиджана до дела врачей

До революции большевистская партия рассматривала еврейский вопрос так: идет интенсивная ассимиляция еврейских пролетарских и ремесленных масс, и дело само собою закончится тем, что продиктовано историческим развитием России: евреи-пролетарии сольются с русскими пролетариями для борьбы со своей и русской буржуазией. Не казался столь существенным вопрос о крестьянстве в еврейском народе, — он никогда и не обсуждался.

Когда наступила революция, евреи не успели еще ни ассимилироваться целиком, ни пролетаризироваться до такой степени, чтобы сделаться народом с подавляющим

пролетарским большинством. Местечко с его мелочными торговцами и ремесленниками еще занимало очень большое место.

И сама жизнь выдвинула задачу: не только пролетариат, но и крестьянство нужно евреям для того, чтобы слияние с трудящимся большинством, далеко не завершенное до революции, пошло в самом ходе революции энергичнее и всестороннее через полное структурное уподобление ему. Надо было заняться проблемой, которая никогда прежде не занимала ни большевистскую, ни какую-либо другую с.-д. партию (включая и «Бунд»), но которая была одной из центральных в сионистской программе: «евреи, за плуг!»

Это был, конечно, самый действенный способ борьбы с сионизмом: обратить против него его же оружие. У него плуг был инструментом обособления, а мы сделаем плуг инструментом слияния.

При ЦК партии в двадцатых годах существовала еврейская секция, — само ее наличие свидетельствует, что еврейский вопрос признавался существующим и требующим внимания партии. При президиуме Совета национальностей существовал комитет по землеустройству евреев-трудящихся (КомЗЕТ), а 17 января 1925 года было организовано общество по землеустройству еврейских трудящихся (ОЗЕТ). Уже к маю 1929 года ОЗЕТ насчитывал 700 отделений и 170 тысяч членов. «ОЗЕТ являлся международной организацией трудящихся, содействующей привлечению еврейской бедноты к сельскохозяйственному труду», — так сообщала о нем Малая советская энциклопедия в начале тридцатых годов. Общественная основа, на которой развертывалась работа по землеустройству евреев, ширилась с каждым годом, и к первому января 1936 года ОЗЕТ насчитывал уже около полмиллиона членов. ОЗЕТ издавал литературу, помогал евреям-земледельцам получить государственную ссуду и закупить инвентарь, изыскивал свободные земли для переселения и, наконец, осуществлял связь с американским еврейским обществом «Агро-джойнт», — организацией, собиравшей средства для той же цели: помочь русским евреям стать земледельцами на освобожденной русской земле. Под руководством евсекции ЦК РКП(б) развивалась большая работа. Началась она не на голом месте: на Украине, в

южных ее областях, издавна существовали еврейские колонии — правда, немногочисленные. Колонизация Новороссии, как назвала Екатерина II эту еще слабо заселенную в XVIII веке окраину, свыше ста лет проводилась путем привлечения немецких, болгарских и греческих колонистов. Евреям также не возбранялось селиться на незанятых землях, чтобы заниматься хлебопашеством. В Херсонской губернии в конце XIX века имелось несколько еврейских колоний.

Позднее, в начале XX столетия, возникли еврейские колонии и на севере Крыма, вблизи Сиваша. В эти-то еврейские колонии и стали в двадцатые годы направлять евреев, желающих заняться земледелием. Чтобы дать читателю некоторое представление о них, расскажем историю тех колоний, на землях которых в настоящее время расположен знаменитый колхоз «Дружба народов» с евреем-председателем Егудиным.

Земли эти — солончаки, на которых испокон веку ничего, кроме скудных пастбищ, не было, — подлинная целина, к тому же неплодородная. Новым еврейским колонистам, поселенным тут, предстояло ее освоить. Конечно, кое-кто не выдержал, кое-кто уехал, но оставшиеся сумели доказать, что еврей вполне способен стать неплохим замледельцем. К началу войны еврейские колхозы Крыма были далеко не последними в республике (Крым тогда еще оставался автономной республикой в составе РСФСР). Начинали-то ведь с колодцев — здесь и воды не было. Колхозы эти превратились в крепкие хозяйства, но нашествие немецких войск их уничтожило: гитлеровцы полностью обезлюдили их. А затем Крым потерял также и татар, выселенных распоряжением Сталина, автономная республика была ликвидирована и стала просто областью в составе УССР. Трагическая история Крыма тех лет еще ждет своего правдивого историка.

Люди, переселенные в Крым на место угнанных Сталиным татар, не знали ни местных климатических условий, ни методов знаменитого прежде крымского виноградарства и табаководства, ни поливного земледелия крепких еврейских колхозов. Бывшие цветущие еврейские колхозы стали отстающими. Вот в один из таких отстающих колхозов добровольно вызвался пойти председателем Егудин, рабо-

тавший там секретарем райкома партии. Собрав оставшихся в живых старых кадровиков, он поставил колхоз на ноги. К нему, как передовому, присоединяли все новые и новые отсталые колхозы — так и вырос гигант-передовик.

Возвращаясь к двадцатым годам, отметим ту роль, какую сыграли в еврейских колхозах первых лет революции ОЗЕТ и «Джойнт». С согласия советского правительства Джойнт помогал молодым еврейским товариществам по обработке земли, которые в начале двадцатых годов стали возникать в местечках Украины. Тогда слово «колхоз» еще не получило всеобщего распространения, — были ТоЗ'ы. Еврейским земельным товариществам посылали оборудование, — не непосредственно, конечно, а через советские правительственные органы. За полученные из Америки машины ТоЗ'ы платили государству.

Машины для рытья колодцев в степях Сиваша прислал именно Джойнт. И первые тракторы, появившиеся на полях Крыма и Украины, американские тракторы «Катерпиллер» и «Фордзон», тоже доставил Джойнт. В 1922 году в Одессе были организованы первые в области курсы трактористов, — большинство их слушателей составляли молодые евреи из колоний и местечек.

Но на Херсонщине, Одессщине и севере Крыма не могло хватить свободных земель для более широкого движения под лозунгом землеустройства евреев, пользовавшегося активным содействием М. И. Калинина. Под его руководством и решили избрать другую, менее заселенную и более обширную местность. Остановились на многообещающем Биробиджанском районе Хабаровского края, «жемчужине Дальнего Востока», как выразился академик Комаров. Начатая в печати кампания подняла огромную общественную волну, — значит, имелось что-то заранее готовое откликнуться на призыв к земледельческому труду на новой земле. Площадь, отведенная для землеустройства евреев, составляла почти 4 миллиона гектаров.

Движение за Биробиджан охватило не только евреев Советского Союза. Туда, с разрешения Советского правительства, приезжали семьи евреев из Соединенных Штатов, привозя с собою оборудование и тракторы.

По своей активности и широте охвата движение за Биробиджан было сильнейшим движением тех лет. В Биробиджан текли не только люди и машины, — текла и культура. Основывались еврейские школы, собирались книги, ехали ученые. Первым председателем облисполкома Еврейской Автономной области был профессор киевского университета Либерберг.

Биробиджанский район был выделен для заселения евреями в 1928 году, а Еврейская Автономная область образовалась в 1934 году. В годы колонизации Биробиджана происходила ликвидация кулачества как класса, и ликвидируемых высылали в отдаленные места. Переселение евреев шло в том же географическом направлении, но в другом политическом ключе — в ключе добровольности Корчуйте тайгу, евреи, устраивайте себе свою область своими руками! Беритесь за плуг, садитесь на трактор! И евреев-крестьян к концу двадцатых годов стало насчитываться двести тысяч человек, — невиданная ни в одной стране рассеяния цифра.

Еврейская Автономная область представляла собою альтернативу сионизму, — реальную революционную социалистическую альтернативу несбыточной, фантастической, утопической, реакционной, бредовой идее буржуазных националистов. Вместо опаленных солнцем камней — влажные долины Приамурья. Вместо Средиземного моря — Тихий океан, вместо Иерусалима — Хабаровск, вместо горы Сион — благословенные сопки, вместо Ближнего Востока восток же, но Дальний, и вместо границы с арабами — граница с Маньчжоу-го. То была контр-сионистская идея: тот же земельный проект, но на советской земле.

Идея «евреи, за плуг!», как мы теперь воочию убедились, может стать материальной силой, она способна овладеть массами, хотя ничего легкого и заманчивого в обычном смысле слова в ней нет. Корчевать дальневосточную тайгу или осваивать ближневосточную пустыню — тяжкий труд. За него может с охотой взяться лишь человек, глубоко убежденный в общественной необходимости своего дела. Этот труд, заметим попутно, способствует отбору лучших людей, готовых к тяготам и самопожертвованию во имя того, что выше повседневного интереса и непосредственных

материальных выгод. Идея Биробиджана могла бы тоже помочь такому отбору лучшей части народа, — ведь она отвечала не интересам сегодняшнего материального преуспевания, она отвечала завтрашнему дню, она отвечала поискам равенства и справедливости. Но люди, горячо работавшие над организацией этого движения, не предвидели одного момента, оказавшегося впоследствии решающим: они не предвидели сталинизма, который и вся партия увидела лишь на XX съезде.

Там, где народное движение можно по слову одного человека пресечь, там вновь возродить его, очевидно, невозможно. Годы репрессий 1937-39 прошли в Биробиджане особенно тяжело. Арестовывали бесчисленное множество коммунистов. Составы райкомов и обкома сменились по многу раз. Корчевали, но не тайгу.

К 1938 году агитация за Биробиджан полностью прекратилась. Зато о нем начал писать Геббельс. Он объявил, что евреи собираются устроить два своих центра, откуда они будут завладевать миром, согласно постановлениям «Протоколов сионских мудрецов»: один центр — на Дальнем Востоке, другой — на Ближнем. Докладывали ли Сталину об этих писаниях Геббельса — неизвестно. Но во второй половине тридцатых годов стало совершенно очевидно, что наверху к Биробиджану резко охладели.

В связи с обострением советско-японских отношений (Халхин-Гол) Еврейскую Автономную область включили в запретную для приезда зону. Запретных зон при Сталине было множество. После войны, в 1947 году, Еврейский антифашистский комитет добился разрешения направить в Еврейскую Автономную область некоторое число украинских и крымских евреев, лишившихся крова в дни оккупации. С трудом удалось отправить три эшелона — на том дело и кончилось.

История Еврейского антифашистского комитета, тщательно у нас замалчиваемая, заслуживает самостоятельного изложения. Мы им не можем заняться, — одно лишь отметим: насколько шатки попытки общественного решения социальных вопросов в условиях, когда общественную организацию, заслужившую мировое признание и вложив-

шую свой, никем еще не оцененный вклад в дело победы над фашизмом, — если такую организацию можно по воле одного человека, по одному росчерку его красного карандаша разогнать, расстрелять и вычеркнуть из памяти целой страны! Но Биробиджан потерпел свою катастрофу еще раньше, чем председатель Еврейского антифашистского комитета Михоэлс погиб на улице в Минске. Читатель может проследить отражение этого процесса простым способом — на трех изданиях Советской энциклопедии. В издании МСЭ 1932 года об ОЗЕТ'е сказано, что он «международная организация трудящихся». В той же МСЭ, издания 1937 г., ОЗЕТ уже не международное общество. А в последнем издании Большой (не Малой, а Большой) советской энциклопедии вообще нет ОЗЕТ'а. Не было такого общества!

После 25 лет существования Еврейской Автономной области в ней стало 163 тысячи населения (по переписи 1959 года). Но евреев из них — всего 14 тысяч, в том числе в городах 12 тысяч. А в сельских местностях — 2.292 еврея. Две тысячи двести человек — вот и все колхозное еврейское население наших дальних палестин.

Из четырнадцати тысяч евреев ЕАО восемь с половиной, более 60 процентов, уже в 1959 году считали своим родным языком русский. Собственно, еврейским в этой области остается лишь ее название. Последняя еврейская школа здесь была закрыта в 1948 году.

Опытом установлено, что если и можно принудительно заставить людей копать землю под каналы, то для того, чтобы пахать ее, засевать и получать заслуженный урожай, нужен труд добровольный и любовный. Административным способом добиваются много, только не таких урожаев и таких удоев, которые позволили бы одной десятой населения (а в иных странах — и одной двадцатой) кормить всю страну. Все это имеет непосредственное отношение к еврейскому вопросу, по самой своей сущности состоящему в том, чтобы еврейство перестало жить в порах общества, как выразился Маркс, а само стало вырабатывать для себя материальную основу своей жизни.

Два последующих эксперимента над евреями лежали в той плоскости, на которую исторически скатился сталинизм,

— в плоскости репрессий и массовых обвинений. Опыт, приобретенный при высылке чеченцев и крымских татар, требовал своего расширения. Но евреи расселены по всей советской стране. Их изъятие будет очень заметно, его нельзя скрыть, как скрыли от масс изъятия в Крыму и на Кавказе. Для репрессирования евреев следовало создать какой-то зримый повод и провести широкую газетную артиллерийскую подготовку.

Первым залпом артподготовки было начатое в 1948 году разоблачение космополитов в театральной и художественной критике, в литературе и искусстве. В «Правде» появились обличительные статьи, в которых вслед за русским псевдонимом писателя или критика в скобках проставлялась его еврейская фамилия. Читателю навязывался вывод: евреям нечего делать в русской литературе, в русском театре и русском искусстве.

Несложен был путь, который избрал себе сталинизм, чтобы и после окончания войны поддерживать и наново укреплять естественно поднявшийся в дни сражений с немцами патриотизм советского народа. К тому времени холодная война с нашими бывшими союзниками достигла апогея, и нашим идеологическим (а потенциально и физическим) врагом номер один стала американская лжедемократия со своим лжепрогрессом и лжепроцветанием. Кого же причислить к американским пособникам? Демагогия всегда бывает рассчитана на примитивный уровень понимания, а для такого уровня вполне достаточно, если причислить к сочувствующим Америке тех людей, у кого есть родственники в Америке, людей народа рассеянного и разбросанного — евреев.

Характерно, однако, что о самом факте рассеяния евреев по миру нигде и никогда в обличительных статьях, направленных против космополитов, нет ни звука. Изображают дело так, будто космополиты сами виноваты в том, что имеют родичей за океаном, откуда и проистекает вся их гнилая идеология. Они-де по природе своей безродные, они родились, не имея ни роду, ни племени, — от чужого дяди, в свою очередь безродного. Ибо имей он род, имели бы его и они.

Такого рода обвинение, предъявленное евреям с их трехтысячелетней писаной и археологически подтвержденной

историей, по меньшей мере несуразно, чтоб не сказать глупо. Но кто с этим считается? Кто интересуется? Многие и понятия об этом не имеют: газеты истории не учат, а в средней школе учили другой истории. Эпос всех народов мира, включая северо-американских индейцев, у нас в почете, но Библия есть лишь опиум для масс. И версия о безродных и кочевых евреях быстро превратилась в стереотип сознания, легко переплавляемый в теорию о том, что евреев. как народа, и в природе нету.

Точно так же, как у нас замалчивают еврейский вопрос, так обходят критикой другой вопрос, имеющий немалое отношение к евреям: идеологию нацизма, в фундаменте которой антисемитизм и специфическое толкование капитализма, как еврейского продукта, играет роль цемента, скрепляющего всю его пеструю программу, весь его «социализм». Многие ли знают, что он звался «национал-социализм»?

Критикой идеологии нацизма у нас никогда и не занимались. Воевали с гитлеровской Германией после ее нападения на СССР, с притязаниями Гитлера на захват нашей страны. Но ни тоталитарную сущность нацизма, ни его антисемитскую идеологию не разбирали. Всеобщая неосведомленность в этой области доходит до того, что даже серьезные историки поныне полагают, будто гитлеризм ставил себе целью уничтожение славянских народов, — тогда как у него речь шла об уничтожении славянской интеллигенции, чтобы превратить всю остальную массу славян в рабов тысячелетнего немецкого рейха.

Чем можно объяснить то, что у нас не пишут и не переводят трудов, посвященных разбору национал-социализма? Какую роль играли в нем его крики о еврейском международном капитале? Почему «Майн Кампф» читали миллионы и почему миллионы ему верили? Все это — весьма важные вопросы. А ни один наш марксист ими не займется. Случайно ли?

Кампания против космополитов, хотя и была завуалирована тем, что в первые ее дни задели не только евреев, но и одного или двух русских театральных критиков, очень скоро обнаружила свою антиеврейскую направленность.

Стали говорить уже не о космополитах по убеждениям своим, а о космополитах по самому своему рождению. В печати (в частности, в «Новом мире» — см. № 3 за 1949 год) весьма прозрачно объединяли их с космополитами из Германии, уехавшими в США вместо того, чтобы бороться с гитлеризмом, оставаясь у себя на родине (намек на Эйнштейна, Цвейга, Фейхтвангера и других евреев — писателей и ученых). Словом, становилось все ясней, что евреи не только в СССР, но и повсюду и от века враги своих Родин. Эта неимоверная по своему размаху и привычная по единогласию всех газет кампания шла день за днем все то время, пока работники Абакумова в своих кабинетах разрабатывали вопрос об идейном родстве космополитизма и сионизма, обвиняя своих подследственных в измене советской Родине, выразившейся в намерении ехать в Израиль. Об этой волне арестов уже говорилось в первом разделе заметок. Одновременно шли групповые аресты евреев-инженеров на ряде крупнейших московских заводов: ЗИС (ныне ЗИЛ), «Динамо» и многих других. На автозаводе имени Сталина были арестованы, по имеющимся сведениям, 53 еврея-инженера. Их обвиняли во вредительстве и шпионаже по заданиям «Джойнта» — той самой американской еврейской организации, которая помогала обществу ОЗЕТ в землеустройстве евреев-трудящихся, присылая тракторы и оборудование. Следователи выяснили, что тракторы присылались для шпионажа.

После автомобильной катастрофы, в которой погиб Соломон Михоэлс, стали арестовывать еврейских писателей и общественных деятелей, имевших отношение к Еврейскому антифашистскому комитету, а равно и не имевших к нему никакого отношения. Одни погибли, другие по многу лет отсидели в лагерях, обвиненные все в том же: сионизм, «Джойнт» и шпионаж.

Еврейских школ в стране давно уже не существовало. Теперь закрыли Государственный еврейский театр, — закрыли так основательно, что о его возрождении вопрос уже никогда более не поднимался. Более того, о нем так крепко заставили всех забыть, что даже в сборнике, посвященном памяти С. Михоэлса, тщательно вытравлено всякое упоминание о закрытии его детища — еврейского театра. Как незаметно он был ликвидирован, так были незаметными и

тайными все действия, связанные с новой линией по отношению к евреям. Но требовалось совершить следующий шаг. Требовалось сделать что-то явное, что-то громогласное, — требовалось публично доказать, что не только космополиты, но и сионисты ведут подрывную — и притом более опасную — работу против социалистического отечества и против дружной семьи братских народов. Требовалось доказать, что на нынешнем этапе сионисты являются самыми заядлыми из всех врагов советской власти.

В самом деле — от внутренних врагов к 1953 году не осталось никого: ни их самих, ни жен их. Ни о ком не говорили кроме как о космополитах и сионистах. Не было уже внутри страны ни левых, ни правых, ни вредителей, ни кулаков, ни подкулачников, — был лишь один тип врагов: люди, глядящие за океан, — космополиты и сионисты. «Глядение за океан» хорошо укладывалось в схему, которую разработали сталинские теоретики: истинный патриот не преклоняется перед западной техникой, он силен сознанием того, что русская наука и техника имеют приоритет во всех областях. Теория приоритета выдвигала на первый план не то, в какой стране начали применять техническое новшество, а то, к какой национальности принадлежал его изобретатель. Теория эта не только школярски-примитивная, но и великодержавно-националистическая: все изобрели «наши». А посему нечего преклоняться перед Западом. Космополиты же преклоняются. Отсюда лишь один шаг до обвинения в подрывной деятельности. И оно прозвучало — сперва в форме разрозненных обвинений по адресу того или иного общественного деятеля-еврея, а затем в форме разоблачения разных сионистских «гнезд». Так и Михоэлс, которого хоронили с почестями, был вдруг объявлен сионистом, а Антифашистский еврейский комитет распущен.

И наконец, 13 января 1953 года, в пятую годовщину гибели Михоэлса, которую сейчас уже трудно считать случайной автомобильной катастрофой, было опубликовано обвинительное заключение по «делу врачей».

Как только появилось сообщение о деле «врачей-отравителей», действующих по заданию американской разведки, началась эпидемия увольнения евреев из больниц и поликлиник. Советские люди, подготовленные длительной пропагандистской кампанией против космополитов, поверили

провокационной легенде. Больные отказывались лечиться у врачей-евреев. Если в аптеке стоял еврей-фармацевт, ему боялись подать рецепт. Обвинительное заключение прокуратуры, — а у нас уже к тому времени привыкли, что обвинительное заключение вполне равносильно окончательному приговору, — гласило: врачи-отравители собирались убить членов правительства и руководящих военных работников. Отравители действовали по прямому заданию американской разведки, через «Джойнт» и другие еврейские сионистские центры. Сионизм, следовательно, и есть главный враг наш на сегодняшнем этапе.

Что обвиняются не только кремлевские врачи, а и все евреи от края до края, было ясно всем. Не имело никакого значения, что в опубликованном списке «отравителей» значились несколько русских фамилий: они служили для формального оправдания — мы-де не антисемиты. Тогда как все содержание обвинения служило обратному: утвердить в умах читателей мысль о еврейских, а не русских врачах. Простейшая логика говорит: если все шло через «Джойнт» и сионистов, то русские врачи не могли тут участвовать. И массы читателей, действительно, разобрались в деле с первого дня и восприняли его подлинный смысл, — дело это еврейское. И поверили ему, именно как делу еврейских врачей, агентов сионизма.

Развитие обвинений, предъявленных евреям, имело свор логику: сперва внушить народу, что евреи — не патриоты, они антипатриоты (этот термин повторялся так же часто, как и «безродные»). А затем — что они не только антипатриоты, но и готовые к предательству люди. В газетах, конечно, прямо не утверждалось, что евреи — не более не менее, как пятая колонна, но на улицах, в автобусах и в беседах сотрудников учреждений между собою можно было услышать эти слова: «пятая колонна», адресованные не прямо в лицо еврею, но произносимые за его спиной.

Чего пуще всего боятся наши советские люди? Шпионажа. Из всех обвинений, возведенных на человека, они легче всего верят этому: шпион!

Дело врачей не было доведено до конца. Говорят, готовилось публичное повешение обвиненных. Говорят также о письме нескольких видных советских граждан еврейской

национальности, которое составлялось заранее для оправдания расправы.

Провокационный процесс Бейлиса и провокационное дело врачей разнятся в одном существенном моменте: при всем несходстве времен и культурных уровней, лжи, возведенной на врачей, поверили гораздо большие массы, чем ритуальному обвинению, предъявленному Бейлису. Не поразительно ли?

Но при сталинизме невозможен Короленко, поднявший свой голос, вместе со всей русской интеллигенцией и с десятками русских газет, против обвинителей Бейлиса. Точнее — сам по себе Короленко возможен, только голос его невозможно услышать. Он будет немедленно заглушен.

Кампании против космополитов, как и против «отравителей», были прекращены указаниями сверху. Теперь можно делать вид, будто их никогда и не было. Но они были, они дали идеологическую зарядку и деловую установку сионоведам наших дней. Вот, например, книжка кандидата наук Т. Кичко «Иудаизм и сионизм» (на украинском языке. Киев. 1968). Ученый муж открыл, что «космополитизм есть наиболее законченная форма буржуазного национализма, его обратная сторона» (стр. 65). Тем самым наш ученый подтверждает, что кампания против космополитов была лишь обратной стороной (не точней ли будет сказать — предисловием?) к кампании против людей, объявленных сионистскими агентами ЦРУ.

Так, на протяжении двадцати пяти лет, шло развитие еврейского вопроса в СССР: от организации Биробиджанского района — до организации дела врачей; от мобилизации общественного мнения с целью дать евреям возможность трудиться на земле — до мобилизации общественного же мнения с целью дать евреям ту же возможность, но в ином, чисто сталинском варианте массового труда: под конвоем, на каналах и лесозаготовках.

Национальные кадры в чистом виде

Большинство национальных меньшинств в СССР, в противоположность евреям, по преимуществу крестьяне. Так

как городские жители значительно энергичнее сельских стремятся к высшему образованию, то с хорошо известной сталинской точки зрения получается, что стремление ограничить число евреев в вузах и в научных учреждениях есть вполне прогрессивное стремление, имеющее светлую цель: равенство всех народов.

Разберемся, как оно реализуется на практике. В статистическом сборнике «Народное хозяйство СССР» имеется любопытная и единственная в своем роде таблица: «Распределение научных работников по национальностям». Уже несколько лет она публикуется в каждом годовом выпуске, с добавлением данных последнего года. Суммируя данные этих таблиц за последние десять лет (1958-1968) и переводя для наглядности абсолютные цифры в проценты (данные 1958 года берем за сто), получаем следующую картину роста начных кадров по стране в целом:

1958 г.	1960 г.	1964 г.	1966 г.	1968 г.
100	129	218	252	291

Такой средний рост. Если же рассматривать каждую национальную группу в отдельности, приняв число ученых в ней в 1958 году за сто, то картина роста по годам получится такая:

	1958	1960	1964	1966	1968
Русские	100	122	218	256	285
Украинцы	100	129	233	271	315
Киргизы	100	129	195	261	322
Литовцы	100	129	222	259	300
Молдаване	100	132	257	372	450
Евреи	100	116	176	193	210

В сборнике перечислены более сорока национальностей, — привести такую большую таблицу затруднит ее рассмотрение, поэтому мы выбрали только шесть национальностей. Среди других народов темпы роста ни в одном случае не спускаются ниже среднего (100 - 291 за 10 лет). Среди многих малых народов рост весьма бурный — например, у балкарцев увеличение в семь раз. Только евреи значительно отстают, — настолько значительно, что это отставание, ввиду их большой абсолютной численности — 61

тысяча из 823 тысяч всех ученых в 1968 году — влияет на среднюю цифру по всему Союзу, приуменьшая темпы нашего научного роста. Без них общий темп роста за 10 лет был бы не 291 к 100, а куда больше. Сравнение темпов вовлечения евреев в науку с темпами вовлечения в нее украинцев и молдаван, не говоря уже о балкарцах, получается достаточно ярким.

Надо отвести, как абсолютно вздорный, довод (если бы кто и решился его, вопреки всякой очевидности, назвать), будто евреи перестали стремиться к высшему образованию. «Перенасыщение» какого-нибудь народа инженерами и учеными еще нигде и никак не наступило, да и вряд ли оно вообще мыслимо. Кривая роста числа научных работников-евреев из года в год все более отстает от кривой роста ученых-украинцев, молдаван, балкарцев, киргизов — от всех. Правда, таблица в сборнике не дает динамику процесса. Столь склонная к сравнениям в процентах, наша статистика в случае с учеными никаких процентов не выводит, а предлагает читателю лишь абсолютные цифры: 61 тысяча ученых евреев! В сопоставлении с абсолютной же цифрой балкарцев она выглядит непомерной. Но она скрывает динамику, которая единственно способна отразить истину.

Процентные соотношения из абсолютных цифр выведены автором, — это легко может сделать и читатель. Рассмотрим же ход процесса еще в одном разрезе: процент русских, украинцев, литовцев, киргизов, молдаван по отношению к общему числу научных работников, т. е. их относительный вес в общем научном отряде: падает ли доля евреев с годами или растет? Берем для простоты только три года: 1958, 1964 и 1968, минуя промежуточные.

Процент русских более или менее устойчив: 64, 66 и 65 в каждом из этих годов соответственно.

Процент украинцев растет: от 9,8 в начале до 10,6 в конце. Процент литовцев — все время около 0,84. Процент молдаван растет от 0,15 до 0,24. А процент евреев резко падает: сперва он составлял 10,2; в 1964 году он упал до 8,3; а в 1968 году — дальнейшее падение до 7,4. Таким образом, уменьшение почти в полтора раза за 10 лет.

Вникая в статистические сборники, невольно думаешь: почему дана только эта одна таблица, а нет данных о числе

рабочих или инженеров по всем национальностям вообще и по еврейской — в частности? Возможно, что разобранная таблица — в некотором роде «сигнальная», — она показывает чрезмерное обилие евреев в науке, а также указывает, что с этим можно успешно бороться. Ибо то, чего слишком много, то лишнее. А лишнее удаляют, и получается хорошо.

Из статистических сборников выглядывает лишь самый маленький кончик вопроса. В них не печатают цифр о приеме в военные школы прежде и теперь, о составе высшего и среднего звена в государственном и особенно партийном аппарате прежде и теперь, о составе матросов и офицеров морского флота, о составе работников гражданской авиации, дипломатической службы и многих других отраслей прежде и теперь. Но невозможно же скрыть все. Цифры спрятаны, но сами явления спрятать трудно.

Проблема национальных кадров в науке ясно показывает отношение еврейского вопроса к национальному вопросу в целом. Приведенная нами таблица осветила и линию связи национального вопроса с проблемой научной интеллигенции. В сравнении с инженерством ученые более организованы и куда более общественно активны, что за последнее время проявлялось не раз: письма ученых XXIII съезду или реакция ученых на дело Жореса Медведева. Может, это одна из причин, почему уделено такое внимание распределению научных работников по национальностям.

Регулирование научных кадров посредством контрольной цифры не является самым научным способом, — но зато самым доступным, чтобы не сказать единственно доступным. Естественный, не формальный, не бюрократический отбор был бы лучше, но он, очевидно, неосуществим. Слишком далеко зашла система процента, чтобы ее можно было повернуть назад. Тем более, что пятый пункт для всех коренных национальностей представляет зримое и близкое благо, и только для евреев он зло.

Если вдуматься, то это явление прямо примыкает к вопросу о соотношении групп производительных и непроизводительных работников среди евреев. Конечно, инженерство все более становится частью рабочего класса. Конечно, наука становится производительной силой. Но она стано-

вится ею только в сочетании с другими производительными силами, а без них она просто повиснет в воздухе лабораторий. Точно так же и инженерство становится частью рабочего класса лишь при том условии, что имеется рабочий класс.

Не будь пятого пункта, который выделил ассимилирующихся евреев-интеллигентов из русской интеллигенции, вопрос бы сам собою испарился, как испаряется вода из открытого сосуда. Но сосуд плотно закрыли крышкой, национальности выделили по признаку происхождения, — и это больше всего отразилось на евреях. Они оказались прикрепленными к своим метрическим документам и ясно ощутили эту свою зависимость от документа, как потерю того права личного выбора, которым они прежде пользовались чаще всех других.

Это отнюдь не значит, что другим национальным меньшинствам данное мероприятие хорошо, а только евреям оно не угодило. Вовсе нет. Подмена действительного равенства формальным, сперва сказавшаяся на одном малом народе, неизбежно скажется и на других малых народах. Существует ли «неравенство, которое возмещало бы со стороны большой нации то неравенство, которое складывается в жизни фактически»? О нем писал Ленин в статье «К вопросу о национальностях». Возмещение есть, но оно чисто формальное: преимущества в подготовке и выдвижении кадров. Однако, само их выдвижение происходит одновременно с руссификацией и на основе ее. А раз так, то руссификация уже не может считаться добровольной и естественной, — ведь она превратилась в непременное условие для получения «национальной» привилегии. Вот где корень дела, столь роднящий еврейскую проблему с удмуртской или осетинской. Имея свои специфические черты, положение евреев, однако, во многом предсказывает будущую судьбу национальной культуры малых народов СССР, — и прежде всего их школ и их национальной литературы. Многочисленным народам Советской страны, получившим свою письменность после Октября, грозит опасность потерять ее. И по самой простой причине: число националов, пользующихся языком своего народа, становится все меньше. Получается странное противоречие между записанной в паспорте национальностью человека и его дей-

ственной, подлинной принадлежностью к своему народу, — ибо совершенно очевидно, что украинец, сам назвавший своим родным языком русский язык, если не перестал быть украинцем, то стоит прямо на пути к этому.

Сравним две графы переписи населения: сколько считает себя принадлежащим к данной национальности — и сколько из них называет русский язык своим родным языком.

Итоги переписи 1970 года еще не опубликованы, и у нас еще нет сведений о том, растет или уменьшается число кигризов, казахов, чувашей, марийцев и даже украинцев, которые считают своим родным не язык своей национальности, а русский. До сих пор рекорд в этой области держали евреи, забегая далеко вперед. Но хоть статистика 1970 года еще не опубликована, можно не сомневаться, в каком направлении идет этот процесс. О нем удается судить косвенно, сравнивая ход языковой ассимиляции в городе и деревне, пусть даже по данным переписи 1959 года.

Чтобы не перегружать изложение цифрами, возьмем всего четыре численно-малых народа: калмыков, удмуртов, мордовцев и марийцев. Сопоставим, сколько живущих в городе считают своим родным языком русский, и сколько таких обрусевших людей на селе? Ведь ясно, что повсеместный и неизбежный рост городского населения приведет к тому, что городская языковая тенденция пересилит сельскую, пусть даже среди большинства малых народов урбанизация идет медленнее, чем в среднем по стране.

Итак, из калмыков-горожан около 15 процентов считает родным языком русский, а из сельчан — только 5 процентов. Из горожан-мордовцев 48 процентов признали своим родным языком русский, а из сельчан — только 11 процентов. У удмуртов соотношение такое: 30 процентов в городе и 5 на селе. У марийцев — 23 и 2. Ясно видать: урбанизация национальных меньшинств резко повышает их языковую ассимиляцию. Этот процесс будет все усиливаться, нет сомнения.

Помимо урбанизации, сама система подготовки национальных кадров приводит их к тому, что они руссифицируются. Ведь подготовка-то ведется почти повсеместно на рус-

ском языке. И в городе, и в деревне на простейших курсах трактористов преподают по русскому учебнику русским языком. Так делается в большинстве союзных республик и во всех автономных республиках, — а мы как раз ведем речь о малых народах, т. е. о народах автономных республик и областей. На русском языке ведется преподавание для всех, от механизаторов до ассистентов академических кафедр и от счетоводов до секретарей обкомов.

Так два могучих процесса современности толкают и убыстряют руссификацию: рост городов и рост интеллигенции. Руссификация неизбежна в едином государстве, но весь ее характер, ее стиль, ее темпы определяются степенью централизации управления в нем. Сознание самой ее неизбежности тоже может быть совершенно разным при разных степенях централизации. Вот простой наглядный пример: родители-националы сами, добровольно выбирают для своих детей русскую школу, хотя для них имеется школа национальная. Истинно ли доброволен их выбор, когда он целиком зависит от того, какие перспективы он сулит детям в будущем, если те научатся достаточно хорошо русскому языку? Картина напоминает ту, какая была в еврейской среде в конце XIX и начале XX века. Но в наше время значительно обострилось и усложнилось все, что касается национального самосознания, национальных чувств и самолюбий, — и в этом весьма серьезная разница.

Усвоение русского языка, с чего начинается обрусение, само по себе отличная вещь. Именно через русскую культуру короче всего путь к культуре мировой. Но для того, чтобы этот процесс протекал естественно, необходимо подлинное равенство, основанное на соблюдении принципов, которые проводились в начале революции и которые перестали применяться при Сталине: отличать национализм большой нации от национализма малой нации, не настаивать на критерии происхождения и, что, видимо, играет наибольшую роль, — соблюдать великую осторожность при централизации государственного управления. Между тем, при Сталине централизация достигла наивысшего уровня, — каждому ясно без долгих объяснений, как это отражается на национальной политике, на отношениях между Москвой и национальными республиками. Централизованное государство неспособно мыслить свой прогресс иначе,

как через дальнейшую централизацию, и такое представление еще больше укрепляется, когда рост мощи государства год за годом становится все более важной целью его деятельности, — целью, о которой говорят и которой занимаются во много раз больше, чем, скажем, в тридцатых годах, когда сравнительная мощь нашего государства среди других держав была куда меньшей. Поворотными моментами в этом направлении были: великая победа, достигнутая невероятными усилиями и неисчислимыми жертвами советского народа, и создание советской атомной бомбы, достигнутое учеными нашей страны.

Чем значительней военная мощь государства, тем более она отражается на всех сторонах его жизни, и в том числе, разумеется, на его внутренней политике. Еврейский вопрос представляет тому наглядное, но далеко не единственное свидетельство. Об этом можно бы многое сказать, но сделать, пожалуй, уже ничего нельзя. Есть логика истории, — она сильнее самой лучшей логики человека...

Человеческое и национальное достоинство

Еще раз напомню: национализм малых наций в корне отличается от национализма больших наций. Сталинизм упорно учил нас забыть эту ленинскую мысль.

Но бывают — и все чаще! — случаи, когда меньшая нация, отстаивая свое человеческое достоинство, сама его оскорбляет в каком-нибудь третьем народе, по отношению к которому он является большинством. Антисемитизм на Украине или в Литве яркий тому пример. Надо лишь заметить, что в прошлом тут имела какое-то влияние руссификаторская роль евреев. Руссифицированные евреи до того вошли в русскую шкуру, что переставали отдавать себе ясный отчет в своем положении, и им стало так же трудно поставить себя на место казаха или эстонца, как это трудно русскому человеку, который, сам того не желая (но и не замечая!), задевает чужие национальные чувства, особенно утончившиеся за последние два-три десятилетия. Нужно ведь уметь догадаться, что чувствует казах и эстонец, когда в его города приходят русские, даже не постучавшись.

За последние годы русское население Казахстана увеличилось очень сильно. Удельный вес казахов в населении ССР снизился за годы 1939-1959 с 38 процентов до 30 процентов, хотя численность казахов увеличилась за это время на 21 %*. Каким же должен быть приток русских, чтобы, несмотря на столь быстрый численный рост основного населения, перехлестнуть его! В Казахстане (по переписи 1959 г.) жило более семи миллионов русских. Могут возразить: освоение целины, индустриализация бывших отсталых окраин и т. п. Верно. Однако, и в Прибалтике наблюдается тот же процесс. А там-то какая целина?

Казахи, латыши и эстонцы переселяются в русские города со значительно меньшей стремительностью, чем русские — в их города. Тут имеет значение и состав переселяющихся, и каналы, по которым переселение происходит: вербовка, или служебное назначение, или другие пути. Административный путь — одно, чисто добровольный — другое.

Но над содержанием этих процессов, если кто и задумывается, то менее всего задумываются командируемые или вербуемые. Людям большой нации вообще трудно влезть в шкуру человека малой нации. Труднее же всего, пожалуй, поместиться в шкуре еврея. Чтобы в нее влезть, мало понимать, что еврей имеет равное со всеми право обладать национальным достоинством. Надо еще понимать, почему, по каким историческим причинам в евреях веками заглушалось и затухало это чувство. В том-то и особое неудобство еврейской шкуры, сморщенной и скомканной, что она стремится еще более сморщиться и сжаться, чтобы стать совсем-совсем незаметным комочком. Со стороны, пожалуй, невозможно по-настоящему описать забитого и несчастного Янкеля — и потому, когда его описывает Гоголь, читать невмоготу: и за Янкеля обидно, и за Гоголя стыдно. Но когда о жалком, трусливом брате своем пишет Хаин-Нахман Бялик — это другое дело. Бялик пишет о погроме, стоя рядом с теми, кого бьют топором по голове. Гоголь же пишет о погроме, стоя рядом с теми, кто швыряет в Днепр жидов. Поэтому Бялик имеет право обличать трусов, а

* По Киргизской ССР удельный вес коренной национальности снизился с 52% до 41%, Узбекской — с 65 до 62, Таджикской — с 60 до 53. См. П. Подъячих «Население СССР», стр. 111.

Гоголь такого права не имеет. Бялик может писать об изнасилованных дочерях еврея, а Гоголь вынужден умалчивать об этой важнейшей стороне правды, без которой нет и художественной правды, — а у Гоголя она исчерпывается только болтающимися в воздухе ногами евреев в чулках.

Только тогда стало легче писать о евреях, когда их душа распрямилась и расширилась. Шкура их растянулась, и в нее стало проще влезть. И в русской литературе явился Левинсон

Человеческое достоинство еврея (как и негра или мексиканца) проявляется независимо от его национального достоинства лишь в тех случаях, когда ему не бросают в лицо его происхождение, как не бросали его Левинсону. Но пятый пункт в анкете сильно изменил и положение, и чувства Левинсонов.

Естественное усвоение русской культуры и самого русского духа в совместной жизни с русским большинством решительно отличается от желания походить на русского. В первом случае это вполне согласуется с человеческим достоинством нацмена, а во втором — это нарочитое подавление в себе чувства национального достоинства.

Эйнштейн писал в 1919 году: «Когда я 15 лет назад приехал в Германию, я впервые узнал, что я еврей, причем сделать это открытие мне помогли больше нееврей, чем евреи. Я наблюдал недостойную мимикрию талантливых евреев, при виде которой у меня сердце истекало кровью. Я видел, как школа, юмористические журналы и бесчисленные факторы культуры нееврейского большинства надламывали чувство собственного достоинства даже лучших моих сородичей».

В другом месте, в некрологе Ратенау, он добавил: «При той позиции, которую значительная часть образованных слоев Германии заняла по отношению к евреям, наиболее естественной, по моему убеждению, должна быть гордая сдержанность евреев в общественной жизни».

В Эйнштейне национальное, как мы видим, прямо выросло из человеческого. Его возмущали евреи, позволяющие топтать в себе человека. Так на смену трусости и унижен-

ности гоголевского Янкеля пришла храбрость Левинсона и гордость Эйнштейна. Но чьими продолжателями, наследниками чьего духа являются те, кто выступал на пресс-конференциях? Левинсона? Эйнштейна? Или Янкеля, длинного жида, голос которого замирал и дрожал от страха, когда он выступал перед запорожцами с самозащитной речью? Откройте «Тараса Бульбу»:

«Как можно, чтобы мы думали про запорожцев что-нибудь нехорошее. То совсем не наши, те, что арендаторствуют на Украине! Ей богу, не наши! То совсем не жиды: то черт знает что. То такое, что только поплевать на него, да и бросить. Вот и они скажут то же. Не правда ли, Шлема, или ты, Шмуль?»

«Ей богу, правда!» — отвечали из толпы Шлема и Шмуль»...

«Мы никогда еще», — продолжал длинный жид, — «не снюхивались с неприятелями. А католиков мы и знать не хотим: пусть им черт приснится! Мы с запорожцами как братья родные»...

Жив Янкель, выступавший на пресс-конференции перед запорожцами! Что из того, что он переменил свое имя?

Существуй подлинный еврейский Биробиджан, современный Янкель, чувствуя себя в некотором роде запорожцем, охраняющим границы своей Родины от басурман, сумел бы, возможно, найти иные, более достойные слова. Но Биробиджана, к сожалению, нет. А Израиль есть. И не получилось еврейской нации Биробиджана, но сложилась еврейская нация Израиля. В сложившихся условиях, кажется мне, третировать ее и желать ей гибели значит, создавать прецедент для третирования любой другой малой нации, отстаивающей, как и она, свое право на жизнь и самостоятельное развитие.

Еврейский вопрос в СССР многогранен, но вряд ли самобытная еврейская культура составляет хоть одну из его граней.

Ассимиляция евреев в языке и культуре, дойдя до полного завершения, ничего по настоящему не сумела разрешить. Самый вопрос «ассимиляция или обособление» решен

диалектикой жизни таким неожиданным образом: ассимиляция, но с обособлением. Причем обособляются не евреи сами, а их обособляют, — и не как целостный народ, а каждого поодиночке посредством изысканий в родословной. В этом удивительном по своей несообразности положении — можно ли говорить о национальной культурной, языковой и всякой другой автономии, если даже допустить, что удалось бы «собрать» евреев на какой-то территории в пределах СССР? Совершенно очевидно, что национальная культурно-языковая автономия евреев в СССР после полного провала биробиджанского эксперимента является утопией. Требования заграничных сионистских организаций предоставить евреям СССР свободу самостоятельного культурного развития по меньшей мере наивны и основаны на слабом знании действительности. Еврейский театр еще может найти зрителей, но школа и литература на языке идиш обречена на неудачу. Получился некий порочный круг: сперва еврейские школы ликвидировали против желания еврейского народа. Но так как это было тридцать лет назад, то за истекшее время выросло новое поколение евреев, у которого в самом деле уже нет желания учить детей на языке идиш. Евреям Советского Союза язык идиш стал чужд. Ни культуры идиш, ни местечка, населенного идише меншн, нет более. Еще менее того можно считать свободу религиозных отправлений какой-то частью еврейского вопроса в СССР. Молодые москвичи приходят во двор синагоги на праздник Симхат Тора вовсе не для молитв. И не бога они ищут, а хотят утвердить себя, как людей.

Голос их человеческого достоинства и есть голос бога наших дней.

Точно так же, как говорят о праве израильского народа на существование, надо говорить и о праве советских евреев относиться к израильскому народу с тем же сочувствием и пониманием, с каким относилось к нему само советское правительство в годы своей европейской освободительной миссии. Мое право сочувствовать другим евреям-трудящимся (а в Израиле ведь большинство населения — такие же трудовые люди, как люди советской страны) — не менее важная сторона еврейского вопроса, чем прием в вузы и распределение научных кадров.

Мечтать о разрешении еврейского вопроса сверху —

утопично. Призывать к его снятию — наивно. Пытаться объехать его частным порядком, для себя и своих детей, хотя и дает надежду на разрозненные удачи, но требует искусства, которое дается не каждому. Только в одной единственной части еврейский вопрос разрешим: в той части, которая зависит от евреев самих.

Тут требуется очень мало. Но и очень много: быть людьми. Научиться тому, чему некоторых не научили ни вузы, ни институты красной профессуры, ни академии, ни даже сама их жизнь: *держать голову прямо.*

О *национальной гордости евреев*

Нынче еврею, полностью ассимилированному, не приходится доказывать, как в былые времена, что он усвоил русский язык и культуру не хуже коренного русака. Ему приходится доказывать, что он достоин быть русским интеллигентом. А для этого убедить всех, что он не скептик, не интеллигентствующий, не космополит и не сионист. Ему приходится оправдываться, хотя в повседневной жизни, казалось бы, презумпция невиновности так же необходима, как в юриспруденции. Над ним висит вслух не произносимое, но тонко сформулированное обвинение: принадлежность к национальности, «государственное образование которой проводит враждебную к СССР политику». Достаточно принадлежать к этой национальности, чтобы быть виновным. И Янкель выходит на трибуну и кричит: «Ясные паны! Таких панов еще никогда не видовано. Ей богу, никогда. Таких добрых, хороших и храбрых не было еще на свете»... Может ли гоголевский Янкель представительствовать от имени евреев где бы то ни было? Ведь это все равно, как если б Смердяков вздумал выйти на трибуну и объявить себя представителем русских.

Хочется спросить современного Янкеля, который Гоголя, может, позабыл, но Ленина-то уж знает на зубок: а как обстоит дело с вашей национальной гордостью? Помните статью Ленина «О национальной гордости великороссов»? Какая она у вас — великорусская, да?

Янкель считает себя интернационалистом, — и притом пролетарским. А мне кажется, что я лучший интернацио-

налист, чем те, кто взвешивает и оглядывается, как бы, не дай бог, не отвесить еврею большей порции любви, чем остальным народам. Я интернационалист не потому, что распределяю свои симпатии всем народам поровну, а потому, что меньшинствам, угнетенным в прошлом или настоящем, сочувствую больше, чем тем, кто поддерживает угнетателей чужих народов.

Наряду с интернационализмом ученикам Ленина вполне к лицу и национальная гордость, — так же, как национальная боль, вызвавшая у Чернышевского горькое восклицание: «Рабы, сверху донизу рабы!» У меня есть и национальная гордость, и негодование против рабов и трусов в своем народе, и неутихающая печаль о замученных фашистами шести миллионах, без деления на советских подданных и подданных Венгрии или Голландии.

Но национальная гордость — и это очень важно! — в корне отличается от великодержавного чванства. Прежде всего тем, что ей чужды ходячие соображения престижа, влияния, мощи и тому подобного, а ближе всего ей дух свободы. Восстание Бар Кохбы кончилось поражением и поголовным истреблением восставших, но для дела и духа подлинной свободы это поражение дало больше, чем иная знаменитая победа.

Будучи русским евреем, думающим на русском языке, а не на иврите, и знающим Блока лучше, чем Бялика, я не вижу ничего противоречащего моим русским чувствам в том, что гордо считаю себя потомком борцов Бар Кохбы.

Историческая память нужна каждому. Нельзя быть вполне человеком, зная лишь свое происхождение от обезьяны. Кто-то смелый и свободолюбивый должен стоять между мной и синантропом, чтобы придать мне любви к человеческой свободе и ненависти к рабству. Пусть я ошибаюсь в своей генеалогии, пусть я только на одну сотую потомок Бар Кохбы — разве это важно? Важно, что я сознаю свою общность с ним. Я знаю о людях крепости Масада в Иудейских горах, которые предпочли убить друг друга, — их было 900 человек мужчин, женщин и детей, — чем сдаться в рабство римлянам. Недавно археологи раскопали развалины Масады, а еще раньше на берегу Мертвого моря, в

Кумранских пещерах, были найдены и рукописи, в том числе письма Бар Кохбы. Свободолюбие этих людей и составляет предмет моей национальной гордости. Мое право на Александра Невского, на Рылеева и Радищева оспорено пятым пунктом анкеты. Миновали те времена, когда датчанина Даля русское общество приняло в русские. Что же, не хочу быть навязчивым и напрашиваться в наследники Радищева, — довольствуюсь крепостью Масада. Согласитесь, это не так мало.

Не одной только твердостью в войне против рабства горжусь я. Я горжусь и тем, что одна из древнейших книг мира, созданная моим народом, сохранила свидетельство о людях, которые в то жестокое время восславляли добро и призывали милость к падшим. Пророки Иудеи мечтали о будущем, в котором люди перекуют свои мечи на орала. На эту тему советский скульптор создал символическое произведение и преподнес его Объединенным Нациям. Подписав под ним свое имя, он забыл высечь имя автора своей идеи: Исайя, еврей, живший две с половиной тысячи лет назад.

Прямым продолжением идеи Исайи явилась глубокая мысль, которая развилась среди евреев в период римского владычества после нескольких отчаянных, но раздавленных Римом восстаний. Разбитые, рассеянные, лишенные крова, распинаемые на крестах и продаваемые в рабство мои предки не потеряли веру в жизнь и в свободу, но придали ей вид веры в возмездие, которое все равно постигнет гонителей, если даже гонимые погибнут. Свою веру в высшую справедливость они изложили в кратком и полном глубочайшего смысла изречении: «Взявший меч от меча и погибнет». Эта мысль народа, не желающего признать себя покоренным, проходит через многое множество легенд Талмуда, она вошла в Евангелие, она жива и сегодня.

Пошляки пытались ее измельчить и приспособить для своих сценариев (в сценарии П. Павленко об Александре Невском она переделана так: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет»), но я знаю ее в первоначальном тексте, заключающем в себе общечеловеческую мысль о высшей справедливости, а не в павленковском толковании, напоминающем обычную фразу: «Не лезь, в морду получишь!»

И я горжусь народом, в среде которого могла родиться такая полная веры в будущее светлая философская мысль.

Я горжусь мыслителями и поэтами, чей гений вырос в еврейских семьях, сильных преемственностью семейного воспитания: от Баруха Спинозы, Карла Маркса, Генриха Гейне, Альберта Эйнштейна и Розы Люксембург до тех членов ленинского политбюро, которых Ленин ценил за умение бесстрашно мыслить. Великий человек умеет мыслить смело и высоко ценит это качество в других. Раввины, исключившие Спинозу из общины, проклявшие его и объявившие его книги лживыми, составляли большинство общины, а он был один. Они пользовались поддержкой тогдашнего общественного мнения, но они олицетворяли всю косность и всю глупость своего народа, а он, одинокий и проклинаемый, олицетворял всю его бессмертную мудрость. Поэтому их имена забыты, а он жив в веках.

На том самом месте, где родилась идея Исайи и где защитники Масады убили друг друга, чтобы не стать рабами, складывается сейчас новая нация. Я и ею горжусь не менее, чем защитниками последней иудейской крепости. Мое настроение отвечает настроению моего народа.

Во всем мире, во всех странах неожиданно (неожиданно, впрочем, только для талмудистов от марксизма) поднялась волна национального самосознания масс. Этому более всего способствовало пробуждение угнетенных народов бывших колоний, с одной стороны, и ослабление перспектив на близкую мировую социальную революцию. с другой. И мы не можем отбросить и игнорировать тот многозначительный общественный факт, что и народы СССР также переживают подъем национального самосознания. Мы не можем отказаться от национальных чувств, а следовательно, и от национальной гордости, питающей эти чувства, ссылкой на свой интернационализм. Мы не можем именовать себя людьми «без национальности» не из-за правила паспортной системы, но из-за того, что сегодняшний день и помимо системы требует от каждого сознательного человека дать себе ясный отчет в своем положении, чтобы с чистой совестью суметь ответить на поставленные самой жизнью вопросы.

У меня совесть чиста: я еврей и имею предмет национальной гордости. А у митиных неоткуда быть чистой совести. Им не удалось причислить себя к русскому народу, чтобы гордиться Радищевым, жившим в России тогда, когда в ней не жили еще евреи. А борцам за свободу в среде еврейского народа они гордиться не хотят. Если им напомнить об арабо-израильской войне 1948 года, они испуганно замашут руками. И если им скажут о работе кибуцов (израильских коммун), они ответят, что это лживая пропаганда. Между тем, у меня нет никаких оснований сомневаться в факте, о котором я узнал из радиопередачи: в кибуцах Израиля корова, дающая пять тысяч литров молока в год, выбраковывается на мясо. Я верю этому сообщению по той простой причине, что знаю, кто такие люди кибуцов: они родные братья тех молодых людей, которые шли в революцию, сражались на фронтах гражданской войны, родные братья Левинсона — не по крови лишь братья, а по всему своему душевному складу, по беззаветной преданности идее, по честности и бескорыстию.

Костяк новой израильской нации, ее фундамент составили они, эти самоотверженные, бесстрашные, бескорыстные молодые люди, сменившие устоявшуюся мирную жизнь на тяжкий земледельческий труд среди обожженных солнцем солончаков Палестины. Они не обрабатывали землю Палестины чужими руками, как это делают колонизаторы, а сами, своим трудом превратили пустыню в цветущий сад. И не деньгами Ротшильда, а потом и кровью своей поливали эту землю. На деньги можно купить машины, саженцы, скот. Но деньги не выдоят из коровы 6000 литров, деньги не сядут за руль трактора, не посадят леса, не осушат болота. Это сделали люди, и отдать дань их бесстрашию и их подлинным, не дутым успехам — есть мой нравственный долг, а никак не измена Родине. Я ими горжусь не меньше, чем солдатами Сталинграда и строителями Ангарской ГЭС.

Я хотел бы, конечно, гордиться Еврейской Автономной областью на Дальнем Востоке, если бы она не превратилась в чисто формальный заменитель того, чем была при своем зарождении. Никто не может винить евреев за то, что там у них ничего не получилось, — особенно если без предвзятости посмотреть на экономические результаты аналогичного эксперимента, достигнутые всего за двадцать

лет. Мой народ убедительно доказал свое право называться народом-тружеником.

И я, естественно, не могу умолчать о той благородной позиции, которую, в противовес современному гоголевскому Янкелю, заняли по отношению к моему народу многие русские мыслящие интеллигенты. Может быть, эти заметки помогут им. Их незнакомство с некоторыми сторонами дела вполне искупается их честным подходом к нему, и каждый честный человек не может не выразить им свою признательность. Для пользы дела лучше, чтобы продолжение разговора велось с ними, а не с евреебедами в штатском или в форме, и единственно по этой причине я вынужден подписаться псевдонимом.

А. Аранович.

Сентябрь 1970 г.»

2. Из интервью короля Саудовской Аравии Фейсала корреспонденту журнала «Ньюсуик» (декабрь 1970 г.)

«Коммунизм и сионизм работают совместно, чтобы воспрепятствовать восстановлению мира. Это часть великого заговора. Коммунизм это порождение сиснизма, предназначенное исключительно для воплощения целей сионизма. Они только притворяются, что противостоят друг другу на Ближнем Востоке. Сионисты обманывают США, внушая им, что находятся на их стороне. Коммунисты же, с другой стороны. надувают арабов, внушая им, что они с ними заодно. В действительности же они в сговоре с сионистами.»

3. Из статьи Геббельса «Евреи виноваты» («Дас Рейх» 16.XI-1941 г.)

...Затеяв эту войну, еврейство всего мира совершенно неправильно оценило силы, находящиеся в его распоряжении и в настоящее время претерпевает процесс постепенного разложения, который оно сулило нам и которому, не задумываясь, дало бы совершиться, если бы это было в его власти. Теперь оно само погибает, согласно его собственному закону: «Око за око, зуб за зуб». Все евреи уже в

силу своего рождения и расы участвуют в международном заговоре против национал-социалистической Германии. Евреи — паразитическая раса, которая ложится на культуру здоровых, но небогатых инстинктами, подобно слою тлеющей плесени. Против них существует лишь одно действенное средство: отрезать и выбросить... *Евреи — наша погибель.* Они затеяли и вызвали эту войну. Этим способом они хотят уничтожить нашу немецкую империю и наш народ. Этот план должен быть разрушен. Нет никакой разницы между евреями и евреями. Каждый еврей — заклятый враг немецкого народа. Если он не показывает своей вражды по отношению к нам, то это только из трусости или из хитрости, а не потому, что он не носит ее в своем сердце.

Каждый немецкий солдат, павший в этой войне, записывается на долговой счет евреев. Он на их совести, поэтому они должны за него расплатиться.

Если кто-нибудь носит еврейскую звезду, это значит он отмечен ею как враг народа. Кто с ним общается частным образом, принадлежит к его обществу и должен расцениваться также, как еврей и с ним надлежит соответствующим образом обращаться. Он заслуживает презрения всего народа, который он трусливо и подло оставляет на произвол судьбы в самое трудное время...

Евреи пользуются защитой враждебной нам заграницы. Не требуется более доказывать гибельность их роли для нашего народа.

Евреи — посланцы врагов среди нас. Кто выступает в защиту их, становится предателем на войне.

Евреи не имеют права разыгрывать из себя равноправных с нами. Если они попытаются заговорить на улице, в очередях у магазинов, в трамваях и автобусах, — их нужно заставить молчать не потому, что они принципиально неправы, а потому что они евреи и не имеют права голоса в обществе...

Порядочный враг должен пользоваться нашим великодушием после своего поражения. Но еврей не является порядочным врагом... Евреи виновны в войне. Наше обра-

щение с ними не несправедливо по отношению к ним, они его более чем заслужили.

Окончательно покончить с ними — дело правительства. Никто не имеет права действовать по своему усмотрению, но обязанность каждого уважать мероприятия государства против евреев, не позволять им вводить себя в заблуждение никакими трюками и уловками и сохранять сознание об их опасности. Этого требует от всех нас безопасность государства.»

4. Из статьи Роберта Лея «Отвратительное лицо большевизма» («Ангриф», 12.VIII.1941 г.)

В Советском Союзе евреи достигли того, что они подготовили для всего человечества. Так должна была выглядеть мировая революция, — революция уничтожения и разрушения всего прекрасного и благородного, всей культуры, всего искусства, всего великого и возвышенного, и в то же время — погружения в бездонную человеческую грязь, в безобразие и нищету. На этих грудах человеческого уничтожения евреи хотели воздвигнуть потом свое мировое господство. Ибо среди всего отвратительного есть и будет он, еврей, самым отвратительным и к тому же самым первым; среди пролетариев он, еврей, первый пролетарий, среди гангстеров — первый гангстер и к тому же владыка и король измученных, уничтоженных, превращенных в животных людей... Мы повторяли и будем повторять: эта война есть война евреев против народов и человечества, против культуры и труда. Поэтому еврейство и его мир должны быть уничтожены, как это происходит сейчас на территории большевистского «советского рая», для того, чтобы успехам и развитию истинного социализма была открыта свободная дорога...»

5. Почему многие евреи из СССР стремятся выехать в Израиль?

Мотивы такого весьма трудного в наших нынешних условиях решения о подаче заявления в ОВИР с просьбой выдать разрешение на выезд из СССР различны.

Вот что пишет, например, в своем заявлении житель г. Риги Шепшелович М. З., многие родственники которого живут в Израиле: «Мое личное желание выехать в Израиль связано не только с чувством моей матери по отношению к ее брату (и моему дяде), который уже около 50 лет живет в Палестине. Я не могу переносить атмосферу национальной ненависти, создаваемой отдельными личностями, не хочу выносить уличного антисемитизма, выслушивать постоянные оскорбления и угрозы, испытывать унижение. Мои дедушка, бабушка и тетя с стороны отца были расстреляны немцами в Румбуле во время войны, в Одессе были расстреляны десятки родственников со стороны матери. Мамин дедушка и два его сына были расстреляны из пулемета петлюровцами на глазах моей матери. И когда я слышу высказывания типа: «единственное за что нужно сказать спасибо немцам, так это за то, что они уничтожали жидов» или «жаль, что всех не успели расстрелять», я вспоминаю судьбу моих зверски убитых родственников, я вижу, что люди, высказывающие подобные чудовищные мысли, духовно готовы повторить эти злодеяния . . Я родился и вырос в Советском Союзе, я выполнял все свои обязанности перед государством как гражданин. Но мое первое детское воспоминание — травля собаками за то, что я еврей. И с тех пор, где бы я ни был, в школе, на улице, на работе или в армии, об этом мне напоминали постоянно; одни прямо и нагло в лицо, другие ухмылялись за спиной. Я знаю, я испытал на себе весь этот набор антисемитских гнусностей, начиная от «не воевали, в Ташкенте сидели» до «убирайтесь в ваш Израиль, нечего есть русский хлеб». Я был маленьким мальчиком, когда проходил «процесс врачей». Но я отлично помню, как он проходил на нашем «детском уровне», что мне пришлось выслушать от своих сверстников по этому поводу. И когда год назад мне было заявлено, что «это еще неизвестно, были эти врачи виновны или нет» — это не было для меня неожиданностью. Для меня не было неожиданностью, что мое желание выехать с матерью в Израиль разбиралось на специальном заседании в партбюро по месту работы, где мне заявили, что я «изменник и предатель Родины» и добавили, явно не без удовольствия, что «все равно меня там убьют» . . .

6. Две характеристики

В мае 1969 г. старший инженер котельного цеха Ленинградского участка треста «Энергочермет» Г. З. Шур получил характеристику, подписанную начальником треста, секретарем партийной организации и председателем месткома. В этой характеристике, в частности, говорилось: «За время работы проявил себя опытным, вдумчивым инженером, квалифицированно исполняющим порученные ему работы. Самостоятельно проводит испытания котлоагрегатов различной производительности на различных видах топлива. Активно участвует в общественной жизни цеха, является секретарем секции НТО котельного цеха. Неоднократно выдвигался в лучшие люди цеха, борется за звание ударника коммунистического труда.»

Через 7 месяцев в январе 1970 года тот же инженер Г. З. Шур от тех же самых лиц получил новую характеристику, в которой говорится:

«За время работы проявил себя исполнительным работником. Технически грамотен. В работе малоактивен, недостаточно проявляет инициативу при выполнении заданий. В общественной жизни организации принимает слабое участие. Являясь членом Совета НТО по котельной секции, проявил полную бездеятельность. В политическом отношении не внушает доверия. Своим решением выехать из СССР на постоянное жительство в Израиль Шур Г. З. совершает предательство интересов Советского Союза — страны, которая является его Родиной, в которой он вырос, получил образование и специальность, где он пользуется всеми правами, гарантированными Конституцией СССР гражданам СССР, в том числе и гражданам еврейской национальности, где ему предоставляются широкие возможности для повышения культурного уровня, производственной и деловой квалификации. Выезд в Израиль Шур Г. З. предпринимает в то время, когда Израиль ведет агрессивную войну против арабских государств, осуждаемую всем мировым прогрессивным общественным мнением. Тем самым Шур Г. З., как военнообязанный, ставит себя в ряды участников израильской агрессии.

Администрация, партийная и профсоюзная организации осуждают решение Шура Г. З. выехать из СССР в Израиль,

считают причины, побудившие его совершить этот поступок, несостоятельными, вызванные только его политической беспринципностью и национализмом.

Характеристика выдана для представления в ОВИР в связи с ходатайством Шур Г. З. о разрешении выезда на постоянное местожительство в Израиль.»

7. Документ из канцелярии М. В. Келдыша

Президенту АН СССР академику М. В. Келдышу

Резолюция
акад. М. В. Келдыша:
«Ознакомить»

За последнее время я неоднократно сталкивался с распространяемыми обо мне среди членов отделения философии и права Академии наук СССР утверждениями, будто я скрываю свою подлинную национальность, поскольку я, якобы, являюсь в действительности «польским евреем». Я мог бы игнорировать эти слухи, если бы не обстоятельство, что они находятся в прозрачной связи с фактом выдвижения меня в кандидаты на избрание в члены-корреспонденты Академии наук СССР.

Указанные утверждения и слухи носят клеветнический характер. и они никоим образом не соответствуют фактам. А последние таковы.

Я родился 18 ноября 1920 года в г. Морсшанске Тамбовской области. Мой отец Нарский Сергей Васильевич — русский, командир Красной Армии. После демобилизации в 1920 году работал на различных счетных должностях и умер в Морошанске в январе 1941 года, где он в 1896 г. и родился.

Родители моего отца — Нарский Василий Андреевич и Нарская Степанида Федоровна (урожденная Ковритина) — оба русские по происхождению. Проживали и умерли в Морошанске. Фамилия «Нарские» представляет собой изменение исходной фамилии «Нарских», которую носили предки Василия Андреевича, выходцы из Сибири, прежде

проживавшие в районе реки Нара. Имеется другая ветвь его семьи, сохранившая фамилию «Нарских». Некоторые ее члены проживают в Морошанске и теперь, а Нарский Иван Иванович (научный работник в области железнодорожного транспорта) — в Москве.

Моя мать — Нарская Елизавета Ивановна, русская, урожденная Горбачева. Родилась она в 1895 году в семье крестьянина села Островка Морошанского уезда (ныне района) Тамбовской губернии (области) и его супруги, также крестьянки того же села, проживавшей после смерти мужа у дочери. Оба родители моей матери русские, умерли (он) в селе Островка и (она) в г. Морошанске. Моя мать в настоящее время проживает в г. Морошанске (ул. Пассажирская, 10). Ей 76 лет, она пенсионерка, инвалид труда.

В Морошанске проживали и умерли также и родители моей супруги, оба русские — Попов Павел Дмитриевич и его жена Ольга Николаевна.

В Морошанске в настоящее время проживают две престарелые родные сестры моей матери — Екатерина Ивановна и Антонина Ивановна. Третья ее сестра — Александра Ивановна (в замужестве Шолохова) проживает в Москве в семье моей дочери Елены Ивановны (по мужу Третьяковой).

Акты гражданского состояния по г. Морошанску и Морошанскому уезду, насколько мне известно, в период Отечественной войны не эвакуировались и не уничтожались.

К сказанному могу добавить, что в свойственном мне хорошем знании нескольких иностранных языков (кроме польского я владею другими славянскими, не говоря уже об основных западно-европейских языках) не вижу для советского ученого ничего предосудительного или «подозрительного». Что касается именно польского языка, то он был изучен мною в 1945-1946 гг. когда по долгу моей службы в советской разведке я находился и работал на польской территории. Эта моя работа была отмечена правительственными наградами, в том числе несколькими орденами.

Я прошу ознакомить с настоящим заявлением членов отделения философии и права АН СССР. В случае, если Вы сочтете мое письмо неудовлетворительным, прошу назначить расследование.

Доктор философских наук, профессор МГУ, старший научный сотрудник АН СССР (по совместительству).

10 октября 1970 г. Москва И. С. Нарский

О МЕЖДУНАРОДНОМ КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

Международное коммунистическое движение переживает сегодня огромные трудности, вероятно, самые серьезные со времен основания Коммунистического Интернационала. С внешней стороны мы видим явное ослабление этого движения, как единого движения. Противники коммунистов говорят о кризисе коммунистического движения и его расколе. И в этом есть доля истины. Мы думаем, однако, что нынешнее положение есть определенная болезненная фаза развития, период смены концепций и организационных форм, когда через взаимную критику, через разногласия, даже через раскол коммунистическое движение должно получить в будущем какие-то новые стимулы для своего развития. Тем не менее следует рассмотреть более внимательно нынешнюю обстановку. Прошлогоднее Совещание коммунистических и рабочих партий не продемонстрировало ни «возросшего единства», ни «возросшей силы» мирового коммунистического движения. На Совещании 1969 года не было многих крупнейших коммунистических партий, которые были представлены на Совещании 1960 года. Фактически в мировом коммунистическом движении произошел глубокий раскол, причем этот раскол идет по многим линиям. Главная линия раскола пролегла между КПСС и КПК, т. е. между двумя крупнейшими компартиями мира. Многие компартии придерживаются в этом конфликте политики нейтралитета (Корея, Вьетнам, отчасти Румыния). Некоторые компартии оказались в состоянии конфликта как с КПК, так и с КПСС (компартия Кубы, компартия Японии, одна из компартий Израиля и др.) Почти полностью разгромлена, деморализована и лишена руководящих центров такая крупнейшая в прошлом компартия, как Индонезийская коммунистическая партия. Тяжелый внутренний кризис происходит в компартиях Швеции, Финляндии, Голландии, Бирмы и некоторых других стран. Во

многих странах Азии и Латинской Америки, в некоторых странах Африки длительный внутренний кризис закончился расколом, причем здесь образовались или две параллельные компартии (Индия, Израиль) или даже несколько групп и партий, называющих себя коммунистическими (например, в Бразилии). Общее число коммунистов в несоциалистических странах сильно уменьшилось уже после 1956 года, оно продолжало уменьшаться и во второй половине 60-х годов. В большинстве стран Западной Европы, в странах Африки, в большинстве стран Азии и Латинской Америки коммунистические партии сегодня крайне незначительны и невлиятельны. Исключение составляют лишь Италия, Франция, Испания и Индия.

Даже и среди основной группы компартий, собравшихся в июне 1969 года на Совещание, выявились самые серьезные разногласия по многим важнейшим проблемам. Значительная часть компартий продолжала резко критиковать акцию стран Варшавского Договора в августе 1968 года. Подготовленный к этому Совещанию Основной документ не содержит фактически никаких новых идей по сравнению с Заявлением 1960 года. Более того Основной документ 1969 года обходит молчанием многие важнейшие проблемы и трудности коммунистического и национально-освободительного движения, он сводится к констатации общеизвестных фактов и содержит самые банальные истины и рекомендации, которые не могут стать стимулом какого-то нового этапа или нового подъема мирового коммунистического движения. Неудивительно, что часть руководителей компартий подписала этот Основной документ с многими оговорками и после серьезной критики (Австрия, Испания, Румыния и др.). Пять компартий в том числе крупнейшая на Западе Итальянская коммунистическая партия отказались вообще подписать Основной документ Совещания в полном объеме. Таким образом, международное коммунистическое движение даже и в той своей части, которая была представлена на Совещании, не имеет документа, который мог бы стать общей политической платформой для всех стран, участвующих в Совещании.

После роспуска Коминтерна, а также после неудачного опыта Коминформа международное коммунистическое движение не сумело выработать каких-либо приемлемых орга-

низационных форм своего единства. Оно не имеет даже такого органа как, например, бюро Второго Интернационала. У нас имеется только один международный коммунистический журнал. Отсутствие какого-то постоянного консультативного бюро (такой орган есть даже у движения сторонников мира) создает для коммунистического движения многие трудности. Можно указать, например, на проблему взаимопомощи. Не только небольшие партии нуждаются в финансовой и иной помощи со стороны крупных партий, уже пришедших к власти в своих странах. В такой помощи нуждаются и сравнительно крупные партии капиталистических стран. Оказание такой помощи на двусторонней основе, а не через международное бюро, создает многие препятствия для развития взаимной критики и самокритики.

Существует, по-видимому, очень много причин, ослабляющих международное коммунистическое движение. Повсеместное развитие национализма и националистических тенденций привело в ряде районов к столь острым национальным конфликтам, что в эти конфликты оказались втянутыми и коммунистические партии. Особенно большой урон нашему движению нанесла победа великодержавных, гегемонистских и шовинистических тенденций в КНР. Западные коммунистические страны были потрясены раскрывшимся после XX-го съезда КПСС преступлениями Сталина и сталинского руководства ВКП(б). В последние годы многие антидемократические тенденции, имевшие место в СССР и КПСС, также серьезно отразились на престиже нашей страны, нашей партии и всего коммунистического движения. Ослабляют коммунистическое движение и серьезные неудачи СССР в экономическом соревновании с главными капиталистическими странами. Чрезвычайно медленно развиваются и те основные доктрины, которые лежат в основе нашего движения. В результате на многих важнейших частях марсистско-ленинской теории лежит сегодня определенный налет догматизма, когда обстановка и во всем мире и в отдельных странах изменилась решительным образом, а основные теоретические положения и политические установки остались прежними. Серьезный ущерб мировому коммунистическому движению наносят некоторые внешнеполитические акции СССР, например, военная интервенция в Чехословакии. К сожалению, мы до сих

пор даем слишком много поводов для весьма эффективной антикоммунистической пропаганды.

Имеется, конечно, немало и объективных причин слабости коммунистического движения во многих странах. Как известно, капитализм пока еще находит достаточно импульсов для развития производства, производительных сил и производительности труда. Введя в свою экономику элементы планирования и государственного регулирования, а также в связи с далеко зашедшим процессом монополизации производства, облегчающим такое планирование и регулирование, капиталистическое хозяйство в основном избавилось от разрушительных экономических кризисов предвоенных десятилетий. Образование социалистического лагеря вместе с далеко зашедшим процессом международного разделения труда до известной степени ослабили взаимные противоречия между главными капиталистическими странами. Если вторая мировая война возникла всего через 20 лет после окончания первой мировой войны, причем вначале вторая мировая война возникла как война между двумя группами капиталистических стран, то сейчас возможность возникновения войны между главными капиталистическими странами можно считать полностью исключенной. Несмотря на серьезные противоречия в капиталистической части мира возникли и развиваются интеграционные тенденции, которые нельзя недооценивать.

Огромные возможности, которыми располагает сегодня капиталистическое хозяйство, позволяет здесь смягчить и ослабить некоторые социальные трудности и противоречия. Во многих капиталистических странах в послевоенные годы наблюдается устойчивая тенденция роста реальной заработной платы. улучшения условий жизни рабочего класса (а не только рабочей аристократии), сокращения рабочей недели, уменьшения безработицы. Конечно, и сегодня в капиталистических странах существует немало причин для массового недовольства, что породило, например, в США весьма значительное движение так называемых «новых левых». Однако это движение идет мимо коммунистической партии, в ряде случаев оно имеет даже вполне определенный антикоммунистический характер.

Совершенно очевидно, что во всех развитых капиталистических странах социалистическая революция «класси-

ческого типа» сегодня уже невозможна. Коммунистические партии Европы принимают сейчас на вооружение некоторые лозунги и положения, характерные ранее для социал-демократических партий. Однако новый курс и новая политика вырабатываются очень медленно, с большими трудностями. Таким образом в концепциях «французского», «итальянского», а тем более «британского» или «американского» путей к социализму остается все еще слишком много недоработанных и противоречивых положений.

Недостаточно разработана на Западе и основная для социалистической перспективы концепция единства рабочего класса (единого фронта рабочего класса). Мы убеждаемся сегодня, что в концепциях социал-демократического движения Западной Европы 20-х годов имеется определенная доля истины. Эти концепции плохо подходили к условиям России, совсем не подходили к условиям колониального и полуколоникального Востока, но они отвечали определенным объективным тенденциям в развитых капиталистических странах (другое дело, что лидеры социал-демократии плохо согласовывали свои действия со своими же концепциями, а сейчас изменили и эти концепции, продолжая, однако, мало следовать и новым концепциям. Но и коммунисты далеко не всегда следуют провозглашенным ими концепциям. Это особая проблема — разрыв слова и дела у политических партий, и мы ее здесь не можем рассматривать.) Поэтому претензия выступать от имени всего народа или всего рабочего класса в условиях Западной Европы для молодых коммунистических партий была явно несостоятельной. Рабочий класс в Европе был в 20-30 годы лишен той относительной однородности, которую он имел в России, где практически не было так называемой рабочей аристократии. Поэтому попытка завоевать на свою сторону весь или подавляющее большинство промышленного пролетариата, что, как известно, удалось сделать большевикам в 1917 году в России, была обречена на провал в основных западно-европейских странах. Сосредотачивая основной огонь своей критики на социал-демократах, коммунистические партии Европы совершали серьезную ошибку, которая привела к трагическому расколу рабочего класса и помогла победе фашизма в Германии. Эта политика помогала сохранять в социал-демократическом движении влияние и власть самых правых лидеров, которые в свою оче-

редь насаждали в социал-демократическом движении антикоммунизм. После VII Конгресса Коминтерна, а также в годы Второй мировой войны восторжествовала все же политика Единого фронта, что и обеспечило победу над фашизмом. Однако в послевоенные годы политика Единого фронта была вновь ликвидирована по вине как социал-демократов, так и коммунистов. В настоящее время есть признаки более реалистического и более трезвого подхода ко всем этим проблемам, что зафиксировано и в Программе КПСС и в некоторых документах международных совещаний компартий. Однако перемены происходят все еще очень медленно, и вина за раскол рабочего движения опять-таки лежит и на социалистах, и на коммунистах. Однако нам следует прежде всего говорить о своих ошибках, ибо если эти ошибки будут преодолены, то будет легче решить и все остальные проблемы.

Для коммунистов наиболее фундаментальное изменение политики должно, по-видимому, состоять не только в более энергичном отставании политики единого фронта, единства действий с социал-демократами (там где это возможно), но и в изменении всего отношения к политике единого фронта, его перспектив и его сущности. Многие компартии в политике единого фронта видят не только средство для победы над монополиями, над тенденциями к фашизму и реакции и т. д., но также и возможность, изолировав и разоблачив лидеров социал-демократии, завоевать на свою сторону весь рабочий класс и всех трудящихся. Коммунисты исходят из того, что только их идеология выражает наиболее полно и глубоко интересы и мнения всех трудящихся или во всяком случае всего рабочего класса. В действительности же коммунистически настроенные трудящиеся составляют одну часть общества и одну часть рабочего класса, а социал-демократически настроенные трудящиеся (а не только их лидеры) составляют другую важную часть общества и рабочего класса. Мы должны понять, что социал-демократическая идеология представляет не только «обман трудящихся», она отвечает настроениям и интересам значительной части рабочего класса западных стран, а в настоящее время даже большинства рабочего класса в значительной части инженерно-технических работников. И здесь нужен союз, единый фронт в том смысле, в котором мы говорим и о едином фронте с интеллигенцией или с крестьянством

(и крестьянским партиями, если они существуют). То есть речь идет не о временном политическом соглашении, а о длительном союзе, построенном на разумном и приемлемом для всех этих различных политических сил компромиссе. И без всяких заранее высказанных претензий на руководящую роль. Должны существовать также твердые гарантии, что такой единый фронт, такой политический союз сохранится и после прихода его к власти. Мы должны исходить из того, что в условиях Запада коммунистическое движение представляет собой не всю истину, но часть истины, или вернее это истина лишь для части трудящихся. Но также и социалистическое и социал-демократическое движения представляют собой часть истины, отражают часть объективно существующих интересов трудящихся, являются выразителями этих интересов. И если в более отдаленном будущем произойдет слияние этих движений, то это будет не простое поглощение коммунистическим движением движения социал-демократического, но объединение, при котором каждая сторона принесет с собой часть своей идеологии и системы ценностей. По-видимому, только через такой союз коммунистов и социал-демократов возможна в западных странах победа социализма, политические формы которого будут очень существенно отличаться от того, что было в 20-е, а тем более в 30-е годы в СССР. Разумеется, поворот к союзу с социалистами вовсе не исключает критику правых социал-демократических лидеров, многие из которых давно уже отказались на деле от всяких социалистических доктрин и проповедуют социализм только на словах (а иногда отказываются даже и от слов о социализме). Но в такой же мере мы нуждаемся сегодня в самой основательной критике большинства коммунистических лидеров, которые проводят догматическую и бюрократическую политику, которые на деле почти перестали быть подлинными коммунистами. как это представляли себе Маркс, Энгельс и Ленин. Коммунистическое движение несет с собой груз ошибок и даже преступлений не меньший, чем тот груз ошибок и преступлений, который несет с собой социал-демократические движение. Несмотря на это значительная часть рабочего класса в странах Европы продолжает оказывать большое доверие коммунистам, а другая часть рабочего класса — социал-демократам. И это доверие (и давление) рабочего класса дает надежду, что оба потока рабо-

чего движения в развитых промышленных странах найдут возможность преодолеть имеющиеся у них слабости и ошибки и объединиться в борьбе за мир и социализм. Во всяком случае коммунисты должны сделать для этого все, что возможно, иначе история возложит также и на них ответственность за все тяжелые последствия и за возможную гибель большей части человечества в результате развития нынешних опасных тенденций в современном мире.

В настоящее время в промышленно-развитых странах только ИКП проводит (и разрабатывает) политику, наиболее подходящую к условиям западных стран. И если бы не многие наши действия, которые вызывают столь большой протест среди прогрессивных кругов Запада, то ИКП имела бы очень большие шансы на приход к власти в составе какой-либо социалистической коалиции. Ряд правильных и разумных политических мероприятий проводит в последние годы и ФКП, однако догматические силы здесь значительно сильнее, чем в Италии. Что касается многих других компартий, без отказа от догматизма эти партии не могут рассчитывать даже на то, что станут когда-нибудь действительно массовыми партиями.

Конечно же, положение в Европе и США крайне отличается от положения в слаборазвитых странах. И в этих странах социализм и социалистическая перспектива — это объективная необходимость, ибо только на этом пути возможно быстро и с наименьшими потерями пройти путь от отсталости к процветанию. В некоторых из слаборазвитых стран возможны в ближайшие годы социалистические революции, близкие к революциям традиционного типа. Здесь происходит быстрый рост рабочего класса, его не только относительное, но и абсолютное обнищание. Здесь нередко сохраняется не только неоколониалистская, но и феодальная эксплуатация трудящихся. Поэтому мы думаем, что в семидесятые годы могут произойти социалистические революции в некоторых важных странах третьего мира. Международная напряженность, сопровождаемая созданием военных блоков, в настоящее время только затрудняет развитие этих социалистических революций.

И еще несколько замечаний. Хотя нынешняя идеологическая борьба в коммунистическом движении давно уже перешла все границы и привела к фактическому расколу,

однако в определенных рамках и границах борьба течений и мнений является вполне нормальным состоянием международного коммунистического движения. Каждая партия должна привыкнуть к состоянию такой борьбы течений и научиться жить в условиях борьбы течений, в условиях критики, в рамках относительного, а не абсолютного единства. Можно предположить, что неумение коммунистов жить и работать в условиях относительного единства, их требование абсолютной централизации, их чрезмерно жесткая дисциплина и нетерпимость к инакомыслию, их попытки объяснять едва ли всякое инакомыслие «кознями» врагов, их постоянное стремление к «разгрому» «врагов» в собственных рядах, — все это как раз и объясняет нынешний кризис и раскол в мировом коммунистическом движении или по крайней мере составляет важную часть такого объяснения.

Нынешний кризис мирового коммунистического движения, а также кризис марксистско-ленинской идеологии, которая не получила в последние десятилетия должного развития и таким образом отстала от требований жизни, порождает среди вчерашних приверженцев этого движения и этой идеологии, которые осознают данный кризис, а не пребывают в сознании, что все и сейчас у нас в порядке, два основных течения или решения. Некоторые из вчерашних марксистов порывают с ним и переходят в лагерь его противников. Другие пытаются провести ряд реформ изнутри, т. е. модернизировать и развить данную идеологию, исходя из ее же метода и системы, из ее основных положений. Иными словами речь идет о развитии марксизма и ленинизма, о развитии коммунистической идеологии. Второй путь является, конечно, более правильным. Он является единственно возможным для образованного марксиста. Но мы не можем относиться с непримиримостью даже и к тем, кто сегодня или в последние годы отошел от марксизма, потеряв веру в его способность решать проблемы сегодняшнего мира. Реформа марксизма, в которой он столь остро нуждается, вернет многих людей, разуверившихся в марксизме, опять под его знамена. И с ними придет множество новых людей и молодежи. Только марксизм может решить проблемы XX века, но для этого нужно иметь и марксизм XX-го века, а не упрощенный и догматизированный марксизм XIX и самого начала XX века.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДН	Allgemeines Deutsches Nachrichtenbüro (Телеграфное агентство ГДР)
АКП	Австрийская коммунистическая партия
АН СССР	Академия наук СССР
АПН	Академия педагогических наук
АПН	Агентство печати «Новости»
ВАК	Высшая аттестатная комиссия
ВАПП	Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей
ВНР	Венгерская Народная Республика
ВОВ	Великая Отечественная Война
ВРК	военно-революционный комитет
ВСНХ	Высший Совет народного хозяйства
ВСРП	Венгерская социалистическая рабочая партия
ВУЗ	высшее учебное заведение
ГДР	Германская Демократическая Республика
ГКП	Германская коммунистическая партия
гороно	городской отдел народного образования
Госплан	Государственная комиссия Совета Министров СССР по перспективному планированию народного хозяйства
Гр(уз) ССР	Грузинская Советская Социалистическая Республика
ГУГБ	Главное управление государственной безопасности
Джойнт	Joint Distribution Committee
ДОСААФ	Всесоюзное добровольное общество содействия армии, авиации и флоту
ЕАО	Еврейская Автономная Область
ЗИЛ	Завод имени Ленина
ЗИС	Завод имени Сталина
ЗСФСР	Закавказская Социалистическая Федеративная Советская республика
ИКП	Итальянская коммунистическая партия
ИМЛ	Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
ИМРД	Институт международного рабочего движения
КАН	Klub angažovaných nestraníků
КГБ	Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР
КомЗЕТ	Комитет по землеустройству евреев-трудящихся
Коминтерн	Коммунистический Интернационал
Коминформ	Информационное бюро коммунистических партий
КПК	Комиссия партийного контроля

КПЧ	Коммунистическая партия Чехословакии
МВО	Московский военный округ
МКП	Мексиканская коммунистическая партия
МООП	Министерство охраны общественного порядка
Мосгорсуд	Московский городской суд
МСЭ	Малая советская энциклопедия
МТС	машинно-тракторная станция
НАТО	North Atlantic Treaty Organisation
НДП	Nationaldemokratische Partei Deutschland (NPD)
НИИ	научно-исследовательский институт
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
НРБ	Народная Республика Болгария
НТО	научно-технический отдел
НФО	Народный фронт освобождения
НЭП	новая экономическая политика
ОВИР	Отдел виз и регистрации иностранцев
ОЗЕТ	Общество по землеустройству евреев-трудящихся
ООН	Организация объединенных наций
оргбюро	организационное бюро
Петросовет	Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов
ПК	Петроградский комитет
ПНР	Польская Народная Республика
ПОРП	Польская объединенная рабочая партия
ПОУМ	Partido Obrero de Unificación Marxista
предгубревком	председатель губернского революционного комитета
ПРО	противоракетная оборона
РАПП	Российская ассоциация пролетарских писателей
Реввоенсовет	Революционный военный совет
РКП(б)	Российская коммунистическая партия (большевиков)
РПЦ	Русская православная церковь
РСФСР	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
с/д	социал-демократ(ический)
СД	Sicherheitsdienst
СКЮ	Союз коммунистов Югославии
СФРЮ	Социалистическая Федеративная Республика Югославия
СНК	Совет Народных Комиссаров
Совнархоз	совет народного хозяйства
СЧСП	Союз чехословацких писателей (Svaz československých spisovatelů)
США	Соединенные Штаты Америки

СЭВ	Совет экономической взаимопомощи
ТАСС	Телеграфное агентство Советского Союза
ТОЗ	Товарищество по совместной обработке земли
УНКВД	управление Народного комиссариата внутренних дел
УР	укрепленный район
ФКП	Французская коммунистическая партия
ФРГ	Федеративная Республика Германия
ЦДЛ	Центральный дом литераторов
ЦДСА	Центральный дом Советской армии
ЦКК	Центральная контрольная комиссия
ЦО	центральный орган
ЦРУ	Центральное разведывательное учреждение (Central Intelligence Agency)
ЦСУ	Центральное статистическое управление
ЧССР	Чехословацкая Социалистическая Республика
ЧТК	Československá tisková kancelář (Чехословацкое телеграфное агентство)
ЭВМ	электронная вычислительная машина
энергочермет	Государственный трест энергетического оборудования черной металлургии

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А-в писатель, информант редактора 273
Абакумов Виктор Сем. 1894-1954 чекист 461, 585, 781
Абрамов И. автор письма в ред. «Кр. звезды» 421
Абрамов Фед. Александр. 1920- пис. 425, 427
Авар Янош венгерский журналист 552, 553
Августин (Augustinus Aurelius) 354-430 северо-африканский богослов, святой 515
Авербах Леопольд Леонидович 1903-38 пис. 50, 52, 717
Аврих П. (Paul Henry Avrich) 1931- ам. историк 613
Агабеков Григ. А. -1938 разведчик 57
Агранов Яков Саулович 1893-1938 чекист 593, 612
Агранова жена Я. С. Агранова 593
Аграновский Анатолий Абрамович 1922- писатель 490
Агрба Алексей Серг. -1938 предс. ЦИК Абхазии 159
Адамович Иосиф Александр. 1897-1937 военный 589
Айтматов Чингиз 1928- кирг. писатель 81, 422
Аксельрод Пав. Бор. 1850-1928 меньшевик 54
Аксенов Василий Павлович 1932- писатель 426
Александр Невский 1220-1263 вел. князь влад. 772, 798
Александр II Николаевич 1818-1881 царь 1855-81 441
Александр I Павлович 1777-1825 царь 1801-1825 86
Александров И. автор статьи в «Правде» 704
Алексеев А. автор статьи в «Межд. жизни» 12
Алексеев Н. инженер 663-676
Алексий (Сергей Владимирович Симанский) 1877-1970 патриарх московский и всея Руси 92
Аллилуева Надежда Сергеевна 1902-1932 жена Сталина 579
Аллилуева Светлана Иос. 1926- дочь Сталина 149, 159, 705
Алпатов М. А. историк 725
Альварес С. публицист 529
Амальрик Андрей Алексеевич 1938- пис. 623, 647-663
Амантай Абдулла Гареевич 1907-44 башк. поэт 719
Аморт Ч. (Čestmír Amort) чехосл. историк 273
Аманьин Сергей писатель 83
Андроников Ираклий Луарсабович 1908- литературовед 617
Анищенко Николай ефрейтор 334
Анненков Ник. Александр. (Н. А. Кокин) 1899- актер 275
Анненский Иннокентий Федорович 1856-1909 поэт 518
Анохин Петр Кузьмич 1898-1974 физиолог 373
Антонов Сергей Петрович 1915- писатель 619
Аракчеев Алексей Андреевич 1769-1834 временщик 599, 733
Аранович А. публицист 701, 738-801
Ардаматский Василий Иванович 1911- пис. 566
Ардериус Х. (Jose Arderius) 1890-? исп. пис. 33
Аржанухин В. Ф. -1941 военный 593

Аристотель 384-322 греческий философ 106
Артемьев действ. лицо в романе Шахмагонова 603
Артузов Артур Христианович (А. Х. Фраучи) 1891-1943 чекист 590
Артымовска З. (Zofia Artymowska) польск. публ. 356
Арцимович Лев Андреевич 1909-1973 физик 626
Асеев Николай Николаевич 1889-1963 поэт 618
Астратян Эзрас Асратович 1903- физиолог 373
Астауров Борис Львович 1904-1974 биолог 373
Ахматова Анна Андр. (А. А. Горенко) 1893-1966 поэтесса 522
Ашока 273-232 индийский царь 537
Б-р А. информант редактора 60
Бабель Исаак Эммануилович 1894-1941 пис. 220, 717
Баграмян Иван Христофорович 1897- маршал 18, 587
Бадуев Саид Сулейманович 1904-43 чеченский пнс. 719
Бажан Николай Платонович 1904- укр. пис. 279
Базаров действ. лицо в романе Тургенева 730
Байков Илья кучер Александра I 599
Байрон Д. (George Noel Gordon Byron) 1788-1824 английский поэт 521
Бакланов Григорий Яковлевич 1923- пис. 566
Балашов Дмитрий писатель 426
Балицкий Всеволод Аполлонович 1892-193? чекист 612
Балтер Борис Исаакович писатель 373
Бар Кохба -135 еврейский полководец 797, 798
Бараль учительница 154
Баратынский Евгений Абрамович 1800-1844 поэт 522
Барбирек Ф. (František Barbírek) 1927- канд. ЦК КПЧ 239
Бардина действ. лицо в брошюре Микулиной 432
Барятинский Александр Петрович 1798-1844 декабрист 438
Батов Павел Иванович 1897- генерал 573
Батый -1255 монгольский хан 724
Бауман Карл Янович 1892-1937 парт. деятель 593
Бауэр О. (Otto Bauer) 1882-1938 австрийский соц. 632-3
Безыменский Александр Ильич 1898-1937 поэт 618
Бейлис Менахем Мендель 1874-1934 приказчик 784
Бекаурн Владимир Иванович 1882-1937? изобретатель 591
Белинский Виссарион Григорьевич 1811-1848 критик 732
Белова Людмила канд. иск. наук 367
Бельский А. М. чекист 613
Бенеш Э. (Edvard Beneš) 1884-1948 президент Чехосл. 614
Берг Аксель Иванович 1893- академик 592
Берггольц Ольга Львовна 1910- поэтесса 104
Бергсон Г. (Henri Bergson) 1859-1941 фр. фил. 174, 178
Бердяев Николай Александрович 1874-1948 философ 69, 84
Березкин действ. лицо в романе В. Гроссмана 730
Бережков Валентин Мих. 1916- дипломат 237, 286, 287
Берзин Ян Карлович 1889-1938 разведчик 590

Беринг Витус Ионассен 1681-1741 мореплаватель 753
Берия Лаврентий Павлович 1899-1953 начальник органов госбезопасности 1938-53 461, 571, 574, 585, 590, 603-4, 613
Беркли Д. (George Berkeley) 1685-1753 англ. фил. 524
Берут Б. (Bolesław Bierut) 1892-1956 польский политик 67
Бехер И. (Johannes Robert Becher) 1891-1958 нем. поэт 33
Бехтерев Владимир Михайлович 1857-1927 психиатр 542, 620
Биляк В. (Vasil Bil'ak) 1917- член ЦК КПЧ 239, 331, 399, 400, 541, 549
Бирман Александр Михайлович 1910- экономист 542, 604
Бласко Ибаньес В. (Vicento Blasco Ibañez) 1867-1928 исп. пис. 33
Блок Александр Александрович 1880-1921 поэт 522, 797
Блюменфельд действ. лицо в повести Д. Витковского 34
Блюмкин Яков Григорьевич 1898-1931 чекист 58
Богораз Владимир Германович (песвд.: Н. А. Тан, В. Г. Тан) 1865-1936 этнограф, писатель 719
Богораз Лариса Иосифовна 1929- филолог 367, 649
Бокий Глеб Иванович 1879-1937 чекист 590
Болконский Ник. Андр. действ. лицо в романе Толстого 729
Болотников Иван Исаевич -1608 вождь крест. восст. 455
Болтин Евгений Арсеньевич военный историк 16, 584, 587
Бондарев Юрий Васильевич 1924- писатель 565
Борзенко Сергей Александрович 1909-1972 журналист 333, 334
Борисоглебский Л. журналист 499
Борн Г. (Hedwig Born) 1891-1972 жена физика 505
Борович разведчик 590
Боярские знакомые Ежова 136
Брандт В. (Willy Brandt) 1913- канцлер ФРГ 706
Братиану И. (Ion J. C. Bratianu) 1864-1927 рум. пол. 642
Браун В. фон (Wernher, Freiherr von Braun) 1912- нем. ученый 179
Браун Порция действ. лицо в романе Кочетова 627, 628
Браунинг Р. (Robert Browning) 1812-1889 англ. поэт 33
Брежнев Леонид Ильич 1906- первый секретарь ЦК КПСС 321, 363, 370, 395, 396, 470, 626, 690, 702
Брехт Б. (Bertold Brecht) 1898-1956 нем. драматург 464
Брешко-Брешковская Ек. Конст. 1844-1934 соц.-рев. 477
Бродский Иосиф Александрович 1940- поэт 181
Бродский Я. (Jaroslav Brodský) чехосл. публицист 387
Бронштейн см. Троцкий
Брудный М. 232
Бруно Д. (Giordano Bruno) 1548-1600 итальянский философ 180, 455
Бубнов Андрей Сергеевич 1883-1940 член ЦК ВКП(б) 230
Буковский Владимир Конст. 1942- публицист 72, 156
Буковский Константин Иванович журналист 69, 119, 120, 122

Булатов дейст. лицо в романе Кочетова 629
Булгаков Михаил Афан. 1891-1940 писатель 273, 277-8
Булганин Ник. Александрович 1895-1975 член ЦК КПСС 352
Бурлацкий Федор Михайлович 1927- ученый 75, 434
Бухарин Николай Иванович 1888-1938 член ЦК ВКП(б) 64, 72, 213, 477, 582, 618, 763
Бухбиндер Наум Абрамович еврейский общ. деятель 1895-? 744
Быков Вас. Влад. 1924- белор. пис. 363, 412, 421, 425, 566, 767
Бэвен Э. (Aneurin Bevan) 1897-1960 англ. пол. 23
Бэкст С. писатель 532
Бялик Хаим-Нахман 1873-1934 евр. поэт 792-3, 797
Вавилов Николай Иванович 1887-1943 генетик 180, 592
Вайян-Кутюрье П. (Paul Vaillant-Couturier) 1892-1937 французский публицист 33
Вакери О. (Auguste Vacquerie) 1819-1895 фр. пис. 131
Валек М. (Miroslav Válek) 1927- словацкий пис. 561
Ванников Борис Львович 1897-1962 нарком вооружения 592
Ванчура В. (Vladislav Vančura) 1891-1942 чешск. пис. 463
Вардни см. Мгеладзе
Варейкис Иосиф Михайлович 1894-1939 член ЦК ВКП(б) 593
Варейкис Любовь Григорьевна жена И. М. Варейкиса 593
Васильев Аркадий Николаевич 1907- писатель 372
Васильев Павел Николаевич 1910-1937 поэт 717
Вахтангов Евгений Багратионович 1883-1922 режиссер 717
Вацлав (Václav) -935 чешский святой 464
Вегер И(лья?) **С.** врач 460
Вельц Ф. (Friedrich Weltz) 1927- нем. атеист 516
Вербицкий Анатолий Борисович писатель 74
Верховский В. П. действ. лицо в повести Витковского 34-39
Веселы Л. (Ludvík Veselý) 1920- чешск. журн. 273, 387-8
Веселый Артем (Ник. Ив. Кочкуров) 1899-1939 пис. 717
Весна член оперотряда ВЛКСМ 157
Винниченко Владимир Кириллович 1880-1951 укр. пис. 477
Винокур Григорий Осипович 1896-1947 лингвист 718
Винтер К. (Kamil Winter) чешский редактор 273, 387
Виртц В. (William Willard Wirtz) 1912- министр труда США 494
Витковский Д. инженер-химик 7, 34-39
Владимир Святославович -1015 великий князь киевский 731
Владиславский Владимир Александрович 1891-1970 актер 275
Власов Андрей Андреевич 1901-1946 генерал
Вознесенский Андрей Андреевич 1933- поэт 102
Вознесенский Николай Алексеевич 1903-1950 экономист 590
Володарский В. (Моисей Маркович Гольдштейн) 1891-1918 член През. ВЦИК 126, 746
Володин А. писатель 641

Воробьев В. Ф. генерал-лейтенант 133
Воронов Николай Николаевич 1899- маршал 573
Воронов Николай Павлович 1926- писатель 541, 564-5
Воронов Сергей Александрович 1866-1951 хирург 51
Воронский Александр Константинович 1884-1943 критик 717
Воронцов телохранитель Ленина 224
Ворошилов Климент Ефремович 1881-1969 маршал 286-7, 572, 586, 625
Врановский П. (Pavel Vrankovský) чехосл. публицист 561
Врба Ф. (František Vrba) 1920- чешский пис. 390
Выгодский Давид Исаакович 1894-1938 поэт 29-34
Вышинский Андрей Януарьевич 1883-1954 прокурор СССР 63, 347, 469, 590, 614
Г. футуролог 663
Г-в информант редактора 58, 136
Габай Илья Янкелевич 1935-1973 педагог, поэт 72, 156, 371
Габор А. (Andor Gabor) 1884-1953 венгерский пис. 590
Гавел В. (Václav Havel) 1936- чехосл. пис. 390
Гаек И. (Jiří Hájek) 1913- чехосл. политик 256, 260, 307, 316, 563
Гаек И. С. 563
Гай Марк И. чекист 612
Галансков Юрий Тимофеевич 1939-1972 публицист 71-2, 154, 156 367
Галилей Г. (Galileo Galilei) 1564-1642 ит. физик 180
Галимов Салям Галимович (псевд.: Г. Салям) 1911-1939 башкирский поэт 719
Галович действ. лицо в романе Мнячко 460
Галушка М. (Miroslav Galuška) 1922- чехосл. министр 561
Гамарник жена Я. Б. Гамарника 593
Гамарник Ян Борисович 1894-1937 член ЦК ВКП(б) 589, 592-3
Гамоуз Ф. (František Hamouz) 1919- член ЦК КПЧ 405
Гамсун К. (Knut Hamsun (K. Pedersen)) 1859-1952 норв. пис. 617
Ганди Индира 1917- инд. пол. деятель 325, 340
Ганзелка И. (Jiří Hanzelka) 1920- чешский писатель 237, 283-6, 317, 364, 470-3, 476
Гантман Влад. И. сотрудник института 541, 546
Гарибальди Г. (Giuseppe Garibaldi) 1808-1882 ит. политический деятель 214, 735
Гароди Р. (Roger Garaudy) 1913- французский коммунист 364, 512, 529, 576
Гарькавый Илья Иванович 1888-1937 военный 589, 593
Гастев Алексей Капитонович 1882-1941 поэт 717
Гатовский Лев Маркович 1903- экономист 374
Гафуров Бободжан Гафурович 1908- историк 574
Гафуров Сибгат Татарский большевик 158

Гашек Я. (Jaroslav Hašek) 1883-1923 чешский пис. 463-4
Геббельс И. (Joseph Paul Goebbels) 1897-1945 нем. полит. деятель 701, 748, 777, 801
Гейдрих Р. (Reinhard Heydrich) 1904-1942 нем. пол. деятель 602-3
Гейзенберг В. (Werner Heisenberg) 1901- нем. физик 510
Гейне Г. (Heinrich Heine) 1792-1856 нем. поэт 744, 799
Гейтскелл Г. (Hugh Todd Gaitskell) 1907-1963 англ. политик 22, 23
Геллер О. (Otto Heller) нем. пис. 34
Геллер У. (Walter Wolfgang Heller) 1915- ам. эконом 492
Гендрих И. (Jiří Hendrych) 1913- член ЦК КПЧ 541, 550
Генри Эрнст (Семен Николаевич Ростовский) публицист 69, 71, 110, 542, 595-7, 626
Герасимов Евгений Николаевич 1903- писатель 425
Герасимова Валерия Анатольевна 1903- писательница 618
Герасимович Борис Петрович 1889-1937 астроном 592
Герек Э. (Edward Gierek) 1913- польский политик 707-9
Геро де Сешель Ж. (Jean Marie Hérault de Séchelles) 1760-1794 французский политик 141
Геродот ± 490-± 420 греческий историк 725, 728
Герцен Александр Ив. 1812-1870 пис. 436, 599, 732, 734-5
Герэ Э. (Ernö Gerö) 1898- венгерский коммунист 350
Гете И. (Johann Wolfgang Goethe) 1749-1832 нем. пис. 428
Геттеш Я. (Jarolím Hetteš) 1926- член ЦК КПЧ 239, 399
Гиммлер Г. (Heinrich Himmler) 1900-1945 нем. политик 467
Гиндин Арон Менделевич старый коммунист 574
Гинзбург директор Зоопарка в Москве в 1949 г. 433
Гинзбург Александр Ильич 1936- публицист 71-2, 154, 367
Гинзбург Евгения Семеновна 1907- пис. 149, 155
Гинзбург Лев Владимирович 1921- критик 623, 635
Гинцбург Гораций Осипович 1833-1909 банкир 741, 750
Гирш В. (Werner Hirsch) немецкий коммунист 590
Гитлер А. (Adolf Hitler) 1889-1945 нем. политик 12, 74, 110-1, 114, 135, 178, 458, 581, 595, 602, 669, 735, 748-9, 766, 780
Гладилин Анатолий Тихонович 1935- писатель 426
Глушко Валентин Петрович 1908- энергетик 592
Гнедин Евгений Александрович дипломат 626
Гоглидзе Сергей Арсентьевич -1953 чекист 612-3
Гоголь Николай Васильевич 1809-1852 писатель 792-6
Голиков Виктор Андреевич раб. ЦК КПСС 584, 596
Голиков Георгий Назарович редактор 477, 596
Голль Ш. де (Charles de Gaulle) 1890-1970 французский политик 22, 312, 325, 340, 398, 547
Головинский 749
Голодед Николай Матвеевич 1894-1936 канд. ЦК ВКП(б) 589
Гольденберг Григорий Давыдович 1855-1880 народник 447

Гольдштейн Г. (Herbert S. Goldstein) 1890-1970 ам. раввин 505
Гольдштюккер Э. (Eduard Goldstücker) 1913- чехословацкий литератор и дипломат 387-8, 390, 553
Гомулка В. (Władysław Gomulka) 1905- польский политик 243-4, 338, 352-3, 363, 395, 706-9
Гончар Александр Терентьевич 1918- укр. писатель 566
Горак В. (Václav Horák) чехосл. публицист 561, 564
Горалек М. (M. Horálek) чехослов. журналист 383
Гораций (Quintus Horatius Flaccus) 65-8 римский поэт 522
Горбатов Александр Васильевич 1891-1973 генерал 13
Горбачев Георгий Ефимович 1897-1942 критик 50, 51
Горбачева Антонина Ивановна 807
Горбачева Екатерина Ивановна 807
Гордеев Фома дейст. лицо в романе Горького 730
Гордон Лев Осипович 1830-1892 еврейский поэт 741
Городецкий Сергей Митрофанович 1884-1967 поэт 50
Горький Максим (Алексей Максимович Пешков) 1868-1936 писатель 64, 149, 213-224, 449, 582, 730, 747, 764, 769
Гоц Абрам Рафаилович 1882-1940 соц.-рев. 746
Грабал Б. (Bohumil Hrabal) 1914- чешский пис. 560
Градский Л. (Ladislav Hradský) чешский пис. 390
Грдинова Л. (Libuše Hrdinová-Kubařová) 1929- член Президиума ЦК КПЧ 239
Грейвс Ф. (Philip Graves) англ. журналист 749
Гречко Андрей Антонович 1903- маршал 308
Грибачев Николай Матвеевич 1910- писатель 180, 240-2
Григоренко Петр Григорьевич 1907- генерал-майор 367, 649
Григорьев Е.Е. корреспондент «Правды» 262, 273, 385
Громыко Андрей Андреевич 1909- дипломат 307, 739
Гросс Д. (John Gross) англ. публицист 464, 465
Гроссман Василий Семенович 1905-1964 писатель 730
Грот Яков Карлович 1812-1893 филолог 753
Грылев Анатолий Николаевич историк 237, 298-300
Гула В. (Václav Hůla) 1925- министр планирования ЧССР 634
Гус Я. (Jan Hus) 1369-1415 чешский реформатор 463-4, 551
Гусак Г. (Gustáv Husák) 1913- член ЦК КПЧ 239, 244-5, 258-9, 399, 623-5, 634
Гусев Сергей Иванович (Яков Давыдович Драбкин) 1874-1933 старый большевик 746
Гусев -1941 участник гражданской войны в Испании 593
Гюго В. (Victor Marie Hugo) 1802-1885 фр. пис. 69, 130-1
Давлетшин Губей Киреевич 1893-1938 башкирский пис. 719
Давыдов Денис Васильевич 1784-1839 поэт, партизан 730
Даев Петр Савельевич дейст. лицо в повести Ланского 116-8
Даллес Д. (John Foster Dulles) 1888-1959 ам. дипл. 28, 184
Даль Владимир Иванович 1801-72 лексикограф 753, 755, 798

Дамбинов Петр Никифорович (Солбонэ Туя) 1890-1937 бурятский поэт 719
Дан Федор Ильич 1871-1947 лидер меньшевиков 53, 746
Данек О. (Oldřich Daněk) 1927- чешский писатель 390
Данилов Александр Ив. 1916- министр просвещения РСФСР 500
Даниэль Юлий Маркович 1925- писатель 71, 154, 304
Данко герой рассказа Горького 219
Данте (Dante Aligieri) 1265-1321 итальянский поэт 521
Дантон Г. (Georges Jacques Danton) 1759-1794 французский политический деятель 91, 141-2, 452
Дарвин Ч. (Charles Robert Darwin) 1809-82 англ. биолог 598
Дворжак И. (Josef Dvořák) чехосл. политик 560, 563
Дейчер И. (Isaac Deutscher) 1907-67 польский публ. 558-9
Делоне Вадим Николаевич 1947- журналист 156
Дементьев Александр Григорьевич 1904- критик 78
Демичев Петр Нилович 1918- секр. ЦК КПСС 7-9, 15, 18, 155, 586
Демулен К. (Camille Desmoulins) 1760-1794 фр. пол. 141
Денисов Василий дейст. лицо в романе Толстого 729
Дергунов 649
Державин Гаврила Романович 1743-1816 поэт 522, 725
Дерибас Терентий Дмитриевич 1883-1939 чекист 612
Джерманетто Д. (Giovanni Germanetto) 1885-1959 ит. пис. 33
Джефферсон Т. (Thomas Jefferson) 1743-1826 президент США 69, 105-9
Джилас Милован 1911- югосл. публицист 665
Джонсон Л. (Lyndon Baines Johnson) 1908-73 през. США 365
Дзержинский Феликс Эдмундович 1877-1926 начальник органов госбезопасности 88, 763
Дзнев В. старшина 334
Догадкин ученый 592
Добровольский Алексей Александрович 1938- переплетчик 156
Долгорукий Юрий ± 1090-1157 вел. князь киевский 722, 771
Домбал Т. (Tomasz Dąbal) 1890-1938 польский коммунист 590
Дон Ц. (Цыденжан Дондупович Дондубон) 1905-1938 бурятский писатель 719
Дорно Ж. (Jacques Doriot) 1898-1945 фр. политик 582
Достоевский Федор Михайлович 1821-1881 писатель 734-5
Драбкин см. Гусев
Драбкина Е. (Елизавета Яковлевна Драбкина-Бабинец) 1901-1974 писательница, дочь С. И. Гусева 364, 460
Дрда Я. (Jan Drda) 1915- чешский писатель 390
Дремлюга Владимир Александрович 1940- рабочий 304, 306
Дридзо Вера (Соломоновна?) помощница Крупской 138
Дубинин Николай Петрович 1906/7- биолог 374
Дубчек А. (Alexander Dubček) 1921- чехосл. политик 238-9,

242-4, 248, 257, 259, 260, 270, 307, 317-8, 337, 349, 352, 386, 390, 394-5, 399, 400, 404, 464, 550, 634
Дудинцев Владимир Дмитриевич 1918- писатель 616-7, 619
Дыбенко Павел Ефимович 1889-1938 парт. деятель 593
Дыбенко-Сидякина В. А. жена П. Е. Дыбенко 587, 593
Дымшиц Марк Юльевич 1927- еврейский активист 710
Дышеков Магомет Пшиканович 1902-1937 черкесский пис. 719
Дэвис А. (Angela I. Davis) 1944- ам. коммунистка 709
Дэвис Д. (Joseph Edward Davies) 1876-1958 ам. дипломат 614
Дюкасс К. (Curt John Ducasse) 1881-1969 ам. ученый 364, 506
Дюранти В. (Walter Duranty) 1894-1957 ам. журналист 582
Дюрренмат Ф. (Friedrich Dürrenmat) 1921- швейц. пис. 237, 247
Е. П. (Е. П. Фролов) -1967 информант редактора 8
Евдокимов Григорий Еремеевич 1884-1936 парт. деятель 593
Евстигнеев Евгений Александрович актер 441
Евтушенко Евгений Александр. 1933- поэт 101, 186, 426, 566
Егорычев Николай Григорьевич 1920- секр. МГК КПСС 15
Егудин Илья Абрамович предс. колхоза 774
Ежов Николай Иванович 1895-1939 глава НКВД 57, 70, 135-6, 466-7, 570-1, 583, 585, 590, 602-4, 613
Ежов брат Н. И. Ежова 136
Ежова Евгения жена Ежова 136
Екатерина II Алексеевна (Sophie Frederika Augusta von Anhalt-Zerbst) 1729-1796 императрица 732, 737, 774
Елинек М. (Miroslav Jelínek) чехосл. редактор 389, 490
Ермилов Владимир Владимирович 1904-1965 критик 717
Ермоген архиепископ калужский 97
Ермолов Алексей Петрович 1772-1861 генерал 735
Жанна д'Арк (Jeanne d'Arc) 1412-1431 фр. святая 735
Жаров Михаил Иванович 1899- актер 275
Жданов Андрей Александрович 1896-1948 член Политбюро ЦК КПСС 136, 137, 470, 583
Желябов Андрей Ив. 1850-81 народник 441, 445-7, 732
Жемчужина Полина Семеновна жена Молотова 593
Жилин Павел Андреевич 1913- историк 374
Жилов Л. рядовой 334
Жоли М. (Maurice Joly) 1831-1878 фр. публицист 749
Жолио-Кюри Ф. (Frédérique Joliot-Curie) 1900-1958 фр. физик 364, 506
Жолтовский Иван Владиславович 1867-1959 архитектор 721
Жордания Ной Николаевич 1870-1953 груз. соц. 478
Жуков Георгий Константинович 1896-1974 маршал 565, 571
Жуков Юрий (Георгий) **Александрович** 1908- журналист 23, 274, 307, 326-7, 363, 388, 396-8
Жуковский Николай Егорович 1847-1921 ученый 592
Журавский Вас. Александр. журналист 262, 273, 334, 338-390

Журдан Ж. (Jean Baptiste Jourdan) 1762-1833 фр. маршал 143
Заболоцкий Николай Алексеевич 1903-1958 поэт 522
Завадский Юрий Александрович 1894- режиссер 166
Заиц Я. (Jan Zajic) -1969 чехосл. ученик техникума 550
Заковский Л. М. чекист 612
Залин Л. Б. чекист 612
Залыгин Сергей Павлович 1913- писатель 69, 119, 120, 422
Замятин Евгений Иванович 1884-1937 писатель 7, 48-9
Запорожец Иван Ф. -1937 чекист 583
Затопек Э. (Emil Zátopek) 1922- чехосл. атлет 317
Заславский В. конструктор танков 591
Захаров Марк режиссер 275, 276
Захаров Михаил Николаевич 1912- адмирал 566
Зегерс А. (Anna Seghers (Netty Radvanyi-Reiling)) 1900- нем. писательница 703
Зелинский Корнелий Люцианович 1896- критик 126, 617
Зелов В. писатель 425
Землячка Розалия Самойловна 1876-1947 ст. больш. 746
Зикмунд М. (Miroslav Zikmund) 1919- чешский писатель 284-5, 317, 364, 470-3, 476
Зиновьев Григорий Евсеевич (Г. Е. Радомысльский) 1883-1936 член ЦК ВКП(б) 56, 62, 72-3, 126-7, 210, 216, 218, 226, 228, 231, 477-8, 746, 763
Зорин Дмитрий Иванович 1905-1967 писатель 424
Зорин Леонид Генрихович 1924- драматург 435
Зорин С. преподаватель 663-676
Зорич Александр (Василий Тимофеевич Локоть) 1899-1937 писатель 716
Зоркая Нея Марковна искусствовед 124
Зощенко Михаил Михайлович 1895-1958 писатель 31
Зрак И. (Jozef Zrak) 1929- член ЦК КПЧ 239
Зубков Ю. журналист 434
Зырянов А. Д. крестьянин 285
И-в Н. (Ильюхов Ник. Кир. 1898-) старый партизан 124-6
Ибаньес см. Бласко
Ибрагимов Галимджан 1887-1938 татарский писатель 719
Иван действ. лицо в романе Мнячко 459
Иван IV Васильевич (Грозный) 1530-1584 царь 95, 558, 584, 722, 731-2, 763
Иван I Данилович (Калита) -1340 вел. князь моск. 722
Иванов журналист 12
Иванов В. писатель 426
Иванов Всеволод Вячеславович 1895-1963 писатель 618
Иванов Всеволод Никанорович 1888- писатель 426
Иванов Юрий Сергеевич 1931- журналист 747-8, 754
Иешуа действ. лицо в романе Булгакова 277
Изергиль действ. лицо в рассказе Горького 219

Ильичев Леонид Федорович 1906- работник ЦК 8, 9, 14
Индра А. (Alois Indra) 1921- канд. ЦК КПЧ 331, 400, 624, 634
Инфельд Л. (Leopold Infeld) 1898-1968 польский физик 505
Иоанн от Креста (San Juan de la Cruz) 1542-1591 испанский мистик и святой 515, 534
Исайя 740-701 еврейский пророк 789-9
Искандер Фазиль Абдулович 1929- писатель 601
К. врач 123
Кабаков Иван Дмитриевич 1891-1937 парт. деятель 159
Кабрна В. (Vladimír Kabrna) 1931- член ЦК КПЧ 239
Каганович Лазарь Моисеевич 1893- член ЦК ВКП(б) 579, 580, 586, 770
Каганович Роза Моисеевна сестра Кагановича 579
Кадар Я. (Janos Kádár) 1912- венгерский политик 378, 404
Кадацкий Иван Федорович 1893-1939 член ЦК ВКП(б) 593
Калибан действ. лицо в пьесе Шекспира 179
Калинин Михаил Иванович 1875-1946 партийный деятель 579, 693, 763, 775
Калинина жена Калинина 593
Каллистратова Софья Васильевна 1912 ?- адвокат 157
Калмыков Бетал Эдыкович 1893-1940 гос. деятель 542, 613-4
Кальдерон П. (Pedro Calderón de la Barca Henao de la Barreda y Riaño) испанский драматург 34
Каменев Лев Борисович 1883-1936 член ЦК ВКП(б) 62, 72-3, 216, 218, 226, 228, 231, 477, 593, 746, 751, 763
Каменев Сергей Сергеевич 1881-1936 командарм 592
Камю А. (Albert Camus) 1913-1960 фр. писатель 617
Кан Г. (Herman Kahn) 1923- ам. футуролог 396-8
Капек А. (Antonín Kapek) 1922- чехосл. политик 239, 634
Капица Петр Леонидович 1894- физик 154, 541, 574
Каплан Фаня Ефимовна 1890?-1918 террористка 448, 474
Каракеев Курман-Гали 1913- кирг. историк 374
Карамзин Николай Михайлович 1766-1826 историк 725-6, 728
Карда Л. (Ladislav Karda) 1927- член ЦК КПЧ 634
Карикаш Ф. (Fridyes Karikás) 1892-1938 венг. пис. 590
Карлсон К. М. чекист 612
Карпинский Л. журналист 434
Карре Д. (John le Carré = David John Moore Cornwell) 1931- английский писатель 469
Каррель А. (Alexis Carrel) 1873-1944 фр. хирург 51
Картвелишвили Лаврентий Иосифович 1890-1938 груз. парт. деятель 159
Карякин Юрий Федорович критик 372
Каска Р. (Radko Kaska) 1928- чехосл. политик 634
Кастро Р. (Raul Castro Ruz) 1931- кубинский пол. 184
Кастро Ф. (Fidel Castro Ruz) 1927- кубинский пол. 597, 670
Катаев Иван Иванович 1902-1939 писатель 638, 717

Каунтс Д. (George Sylvester Counts) 1889- ам. педагог 491
Каутский К. (Karl Kautsky) 1854-1938 нем. марксист 55, 142, 379
Кафка Ф. (Franz Kafka) 1883-1924 нем. писатель 531
Каховский Петр Григорьевич 1797-1826 декабрист 435
Кацнельсон З. Б. чекист 612
Кваша Игорь В. актер 437
Кедрин А. действ. лицо в повести Шахмагонова 602-3
Кедрин Никита А. сын А. Кедрина 602-3
Кедров Михаил Сергеевич 1878-1941 парт. деятель 591
Келдыш Мстислав Всеволодович 1911- през. АН 701, 806
Кемпны Й. (Josef Kempný) 1920- член ЦК КПЧ 399
Кеннеди Д. (John Fitzgerald Kennedy) 1917-1963 президент США 19, 184-5, 492, 523, 670
Кибальчич Александр Иванович 1853-1881 революционер 442, 448
Кин Виктор Павлович (Суровикин) 1903-1937 писатель 717
Кирилл архиепископ александрийский -444 отец церкви 89
Кирилл (Константин Философ) 827-869 славянский просветитель 718
Кириченко Алексей Илларионович 1908- член ЦК КПСС 665
Киров Сергей Миронович (Костриков) 1886-1934 член ЦК ВКП(б) 466, 541, 578-580, 582-3
Кирхнер Отто действ. лицо в повести Вербицкого 74
Кичко Трофим Корнеевич публицист 784
Клаас действ. лицо в книге Ш. де Костер 181
Клейман А. публицист 759
Клейменов инструктор ВЛКСМ 157
Клейменов Иван Терентьевич 1898-1938 конструктор 591
Клепнины 58
Клеточников Ник. Вас. 1847-83 народоволец 151
Клишко З. (Zenon Kliszko) 1908- польский коммунист 708
Клычков Сергей Антонович (Лешенков) 1889-1940 поэт 717
Кобяков Василий Андреевич 1906-1937 хакасский пис. 719
Ковалев доцент Воздушной академии 212
Ковалев С. журналист 321-3, 343-7
Ковальчик Л. (Leopold Kovalčik) 1921- член ЦК КПЧ 239
Ковский Вадим Евгеньевич критик 422
Когоут П. (Pavel Kohout) 1928- чешский пис. 273, 286, 390
Кожевников Вадим Михайлович 1909- пис. 424, 566
Козельский чекист 589
Колесников действ. лицо в повести М. Ланского 116-8
Колесниченко Томас Анат. 1930- корр. «Правды» 273, 388-390
Коллонтай Александра Михайловна 1872-1952 пис. 450
Колотилов Ник. Ник. 1885-1937 парт. деятель 432
Кольдер Д. (Drahomír Kolder) 1925- член ЦК КПЧ 239
Кольцов Михаил Ефимович 1898-1942 писатель 716-7
Комаров Владимир Леонтьевич 1869-1945 ботаник 775

Комаров Владимир Михайлович 1927-1967 космонавт 150
Коменский Я. (Jan Amos Komenský) 1592-1670 чешский гуманист 464
Кон Феликс Яковлевич 1864-1941 польский соц. 432-3
Конев Иван Степанович 1897-1973 маршал 18, 241-2
Коненков Сергей Тимофеевич 1874-1971 скульптор 80
Конквест Р. (Robert Conquest) 1917- англ. советолог 364, 464, 466, 468-9
Коновалов Григорий Иванович 1908- писатель 424
Коновалов Мих. Алексеевич 1905-1939 удмуртский пис. 718-9
Константин (Flavius Valerius Constantinus) между 274 и 280-337 римский император 537
Константинов Петр Алексеевич 1899- актер 275
Константинов Федор Васильевич 1901- философ 545
Конфуций 551-479 китайский философ 538
Копелев Лев Залманович 1912- литературовед 228, 364, 373, 462, 464
Коптяева Антонина Дмитриевна 1909- писательница 83
Корепанов-Кедра Дмитрий Ив. 1892-1949 удмуртский пис. 718
Корк Август Иванович 1887-1937 командарм 593
Корнейчук Александр Евдокимович 1905-72 укр. пис. 374
Корнилов Борис Петрович 1907-1938 поэт 717
Королев Сергей Павлович 1906-1966 конструктор 489
Короленко Владимир Галактионович 1853-1921 пис. 784
Корчак И. (Josef Korčák) 1921- член през. ЦК КПЧ 634
Корчак Я. (Janusz Korczak = Henryk Goldszmidt) 1878-1942 польский врач и писатель 179
Косик К. (Karel Kosík) 1926- чешский пис. 390
Косиор Елизавета Сергеевна жена С. В. Косиора 587, 593
Косиор И. 589
Косиор Станислав Викентьевич 1889-1939 партийн. деятель 579, 590, 593
Костерин Алексей Евграфович 1896-1968 писатель 363, 367-9, 371, 649
Костерина Нина Алексеевна 1921-1941 партизанка 371
Костка Р. чехословацкий журналист 383
Костров Тарас (Александр Мартыновский) 1901-1930 журн. 716
Костюшко Т. (Tadeusz Kościuszko) 1747-1817 вождь польского восстания 1794 г. 455
Косыгин Алексей Николаевич 1904- член Президиума ЦК КПСС 73, 96, 321, 470, 677
Коцанда Р. (Rudolf Kocanda) чешский публицист 561
Кочетов Всеволод Анисимович 1912-1973 пис. 626-630
Кошевой Михаил действ. лицо в романе Фадеева 730
Кошут Л. (Lajos Kossuth) 1802-1894 венг. пол. д. 455
Краль В. (Václav Král) 1923- чешский пис. 612
Крамер С. (Stanley E. Kramer) 1913- ам. кинорежиссер 110-1

Краснов Петр Николаевич 1869-1947 генерал 477
Краснов-Левитин Анатолий Эммануилович 1915- публицист 96
Краснопевцев Лев Ник. 1929?- член «Союза патриотов России» 649
Краус Вацлав (Václav Kraus) чехосл. журналист 560, 562
Крейский Б. (Bruno Kreisky) 1911- австрийский пол. 328
Кривицкий Вальтер Г. 1889-1941 разведчик 56
Кригель Ф. (František Kriegel) 1908- член ЦК КПЧ 239, 286, 352
Кристман К. (Kurt Christmann) 1907- нем. сс-овец 635
Кричевский И. ученый 592
Кришнамурти Джидду 1897- индийский философ 534
Кронин А. (Archibald Joseph Cronin) 1896- англ. пис. 456
Кропоткин Петр Алексеевич 1842-1921 анархист 613
Кротиков Федор действ. лицо в статье Салтыкова 41
Крузенштерн Иван (Адам) Фед. 1770-1846 мореплаватель 753
Крупская Елизавета Вас. 1842-1915 теща Ленина 285, 473
Крупская Надежда Константиновна 1869-1939 жена Ленина 70, 138, 285, 473
Крыленко Ник. Вас. 1885-1938 нарком юстиции 230, 469, 580
Крылов Иван Андреевич 1768-1844 баснописец 637
Ксенофонтов Иван Ксенофонтович чекист 590
Кубичек И. (Ivan Kubíček) 1933- чешский писатель 260
Кизнецов Алексей Александрович 1905-49 член ЦК ВКП(б) 590
Кузнецов Б. Г. писатель 505
Кузнецов Василий Вас. 1901- дипломат 256, 394, 561
Кузнецов Виктор Васильевич 1936- художник 15
Кузнецов М. И. редактор 477
Кузнецов Николай Александрович 1922- 2-й секр. МК КПСС 7-9
Кузнецов Николай Герасимович 1902- военный 237, 297-8
Кузнецов Федор Федорович 1904- генерал 712
Кузнецов Эдуард Самуилович 1939- еврейский активист 649, 710
Куйбышев Валерян Влад. 1888-1935 член ЦК 579, 582
Кулаев Созырько Александрович 1900-38 осет. пис. 719
Кулиев Кайсын Шуваевич 1917- балкарский поэт 81
Кун Б. (Béla Kun) 1886-1939 венгерский коммунист 590
Кундера М. (Milan Kundera) 1929- чешский писатель 273, 364, 390, 462
Купка И. (Jiří Svetozar Kupka) 1921- чешский пис. 390
Куроедов Владимир Алексеевич председатель Совета по делам религий 69
Курский Дмитрий Иванович 1874-1932 нарком юстиции 127-9
Курчатов Игорь Вас. 1902/3-1960 физик 626
Курчевский Л. конструктор-артиллерист 591

Курявый А. старшина 334
Кусы М. (Miroslav Kusý) 1931- чешский философ 560
Кутон Ж. (Georges Auguste Couthon) 1755-94 фр. пол. 140
Кутузов Михаил Илларионович 1745-1813 генерал 724
Кутузов Степан действ. лицо в повести Горького 730
Кутюрье см. Вайян
Кушев Евгений Игоревич 1947- 156
Кьеркегор С. (Sören Aabye Kierkegaard) 1813-1855 датский философ и теолог 87
Кэйзин А. (Alfred Kazin) 1915- ам. писатель 24
Кэрол К. (Keves S. Karol) англ. журналист 23
Кюри П. (Pierre Curie) 1859-1906 фр. физик 508
Л. А. информант редактора 620
Лавренев Борис Андреевич 1891-1959 писатель 31, 166
Лавренко Евгений Михайлович 1900- геоботаник 373
Лавров Петр Лаврович 1823-1900 пиблицист 445-6
Лакоба Нестор Аполлонович 1893-1936 парт. деятель 589, 593
Лакшин Влад. Як. 1933- критик 82, 237, 277, 278, 364, 435
Ламбилот М. (Maurice Lambilotte) 1900-72 бельг. журн. 355
Ламот-Фуке Ф. (Friedrich Heinrich Karl de la Motte-Fouqué) 1777-1843 немецкий писатель 521
Лангемак Георгий Эрикович 1898-1938 инженер 591
Ланской Марк Зосимович 1909- писатель 69, 116
Лапин Альберт Янович 1899-1937 военный 589
Ларин Юрий (Мих. Александр. Лурье) 1882-1932 экономист 746
Ласки Г. (Harold J. Lasky) 1893-1950 англ. публицист 468
Лассаль Ф. (Ferdinand Lasalle) 1825-64 нем. пол. 214, 759
Латтимор О. (Owen Lattimore) 1900- ам. китаевед 468-9
Лаффон Р. (Robert Laffont) 1916- фр. издатель 645-6
Лацис Мартын Иванович (Ян Фридрихович Судрабс) 1888-1938 латышский большевик 228, 230-1, 591
Лашевич Михаил Мих. 1884-1928 парт. деятель 126
Лашкова Вера Иосифовна 1944- машинстка 156
Лебедев Андрей Константинович публицист 421
Лебл Е. (Evžen Löbl) 1907- чех. экономист 363, 404-5
Левада Юрий Александрович социолог 533
Леваковская Евгения Владимировна 1914- пис. 566
Леванда Лев Осипович 1835-1888 поэт 741
Левинсон действ. лицо в повести Фадеева 793-4, 800
Леере Омар Амин (Johannes von Leers) 1902-1965 нем. антисемит 749
Лей Р .(Robert Ley) 1890-1945 нем. политик 701, 803
Лейтейзен Морис Гаврилович 1897-1939 инженер 591
Лелевич Г. (Лабори Гилелевич Калмансон) 1901-1945 критик 50
Ленарт И. (Jozef Lenárt) 1923- член ЦК КПЧ 239, 400, 634
Лендваи П. (Paul Lendvai) венгерский автор 641-3

Ленин Владимир Ильич (Ульянов) 1870-1924 политический деятель 8, 13, 14, 52-4, 57, 59, 67, 70, 73, 76, 80, 126-9, 132, 138-9, 143-7, 149, 174, 177, 180, 209, 210, 213-6, 218-31, 234, 283-6, 292, 298, 354, 359, 379, 388, 415-6, 437, 440, 445, 448-50, 460-1, 463, 465, 471-5, 478, 481, 509, 542, 560, 562, 572, 586, 588, 590, 602, 605-6, 610, 613, 617, 619, 627, 730-3, 636, 642, 719, 721, 727-8, 735-6, 740, 755, 769, 788, 796-7, 799, 814
Леншина Алиса 1924- глава рел. секты в Замбии 535-6
Леонидзе Георгий Николаевич 1899-1966 груз. пис. 81
Леонов Леонид Максимович 1899- писатель 279, 374
Леонтьев Конст. Ник. 1831-91 пис. 454-5, 711, 735
Леплевский Г. М. 1889-1939 чекист 612
Лер действ. лицо в романе Шахматонова 602
Лермонтов Михаил Юрьевич 1814-1841 поэт 730, 734
Лерт Раиса Борисовна 1905- писательница 701, 712-38
Лещинский Ю. (Julian Lezczyński) 1889-1939 польский коммунист 590
Ли Р. (Robert Edward Lee) 1807-1870 ам. генерал 724
Либер Михаил (Марк) Исаакович (М. И. Гольдман) 1880-1937 меньшевик 746
Либерберг Иосиф Исраилович 1899-1938 историк 776
Лившиц Бенедикт Константинович 1886/7-1939 поэт 717
Лилиенблюм Моше Лайб 1843-1910 еврейский общественный деятель 741
Лим А. (Antonín Liehm) чехосл. редактор 387
Линь Бяо 1907- китайский политик 547
Лисовский Николай Васильевич -1956 212
Лист Ф. (Franz Liszt) 1811-1886 венг. скрипач 167
Литвин чекист 589
Литвинов Максим Максимович 1876-1951 дипломат 746, 766
Литвинов Павел Михайлович 1940- физик 304, 367, 649
Лифшиц Михаил Александрович 1905- литературовед 174-5
Личко П. (Pavel Ličko) словацкий журналист 165-6, 174
Лобанов Михаил Петрович критик 422-3, 723
Лобанов Павел Павлович 1902- президент ВАСХНИЛ 11
Ломинадзе Виссарион 1898-1937 парт. деятель 589
Ломоносов Михаил Васильевич 1711-1765 ученый 95, 599
Лонгинов Михаил Николаевич 1823-1875 гос. деятель 598
Лонго Л. (Luigi Longo) 1900- ит. коммунист 266, 325
Лоханкин Васисуалис действ. л. в ром. Ильфа и Петрова 179
Луи Виталий Евгеньевич (Victor Louis) 1928- журналист 705
Лук А. Н. литературовед 542, 597
Лукашка действ. лицо в романе Толстого 729
Луначарский Анатолий Васильевич 1875-1933 писатель, критик, дипломат 69, 78-80, 452-3
Лысенко Трофим Денисович 1898- агроном 120-2, 181, 584
Любченко Панас Петрович 1897-1937 парт. деятель 589, 593

Люксембург Р. (Rosa Luxemburg) 1871-1919 нем. соц. 562, 799
М. философ 364, 508, 510
Маевский В. журналист 334, 385, 388
Мазуров Кир. Троф. 1914- член ЦК КПСС 348, 363, 369, 370
Майский Иван Михайлович 1884- дипломат 297
Макаренко Антон Семенович 1888-1939 педагог 618
Макарцев Петр В. чиновник 96
Маккиавелли Н. (Niccolo Macchiavelli) 1469-1527 ит. пис. 210
Макмиллан Г. (Harold Macmillan) 1894- англ. политик 22
Макнамара Р. (Robert Strange McNamara) 1916- ам. политик 365, 366
Максим Максимыч действ. лицо в романе Лермонтова 730
Маленков Георгий Максимилианович 1902- член ЦК КПСС 352, 586
Малиновский Родион Яковлевич 1898-1967 маршал 573
Мальро А. (André Malraux) 1901- фр. писатель 33
Малюта Скуратов (Григорий Лукьянович Бельский) -1572 помощник Ивана IV 738
Мандельштам Надежда Яковлевна 1899- жена поэта 64-5
Мандельштам Осип Эмильевич 1891-1938 поэт 7, 63-5, 717
Манн Т. (Thomas Mann) 1875-1955 нем. писатель 124
Манучльский Дмитрий Захарович 1883-1959 парт. деятель 580-1
Мао Цзэ-дун 1893- китайский политик 152, 177-8, 247, 307, 321, 346, 546, 559-61, 629, 644, 660, 666
Марков Алексей Яковлевич 1920- поэт 181
Марковский М. корреспондент Сахарова 237, 289, 295-6
Маркс Г. (Heinrich Marx) 1777-1838 нем. адвокат 744
Маркс К. (Karl Heinrich Marx) 1818-1883 нем. публицист 70, 87, 138-9, 141-3, 174, 177-80, 207, 354, 359, 379, 415-6, 436, 463, 473, 479-80, 512-4, 529-30, 580, 605, 642, 744, 755, 759, 799, 814
Маркузе Г. (Herbert Marcuse) 1898- нем. публицист 576
Марр Николай Яковлевич 1864-1934 лингвист 585
Мартов Л. (Юлий Осипович Цедербаум) 1873-1923 меньшевик 7, 52-6, 205, 746
Мартынов Александр Самойлович (А. С. Пикер) 1865-1935 меньшевик 143
Марцинкевич В. И. автор 364, 491, 494, 498
Марченко Анатолий Тихонович 1938- рабочий 650
Маршичек В. (Vlastimil Maršíček) 1923- чешский пис. 390
Марьясин Л. Е. директор Госбанка 136
Масарик Т. (Tomáš Garrigue Masaryk) 1850-1937 президент Чехословакии 464, 551
Матейка О. (Oldřich Matějka) 1931- чехосл. политик 634
Матес Лео 1911- югосл. дипломат 266-7
Матушкин Василий Семенович 1906- писатель 83

Махно Нестор Иванович 1884-1934 укр. анархист 613
Маяковский Влад. Влад. 1893-1930 поэт 32, 80, 618, 719
Мгеладзе Илларион Виссарионович (Вардин) 1890-1943 парт. деятель 232
Медведев Жорес Александрович 1925- биолог 5, 787
Медведев Рой Александрович 1925- педагог 5
Медведь Филипп Д. -1937 чекист 593
Меир Голда 1898- изр. пол. деятель 754
Мейерхольд Всеволод Эмильевич 1874-1942 режиссер 80, 469, 716-7
Мейринк Г. (Gustav Meyrink) 1868-1932 австрийский пис. 34
Мелентьев Юрий Серафимович 1932- работник ЦК 702
Мелехов Григорий действ. лицо в романе Шолохова 730
Мельников Даниил Ефимович историк 69, 109, 112
Мерецков Кирилл Афанасьевич 1897-1969 маршал 565, 573
Мерис П. (Paul Meurice) 1820-1905 фр. писатель 131
Мефодий 815-885 славянский просветитель 718
Мешан венгерский коммунист 590
Мигдал Аркадий Бейнусович 1911- физик 626
Микоян Анастас Иванович 1895- партийный деятель 14
Микулина Елена пис. 364, 428-434
Микулинский Семен Романович 1919- философ 374
Милано П. (Paulo Milano) 1904- ит. критик 155
Миллс Ч. (Charles Wright Mills) 1916-62 ам. социолог 149, 191
Милх Л. Р. старый большевик 159
Милюков Павел Николаевич 1859-1943 историк 735
Миронов Л. Г. чекист 612
Митин Марк Борисович 1901- философ 545, 755
Михайлов Александр Дмитриевич 1855-84 народник 151, 443
Михайлов Николай Александрович 1906- дипломат 307
Михайлов Тимофей Михайлович 1859-1881 народник 448, 730
Михайлов Сергей Влад. 1913- поэт 623, 636, 638
Михалков Сергей Влад. 1913- поэт 623, 636, 638
Михоэлс Соломон Михайлович (С. М. Вовси) 1890-1948 актер и режиссер 778, 781-2
Млынарж З. (Zdeněk Mlynář) 1930- член ЦК КПЧ 239
Мнячко Л. (Ladislav Mňačko) 1919- словацкий писатель 273, 364, 399, 456, 459, 460
Молотов Вячеслав Михайлович (Скрябин) 1890- член ЦК КПСС 216, 323, 352, 586, 593, 763
Молчанов Г. А. чекист 612
Монтень М. (Michel de Montaigne) 1533-92 фр. пис. 600
Моравиа А. (Alberto Moravia) 1907- ит. пис. 155
Морозов Николай Александрович 1854-1946 народник 447
Москвин петроградский большевик 230
Моцарт В. (Wolfgang Amadeus Mozart) 1756-1791 австрийский композитор 309

Мочар М. (Mieczysław Moczar) 1913- польский политик 708
Музиль Р. (Robert Edler von Musil) 1880-1942 нем. пис. 178
Муклик действ. лицо в романе Мнячко 458
Муравьев Михаил Ник. 1796-1866 гос. деятель 742, 758
Муравьев Никита Михайлович 1796-1843 декабрист 536-9
Муралов Александр Иванович 1886-1938 ? агроном 72, 159
Мурашов Сергей Ильич историк 584
Мурзин А. корреспондент «Правды» 245-6, 319, 385, 388
Муссолини Б. (Benito Mussolini) 1883-1945 ит. пол. 629, 735
Мюнцер Ф. (Thomas Münzer) 1489-1525 нем. теолог 214
Мягков А. актер 443, 450
Мясников Гаврила Ильич 1889-1946 рабочий 7, 58-60
Мясникова Дая Григорьевна жена Г. И. М. 59, 60
Навуходоносор II 604-562 вавилонский царь 756
Надь И. (Imre Nagy) 1896-1958 венгерский политик 311, 350
Наполеон (Napoleon Buonaparte) 1769-1821 император французов 437, 724-5
Наполеон III (Louis Napoléon Bonaparte) 1808-1973 император французов 749
Нарская-Горбачева Елизавета Ивановна 1895- 807
Нарская-Ковитина Степанида Федоровна 806
Нарский Василий Андреевич 806
Нарский Иван Иванович 807
Нарский Игорь Сергеевич 1920- философ 806-8
Нарский Сергей Васильевич 1896-1941 командир РККА 806
Насер Г. (Гамаль Абдель Абн-ан-Насир) 1918-1971 президент Египта 325
Насыри Имай (Имаметдин Имаметдинович Насыров) 1898-1942 башкирский писатель 719
Невский Владимир Иванович (В. И. Кривобоков) 1876-1937 историк 53, 55, 720
Незвал В. (Vítězslav Nezval) 1900-58 чешский поэт 463
Нейманн Г. (Heinz Neumann) 1902-1937 ? нем. комм. 581, 590
Некрасов Николай Алексеевич 1821-77 поэт 719, 732, 751
Некрич Александр Моисеевич историк 71
Нельсон Г. (Horatio Nelson) 1758-1805 англ. адмирал 724
Ненни П. (Pietro Nenni) 1891- ит. социалист 66
Несмеянов Александр Ник. 1899- химик 237, 264-6
Никитин директор фабрики 433
Никифоров Петр Михайлович 1882- ? старый большевик 626
Никишев зам. министра высш. обр. 7, 14
Никишев Иван В. комендант Колымы 468-9, 620
Никишева жена И. В. Н. 468
Николаев Леонид Васильевич 1904-1934 убийца Кирова 583
Николаева Галина Евгеньевна (Волянская) 1911-63 пис. 619
Николаевский Борис Ив. 1887-1966 историк 578-80, 582
Николай II Александрович 1868-1918 царь 1894-1917 748, 763
Николай I Павлович 1796-1855 царь 1825-55 436, 731-2

Никольский Георгий Васильевич 1910- ихтиолог 373-4
Никонов Анатолий Васильевич редактор 702, 721
Никсон Р. (Richard Milhous Nixon) 1913- през. США 340, 363, 366, 370, 541, 544, 547-8
Нилус Сергей Александрович 1862?-1930 публицист 748
Ницше Ф. (Friedrich Nietzsche) 1844-1900 нем. философ 87, 174, 521
Нобель А. (Alfred Nobel) 1833-96 норв. инженер 619
Новак М. (Michael Novak) ам. философ 517
Новак М. (Mirko Novák) 1901- чешский искусствовед 560
Новиков И. рядовой 334
Новоселов Николай писатель 137, 138
Новотный А. (Antonín Novotný) 1904-75 чехосл. политик 314, 316, 351, 383, 391, 400, 418, 550, 556-7, 561, 624, 634, 708
Новы В. (Vilém Nový) 1904- чехосл. публицист 561
Нойберт К. (Karel Neubert) 1915- член ЦК КПЧ 239
Норин чекист 589
Носолевский 589
Ньютон И. (Isaac Newton) 1643-1727 англ. физик 519, 763
Овидий (Publius Ovidius Naso) 43-17 лат. поэт 34
Огурцов Игорь Вячеславович 1937- филолог 649
Одурок Текки (Николай Иванович Спиридонов) 1906-1938 юкагирский писатель 719
Озеров Лев Адольфович (Гольдберг) 1914- поэт 364, 518-23
Ойунский (Слепцов) **Платон Алексеевич** 1893-1939 якутский писатель 719
Олык Ипай 1912-1943 марийский поэт 719
Ольшанский Михаил Александрович 1908- агроном 584
Омельяновский Михаил Эразмович 1904- философ 374
Орджоникидзе Григорий Константинович (Серго) 1886-1937 член Политбюро ЦК ВКП(б) 579, 582, 589, 613, 673
Орлов Борис корреспондент «Правды» 237, 271
Осепян Марк режиссер 433
Осипов Владимир Николаевич 1939- публицист 649
Островский Александр Николаевич 1823-86 драматург 275-6
Оуэн R. (Robert Owen) 1771-1858 англ. соц. 642
Ошанин Лев Иванович 1912- поэт 617
Павленко Петр Андреевич 1899-1951 писатель 126, 798
Павловский Михаил Петрович военный 308
Падовер С. (Saul Kussiel Padover) 1905- ам. историк 105
Палах Я. (Jan Palach) 1951-1969 чех. студент 551, 561
Панова Вера Федоровна 1905- писательница 81
Пантелев Алексей Наумович 1908- писатель 424
Панфилова Т. педагог 154
Парвус (Гельфанд А., Alexander Helphand) 1869-1924 социалист 746

Пастернак Борис Леонидович 1890-1960 писатель 64-5, 98, 522, 542, 614-9, 702
Патек М. (Miroslav Pátek) чех. журналист 561
Паукер Карл Викторович 1893-? чекист 612
Пацовский Р. (Rudolf Pacovský) 1921- чехосл. политик 556, 561
Пегельман Х. (Hans Pögelman) 1875-1938 эст. комм. 590
Пеликан В. (Václav Pelikán) 316, 390
Пеликан И. (Jiří Pelikán) 1923- чешский коммунист 286
Пельше Арвид Янович (Arvids Pelše) 1899- член ЦК КПСС 348, 705
Пенц Ф. (František Penc) 1921- член ЦК КПЧ 399
Первенцев Аркадий Алексеевич 1905- писатель 424
Перепрыгинова Лидия 476
Перовская Софья Львовна 1853-1881 народница 441-2, 448, 732
Перцов Виктор Осипович 1898- литературовед 618
Пестель Павел Иванович 1793-1826 декабрист 436-9, 447, 732
Петер Милан 564
Петерс Яков Христофорович 1886-1942 парт. раб. 591
Петр I Алексеевич 1672-1725 царь 95, 724, 728, 732, 738
Петров К. 318
Петрова П. А. крестьянка 285
Петровский Григорий Иванович 1878-1958 парт. раб. 132
Петровский Иван Георгиевич 1901-73 математик 15
Пилардж Я. (Jan Pilař) 1917- чешский пис. 390
Пилат действ. лицо в романе Булгакова 227-8
Пиллер Я. (Jan Piller) 1922- член ЦК КПЧ 239
Пилляр Р. А. чекист 613
Пильняк Борис Андреевич (Вогау) 1894-1937 78-9, 717
Пинкава Й. (Josef Pinkava) 1918- член ЦК КПЧ 239
Пионтковский Андрей Андреевич 1898-1973 юрист 374
Пир Ж. (Georges H. Pire) 1910-69 бельгийский монах 308-9
Писарев Дмитрий Иванович 1840-1868 критик 623, 639
Платон 427-347 греческий философ 763
Платонов Андрей Платонович 1899-1951 писатель 372
Платонов Георгий Васильевич 1918- философ 15
Платонов Сергей Федорович 1860-1933 историк 726
Платтен Ф. (Friedrich Platten) 1883-1942 швейц. соц. 590
Плетнев Эрик Пантелеевич экономист 633
Плеханов Георгий Валентинович 1856-1918 социалист 54, 143, 443-6, 452, 473, 732, 735
Победоносцев Константин Петрович 1826-1907 оберпрокурор Синода 733, 735
Погодин Николай Федорович (Н. Ф. Стуканов) 1900-62 драматург 149, 211
Погребинский Матвей Самойлович ?-1937 чекист 589
Подвойский Николай Ильич 1880-1948 старый большевик 230

Подгорный Николай Васильевич 1903- член ЦК КПСС 96, 321, 370, 586, 710
Поджио Александр Викторович 1798-1873 декабрист 436
Подъячих Петр Гаврилович демограф 761, 792
Покровский Мих. Ник. 1868-1932 историк 450, 723-4, 726, 728
Полаг 592
Полачек К. (Karel Poláček) 1913- член ЦК КПЧ 239, 556, 634
Полевой Борис Николаевич (Кампов) 1908- пис. 619
Полонский старый большевик 626
Полуян Ян Васильевич 1891-1937 кубанский больш. 159
Поляков Яков 1832-1909, Сямуил 1837-1888, Элиазар 1842-1914 банкиры 750
Померанц Григорий Соломонович 1918- публицист 149, 174, 180, 364, 428, 529
Пономарев Борис Николаевич 1905- секр. ЦК КПСС 266
Понтекорво Б. (Bruno Pontecorvo) 1913- ит. физик 626
Понтрягин Лев Семенович 1908- математик 374
Попов Николай Николаевич 1890-1940 парт. д. 593
Попов Павел Дмитриевич 807
Попова Ольга Николаевна 807
Порфос Исаак Иосифович московский врач 212
Поскребышев Александр Николаевич 1891-1966 секретарь Сталина 583, 593
Поспелов Петр Николаевич 1898- парт. деятель 18-9
Ростышев Павел Петрович 1887-1940 член ЦК ВКП(б) 590
Постышев Валентин Павлович сын П. П. Постышева 593
Постышева жена П. П. Постышева 593
Презент Исаак Исранлович 1902- биолог 181
Притт Д. (Denis Nowell Pritt) 1887-1972 англ. юрист 237, 300, 467
Проворов действ. лицо в романе Шахмагонова 603-4
Прокофьев Г. Е. 1895-? чекист 612
Проскуров военный -1941 573, 593
Прохазка Я. (Jan Procházka) 1929- чешский пис. 316, 390, 412
Прудон П. (Pierre Joseph Proudhon) 1809-65 фр. пис. 642
Прухняк Э. (Edward Próchniak) 1888-1937 польский коммунист 590
Птухин Евгений Саввич -1941 военный 593
Пуанкаре Р. (Raymond Poincaré) 1860-1934 фр. политик 735
Пугачев Емельян Иванович 1742-1775 вождь восстания 455, 719, 724, 730, 732
Пуйман П. (Peter Pujman) чешский писатель 390
Пумпур военный 573, 593
Путрамент Е. (Jerzy Putrament) 1910- польский дипл. 355-9
Пушкин Александр Сергеевич 1799-1837 поэт 95, 428, 521-2, 532, 719, 725, 732
Пятаков Георгий Леон. 1890-1937 член ЦК КПУ 477
Р. писатель 237, 307

Р. супруги, друзья Несмеянова 264, 265
Рабочиев партийный деятель 589
Радек Карл Бернгардович (Собельсон) 1885-1939? 63, 746
Радзиевский 156
Радищев Александр Николаевич 1749-1802 пис. 11, 732, 735, 798, 800
Разин Евгений Андреевич 1898-1964 военный историк 621
Разин Степан Тимофеевич -1671 казак 455, 730, 732
Райх Зинаида Николаевна 1894-1939 актриса 469
Раковский Христиан Георгиевич 1873-1941 или 1942 член ЦК ВКП(б) 7, 61, 62
Ракоши М. (Mátyás Rákosi) 1892-1971 венг. комм. 67, 350-1, 708
Раппопорт А. (Anatol Rapoport) 1911- ам. ученый 660
Раскольников Федор Федорович 1892-1939 старый большевик 58, 478, 603
Рассел Б. (Bertrand Russel) 1872-1970 англ. философ 561
Ратенау В. (Walter Rathenan) 1867-1922 нем. пол. 793
Рачковский П. И. резидент охраны в Париже 749
Рашкин Ю. актер 444
Ребрин Петр Николаевич 1915- писатель 121
Реденс Станислав Францевич -1938? чекист 612
Рейс Игнатий 1899-1937 разведчик 7, 56-8
Рембрандт (Rembrandt van Rijn) 1606-69 нидерл. худ. 224
Реммеле Г. (Hermann Remmele) 1886-1939 нем. комм. 590
Рендель Леонид Абрамович историк 649
Рехберг А. (Arnold Rechberg) 1879-1946? нем. политик 581
Риго Э. (Emil Rigo) 1926- член ЦК КПЧ 239
Рипеллино А. (Angelo Maria Ripellino) ит. славист 155
Рисаль-и-Алонсо Х. (Jose Rizal Mercado y Alonso) 1861-96 филиппинский писатель 33
Робеспьер М. (Maximilien Marie Isidor de Robespierre) 1758-1794 франц. политик 91, 140-3, 451-2
Робсон П. (Paul Robeson) 1898- ам. певец 542, 619, 620
Рогов действ. лицо в повести Шахмагонова
Родимцев Александр Ильич 1905- генерал 573
Розанов Василий Васильевич 1856-1919 пис. 711, 735
Розенберг А. (Alfred Rosenberg) 1893-1946 нем. публицист 178
Розенберг Владимир соц-рев. 60-1
Розенфельд см. Каменев
Розов Виктор Сергеевич 1913- драматург 275
Рокоссовский Константин Конст. 1896-1968 маршал 565
Роллан Р. (Romain Rolland) 1866-1944 фр. пис. 51, 735
Ростан Э. (Edmond Rostand) 1868-1918 фр. пис. 730
Ростова Наташа действ. лицо в романе Толстого 729-30
Ростовский С. Н. см. Генри Э.
Ростропович Мстислав Леопольдович 1927- виолончелист 702

Ротшильд М. (Meyer Amschel Rothschild) 1743-1812 банкир 800
Роше В. (Waldeck Rochet) 1905- секр. ФКП 274
Ру Ж. (Jacques Roux) 1752-1794 фр. политик 140
Рубичев судья 433
Рублев Андрей 1360-1430 художник 733, 753
Руденко Роман Андреевич 1907- прокурор СССР 96
Рудзутак Ян Эрнестович 1887-1938 член Политбюро 158-9, 579, 590
Рудин действ. лицо в повести Тургенева 730
Рузвельт Ф. (Franklin Delano Roosevelt) 1882-1945 през. США 1932-1945 16, 286
Румянцев Алексей Матвеевич 1905- академик 372
Руссова 532
Рыбаков Ю. редактор 281
Рыбников полковник ПУРа 16
Рыклин Григорий Ефимович 1894- писатель 716
Рыков Алексей Иванович 1881-1938 предс. Совнаркома 1924-1930 210, 213, 477, 763
Рылеев Кондратий Федорович 1795-1826 поэт 798
Рысаков Николай Иванович 1861-81 народоволец 447
Рычагов Павел Васильевич 1911-41 военный 573, 593
Рютин М. Н. кандидат ЦК ВКП(б) 579
Рязанов Давид Борисович (Гольдендах) 1870-1938 марксист 478
С. академик 657
Сабуров действ. лицо в романе Кочетова 627
Сагдеев Роальд Зиннурович 1932- физик 626
Садовский Ш. (Štefan Sádovský) 1928- член ЦК КПЧ 239, 399, 400, 634
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович 1826-89 писатель 7, 39, 538, 601, 732, 751
Сартр Ж.-П. (Jean-Paul Sartre) 1905- фр. пис. 249
Сахаров Андрей Дмитриевич 1921- физик 237-8, 289, 294, 297, 301-2, 305, 308, 577-8, 649, 706, 710
Сац Игорь Александрович 1903- критик 78
Свердлов Яков Михайлович 1885-1919 полит. деятель 230, 448, 450, 452-3, 572, 746, 751, 763
Светлов Михаил Аркадьевич 1903-1964 поэт 181
Светловидов Николай Афанасьевич (Н. А. Седых) 1889-1970 актер 275
Свирский Григорий Цезаревич 1921- писатель 372
Свитак И. (Ivan Svitáк) чешский философ 260, 273, 364, 478-482, 484
Свобода А. (Alois Svoboda) чех. журналист 560
Свобода Л. (Ludvík Svoboda) 1895- чех. политик 239, 242, 399, 400, 464, 550
Свободин А. драматург 440, 445

Седов Лев Львович 1906-1938 сын Троцкого 58
Сейферт Я. (Jaroslav Seifert) 1901- чешский пис. 390, 550
Секера И. (Josef Sekera) 1897- чех. публ. 239-40
Секстон П. (Patricia Cayo Sexton) ам. социолог 494
Сельвинский Илья (Карл) **Львович** 1899-1968 поэт 83, 364, 518-523
Семанов Серг. Ник. историк 701, 711-13, 718, 720-1, 725-37
Семенов Николай Николаевич 1896- физик 179
Семичастный Владимир Ефимович 1924- член ЦК КПСС 617
Сен-Жюст Л. (Louis-Antoine Saint-Juste) 1767-1794 фр. политик 140
Сергий (Страгородский) -1944 митрополит московский 96
Сергованцев Ник. Мих. 1934- критик 424-5, 427
Сердич Данило Федорович 1896-1937 военный 590
Симонов Конст. (Кирилл) **Мих.** 1915- пис. 181, 279
Симочкин Петр механик-водитель 334
Синельников Михаил критик 565
Синько Владимир помощник Ежова 136
Синявский Андрей Донатович 1925- пис. 71, 154, 304
Сирано де Бержерак действ. лицо в пьесе Ростана 730
Сказкин Сергей Данилович 1890- историк 273
Скоблин двойной агент 603
Скрыпник Ник. Алексеевич 1872-1933 укр. пол. деятель 60
Славик В. (Václav Slavík) 1920- член ЦК КПЧ 239
Сладек И. (Jiří Sládek) чех. политик 560
Сланский Р. (Rudolf Slánský) 1901-51 чех. политик 404, 563
Слонимский Михаил Леонидович 1897- писатель 31
Слуцкий Абрам Абрамович 1898-1938 чекист 612
Слуцкий Борис Абрамович 1919- поэт 619
Смердяков действ. лицо в романе Достоевского 796
Смирнов Василий Александрович 1905- писатель 424
Смирнов Н. 591
Смиров Сергей Васильевич 1913- поэт 623-5
Смирнов Сергей Сергеевич 1915- пис. 13, 616-7, 619, 626
Смит А. (Adam Smith) 1723-1790 англ. экономист 642
Смрковский И. (Josef Smrkovský) 1911-74 член ЦК КПЧ 239, 244, 317, 352, 399, 400, 550, 556, 561
Смушкевич Яков Владимирович 1902-41 генерал 573
Снайдер Л. (Louis Leo Snyder) 1907- ам. ученый 623, 643, 645
Снастин Василий Иванович 1913- парт. деятель 7, 9, 12-3
Снесарев военный 572
Соколов М.Ф. 1893- корреспондент Ленина 226
Сокольников Григорий Яковлевич (Бриллиант) 1888-1939 экономист и дипломат 230, 746
Солженицын Александр Исаевич 1918- писатель 11, 149, 160, 165-73, 181, 186, 429-31, 701-4
Солодовников Александр Васильевич 1904- дир. МХАТа 275-6

Солоухин Владимир Алексеевич 1924- пис. 422, 619, 721
Сосновский Лев Семенович 1886-1937 редактор 593
Сотников действ. лицо в повести Быкова 767
Софронов Анатолий Влад. 1911- пис. 280, 421, 618, 723
Сохор Л. (Lubomír Sochor) чех. публицист 557-9
Спектор 433
Спиноза Б. (Baruch de Spinoza) 1632-77 нидерл. философ 505-6, 799
Спиридонова Мария Александровна 1884-1941 соц.-рев. 594
Спыхальский М. (Marian Spychalski) 1906- польский маршал 708
Ставар А. (Andrzej Stawar = Edward Janus) 1900-61 польский публицист 149, 204-9
Сталин Иосиф Виссарионович (Джугашвили) 1879-1953 пол. деятель 5, 7, 11, 14-20, 22, 24, 27, 29, 48, 57, 60, 62-70, 74-6, 93, 97-8, 120, 125-7, 137, 149, 154, 168-9, 171, 186-8, 190, 204, 206, 208-11, 213, 216-7, 226-8, 267, 282, 286-7, 291-300, 302-3, 307, 323, 346, 352, 431-3, 464-9, 476-8, 482, 565, 570-2, 578-596, 602-4, 612-4, 616, 618, 620-1, 625, 627 641, 660-1, 665-6, 669, 670, 690, 692, 720-3, 725-6, 731, 733, 736, 755, 763, 766-7, 769-70, 774, 777, 781, 790, 810
Старосветов прокурор 157
Стендаль (Stendhal = Henri Beyle) 1783-1842 фр. пис. 535
Степанов Владимир Ильич 1912- редактор 7, 17
Степанова Ангелика Осиповна 1905- артистка 125
Степовой действ. лицо в очерке Микулиной 429, 431
Стивенсон А. (Adlai Ewing Stevenson) 1900-65 ам. пол. 23
Стольпин Петр Аркадьевич 1862-1911 гос. деятель 55, 733
Стомоняков Борис Спиридонович 1882-1941 торгпред 590
Стрельцов Александр действ. лицо в романе Шолохова 568-72
Стрельцов Николай действ. лицо в романе Шолохова 568-71
Стрельцова Ольга действ. лицо в романе Шолохова 568
Строков Петр С. критик 84
Суворов Александр Вас. 1729-1800 полководец 724-5, 737
Султан-Заде А. 1889-1938 иранский коммунист 590
Сурков Алексей Александрович 1899- поэт 565
Суров Анатолий Алексеевич 1910- драматург 181
Суровцев Юрий Иванович критик 454
Сусанин Иван Осипович -1613 крестьянин 730
Суслов Михаил Андреевич 1902- секр. ЦК КПСС 14, 586
Сутырин Владимир Андреевич 1902- критик 226-7, 372
Суханов Николай Никол. (Гиммер) 1882-? публицист 478
Сухопа Владимир 562
Сытин Павел Павлович 1870-1938 военный 572
Т-в писатель, информант редактора 620
Тагер онколог 620
Таиров Александр Як. (Корнблит) 1885-1950 режиссер 716

Тайлер У. (Wat Tyler) -1381 вождь восст. в Англии 214, 455
Тан-Богораз см. Богораз В. Г.
Танев Васил 1897-1941 болг. коммунист 590
Таратута Евгения Александровна пис. 59
Таунс Ч. (Charles Hard Towns) 1915- ам. физик 523
Твардовский Александр Трифонович 1910-71 поэт 81, 149, 154-5, 279, 374, 714
Твердохлебов Андрей Николаевич 1940- физик 706
Тевосян Иван Фед. 1902-58 нарком 125
Тейар де Шарден П. (Pierre Teilhard de Chardin) 1881-1955 фр. иезуит 539
Тельман Э. (Ernst Thälmann) 1886-1944 нем. коммунист 735
Тендряков Владимир Федорович 1923- писатель 430
Теннисон А. (Alfred Tennyson) 1809-92 англ. поэт 33
Терезня из Авилы (Teresa de Jesu) 1515-82 исп. святая 515
Теркин Василий действ. лицо в поэме Твардовского 730
Терф Ж. (Jean Terfve) 1907- бельг. коммунист 554-5
Тимирязев Климент Аркадьевич 1843-1920 биолог 618
Тимофеевский поэт 100
Тимофеевский А. А. историк 16
Тимошенко Семен Константинович 1895-1970 маршал 134
Типпельскирх К. (Kurt von Tippelskirch) нем. историк 69, 133, 135
Тито Иосип Броз 1892- през. Югославии 352, 405, 548, 641
Титулеску Н. (Nicolae Titulescu) 1883-1941 рум. пол. 642
Тихвинский Сергей Леонидович 1918- историк 374
Тихон (Василий Иванович Белавин) 1865-1925 патриарх московский и всея Руси 1917-25 95
Тихонов Николай Семенович 1896- поэт 374
Тодорский Александр Иванович 1894-1965 военный 149, 211
Толстиков Василий Сергеевич 1917- парт. деятель 711
Толстой Алексей Константинович 1817-75 писатель 598
Толстой Алексей Ник. 1882-1945 пис. 64, 78, 126, 579
Толстой Лев Николаевич 1828-1910 пис. 51, 170, 729, 732
Толченова Нина Павловна 1912- критик 280-1
Томский Михаил Павлович (Ефремов) 1880-1936 пол. деятель 589, 592-3, 763
Торез М. (Maurice Thorez) 1900-64 фр. коммунист 512
Торквемада Т. (Thomas de Torquemada) 1420-98 инквизитор 88
Травкин генерал-майор 167-8
Трапезников Сергей Павлович 1912- парт. д. 15, 158, 546
Третьяков Сергей Михайлович 1892-1939 писатель 717
Третьякова Елена Ивановна 807
Трилиссер Меер Абрамович 1883-193? чекист 590
Троска К. (Karel Troska) чехосл. журналист 559
Троцкий Лев Давыдович (Бронштейн) 1879-1940 пол. дея-

тель 58, 61-3, 72-3, 149, 205, 209-11, 218-9, 221-2, 224-8, 477, 579, 746, 763
Трояновский П. журналист 18
Трубецкой Сергей Петрович 1790-1860 декабрист 435-6
Трушин церковный чиновник 96
Тулайков Николай Максимович 1875-1937 агроном 592
Тулуб Зинаида Павловна 1890-1964 укр. пис. 217
Туполев Андрей Николаевич 1888-1972 конструктор 592
Тургенев Иван Сергеевич 1818-1883 писатель 730
Турханский Александр Александрович военный 212
Тухачевская жена Тухачевского 593
Тухачевский Михаил Николаевич 1893-1937 маршал 154, 469, 593, 602-3
Тушин действ. лицо в романе Л. Н. Толстого 729-30
Тынянов Юрий Николаевич 1894-1943 писатель 31
Тюленев Иван Владимирович 1892- генерал 394
Тюленин Сергей действ. лицо в романе Фадеева 730
Тютчев Федор Иванович 1903-1873 поэт 522
Тяжкий А. (Anton Ťažký) 1921- член ЦК КПЧ 239
Уайт Д. (George Wythe) 1726-1806 ам. юрист 106
Уборевич жена Уборевича 593
Уборевич Иероним Петрович 1896-1937 командарм 593
Уваров Сергей Семенович 1786-1855 министр 742, 750
Уикс Э. (Edward Augustus Weeks) 1898- ам. писатель 24
Ульрих В. В. судья 590
Уоллес Г. (Henry Agard Wallace) 1888-1965 ам. пол. 468-9
Урицкий Моисей Сол. 1873-1918 чекист 137, 448, 474, 772
Урицкий Семен Петрович разведчик 590
Уэбб Б. (Beatrice Webb) 1858-1943 англ. публ. 468
Уэбб С. (Sidney Webb) 1859-1947 англ. публ. 468
Уэллс Г. (Harry Kohlsaat Wells) 1911- ам. автор 500
Фадеев Александр Александрович 1901-56 пис. 69, 123-6, 620
Фадеев Михаил Александрович 1944- сын писатель 125
Фадеева Татьяна Александр. 1900- сестра писателя 125
Фадеева жена писателя см. Степанова А. О.
Фарнер К. (Konrad Farner) 1903-74 швейц. пис. 247, 251
Фарнсуорт К. (Clyde H. Farnsworth) ам. журналист 327
Федин Константин Александрович 1892- пис. 31, 166, 617
Фединин В. журналист 260
Федоров Владимир Иванович 1925- поэт 83
Федя сотрудник «Известий» 271
Фейербах Л. (Ludwig Feuerbach) 1804-72 нем. фил. 480, 512
Фейсал (Сауд ибн-Абд-аль-Азиз ибн-Абдар-Рахман аль-Фейсал аль-Сауд) 1902-1975 король Саудовской Аравии 801
Фейхтвангер Л. (Lion Feuchtwanger) 1884-1958 нем. пис. 781
Феникштейн петрогр. большевик 230
Фефер Ицик 1900-1952 еврейский поэт 542, 619-20

Фигнер Вера Николаевна 1852-1942 народница 730
Фикар Л. (Ladislav Fikar) 1920- чешский поэт 390
Филип М. (Miroslav Filip) чехосл. журналист 560
Филиппо П. (Pierre Philippeaux) 1759-1794 фр. политик 141
Фирин Семен чекист 589
Фирсов Владимир Иванович 1937- поэт 237, 282, 422
Фишер Э. (Ernst Fischer) 1889-1972 австрийский комм. 247
Фишер-Барниколь Г. (Hans Fischer-Barnicol) 1930- нем. католик 516
Флорчак З. (Zbignien Florczak) польский пис. 354-8
Форкош С. (Sándor Poll, псевд.: Farkas) 1896-1937 венг. комм. 590
Фотий (Петр Никитич Спасский) 1792-1838 архимандрит 86
Франк действ. лицо в романе Мнячко 458
Франко Ф. (Francisco Franco y Bahamonde) 1892- исп. пол. 74, 530
Франс А. (Anatole France (Jacques Anatole Thibault)) 1844-1924 французский писатель 172, 213
Францев Юрий (Георгий Павлович Францов) 1903-69 философ 341-3
Фрейд З. (Sigmund Freud) 1856-1939 австр. психиатр 500
Фрейкланд М. (Mark Frankland) 1934- ам. историк 149, 182
Фридрих II 1712-1786 король Пруссии 724
Фриновский чекист 590
Фролов Иван Тимофеевич 1929- философ 574
Фромм Э. (Erich Fromm) 1901- ам. психолог 364, 500-5
Фурер Ф. 589
Фучик Ю. (Julius Fučík) 1903-43 чешский писатель 464
Хадж Али Башир 1920- алж. поэт 529-30
Хаксли Д. (Julian Sorell Huxley) 1887-1975 англ. уч. 525
Халатов Артемий Багратович 1896-1938 издатель 217
Халтурин Степан Николаевич 1856-82 народник 730
Хаустов Виктор Александрович 1938- рабочий 72, 149, 156-8
Хвостов Владимир Мих. 1905-1972 историк 237, 298-300, 761
Хейвуд действ. лицо в фильме С. Крамера 112
Хейес А. (Albert John Hayes) 1900- ам. профсоюзник 494
Хейнеманн Г. (Gustav Heinemann) 1899- през. ФРГ 548
Хемингуэй Э. (Ernest Hemingway) 1899-1961 ам. пис. 601
Хемницер Иван Иванович 1745-1784 поэт 636
Ходжер Б. -1937 нанайский писатель 719
Холичер В. 529
Хрущев Никита Сергеевич 1894-1971 пол. деятель 5, 8, 9, 12, 14-6, 21-2, 27-9, 66-8, 76, 92-4, 149, 182-90, 297, 352, 467, 470, 476, 621, 625, 648, 660, 665-6, 670-1, 690, 701, 704-5
Хрущева Нина Петровна 1899- жена Хрущева 704
Хэмфри Ю. (Hubert Horatio Humphrey) 1911- ам. политик 340
Царев Михаил Иванович 1903- актер 275

Цвейг С. (Stefan Zweig) 1881-1942 австрийский пис. 781
Цветаева Марина Ивановна 1892-1941 поэтесса 58, 563
Цедербаум см. Мартов 746
Циранкевич Ю. (Józef Cyrankiewicz) 1911- польский политик 706, 708
Цирюльников Валерий младший сержант 333
Цисарж Ч. (Čestmír Císař) 1920- секр. ЦК КПЧ 239, 274, 342
Цолотка П. (Peter Colotka) 1925- член ЦК КПЧ 556
Цыбин Владимир Дмитриевич 1932- писатель 427
Чаадаев Петр Яковлевич 1794-1856 писатель 454, 732, 736
Чаевский П. (Paddy Chayevsky) 1923- ам. писатель 23-4
Чаковский Александр Борисович 1913- писатель 566, 592, 755
Чалидзе Валерий Николаевич 1938- публицист 706
Чалмаев Виктор Андреевич 1932- критик 363-4, 426-8, 453-6, 722-3
Чан-Кай-Ши (Цзян Цзе-ши) 1887-1975 китайский политик 247, 617
Чапаев Василий Иванович 1887-1919 командир 730
Чапек К. (Karel Capek) 1890-1938 чешский писатель 463
Чапчахов Ф. критик 346, 453
Чаушеску Е. (Elena Ceausescu) жена Н. Чаушеску 642
Чаушеску Н. (Nicolae Ceausescu) 1918- рум. политик 405, 642
Червенков Вълко 1900- член ЦК Болгарской компартии 67
Червоненко Степан Васильевич 1915- дипломат 256, 307-8, 394-5
Черняков Александр Григорьевич 1892-1937? парт. деятель 589
Черкасов Алексей Тимофеевич 1905- писатель 426
Черник О. (Oldřich Černik) 1921- член ЦК КПЧ 239, 243, 252-5, 260, 318, 352, 399, 400, 405, 464, 633-4
Черных военный 573, 593
Чернышев Виктор герой фильма Марка Осепяна 433-4
Чернышевский Николай Гаврилович 1828-89 писатель 182, 542, 611, 732, 735-7, 759, 797
Черчилль У. (Winston Leonard Spencer Churchill) 1874-1965 англ. политик 16, 282, 614, 617
Чесноков Дмитрий Иванович 1910-1973 философ
Чехов Антон Павлович 1860-1904 писатель 275, 294, 532
Чичибабин Б. поэт 97
Чопич Владимир 1891-1938? югос. коммунист 590
Чубарь А. А. жена В. Я. Чубаря 587, 593
Чубарь Влас Яковлевич 1891-1941 член ЦК ВКП(б) 590, 593
Чубасов действ. лицо в повести М. Ланского 116
Чуев Феликс Иванович 1941- поэт 723
Чуйков Василий Иванович 1900- маршал 13
Чуковская Лидия Корнеевна 1907- писательница 567
Чхиквишвили И. 252-3, 584
Шабад Л. М. онколог 620

Шагаев 74
Шагал Марк (Marc Chagall) 1887- художник 761
Шагинян Мариэтта Сергеевна 1888- пис. 7, 13, 29, 51
Шамалик Ф. (František Šamalík) чехосл. публ. 560
Шамиль 1798-1871 имам Дагестана 722, 734
Шанин А. М. чекист 612
Шапошников Борис Михайлович 1882-1945 маршал 372, 592
Шапошникова Алла Петровна секр. МГК КПСС 372
Шатагин Николай Иванович историк 584
Шатров Михаил Филиппович (М.Ф. Маршак) 1932- драм. 448
Шаумян Лев Степанович редактор 477
Шаумян С. 584, 596
Шауро Вас. Филимонович 1912- зав. отд. культ. ЦК 702
Шахмагонов Федор Федорович 1923- пис. 542, 602, 604
Швахкопф действ. лицо в произв. Щедрина 44
Шверник Николай Михайлович 1888-1970 парт. деятель 14
Швестка О. (Oldřich Švestka) 1922- канд. ЦК КПЧ 239
Шевцова Любка действ. лицо в романе Фадеева 730
Шекспир В. (William Shakespeare) 1564-1616 англ. поэт 521
Шелепин Александр Николаевич 1918- член ЦК КПСС 586
Шелест Петр Ефимович 1908- член ЦК КПСС 348
Шелехес жена Шелехеса 593
Шелехес Илья Савельевич 1891-1938 парт. деятель 593
Шешелович Михаил Зеликович 1943- инженер 804
Шик О. (Ota Šik) 1919- чехосл. экономист 240, 253, 256, 260, 316, 327, 387-9, 412, 416, 541, 552-3
Шимечек В. (Václav Šimeček) 1919- член ЦК КПЧ 239
Шимон Б. (Bohumil Šimon) 1920- 239, 394
Шкапа Лльа Самсонович (И. С. Гриневский) 1898- пис. 218
Шкловский Виктор Борисович 1893- писатель 32, 618
Шлезингер А. (Arthur Meier Schlesinger) 1917- ам. историк 7, 19, 24
Шлейхер К. фон (Kurt von Schleicher) 1882-1934 нем. генерал 581
Шлинг О. (Otto Šling) 1912-1952 чехосл. политик 563
Шлингова М. (Marian Šlingová) 1914- жена О. Шлинга 563
Шляпникова Александра Гавриловна (?) жена Шл. 136
Шляпников Александр Гавр. 1884-1937 член ЦК ВКП(б) 136
Шолом Алейхем (Шолом Иохумович Рабинович) 1859-1916 еврейский писатель 750
Шолохов Мих Александр. 1905- писатель 367, 374, 541, 566-74
Шолохова Александра Ивановна 807
Шометт П. (Pierre Gaspard Chaumette псевд.: Anaxagoras) 1763-1794 фр. политик 140
Шостакович Дмитрий Дмитриевич 1906- композитор 31
Шпачек Й. (Joçef Špaček) 1927- член ЦК КПЧ 239
Шпигельглас разведчик 590

Шредер Г. (Gerhard Schroeder) 1910- нем. политик 548
Штеменко Сергей Матвеевич 1907- военный 565
Штерн -1941 военный 573, 593
Штраусс Ф. (Franz Josef Strauss) 1915- нем. политик 548
Штроугал Л. (Lubomír Štrougal) 1924- член ЦК КПЧ 399-400, 541, 552, 624, 634
Шуб А. (Anatole Shub) 1928- ам. журналист 647
Шуберт Г. (Hermann Schubert) 1896-1938 нем. коммунист 590
Шульгин Василий Витальевич 1878-? пол. деятель 735
Шумяцкий Б. -1943 парт. деятель 159
Шундук Николай Елисеевич 1920- писатель 424
Шур Гнлел Залманович 1938- слесарь 805, 806
Шухов Иван действ. лицо в повести Солженицына 165
Щербаков К. журналист 432, 434
Эбер Ж. (Jacques René Hébert) 1757-1794 фр. политик 140
Эйзенхауэр Д. (Dwight David Eisenhower) 1890-1969 през. США 22, 184, 491
Эйнштейн А .(Albert Einstein) 1879-1955 нем. физик 7, 63, 364, 505-6, 519, 781, 793-4
Эйхе Роберт Индрнкович 1890-1940 член ЦК ВКП(б) 590, 593
Эйхе-Рубцова Е. Е. жена Р. И. Эйхе 587, 593
Экарт (Meister Eckart) ± 1260-1327 нем. мистик 534
Эли Маисси Р. англ. журналист 73
Элишева-Жиркова Е. И. 1888-1949 израильская поэтесса 755
Эллочка действ. лицо в книге Ильфа и Петрова 733
Эльсберг Яков Ефимович 1901- литературовед 123
Эмерсон Л. (Lynn Arthur Emerson) 1890- ам. ученый 498
Энгельгардт Влад. Александр. 1894- биохимик 374, 626
Энгельс Ф. (Friedrich Engels) 1820-95 нем. публицист 70, 138-9, 141-3, 276, 436, 473, 512-4, 519, 531, 605, 814
Эрбан Э. (Evžen Erban) 1911- член ЦК КПЧ 239, 399
Эренбург Илья Григорьевич 1891-1967 писатель 69, 71, 119, 126, 595, 753
Эфрон Сергей 58
Эфрос Анатолий Васильевич режиссер 275
Эшлиман Николай 1930- священник 69, 92, 94, 96-7
Югов Антон 1904- болгарский политик 708
Юденич Николай Николаевич 1862-1933 генерал 138
Юнгманн М. (Milan Jungmann) 1922- чешский критик 316, 390
Юсупов А. 158
Ягода Генрих Григ. 1891-1938 глава НКВД 64, 571, 590, 612-3
Якир мать командарма 592
Якир Иона Эммануилович 1896-1937 командарм 154, 584, 592
Якир Петр Ионич 1923- историк 541, 584, 588, 595, 649
Яковлев Евгений Георгиевич писатель 532
Якубовский Иван Игнатьевич 1912- маршал 405
Якунин Глеб Павл. 1934- священник 69, 92, 94, 96-7

Якушкин Иван Дмитриевич 1796-1857 декабрист 438
Яикель действ. лицо в повести Гоголя 792, 794, 796
Янинг действ. лицо в фильме С. Крамера 111
Ярославский Емельян Михайлович 1878-1943 член ЦК ВКП(б) 59
Ярошевич П. (Piotr Jaroszewicz) 1909- польский политик 709
Ярошенко экономист 621
Ясперс К. (Karl Jaspers) 1883-1969 нем. философ 112-6
Яхимович Иван Антонович 1931- филолог 649

СОДЕРЖАНИЕ

7. АПРЕЛЬ 1965

Предисловие 5

О НЕКОТОРЫХ СОБЫТИЯХ МЕСЯЦА

Семинар пропагандистов МК КПСС 7
Выступление П. Демичева и В. Снастика на совещании редакторов 9
Семинар преподавателей вузов. Вступление зам. министра высшего образования СССР Никишева 14
Вновь поднимается вопрос о Сталине 15

О НЕКОТОРЫХ СТАТЬЯХ, ПИСЬМАХ И РУКОПИСЯХ

Об одной статье Артура Шлезингера 19
Заметка М. Шагинян «Страницы прошлого» . . 29
Из воспоминаний Д. Витковского 34
Из фельетона М. Салтыкова-Щедрина «Легковесные (1868 г.) 39
О статье писателя Е. Замятина «Цель» 48

ИЗ ИСТОРИИ

Смерть Л. Мартова 52
Убийство Игнатия Рейса 56
О трагической судьбе Г. И. Мясникова и его семьи 58
Эсеры после революции 60
Христиан Раковский 61
Оппозиция в 1927 году 63
А. Эйнштейн о последствиях автократии . . . 63
История одного из стихотворений О. Мандельштама 63
XX-й съезд КПСС 66

28. ЯНВАРЬ 1967

О НЕКОТОРЫХ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЯХ

Постановление о праздновании 50-летия Октября 70

Манифестация на площади Пушкина в Москве и аресты среди молодежи 71
Об отношении к лидерам оппозиции 20-х годов . . 72
«Женьминьжибао» об обсуждении III тома «Истории КПСС» 74
О мировом коммунистическом движении . . . 75
Китайская официальная печать о XX съезде КПСС и о Сталине 75
Советология 76
Целина в 1965-1966 гг. 77

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

О руководстве литературой. А. В. Луначарский . . 78
Газета «Правда» о журналах «Новый мир» и «Октябрь» 81

О НЕКОТОРЫХ ПИСЬМАХ, СТАТЬЯХ И РУКОПИСЯХ

Статья Н. Бердяева «О фанатизме, ортодоксии и истине» 84
Дела церковные 92
(Письмо Эшлимана и Якунина)
О нетокорых стихотворениях 97
О Томасе Джефферсоне 105

О ПРОБЛЕМЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОШЛОГО

Из статьи Д. Мельникова «Западнее Эльбы» . . 109
Из статьи Э. Генри «Чума на экране» 110
Из статьи Д. Мельникова «Теория всепрощения» . 112
О позиции журнала «Октябрь». Из повести М. Ланского 116
Журналист К. Буковский из «Октября» полемизирует с Залыгиным и Эренбургом 119
Несколько замечаний о проблеме ответственности . 123
О А. Фадееве 124

ИЗ ИСТОРИИ

Вопрос о красном терроре в 1918 году 126
Вопрос о терроре в 1922 году 127
Из памфлета В. Гюго «Наполеон Малый» . . . 130
К вопросу о заложниках 130

О Ежове 135
О народном ополчении 1941 года 137
Н. К. Крупская в 1938 году 138

ЗАМЕТКИ НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин о якобинском терроре 138

31. АПРЕЛЬ 1967

О НЕКОТОРЫХ ТЕКУЩИХ СОБЫТИЯХ

Конференция коммунистических партий в Карловых Варах 150
Гибель советского космонавта 150
Интерес к народничеству среди молодежи . . . 151
О некоторых мифах 151
Газеты «Правда» и «Известия» в столице и в провинции 153
О некоторых молодежных организациях . . . 153
А. Твардовский в Италии 154
О книге Е. Гинзбург «Крутой маршрут» . . . 155
Суд над В. А. Хаустовым 156
О статьях, посвященных жертв сталинского террора 158
Пресс-конференция С. Аллилуевой 159
Новая валютная политика 160

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

Новый рассказ А. И. Солженицына 160
Статья о Солженицыне в словацкой газете . . . 165

О НЕКОТОРЫХ СТАТЬЯХ, ПИСЬМАХ И РУКОПИСЯХ

Г. Померанц «О псевдореволюционных движениях и об интеллигенции» 174
Из книги М. Френкланда о Н. С. Хрущеве . . . 182
Из книги Р. Миллса «Властвующая элита» . . . 191
Из сборника статей польского марксиста А. Ставара 204
Из рецензии А. Тодорского на пьесу Н. Погодина «Верность» 211

ОБ А. М. ГОРЬКОМ. НЕКОТОРЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

А. М. Горький и процесс правых эсеров . . . 213

О брошюре А. М. Горького «В. И. Ленин» . . . 214
Горький и Сталин 216
Статья Троцкого с критикой Горького 218

ИЗ ИСТОРИИ

К вопросу о бюрократизме 225
Смерть Ленина и Троцкий 226
Сталин и социализм 228
Ленин и ЦК в октябре 1917 года 228
Еще о бюрократизме 232
О лозунге самокритики в 1928 году 233

48. СЕНТЯБРЬ 1968

К СОБЫТИЯМ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

5 сентября. К положению в Чехословакии . . . 238
10 сентября. К положению в Чехословакии . . . 243
Речь Дюрренмата в городском театре в г. Базеле . 247
О положении в Чехословакии на 15 сентября . . 252
О советско-чехословацких отношениях. 16-25 сентября 257
Письмо академика Несмеянова своим друзьям во Францию 264
О международном совещании компартий . . . 266
Югославский журнал о событиях в Чехословакии . 266
О фотографиях в журнале «Шпигель» 270
О корреспонденте «Известий» Б. Орлове . . . 271
26-30 сентября. К положению в Чехословакии . . 271

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Новый театральный сезон в Москве 275
Из рецензии В. Лакшина на роман «Мастер и Маргарита» М. Булгакова 277
О письме руководителей ССП в поддержку действий Советского правительства в Чехословакии . . 279
Из театральной жизни. «Огонек» и «Театр» . . . 279
О поэме В. Фирсова «Республика Бессмертия» . . 282
«Литературная газета» об Иржи Ганзелке . . . 283

О НЕКОТОРЫХ КНИГАХ СТАТЬЯХ И РУКОПИСЯХ

О книге В. Бережкова «Тегеран 1943» 286
Письмо в Президиум Верховного Совета . . . 287
Из письма М. Марковского академику А. Д. Сахарову 289
Из воспоминаний Н. Г. Кузнецова «Годы войны» . 297
О статье В. Хвостова и А. Грылева в журнале «Коммунист» 298
О статье Д. Н. Притта «Права человека - 1968 год» 300
Письмо из Эстонии академику А. Д. Сахарову . . 301
Из письма писателя Р. 307
Письмо лауреата Нобелевской премии мира 1958 г. Доменика Пира академику А. Д. Сахарову . . 308

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ СОБЫТИЙ В ЧЕХОСЛОВАКИИ И ВОКРУГ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Была ли угроза военного вмешательства НАТО в Чехословакии? 310
О действительных размерах и опасности внутренней контрреволюции в Чехословакии . . . 312
Советская печать о событиях в Чехословакии . . 323
Советская армия в Чехословакии 330
Некоторые предварительные итоги 335
О некоторых вопросах теории 341
О причинах вступления войск Варшавского Договора в ЧССР 348
О некоторых исторических аналогиях 349

ИЗ ИСТОРИИ

События в Польше в октябре 1956 года и отклики в Москве 353

50. НОЯБРЬ 1968

ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ МЕСЯЦА

Прекращение бомбардировок Северного Вьетнаме . 365
Восстановление в партии Беловой 367
Выход писателя А. Костерина из рядов КПСС . . 367
Переговоры между КПСС И ФКП 369
Доклад К. Т. Мазурова 369
Избрание Р. Никсона президентом США . . . 370

Похороны писателя А. Костерина 371
Реорганизация МООП в МВД 372
Разбор аппеляций в КПК при ЦК КПСС . . . 372
Подготовительная комиссия международного Совещания компартий 373
О выборах в Академию наук СССР 373
Программная декларация Венгерской ребочей партии 374
Программное заявление Испанской коммунистической партии 379

К СОБЫТИЯМ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Статья в «Руде право» о лозунге рабочей политики 382
Вечер писателей в ЦДЛ 385
Из газеты «Непсабадшаг» 385
О некоторых статьях «Правды» 387
В Союзе писателей Чехословакии 390
Заявление актива чешских писателей 390
51-я годовщина Октября в ЧССР 394
Л. И. Брежнев и В. Гомулка о событиях в Чехословакии 395
Еще одна статья Ю. Жукова в «Правде» . . . 396
О пленуме ЦК КПЧ 399
О резолюции пленума ЦК КПЧ 400
Интервью Э. Лебла в газете «Монд» 404
Улучшение отношений между СССР и Румынией . 405
Увеличение контактов с чехословацкими деятелями 405
Студенческая забастовка в Праге 406
Чехословацкие ученые критикуют советскую «Белую книгу» 410

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

«Красная звезда» о повести В. Быкова «Атака с ходу» 421
«Огонек» о журнале «Творчество» 421
О некоторых литературных премиях 422
О журнале «Молодая гвардия» 422
«Огонек» выступает против «Нового мира» . . . 424
Из статьи В. Чалмаева «Неизбежность» 426
Об очерке Е. Микулиной «Жизнь, как она есть» . 428

Полемика между «Комсомольской правдой» и «Огоньком» 434
«Новый мир» № 9. Статья В. Я. Лакшина «Посев и жатва» 435
Критик Ф. Чапчахов о статье В. Чалмаева «Неизбежность» 453

О НЕКОТОРЫХ КНИГАХ, ПИСЬМАХ, СТАТЬЯХ И РУКОПИСЯХ

О романе Л. Мнячко «Вкус власти» 456
Из статьи Е. Драбкиной «На другой день после революции» 460
Об «Информациях» представителей крымско-татарского народа 461
Письмо литератора Л. Копелева чехословацкому литератору Кундера 462
О книге Р. Конквеста «Великий террор» . . . 464
«Особые сообщения» И. Ганзелки и М. Зикмунда . 470
Энциклопедия об Октябрьской революции . . . 477
О статье И. Свитака «Сциентизм и марксизм» . . 478

О ПРОБЛЕМАХ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Народное образование в СССР и США. Сравнение расходов и системы 485
О приеме в вузы в 1968 году 488
О приближении революции в методиках преподавания 490
Выписки из книги Марцинкевича 491
(Об отсеве и трудоустройстве молодежи)

ЗАМЕТКИ НА ФИЛОСОФСКИЕ ТЕМЫ. СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК И ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИИ И ВЕРЫ

Американский психолог Э. Фромм о религии . . 500
Альберт Эйнштейн и религия 505
Философское кредо американского ученого К. Дж. Дюкасса 506
Из статьи Ф. Ж. Кюри «Размышления о гуманизме науки» 506
Разговор с философом М 508
Коммунизм и религия. Конспект статьи Р. Гароди

«Как воздвигнуть град человеческий» 512
Кризис современного христианства (Из статьи «Церковь без бога») 515
О личном бессмертии. Открытое письмо Льва Озерова Илье Сельвинскому 1966 г. 518
Наука и религия (Из статьи Чарльза Таунса) . . 523
Из статьи Дж. Хаксли «Ключ к будущему - гуманизм» 525
О сущности религии. Коммунисты и религия. Из выступления философа Г. Померанца на дискуссии в Ин-те народов Азии 529

54. МАРТ 1969

Вооруженные столконовения на советско-китайской границе 542
Совещание стран - участников Варшавского Договора 543
Первое крупное решение Р. Никсона 544
Съезд Союза Коммунистов Югославии 545
Об одной стенгазете 545
Доклад В. И. Гантмана о международном положении 546
Гибель озимых на юге 548

О ПОЛОЖЕНИИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Статья В. Биляка 549
В Союзе писателей ЧССР 549
Й. Гендрих 550
Анкета среди молодежи 550
Еще одно самосожжение в Чехословакии . . . 550
Статья в газете «Вечерняя Прага» 551
Из речи Штроугала 552
Статья в «Литературной газете» о О. Шике . . . 552
Провокационная публикация в «Советской России» 553
Еще о позиции бельгийской компартии 554
О позиции мексиканской компартии 555
Газета «Зправа» продолжает издаваться в Чехословакии 555
Чехословакия и «культурная революция» в Китае 557
Обзор первых номеров журнала «Политика» . . 559

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

О повести Н. Воронова «Юность в Железнодольске» 564
Совещание по военно-патриотической литературе 565
Общемосковское собрание писателей 566
О новых главах романа М. Шолохова «Они сражались за Родину» 566

О НЕКОТОРЫХ ПИСЬМАХ, СТАТЬЯХ И РУКОПИСЯХ

Выступление академика П. Л. Капицы за заседании Президиума АН СССР 574
К вопросу об убийстве С. М. Кирова. Публикация в «Леттр Нувелл» 578
Письмо П. Якира в журнал «Коммунист» . . . 584
Статья Э. Генри «Поражение правой социал-демократии в «третьем мире» 595
Выписки из книги А. Лука «О чувстве юмора и остроумии» (1969 г.) 597
Роман Ф. Шахмагомова « «Меркурий» против «Скорпиона» » 602
А. Бирман о противниках хозяйственной реформы 604

ИЗ ИСТОРИИ

Н. Чернышевский о бюрократической машине царизма 611
О количестве советских военнопленных . . . 611
О репрессиях в НКВД 612
Ленин и анархисты 613
О судьбе Бетала Калмыкова 613
Политические деятели Запада о процессах 30-х годов 614
О В. Пастернаке 614
Поль Робсон и Ицик Фефер 619
О В. М. Бехтереве 620
Аресты после войны 621

64. ЯНВАРЬ 1970

О СОБЫТИЯХ ПРОШЕДШЕГО МЕСЯЦА

Новогоднее интервью Г. Гусака 623

Переименование г. Луганска 625
Письмо группы видных интеллигентов в ЦК КПСС 626
Неприглядная история с тезисами ЦК КПСС . . 630
Новый Пленум ЦК КПЧ и новые перемены в Чехословакии 633

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

Премия С. В. Смирнову 634
Записки Л. Гинзбурга 635
Об одной басне С. Михалкова 636
Из «Нового мира» (№ 11, 1969 г.) 638
Человек будущего общества 638
Д. Писарев о революции 639
О формах протеста 640
Цель и средство 640

НАЦИОНАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Национализм на Балканах 641
Из книги Л. Снайдера «Новый национализм» . . 643
Из книги Р. Лаффона «Франция» 645
Немного статистики 646

О НЕКОТОРЫХ КНИГАХ, СТАТЬЯХ И РУКОПИСЯХ

О рукописи А. Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» 647
О рукописи под названием «Время не ждет» . . 663

ЗАМЕТКИ НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ. ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

О некоторых итогах хозяйственной реформы в СССР 677
О состоянии животноводства в СССР в 1966-1969 гг. 689

75. ДЕКАБРЬ 1970

О НЕКОТОРЫХ СОБЫТИЯХ МЕСЯЦА

Осуждение линии журнала «Молодая гвардия» . . 702

К присуждению Солженицыну Нобелевской премии 702
Банкет в Стокгольме 703
Статья в «Правде» 704
Мемуары Н. С. Хрущева 704
Советско-китайское соглашение 705
Договор между ПНР и ФРГ 705
Комитет прав человека 706
О событиях в Польше 706
Судебный процесс в Ленинграде 709

О НЕКОТОРЫХ ПИСЬМАХ, СТАТЬЯХ И РУКОПИСЯХ

Статья С. Семанова в журнале «Молодая гвардия» 711
Статья Р. Б. Лерт «Трактат о прелестях кнута» . . 713

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ ПО ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ В СССР И ПО ВОПРОСУ О СИОНИЗМЕ

Из статьи А. Арановича «Ближнее и дальнее» (заметки о еврейском вопросе в СССР) 738
Из интервью короля Саудовской Аравии Фейсала 801
Из статьи Геббельса «Евреи виноваты» (16 ноября 1941 г.) 801
Из статьи Роберта Лея «Отвратительное лицо большевизма» 12 августа 1941 г. 803
Почему многие советские евреи стремятся выехать в Израиль 803
Две характеристики 805
Документ из канцелярии М. В. Келдыша . . . 806

О МЕЖДУНАРОДНОМ КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

Список сокращений 817
Именной указатель 821

ROSSEELS PRINTING C.
TEL (016) 23 60 01
PRINTED IN BELGIUM

Андрей Амальрик: *Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?* Амстердам 1969. 2е изд. 1970. 71 стр.

Программа Демократического движения Советского Союза. Амстердам 1970. 2е изд. 1970. 76 стр.

Андрей Амальрик: *Пьесы.* Амстердам 1970. 287 стр.

Процесс Четырех. Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой. Составление и комментарии Павла Литвинова. Амстердам 1971. Серия «Библиотека Самиздата» № 1. 634 стр.

Андрей Амальрик: *Статьи и письма* 1967-1970. Амстердам 1971. Серия «Библиотека Самиздата» № 2. 100 стр.

Юлий Даниэль: *Стихи из неволи.* Амстердам 1971. Серия «Библиотека Самиздата» № 3. 94 стр.

Рой Медведев: *Книга о социалистической демократии.* Амстердам-Париж 1972. 402 стр.

Политический дневник 1964-1970. Амстердам 1972. 840 стр.

Мысли сумасшедшего. Избранные письма и выступления Петра Григорьевича Григоренко. Амстердам 1973. Серия «Библиотека Самиздата» № 4. 335 стр.

Осип Черный: *Книга судеб.* Амстердам 1974. 342 стр.

Татьяна Ходорович: *История болезни Леонида Илюща.* Амстердам 1974. Серия «Библиотека Самиздата» № 5. 208 стр.

Ташкентский процесс. Суд над десятью представителями крымскотатарского народа (1 июля - 5 августа 1969 г.). Сборник документов. Амстердам 1975.

Альманах самиздата. Неподцензурная мысль в СССР. № 1. Амстердам 1974. 116 стр.